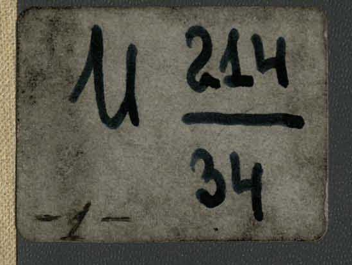

И
214
34
-1-

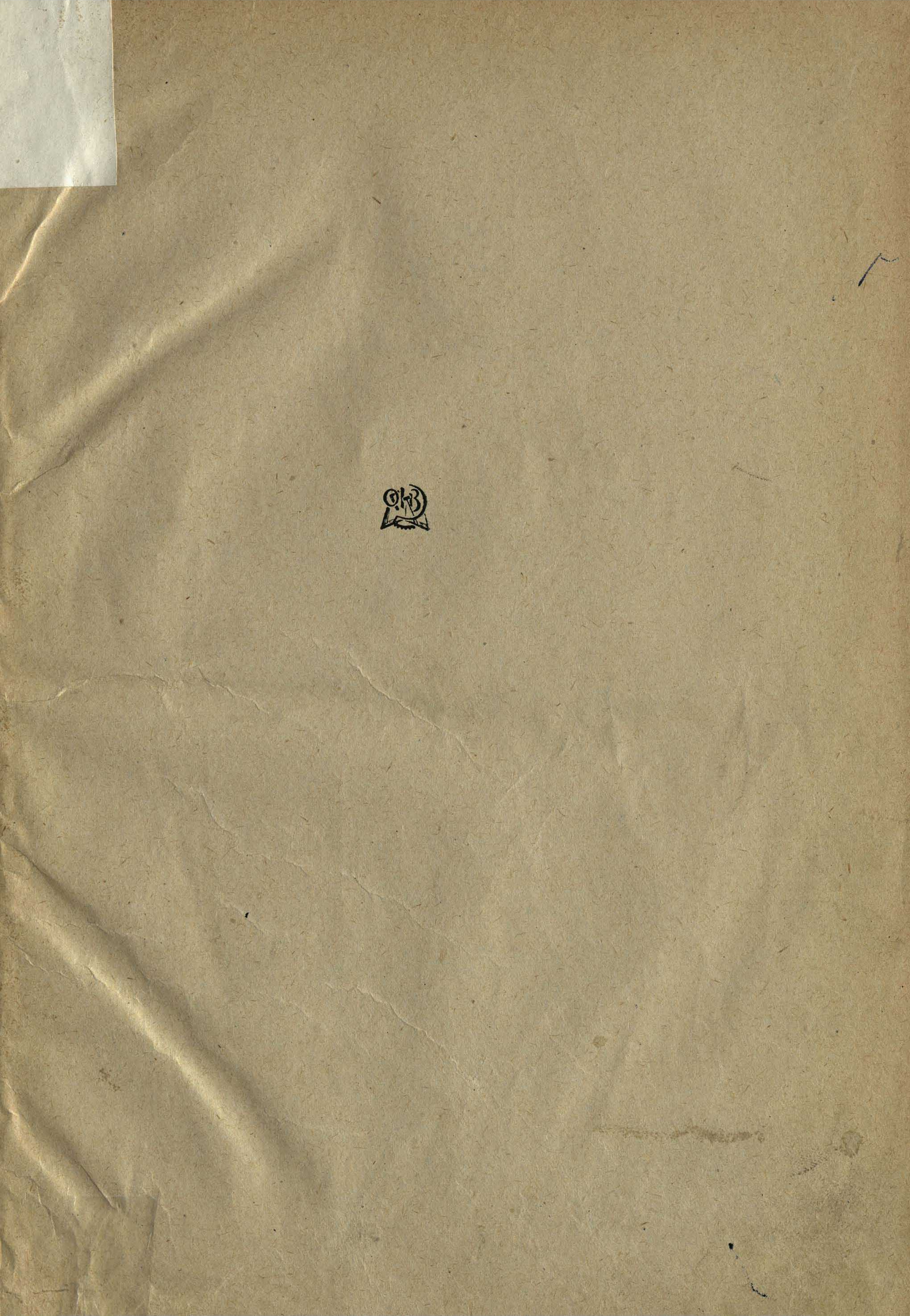
Б. А. ТУРАЕВ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА



ОГИЗ · СОЦЭКГИЗ





1 3

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	197 г.
		Т1				м	520/15	95



Б. А. ТУРАЕВ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. В. СТРУВЕ и И. Л. СНЕГИРЕВА

ТОМ I



ОГИЗ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Ленинградское Отделение
1935

Книга является подробным курсом по истории Древнего Востока и охватывает материалы древнейших обществ Египта, Вавилонии, Ассирии, Палестины, Сирии, Малой Азии и Ирана. Книга снабжена большим количеством переводов с оригиналов различных литературных памятников и письменных документов социально-экономического характера, рисующих нам различные стороны жизни древне-восточных обществ. Предисловие акад. В. В. Струве и И. Л. Снегирева посвящено определению значения работы акад. Б. А. Тураева в развитии исторического изучения народов Древнего Востока и характеристике социально-экономической формации Древнего Востока.

Книга рассчитана на учащихся старших курсов вузов и преподавателей.





ПРЕДИСЛОВИЕ

Переиздаваемый Ленсоцэкгизом капитальный труд покойного академика Б. А. Тураева, обнимающий 5 тысячелетий истории культуры человечества, был напечатан в 1913 г. студенческим издательским комитетом при историко-филологическом факультете тогдашнего Петербургского университета. В 1917 г. Б. А. Тураев пополнил свою «Историю Древнего Востока» рядом вставок и между прочим написал новую главу об истории Персии эпохи Сасанидов. В 1923 г. издательство Брокгауз-Эфрон решило опубликовать этот дополненный труд Б. А. Тураева и попросило Н. Д. Флиттнер и В. В. Струве быть редакторами его. В 1924 г. появился первый том этого издания под названием «Классический Восток», обнимавший введение и историю Вавилонии до XVI в. Последующие тома не могли появиться в виду ликвидации издательства Брокгауз-Эфрон. Сданный в печать второй том «Классического Востока» с дополнениями Н. Д. Флиттнер при этом затерялся.

Данное издание, предпринятое Ленсоцэкгизом, появится под старым названием, которое выбрал для своего труда Б. А. Тураев — «История Древнего Востока». В виду краткости срока подготовки переиздания мы решили ограничиться лишь самыми существенными добавлениями и исправлениями. В первый том издания входят первый том «Классического Востока» и вторая часть первого тома «Истории Древнего Востока», изд. 1913 г., посвященная истории Египта до исхода Нового царства. Второй том нового издания соответствует второму тому издания 1913 г., расширенному в 1917 г. дополнениями Б. А. Тураева.

«История Древнего Востока» Б. А. Тураева среди прочих соответствующих трудов является до сих пор непревзойденной по своему широкому охвату как в отношении пространства, так и в отношении времени. «История Древнего Востока» по мысли автора охватывала в пространстве мир, простирающийся «от Кавказского хребта и Средней Азии до Персидского залива, Южной Аравии, страны африканских озер, от рубежа Ирана и Индии до Геракловых столпов». Во времени «История Древнего Востока» обнимала период, начиная с образования первых классовых обществ за пять тысячелетий до нашей эры.

Б. А. Тураев выполнил полностью эту программу своего труда, объявленную им в введении. Он дал не только историю главнейших обществ Древнего Востока, как вавилонского, так и египетского, но включил в свое изложение и историю всех прочих древних обществ Передней Азии и северо-восточной Африки. Труд Б. А. Тураева в этом отношении является не только более исчерпывающим, чем «Древняя история народов Классического Востока» Г. Масперо, но превосходит даже соответствующую часть грандиозного труда Эд. Мейера «История древнего мира», посвященную истории древне-восточных обществ. Правда, может быть, смерть помешала Эд. Мейеру переработать в более полном виде историю древнейшего периода классового бытия человечества. Последняя часть второго издания его «Истории древнего мира» — вторая половина второго тома, появившаяся уже после смерти его в 1931 г. — обнимает собой историю Востока лишь с XII до середины VIII в. Но каков бы ни был охват нового издания «Истории древнего мира», доведенного до конца Эд. Мейером, перед нами на данный момент тот факт, что «История Древнего Востока» является пока единственным трудом, написанным одним автором, который довел историю Вавилонии, Сирии, Палестины, Ирана, Египта, Карфагена, Нубии, Аксума вплоть до позднейшего эллинизма.

Вполне понятно, что столь всеобъемлющий труд был создан лишь в конце жизни Б. А., в качестве итога всей его предшествующей напряженной научной работы. Многочисленные издания древне-восточных памятников и текстов русских и иностранных музеев, специальные исследования, крупные монографии, диссертации, университетские курсы и даже такой момументальный труд, как «Египетская литература», являлись лишь отдельными архитектурными частями того величественного исторического построения, которое объединило в себе развитие всех древне-восточных обществ.

В качестве особой заслуги Б. А. Тураева, как историка, надо отметить, что он с одинаковым вниманием и интересом отнесся ко всем разнообразным обществам, которые подлежали его обзору и оценке. Хотя он, подобно большинству историков Древнего Востока, по своей специальности был египтологом, он с равной объективностью рассматривал наравне с культурой Египта и культуру Вавилонии. В этом отношении Б. А. стоит неизмеримо выше, нежели Эд. Мейер, который также, как известно, был египтологом. Последний, в своем пристрастии к Египту, обратился со всем ожесточением против теории панвавилонизма, стремившейся выводить всю культуру человечества из одного центра — Вавилонии. Эд. Мейер, опираясь на труды ассириолога и астронома патера Куглера, выступил против перегибов панвавилонской школы. В вопросе же о древности астрального мировоззрения и вообще астрономических достижений Вавилонии в пылу полемики Эд. Мейер и Куглер сами допустили перегиб и пытались доказать, что лишь в халдейскую эпоху (т. е. в I тысячелетии до н. э.) сложилось астральное богословие и создалась астрономия Вавилонии. В борьбе же с панвавилонизмом Эд. Мейер пытался доказать бóльшую древность и вместе с тем бóльшую значимость египетской культуры по сравнению с вавилонской и поэтому в своем изложении он ставит на первое место египетское общество и лишь на второе место вавилонское. Б. А. избегнул этих перегибов Эд. Мейера, несмотря на то, что он в такой же степени четко и опре-

деленно видел все ошибки и заблуждения панвавилонизма. Вот его подлинные слова: «В ряде своих изданий они хотят заставить весь мир, все человечество, не исключая Японии и до-колумбовской Америки, видеть в Вавилоне своего учителя: все мифологии мира они выводят из вавилонского звездочетства; в самой истории Древнего Востока они распоряжаются произвольно, не стесняясь самыми смелыми гипотезами и самыми рискованными построениями. Подвергая полному пересмотру материал, они слишком стараются везде говорить новое и слишком злоупотребляют правом историка заключать о предыдущем на основании более известного последующего. При этом они теряют всякую историческую и лингвистическую перспективу». Вполне осознав таким образом всю порочность панвавилонской теории, Б. А. вместе с тем не отрицал значения вавилонской культуры для древнего Средиземноморья. Отнюдь не настаивая на бо́льшей древности вавилонской культуры перед египетской, он признавал бо́льшую действенность первой перед второй и поэтому он начинал изложение истории Древнего Востока с истории Вавилонии. Мы лично полагаем, что подобное распределение материала при изложении истории Древнего Востока вполне правильно. Если и на данном этапе наших знаний мы не можем твердо и точно установить, какое из обществ — египетское или вавилонское — является более древним, то зато от Вавилонии дошли до нас и судебник Хаммурапи и большое количество хозяйственных документов, рисующих характер общества. Поскольку от Египта такого материала до нас не дошло, то поэтому и придется для истории Египта пользоваться некоторыми умозаключениями по аналогии с вавилонским материалом.

В вопросе о древности астрального мировоззрения Вавилонии Б. А. также избегнул перегибов Куглера и Эд. Мейера. По мнению Б. А. Тураева «то, что уже в клинописи идеограммой бога служит знак звезды, доказывает, что уже в глубокой сумерийской древности этот астральный характер не был чужд представлениям о богах. Затем астрализация божеств проводится последовательно: Мардук был сопоставлен с планетой Юпитером и созвездием Тельца, Набу с Меркурием, Ниниб с Сатурном и звездой Ориона, Нергал — с Марсом, Истар с Венерой, Сириусом и, может быть, созвездием Девы, семь злых духов — с плеядами». Он видел свидетельство о древности астрального богословия и в мифе о мироздании, который хотя и дошел до нас из библиотеки Ассурбанипала, но являлся, очевидно, простым ассирийским переводом мифа. В пятой таблице, как известно, подробно повествуется о сотворении небесных светил, знаков Зодиака и их отношении к 12 месяцам. Все это свидетельствует о больших познаниях вавилонян в области астрономии уже в эпоху первой вавилонской династии. Указывая на повествование пятой таблицей мифа о мироздании, о сотворении небесных светил, знаков Зодиака, Б. А. признавал большую древность некоторых частей вавилонской астрономии. Такую сдержанность по отношению к выводам Куглера уже в 1913 г. надо особо отметить, ибо тогда реакция против Куглера еще не началась. Она началась лишь с 1915 г. со стороны таких ассириологов и астрономов, как Вейднер, Виролло, Унгнад, Фосорингэм, Шнабель и др. Их выводы нашли отражение в капитальном труде одного из крупнейших ассириологов современности Б. Мейсснера, посвященном культуре Вавилонии и Ассирии. Мы имеем здесь следующее суждение о древности астроло-

гического мировоззрения в Вавилонии: «факт, что знание неба и его явлений является в Вавилонии и Ассирии чрезвычайно древним, мы видим уже по одному тому, что богословие всегда было неразрывно связано с астрологическими измышлениями». Поэтому и Б. Мейсснер, как и Б. А. Тураев, излагает вавилонскую религию в тесной связи с астральным мировоззрением. Оба они видят в обозначении бога звездою в вавилонской клинописи доказательство того, что уже в глубокой сумерийской древности астральный характер не был чужд представлениям о богах.

Большой ценностью труда Б. А. Тураева является богатая насыщенность конкретным материалом из различных сторон общественной жизни древне-восточных народов. Мы здесь имеем в виду в первую очередь не фактическую сторону изложения курса, а огромное количество выдержек из первоисточников. Если взять тексты первоисточников, иллюстрирующие курс, то мы получим солидную хрестоматию по истории народов Древнего Востока. Б. А. Тураев обладал энциклопедическими знаниями в своей области, что относится к владению им и древне-восточными языками. Вследствие этого, в основной своей массе, переводы источников были выполнены им самим, что естественно необычайно повышает ценность этой части труда. В большинстве случаев Б. А. Тураев, базируя свои положения на том или ином источнике, приводит из него пространные выдержки, а весьма часто приводит его с небольшими сокращениями или просто полностью. Эту часть труда нашему читателю надлежит использовать в первую очередь при изучении научного наследства Б. А. Тураева, бывшего первоклассным филологом.

Переходя к методу исторического исследования Б. А. Тураева, следует сразу отметить, что он нас ни в коем случае не может удовлетворить. Б. А. Тураев был весьма далек от марксизма, более того, никогда не выступая в своих работах прямо против принципов марксистского анализа исторических фактов, он тем не менее стоял на диаметрально противоположных позициях, которые являлись целиком идеалистическими.

Прежде всего в отношении определения места и значения древне-восточных обществ в общем процессе исторического развития человечества он, целиком следуя за немецкими и французскими исследователями (Мейер, Масперо и др.), отделил резкой чертой историческое развитие обществ Переднего Востока (Древнего Востока в узком смысле этого термина) от древнейших периодов истории Индии и Дальнего Востока. В результате этого получилось недопустимое отделение и противопоставление исторического развития древнейших обществ Египта, Вавилонии, Ассирии, Персии и т. д. историческому развитию народов Индии и Китая. В то время как первые полноправно вошли, как предшественники античной культуры Средиземноморья, в общее построение всемирной истории, вторые оказались в стороне от нее. Между тем общества Индии и Китая и страны Переднего Востока, на этом этапе исторического развития, характерны одними и теми же социально-экономическими закономерностями и представляют единое целое — одну формацию. Не существовало каких-либо специфических отдельных путей развития обществ Индии и Китая, отличных от развития обществ Египта или Вавилонии. Это чрезвычайно ярко подтверждается и всеми последними археологическими откры-

тиями и указывает на полную ложность наименования «Классический Восток», предложенного французским историком Г. Масперо, который закреплял это противопоставление восточных народов между собою и в исторической терминологии.

Определение социально-экономических закономерностей, характерных для древне-восточных обществ, занимает у Б. А. Тураева второстепенное место. В целом для древне-восточных обществ Б. А. Тураевым устанавливается феодальный строй, что также отражает чрезвычайную зависимость его концепции от исторических построений буржуазных ученых Запада. Им оставляются в тени факты, говорящие о чрезвычайно сильном развитии рабства и его месте в социальной структуре Египта и Вавилонии, и, естественно, в связи с этим отсутствует разбор процессов напряженной классовой борьбы между рабами и рабовладельцами, имевшей место на Древнем Востоке. История Древнего Востока получает у него свое развитие не в процессе борьбы антагонистических классов, а в результате завоеваний и смены одних царских династий другими. Такое крупное событие в истории древне-египетского общества, как социальная революция рабов и общинников, яркую картину которой мы имеем в известном Лейденском папирусе, завершающая процесс классовой борьбы эпохи Среднего царства, остается совершенно неотмеченной и попадает в рубрику неясных «смут», как называет Б. А. Тураев периоды обострения классовой борьбы, — оставляется без должного исторического анализа.

В настоящий момент, после целого ряда исследований, посвященных пересмотру конкретного материала памятников социально-экономической истории Древнего Востока, и давшей большие результаты дискуссии об определении его социально-экономической формации, мы имеем отличное от построений Б. А. Тураева определение социально-экономического строя древне-восточных обществ. Процесс разложения первобытно-коммунистических отношений архаической формации дает нам основные антагонистические классы не феодальной формации, а первое в истории деление общества на два класса — класс рабов и рабовладельцев. Борьба двух этих классов и дает нам с момента образования древне-восточных государств вплоть до конца древне-восточной истории основное противоречие, движущее развитие древне-восточных обществ. Произведенный пересмотр фактического материала с одновременной проработкой высказываний основоположников марксизма по поводу исторического развития обществ Востока целиком опроверг существование извечного феодализма в странах Древнего Востока и троцкистскую теорию о существовании какой-то особой «азиатской» формации.

В действительности социально-экономическая структура обществ Древнего Востока определяется как ранний этап рабовладельческой формации. В отличие от античных обществ Греции и Рима, также принадлежащих к рабовладельческой формации, в обществах Древнего Востока преобладающей формой эксплоатации рабов было крупное рабовладение. Сторонники же «азиатского способа производства» извращали единство и последовательность развития общества в период докапиталистических формаций. Кроме архаической, рабовладельческой и феодальной формаций они утверждали особый, отличный от западных обществ путь социально-экономического развития восточных обществ. Троцкистская концепция

«азиатского способа производства» давала неверное историческое определение классовой структуры в странах современного Востока, смазывала процессы классовой борьбы в них и тем самым являлась контр-революционной по отношению к развитию революционного национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах Востока.

Центр интересов самого Б. А. Тураева лежал не в выяснении социально-экономических основ исторического развития древне-восточных обществ, а в рассмотрении развития духовной культуры Древнего Востока и преимущественно основ его религиозной идеологии. До революции Б. А. Тураев стоял чрезвычайно близко к кругам церковных деятелей (был членом «Поместного Собора Российской церкви» и лектором «Богословского института») и по своему мировоззрению целиком примыкал к ним. Это естественно не могло не отразиться на его подходе к культуре древне-восточных обществ. Он много занимался историей первохристианства, историей коптской и абиссинской церквей. В исследовании духовной культуры различных древне-восточных обществ он прежде всего останавливался на религиозной идеологии. Им тщательно отмечались все элементы развития религиозной идеологии древне-восточных обществ в сторону приближения ее к христианским религиозным верованиям: религиозный синкретизм и зарождение монотеистических идей, характер религиозных представлений, связанных с верой в загробное существование, нормы религиозной этики и т. д. Если не одни эти моменты, то во всяком случае именно они для Б. А. Тураева были основными и решающими при определении высоты культурного развития того или иного конкретного общества Древнего Востока.

Б. А. Тураев не рассматривал древне-восточные религии как уродливый нарост идеологий народов Древнего Востока, находящий себе для данного этапа исторического развития свое закономерное материалистическое объяснение, не вскрывал и для данного периода общественного развития реакционную сущность религии, а наоборот, считал ее прогрессивным моментом в развитии данных обществ. Этим чрезвычайно ярко иллюстрируются слова В. И. Ленина о том, что всякий идеализм есть путь, дорога к поповщине. Б. А. Тураевым этот путь был пройден целиком. Указанная установка Б. А. Тураева пронизывает все построение его труда и это надо постоянно иметь в виду, равно как то, что его интерпретация исторического развития отдельных древне-восточных народов основывается конечно на изначально приписываемых им духовных качествах.

Здесь мы переходим к вопросу о расовой теории, как она нашла свое преломление в труде Б. А. Тураева. Нельзя сказать, что он был ярким приверженцем расовой теории, но несомненно, что она нашла свое значительное отражение в его построениях. Она проявилась у него в первую очередь в двух вопросах: в вопросе классификации древне-восточных языков и трактовке их взаимоотношений между собою, и в менее четкой форме при определении роли миграций на Древнем Востоке. В вопросе классификации языков и народов Древнего Востока Б. А. Тураев придерживался точки зрения так наз. индо-европейской теории буржуазной лингвистики, по которой все наличные языки земного шара делятся на ряд языковых семей, восходящих в свою очередь к искусственно реконструктивному праязыку, а их носители,

естественно, к соответствующему пранароду. Таким образом, отдельные древне-восточные языки не представляли, исходя из этой теории, отдельного исторического этапа единого процесса глоттогонии, а являлись этапом развития одного какого-либо праязыка. Таким образом, например, все семитические народы и языки исторически имели где-то в Аравии свою прародину, пранарод и праязык; более того, к ним присоединились и хамитические народы Северной Африки. Этот неизвестный культурный очаг и дал путем ряда миграционных волн распространение семитических и хамитических племен по территориям долины Двуречья, Сирии, Палестины, Египта и Северной Африки. Но новое диалектико-материалистическое учение о языке академика Н. Я. Марра дает нам резко отличную картину исторического развития языков и, следовательно, принцип их классификации, хотя бы на частном примере древне-восточных языков. Путь единого процесса языкотворчества заключается не в развитии языка от праязыкового единства к множественности, а наоборот, от множественности языков к единству. Близость языков, наличие в них общих закономерностей, которые объединяют известную группу языков в систему (по старой терминологии — семью языков), являются результатом социального схождения их носителей, и каждая языковая система — семья является лишь конкретным историческим этапом — одной из стадий единого процесса языкотворчества. Исходя из этого, древне-египетский язык на новых методологических основаниях определяется как занимающий исторически промежуточное положение между стадиями исторического развития языков хамитической и семитической систем.

Мы отнюдь сейчас не отрицаем исторически бывших миграций отдельных племен и народов Древнего Востока, но мы придаем им иное значение, чем это делается сторонниками индо-европейской теории, точно так же, как и фактам культурного заимствования. В буржуазной исторической науке миграциями чрезвычайно часто объясняются резкие изменения и движения вперед культуры какого-либо общества, особенно на ранних этапах его социально-экономического развития. Миграцией обычно объясняют, например, внезапный расцвет египетской культуры при перерастании доклассового общества в классовое в долине реки Нила. Б. А. Тураев отрицает факт изменения культуры древне-египетского общества в эту эпоху в результате одной внезапной миграции, но вместо этого говорит о длительном проникновении чужеземных племен в Египет и занятии ими всей территории Нильской долины, результатом чего было деление египетского государства на ряд отдельных провинций — номов. В данном конкретном случае он в несколько смягченном виде все же проводит теорию миграций, как фактор, оказавший огромное влияние на развитие египетской культуры. Это будет по существу отрицанием революционного характера перехода от архаической доклассовой формации к классовому обществу, игнорированием имевшихся налицо в доклассовом обществе в момент его разложения внутренних противоречий, разрешаемых революционным взрывом старых общественных отношений и переходом общества к классовой структуре. При признании внешнего фактора—миграции со всеми вытекающими из этого последствиями за фактор, движущий развитие общества, в основу кладется реакционное положение о том, что не все народы по данным своего духовного развития способны к самостоятельному развитию, а потому резкое изменение в прогрессивном культурном развитии того или иного

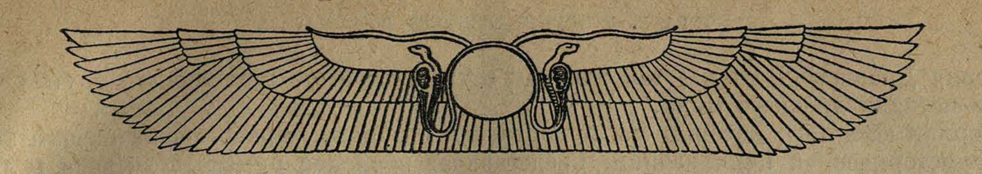
народа возможно лишь под «руководством» (читай при завоевании или порабощении) со стороны соседнего народа, стоящего на более высоком уровне своего социально-экономического развития. Такое понимание миграции является для нас совершенно неприемлемым и служит на современном этапе лишь теоретическим обоснованием империалистической политики господствующих классов капиталистических стран в отношении колониальных и зависимых стран Востока. В этом виде миграционная теория является лишь разновидностью расовой теории фашизма.

В характеристике взаимоотношений природы и общества, влияния естественно-географической среды на развитие древне-восточных обществ, Б. А. Тураев примыкает к группе исследователей, чрезвычайно переоценивающих роль географического фактора в истории (Реклю, Мечников и др.). В изданном первом томе «Классического Востока» Б. А. Тураев прямо ссылается на Мечникова и, следуя за ним, считает области великих речных долин «школами государственности», утверждая этим совершенно ложную теорию, по которой государство является не продуктом непримиримости классовых противоречий, а результатом влияния естественно-географической среды на общество.

Мы здесь смогли остановиться лишь весьма кратко на главных недостатках труда Б. А. Тураева, не оговаривая более мелких вопросов, что потребовало бы значительно больших размеров предисловия.

В. В. Струве, И. Л. Снегирев

Ленинград, 24 июня 1935 г.



ВВЕДЕНИЕ

История Древнего Востока — первая глава истории человечества, история цивилизаций, генетически предшествовавших эллинству и христианству. Необычайный интерес и важность изучения этого периода истории вызвали соревнование народов в отыскании и разработке богатого наследства, оставленного народами Древнего Востока, и в настоящее время энергичные археологические исследования и интенсивная работа над добытым материалом ежедневно обогащают науку новыми открытиями, в несколько десятилетий заново создавшими эту отрасль исторического знания. Еще не забыто то время, когда об этой половине, по времени, истории человечества знали только то, что сохранила нам библия и пересказали, нередко в превратном виде, греческие писатели. Вследствие этого, за отсутствием данных и недостатком научного метода в эпоху априорных логических построений всеобщей истории, ни одному отделу последней не приходилось столько терпеть от этих ненаучных операций, как нашему. Все это изменилось почти на наших глазах. Истекшее столетие заставило говорить камни, испещренные древне-восточными письменами, и открыло как на поверхности земли, так и в недрах ее, литературы и архивы культурных народов, потомки которых не сохранили исторической традиции. Изучение непосредственных свидетелей их исторической жизни рассыпало в прах здания, выстроенные из негодного материала априорных историко-философских теорий, и положило фундамент тому, что со временем будет иметь право называться историей Древнего Востока. В настоящее время это здание воздвигается, и из года в год мы наблюдаем его быстрый рост и расширение, значительно выходящее за пределы предполагавшегося на основании априорных соображений плана. Правда, еще не наступило то время, когда мы будем иметь возможность говорить об истории Древнего Востока так же, как мы говорим теперь о других периодах истории, но и в настоящее время мы располагаем уже многими несомненными выводами, знаем хорошо многие эпохи и можем с большей или меньшей полнотой проследить по современным событиям письменным и вещественным памятникам жизнь культурного человечества больше чем за три тысячелетия до н. э. Само собою понятно, что ряд веков должен был подготовить это развитие.

Такая древняя цивилизация, которая начала собою историю человечества, конечно, оказала могущественное влияние во все стороны и на все эпохи. В настоящее время, под влиянием необыкновенных результатов новых открытий, в науке замечается течение даже слишком переоценить это влияние. Но если мы и не пойдем за крайними представителями этого направления, все же огромное влияние цивилизаций, развившихся в восточном углу средиземноморского мира, на весь примыкающий район и на все протяжение истории, до нашего времени включительно, не может подлежать сомнению. Можно даже спросить, не устарел ли в настоящее время самый термин

1 Тураев. История Древнего Востока—2785

«история Древнего Востока» так же, как и традиционные термины для других отделов истории древнего мира.

Термин «Восток», который мы прилагаем к странам, выработавшим начало всемирно-исторической цивилизации, представляет наследие римского времени и той культурной двойственности, при которой романизованному Западу противополагался эллинистический Восток. Сначала для римлян «Востоком» было все за Иллирией, и это наглядно выразилось в разделении империи. Однако, неоднородность этого «Востока» сознавалась его населением и выражалась между прочим в реакциях против эллинизма. Уже диоклетиано-константиновская префектура «Oriens» обнимает только Египет и передне-азиатские провинции империи с придатком Фракии и второй Мизии; диоцез «Oriens» уже ограничивается только Сирией. Таким образом, наш термин греко-римского происхождения, но для древних классических народов он был скорее географическим, чем культурно-историческим. Для нас дело обстоит иначе. С одной стороны, наша цивилизация захватила район неизмеримо больший, чем классическая, и проникла в страны, для которых области древних цивилизаций отнюдь не могут быть названы восточными, с другой — и древне-восточная культура имела свое распространение на западе и юге и, достигнув блестящего развития в Карфагене, приобщив себе Нумидию, Мавританию и (чрез Египет) тропическую Африку, она тем самым сделала «Древний Восток» условным культурно-историческим термином для обозначения стран древних цивилизаций, возникших к востоку от Греции и непосредственно хронологически и духовно предшествовавших греко-римской.

Археологические изыскания в областях греческой культуры, энергично ведущиеся со времен Шлимана и в наше время увенчавшиеся такими неожиданными результатами на острове Крите, доказали, что за много веков до 1-й Олимпиады и даже до «Троянской войны» здесь процветала богатая культура, близко примыкавшая к древне-восточным и находившаяся с ними в постоянном взаимообщении. Вместе с тем почти доказано, что и древнейший культурный народ Италии — этруски, оказавшие такое могущественное влияние на Рим, — восточного происхождения. Таким образом, история Древнего Востока начинает превращаться в древний период истории средиземноморской культурной области. Но можно пойти еще дальше и предложить вопрос, в каком отношении к «Древнему Востоку» находятся те области, которые являются «Востоком» для нас и которые также обладают древней цивилизацией? Можем ли мы назвать этот древний период истории средиземноморской культурной области древне-восточным по месту происхождения цивилизации, и если да, то в каком смысле? Имели ли Древний и Дальний Восток общий корень культуры, или их цивилизации возникли независимо и потекли по параллельным руслам? Наука пока не дает ответа на этот вопрос [лишь в смысле полноты освещения]. Китайская и вавилонская, даже древне-американская культуры имеют немало аналогий; посредственные сношения между ними могли существовать, но сведения об этом еще слишком несовершенны. [Чрезвычайно интересны в этом отношении последние раскопки древнейших культур Индии и Китая. На основании этих раскопок в настоящий момент уже можно твердо говорить о чрезвычайно близком социально-экономическом развитии обществ древнейшего Китая и Индии и Передней Азии. Совершенно несомненно, что общества древнейшей Индии вели довольно оживленный обмен с районами Иранского плоскогорья и южной частью долины рек Тигра и Евфрата]. Поэтому нашему рассмотрению будут подлежать исторические судьбы народов, среди которых элементы этой цивилизации возникли [наиболее рано], т. е. египтян, древнейших обитателей Сеннаара, затем семитов Вавилонии и Ассирии. Далее следуют народы, культура которых менее самостоятельна и находится в большей или меньшей зависимости от двух предшествующих, а именно: а) семиты Сирии, Аравии и Финикии, пересадившей семитическое население и восточную культуру на Дальний Запад; б) племена «алародийской» или «яфетической» расы, которая, занимая северные

области древне-восточного мира, распадалась на отдельные народности: хеттов, митанни, халдов; в) эламиты, народ не семитический и не арийский; г) негро-нубийское население мероитского царства; и, наконец, д) древнейшие представители арио-европейского элемента — [господствующий слой населения хеттского и митаннийского царств в эпохи Амарнского и Богазкеойского архивов, и] особенно мидяне и персы, которым принадлежит завершение дела объединения большей части древне-восточного мира в одну правильно организованную империю. Культуры эгейская, а также этрусская не войдут в нашу схему в виду их связи с создавшимися на их основе эллинской и римской цивилизациями, составляющими предмет изучения других частей исторической науки. Таким образом, географический район, подлежащий нашему историческому изучению, простирается от Кавказского хребта и Средней Азии до Персидского залива, Южной Аравии, страны африканских озер, от рубежа Ирана и Индии до Геракловых столпов.

На вопрос о хронологических пределах истории Древнего Востока давались различные ответы. Одни полагают, что она оканчивается там, где культурное первенство переходит к грекам, т. е. на времени развития эллинской цивилизации, совпавшем с эпохой после столкновения эллинского мира с объединенным восточным в лице персидской монархии и с началом того времени, когда судьбы Востока и Запада тесно сплетаются и Восток начинает наводняться греками, предвестниками эллинизма. Но рассматриваемая сама в себе, история восточных стран и после персидского завоевания обнаруживает тот же характер и те же явления, что и до него: национальные культуры продолжают не только жить, но и развиваться, политическая жизнь не умерла и нередко возрождается. Гранью, которая оставила более заметные следы в их судьбах и начала новую эпоху в их истории, были завоевания Александра Великого и планомерное распространение эллинизма, превратившие Восток из Древнего в эллинистический. Но и этот переворот, усилив на почве древней культуры новые элементы, не уничтожил этой самой культуры: она и под господством классических народов продолжала жить и даже оказывать могущественное влияние на западный мир. Народы Древнего Востока большею частью рано приняли христианство, но и здесь они не вполне разорвали со своим прошлым, которое напоминает о себе то в суевериях, то в направлении литературы, то в характере богословского мышления, начиная с гностицизма. Мусульманское завоевание, переход множества потомков носителей древне-восточных цивилизаций в ислам, господство арабской культуры, наконец, совершенное забвение туземных языков и культурное отчуждение от западного мира обусловили то, что древне-восточные цивилизации были окончательно потеряны для историка, так как пережитки их представляют уже интерес скорее для этнолога и языковеда. Таким образом, арабское завоевание было окончательной предельной гранью Древнего Востока, но и христианизация последнего может также считаться концом его, так как новая религия не могла не внести существенных изменений в жизнь и миросозерцание народов, для которых религия была главным и основным элементом культуры. Отсюда в науке различаются Восток Древний, христианский и мусульманский; Древний с недавнего времени, по почину Масперо, весьма удачно стали называть классическим.

Представители рас, создавших древне-восточную культуру, не сохранили исторической традиции, за исключением одних евреев, которые обязаны этим сохранению своей религии. Прочие народы, менявшие большею частью несколько раз религию, не помнят своего древне-восточного прошлого, не исключая даже персов, удержавших из своего до-сасанидского времени только имя Дария. Это еще раз доказывает, что история Древнего Востока представляет единственный пример совершенно законченной исторической жизни народов, большею частью окончательно сошедших с исторической сцены. Этого мы не имеем в истории классических народов, которые продолжают жить в своих потомках, говорящих на языках, непосредственно восходящих к классическим, и в тех многочисленных наследиях их культуры, которые

до сих пор господствуют. Между тем, напр., уже за тысячу лет до н. э. древние египтяне говорили на языке, который находился к языку Древнего царства в таком же отношении, как итальянский к латинскому; язык времени христианства, т. е. коптский, находится в таком же отношении уже к этому, так наз. ново-египетскому; наконец, сам коптский к XVII в. окончательно вымер, и в настоящее время только церковная служба у немногочисленных оставшихся христианами потомков древних египтян, совершаемая на коптском языке и большею частью непонятная даже для самих священников, представляет единственный остаток на берегах Нила языка великого культурного народа, языка богатой литературы, процветавшей в течение нескольких тысячелетий. От великих культур азиатского Двуречья не уцелело и этого остатка.

Представляя вполне законченное целое, история Древнего Востока должна иметь особенный интерес для исследователей. На ней удобнее, чем на какой-либо другой, можно проследить ход исторических процессов, действие сил и факторов, создающих исторические явления. К сожалению, в настоящее время наша молодая наука еще не в состоянии дать ответа на все запросы этого рода. Источники наши, изучение которых еще не пережило своего первого столетия, несмотря на свою подавляющую многочисленность, все еще недостаточны для периода в несколько тысячелетий, и при этом во многих случаях они дают нам только показную сторону жизни народа, скрывая обыденную, давая не столько историю, сколько ее остов. Мы должны вообще признаться, что Древний Восток еще не имеет такой истории, какая может быть написана для древних классических народов; иногда периоды в десятки, а то и сотни лет нам известны по каким-нибудь случайным упоминаниям, нередко позднейшим и спорным. Но к этой области поговорка: «dies diem docet» особенно приложима, и открытия, снабжающие историка драгоценнейшим материалом, который приводит к капитальным, нередко самым неожиданным выводам, делаются часто, и все более и более раскрывают нам различные стороны жизни и культуры, суживая проблемы и освещая темные пункты в наших сведениях. Таким образом, интересоваться движением разработки древне-восточной истории, следить за ее движением — долг всякого историка; к ней не может относиться безразлично и всякий образованный человек как к первому периоду своей истории, тем более, что элементы культуры, выработанные в этом периоде, вошли в общий обиход и надолго сделались достоянием всего исторического мира. Древне-восточная математика и медицина послужили сначала для греческих философов, потом для александрийских ученых, а наконец, чрез арабов, распространились по средневековой Европе. Вавилонская система мер и весов господствовала во всем мире до введения метрической, и до недавнего времени оставляла следы в русской метрологии. То, что наши алфавиты восходят к Древнему Востоку, известно каждому. Несомненно влияние восточной (особенно египетской) государственности сначала на эллинистические монархии, а затем на Рим, Византию и т. д. В Египте — корни европейского искусства; он впервые дал тип пропорционированной человеческой фигуры и создал стиль, в котором многообразие жизни подчинено единому представлению. Библия за много веков до греков (Псевдо-Аристотеля) провозгласила идею единства человечества и создала даже хронологическую схему для этой всемирно-исторической концепции, послужившей затем исходным пунктом дальнейшего развития у византийских и других христианских хронографов и историков. Общим местом представляется всемирное значение древне-восточных религиозных представлений. Большинство ученых не отрицает их влияния на греческую религию, всем известно широкое распространение египетских и других древне-восточных культов, не исключая иудейства начиная с последних времен римской республики. Наконец, в лице христианства Древний Восток духовно покорил Запад, подчинивший его оружием.

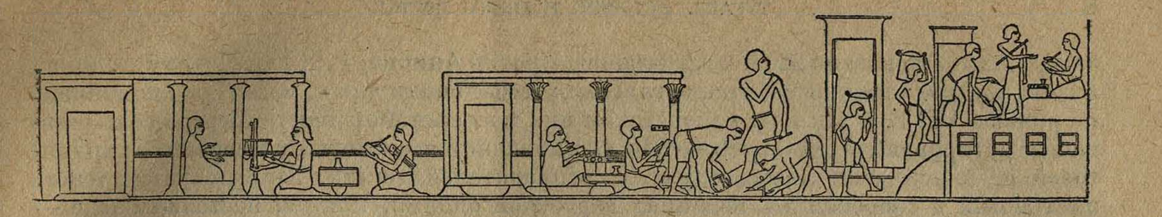
Если, таким образом, до сих пор Европа многим пользуется из того, что выработано на Востоке несколько тысячелетий тому назад, то наше отечество находится с ним

в еще более близких связях. Я уже говорил о наших [до метрических] мерах и нашем алфавите, более близком к своему первоисточнику. Кроме этого, у нас были и литературные связи. Влияние византийской культуры на нашу сблизило нас духовно с другими потомками великих древне-восточных культур, ведь и сама Византия покоится не на одной Греции и даже не на одном эллинизме. Восточная империя переварила в себе богатое культурное наследство, полученное из разных источников и от разных народов, вошедших в ее состав, и уже в таком виде передавала его дальше подчинившимся ее культуре народам. Вот почему одни и те же литературные памятники так часто оказываются и в славянском, и в коптском, эфиопском, армянском, сирийском облике, вот почему церковную живопись коптов можно принять по ошибке за старые русские иконы, а произведения песнопевцев греческой и русской церкви по манере, стилю и тону напоминают не Гомера и Пиндара, а древне-вавилонские и египетские гимны. Но и роль Древнего Востока в истории нашей культуры значительна. Наша равнина, находясь в ближайшей географической связи с иранским миром и, чрез Черное море — с Малой Азией, была в тесном культурном общении с «алародийским» или «хеттским» и иранским культурными мирами уже, вероятно, во II тысячелетии до н. э., Средняя Азия составляла часть древне-персидского царства, а Закавказье входило в состав Ванского царства, могущественного соперника ассирийской державы. До сих пор в районе Эривани находят клинообразные надписи — памятники этого царства, культура которого находилась в близком общении с ассиро-вавилонской. На Кавказе действительно попадаются туземные произведения, выдающие несомненное ассирийское и ванское влияние; последнее можно проследить до Приднепровья. В эпоху владычества скифов (с VII в.) принесенная ими иранская культура, отложившись на алародийском слое, сообщила свой основной тон государственности, религии, быту. В эпоху эллинизма наш юг стал получать чрез Александрию произведения египетского и египтизирующего искусства. Самые центры ассиро-вавилонской культуры — Ниневия и даже Вавилон — находились в ничтожном расстоянии от нашей границы, и тем самым напоминали нам, что интерес к изучению Древнего Востока должен быть у нас более жив, чем в Западной Европе, а изучение великого прошлого наших окраин — наш долг и пред ними и пред наукой. Нами сделано в этом отношении слишком мало не только в смысле ученых и археологических изысканий, но даже в деле простого собирания памятников и спасения их от исчезновения, между тем как музеи Берлина и Лондона богаты не только предметами египетской и вавилонской культуры, но даже памятниками, вывезенными из Закавказья. Не относясь с должным рвением и интересом к тому, что находилось у нас дома, мы уже совершенно пренебрегали тем, что находится за пределами. Русский ученый, посвятивший себя исследованию судеб древне-восточного мира, был поставлен в условия менее благоприятные, сравнительно с теми, в каких находятся ученые в Западной Европе, где уже успели сознать важность изучения Востока не только с чисто-научной, но и с политической стороны, благодаря чему у европейского ученого образовались под руками прекрасные коллекции рукописей, надписей и вещественных памятников, постоянно пополняемые результатами новых экспедиций, щедро субсидируемых правительствами и самим обществом. Наличность почти в каждом университете восточных кафедр обусловливает приобретение для ученой работы новых сил, а близость и доступность как периодических, так и дорогих монументальных изданий облегчает знакомство с новым материалом. Отрадным предвестником более благоприятного будущего для изучения Древнего Востока у нас было приобретение весной 1909 г. в государственную собственность для Московского музея изящных искусств первоклассной коллекции В. С. Голенищева. Этим просвещенным актом сохранен был для России и будущих русских исследователей богатейший научный материал, и Москва была приравнена к центрам, обладающим крупными собраниями египетских и других древне-восточных памятников. Во время последней войны мы добились путем раскопок некоторых крупных научных успехов и на Кавказском фронте,

когда русские войска стали проникать в области Ассирии и Персии и в их руках были Бехистунская скала и течение реки Диалы. В виду этого, изучение Древнего Востока можно считать задачей, важность которой для нашей науки уже осознана. Мы, ее представители, возлагаем особенные надежды на основанную в 1919 г. в Петрограде Академию истории материальной культуры, задачи которой не ограничиваются исследованием России в археологическом отношении, но в числе разрядов коей имеются и изучающие Древний Восток в археологическом и историко-художественном отношении.

Источники занимающего нас периода истории разбросаны по множеству разных изданий, большею частью мало доступных; изданы они далеко не всегда безупречно, весьма часто сами дошли в обезображенном и крайне поврежденном виде. При этом ученому приходится работать под постоянной мыслью, что, быть может, в это время найден или даже разрабатывается, а то уже и напечатан новый памятник, делающий его выводы в лучшем случае неполными, а в худшем — устарелыми или совсем ошибочными. Последнее обстоятельство заставляет как ученых, так и их читателей относиться крайне осторожно к общим выводам, широким обобщениям и красивым гипотезам в области древне-восточной истории. Едва ли может итти речь об общих характеристиках культур (напр., о пресловутых: неподвижности, теократизме, деспотизме и т. п.), имевших историю в несколько тысячелетий, прошедших несомненно различные стадии развития и притом принадлежащих народам самых различных рас. Если и в прошлом столетии на обособленности древне-восточных цивилизаций едва ли можно было настаивать, хотя бы уже в виду ассирийских завоеваний, то в настоящее время новые открытия ее совершенно опровергли, и мы располагаем крупными данными, позволяющими нам видеть в интересующем нас предмете не комплекс бессвязных историй отдельных стран, а действительно первый отдел всемирной истории. Даже для самых первобытных времен истории культурного человечества мы не лишены указаний на связь, существовавшую между его членами, которые до последнего времени казались нам разбросанными и предоставленными самим себе. Отсюда будет понятно то явление, что древне-восточный мир, несмотря на великое разнообразие климатов, рас и условий, представляется единым целым, столь во многих отношениях отличным от греко-римского.





ИСТОЧНИКИ

Единственным туземным источником, обнимающим весь Древний Восток на всем его хронологическом протяжении, можно назвать *библию*. Правда, она представляет литературу незначительного в политическом отношении еврейского народа, но здесь мы находим непрерывную цепь памятников, в которых так или иначе затронуты все древне-восточные страны и народности. При этом в библии мы имеем образцы древне-восточных произведений. В большей или меньшей степени многое применимо здесь и к другим странам и, во всяком случае, дает нам некоторую возможность дополнить и оживить сведения, почерпаемые из памятников этих стран. Как исторический источник, библия представляет высокую ценность: уже давно доказано, что те места ее, где говорится об Египте и Вавилоне, написаны людьми, хорошо осведомленными в жизни этих монархий; новые открытия все больше и больше убеждают, что эти люди были настоящими представителями господствовавшей в их время культуры; их сведения постоянно подтверждаются и выясняются. Однако, даже специально исторические книги ветхого завета не могут быть названы таковыми с нашей точки зрения: это скорее назидательные писания, имевшие целью на примерах истории воспитывать народ в духе религии. Книги пророков современны событиям, кругозор их авторов, нередко и политических вождей своего народа, обнимает весь тогдашний мир; высокая поэзия их и сама по себе имеет прелесть и интерес. Наконец, ветхий завет сохранил нам и правовой кодекс, и сказания о древнейших временах, и памятники дидактической литературы, и произведения не только религиозной, но и светской лирики.

Для нашей цели ветхий завет будет рассматриваться как исторический источник. Скажем здесь только, что приписывание отдельных библейских книг определенным авторам во многих случаях надо понимать не в нашем, а в восточном смысле. Восток не знал литературной собственности; индивидуальность творчества и авторов почти в современном смысле с достаточной ясностью проявляется лишь в книгах пророков.

Скажем несколько слов об истории библейского текста. Греч. τὰ βιβλία есть перевод евр. ha-ssepharim, «Писания», встречающегося впервые в книге пр. Даниила. Первоначально книги были написаны на пергаменте древне-семитическим шрифтом без гласных и без разделения слов. Такой текст легко подвержен искажениям и мог быть понятен только до тех пор, пока его язык оставался живым и разговорным. В последние века пред н. э. евреи утратили свой древний язык, стали говорить по-арамейски и ввели так наз. квадратный шрифт. Книги были переписаны этим шрифтом, и для большей вразумительности их орфография стала улучшаться: сначала ввели в редких случаях обозначение гласных при помощи ближайших к ним по природе согласных, потом стали разделять слова. К концу I века н. э. у евреев

завершился «канон» из 22 (Иосиф Флавий, Против Апиона, 1, 2) или 24 (талмуд) книг, а во II в. было установлено чтение гласных; самые знаки для гласных букв появились не раньше VII в. в так наз. масоретском или массоретском тексте (первая сохранившаяся датированная рукопись — 916 г.); появляется сословие массоретов — хранителей и, в исключительных случаях, исправителей текста. Таким образом, текст, печатаемый в современных изданиях еврейской библии, в своем настоящем виде — довольно позднего происхождения; различные указания убеждают нас, что он идет от единственной рукописи. Благодаря этому, приходится искать источников для текстуальной критики, независимых от массоретского текста. На первом месте здесь надо поставить самарянское пятикнижие, идущее еще с IV в. н. э. и написанное на еврейском языке особым самаританским шрифтом, также без гласных. В нем до 6 тыс. вариантов против массоретского текста. Интересно, что эти варианты сближают в 1600 случаях самарянское пятикнижие с текстом самого раннего перевода всей библии, знаменитого греческого перевода так наз. 70 толковников, восходящего к III в. до н. э. и сделанного постепенно в Египте. Этот единственный в истории пример перевода целой литературы на совершенно чуждый язык, конечно, выполнен не с одинаковой степенью совершенства: в передаче отдельных книг библии замечаются все возможные градации от строгой буквальности (пятикнижие) до крайней вольности (Иов), от изящества и верности до недомыслия; кроме того, некоторые книги настолько расходятся с массоретским текстом, что их перевод указывает на особую редакцию (напр., Иеремия, Притчи), а кн. Даниила даже была признана в христианской церкви переведенной неудовлетворительно. Однако, в общем, это — замечательное произведение человеческого духа, имеющее для нас большую важность не только по своему значению в христианской церкви, но и в качестве источника библейского текста, как древнейший свидетель его полного объема. Первоначально у евреев этот перевод пользовался большим авторитетом и чуть ли не был признан официальным для евреев-эллинистов. Обстоятельства изменились, когда христиане стали им пользоваться для полемики. Иудеи наложили на него запрещение, и для своих целей вызвали к жизни ряд новых переводов на греческом языке: Акилы, Феодотиона, Симмаха и др., появившихся во II и III вв. н. э. Перевод 70 не дошел до нас в подлинном виде. К III в. относится критическая работа Оригена, так наз. гексаплы, имевшая целью в видах исправления перевода и приближения к еврейскому тексту сопоставить в 6 параллельных столбцах еврейский текст в оригинале и транскрипции и тексты четырех греческих переводов. Работа эта в руках неумелых переписчиков еще более запутала дело; благодаря небрежности пользования ею, первоначальный вид перевода 70 еще более затемнился. На рубеже III и IV вв. были сделаны новые попытки исправления текста 70—Лукиана, пресвитера Антиохийского, и Гесихия, одного из египетских епископов. Первая из них получила официальное признание в Антиохии и Константинополе и потому известна лучше других. Для реконструкции первоначального текста 70 необходимы как эти две рецензии, так и сирийский перевод одного из столбцов гексапл, сделанный в 617 г. Павлом, еп. Теллы. Самые гексаплы до нас не дошли. — Древнейшие рукописи В. З. — Ватиканская (IV в.), Синайская (в Лондоне — IV в.), Александрийская (в Лондоне — V в.). В 1902 г. найден в Фаюме еврейский папирус с текстом десяти заповедей и начала 6-й главы Второзакония, написанный во II в. н. э. и свидетельствующий в пользу перевода 70, к которому он ближе, чем к массоретскому тексту. Свидетелями до-массоретского еврейского текста библии могут быть также признаны так наз. «Таргумы» — истолкования его на арамейском языке, разговорном у евреев послепленного периода. «Таргумы» являются менее надежным источником, так как дают не столько переводы, сколько толкования, и притом в целях назидания. До нас дошли «Таргумы», записанные уже в I в. н. э., но на основании древнего устного предания. См. общие курсы «Введения» к В. З., например, Cornill, Einleitung in d. Alte Testament, 1891; Baudissin, Einleitung in die Bücher des Alten

Testamentes, 1901; Юнгеров, Общее историко-критическое введение в свящ. ветхозаветные книги. Казань, 1902; Корсунский, Перевод 70 и его значение. Сергиев посад, 1898.

Другим важным источником, обнимающим весь Древний Восток, хотя и на краткий период времени, являются так наз. *документы из Телль-эль-Амарны*. В 1887 г. египетские феллахи нашли в Среднем Египте, в развалинах эфемерной столицы фараона Аменхотепа IV, ныне арабской деревне Телль-эль-Амарне, государственный архив, перенесенный этим царем из Фив. Было найдено и поступило в Британский и Берлинский музеи и различные частные коллекции 358 документов, начертанных вавилонской клинописью, на вавилонском, частью на туземных языках, и представляющих дипломатические и др. письма царей великих держав того времени (Вавилонской, Ассирийской, Митанни, Хеттов, Кипрской) к фараону, а также донесения князей сирийских, финикийских и палестинских городов (между прочим, из Иерусалима до евреев), находившихся в вассальных отношениях к Египту. Само собой разумеется, что эти памятники имеют такой интерес, которым едва ли могут похвалиться многие из других, дошедших от Древнего Востока. К сожалению, они обнимают лишь немногие годы царствования Аменхотепов III и IV, приблизительно начало XIV в. до н. э. Можно надеяться, что когда-либо будут найдены и другие части египетских государственных архивов. См. подробнее в статьях Соловейчика в Журн. мин. нар. просв. 1896 г. [Некоторые дополнения к истории находки архива см. у A. H. Sayce, The discovery of the Tell-el-Amarna tablets (The Amer. Journ. of Semit. Languages, 1917, стр. 89 и сл.)]. Последнее издание и перевод документов, сделанные на основании нового сличения с оригиналом, принадлежат Knudtzon'у, Die El Amarna Tafeln, в серии Vorderasiatische Bibliothek, 1909—1912.

В настоящее время аналогичные клинописные документы найдены в самой Палестине (письма местных князей — в Телль-Таанек и Лахише) и в Каппадокии, где (в Богазкеое) проф. Винклер открыл огромный, значительно превосходящий Телль-амарнский, *архив хеттского царя*, его переписку с вассалами и царями и, между прочим, клинописный дубликат знаменитого союзного договора между хеттским царем Хаттушилем и фараоном Рамсесом II, известного до тех пор только в иероглифическом египетском облике. Он был заключен после продолжительной войны за преобладание в Сирии на 21-м году царствования египетского царя. В тексте договора делаются ссылки на предшествующие мирные трактаты, заключавшиеся при предках обоих государей. Текст (иероглифический) списывался, переводился и разрабатывался много раз. [Теперь начинают становиться доступными богатые сокровища Богазкеойского архива. Тексты издаются в автографии H. Figulla и др. в серии Keilschrifttexte aus Boghazköi (изд. Deutsche Orientgesellschaft), из которой появились уже 7 вып. Транскрипция текстов печатается в серии Die Boghazköi Texte in Umschrift (также изд. Deutsche Orientges.). E. Forrer выпустил в 1922 г. первые 2 выпуска серии. Комментированные переводы текстов, а также исследования и монографии по поводу вопросов, поставленных издаваемым материалом, печатаются в серии Boghazköi Studien (Leipzig) под редакцией O. Weber'a. Первым выпуском серии было знаменитое исследование Fr. Hrozny, Die Sprache der Hethiter, ihr Bau u. ihre Zugehörigkeit zum indogermanischen Sprachstamm. Ein Entzifferungsversuch, появившееся в 1916 г.]. — Другие договоры дошли до нас уже из Ассирии, напр., — документ о мире между ассирийским царем Асархаддоном и царем Тира Ваалом I, клинописный, сохранившийся, к сожалению, до такой степени плохо, что можно уловить только его общий смысл. В лучшем виде дошел договор царя Ассурнирари с Матиилу арпадским, в нем, между прочим, описываются церемонии, которыми сопровождалось заключение договора.

Сюда примыкают и многие другие подлинные документы, частью международного, частью внутреннего характера, напр., *донесения* ассирийских чиновников и губер-

наторов, как по различным текущим делам, так и по таким крупным вопросам, как, напр., царю Ассурбанипалу — о состоянии Элама и других восточных стран; вероятно, Асархаддону — о Вавилонии, о том же — Саргону II и т. п. Документы этого рода имеют высокую ценность уже потому, что их авторы не старались прикрашивать своих сведений, а, напротив, в их интересах было сообщать одну правду. Стиль — строго деловой без литературных претензий. К сожалению, у них не было привычки выставлять даты, а иногда недостает у документов и адреса. Кроме того, их стиль очень труден для понимания. У нас есть и письма царей, напр., переписка Хаммурапи, царя вавилонского, с Синиддиннамом, управителем Ларсы (касаются внутреннего управления); письма других древне-вавилонских царей из династии Хаммурапи; письмо Умманалдаша эламского к Ассурбанипалу и др. Сюда же можно отнести и такие памятники, как манифест Ассурбанипала к вавилонянам и его же воззвание к обитателям Приморской области; утвержденная грамота брату его Шамашшумукину, его же; знаменитый манифест Кира после покорения Вавилона и т. п.— Из Египта мы имеем также несколько царских писем и большое количество действительных и фиктивных (служивших школьными образцами) деловых бумаг и писем чиновников и частных лиц. Сюда же следует отнести отчет о путешествии египетского посла Унуамона, отправленного во время раздвоения Египта в конце XX династии в Финикию, уже тогда вышедшую из-под египетского владычества, покупать лес для потребностей Карнакского храма. Он рассказывает о своих приключениях у филистимлян, финикиян, на Кипре, при дворах местных князей. Папирус приобретен В. С. Голенищевым, им переведен и издан; в настоящее время хранится в Москве. Другой египетский памятник, повествующий о пребывании в Южной Палестине около XX в. египетского вельможи Синухета, не имеет официального характера и примыкает к категории беллетристических произведений, дошедших до нас в значительном количестве из Египта.

Из дипломатических сношений ассирийского царства вышло даже своеобразное произведение, которое обыкновенно называют *синхронистической историей* Ассирии и Вавилона с XV по IX в. до н. э. Текст этот представляет историческую справку, составленную по поводу договора, заключенного между обеими странами при царе Ададнирари III; ассирийские официальные историографы припомнили все предшествующие сношения военного и мирного характера и договоры и упоминают каждый раз об установлении границ. Все это написано, конечно, с ассирийской точки зрения, а потому здесь обходится неприятное для ассирийской гордости. Во всяком случае, текст имеет для историка весьма важное значение, так как восполняет пробелы вавилонских летописей и дает сведения о том периоде Двуречья, от которого до нас дошло мало других памятников. От древнего, довавилонского, Сеннаара у нас есть другой аналогичный документ, так наз. конус владетеля Ширпурлы (Лагаша) Энтемены: рассказу о своей победе над соседним городом он предпослал краткую историю предшествующих отношений двух городов-соперников.

Исторических трудов в нашем смысле нет, до них не могла подняться древняя восточная историография. *Летописи*, в дошедших до нас памятниках, в редких случаях идут чрез целый период истории, а большею частью ограничиваются одним царствованием. Родина звездоблюстительства, Вавилония, несомненно вела летописи для практических целей — датировок еще в древнейшие времена. Доказательством этому являются два сохранившихся списка годов царствований из древнейшего вавилонского периода с датами по выдающимся событиям мирного или военного характера. Подобные же «даты» приводятся и в относящихся к древнейшему периоду документах, напр.: «год, когда царь Шульги разрушил такой-то город в такой-то раз», или «когда он выдал царевну за князя Аншанского», или «когда царь Пурсин назначил верховного жреца в Эриду» и т. д. Подобное же летосчисление велось в глубокой древности и в Египте, как теперь удалось доказать на основании большой

иероглифической надписи, обломки 2 копий которой хранятся в Палермском и Каирском музеях и в собрании Флиндерса Петри. Это — древнейшие египетские анналы, доходящие до V династии. Здесь годы обозначены цифрами по царствованиям, но в то же время упоминаются и главные события, а также высота Нила. Из Вавилона дошли до нас и настоящие *хроники*. Одна из них, сохранившаяся в жалких обрывках, представляет перечень царей с мифических времен с обозначением продолжительности царствований, рода смерти и мест погребения. Другая, более обстоятельная, имеющаяся в копии от 22-го года царя Дария, идет от вступления на ассирийский престол Тиглатпаласара IV в 3-й год Набонасара вавилонского (745) до царствования Шамашшумукина (688). Это — перечень событий по годам царствований, дающий точные даты не только по годам, но часто по месяцам и дням. Наконец, есть у нас отрывок хорошей подробной летописи о последних днях Вавилона во время нашествия Кира. Вероятно, выдержками из подобных хроник следует считать списки вавилонских царей, доходящие до Ассурбанипала. От более древнего времени сохранился огромный список до-вавилонских династий после потопа. [Этот список теперь почти целиком восстановлен на основании фрагментов различных копий его, найденных преимущественно в Ниппуре]. Он дает и года царствования, но не различает последовательных династий от параллельных. [Недавно был опубликован также и список мифических царей до потопа]. Подобные же списки мы имеем и из Египта. Так, в Турине находится так называемый Туринский царский папирус, содержащий полный список царей с легендарных времен до XVII династии с датами в годах, месяцах и днях. К сожалению, во время перевозки в Европу, он рассыпался на 164 кусочка, которые хотя большею частью и склеены, все же не дают полного текста. В Ассирии роль таких царских списков играли перечни чиновников «limmu», эпонимов, дававших имена годам. Кроме имени того или другого limmu, в этих списках обозначалось еще, где находился в данном году царь. Напр., под 797 г.: «Ассурбелуссур из страны Киррури. Поход в город Мансуаги». Иногда бывали и другие пометки, напр., под 803 г.: «Ассурурниши из земли Арбаха. Поход к морскому берегу. Чума». Если походов не было, писалось «в стране» (т. е. дома). Такие списки имеются у нас 817—723, а также 860—708 (с перерывами). Отрывок списка 708—704 имеет уже характер более обстоятельной летописи, приближающейся к вавилонским хроникам. Зато отрывки текста, дающие списки эпонимов 911—666, представляют перечень одних имен, без всяких исторических прибавок.

Летописи, шедшие непрерывно, были у евреев и у финикиян. Первые впоследствии обработали их в виде известных нам «Книг царств»; хроники финикиян велись в городах при храмах, а может быть при дворах, и известны нам по извлечениям, сделанным Иосифом Флавием уже не прямо из них, а из воспользовавшихся ими эллинистических писателей около II в. до н. э., Менандра Эфесского и Дия. Имеющиеся в нашем распоряжении отрывки идут от современника Соломона Хирама до персидского владычества: местами это простые списки царей с годами, местами — повествования о событиях. Вероятно, оригинал имел характер повествовательный в стиле вавилонской хроники и Книг царств. — Книги царств, особенно же Паралипоменон, являются уже дальнейшим шагом историографии от летописей. В основу их положен так наз. религиозный прагматизм — освещение исторических фактов с точки зрения верности религии. Подобное же направление существовало в эти поздние эпохи и в других восточных литературах, чему доказательством могут служить различные мессианские пророчества в Египте и приложения их к истории, а также поздние вавилонские хроники якобы царей Аккада и Ура и набонидово изложение последних времен Вавилона.

Гораздо больше дошло до нас по-годных повествований об отдельных царствованиях. Как фараоны Египта, так и цари других держав имели специальных писцов для увековечивания их подвигов, особенно военных. Изображения таких писцов даже дошли до нас на барельефах, представляющих батальные сцены. В Египте ма-

териал, собранный такими писцами во время похода, потом обрабатывался на пергаменте и давался для хранения в сокровищницу главного храма; в Ассирии он наносился на глиняные многогранные призмы и хранился во дворцах. В египетских текстах иногда встречаются ссылки на «анналы предков со времен Служителей Гора» и на древние записи «на коже из шкуры животного», но мы не имеем ни одного такого текста в подлинном виде, если не считать уже упомянутого Палермского камня. До нас дошло извлечение из анналов Тутмоса III на стенах Карнакского храма. Здесь дается перечень походов царя по годам с обозначением количества полученной дани, а иногда с некоторыми фактическими подробностями похода. Целью этого извлечения было не столько увековечение подвигов царя, сколько символическое поднесение верховному божеству результатов похода. Таково же происхождение многочисленных списков покоренных стран и городов, которые нередко встречаются на стенах храмов и пользование которыми требует некоторой осторожности, как потому, что цари иногда позволяли себе копировать чужие списки, так и потому, что они не всегда считали обязательным следить за географией и удерживали устаревшие и потерявшие смысл имена, что вело к недоразумениям. От многих фараонов (напр., Хатшепсут, Тутмосов I и II, Аменхотепов, Сети I, Рамсесов II и III, Мернептаха и др.) сохранились также длинные надписи на стенах храмов и отдельных плитах. Они большею частью датированы и почти современны событиям, но официальны, а также иногда слишком трескучи и витиеваты, часто до невразумительности, так что иногда напоминают скорее похвальные оды, чем исторические тексты. Значительно лучшее впечатление производят по своей обстоятельности надписи эфиопских царей, сидевших в Напате и оттуда в VIII—VII вв. покорявших Египет. Оставленные ими длинные тексты на горе Баркале в Нубии написаны египетскими иероглифами частью на египетском, частью на туземном языке. Последние еще не разобраны, равно как и многочисленные эпиграфические памятники нубийского государства Мероэ, развившегося в более позднее время. От него мы имеем и курсивные тексты, исследование и разбор которых находится еще в начальной стадии.

Еще более содержательны исторические тексты [хеттских царей (напр., Boghaz-köi-Texte, III, № 1) и] многочисленных ассирийских царей. Они, в противоположность вавилонским, имеющим мирный и религиозный характер, повествуют главным образом о войнах и походах, и редактированы или в форме по-годных записей, или в форме повествований о всех или об отдельных походах того или другого царя, или о его постройках. В первом случае они наиболее важны, так как обнимают собой целое царствование в хронологическом порядке, и весьма обстоятельны (напр., Салманасара II, частью Ассурнасирпала и Саргона II). Тексты, описывающие исключительно все или некоторые походы, менее тщательны: они не следуют строго хронологическому порядку, путают последовательность событий в угоду географии или большей ясности, нередко опускают подробности. Особенно страдают грехами против исторической точности надписи, имеющие целью торжественное прославление деяний царя. Нечего и говорить, что во всех этих текстах, не исключая и летописных, мы напрасно будем искать сведений о поражениях ассириян: они замалчиваются, если не выдаются за победы, и историку приходится догадываться о них из тона надписей, читая между строк, если он не в состоянии проверить ассирийскую надпись параллельным иностранным источником. Искать красот стиля или художественности изложения в этих повествованиях бесполезно. Они написаны по общим шаблонам и рано сложившимся схемам. Подобно барельефам ассирийских дворцов, изображающим с одинаковым выражением и жертвоприношение, и лагерные сцены, и страшные казни, здесь монотонный стиль мешает в одно битвы, описания природы, жестокости завоевателей, их постройки и т. п. Только анналы Саргонидов, особенно же царя Ассурбанипала, в этом отношении составляют исключение: в них уже намечаются и чисто литературные достоинства, может быть, не без влияния Вавилона.

Из Египта дошло, кроме царских надписей, весьма много текстов, начертанных в гробницах вельмож, чиновников, полководцев и т. п. Многие из них — автобиографии, сообщающие важные сведения о событиях, в которых покойный принимал участие; в них нередко приводятся подлинные письма царей, разного рода документы и т. п. Многочисленные барельефы дают иллюстрацию к этим надписям. Лучший перевод этих текстов сделан на англ. яз. Breasted'ом (4 тома серии Ancient Records, 1906). Летописи ассирийских и тексты вавилонских царей переведены в собрании Keilinschriftliche Bibliothek, т. I—III. Роскошное издание текстов с переводом и комментарием — Budge and King, Annals of the Kings of Assyria, 1902. King, Chronicles concerning early Babyl. Kings, 1907. Тексты древних царей и князей Сеннаара переведены Thureau-Dangin в I т. серии Vorderasiatische Bibliothek: Die Sumerischen und Akkadischen Königsinschriften, 1907. [Ср. также литературу, приводимую в конце соответствующих глав].

Ассирияне были учителями ванских царей, оставивших до сотни клинообразных надписей в Закавказье, а также в турецкой Армении. Они большею частью строительные (кроме больших анналов царей Аргишти и Сардура II), сначала писались на ассирийском языке, потом клинопись была приспособлена к туземному. (См. М. В. Никольский, Материалы по археологии Кавказа, V). [Теперь мы имеем почти полный свод халдских надписей в издании C. F. Lehmann-Haupt, Corpus Inscriptionem Chaldicarum. I—II. Berlin — Leipzig, 1928—1934]. Строительный характер носят большею частью и надписи эламских царей, восходящие в глубокую древность и написанные сначала фигурным письмом, потом также клинописью, большею частью на туземном языке. Множество надписей о царских сооружениях и пожертвованиях храмам дошло до нас из Египта, древнего и нового Вавилона, а также Аравии и Финикии; южно-арабские надписи минеев, савеев и др., начертанные особым южно-арабским шрифтом, находимые в значительном количестве, уходят в сравнительно большую древность (I тысячелетие до н. э.), тогда как финикийские надписи гораздо более нового происхождения и почти все дошли до нас от V — I вв. до н. э. От евреев у нас пока только одна надпись, найденная в силоамском водопроводе и оставленная работавшими там мастерами; она относится ко времени царя Езекии. Кроме того, найдена в Мегиддо печать с именем министра царя Иеровоама; в развалинах дворца царя Ахава в Самарии найдено много черепков (ostraca) с текстами, представляющими препроводительные документы при сосудах с вином и елеем, доставлявшимися царю в качестве подати. Несколько древнее интересный, единственный пока эпиграфический памятник близко родственного евреям народа — моавитян. Он поставлен царем Мешой (IX в.) и повествует об избавлении его от нашествия врагов; таким образом, он может быть поставлен наравне с царскими надписями египетских и ассирийских владык. (См. Соловейчик, Исследования о надписи Меши. Журн. мин. нар. просв. 1900, 10). До сих пор представляют загадку иероглифические надписи, находимые в Северной Сирии и Малой Азии и приписываемые хеттам; многочисленные попытки разбора их до сих пор не увенчались успехом. [В настоящий момент уже чтение хеттского иероглифического письма не является тайной. Блестящие работы чешского ученого Грозного дают теперь возможность пользоваться и хеттскими иероглифическими надписями как историческим источником]. Надписи персидских царей составлены клинописью на персидском языке, часто с переводами на эламский и вавилонский и даже египетский (надпись Дария I, близ Суэца). Они частью строительного характера, но больная Бехистунская надпись Дария I сообщает историю смут, сопровождавших его воцарение, а Накши-рустамская — список провинций персидской монархии; суэцкая говорит о прорытии канала между Нилом и Чермным морем.

Весьма важно, что древне-восточные монархи и вельможи позаботились оставить историкам не только тексты, но и иллюстрации к ним. Многочисленные *барельефы* на стенах храмов, дворцов, гробниц и на плитах изображают нам сцены бого-

служения, походов, охот, пиршеств, морских экспедиций, построек и т. п. Само собой разумеется, что такого рода материал имеет первостепенную важность. Он дошел до нас в подавляющем количестве, главным образом, из Египта, Эфиопии, Ассирии, от хеттов и персидских царей; кое-что оставили нам Вавилония и Финикия.

От текстов собственно исторических перейдем к *памятникам права*. Кроме Моисеева закона, у нас долго не было другого древне-восточного кодекса. То, что сообщает Диодор о египетских законах, — трудно для проверки и отрывочно. Давно уже были известны отрывки из семейного права Сеннаара, возбудившие различные толкования. В недавнее сравнительно время наука обогатилась первостепенным памятником этого рода: в Сузах был найден каменный столб с изображением вавилонского царя Хаммурапи, стоящего перед богом солнца и правосудия Шамашем. Самый текст законов, исполненный архаической клинописью, помещен тут же. Кроме этого важнейшего памятника, у нас есть еще поздние списки законов Хаммурапи, а также отрывки ново-вавилонских законов, указывающих, повидимому, на дальнейшее развитие законодательства в Вавилоне. [Много нового для истории права Месопотамии и Малой Азии принесли последние годы. Вероятно, на месте древнего Урука были найдены фрагменты сумерийского кодекса, легшего в основу семитического свода законов Хаммурапи (см. Yale Oriental Series. Babylon. Texts, т. I, 1915, № 28, табл. LI, стр. 20). Храмовой архив Ассура подарил нам значительные фрагменты обширного ассирийского кодекса XV—XII вв. (см. O. S c h r ö d e r, Keilinschriften aus Assur verschiedenen Inhalts, №№ 1 и 2. H. E h e l o l f, Ein altassyrisches Rechtsbuch. Mitteil. aus d. Vorderas. Abt. d. St. Mus. zu Berlin, Heft 1. 1922). Наиболее же сенсационным, пожалуй, было открытие в Богазкеое хеттского свода законов, восходящего к XIV в. (см. F. H r o z n y, Code hittite provenant de l'Asie mineure. I-re partie. Transcription, traduction française. Paris, 1922. H. Z i m m e r n und J. F r i e d r i c h, Hetitische Gesetze aus dem Staatsarchiv von Boghazköi. D. Alte Or. XXIII, Heft 2. 1922; перевод с немецкого на русский сделан А. А. З а х а р о в ы м в сборнике «Хетты и хеттская культура»). Нечто новое мы узнали теперь и о египетском законодательстве. Согласно свидетельству текста на обороте так наз. «Демотической хроники», были собраны в эпоху Дария I законы прежних египетских царей (см. W. S p i e g e l b e r g, Die sogenannte Demotische Chronik des Pap. 215 der Bibliothèque Nationale zu Paris. Leipzig, 1915, стр. 10, сл.; табл. VII и VIIa)]. От кодекса финикийского сакрального права дошли до нас обломки камней с надписями, найденные в Марсели и Карфагене и относящиеся к IV—III в. до н. э. Они написаны на финикийском языке и по тону приближаются к книге Левит.

Не менее интересны и еще более близки к еврейскому храмовому кодексу южно-арабские храмовые законы, встречающиеся в различных древних минейских и савейских надписях. Это — статьи, так сказать, южно-арабского сакрального уложения о наказаниях, отчасти разобранные и изученные G r i m m e (Orientalistische Literaturzeitung, 1906) и G l a s e r'ом (там же и в Altjemenische Nachrichten, I, 5—48).

Далее, от различных эпох Древнего Востока мы имеем множество *деловых документов* самого разнообразного содержания. Холмы Вавилонии, скрывающие развалины культурных центров, существовавших еще до возвышения Вавилона, равно как сам Вавилон и Ниневия, дали нам десятки тысяч глиняных табличек с начертанными на них долговыми обязательствами, контрактами, купчими и др. разного рода сделками, а также целые архивы приходо-расходных счетов, важных для хронологии и, особенно, для исследователя экономических условий. Дошли до нас льготные иммунитетные грамоты городам, храмам, отдельным лицам, а также, в довольно значительном числе, так называемые вавилонские кудурру — пограничные камни, на которых находятся надписи о величине владений, о праве хозяина; приводятся заклинания на посягающих на эти права, и помещаются символы божеств, призываемых в свидетели. Так как поземельная собственность нередко зависела от полити-

ческих переворотов, то иногда в надписи приводится указание на политические события. Правовые документы, начертанные клинописью, охватывают собой период от древнейших времен до нашей эры; они встречаются еще при Селевкидах и Арсакидах, указывая не только на живучесть культурных традиций, но и на прозябание в эти поздние времена вавилонского языка.

Документы подобного рода в Египте попадаются в большом количестве, главным образом, уже в сравнительно позднее время от VII в. до н. э. и написаны так называемым демотическим шрифтом. Но и от более раннего времени есть образцы этого рода письменности, напр.: завещания на гробницах вельмож Древнего и Среднего царств, дарственные грамоты городам и храмам от времени конца Древнего царства, законодательный указ царя Харемхеба и т. п. Кроме того, у нас довольно много актов судебных процессов (напр., дела о заговоре против Рамсеса III, о разграблении царских гробниц и т. п.). Эти памятники дошли до нас на папирусах, большей частью из придворной школы будущих египетских чиновников, учившихся на них канцелярскому стилю. Подобное же происхождение имеют и многочисленные письма египетских бюрократов, а также деловые бумаги от времен Среднего и Нового царств. Весьма много дошло до нас из Египта разного рода счетов, приходо-расходных книг, дарственных записей. Особенно важен для историка единственный в своем роде памятник этого характера, составленный от имени Рамсеса III ко дню его погребения, как отчет перед богами. Это самый большой из известных до сих пор папирусов (так называемый Papyrus Harris), состоящий из 79 больших листов. Царь, после молитв богам, дает описи несметных даров, которые поступили якобы за его время во все главные египетские храмы; кроме того, он, в назидание потомству, излагает историю своих подвигов. Дарственных записей сохранилось довольно много, особенно от ливийской, саисской и птолемеевской эпох; они начертаны на камнях, при изображениях царя, подносящего божеству иероглиф поля.

Многочисленны *памятники богословской и религиозной литературы* древне-восточных народов. Ритуальные тексты, мифы, гимны богам, заклинания и сборники магических формул дошли до нас во множестве, как из Вавилона и Ассирии, так и из Египта, и отчасти [хеттской области (Богазкеоя) и] Финикии. Есть у нас и произведения *дидактической* литературы, особенно представленной в библии книгами, носящими имя Соломона, и бывшей в ходу в Египте, где эти произведения носят большею частью светский характер, представляя учебники хорошего тона, и, для придания авторитетности, обыкновенно приписываются различным мудрецам, жившим гораздо раньше их появления на свет. Несколько нравоучительных текстов и изречений, иногда высокой морали, дошло и из ассиро-вавилонской письменности.

Наконец, историку оказывает не мало услуг *изящная* литература, а также произведения, имеющие отношение к *науке.* От вавилонской старины у нас есть различные эпосы, имеющие весьма важное значение в культурной истории человечества и примыкающие одной стороной к области богословия и мифологии. Египет богат волшебными сказками и фантастическими путешествиями. Вавилонские жрецы оставили нам множество астрономических выкладок и записей наблюдений, а также словарей и даже что-то вроде грамматик; египтяне также не были чужды наблюдениям неба; кроме того, от них дошли математические и медицинские сборники. Медицинские тексты есть и среди клинописной литературы.

К этим многочисленным письменным памятникам присоединяются, в качестве наших источников, и *вещественные.* Здесь на первом месте назовем вавилонские цилиндры, служившие печатями и частью амулетами. Они приготовлялись из дорогих камней, на них вырезались имя владельца и изображения религиозного характера. Для отпечатка подписи их катали на поверхности еще мягкой глиняной таблички. В Египте первоначально также были цилиндры, потом их заменили так наз. скарабеи — фигурки жуков разных величин с надписями на овале внизу. Иногда

скарабеи были настолько велики, что давали место для длинных памятных записей (напр., «исторические» скарабеи Аменхотепа III). Египет оставил нам великое множество вещей храмового и погребального культа и домашнего обихода. Знаменитые египетские гробницы содержат все, чем их обитатели пользовались при жизни: мебель, платье, письменные принадлежности, даже памятники письменности.

Таков богатейший материал, находящийся в нашем распоряжении. Будучи туземным, он иногда односторонен и пристрастен, и часто прекращается на целые периоды, может быть, революционных эпох. Но эти неудобства не могут перевесить преимуществ современного материала, оставленного свидетелями событий.

Переходим теперь к известиям о Древнем Востоке, сохраненным нам *греческими писателями*.

Между ними, по времени и обширности, первое место принадлежит Геродоту. Но он не был первым из греков, писавших о Востоке. Колонии в Малой Азии, основанные на восточной почве и приобщенные восточному миру после персидских завоеваний, имели деятельные сношения с различными странами его и интересовались ими: путешествия обусловливались как любознательностью греков, так и политическими событиями в греческих общинах (поэт Алкей); они не были редкостью, особенно после того, как в Египет и вообще на Восток начался наплыв греков, и даже последние стали поступать в наемники к фараонам и персидским царям, а потом принимать участие в восстаниях египтян против персов. Но в это время цветущая пора туземных культур уже была позади, к тому же у посещавших Восток греков не было ни понимания его, ни знания местных языков; на все стороны его жизни они смотрели чрез греческие очки. Со времени наплыва на Восток иностранцев там образовался класс людей, которые усваивали себе кое-что из окружавшей их жизни и культуры. Такие люди были пригодны в качестве переводчиков и брались за роль гидов и чичероне для туристов. Услугами именно этих людей и приходилось пользоваться греческим писателям: Гекатею Милетскому, а за ним Геродоту. Каковы сведения, почерпаемые из такого источника, знает всякий, обращавшийся к гидам не только на Востоке, но даже в Европе, и притом в наше время. К тому же гиды Геродота не принадлежали к настоящим туземцам и не умели читать по-египетски. Уже среди египетских греков начался род религиозного синкретизма, т. е. сопоставление своих богов с египетскими, приурочение своих мифов к египетской истории. Это, конечно, не могло остаться без влияния на характер трудов, черпавших сведения из этого источника; кроме того, и сами египтяне в это время едва ли лучше знали свою историю, чем, напр., жители Рима первой половины средних веков — древнюю римскую, когда с поражавшими воображение памятниками Рима соединялись легенды и перепутывались эпохи. То же самое повторяется во все времена и во всех странах, то же самое отразилось и на данных Геродота об Египте: в них хронология перепутана, история заменена легендой, да и то часто неверно понятой и перешедшей через несколько редакций и несколько рук. Все это еще усугублялось тем, что греки смотрели на Египет как на страну чудес, и охотно отдавали в своих описаниях предпочтение необыкновенному. Сведения, сообщаемые Геродотом о Вавилоне и Ассирии, еще более спутаны, что вообще соответствовало худшему знакомству греков с прошлым переднеазиатской державы. Кроме того, Геродот в своем большом труде лишь мимоходом говорит об азиатском Двуречье, имея в виду посвятить ему специальное сочинение Ἀσσύριοι λόγοι, оставшееся ненаписанным. Впрочем, Геродот в числе своих источников не раз упоминает рассказы жрецов ἱερεῖς. Но едва ли это были высшие жрецы, носители древних традиций и культуры; вероятно Геродоту приходилось иметь дело с низшей храмовой прислугой, с которой ему к тому же приходилось объясняться при помощи тех же переводчиков. Наконец, Геродот путешествовал скоро и бегло: в Египте он был едва ли более четырех месяцев. Тем не менее, несмотря на все эти неблагоприятные условия, труд Геродота все-таки имеет большую ценность уже потому, что дает нам представление о Востоке времени его путешествия, т. е. в половине V века.

Все, что он видел сам, он описывает добросовестно; его промахи происходят или от греческой точки зрения, или от недоразумений, или от несовершенства его источников. Только изредка он позволяет себе измышления (напр., Крез и Солон). Нередко Геродот передает туземные рассказы легендарно-исторического характера, чрезвычайно важные как отражение туземных, до нас не дошедших литературных памятников, и для знакомства с фольклором того времени; иногда он каким-то образом мог пользоваться подлинными документами, напр., перечнем персидских сатрапий с их данью, описанием царской дороги, похода Ксеркса и т. п. Возможно, как полагает Wells, что эти сведения он получил от эмигранта и поклонника эллинства Зопира, внука одноименного вельможи — сподвижника Дария. Собранная Геродотом масса культурно-исторического материала делает эти мемуары туриста по царству Ахеменидов весьма важным источником для знакомства с ближайшими к нему тремя веками египетской древности и с персидской монархией, а также и с религией ее, о которой он дает, в общем, верные сведения, доказывающие, что в его время маздеизм уже существовал, и нарисованная им картина в некоторых чертах может дополнить ту, которую дает Авеста. — Лучшее издание посвященной Египту II книги Геродота с обширным египтологическим комментарием принадлежит Видеману (Herodots II Buch. 1892). См. Клингер, Сказочные мотивы в истории Геродота (Киевские унив. известия, 1902—3). [Aly Wolf, Volksmärchen, Sage u. Novelle bei Herodot. Göttingen, 1921; M. Pieper, Orient. Literaturzeit. 1923, стр. 101 сл.;] How and Wells, A. Commentary on Herodotus, 1912. C. Clemen, Herodot als Zeuge f. d. Mazdaismus. Archiv f. Religionswiss. 16 (1913). Sourdille, Hérodote et la religion de l'Égypte, 1910. Его же, La durée et l'étendue du voyage d'Hérodote en Égypte, 1910. [Ценные дополнения к этому исследованию Sourdille дает U. Erenberg, Zu Herodot (Klio XVI, 1920), стр. 318 сл.]. Wells в Journal of Hellenic Studies, XXVII (1907). [K. Trüdinger, Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie. Basel, 1918, дает оценку Геродота и прочих греческих и римских историков, как наблюдателей чужого, негреческого мира].

Подобное же следует сказать и о Диодоре, посетившем Египет в 60—58 г. до н. э. Его компилятивный труд, составляющий первые три книги компилятивной «Библиотеки», важен главным образом потому, что при составлении его он пользовался, кроме личных наблюдений, кроме труда Агафархида книдского (при описании Нила) и Геродота, особенно Гекатеем Абдеритом, жившим в Египте при Александре Великом и первом Птолемее. (Сочинения этого добросовестного автора до нас не дошли, кроме небольших отрывков). Диодор видел Египет четырьмя столетиями позже Геродота, когда эллинизация пустила еще более глубокие корни и когда забвение древности шло быстрыми шагами вперед. С другой стороны, вследствие греческого господства в Египте, облегчался доступ к источникам и легче было найти хорошо осведомленных людей, и греческих литературных источников за это время появилось не мало. Особенную важность имеют также те места у Диодора, где излагается история греко-персидских сношений V—IV вв. (кн. XI, XIV—XVI), а также судьба Египта и Финикии в персидское время — это единственное связное и полное изложение событий по источникам, до нас не дошедшим, хотя хронология Диодора не всегда надежна. Нельзя забывать и того, что Диодор с его первым и притом весьма посредственным опытом всемирной истории является продуктом великой эпохи, когда распространились идеи стоиков о братстве народов и об историках как орудиях сближения греков и варваров. Поэтому его изложение не свободно от влияния этих идей, поэтому он и остановился, между прочим, на Гекатее, который всецело был проникнут настроением великой эпохи Александра и, при всей своей добросовестности и подготовленности к путешествию (он обладал даже сведениями в языке), все-таки остался греком, и в египетской истории и нравах хотел видеть подтверждение своего миросозерцания. Он модернизирует и эллинизирует Египет, перенося в его древность идеалы своего времени: просвещенный абсолютизм, философскую этику,

рациональную религию, стараясь представить мифологию частью истории культуры. Идеализация «варваров» особенно сказалась в восхвалении египетских законов и даже в скрытой оппозиции птолемеевскому господству. Имеет большую важность, что Гекатей был в Египте при жизни Манефона, и его труд, таким образом, является ценным дополнением к нему. Этим именно и объясняются некоторые совпадения Диодора и Манефона — едва ли Диодор непосредственно пользовался сочинением египетского историка. Вторая книга «Библиотеки», посвященная Азии, излагает историю Ассирии и Вавилонии главным образом по росказням Ктесия и говорит о халдеях, Индии, Аравии и Скифии, частью по хорошим источникам. Третья, содержащая нередко важные данные об Эфиопии, составлена большею частью по Артемидору и Агафархиду. — См. Busolt, Diodors Verhältniss zum Stoicismus. Jahrb. f. kl. Phil. 139 (1889). Schwartz, Hekataeos von Teos. Rheinisches Museum, 40 (1885).

Гораздо выше первый дошедший до нас полностью труд по всеобщей географии, принадлежащий Страбону. Это уже не компиляция, а критическое, научное сочинение, считающееся классическим. В частях, посвященных Востоку, оно дает для наших целей весьма много ценного материала, не только географического, но и исторического, особенно для эпохи, современной автору (I в. до н. э.).

В начале IV в. до н. э. за историю Востока, особенно Персии, взялся врач Артаксеркса II, Ктесий из Книда. Это был фельетонист, наслушавшийся тенденциозных росказней какого-то мидянина-патриота, не обладавший ни талантом, ни наблюдательностью Геродота, но поставивший целью своего труда конкуренцию с ним. Последнее обстоятельство для нас иногда оказывается полезным, так как он приводит другие версии сказаний, чем Геродот, выдавая их за более достоверные и древние и в некоторых случаях, действительно, сообщая интересные древние сказания. Кроме того, труд его имеет некоторое значение для истории V века. Во всем остальном к нему надо относиться с крайней осторожностью, и уже в древности он приобрел репутацию фальсификатора и лжеца, хотя и ссылается на персидские официальные летописи (διφθέραι). Исследования о сохранившихся (у Фотия) отрывках Ктесия принадлежат Marquart'у (Die Assyriaca des Ktesias). Philologus, VI Supplementband и Krumbholz'у (Zu d. Assyriaca d. Ktesias). Rhein. Mus., 41 (1886).

Плутарху принадлежит трактат «Об Исиде и Осирисе», написанный им в Дельфах, между 120 и 130 гг. н. э. Ученый автор пользовался греческой литературой (между прочим, Манефоном и Гекатеем Абдеритом) своего времени и дал нам наиболее полное сочинение об египетской религии, в которое вставлены, между прочим, в высокой степени ценные выдержки из Феопомпа о персидской религии. Данные его в значительной своей части подтверждаются памятниками. С другой стороны, многие из них прошли чрез греческое миросозерцание или касаются египетского культа в Европе. Само сочинение посвящено Клее, жрице Исиды в Дельфах, где Плутарх был верховным жрецом. По своим воззрениям и настроению Плутарх был последователь Платона и при помощи его философии рассматривал египетские мифы, но он жил в переходную эпоху и не был последователен. Его по справедливости называют предтечей неоплатонизма, у него уже замечается стремление к богословскому эклектизму, к вере в божественную иерархию. Его учение о боге, как существе премудром, чистом и совершенном, и материи, как орудии зла, было дуалистическим, и с этой стороны египетская (поздняя) и, особенно, персидская религии давали ему средства и материал для изложения этого миросозерцания. Боги всех народов были для него тожественны, особенно египетских он не различал от греческих, тем более, что их культ был тогда распространен по всему миру. Он обладал колоссальной начитанностью и пользовался хорошим материалом, а потому его книга является важным источником, особенно, если исключить из нее то, что составляет продукт религиозного и философского миросозерцания автора. Среди биографий Плутарха имеются такие, как, напр., Артаксеркса II и Александра В., для нас особенно важные потому, что основаны частью на потерянных источниках.

Плутарх пользовался, между прочим, важным трудом Дейнона, написавшего историю Персии до Артаксеркса III. Гораздо хуже то, что Плутарх говорит о евреях и их религии, — это может быть интересно разве только как характеристика тех росказней, какие ходили даже среди образованных и ученых кругов конца I в. н. э. и притом современников Филона о народе еврейском. Лучшее издание трактата «Об Исиде» — Parthey, 1850. См. статью Guimet, Plutarque et l'Égypte. Nouvelle Revue, т. 110 (1898). Я. Елпидинский, Религиозно-нравственное мировоззрение Плутарха Херонейского. Спб., 1893.

Столь же ценный труд для знакомства с религией и культом финикиян, арамеев и отчасти хеттов II в. н. э. представляет трактат «О Сирийской богине», помещаемый в собрании сочинений знаменитого Лукиана Самосатского и, вероятно, ему принадлежащий, несмотря на внешний облик благочестия и ионийский диалект. Автор подражал Геродоту и по языку и по тону, но между строк можно прочесть чисто лукиановский скептицизм и юмор. Описываются культы финикийского Библа и, особенно обстоятельно, сирийского Иераполя, где арамейская религия наслоилась на хеттскую. Не касаясь множества других греков, писавших о Востоке, сочинения которых или дошли до нас в ничтожных отрывках или только слегка касались нашего предмета, перейдем к историкам, занимающим по важности особое место среди других, писавших по-гречески. Во время эллинизма, как известно, многие из образованных уроженцев Востока задавались мыслью познакомить греков, и вообще лиц, не знавших их языков, с прошлым своих стран, черпая сведения из туземных источников и обрабатывая их на греческом языке. Египет нашел такого историка в лице знаменитого уроженца г. Севеннита, первосвященника Манефона (вероятно — Мер-не-Тхути — «возлюбленный Тотом»), современника Птолемея I, которому он содействовал во введении своеобразной унии греческой религии с египетской в виде культа Сараписа. Конечно, трудно было найти более подходящего автора: он находился на высоте образованности своего времени, принадлежал обеим культурам, обладал египетской традицией и имел доступ к первоисточникам. К сожалению, языческая древность почему-то не оценила его труда по заслугам, и он не дошел до нас полностью. Понадобился он только иудейским и христианским хронографам. Уже сравнительно в раннюю эпоху из его труда иудейские апологеты делали извлечения, которые они приводили для доказательства древности иудейского народа, а также составили конспект, так наз. epitome из всего его сочинения. Это epitome дает таблицу династий от доисторического времени до вторичного покорения Египта персами. 30 династий — не родов: деление на династии обусловливалось скорее происхождением их из той или другой египетской местности и другими соображениями, а не родством. Каждое царствование (а в менее важные эпохи сумма их или целая династия) определяется датами в круглых годах царствования, кроме того, нередко присоединены заметки, частью анекдотического, частью синхронистического (с греческой и библейской историями) содержания. Первые восходят к подлинному Манефону, вторые принадлежат эксцерптаторам. Их эксцерпты, будучи перерабатываемы и списываемы, дошли до Иосифа Флавия, Евсевия и Африкана. Из последних их заимствовал византийский хронограф Синкелл, отдавший, впрочем, перед ними предпочтение фальсификациям — так наз. «Древней хронике» и «Книге Сотиса» (вероятно, принадлежащей Панодору), в которых египетская древность представлена менее отдаленной и более приближающейся к библейской. Эти фальсификации, частью ходившие под именем Манефона, частью выдававшие себя за его источник, оценены только в 1845 г. Böckh'ом (Manetho und die Hundsternperiode). В своем сочинении против Апиона, для доказательства древности еврейской истории Иосиф Флавий приводит отрывки из истории Нового царства у Манефона, а Африкан и Евсевий, эксцерпты которых приведены у Синкелла, заимствовали из египетского историка таблицу царей с историческими пометками. Эта таблица долго была единственным сколько-нибудь надежным основанием

хронологии, она сделалась исходным пунктом для установления системы египетской истории. Манефон разделил свой труд на 3 части (τόμοι): первая обнимала собой династии I—XI; вторая XII—XIX; третья XX—XXX. Хотя это деление довольно механично — почти по декадам, но все-таки оно дало мысль делить историю Египта на три периода: Древнего, Среднего и Нового царств, что удерживается и до сих пор, покоясь на культурно-исторических основаниях. Точно также и деление каждого периода на династии удержано до сих пор. К сожалению, от труда Манефона мы имеем почти один скелет, и притом такой, который более всего подвержен порче: он состоит из имен царей и дат их царствований, а всем известно, что имена и числа более всего страдают в рукописях от переписчиков; между тем, в данном случае мы их имеем, по крайней мере, из третьих рук, и имена эти были непривычны для греческого уха. В виду этого, конечно, не приходится удивляться, что списки Манефона далеко не всегда подтверждаются памятниками; напротив, то, что уцелело, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, убеждает в важности труда египетского хронографа, хотя он и не может быть назван историческим в нашем смысле, и уже в своем первоначальном виде не был свободен от хронологических погрешностей и слишком зависел от легендарного материала. Сохранение его было бы прежде всего ценно потому, что он отражает представления египтян времен Птолемеев об их прошлом, затем оно было бы особенно важно для установления хронологии. [Манефону посвящено большое исследование В. В. Струве, Манефон и его время (Записки колл. востоковедов, тт. III и IV)]. Вавилонская культура нашла своего эллинистического историка в лице Бероса (вероятно, Бел-риу-шу — «Бел его пастырь»), жреца храма Мардука в Вавилоне, современника Александра В. и первых Селевкидов. Он посвятил Антиоху I Сотеру (281—262) свой труд Βαβυλωνιακά или Χαλδαικά, состоящий из трех книг: в первой рассказывались мифы до потопа, во второй — излагались мифы и история от потопа до Фула (Тиглатпаласара IV), в третьей — до смерти Александра Великого. Сведения свои Берос черпал из клинописных источников, и то немногое, что от него дошло, действительно подтверждается памятниками, и для нас в высокой степени ценно. Судьба его труда подобна манефоновской: из языческих писателей им пользовались только продолжатель аполлодоровой хроники Александр Полигистор и Абиден. От них заимствовали цитаты из него Иосиф Флавий, Африкан и Евсевий. До нас дошли только эти последние извлечения, сделанные со вторых рук и заключающие в себе сказания о первобытных временах мира и человечества, о потопе, патриархах, о Синахерибе, Навуходоносоре и его преемниках, кончая покорением Вавилона Киром.

У евреев автором, соответствующим двум только что упомянутым, был Иосиф Флавий, о котором распространяться излишне и труды которого дошли полностью. Что касается финикиян, то до нас дошли отрывки большого труда, посвященного их древностям и принадлежащего Филону, эллинизированному уроженцу г. Библа. Свой труд Филон пустил в обращение под именем Санхуниафона, какого-то древнего финикийского мудреца. Он был насквозь проникнут эвгемеризмом, но составлен, хотя и в позднее время (при Адриане — II в. н. э.), может быть, по туземному сочинению лица, которому был доступен богатый доброкачественный материал. Эвгемеристическая тенденция сильно вредит книге и затрудняет пользование ею, но многие данные ее подтверждаются новыми открытиями и она необходима для историка. До нас дошли отрывки из первой книги, содержащие космогонию и мифы; сохранены они Евсевием в его Προπαρασκευὴ Εὐαγγελικὴ из религиозно-полемических целей. См. мою книжку «Остатки финикийской литературы». Спб., 1903.

ИСТОРИЯ НАУКИ

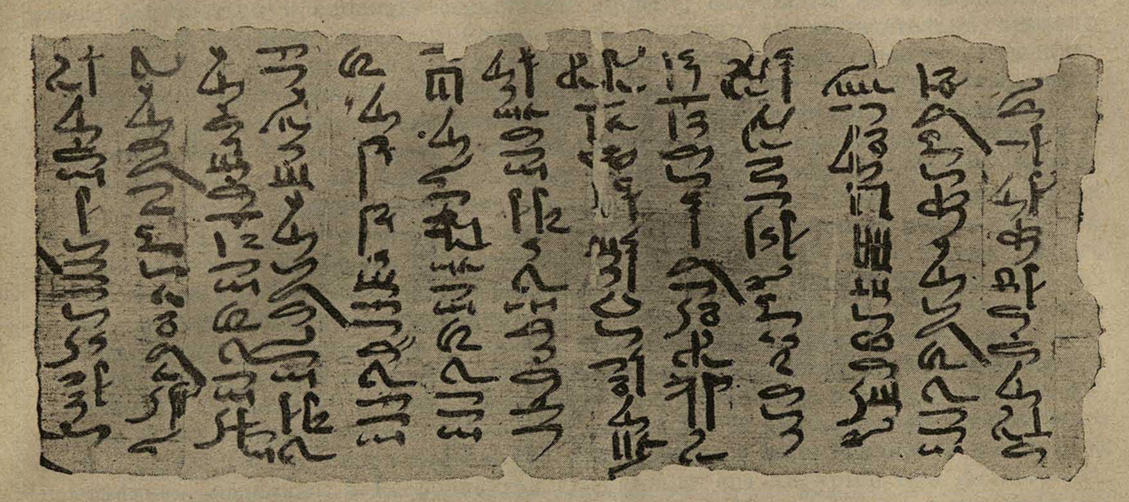
Разработка источников истории Древнего Востока могла начаться только с памятника, доступного до открытия ключей к пониманию египетской и вавилонской письменности — с библии. Еще в 1753 г. врач Людовика XIV Жан Астрюк обратил внимание на то, что в пятикнижии имя божие приводится то в форме Элохим, то Иегова (сб. Яхве), повидимому, без последовательности, но иногда в соответствии с тем, что некоторые повествования приводятся в двойной форме (напр., рассказы о творении, о потопе и т. п.), представляя различия в религиозном миросозерцании, а потому относясь к различным временам и кругам. Таким образом, пятикнижие представляет переработку двух источников третьим — редактором. В 1798 г. Ильген указал, что элохистическая часть неоднородна, среди нее имеется более новый слой, который впоследствии был назван священническим кодексом. Он заключает в себе священнические законы Исх. 25—31, 35—40, значительную часть книг Левит и Чисел, предваряя все это сказанием о творении (Быт. 1, 1) и потопе. Граф, Вельхаузен (1878) и Реус считают эту часть самой новой и возникшей уже во времена после вавилонского плена, приводя ее в связь с реформой Иосии в 621 г., произведенной после открытия в храме Книги закона, которую они отожествляют с Второзаконием. С точки зрения этой книги обработаны так наз. исторические книги ветхого завета, в основание которых легли источники первостепенного значения, каковы героические песни, эпические повествования, предания о местных святынях, списки, семейные хроники и т. п. И здесь первоначально общей редакции предшествовали памятники, восходящие к иеговисту и элохисту.

W e l l h a u s e n, Prolegomena zur Geschichte Israels. 6 изд. 1905 (русск. перевод Н. М. Н и к о л ь с к о г о, 1909). Ему возражает K i t t e l, Geschichte d. Volks Israel. 3 изд. 2 тома. 1916. Die alttestamentliche Wissenschaft. 2 изд. 1912. Наглядно представлены составные части библейских книг, будучи напечатаны на разноцветных частях бумаги (еврейского текста и английского перевода) в редакции H a u p t, так называемой радужной библии: The sacred Books of the Old Testament. 1895—7. 20 вып. Перевод с обширным комментарием в изд. Die Schriften des Alten Testaments. Göttingen, 1911. F r. B a u m g ä r t e l, Elohim ausserhalb d. Pentateuch. (Beitr. z. Wiss. v. A. T. вып. 19). Leipzig, 1914.

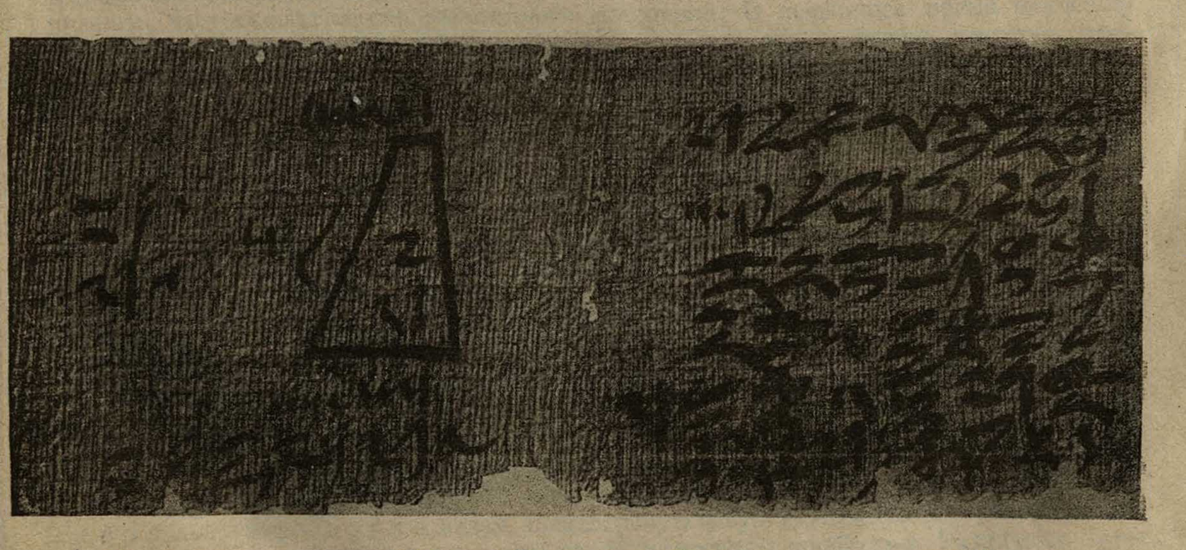
Интерес к Египту не прекращался у греков после Диодора, и находились люди, умевшие узнавать кое-что даже из египетской грамоты. Мы, напр., знаем, что в эпоху Римской империи жил какой-то Гермапион, толковавший египетские надписи на обелиске, попавшем в Рим. Из цитаты у Аммиана Марцеллина видно, что он верно читал эти надписи (17, 4, 17—23). Имел довольно близкие к действительности представления и Климент Александрийский. В конце IV в. н. э. жил Гораполлон, оставивший большой трактат об иероглифах. Он объясняет их идеографически, что

для поздних эпох было до известной степени правильно, но обусловило превратное представление обо всей иероглифической системе в новой Европе, где интерес к Египту, как стране, упоминаемой с первых же страниц библии, был всегда велик. Особенно возрос этот интерес в эпоху возрождения и реформации, когда искание первоисточников сделалось потребностью. Однако, сведения о Древнем Востоке были тогда еще слишком ничтожны, и Чириако Анконский, лично посетивший Египет, еще говорит о финикийских письменах у пирамид. Но в это время римская пропаганда, задавшись целью восполнить урон, понесенный на Западе, обратила внимание на потомков древних египтян — коптов; язык их сделался предметом изучения, чему содействовало и поступление в европейские библиотеки, особенно в Ватикан и Париж, рукописей из их монастырей. XVI и XVII вв. были богаты учеными, посвятившими себя коптскому языку, и чрез него обращавшими взор к древне-египетскому. Но классическая древность завещала, к сожалению, ложное представление о древнем Египте, как стране чудес и седалище высшей премудрости; трактат Гораполлона о поздних иероглифах поддерживал его; отсюда неудачи всех попыток найти ключ к иероглифам. Ученые были твердо убеждены, что последние не буквы и слоги, а непременно идеограммы, под каждой из которых скрывается какое-нибудь непременно очень мудреное, мистическое понятие. Таким путем, не умея прочесть ни одного иероглифа, они беззастенчиво переводили с обелисков, стоящих на площадях Рима, целые надписи, находя в них то описания близких к христианству таинств, то морально-политические рассуждения, то физические трактаты, то, наконец, псалмы Давидовы. Типичным представителем этого направления был ученый XVII в. иезуит Афанасий Кирхер, оставивший, однако, на ряду с абсурдными переводами, и здравую теорию о связи египетского языка с коптским. Исход из этого был естественен — занятия египтологией сделались признаком диллетантизма. Так продолжалось до самого конца XVIII столетия. См. Quatremère, Recherches sur la langue et la littérature de l'Égypte. 1808. Marestaing, Un égyptologue du XVIII siècle, le père Kircher.

В 1798 г. была, как известно, предпринята наполеоновская экспедиция в Египет, имевшая не только военный, но и научный характер. Результатами ее были: во-первых, 24 тома текста и 12 атласов изображений «Description de l'Égypte», способствовавших своими прекрасными воспроизведениями древне-египетских памятников искусства поддержанию интереса к древнему Египту, и, во-вторых, так называемый Розеттский камень, с которого египтология датирует свое рождение. Этот камень найден в августе 1799 г. при земляных работах солдат у форта St. Julien возле Розетты; представлял он базальтовую плиту, на которой было начертано почетное постановление египетских жрецов в честь Птолемея V Епифана за оказанные им по усмирении восстания благодеяния храмам. Текст был редактирован на трех языках и тремя шрифтами: древне-египетском — иероглифами, разговорном языке времен Птолемеев — так наз. демотическим шрифтом, и греческом. Заключительные слова греческой редакции ...τοῖς δε ἱεροῖς καὶ ἐγχωρίοις καὶ ἑλληνικοῖς γράμμασιν... не оставляли сомнения в том, что две первые — оригинал последней. Присутствие в тексте собственных имен подрывало веру в исключительную идеографичность иероглифов. Необходимо было предположить среди них существование алфавитных знаков. Еще датчанин Цоэга высказывал мнение, что слова, заключенные в египетских текстах в овалы, — собственные имена царей. Руководствуясь этим соображением, Франсуа Шамполлион (1790—1832) приступил к своим работам над Розеттской надписью. Первый толчок к занятиям древним Египтом дали ему результаты наполеоновской экспедиции и направили его сначала на занятия коптским языком, а затем египетской историей — на основании древних авторов. Еще будучи 17-летним юношей, составил он труд по этому предмету, а через три года выступил с рефератом о собственных именах в Розеттской надписи, заставляющих предполагать возможность алфавитных знаков. Неустанно работая, пере-



Литературный папирус: «Сказка о потерпевшем кораблекрушение».
Собрание Гос. Эрмитажа.



Математический папирус. Собрание Гос. музея изобразительных искусств в Москве.



ходя от разочарований к открытиям, вынося неприятности и недоброжелательства, нередко уклоняясь от верного пути, он, наконец, пользуясь надписью на двуязычном обелиске, доставленной ему из Фил, успешно разложил на буквы имена Птолемея и Клеопатры, и затем, перейдя к Розеттской и другим известным в то время надписям, успел разобраться в сложном египетском шрифте, состоящем из нескольких сот знаков, фонетический характер большинства которых он окончательно признал 23 декабря 1821 г.; затем, пользуясь коптским языком, начал успешно переводить тексты, составил первый опыт грамматики и словаря. Кроме того, ему принадлежит прекрасное издание египетских памятников в 4 больших атласах: Monuments de l'Égypte et de la Nubie 1835 г. и сл. Эти результаты его путешествия 1828—9 г. выпущены уже после его смерти; к нему пояснительный текст — Notices descriptives — первое подробное описание памятников древнего Египта. Атласы были также изданы после его смерти в Италии его спутником Розеллини. (См. о Шамполлионе книгу Hartleben, Champollion, sein Leben und sein Werk. 2 тома. Berlin, 1906). После его ранней смерти, преемник ему не сразу нашелся. Выдвинулись люди , желавшие итти самостоятельным путем и полемизировавшие с Шамполлионом при его жизни; это были, в особенности, немцы Шпон, Зейффарт, итальянец Сальволини, петербургский академик Клапрот и русский грек Гульянов. Но их попытки, конечно, не привели ни к чему. Археологические изыскания прусской экспедиции, снаряженной Фридрихом-Вильгельмом IV, и работы ее руководителя, берлинского проф. Лепсиуса, скоро дали науке новую пищу в виде огромного количества памятников, изданных в 12 фолиантах «Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien». Французская наука выдвинула в это время археолога Мариэтта и талантливых исследователей Руже и Шаба, которые направили египтологию на настоящий путь. Изучение открытого в 1867 г. Лепсиусом нового трехязычного, сохранившегося в целости, танисского постановления в честь Птолемея Эвергета доказало неопровержимо торжество молодой науки. Во второй половине XIX в. с пользой и успехом трудился на ее ниве Бругш, оставивший теперь уже значительно устаревшие справочные книги, словари, сборники надписей, а также обширные собрания частью сырого, частью слегка переработанного материала. В настоящее время изучению египетской древности посвящают себя ученые всех стран, всюду имеются прекрасные музеи, существуют специальные кафедры и специальные периодические органы, посвященные изданию и разработке памятников. Наконец, для охраны и извлечения последних из земли в Египте существуют правительственные Service des antiquités, постоянная французская миссия, английское общество Egypt Exploration Fund; постоянно предпринимаются раскопки и частными учеными. С успехом трудится в Египте и немецкое Orientgesellschaft. Археологические изыскания производятся также в определенных областях египетской культуры: Нубии, Оазах (экспедиции Бругша, Голенищева, Штейндорфа, 1899), Синайском полуострове (работы Weil'я, Les inscriptions égypt. de Sinai, 1904, и Flinders Petrie, Researches in Sinai, 1900). См. Е. Кагаров, Прошлое и настоящее египтологии (Богословск. вестн., 1915).

Первое известие *о клинописи* принес в Европу итальянский путешественник Pietro della Vallee в 1621 г. из Персеполя, где он срисовал несколько клинописных знаков и высказал предположение, что их надо читать слева направо. Он же вывез из Египта копто-арабский словарь и две мумии. В 1674 г. Chardin в своем описании путешествия в Персию уже привел целую клинообразную надпись, а в 1762 г. граф Caylus издал алебастровую вазу с именем Ксеркса, написанным тремя клинообразными и египетским иероглифическим шрифтами. Различные путешественники за это время успели скопировать в Персеполе несколько новых текстов, большею частью трехязычных, но наиболее точные копии удалось сделать только в 1765 г. Карстену Нибуру, который в то же время распознал в клинописных текстах три различных системы и в простейшей из них — 42 алфавитных

знака. Он же дал первые рисунки персепольских развалин. В 1802 г. датский академик Мюнтер определил силлабический характер второй системы и считал третью написанною идеографическими знаками; все три, когда они соединены на одной надписи, он совершенно верно считал переводами одного и того же текста на разные языки, причем на первом месте должен стоять господствующий язык, т. е. для Персеполя — персидский. А так как первая система — наиболее простая и алфавитная, то он немедленно приступил к ее разбору. Четыре десятка ее знаков он разложил на гласные и согласные, руководствуясь априорным положением, что первые встречаются чаще. Затем, пользуясь зендским языком, стал определять, какие гласные встречаются чаще. Таким путем, однако, ему удалось разобрать только две буквы — а и б; кроме того, он обратил внимание ученых на то, что в надписях повторяются те же группы знаков, иногда с видоизменениями в концах. Он распознал в этом повторение слов с различными падежными окончаниями. Дальнейший шаг сделал Гротефенд, воспользовавшись двумя небольшими надписями клинописью первого рода из числа привезенных Нибуром. Найдя в них параллельные тожественные группы знаков, он, руководствуясь предположением Тихсена, что в персепольских надписях надо искать титулатуру Ахеменидов, заключил, что наиболее часто встречающаяся группа знаков должна обозначать слово «царь», а предшествующая ей, различная в обеих надписях — имя царя. Таким образом он разложил обе надписи:

X царь a царь царь + βY c d
Z царь a царь царь + βX царь + e c d

X, Y, Z — собственные имена; β и e — окончания падежа, a c и d — пока неизвестные группы знаков.

Взяв за образец титулатуру Сасанидов, Гротефенд предположил, что a — «великий»; царь + β — «царей», c — «сын», d — Ахеменид. Тогда получится: X, царь великий, царь царей, Y—а сын, Ахеменид, — Z, царь великий, царь царей, X—а царя сын, Ахеменид. Оставалось угадать собственные имена. В династии Ахеменидов было два случая, когда дед не был царем: отец Кира — Камбиз и отец Дария — Виштаспа. В данном случае дед царя не назван царем; он мог быть только Виштаспой, так как имя его по длине подходило к группе знаков и, кроме того, что еще более важно, имя царя начиналось теми же знаками, что слово «царь». Очевидно, это был Ксеркс, по-персидски Кшаярша, тогда как «царь» — «кшаятия». Недостаток материала и ошибочное предположение о полной тожественности древне-персидского и зендского языков были причиной того, что Гротефенду удалось правильно определить на основании собственных имен только 9 знаков. Тем не менее, это был решительный шаг по пути разбора клинописи. Доклад об этом открытии Гротефенд сделал 4 сентября 1802 г. в заседании Геттингенского ученого общества, но в Германии он не имел успеха, и только французские ученые как следует оценили его. Так, следуя его системе, Бюрнуф в 1836 г. определил все знаки древне-персидского клинописного алфавита. Весьма важное значение для проверки работ Гротефенда и Бюрнуфа, а также для дальнейшего движения, имели работы Раулинсона. Этот англичанин служил офицером в персидской армии и, стоя на западной границе Персии, почти не знал об успехах европейской науки. Самостоятельно занявшись клинописью в 1835 г., он пришел к тем же результатам, что и Гротефенд, исходя из других надписей. Особенно плодотворно было открытие им громадной надписи, начертанной Дарием I на Бехистунской скале и повествующей об усмирении им многочисленных мятежей и низложении различных самозванцев. С большой затратой времени, средств и сил, с опасностью для жизни скопировал он эту трехязычную надпись, помещенную на высоте 100 футов от подошвы скалы. До 50 встречающихся в ней собственных имен дали возможность окончательно проверить чтение его предшественников, а самый текст дал материал

(400 строк) для грамматики и словаря древне-персидского языка. Эта же надпись дала Раулинсону средство для проникновения в две другие системы клинописи. Более сотни силлабических знаков второй системы были разобраны им и Норрисом (1855); язык был признан, после долгих колебаний, наречием области Суз, ново-эламским. Труднее было справиться с третьей системой. Она состояла из нескольких сотен знаков, но занимала меньше места, чем две предыдущие. Сначала полагали, что она не силлабическая, а идеографическая, т. е., что в ней каждый знак служит для изображения целого понятия. Но внимательное рассмотрение трехязычных надписей убедило, что, будучи переводом персидского текста, третья система заключает в себе и собственные имена персидских царей, написанные несколькими знаками, а следовательно, в ней есть если не буквы, то слоговые знаки. Еще Мюнтер в 1802 г. говорил, что некоторые знаки третьей системы напоминают те, которые начертаны на кирпичах, находимых в развалинах Вавилона. Богатые археологические находки Лэйярда и Ботта в Ниневии окончательно убедили ученых в тожественности третьей системы ахеменидских текстов с ассиро-вавилонской клинописью.

Ясно стало, что персидские цари после текста на своем и эламском языках поместили перевод на языке первенствующего культурного народа Азии. После многих недоумений этот язык признали семитическим, а шрифт его — смесью идеограмм с силлабическими знаками. После этого Хинксу, Опперту и др. удалось положить начало разбору вавилонской клинописи. Независимо от европейских ученых, Раулинсон пришел к тем же результатам, разбирая на месте Бехистунскую надпись с привлечением одноязычных ассирийских. В своей работе, вышедшей в 1851 г., он дал перечень 246 вавилонских знаков с большей частью верными чтениями. В 1857 г. новая ветвь исторической науки «ассириология» могла уже выдержать первое испытание: по поручению Royal Asiatic Society ассириологи Раулинсон, Тальбот, Опперт и Хинкс прочли присланную каждому из них ассирийскую надпись. Их самостоятельные переводы оказались весьма близкими и сходными. В недавнее время обращено внимание на найденные в Вавилоне и теперь находящиеся в Британском музее глиняные таблички времен Селевкидов с клинописью в транскрипции греческими буквами. Эта транскрипция вполне подтверждает принятую в новой науке. О клинописи и ее разборе см. подробнее: Kaulen, Assyrien und Babylonien, 1891. Астафьев, Древности вавилоно-ассирийские, 1882. Ср. Sayce и Pinches, Greek transcriptions of Babylonian tablets (Proceedings of the Soc. Bibl. Arch., 24).

По всей области рек Тигра и Евфрата и в Сирии уже давно обращали на себя внимание выдающиеся из окружающей равнины холмы, которые заключают в себе развалины древних городов. Еще путешественники XVI и XVII вв. указывали на холмы против Моссула, как на место древней *Ниневии*. В конце XVIII в. папский представитель в Вавилонии, архиепископ Beauchamp обратил внимание ученых на холмы у Хилла, как на остатки Вавилона, а также на развалины к югу от Багдада на Тигре (Mémoire sur les antiquités Babyl. aux environs de Bagdad, 1790), откуда уже мог послать во Францию памятники; английская Остиндская компания стала заботиться о составлении вавилонской коллекции, которая, найдя себе место в East India House в Лондоне, была родоначальницей богатейшего ныне собрания Британского музея. Последний скоро также получил новые приобретения науки в Вавилонии. Англичанин Рич, уполномоченный Остиндской компании в Багдаде, занялся описанием вавилонских развалин и издал в 1815 г. свою «Memoirs of the ruins of Babylon». Ему удалось побывать также в окрестностях Моссула, собрать и там древности, снять точные планы, составить подробные описания. Его разнообразная коллекция, выставленная в Британском музее, возбудила всеобщий интерес к библейскому Вавилону и Ниневии, и французский вице-консул в Моссуле, Поль Ботта начал в декабре 1842 г. раскапывать стоящий на месте Ниневии

холм Куюнджик, но без особенных результатов. Тогда он перешел к другому холму — Хорсабаду, и здесь его работы увенчались успехом — были найдены остатки дворца царя Саргона: стены оказались покрыты прекрасными барельефами, которые тотчас же после открытия зарисовал художник Flandin. В 1846 г. результаты были доставлены в Лувр, и на счет правительства было предпринято роскошное издание их (Monuments de Ninive, в 5 томах).

Успехи французов возбудили соревнование англичан. В 1845 г. молодой англичанин Л э й я р д (Layard) на средства мецената Кеннинга успешно начал раскапывать у Моссула холм Нимруд вверх по Тигру, место древнего города Калаха. Здесь он открыл интересные скульптуры и дворец Ассурнасирпала и, принявшись снова за оставленный французами Куюнджик, нашел впервые остатки ниневийского дворца. Открытия его побудили Британский музей дать ему средства для дальнейших работ. В 1849—51 гг. продолжалась вторая его экспедиция, в которой принял участие оказавший большие услуги ассириологии английский консул Рассам. Были раскопаны дворец Синахериба в Куюнджике, развалины дворца Тиглатпаласара в Калат-Шергате, древнем Ассуре, а также найдена во дворце Ассурбанипала его придворная библиотека. Это удивительное открытие до сих пор остается одним из неисчерпаемых сокровищ Британского музея. И другие находки Лэйярда превзошли все ожидания. Множество прекрасных барельефов, украшавших стены дворцов, вводили в самую жизнь ассириян, масса мелких древностей давала материал для археолога, а бесчисленное количество клинописных текстов еще ждало исследователя. Результаты экспедиции изложены в трудах: L a y a r d, Monuments of Nineveh, 1849; Nineveh, and its remains (2 т. 5-е изд.), 1850; Discoveries in the ruins of Nineveh and Babylon, 1853. Русский перевод: Путешествие и труды Лэйярда и открытие памятников Ниневии. Библиот. для чтения, 1857. После возвращения Лэйярда в Англию, его дело продолжали Р а с с а м и Л о ф т у с, также сделавшие интересные находки. Затем, до 70-х годов о Ниневии мало думали. Толчок к новому интересу подали работы Д ж о р д ж а С м и т а над документами, найденными в библиотеке Ассурбанипала. Ему удалось найти среди них вавилонское сказание о потопе и другие части эпоса Гильгамеша. Сообщение его произвело такую сенсацию, что редакция «Daily Telegraph» дала Смиту 1000 гиней (10 000 руб.) на отыскание недостающих частей эпоса. В 1873 г. Смит отправился в Ниневию, и ему действительно удалось в Куюнджике найти то, чего он искал. Впоследствии его посылали еще два раза производить раскопки, и он нашел немало новых памятников ассирийской литературы исторического и религиозного содержания; его работы и издания найденных и разобранных им космогонических текстов имели необыкновенный успех и были одной из причин пробуждения того интереса к Древнему Востоку, который так силен в Западной Европе, особенно в Англии. После него раскопки продолжал неутомимый Рассам. Получив, благодаря содействию Лэйярда, теперь уже британского посланника в Константинополе, необычайные льготы, он, однако, стал слишком злоупотреблять ими и обратил археологические изыскания в спорт, копая сразу во многих местах и гоняясь лишь за необычайным. Наиболее важной находкой его на этот раз были знаменитые балаватские бронзовые врата с прекрасными мелкими барельефами, изображающими подвиги Салманасара II. После его возвращения в 1882 г. в Англию, Ниневия не видала исследователей до 1903 г., когда экспедиция Британского музея с К и н г о м и Т о м п с о н о м во главе вновь принялась за Куюнджик и открыла остатки разрушенного храма Набу. В том же году немецкое Orientgesellschaft начало производить раскопки в Калат-Шергате, древнем Ассуре, и обследовало памятники, начиная с древнейших времен ассирийского царства и кончая эпохой его падения. Найдено множество надписей, громадное количество таблеток из храмового архива, остатков частных домов и погребений самого разнообразного типа.

Вавилония долго после Рича не привлекала археологов, только в 1852—4 гг.

французское правительство снарядило сюда экспедицию под начальством Френеля и Опперта. К несчастью, ее результаты погибли, потонув в Тигре. В 1854 г. англичане Тэйлор и Лофтус открыли под холмами Варка и Мукайяр развалины городов Эреха и Ура, интересных также и для библейской истории. В том же году Раулинсон обследовал башню Бирс-Нимруд, которая оказалась описанным у Геродота храмом с семью этажами. Дальнейшие розыскания Рассама установили, что эта местность — Борсиппа, предместье Вавилона, лежавшего на противоположном берегу Евфрата. В 1876 г. Рассам и Раулинсон копали холм Абу-Хабба, который оказался местом древнего Сиппара с его знаменитым храмом бога солнца Шамаша, состоявшим из 300 зал и помещений для жрецов, архивов и т. п. В архивах найдено множество клинописных табличек делового содержания: храм служил также присутственным местом для сделок разного рода. В 1877 г. начал свои плодотворные изыскания в лежащем еще далее к югу холме Телло француз де-Сарзек. Здесь были найдены развалины храмов и дворцов, превосходящих по древности все, до тех пор найденные в этих местах. Памятники культуры, процветавшей здесь еще до основания Вавилона, состоят из великолепных диоритовых статуй, сосудов, бронз и великого множества клинописных табличек. Все это является в настоящее время лучшим украшением Лувра. См. E. de-Sarzec, Découvertes en Chaldée. — После смерти de-Sarzec'а раскопки продолжал с 1903 г. капитан Cros, успевший сделать важные открытия. См. Cros, Heuzey и Thureau-Dangin, Nouvelles fouilles de Tello. Paris, 1910—11.

В последнее время Вавилонию исследуют, главным образом, немцы и американцы. В 1887 г. Петерс снарядил экспедицию от Пенсильванского университета. Раскопки производились на холме к юго-востоку от Вавилона, заключавшем в себе развалины знаменитого древнего города Ниппура, и привели к богатым результатам. Нашли большой храм бога Энлиля, основанный еще раньше храмов, найденных в Телло, бывший одним из главных мест паломничества и переживший много эпох истории. От всех их остались интересные следы, а в архивах — множество деловых документов, главным образом, XVIII—XIII вв. и даже персидских времен. Найдены также гробницы, что особенно интересно, так как погребальный культ в Вавилонии нам мало известен. Раскопки потом были возобновлены под руководством проф. Гильпрехта. Весной 1900 г. найдена богатая храмовая библиотека. Результаты экспедиции публикуются в ряде томов «The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania» с 1896 г. См. еще Peters, Nippur. 2 т., 1898. В 1899 г. начала свои работы в Вавилоне экспедиция, снаряженная немецким Orientgesellschaft, под руководством Кольдевея. Исследовали дворец Навуходоносора и великий храм Мардука, открыли священную дорогу, по которой направлялись праздничные процессии Вавилона в лежавшую напротив Борсиппу, установили план Вавилона и т. п. В 1902 г. немцы раскопали холм Фара, заключавший в себе развалины весьма древнего, «допотопного» города Шуриппака, на месте которого потом не было поселения. Здесь открыты храмовая башня и интересный некрополь, равно как под соседним холмом Абу-Хатабом (др. Киссура). Отчеты помещаются в малодоступных «Mitteilungen» Общества. В 1903—4 гг. американская экспедиция сделала интересные находки (между прочим, найдены древнейшие сумерийские статуи) под холмом Бисмайя (др. Адаб).

Важными для разрешения проблем истории и этнографии древнейшего Сеннаара оказались археологические исследования, произведенные Pumpelly по почину Carnegie Institution в Вашингтоне в 1903—4 гг. в Закаспийской области и близ Ашхабада, а также немецкой экспедицией Губерта Шмидта в Мерве. Найденные ими доисторические культуры обнаружили, повидимому, некоторые параллели к памятникам древности «к западу от Иранского плоскогорья» и дали повод к предположениям о выселении сумерийцев с востока.

В 1894 г. персидский шах разрешил Франции производить раскопки во всей

Персии, под условием уступки персидскому правительству половины найденного. В 1900 г. за французскими учеными была признана монополия археологических изысканий. Конечно, прежде всего было обращено внимание на область, граничившую с древней Вавилонией, имевшую с ней общую культуру и игравшую роль в ее истории — Элам, т. е. Сузиану. Результаты раскопок, предпринятых здесь де-Морганом, превзошли самые смелые ожидания. Были найдены памятники всех эпох, начиная с доисторической (между прочим, архаическое письмо). Не говоря уже о древностях эламского царства, история которого теперь, в общем, может быть уже написана, начиная с доисторических времен, археолог нашел замечательные произведения вавилонского происхождения, доставленные в Элам в качестве военной добычи. Результаты экспедиции делаются доступными ученым в прекрасном многотомном издании «Délégation en Perse». Клинописный материал разрабатывает ассириолог иезуит Scheil.

Французские археологи наиболее потрудились и для изучения культуры, сменившей в Сузиане эламскую — персидской.

Еще в 1840—1 гг. Flandin и Coste, а несколько позднее Fergusson и Texier, определили положение и общий план Персеполя и его дворцов, а также нашли интересные скульптуры и реконструировали тронную залу Ахеменидов (Ападана). В 1895 г. супруги Dieulafoy производили изыскания в Сузах. Был найден дворец Артаксеркса I, построенный на месте сгоревшего дворца Дария. Удалось из кусочков собрать замечательные эмалевые фризы, изображающие шествие львов и воинов царской гвардии (к сожалению, при реставрации недостающие части были подделаны), найдено также много раскрашенных изразцов с растительным орнаментом, украшавших парапеты дворцов, и, наконец, колонны со своеобразной капителью из быков. Всеми этими сокровищами гордится Лувр, единственный из европейских музеев, обладающий большой коллекцией древне-персидских памятников. См. Flandin — Coste, Voyage en Perse. Dieulafoy, L'Acropole de Suse.

В начале нашего века работали в Персии King и Thompson, занимавшиеся главным образом новым сличением Бехистунской надписи. Это было весьма трудное в техническом отношении предприятие: приходилось работать, вися на канате в 70 метров. Результаты изданы в 1907 г. под заглавием: The sculptures and inscriptions of Darius the Great... A new collation of the Persian, Susian and Babylonian text with English translations.

Область, примыкавшая к ассиро-вавилонской культуре с севера — Ванское царство, — появилась на горизонте историков с 1840 г., когда был издан отчет об экспедиции француза Шульца в Армению в 1827 г., с приложением 42 найденных здесь клинообразных надписей. С тех пор мало-по-малу делались известными новые надписи, и теперь их в распоряжении ученых более сотни. Так как они написаны на туземном языке, то чтение их потребовало подготовительных работ и было облегчено существованием ассиро-ванской двуязычной надписи. После первых неудачных попыток, их стал удовлетворительно объяснять Guyard (1880), потом англичанин Сэйс. В 1894 г. Московское археологическое общество снарядило экспедицию под руководством М. В. Никольского в русское Закавказье для отыскания новых и проверки старых надписей, а также для изучения древней географии и топографии области Ванского царства. Экспедиция с успехом исполнила эти поручения, и результатом ее работ был, между прочим, прекрасный том — сборник надписей, найденных в русской Армении, с фототипическими воспроизведениями как текстов, так и видов мест их находок (5-й т. «Материалов по археологии Кавказа»). К сожалению, ее деятельность ограничилась только русской Арменией, а потому результаты снаряженной в 1898—1900 гг. немецкой экспедиции Лемана и Белька, обследовавшей как русскую, так и главным образом турецкую и персидскую Армению, были неcрав-

ненно богаче. В 1911—12 г. И. А. Орбели был командирован Академией наук в Ванскую область, между прочим, для изучения ванской старины. Результаты командировки из памятников клинописи и искусства, сделавшись предметом изучения Н. Я. Марра и Б. В. Фармаковского, выяснили важность изучения ванской старины, между прочим, и для понимания археологического прошлого нашего Юга. Все это привело Русское археологическое общество и Академию наук к убеждению в необходимости систематического изучения Ванской области. Война ускорила начало этого дела, временно отдав последнюю в наши руки. Уже с начала войны стали с фронта приходить известия и письма о находках клинообразных надписей, затем и самые надписи в фотографиях, эстампажах и натуре. Зимняя экспедиция 1915 г. в Ван С. В. Тер-Аветисяна дала, между прочим, фотографии 20 клинообразных надписей, большею частью найденных в свое время немцами и до сих пор не изданных. В конце мая 1916 г. отбыла из Петрограда экспедиция во вновь занятые местности, снаряженная по почину Археол. общества (Н. Я. Марр и И. А. Орбели). Проработав в Ване до конца июля, экспедиция открыла, между прочим, три больших клинообразных надписи, составляющих одно целое в 100 строк, повествующих о постройках и 23 походах ванского царя Сардура II. Это — одна из самых больших и важных ванских надписей: ее значение может быть сравнено с тем, какое имеют карнакские анналы Тутмоса III, Бехистунская надпись и т. п.

Ванское царство, примыкая в культурном отношении в ассиро-вавилонскому миру, этнографически стоит ближе к области третьей древне-восточной культуры — *хеттской*, распространенной по Малой Азии и Северной Сирии и замеченной еще, начиная с 40-х годов XIX в., путешественниками (напр., Тексье). Попытки читать загадочные иероглифы этих памятников делались и делаются постоянно. Над ними трудились Мессершмидт, Кондер, Сэйс, Иенсен, Клюге, Глейе и др., но пока без общепризнанного успеха, что и понятно, в виду того, что в данном случае у науки нет средства, давшего ей ключ к чтению египетских иероглифов или клинописи — нет двуязычных надписей. До сих пор известна только одна печать, на которой стоит имя царя Таркудиму, начертанное клинописью; несколько стоящих тут же хеттских иероглифов, может быть, представляют транскрипцию этого имени, а может быть и не имеют к нему никакого отношения; во всяком случае, их недостаточно для отыскания ключа к чтению больших текстов. [Резко изменилось дело после работ Грозного, который дал теперь ключ к чтению хеттских иероглифов в своем фундаментальном труде (B. Hrozny, Les inscriptions Hittites hiéroglyphique. Praha. I—II. 1933—1934)]. Поэтому до сих пор приходится довольствоваться накоплением археологического материала. Наиболее плодотворной была экспедиция, предпринятая сюда в 1890 г. из Оксфорда Рамзеем и Хогартом. Были обследованы главные местности Каппадокии и собрано достаточное количество хеттских памятников. В 1893—4 гг. в Малой Азии работали француз Шантр и академик Я. И. Смирнов, сообщившие интересные находки, между прочим, и хеттских древностей. Еще раньше русский генерал Люндеквист впервые открыл древности Мараша, города, лежавшего на границе хеттского и семитического, сирийского мира (подробнее см. в моей брошюре: К истории хеттского вопроса, 1901). Памятники ближайшего к нему семитического, или скорее семитизированного царства Самаля нашла в 1889 г. экспедиция, снаряженная немецким Orient-Comité, под холмом Зендширли. Характерные произведения этой своеобразной смешанной культуры, состоящие из интересных, хотя и грубых барельефов, колоссальных царских статуй и идолов с надписями, сосудов, архитектурных обломков и т. п., представляют в настоящее время украшение Берлинского музея. В самой Месопотамии, в Тель-Халер немецкий археолог Ф. Оппенгейм также нашел памятники, примыкающие к хеттскому стилю. Здесь найдены барельефы религиозного и светского характера, остатки огромного дворца и храма, множество статуй,

керамики и мелких предметов. В то же время американцами сделаны важные открытия в Сардах, дающие новые указания на родство лидян с этрусками. Найденная лидийско-арамейская двуязычная надпись, может быть, поможет разрешению филологических вопросов. В 1906 г. в центре хеттской культуры, Богазкеое, производил раскопки проф. Винклер, сделавший замечательные открытия, знаменующие новую эру в изучении культуры Древнего Востока. Hogarth, Woolley и Lawrence исследовали Кархемиш и соседние холмы и сделали много ценных находок; в 1914 г. вышел первый том их изд. «Carchemish».

Что касается до собственной *Сирии*, то здесь до самого недавнего времени было сделано немного, несмотря на весь интерес, какой имеют для христиан и евреев места, освященные библейскими воспоминаниями. Здесь никогда не прекращалась историческая жизнь, и население всегда было густо, отчего древние памятники шли на новые потребности, и древние культурные слои загромождались множеством более новых. Долго даже *финикийские* надписи, попадавшиеся уже с XVII в. на берегах и островах Средиземного моря, были недоступны пониманию археологов, пока не была (1735) издана двуязычная греко-финикийская надпись, найденная на Мальте, и не дала возможности англичанину Swinton'у и французскому аббату Barthélemy, нашедшим ключ к алфавитным финикийским текстам, убедиться окончательно в чистом семитизме финикийского языка (см. подробнее в моей брошюре: Очерк истории изучения финикийской древности. Спб., 1893). Экспедиции для раскопок, посылавшиеся в Финикию, имели долгое время мало осязательных результатов. Одна из самых крупных была предпринята в 1860 г. Ренаном по повелению Наполеона III (результаты изданы в труде «Mission en Phénicie»). Хотя ее работы и весьма важны для науки, все же добыто ею гораздо меньше того, что при таких же затратах добывалось в Египте или Ассирии. К тому же найденные памятники все сравнительно позднего времени. Более успешны были раскопки на Кипре (Чесноли, Чеккальди и Рихтера), на Крите (Эванса) и в Карфагене, ведущиеся по почину кардинала Лавижери французскими монахами — pères blans — с 1876 г. В 1903—4 г. в Сидоне производил раскопки Оттоманский музей (Макриди-бей) с субсидией барона Ландау. Об археологических открытиях в колонизованном финикиянами Карфагене см. Delattre, Les tombeaux puniques de Carthage. Lyon, 1890. Его же, Nécropole punique de S. Louis. L., 1896, и дальнейшие отчеты о карфагенских раскопках в журнале Cosmos. В 1912 г. обнаружены, повидимому, финикийские остатки в Севилье, давшие повод помещать здесь библейский Фарсис (раскопки англ. археолога Wishaw).

Палестина, конечно, всегда была предметом интенсивного внимания науки. Во многих странах существуют Палестинские общества, включающие в свою задачу и всестороннее изучение ее. И б. Православное палестинское общество имело ученый отдел, сделавший не мало для палестиноведения. В Иерусалиме даже создался русский музей местных древностей. Целый ряд западно-европейских религиозных конгрегаций посвятил себя археологическому изучению страны библии. Раскопки в Палестине представляют исключительные трудности, так как страна была все время обитаема, и один период сменял непосредственно другой. На одном и том же холме селились представители различных культур и национальностей, начиная от хананеев и их предшественников и кончая арабами, крестоносцами и нашими современниками, почему такой холм (tell) заключает в себе несколько городов, построенных один поверх другого. Будучи разрушен, город поднимал уровень холма и составлял наслоение, в котором сохранялись фундаменты, обломки и остатки утвари и предметов культа. Таких наслоений иногда были целые десятки, подобно геологическим отложениям. Они бывают различной толщины, в зависимости от продолжительности существования города; каждое из них имеет особенности, отличающие его от смежных. Случается, конечно, что предметы из одного слоя проникают в другой, или потому, что ими пользовались позднейшие обитатели, или случайно — от дождя и т. п.

Опытный археолог сумеет разобраться в этом, отнести каждую вещь к соответствующей эпохе и установить относительную археологическую хронологию, подтверждаемую эпиграфическими или другими находками, хронология которых несомненна. Таким путем раскопаны: Лахиш—Флиндерсом Петри и Блиссом в 1902 г., Геф—Блиссом в 1900 г., Гезер — Макалистером —1902, Тааннек — Зеллином в 1902—3, Мегиддо — в 1905— немецк. археологами (главным образом Шумахером), Гарвардским университетом — Самария — 1911—12, английским Palestine Exploration Fund — древний Бет-Шемеш (Вифсамис). [Существовал и] существует ряд ученых журналов, посвящённых палестиноведению, напр.: Православный палестинский сборник, Сообщения Православного палестинского общества, Zeitschrift d. Deutschen Palestina Vereins, Palestine Exploration Fund, Revue Biblique. См. Vincent, Canaan. Par., 1907.

Самая южная область семитического мира — *Аравия*, —,несмотря на свою замкнутость, особенно привлекает внимание ученых. Впервые южно-арабские надписи попали в Европу в 1810 г., когда наш соотечественник Зетцен прислал из Мохи копии пяти ничтожных савейских надписей. В 1845 г. французский путешественник Арно списал в Марибе, Сане и Сирвахе 56 надписей и 20 амранских бронзовых дощечек. Явилась возможность ознакомиться с химьяритским языком. В 1869 г. французский семитолог Галеви, переодевшись в костюм бедного палестинского еврея, собрал в Аравии более 70 текстов; ему первому из европейцев удалось проникнуть к северу до Неграна и Верх. Джофа, области древнего царства минеев. Но еще более ценны результаты четырех экспедиций неутомимого археолога Глазера (1882—4, 1885—6, 1887—8, 1892—4), открывшего множество надписей и древностей, в том числе длинных текстов. Приучив своих бедуинов делать эстампажи, он рассылал их во все стороны, а сам, сидя в Сане, собирал и проверял их работу. В настоящее время эта отрасль востоковедения обладает богатейшим материалом и обещает привести к важным и неожиданным результатам, но пока, к сожалению, материал этот издается крайне туго и продолжает лежать в музеях, библиотеках и записных книжках путешественников. В 1890 г. англичанин Бент нашел савейские надписи на противоположном берегу Чермного моря, в африканской Абиссинии. См. D. H. Müller, Epigraphische Denkmäler aus Abessinien.

Покорение англо-египетскими войсками Судана (1900) и приобщение Южной *Нубии* к культурному миру обусловили возобновление прерванных после Лепсиуса систематических научных исследований и в этой области Древнего Востока. В Хартуме был устроен музей нубийских, особенно мероитских древностей. С 1897 до 1905 г. хранитель египетского отдела Британского музея Budge четыре раза командируется в мероитскую Эфиопию для производства изысканий. Результаты см. в книге: The Egyptian Sudan, 1905—6. В 1906—7 г. в Нубию, как в нижнюю, так и в суданскую, был командирован чикагский египтолог, проф. Breasted, сообщивший результаты своих работ в двух отчетах в American Journal of Semitic Languages. С 1907 г. Пенсильванский университет ведет археологические работы в южной части местности между первым и вторым катарактами. Пока найдено много замечательных остатков мероитской культуры с I в. до н. э. по III в. н. э. С 1909 г., по почину Ливерпульского университета, в широких размерах ведутся археологические изыскания в Мероэ. Garstang и Sayce открыли остатки царских дворцов и храма Солнца, и в них много замечательных предметов искусства и художественной промышленности, барельефы исторического содержания, надписи. Одновременно начала работу в Нубии и Судане экспедиция Оксфордского университета. Памятники искусств и ремесел описывают Mac-Iver и Woolley, а находимые мероитские надписи исследуются Griffith, который близко подошел к разбору и чтению этих загадочных текстов. См. Eckley B. Coxe jun. Expedition to Nubia. I. Areika. Oxford, 1909. II. Karanog, 1910. Sayce, Garstang, Griffith. Meroe, 1911.

Научная разработка собранного материала не заставила себя долго ждать. До его открытия ученым приходилось топтаться на месте, собирая и комментируя известия древних классиков и библии. Этот подготовительный период дал не мало почтенных трудов, имеющих значение и теперь, как своды классического материала, напр.: Bunsen, Aegyptens Stelle in d. Weltgeschichte. Ham., 1845. Jablonski, Pantheon Aegyptiorum. Франкф.-на-М., 1701. Bochart, Chanaan. Франкф.-на-М., 1681. Selden, De diis Syris. Лейпц., 1672. Heeren, Ideen. 3 части в 6 томах. Göttingen, 1824—1826. Movers, Die Phönizier. I—III. Bonn, 1841—1856. Stark, Gaza und die Philistäische Küste. Иена, 1852. Niebuhr, Geschichte Assurs und Babels. Берл., 1857.

Открытия новых источников произвели, конечно, переворот в науке и вызвали потребность пересмотра древне-восточной истории. Но на этом пути было не мало увлечений. Открытий делалось слишком много; находки первостепенной важности быстро следовали одна за другой; некогда было разобраться в материале и тщательно изучить его. Ученые, казалось, забыли, что древние культуры жили тысячелетия и не могли не иметь истории и развития. Данные времен Птолемеев применялись без оговорок для суждения об эпохе за 3000 лет до н. э.; по ассирийским текстам судили о древнем Вавилоне, не хотели понять также, что и языки, и религии имели свое развитие и видоизменялись в течение веков. Ко всему этому присоединилась популяризаторская горячка. Молодые науки еще сильно нуждались в кропотливых предварительных изысканиях, в расчленении, классификации материала. Однако, это не мешало ученым браться за большие труды общего характера, носившие к тому же популярный характер и рассчитанные на широкую публику. Много скороспелого, непродуманного и ненадежного появлялось тогда в ученой литературе и вызывало отповедь и недоверие со стороны трезвых умов. Так, великий ученый Гутшмид в 1876 г. зло осмеял недочеты ассириологии в статье Neue Beiträge zur Geschichte d. alten Orients. Потребовался авторитет и эрудиция самого главы немецких ассириологов, Эбергардта Шрадера, чтобы оправдать научность новой отрасли востоковедения (Keilinschriften und Geschichtsforschung, 1878). Но не мало и почтенных, солидных трудов, особенно по части издания памятников и их разработки, оставил нам *первый* период истории египтологии и ассириологии (до 80-х годов). Назовем труды Бругша: Thesaurus inscriptionum Aegyptiacarum, где собрано множество египетских надписей самого разнообразного содержания. Aegyptisches Wörterbuch, Geschichte Aegyptens unter den Pharaonen (имеется русск. перев.). Religion und Mythologie d. alt. Aegypter, Die Aegyptologie и мн. др. Все они, конечно, сильно устарели; все стоят на старой точке зрения неподвижности египетской культуры: но, благодаря обилию собранного материала, к ним и теперь приходится обращаться. К тому же времени относится и прекрасное издание corpus'а клинообразных надписей Британского музея в 5 больших фолиантах (Cuneiform inscriptions of Western Asia), за которым в недавнее время последовало продолжение (Cuneiform texts), а также начало издания знаменитого предприятия Парижской академии надписей — Corpus inscriptionum Semiticarum. Пока изданы финикийские, арамейские и южно-арабские надписи. — Тогда же возникли и специальные органы, посвященные Древнему Востоку: Zeitschrift für ägyptische Sprache und Alterthumskunde, Recueil de travaux relatifs à l'archéologie et la philologie égyptiennes et assyriennes и Proceedings of the Society of Biblical Archeology. Была сделана и попытка перевода всех наиболее важных иероглифических и клинописных текстов на английский язык, так наз. серия Records of the Past, но вполне удачной назвать ее нельзя. То же самое, но еще в большей мере, следует сказать о труде Ménant, посвященном летописям ассирийских царей: им пользоваться и тогда можно было только с большой осторожностью. Все-таки заслугой этих книг (между прочим, и русской переработки книги Ménant, сделанной проф. Астафьевым, — Древности вавилоно-ассирийские) было развитие интереса к Древнему Востоку в широких кругах общества. С этой стороны заслуживают упоминания и романы Эберса.

Были и попытки общих обзоров истории Древнего Востока. Наибольшею известностью пользуются книги Ленормана и Масперо. Многотомная история Ленормана (9-е изд., 1881), удостоившаяся двукратного перевода на русский язык, не заслуживает внимания: ее автор, талантливый ученый, не свободен от фантастических построений и необдуманных выводов. Труд Масперо, Histoire ancienne des peuples de l'Orient (первое издание 1875) в настоящее время пользуется наибольшим распространением; в 4-м издании он переведен на русский язык, а в 5-м расширен до 3 больших томов с прекрасными иллюстрациями и обильными ссылками на всю литературу до 1896 г. Здесь едва ли не впервые история Древнего Востока изложена как цельный период всемирной истории, а не как механическое соединение историй отдельных государств. Масперо — великий египтолог, а потому в его труде написана по источникам и имеет самостоятельное значение главным образом история Египта. Недостатком книги можно считать слишком догматический тон.

Имя Масперо вводит нас уже во *второй* период истории нашей науки. Накопление материала и увеличение числа ученых сил, а также более трезвое отношение, дали возможность углубиться в открытые источники, классифицировать их и распознавать эпохи. Масперо и Эрману принадлежит заслуга провести этот исторический метод в своих работах; первый последовательно применил его к истории египетской религии (в своих замечательных статьях в Revue de l'histoire des religions), и тем совершенно упразднил систему Бругша; второй (особенно в своей прекрасной книге Aegypten und aegyptisches Leben) — к египетским государственным и бытовым древностям и языку. Оба они создали школы молодых ученых, которым наука обязана весьма важными открытиями и разработкой многих существенных вопросов египтологии. Открытия древнейших памятников Вавилонии поставили на очередь применение того же метода к истории Вавилона и Ассирии (напр., в истории вавилонской религии Jastrow'а, сначала написанной по-английски, потом вышедшей в значительно расширенном немецком издании: Die Religion Babyloniens und Assyriens), и в настоящее время ассириологи с успехом трудятся над изучением древнейших периодов истории Передней Азии, давая обильный материал для специальных периодических изданий: Zeitschrift für Assyriologie, Beiträge für Assyriologie, Assyriologische Bibliothek, Revue d'Assyriologie и др. Появилось и издание полных переводов клинописных текстов, сделанных немецкими учеными, объединившимися около главы немецкой ассириологии Шрадера — в сборнике Keilinschriftliche Bibliothek. Здесь в шести томах даны транскрипции и переводы летописей, строительных надписей по царствованиям, юридических текстов, документов из Телль-Амарны, религиозной и эпической поэзии. С 80-х годов появились и новые общие труды по истории Древнего Востока. В 1884 г. вышел первый том знаменитой Geschichte des Altertums Эдуарда Мейера, представляющий замечательный опыт построения истории Древнего Востока на основании доступного в то время материала. Книга была образцовым компендием в течение 25 лет. На ряду с нею появляются другие ценные коллективные труды — наука уже стала разветвляться. Материал настолько разросся, что для одного лица разработка истории всех народов Древнего Востока сделалась задачей нелегкой, и удобнее было разделить труд между несколькими специалистами. И вот появляются такие коллективные труды. В Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen, под редакцией Онкена, Египет написан Дюмихеном и Эд. Мейером, Финикия — Пичманом, Ассиро-Вавилония — Гоммелем, Персия — Юсти. Все эти труды весьма обширны и стараются соединить строгую научность с доступностью изложения. Конечно, они уже значительно устарели. Труд Пичмана при всех своих недостатках (доведен только до персидского времени и не обнимает всех сторон культуры) — пока единственный после Моверса (в 40-х годах) по истории финикиян, выходящий за пределы краткого очерка или статьи. В то же время готская фирма Пертеса выпустила серию Handbücher für alte Geschichte, в которой история Египта принадлежит Видеману, Ассиро-Вави-

лонии — Тиле, Израиля — Киттелю, Мидии и Персии — Прашеку. Это — весьма почтенные труды, хотя частью и устаревшие. Книгу Видемана, конечно, нельзя назвать историей — это хорошее справочное пособие, в котором перечислены все известные ко времени выхода ее (1888) источники в порядке царствований, и притом большею частью лишь те, в которых упоминается тот или другой царь. Труды Тиле и Киттеля принадлежат пока к наилучшим среди общих историй Ассирии и Израиля. Тиле принадлежит еще краткая всеобщая история древних религий, написанная первоначально по-голландски, но переведенная на многие языки. При всех знаниях и талантливости автора, едва ли под силу одному ученому самостоятельное обозрение всех религий древности. В этом отношении следует поставить выше коллективный труд по истории религий, изданный под редакцией Шантепи-де-ля-Соссэй, имеющийся и в русском переводе. В нем египетская и вавилонская религии написаны хорошими знатоками этого дела — Ланге и Иеремиасом. В недавнее время появились еще труды по египетской религии, написанные Эрманом, Штейндорфом, Навиллем, Брестедом. Упомянем еще о попытке всеобщей истории древнего, и в частности восточного искусства, принадлежащей Perrot и Chipiez (Histoire de l'art dans l'antiquité), в десяти больших томах. Это — весьма ценный, основной труд, недостатком которого является, впрочем, излишняя растянутость. Особенно ценны части, посвященные финикийскому, ассирийскому и персидскому искусству. Конечно, во многих частях он уже сильно устарел: после его появления наука обогатилась такими открытиями, и художественный материал так разросся, что новый большой труд по истории искусства Древнего Востока является настоятельной необходимостью. Работы Масперо (Archéologie Égyptienne, 1887; Égypte в серии Ars una, 1912, есть русский перевод, и др.), Г. Ф. Биссинга (Denkmäler ägypt. Sculptur. 1906—11 и др.), Капара (Les débuts de l'art en Égypte, 1904 и др.) могут считаться только подготовительными к такому труду. Проф. Ф. И. Шмидту принадлежит попытка на основании истории искусства исследовать ход исторической эволюции. Первый том, содержащий введение, искусство Древнего Востока и крито-микенского мира, вышел под заглавием: Законы истории. Введение к курсу всеобщей истории искусства. Харьков, 1916.

Обращали на себя внимание и научные приобретения древне-восточных народов. Radet, Cantor, Oppert и Бобынин писали об египетской математике; иезуиты Strassmaier и Epping — о вавилонской астрономии (Astronomisches aus Babylon и др.); бар. Oefele, В. Модестов занимаются древне-восточной медициной и написали несколько чрезвычайно ценных исследований в этой области (первому принадлежат Vorhippokratische Medizin, Keilschriftmedizin in Parallelen и мн. др.).

Неожиданные открытия конца XIX в. в области древне-вавилонской культуры в связи с находкой Телль-Амарны и доисторических памятников Египта, а также с открытием второстепенных культур и народов Древнего Востока, произвели новый переворот в науке. Мы теперь переживаем уже *третий период* ее истории, в котором долгое время главными двигателями были немецкие ученые, принимавшие лично до мировой войны деятельное участие в извлечении из земли остатков древних культур (немецкое Orientgesellschaft). Роль Вавилона и его влияние на культуру человечества теперь выступили более ярко; вместе с тем, подавляющая масса делового материала дала возможность заняться экономической стороной жизни древне-восточных народов, их политикой и государственностью; история Древнего Востока начинает становиться историей в настоящем смысле этого слова, скелет начинает облекаться в плоть и кровь. Представители точных наук приходят на помощь ориенталистам-историкам в вопросах хронологии (см. ниже), антропологии, геологии и палеонтологии; они вместе со специалистами по доисторической археологии содействуют уяснению вопросов о происхождении рас Древнего Востока (Вирхов, Люшан, Эттеркинг, Швейнфурт и др.) или стараются уяснить геологическое и доистори-

ческое прошлое их стран (d e - M o r g a n, Les premiéres civilisations, 1909). Открываются новые широкие горизонты, археология и лингвистика обещают содействовать снятию завесы с великого вопроса о происхождении и связи восточных культур; заговорили об едином миросозерцании единой эпохи человеческой культуры, загоревшейся на заре истории у устьев Евфрата и оттуда распространившейся во все стороны. Но тут-то и начинаются увлечения. Берлинское Vorderasiatische Gesellschaft, уже самым именем своим доказывающее расширение кругозора, в лице своих талантливых представителей: Винклера, Штукена, Мессершмидта, Вебера, Хюсинга и др., идет слишком далеко по этому пути. В ряде своих изданий они хотят заставить весь мир, все человечество, не исключая Японии и до-колумбовской Америки, видеть в Вавилоне своего учителя; все мифологии мира они выводят из вавилонского звездочетства; в самой истории Древнего Востока они распоряжаются произвольно, не стесняясь самыми смелыми гипотезами и самыми рискованными построениями. Подвергая полному пересмотру материал, они слишком стараются везде говорить новое и слишком злоупотребляют правом историка заключать о предыдущем на основании более известного последующего. При этом они теряют всякую историческую и лингвистическую перспективу. Такими недостатками страдают и их общие, написанные для широкой публики труды: Geschichte Babyloniens-Assyriens и Geschichte Israels В и н к л е р а и третий том Weltgeschichte Гельмольта, написанный Винклером и Нибуром. При всей талантливости изложения, ставящего новые точки зрения, книги эти требуют при пользовании большой осторожности; смелые авторы мало считаются с затруднениями. Не вполне свободна от указанных недостатков и популярная серия, предпринятая Vorderasiatische Gesellschaft под заглавием Der alte Orient. Впрочем, этот ряд написанных специалистами популярных брошюр по различным отраслям древне-восточной истории уже гораздо осторожнее и большею частью дает только то, что твердо установлено в науке. Но есть и исключения. Особенно ярко и грубо проявились все отрицательные стороны нового направления в переработке Винклером и Циммерном знаменитого труда проф. Ш р а д е р а, Keilinschriften und das alte Testament и во втором издании книги J e r e m i a s'a, Das alte Testament im Lichte des alten Orients. Авторы привлекли к делу богатейший материал клинописи и семитической археологии, дали множество ценных заметок и экскурсов, сообщили своим трудам даже общую идею, но при этом наполнили их невозможными сопоставлениями и комбинациями. Если в других своих трудах Винклер свел на солнечные и звездные мифы всю ветхозаветную историю до Давида, то здесь он, вместе с Циммерном, вывел из Вавилона всю христианскую догматику. В связи с этим следует упомянуть и о знаменитом споре по великому вопросу, формулированному Деличем в виде «Babel und Bibel». Этот спор, в связи с пропагандой панвавилонизма, имел одно несомненно благое последствие — необыкновенно содействовал развитию интереса к Древнему Востоку среди самых широких слоев общества.

Реакция против «панвавилонизма» считает в числе своих представителей такую величину, как Э д. М е й е р, который в своем огромном, непрерывно продолжаемом и обновляемом труде Geschichte des Altertums и в подготовительных статьях к новому изданию его первого тома следовал старой осторожной и трезвой методе и высказывался резко против «берлинских откровений». Египтологи школы Эрмана в своих изданиях: Zeitschrift für ägypt. Sprache и Untersuchungen zur Geschichte Aegyptens и в отдельных трудах (напр., B r e a s t e d, History of Egypt) также не считаются с этими «откровениями» и оберегают свою науку от опасного пути ассириологов («Vestigia terrent»). Удар панвавилонизму нанесен и на его собственной территории основательными работами иезуита К у г л е р а, посвященными вавилонской астрономии. В своем рассчитанном на много томов труде Sternkunde und Sterndienst in Babel этот первоклассный специалист, достойный продолжатель Штрассмайера и Эппинга, может быть, заходя в своей реакции слишком далеко,

отрицает глубокую древность вавилонской астрономии и старается доказать, что до половины VIII в. она не имела научного характера, «не обладала сознательным стремлением к познанию звездной закономерности». На ряду с этим богослов Грессман вместе с ассириологом Унгнадом и египтологом Ранке иначе подошли к проблеме Babel und Bibel. Вместо проведения недоказуемых положений и рискованных комбинаций, они дали в руки интересующемуся этим основным вопросом культуры объективный материал — точный, строго проверенный перевод текстов и возможно полное собрание изображений, иллюстрирующих ветхий завет. Таким путем появилось в 1909 г. прекрасное издание Altorientalische Texte und Bilder zum Alten Testamente. Здесь личный элемент сведен до самых кратких пояснительных примечаний, и читатель поставлен лицом к лицу с источниками.

Наконец, в 1911 г. Куглер нанес едва ли не окончательный удар панвавилонизму, подвергнув в своей книжке Im Bannkreis Babels. Panbabylonistische Konstructionen und Religionsgeschichtliche Tatsachen теорию Винклера систематическому разбору по пунктам, доказав ее астрономическую и ассириологическую несостоятельность. «На развалинах панвавилонизма» была названа одна из его предыдущих статей. Многочисленные нападки вынудили Винклера написать книжку для оправдания своего метода: Der Alte Orient und Geschichtsforschung (1906) и вместе с А. Иеремиасом начать серию полемических брошюр Im Kampfe um den Alten Orient. Здесь вспоминаются времена Гутшмида и Шрадера. Совершенно чужды увлечений и вышедшие два первых тома A History of Babylonia and Assyria — L. King'a, посвященные истории Сумира и Аккада (1910) и истории Вавилона (1915) и дающие попытку изложения истории Вавилона до Хаммурапи на основании всего известного пока материала. Но увлечения распространяются и на другие области, кроме религиозной. В 1906 г. появился труд Jensen'a, Das Gilgamescheps in der Weltliteratur, превосходящий все раньше написанное и производящий психопатическое впечатление. Если в нем автор злоупотребляет литературными аналогиями, то превосходящее меру злоупотребление лингвистикой мы находим в первой половине труда Hommel'я, Geographie und Geschichte des Alten Orients, вышедшей в известном сборнике Ivan'a Müller'a (1904). Несколько примыкает к этому направлению и специальный орган, посвященный древне-восточной культуре и выходящий под ред. Ф. Лихтенберга с 1907 г. — «Memnon», а также выдержавший два издания учебник проф. Виппера, Древний Восток и эгейская культура, грешащий модернизацией в своем изложении социальных и экономических отношений.

Эти отрицательные явления, неизбежные при быстром движении науки, представляются, конечно, лишь эксцессами, свойственными переходному времени. Общее направление научной деятельности в современный нам период несомненно следует признать не только разносторонним, много обещающим, но и трезвым и критическим. Легкость сношений и большее совершенство технических способов воспроизведения памятников обусловили возможность новых изданий и пересмотра старых; источники даются в руки исследователей в новых сличениях и тщательно проверенных изданиях. Предприняты и отчасти выполнены грандиозные планы исчерпывающих коллективных трудов, каковы, напр.: берлинский египетский словарь, каталоги Каирского музея, серии изданий и переводы иероглифических и клинописных текстов и памятников искусства (напр., v. Bissing'a, Wreszinsk'ого, издание Assyrian Sculptures, Sarre и др.).

Вместе с тем, не ослабевают усилия расширить этот материал привлечением все еще непонятных письмен не только хеттов, митанни и мероитов, но и носителей критско-микенской цивилизации. Открытие последней разрушило традиционную схему «древней истории» и превратило изучаемый нами отдел исторической науки в первую главу истории средиземноморского мира. Исследования Б. В. Фармаковского, М. И. Ростовцева и школы Н. Я. Марра включили сюда и наш Юг. Выстроенное на этом фундаменте здание будет, во многих наиболее суще-

ственных частях, не похоже на те, которые отражали состояние научного материала прежнего времени. За созидание его взялся ученый, в своем знаменитом труде систематизировавший сведения второго периода нашей науки. Новое издание I тома Geschichte des Altertums Эдуарда Мейера уже по внешнему виду указывает на необычайное развитие этой отрасли исторической науки. Материал, изложенный им в одном томе, пришлось распределить в двух больших томах и привлечь к делу не только «Древний Восток», но и Эгейский мир, и древнейшую Европу. Пред нами пока первая половина этого труда, который составит эпоху в истории науки. К сожалению, не свободен от упрека в искусственности построения большой талантливый труд Германа Шнейдера в двух томах: I. Kultur und Denken der Alten Aegypter, II. Kultur und Denken der Babylonier und Juden, 1910. Автор—натуралист и философ — пользуется материалом в переводах специалистов и, исходя из теории Гердера и Гегеля, рассматривает историю развития человечества, как целого, с историко-философской точки зрения. Он старается проследить развитие человеческого духа, начиная с Египта, проходя чрез Вавилоно-Иудею и кончая эллинством. Талантливый наблюдатель «со стороны» подметил не мало черт, ускользавших от специалистов, и дал несколько превосходных очерков, касающихся религии, литературы, искусства и, особенно, науки народов Древнего Востока. Но он мало считается с затруднениями, представляемыми недостаточностью и случайностью материала, и без всяких оговорок рисует цельную картину непрерывного развития культур. Конечно, и незнакомство с языками изучаемых народов не могло не отразиться на цельности представления об их «культуре и мышлении». Последний труд общего характера по истории Древнего Востока, имеющий научное значение, принадлежит одному из хранителей Британского музея H. R. Hall — The ancient History of the Near East, 1913. Он рассчитан на студентов, но может быть полезен и для специалистов. Особенностью его является, между прочим, то, что в общую схему включены и эгейская культура и история Греции до Персидских войн, «когда западная цивилизация определилась, как отличная от восточной, и началась наша собственная эра культуры». Книга снабжена многими прекрасными иллюстрациями.

Итак, накануне мировой войны наша научная область достигла огромных успехов и небывалого расцвета, привлекла к работе множество специалистов Старого и Нового Света, добывавших материал на местах, разрабатывавших его в кабинетах и знакомивших с ним в аудиториях, привлекая многочисленные новые силы. Широкие круги общества живо стали интересоваться Востоком, доходя иногда до увлечений и крайностей. Для печатания монументальных изданий и исследований издательства и ученые общества охотно открывали кредиты; в одной Англии появилось несколько новых журналов, посвященных Востоку вообще и Египту в особенности (напр., Ancient Egypt и Journal of Egyptian Archeology, оба с 1914). И наша наука начала активную деятельность на ниве Древнего Востока, созидая музеи, издавая и разрабатывая тексты, производя археологические изыскания на местах, пока сопредельных.

[После окончания империалистической войны 1914 г. крупным событием в пределах науки о Древнем Востоке было празднование всем культурным миром столетия со дня рождения египтологии, дисциплины, созданной гением француза Фр. Шамполлиона. Во Франции в честь Шамполлиона был издан громадный сборник, в котором приняли участие ученые многих стран, —Recueil d'Études Égyptologiques, dédiées à la mémoire de Jean-François Champollion à l'occasion du Centenaire de la lettre à M. Dacier relative à l'alphabet des hiéroglyphes phonétiques lue à l'Academie des Insc. et B.-L. le 27 Sept. 1822. Paris, 1922. К сборнику была приложена библиография трудов Шамполлиона: Ricci, Essai de bibliographie de Champollion le Jeune. Из исследований сборника, имеющих непосредственное отношение к Шамполлиону, можно отметить: Naville, La grammaire de Champollion; Capart, Champollion et l'art égyptien и др. Во Франции же было издано, в связи с юбилеем, прекрасное введение в египтологию, H. Sottas et

[E. Drioton, Introduction à l'étude des Hiéroglyphes. Paris, 1922. Из исследований, посвященных дешифровке Шамполлионом иероглифов, нам известны во Франции: Bénédite, Le déchiffrement des hiéroglyphes (Rev. Arch. 1922, стр. 176—183), в Швейцарии: Naville, Champollion, Genf. 1922, в Германии: A. Erman, Die Entzifferung der Hieroglyphen (Sitzungsber. d. Preus. Akad. d. Wissensch., 1922) и A. Wiedemann, Die Entzifferung der Hieroglyphen (Neue Jahrb. 1923, I, стр. 1—15). У нас юбилей бессмертного открытия Шамполлиона был предварен прекрасной книгой Е. Кагарова: Прошлое и настоящее египтологии. Серг. пос., 1915. Согласно желанию, высказанному еще Б. А. Тураевым, день прочтения Шамполлионом знаменитого письма, адресованного Дасье, был ознаменован торжественным заседанием Академии наук, с докладами, посвященными дешифровке иероглифов и истории египтологии. В Москве также состоялось торжество в честь столетнего юбилея египтологии. И в Петрограде, и в Москве, в качестве докладчиков, выступали ученики Б. А. Тураева, создателя русской египтологии и истории Древнего Востока. В связи со столетним юбилеем египтологии, появились статьи и брошюры следующих авторов: Т. Н. Бороздиной, Новый Восток, III, 1923; В. В. Струве, Анналы, II, 1922; Н. Д. Флиттнер, Как научились читать иероглифы, Пгр., 1922; И. Г. Франка-Каменецкого, Новый Восток, II, 1922; его же, Как научились читать египетские письмена, М., 1922; А. В. Шмидта, Развитие египтологии в России (Наука и ее работники, 1922, 3—4).

Если чествование великого открытия Шамполлиона объединило научный мир во имя прошлого, то учрежденный при Чикагском университете Востоковедный институт мог бы объединить всех специалистов по истории Древнего Востока во имя будущего. Это учреждение, The Oriental Institute of the University of Chicago, было основано в 1919 г. на средства Рокфеллера. Из задач, поставленных институту, в особенности важными являются: подготовка и ведение раскопок, составление ассиро-вавилонского словаря на основании всех известных теперь текстов и работа над мало еще исследованной «Книгой Мертвых», заупокойной литературой Древнего Египта. О Чикагском институте востоковедения см. обстоятельную статью J. H. Breasted, Amer. Journ. of Semit. Lang. a Liter., t. XXXV, № 4, июль 1919 г., стр. 196—204, и А. Фрейман, Востоковедный институт в Чикаго (Восток, III, 1923, стр. 166). Чикагский институт развернул чрезвычайно большую экспедиционную и издательскую деятельность. Его деятельностью были охвачены Египет, Палестина, Сирия и Малая Азия. В Египте был захвачен исследованием раннеисторический период (K. S. Sanford and W. J. Arkell, First report of the Prehistoric Survey Expedition; их же, Prehistoric survey of Egypt and Western Asia); в Палестине около Мегиддо были проведены раскопки Armageddon (Cl. S. Fischer, The Excavation of Armageddon и P. L. O. Guy, New Light from Armageddon); более поздние периоды Египта были затронуты при раскопках в Фивах (Uvo Hölscher, Excavations at Ancient Thebes 1930—31); чрезвычайно важные данные из области древне-египетской архитектуры и исторической эпиграфики были получены в результате шестилетней стационарной работы в Мединет-Абу (H. Nelson and Uvo Hölscher, Medinet Habu, 1924—28; Uvo Hölscher and S. Wilson, Medinet Habu Studies, 1928—29; H. Nelson, Medinet Habu Reports; H. Nelson, Medinet Habu, 2 тома); в Малой Азии в течение трех лет было произведено археологическое обследование памятников хеттской культуры (H. H. v. d. Osten, Explorations in Hittite Asia Minor) и в течение четырех лет проводились большие раскопки в Анатолии (E. F. Schmidt, Anatolia through the ages; R. A. Martin and J. A. Morrison, Discoveries in Anatolia; H. H. v. d. Osten and E. F. Schmidt, Researches in Anatolia, 4 тома). Работы Института опубликовываются в трех сериях (Oriental Institute Communications; Studies in ancient oriental civilisation; Oriental Institute Publications). Кроме того отдельные издания, входящие в последнюю серию, содержат новые издания текстов (Cuneiform Series]

[I, II; The Edwin Smith Surgical Papyrus) и работы по языку (Br. Meissner, Beiträge zum Assyrischen Wörterbuch, I—II).

Большое значение в деле изучения древнейших периодов истории Передней Азии и Средиземноморья имел Петербургский институт яфетидологических изысканий, организовавшийся в 1921 г. при Российской академии наук, под руководством акад. Н. Я. Марра. Задачи этого нового научного учреждения были столь всеобъемлющи (см. Положение об Институте яфетидологических изысканий, Яфетич. сборник I), что в число сотрудников входили специалисты языков всех стран и времен. Дело в том, что основатель института Н. Я. Марр ввел в область лингвистических изысканий новый оригинальный метод, так называемый метод палеонтологии языка. Опираясь на энциклопедическое знание языков яфетических, семито-хамитских и индо-европейских, пользуясь установленными им основными законами яфетического сравнительного языкознания и применяя метод палеонтологии языка, Н. Я. Марр встал на путь, который в конечном результате должен был привести его к установлению единства процесса языкотворчества. Направляя на том этапе работы Яфетидологического института в данном направлении, Н. Я. уже установил факт важнейшего значения, а именно — исторические взаимоотношения яфетических, семито-хамитских и индо-европейских языков. Оказывается, что эти три, казалось, совсем обособленные друг от друга группы языков соответствуют различным стадиям исторического развития языков. Одна из ранних стадий сохранилась в яфетических языках, а поздняя стадия выявляется в лице индо-европейских языков. Первую попытку к сближению русских исследователей с заграничными на почве яфетидологии сделал Н. Я. Марр, выпуская совместно с проф. Ф. А. Брауном на немецком языке серию «Japhetische Studien zur Sprache u. Kultur Eurasiens». Первые два выпуска уже появились: I. F. Braun, Die Urbevölkerung Europas u. die Herkunft der Germanen, 1922 и II. N. Marr, Der japhetische Kaukasus u. das dritte ethnische Element im Bildungsprozess der mittelländischen Kultur, 1923. Ряд новых выпусков готовился к печати, из которых важнейшими должны были быть: N. Marr, Abriss einer vergleichenden Grammatik der japhetischen Sprachen; его же, Grammatik der georgischen Sprache mit Texten; его же, Grammatik der altarmenischen Schriftsprache; его же, Grammatik der baskischen Sprache auf historischer Grundlage; F. Braun, Ureuropäische Gebirgs-und Flussnamen; F. Braun u. N. Marr, Die Metalle u. ihre Bezeichnungen in der europäisch-Vorderasiatischen Kulturwelt и др. Уже первые два выпуска этих Japhetische Studien встретили живейший отклик в среде заграничных специалистов в виде писем, рецензий и исследований.

В своем дальнейшем развитии яфетическая теория Н. Я. Марра, базировавшаяся главным образом на материалах живых яфетических языков Кавказа и мертвых языков Передней Азии, переросла свои рамки. Н. Я. Марром в свою исследовательскую орбиту были втянуты почти все языки Средиземноморья, Европы и Дальнего Востока. Тем самым из специальной лингвистической дисциплины, занятой яфетическими языками, яфетическая теория Н. Я. Марра превратилась в общее учение о языке, диаметрально противоположное лингвистическим теориям буржуазных ученых. Разрешая проблемы единого процесса глоттогонии, Н. Я. Марр решительно порвал с буржуазными теориями праязыков отдельных языковых семей и материалистически поставил и разрешил вопрос о классификации языков по системам, как определенным, социально обусловленным этапам — стадиям единого процесса развития языка. Он опроверг идеалистические концепции, связывавшие характер языка того или иного народа с качеством его «духа», и взамен этого определил язык как надстройку, соответствующую в своей форме и содержании и обусловленную в конечном счете уровнем развития производительных сил и производственных отношений, достигнутых обществом. Он выдвинул требование исторического подхода к языку и, в частности, к языкам Средиземноморья и Древнего Востока. С этой точки зрения взаимоотношения между, например, семитскими и хамитскими языками]

[рисуются как взаимоотношения между двумя стадиями, из которых более древней стадией являются хамитские языки. Родство или неродство между теми же языками следует рассматривать как результат социального схождения или расхождения. При новом подходе отдельный язык, например, древне-египетский, исторически следует определить как межстадиальный, находящийся между стадией языкового развития хамитских языков, с одной стороны, и стадией семитских языков, с другой стороны. Н. Я. Марр решительно выступил против весьма распространенной в буржуазной исторической науке и археологии теории миграций, которая получила чрезвычайно большое распространение и в отношении народов Древнего Востока. Теория миграций по своему существу является лишь разновидностью расовой теории, столь теперь пропагандируемой фашистской наукой. Развитие нового учения о языке Н. Я. Марр завершил поднятием лингвистического анализа на философский этап — изучение языка неразрывно с мышлением; истории языка в связи с историей мышления, на основе диалектико-материалистического метода, разработанного основоположниками марксизма. Целый ряд работ Н. Я. Марра имеет непосредственное отношение к Древнему Востоку в целом и отдельным его обществам. Учет их совершенно необходим при историческом исследовании общества Древнего Востока. Основные работы следующие: Определение языка второй категории ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания (ЗВО, т. XXII, стр. 31—106); Халдская клинообразная надпись из села Леска Ванского округа (ИАН, 1915, стр. 1731—1738); О Чалдырской халдской надписи (ЗВО, т. XXIII, стр. 111); О халдском puli 'камень' и pili ('камень', 'каменная труба') 'водопровод' (ИАН, 1917, стр. 1279—1282); Материалы по халдской эпиграфике (ЗВО, т. XXIV, стр. 37—124); Обломки делибабинской халдской надписи (ЗВО, т. XXIV, стр. 125—132); Надпись Сардура II (Зап.-Кавк. муз. Сер. В, I); Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры (МЯЯ, т. XI, Лейпциг, 1920); Нарицательное значение термина ḉера в «митанских» женских именах (по яфетическим данным) (ИАН, 1920, стр. 121—127); Фрагмент халдской надписи из Алашкерта (ИАИМК, I, стр. 51—60); Каппадокийцы и их двойники (ИАИМК, т. II, стр. 332—336); 'Лошадь' || 'птица', тотем урарто-этрусского племени, и еще два этапа в его миграции (Я. С., т. I, стр. 133—136); Яфетический подход к палеонтологии семитических языков (Я. С., т. I, стр. 143—145); Яфетиды (Восток, кн. I, стр. 137—142); Надпись Сардура II из раскопок ниши на Ванской скале. Пгр., 1922; 'Север' и 'мрак' → 'левый' от Пиренеев до Месопотамии (ДАН, 1924, стр. 8—11); 'Смерть' || 'преисподняя' в месопотамско-эгейском мире (ДАН, 1924; стр. 12—14); Заметки по яфетическим клинописям (ИАИМК, т. III, стр. 288—304); Пережитки еще семантических групп 'Небо-Вода' из шумерского языка (ДАН, 1924, стр. 63—64); Шумерские слова с основой en в освещении одного из положений яфетической семантики (ДАН, 1924, стр. 45—46); Яфетидизм в ассирийском из семантической группы 'Небо' || 'гора' || 'голова' (ДАН, 1924, стр. 163—164); Филистимляне, палестинские пеласги и расены или этруски (Еврейская мысль, т. I, стр. 1—31, Лгр., 1925); От шумеров и хеттов к палеазиатам (ДАН, 1926, стр. 135—136); К пересмотру распределения шумерского словаря. I. mu (ДАН, 1927, стр. 7—12); Египетский, шумерский, китайский и их палеонтологические встречи. § 1 'Пить' ← 'вода' (ДАН, 1927, стр. 82—84); Иштарь (Я. С., т. V, стр. 109—178); Карфаген и Рим, fas и jus (САИМК, т. II, стр. 372—415).

В настоящий момент целый ряд стран — Франция, Америка, Англия и Италия — производят раскопки во всех странах, таящих в недрах своих следы культуры Древнего Востока. Прекрасным введением к этому новому периоду раскопок может служить книжка славнейшего из современных археологов, F l i n d e r s P e t r i e, Eastern Explorations; Past a. Future. London, 1918.

С большим успехом возобновили французы свои раскопки на далекой окраине Древнего Востока, в Эламе. См. C r u v e i l h i e r, Les principaux résultats]

[des nouvelles fouilles de Suse. Paris, 1921. Чрезвычайно много в настоящий момент сделано в отношении ранне-классового общества Передней Азии. Очень ярко сейчас выступает социально-экономическое единство древнейших периодов Индии, Иранского плоскогорья и Двуречья. См. O. Christian, Die Beziehungen der Altmesopotamischen Kunst zum Osten (Belveder, 1926, H. 12); E. Macay, Sumerian connexions with ancient India (J. R. As. S., 1925); Б. Богаевский, Восток и Запад в их древнейших связях (По поводу новых открытий в Индии. Новый Восток, 1926, № 2); А. Захаров, Новейшие раскопки в Западной Индии (Новый Восток, № 3—4). Раскопки в Индии см. Panch. Mitra, Prehistoric India, its place in the World's Culture. Calcutta, 1927; John Marshall, Mohenjo - Daro and the Indus Civilisation. London, 1931. Раскопки и археологические обследования Ирана: H. Hargreaves, Excavations in Baluchistan 1925, Sampur Mound, Masting and Sohr Damb, Nal (Arch. Surv. of India, Mem. 35, 1929); Aurel Stein, An Archeological Tour in Waziristan and Northern Baluchistan (Arch. Survey of India. Mem. 37, 1929); его же, An Archeological Tour in Gedrosia (Arch. Survey of India, Mem. 43, 1931). Этому вопросу — энеолиту в Двуречье уделено место в целом ряде изданий последних раскопок. Напр., Hall and Woolley, Al-'Ubaid. Oxford, 1927; Heinrich and Andrae, Fara. Berlin, 1931; E. Herzfeld, Die Ausgrabungen von Samarra. Berlin, 1930; Andrae, Die archaischen Ischtar-Tempel in Assur. Leipzig, 1922; M. Freiherr v. Oppenheim, Der Tell Halaf. Leipzig, 1931; Jordan, Dritter vorläuf. Ber. über d. Ausgr. Uruk (Abh. d. Preuss. Akad. d. Wiss. 1932, Phil.-hist. kl. № 4); Gadd, History and Monuments of Ur. London, 1929. В Двуречье, как известно, раскопки всегда давали наибогатейшие результаты, и уже в конце войны они снова начались. Англичанами были произведены тогда раскопки вблизи крепости Салихия на Евфрате, см. A. Boissier, Les fouilles de Sâlihîyeh sur l'Euphrate (Rev. arch. 1923, janv.—avr.). В 1918—19 гг. Британским музеем были начаты розыскания в Эриду; там нашли первые следы каменных сооружений в Вавилонии (см. Восток, I, стр. 124). В то же время Британский музей копал и на месте древнего Ура. Здесь был раскопан, между прочим, дворец Шульги (H. R. Hall, Recent excavations at Ur of the Chaldeens. Journ. of the Manchest. Egypt & Orient. Soc. IX, 1921). В 1922 г. в Уре возобновила работы совместная экспедиция Британского музея и Филадельфийского университета, которая завершила начатое в 1918—19 гг. и выявила с достаточной полностью историю этого важнейшего вавилонского города. О послевоенных раскопках см. Langdon, Ausgrabungen in Babylonien seit 1918 (Der Alte Orient, XXVI, 1927). Если Двуречье археологически завоевано англичанами и американцами, то в Сирии, являющейся ныне колонией Франции, раскопки ведутся французскими учеными. Французское правительство не жалеет средств на археологические изыскания и основало, в целях сохранения памятников и производства раскопок, особое Service des antiquités de Syrie, охватывавшее также и Киликию в момент ее оккупации французскими войсками (см. J. Chamonard, A propos du Service des antiquités de Syrie в Syria, 1920). Раскопки ведутся одновременно в Тире, Сидоне, Библе и в Тель-Неби-Мунд, являющемся местом древнего Кадеша. В особенности важными оказались раскопки в Библе, где был обнаружен египетский храм, восходящий к Тинисской эпохе, и таким образом доказано, что уже в эту древнейшую эпоху Финикия являлась провинцией египетской культуры. О раскопках в Библе см. Montet, Comptes Rend., 1922, стр. 7 сл. и 1923, стр. 84 сл. Вообще о новейших раскопках в Сирии см. E. Pottier, Comptes Rend. 1923, стр. 255 сл. E. Montet, Fouilles a Bible. Paris, 1924. Филиальным отделением Service des antiquité des Syrie в Палестине является «École française d'Archéologie à Jérusalem» (Compte Rend. 1922, стр. 359 сл.). В Иерусалиме в 1918 г. возобновились начатые в 1914 г. раскопки, тогда быстро прерванные войною. Одной из главных задач их было отысканпе гробниц рода Давидова, что, к сожалению, не удалось, но зато было установлено много других ценных данных. См. R. Weil, La cité de David. Compte-rendu des fouilles]



[exécutées à Jérusalem sur le site de la ville primitive. Paris, 1920. На ряду с французами копают англичане у Аскалона, американцы у Гивы Саула и у Бетсена, а евреи у Тивериады (см. R. Vincent, L'année archéologique 1921 en Palestine в Rev. Bibl. 1922 № 1 и Gressmann, Ergebnisse d. Ausgrabungen in Palästina в Deutsche Literaturzeit. 1923, стр. 63 сл.).

Как в Палестине, так и в Египте, нет монополии какой-нибудь одной страны на произведение раскопок. Наоборот, как раньше, так и теперь, в Египте продолжают работать ученые целого ряда стран над извлечением из почвы богатого наследия древности. В Дендера копает экспедиция, снаряженная на средства египетского правительства. Французы работают в Фиванском некрополе. Здесь же, в Долине царей, работают и англичане, достигшие открытием гробницы царя Тутанхамона большого успеха. См. H. Carter und A. E. Mace, Tut-ench-Amun. Ein ägyptisches Königsgrab. Leipzig, 1924; сокращ. русск. пер. Г. Картер и А. Мейс, Тутанхамон, ГИЗ. М. — Л., 1927. На западе же Фив в Дер-эль-Бахри производят розыскания и американцы. К югу от Фив в Гебелене начали свои раскопки итальянцы (E. Schiaparelli, La Missione Italiana a Ghebelein в Ann. d. Serv. 21, 1921, стр. 126—28). В Среднем Египте, в Телль-Амарне, англичане успешно продолжают в полном объеме начатые немцами раскопки столицы царя еретика, а в Гизе американская экспедиция очищает от песка мастабы около пирамид. Американцы же раскапывали в 1922 г. пирамиду в Лиште (см. В. Авдиев, Восток, III, стр. 119—165). Общий очерк раскопок в Египте см. Roeder, D. archaeologischen Unternehmungen in Aegypten в D. Neue Orient, III, вып. I. Berlin, 1918 и Aegyptus, I, 1921, стр. 87—90. В Нубии продолжались американские раскопки, руководимые Рейснером. В 1922 г. ему удалось раскопать гробницы древнейших царей Эфиопии — Пианхи, Шабака и др., см. отчеты Рейснера в Jour. Eg. Arch., IV, V, VI и т. д. Продолжались также работы экспедиции Оксфордского университета, см Griffith, Oxford excavations in Nubia в Annals of Arch. and Anthr., т. VIII, № 1, 3—4; т. IX, № 3—4. На севере Африки, в Карфагене раскопки продолжались и во время войны, см., между прочим, A. Gauckler, Nécropoles puniques de Carthage. Paris, 1915. Может быть, теперь будут возобновлены раскопки и в другом пункте финикийского колониального мира, а именно — у устья Гвадалквивира, где A. Schulten предполагает найти древний Tartessos, библ. Фарсис; см. Ad. Schulten, Tartessos. Ein Beitrag zur ältesten Geschichte des Westens. Hamburg, 1922. Одним из самых важных исторических материалов, которыми располагают ныне музейные собрания Германии, являются несколько десятков тысяч клинописных таблеток Богазкеойского архива, раскопанного в свое время Винклером. Этот материал, быстро издаваемый (тексты в автографии Keilschrifttexte aus Boghazköi, а тексты в транскрипции и переводе Boghazköi-Studien; имеются еще и другие серии), проливает столь яркий и неожиданный свет на все проявления культуры Древнего Востока, что можно без преувеличения говорить о новой эре в изучении Древнего Востока, которая предваряется этими текстами из архива хеттского царства. Не менее ценные данные дает архив из Ассура, также раскопанный немцами. Начиная с 1915 г. , эти тексты стали издаваться в нескольких сериях: исторические в Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts (I вып. ее появился еще в 1911 г.), религиозные в Keilschrifttexte aus Assur religiösen Inhalts, а юридические в Keilschrifttexte aus Assur verschiedenen Inhalts. Этот материал в значительной степени пополняет наши сведения о политической, социально-экономической и культурной сторонах ассиро-вавилонской жизни, уступая в этом отношении лишь немногим знаменитой Куюнджикской библиотеке. Теперь также началось и издание памятников, откопанных в Фаре, древнем Шуруппаке, под названием Die Inschriften von Fara в серии Wissensch. Veröffentlich. d. Deutsch. Or.-Ges. В той же серии продолжается издание результатов раскопок в Вавилоне; 45 вып. содержит исследование O. Reuther, Die Innerstadt von Babylon (Merkes). На ряду с перечисленными немецкими изданиями привлекают]

[внимание также издания результатов американских раскопок в Вавилонии. На первом месте здесь, конечно, стоят публикации вавилонской секции Пенсильванского университета, продолжающей издавать неистощимые сокровища Ниппурского архива. За время войны появились ценные издания, выпущенные Poebel'ем, Chiera, Ungnad'ом и Lutz'ом. Почетное место займут в будущем издания приобретений другого американского университета, а именно Yale-университета. Университет издает таблетки своих коллекций в нескольких Yale Oriental Series, из которых самыми важными являются серии Babylonian Texts и Researches. Из изданий, посвященных сирийским памятникам, можно указать на монументальное издание Alte Denkmäler aus Syrien, Palästina u. Westarabien. Berlin, 1918. Прекрасный труд издан по повелению Ахмеда Джемал-паши и является результатом германско-турецких работ по охране памятников во время войны. Из результатов французских раскопок в Финикии имеются более обстоятельные отчеты лишь о раскопках Contenau в Сидоне 1914 г., см. G. Contenau, Syria, 1920, стр. 16 сл., 108 сл., 198 сл., 237 сл. Из богатого наследия Ed. Glaser'а появились Altjemenische Studien I von Ed. Glaser, изд. O. Weber'ом в Mitteil. d. Vorderas.-Äg. Ges. 28, 2 вып. На основании эпиграфических сокровищ, собранных тем же Глазером, издали в 1923 г. F. Hommel, N. Rhodokonakis и D. Nielsen капитальный труд: Handbuch der südsemitischen Epigraphik. В Египте продолжаются прежние серии, публикации раскопок, издаваемые англичанами (Egypt - Exploration Fund и др.) и французами (издания Археологического института при Каирском музее). Из этих изданий одним из наиболее ценных является труд Gardiner'а и Peet'а, содержащий corpus древнеегипетских надписей Синайского полуострова. Вместе с египетскими иероглифическими надписями изданы и 11 текстов, написанных протосемитическими иероглифами, которые являются предками букв позднейшего финикийского алфавита. В 1920 г. был издан посмертный труд талантливого W. M. Müller'а, III том его Egyptological Researches, серии, в которой помещались результаты эпиграфических и археологических розысканий названного ученого. В 1923 г. появилось продолжение роскошного издания материалов экспедиции E. V. Sieglin, т. II, ч. I. A. Malerei u. Plastik d. griechisch-ägyptischen Sammlung E. v. Sieglin, Ausgrabungen in Alexandria. Leipzig, 1923. Из отчетов о нубийских раскопках появился обстоятельный труд H. Junker'а, Bericht über die Grabungen d. Akad. d. Wissensch. in Wien auf den Friedhöfen von El.-Kubanieh Süd, Winter 1910—11 (Denkschr. d. Akad. d. Wissensch. phil. - hist. kl. 62, 3), Wien, 1919. И у нас вышло роскошное по внешности и прекрасное по содержанию издание, посвященное русской Ванской экспедиции 1916 г.: Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. Доклады Н. Марра и И. Орбели. Петербург, 1922.

Издание материалов, добытых раскопками, не отвлекало внимание научного мира и от издания музейных сокровищ. Так, Contenau издал в 1919 г. каппадокийские таблетки Луврского музея: Trente tablettes Cappadociennes. Paris, 1919, a Ed. Pottier — каталог ассиро-вавилонской коллекции того же музея: Catalogue d'antiquités assyriennes du Musée du Louvre. Paris, 1917. Moret описал одну из частных коллекций Франции: Monuments égyptiens de la collection du compte de Saint-Feriol (Rev. égyptol. 1919, I). Британский музей продолжает свое монументальное издание Cuneiform Texts, а с 1921 г. начал новую серию, посвященную каппадокийским таблеткам, приобретенным в 1919 г.: Cuneiform Texts from Cappadocian Tablets in the British Museum, ч. I. Лондон, 1921. Неутомимый Бедж продолжает публикацию факсимиле иератических папирусов того же музея: E. A. Wallis Budge, Facsimiles of egyptian hieratic texts in the British Museum (II ser.). Лондон, 1923. В Германии Штейндорф описал египетское собрание Лейпцигского университета (Stätten d. Bildung, т. I), Редер издал каталог недавно основанного Pelizäus-Museum в Гильдесейме (G. Roeder u. A. Ippel, Die Denkmäler des Pelizäus Museums. Berlin, 1921). Памятники скандинавских музеев становятся доступными]

[в изданиях P. L u g u, Ausgewählte Denkmäler aus Aegypten Sammlungen in Schweden. Leipzig, 1923, и M. M o g e n s e n, Stèles égyptiennes au Musée National de Stockholm. Kopenhagen, 1919. Во время войны был издан Katalog der Babylonischen u. Assyrischen Sammlung Оттоманского музея в Константинополе. Из описаний коллекций американских музеев можно отметить C a r o l R a n s o m W i l l i a m s, The egyptian Collection in the Museum of art at Cleveland, Ohio (Journ. of egypt. Arch. V, стр. 166—178 и 272—285) и A. T. C l a y, Babylonian records in the library of J. P. Morgan (из изданий Yale-университета). У нас продолжались работы над изданием памятников Госуд. Эрмитажа, в котором принимали участие Б. А. Т у р а е в, Ф. Г е с с В. К. Ш и л е й к о и др. С 1921 г. стал издаваться особый орган для статей, посвященных памятникам Эрмитажа—«Сборник Государственного Эрмитажа». Среди статей имеются исследования, трактующие памятники Древнего Востока. Богатая сокровищница московского Музея изящных искусств, в котором хранится большая коллекция В. С. Голенищева, описывалась в многочисленных трудах Б. А. Тураева. В деле описания Б. А. Тураеву помогали его московские ученики, Т. Н. Бороздина-Козьмина и В. М. Викентьев, а также и петербургские ученики. После смерти Б. А. Тураева над подготовкой к печати некоторых его рукописей с описанием предметов коллекции работал проф. И. Г. Франк-Каменецкий. Предметы ассиро-вавилонского происхождения в коллекции Голенищева описывались В. К. Шилейко в XXV т. «Записок Вост. отдел. Арх. о-ва», в «Сборнике в честь Мальмберга» и т. д. Им же подготавливалось новое издание каппадокийских таблеток голенищевского собрания, а также Музея письменности, основанного Н. П. Лихачевым в Петербурге. Памятники этого музея продолжали издаваться и во время войны. Египетские памятники описывались Б. А. Тураевым в его «Египтологических заметках», издававшихся с 1916 г. Академией наук. М. В. Никольский продолжал свое капитальное издание «Документов хозяйственной отчетности древней Халдеи из собрания Н. П. Лихачева». В 1915 г. он издает II том этой серии — Эпоха династии Агаде и эпоха династии Ура (Древности восточные. Труды Вост. ком. Москов. арх. о-ва, V, Москва, 1915). Судьбе было угодно, чтобы этот II том был последним томом грандиозной серии, задуманной М. В. Никольским. Преждевременная смерть не дала ему завершить свое важное дело. В 1915 же году В. К. Шилейко выпустил свою ценную книгу: Вотивные надписи шумерийских правителей, в которой он издал и памятники из собрания Н. П. Лихачева. После смерти своего учителя, М. В. Никольского, В. К. Шилейко оставался единственным, неутомимым издателем клинописных сокровищ музея Н. П. Лихачева.

Новые раскопки, издания результатов прежних раскопок, опубликование сокровищ, хранящихся в музеях, привели к новому расцвету дисциплин, изучающих историю культуры Древнего Востока. Одним из признаков этого расцвета является издание новых журналов одновременно с большинством старых periodica. Во Франции издается с 1920 г. «Syria, Revue d'art oriental et d'archéologie», Paris. «Kemi»—египтологический журнал. В Чехословакии «Archiv orientalni». В Германии «Archiv für Orientforschung». В Австрии, правда, прекратил свое существование такой почтенный орган, как «Wiener Zeitschrift für d. Kunde des Morgenlandes», но зато в Германии из «Zeitschrift der Deutschen Morgenländ. Gesellschaft», охватывавшего все востоковедные дисциплины, выделились в 1922 г. два новых журнала: «Zeitschrift für Indologie u. Iranistik» и «Zeitschrift für Semitistik u. verwandte Gebiete». В Италии был основан в 1920 г. периодический орган «Aegyptus, rivista italiana di egittologia e di papirologia», Milano. С 1922 г. ориенталисты Голландии, Дании и Норвегии стали сообща издавать журнал «Acta Orientalia, ediderunt Societates Orientales Batava, Danica, Norvegica», Lugduni Batavorum. В Америке в 1917 г. появились «Journal of the Society of Oriental Research», Ohio и «Harvard African Studies». У нас с 1921 г. стали издаваться «Известия Рос. академии ист. мат. культуры». Вышли 5 томов и в дальнейшем издание продолжалось по выпускам, число которых достигает сей-]

[час 119. Среди многочисленных статей в них имеется немало посвященных Древнему Востоку. В 1922 г. появился I том «Ежегодника Рос. института истории искусств», в котором помещено несколько статей, трактующих о памятниках Древнего Востока. С 1922 г. стали издаваться 2 новых журнала, посвященные востоковедению: «Восток» в Петербурге и «Новый Восток» в Москве.

На ряду с журналами появились новые серии исследований, посвященные тем или другим проблемам культуры Древнего Востока. В Англии начинает издаваться серия The Theban tombs series, под ред. Gardiner'а, посвященная роскошному изданию всех важнейших фиванских гробниц. Первый том этой серии издал G a r d i n e r: The Tomb of Amenemhet, London, 1915. В Италии в 1919 г. появилась серия Orientalia commentarii de rebus Assyro-Babylonicis, Arabicis, Aegyptiacis etc. editia Pontificio Instituto Biblico (III том содержит труд A. M a l l o n 'а, Les Hébreux en Egypte, Roma, 1921). Германский ученый B. M e i s s n e r издает с 1916 г. серию исследований Altorientalische Texte u. Untersuchungen, Leiden; из других германских исследователей W i t z e l — с 1918 г. свои Keilinschriftliche Studien, Leipzig, а E. F. W e i d n e r с 1923 г. — Archiv f. Keilschriftforschung, Berlin. У нас с 1922 г. стали издаваться Институтом яфетидологических изысканий, переименованным в дальнейшем в Яфетический институт, а затем в Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра, сборники, обнимающие и статьи, посвященные Древнему Востоку («Яфетический сборник», переименованный в дальнейшем в «Язык и мышление»). Тем же Институтом было начато издание на немецком языке Japhetische-Studien zur Sprache u. Kultur Eurasiens. Будем надеяться на то, что снова возродится серия, созданная, как и многие другие начинания в области Древнего Востока, Б. А. Тураевым, а именно — «Культурно-исторические памятники Древнего Востока», первые два выпуска которых содержали 2 исследования И. М. В о л к о в а: Законы вавилонского царя Хаммураби, 1914, и Арамейские документы иудейской колонии на Элефантине V в. до Р. Х., 1915.

Усилившийся интерес к Древнему Востоку сказался во введении обильного египтологического и ассириологического материала в последние томы как энциклопедии P a u l y-W i s s o w a, Realenzyklopädie des Klassischen Altertums, посвященной преимущественно греко-римской древности, так и словаря R o s c h e r'а, Ausführliches Lexikon d. griechiesch. u. römisch. Mythologie и Reallexicon d. Vorgeschichte—E b e r t 'а. Тот же интерес выявляется и в увесистых сборниках, которые преподносятся в день научного юбилея тому или другому исследователю в области истории Древнего Востока, каковы, например, сборники: в честь Sachau, Berlin, 1915; в честь F. Hommel'я (Mit. d. Vorderas. Ges. 1916 и 1917); в честь Baudissin'а, Giessen, 1918; в честь C. F. Lehmann-Haupt'а, 1921 и др.

Этот растущий интерес к истории Древнего Востока, выявляющийся в издании новых журналов, новых серий, расширении энциклопедий, посвященных греко-римскому миру, восточным материалам, и, наконец, в печатании солидных сборников, посвященных заслуженным деятелям в деле изучения Древнего Востока, привел к интенсивнейшей и всестороннейшей разработке нового и старого материала.

Продолжалась успешная дешифровка текстов еще недоступных пониманию и филологическая разработка памятников уже поддающихся чтению. Большим событием было издание Н. Я. Марром своей работы: Определение языка второй категории ахеменидских надписей. Успехов в чтении эламских надписей достигли и Hüsing и Scheil (см. работу последнего Déchiffrement d'un document Anzanite relatif aux présages в Rev. d'Assyr. 1917, XIV, стр. 29 сл.). Griffith успел еще более приблизиться к пониманию мероитских надписей (ср. его статью в Шамполлионовском сборнике: Meroitic funerary inscriptions from Faras, Nubia). Самым блестящим триумфом науки было, конечно, чтение хеттских таблеток Богазкеойского архива, в основу которого легло прекрасное исследование Нестора ассириологии Ф р. Д е л и ч а—]

[Sumerisch-Akkadisch-Hettitische Vocabularfragmente (в Abhandl. d. Preus. Akad. d. Wiss., 1914, phil.-hist. Kl. № 3). Совершенно новым была расшифровка хеттских иероглифов Грозным. Это был, конечно, еще больший триумф, чем раскрытие чтения клинообразных надписей (B. Hrozny, Les inscriptions hittites hiéroglyphique, Praha, I—II, 1933—34). Ряд других исследователей, как Сейс и Форер, также работали в этой области (см. E. Forrer, Die Hethitische Bilderschrift). Чрезвычайно важным явилось также открытие семитического алфавитного клинообразного письма в Ras Schamra (см. Hans Bauer, Das Alphabet von Ras Schamra. Seine entzifferung und seine Gestalt. Halle—Saale, 1932). В дисциплинах, уже переживших стадию дешифровки и чтения, продолжалось филологическое углубление. В Bruxelles начала выходить новая серия Bibliotheca aegyptiaca, посвященная изданию литературных памятников Древнего Египта. Вышли три части: A. H. Gardiner, Late-Egyptian stories, I—II, 1931—32; A. M. Blackman, Middle-egyptian stories, 1932; R. O. Faulkner, The Papyrus Bremner-Rhind, 1933. Появились монографии, посвященные тому или другому специальному грамматическому вопросу, напр., В. С. Голенищева, Quelques remarques sur la syntaxe égyptienne (Сборник в честь Шамполлиона). Maspéro, Introduction á l'Étude de la phonétique égyptienne (Rec. d. trav. т. XXXVII—XXXVIII, 1917). Проблемы древне-египетского языка у нас теперь развиваются с точки зрения нового учения о языке целым рядом авторов. См. В. В. Струве, Яфетидологическое письмо и египетский алфавит (Я. С., т. VII); его же, Стадиальность египетской глагольной формы sḏm—n—f. (Сборник в честь Н. Я. Марра); Ю. П. Францов, К палеонтологическому анализу древне-египетских земледельческих терминов. Термин mr 'мотыга' (ДАН, 1930, стр. 189—194); И. Г. Лившиц, Детерминатив к древне-египетским словам mwt 'мертвец' и ḫftj 'враг' (Я. С., VI); его же, Время — пространство в египетской иероглифике (Сб. в честь Н. Я. Марра); И. Л. Снегирев, Магический жест ka и название 'душа' и 'бык' в древне-египетском (ДАН, 1930); его же, Заметки по египетской семантике, I—II (ДАН, 1931); его же, Иероглифическое письмо и палеонтология семантики (Изв. АН, 1933); его же, Материалы к историческому определению древне-египетского языка (Сб. Язык и мышление, т. I); Б. Б. Пиотровский, По поводу древне-египетского 'железо' (ДАН, 1929); его же, Амулеты в форме глаза в Древнем Египте ('глаз' → 'солнце' → 'жизнь') и древне-египетский термин 'металл' (Изв. ГАИМК, т. IX, в. 3). Издавались краткие популярные грамматики: Erman, Kurzer Abriss des ägyptischen Grammatik, Berlin, 1919; M. Murray, Elementary Egyptian Grammar, London, 1920; Steindorf, Kurzer Abriss d. Koptischen Grammatik, Berlin, 1921 и др. На ряду с ними появились и более обстоятельные грамматики того или другого языка: Fr. Delitzsch, Sumerische Grammatik, Leipzig, 1914; Bauer и Leander, Histor. Grammatik d. Hebräischen Sprache, 1918; E. Naville, Évolution de la langue égyptienne, Paris, 1920 (труд, направленный против теории Erman'a о родстве египетского языка с семитическими). A. Gardiner, Egyptian Grammar. Oxford, 1927. Синтаксису древне-египетского языка посвящена работа Gunn. Studies in egyptian syntax. Paris, 1924. Издаются словари, весьма облегчающие понимание текстов: Fr. Delitzsch, Sumerisches Glossar, Leipzig, 1914; W. E. Budge, An egyptian Dictionnary, London, 1920 (к сожалению, этот словарь, вследствие некоторой небрежности автора, не слишком ценен); A. Erman u. H. Grapow, Aegyptisches Handwörterbuch, Berlin, 1921; Spiegelberg, Koptisches Handwörterbuch, Heidelberg, 1921. Закончены работы по грандиозно задуманному словарю египетского языка, который использует почти все египетские тексты. О ходе работ над этим словарем см. Erman, Sitzungsber. d. Berl. Akad. d. Wiss. phil.-hist. Kl., 1919, стр. 55 и 1920, стр. 117; его же, Das Wörterbuch der ägyptischen Sprache, Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Ges. т. 76 (1922), стр. 72 сл. В настоящий момент печатание основной части закончено в 5 томах. Ожидается выход в свет указателя]

[источников и дополнительных томов. Подобный же словарь разрабатывается в Гейдельберге для ассиро-вавилонского языка, см. C. B e z o l d, Zettelproben d. babylonisch-assyrischen Wörterbuches d. Heidelberger Akad. d. Wissenschaften (Sitzungsber. d. Heidelb. Akad., philos.-hist. Kl., 1920, XVI и след.). Халдский язык получил исчерпывающую трактовку в работах И. И. М е щ а н и н о в а, который далеко продвинул вперед понимание этого языка и издал впервые большое количество новых текстов. Его перу принадлежит многочисленная серия работ, из которых основные: Халдоведение. Баку, 1927; Язык ванских клинообразных надписей на основе яфетического языкознания, Лгр., 1932 и Язык Ванской клинописи, Лгр.,1935.

Изучая тексты с точки зрения филологической, наука не забывала, конечно, исследовать всесторонне и их содержание. Социально-экономические вопросы были затронуты в работах: G. C o n t e n a u, Umma sous la Dynastie d'Ur, Paris, 1916; V. S c h e i l, Recueil de lois assyriennes, Paris, 1921; W. M. F l i n d e r s P e t r i e, Social life in ancient Egypt, London, 1923; С. А. К о т л я р е в с к и й, Социально-экономические и правовые отношения Вавилонии по законам Хаммураби (Новый Восток, III, стр. 329 сл.); И. Н. Б о р о з д и н, Хеттские законы (ibidem, IV, стр. 291 сл.) Д. А. О л ь д е р о г г е, К организации цехового управления в Древнем Египте эпохи Среднего царства (ДАН, 1928, стр. 97—99); е г о ж е, Управитель бурга ḥḳa' — ḥ. t; И. М. Л у р ь е, Обработка кожи в Древнем Египте (Изв. ГАИМК, VII, 1931, вып. I, стр. 1—17); е г о ж е, Горное дело в Древнем Египте (Труды ИИНИТ, серия I, т. III, стр. 105—138); е г о ж е, К вопросу о судебных оракулах в Древнем Египте (Зап. Кол. вост. 1930, IV, стр. 51—72); Н. А. Ш о л п о, Ткачество в Древнем Египте (Труды ИИНИТ, сер. I, вып. 5) и др. Материальная культура Древнего Востока стала предметом исследований: J. d e M o r g a n, La préhistoire orientale, I—III, 1925—27; G. C o n t e n a u, Manuel d'archeologie orientale. Paris, 1927; H. F r a n c f o r t, Studies in Early Pottery of the Near East, 1924; C h i l d e, The most ancient East. London, 1928; G. B o s o n, Les métaux et les pierres dans les inscriptions assyro-babyloniennes, 1914; H. F. L u t z, Textiles and Costumes among the peoples of the Ancient Near East, Leipzig, 1923; е г о ж е, Viticulture and Brewing in the ancient Orient, Leipzig, 1923; A. N e u b u r g e r, Die Technik des Altertums. У нас было основано в лице Рос. академии истории материальной культуры специальное ученое учреждение, изучающее материальную культуру всех стран и всех времен.

На ряду с материальной культурой изучалась и духовная культура Древнего Востока: так, чрезвычайно интенсивно протекала работа над историко-религиозными проблемами. Были переизданы греко-латинские источники к религиозным системам Востока: C l e m e n, Fontes historiae religionis Persicae, Bonna, 1920; T h. H o p f n e r, Fontes historiae religionis Aegyptiacae, Pars I. Auctores al Homero usque ad Diodorum continens, Bonna, 1922; F. J a c o b y, Die Fragmente der griechischen Historiker, I часть. Genealogie u. Mythographie, Berlin, 1923. Продолжали переиздаваться и древне-восточные религиозные тексты, так K. S e t h e закончил свой колоссальный труд D. altaegyptischen Pyramidentexte nach d. Papierabdrücken u. Photographien d. Berliner Museums выпуском в 1923 г. III и IV томов. Е г о ж е, Dramatische Texte zu altägyptischen Mysterienspielen. I. Das Denkmal Memphitischen Theologie der Schabäkostein des Britischen Museums, Leipzig, 1928. P. B u c h e r, Les hymnes à Sobk — Ra. Paris, 1930 (extr. de «Kemi»). Совершенно новые материалы относительно бога Сета были изданы S. S c h o t t, Bücher und Sprüche gegen den Gott Seth (Urk. d. Aegypt. Alt. VI Abt., H. I, Leipzig, 1929); чрезвычайно интересную работу выпустил A. M o r e t, La mise a mort du dieu en Égypte, Paris, 1927. Продолжались также научные переводы древне-восточных религиозных текстов: известный перевод библии Kautzsch'а (ныне покойного) появился в 4-м издании под редакцией A. Bertholet в 1922-23 г. Наиважнейшие религиозные тексты Египта были переведены G. Roeder'ом в Urkunden zur Religion des Alten Ägyptens, übersetzt u.]

[eingeleitet, 1923. Хрестоматия по истории религий была издана в Лейпциге E. Lehmann'ом и H. Haas в 1922 г. У нас был предпринят А. Л. Коцеиовским впервые не только в России, но и на Западе, научный перевод труднейших, но весьма важных для всякого историка религии египетских текстов пирамид. Первая часть перевода появилась в 1918 г. в I части его широко задуманного труда — «Пирамидные тексты» (Одесса). Смерть, вырвавшая из нашей среды и этого выдающегося ученого, не дала завершиться научному прдприятию, которое сделало бы, наконец, пирамидные тексты доступными широким кругам научного мира. Некоторые другие религиозные тексты были переведены Б. А. Тураевым во II томе его истории египетской литературы, к сожалению, еще до сих пор не изданном. В. К. Шилейко были приготовлены к печати переводы религиозных текстов Ассиро-Вавилонии (во «Всемирной литературе»). На ряду с изданиями и переводами текстов появлялись и исследования. Монографии, посвященные отдельным божествам древне-восточного пантеона: P. Boylan, Thoth, the Hermes of Egypt, Oxford, 1922; у нас: И. М. Волков, Древне-египетский бог Себек, Пгр., 1917; И. Г. Франк-Каменецкий, Памятники египетской религии в Фиванский период (Культурно-исторические памятники Древнего Востока, вып. 5—6, Москва, 1917—18), монография, посвященная главным образом религии Амона, и отдельные работы, напр., М. Э. Матье, Религия египетских бедняков (Сб. Религия и общество, стр. 29 — 40). В 1914 г. появилась очень полезная энциклопедия всех богов Ассиро-Вавилонии: A. Deimel, Pantheon Babylonicum. Nomina deorum e textibus cuneiformibus excerpta et ordine alphabetico distributa, Romae. Кратким введением в изучение египетского пантеона может служить книжка A. Scharff'а, Goetter Aegyptens, Berlin, 1923. Развитию главных религиозных идей (бог и человек, жреческое посредничество, жизнь после смерти) и нравственности посвящены популярные книжки S. A. Mercer, Growth of religious a. moral ideas in Babylonia a. Assyria, ibidem, 1919. Строго научной трактовке тех же вопросов посвящена прекрасная книга J. H. Breasted'a, Development of religion a. thought in Ancient Egypt, появившаяся в 1923 г. во втором издании. Ценным введением в историю египетской религии является исследование А. Л. Коцеиовского, предваряющее его перевод пирамидных текстов (см. выше). Появились и несколько трудов, охватывающих всю совокупность религиозных явлений той или другой культурной области Древнего Востока: A. Ungnad, Die Religion der Babylonier u. Assyrer, Jena, 1921 — труд, являющийся скорее хрестоматией по истории религии Ассиро-Вавилонии; G. Hölscher, Geschichte d. israelitischen u. jüdischen Religion, Giessen, 1922 (в книге много оригинальных и плодотворных наблюдений); L. V. Schröder, Arische Religion, I том, Einleitung. Der altarische Himmelsgott, das höchste gute Wesen, II том, Naturverehrung u. Lebensfeste, Leipzig, 1916.

Богатейшая сокровищница литературы Древнего Востока привлекала и в послевоенный период внимание исследователей. Прекрасные переводы лучших образцов египетской литературы дал Erman, Die Literatur der Aegypter, Leipzig, 1923. К сожалению, Erman оставил без внимания поздний период египетской истории (I тысячелетие до н. э.), давший так много прекраснейших образцов поэтического творчества. В этом отношении неизмеримо полнее II том «Египетской литературы» Б. А. Тураева, содержащий все важнейшие образцы литературных произведений Египта, начиная с Древнего царства вплоть до позднейшего времени. К сожалению, этот труд, не имеющий себе равного во всем мире, как мы уже говорили выше, еще до сих пор не напечатан. Когда он, наконец, появится, то одна из существеннейших лакун нашей научной литературы о египетской культуре будет заполнена. Из историко-литературных исследований можно назвать на Западе краткий обзор Bezold'a, Babylonian Literature в Encyclop. of Rel. a. Ethics., т. VIII (1915), стр. 83 сл. И в этой области нам принадлежит, благодаря всеобъемлющему таланту и неутомимой трудоспособности Б. А. Тураева, бесспорный суверенитет. I том капитального его труда —]

[«Египетская литература», вышедший в Москве уже после смерти Б. А., охватывает в едином историко-литературном исследовании все великое, почти необозримое многообразие литературного наследия древнего Египта. Ни для одной из прочих литератур не имеется пока подобного труда. Б. А. руководил также отделом Древнего Востока в большом предприятии «Всемирная литература», поставившем себе целью перевести все важнейшие памятники мировой литературы. Смерть не дала Б. А. возможности довести это дело до конца. (О работах В. К. Шилейко для этого отдела см. выше). Из отдельных работ по истории литературы Древнего Востока должна быть отмечена книга В. М. Викентьева, Древне-египетская сказка о двух братьях (серия «Культурно-исторические памятники Древнего Востока», вып. 4, М., 1917); И. Г. Франк-Каменецкий, Грузинская параллель к древне-египетской повести о двух братьях (Я. С., IV, стр. 39—71); G. Franzow, Zu der demotischen Fabel vom Geier und der Katze (Zeitschr. f. Ägypt. Spr. B. 66, ss. 46—50). M. Matthiew, The chiasm in egyptian poetry (PSE, I—1929, стр. 1—3); ее же, Quelques remarques stylistiques sur la littérature du Moyen Empire (PSE, IV, 1930, стр. 15—19); ее же, Zum Ausdruck ma'tw—hr.k in dem Papyrus № 1115 der Ermitage (ДАН—13, 1928, стр. 291—292); ее же, Формула m rn—k (Зап. Кол. вост., 1930, т. IV, стр. 33—49).

В последние годы нашелся и исследователь египетской музыки в лице С. Sachs: Die Tonkunst der alten Ägypter (Archiv f. Musikwissensch., т. II, 1920); его же, Altägyptische Musikinstrumente (D. Alte Orient, 1921). Исследование о египетском танце принадлежит Т. Н. Бороздиной: Древне-египетский танец. М., 1919. На науку Древнего Востока также обращалось внимание исследователей. Продолжались исследования в области вавилонской астрономии и астрологии; из них можно отметить большую работу Weidner'а — Handbuch d. babylon. Astronomie, 1915; исследование Boll'я и Bezold'a — Antike Beobachtungen farbiger Fixsterne (Abh. Münch. Akad. т. XXX, 1918) и написанную Bezold'ом первую главу книжки Boll'я — Sternglaube und Sterndeutung, Leipzig — Berlin, 1917 и второе изд. 1919 г. О чрезвычайно больших знаниях египтян в области строения человеческого тела говорит нам недавно изданный Брестедом пап. Эдвин Смит. Более того, если правильно предположение Брестеда, то древние египтяне подошли вплотную к определению мозга как центра деятельности человеческого тела (J. H. Breasted, The Edwin Smith Surgical Papyrus, 2 тома). О таких же поразительных сведениях египтян в математике свидетельствует один папирус Среднего царства из бывшей коллекции В. С. Голенищева. Б. А. Тураев в сотрудничестве с математиком проф. Д. В. Цинзерлингом подготовил его издание. Большая способность египтян к математической спекуляции доказывается уже одной той задачей Московского папируса, которую Б. А. Тураев успел издать в своем исследовании: The volume of the truncated pyramid in egyptian mathematics в Anc. Egypt, III, 1917 г. Полностью этот папирус был издан В. В. Струве (W. W. Struve, Mathematischer Papyrus des staatlichen Museums der schönen Künste in Moskau, Berlin, 1930, в серии Quellen zur Geschichte der Mathematik).

Исследование изобразительного искусства Древнего Востока продолжалось с большим успехом. В новой переработке начали выходить выпуски известной серии Kunstgeschichte in Bildern, изд. E. A. Seemann'а в Лейпциге (см. рец. Т. Н. Бороздиной-Козьминой, Новый Восток, III, стр. 543 сл.). Исследования о пластике: В. Meissner, Grundzüge d. babylonisch-assyr. Plastik. (D. Alte Orient, 1915); H. Fechheimer, D. Plastik d. Ägypter, Berlin, 1923; его же, Kleinplastik der Ägypter, Berlin, 1922; Ф. В. Баллод, Египетский «Ренессанс», Москва, 1917; Т. Н. Бороздина, Египетские скульптурные модели; Пам. Муз. изящн. искусств, выпуск II, Москва, 1917. Связь пластики с плоским рельефом была предметом исследования H. Schäfer'a: Grundlagen d. ägyptischen Rundbildnerei, u. ihre Verwandschaft mit denen der Flachbildnerei, 1923 (в серии D. Alte Orient). Тот же автор написал большой труд о египетском рисунке и рельефе: Von ägyptischer Kunst, besonders]

[der Zeichenkunst, Leipzig, 1919. Уже в 1922 г. появилось второе издание этой интересной книги.

Ценным дополнением к книге Шефера является исследование Ф. Ф. Гесса, Композиция человеческой фигуры в египетском рисунке и рельефе (Изв. Рос. ак. ист. мат. культ., I, 1921, стр. 73—94). Египетскому же искусству посвящена работа: его же, Египетское искусство времени Аменофиса IV, Москва. Архитектуре посвящен I том роскошного издания J. Capart, L'art égyptien, Брюссель, 1922. Прикладное искусство Египта трактуется в большой статье Н. Д. Флиттнер в I томе Ежегодника Рос. института истории искусств. Появилось также несколько монографий, посвященных всем отделам изобразительного искусства той или другой страны Древнего Востока: P. Handcock, The archaeology of the Holy Land, London, 1916; Capart, Leçons sur l'art égyptien, Lüttich, 1920. В 1921 г. появилось второе издание труда G. Maspéro о египетском искусстве — L'Égypte в серии Hist. générale de l'art. Второй раз была издана в 1923 г. и известная книга Flinders Petrie — The arts a. crafts of anc. Egypt. В 1924 г. вышел первый русский труд, обнимающий почти все искусство Древнего Египта: Ф. В. Баллод, Очерк истории древне-египетского искусства, Москва—Саратов, 1924. О значении искусства Древнего Востока для истории мирового искусства см. небольшую, с большим энтузиазмом написанную статью Bissing'a — Die Bedeutung der orientalischen Kunstgeschichte für die allgemeine Kunstgeschichte, Utrecht, 1922. За время войны и после нее появились не только монографии, посвященные отдельным сторонам различных древне-восточных народов, но и труды, охватывающие в полном объеме многогранную культуру некоторых стран Древнего Востока. Ценные обзоры ассиро-вавилонской культуры дали M. Jastrow — The civilisation of Babylonia a. Assyria, Philadelphia, 1915; B. Meissner — Babylonien u. Assyrien, том I (обнимающий материальную культуру), Heidelberg, 1920; G. Contenau — La civilisation assyro-babylonienne, collection Payot, Paris, 1922 (небольшое, но ценное исследование); L. Delaporte, La Mésopotamie. Les civilisations babylonienne et assyrienne, Paris, 1923 (обширный труд). Прекрасным пособием для всех изучающих культуру Египта является монументальный Atlas zur altägyptischen Kulturgeschichte, Leipzig, 1915—23 Wreszinsk'ого, дающий в великолепных воспроизведениях все важнейшие для культурной истории гробничные фрески и рельефы. Таким же полезным собранием изобразительного материала является издание W. Schmidt, Levende og dode i det gamle Aegypten, Album til ordning of Sarcophager etc., Kopenhagen, 1919. Этот альбом, предназначенный для иллюстрации мира мертвых Египта, может служить, благодаря своему богатству, прекрасным пособием для ознакомления и с миром живых людей Египта. Из трудов, посвященных культуре Египта, надо отметить: Bissing, D. Kultur d. alten Aegyptens. Leipzig, 1919 (небольшое исследование, 21-й выпуск серии Wissensch. u. Bildung); A. Wiedemann, Das alte Ägypten, Heidelberg, 1920 (ценный, но скучноватый справочник); A. Erman, Aegypten u. aegypt. Leben im Altertum в новой переработке Ранке, Tübingen, 1923. Переработка Ранке, к сожалению, не слишком совершенна, много нового материала осталось неиспользованным. Действенности египетской культуры уделено много внимания в труде G. Elliot Smith, The ancient Egyptians a. the origin of civilisation, London, 1923. Одним из очень ценных вкладов в научную литературу о культуре Египта является посмертный труд Б. А. Тураева: Древний Египет, Петербург, изд. «Огни», 1922. О культуре до-израильской Палестины см. P. Karge, Rephaim, 1919 (крупный, очень ценный труд). Культура Израиля и Иуды стала предметом исследования A. Bertholet: Kulturgeschichte Israels, Göttingen, 1919, и M. Weber: Das antike Judentum, Tübingen, 1921. В этой связи надо будет отметить и 2 важных труда по эгейской культуре: посмертный труд D. Fimmen'a, Die Kretisch-Mykenische Kultur, Leipzig — Berlin, 1921, и роскошное монументальное издание A. Evans'a, The Palace of Minos at Knossos, London, 1921, являющееся обстоятельным]

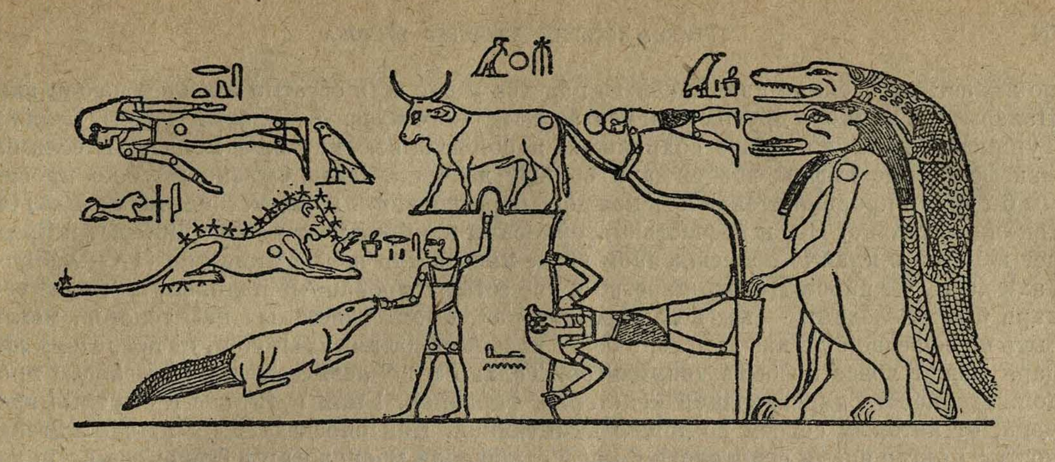
[обзором эгейской культуры, иллюстрированным результатами кносских раскопок. Были сделаны попытки охватить в одном труде культуры Древнего Востока во всем его объеме. В. В. Струве, Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ Древнего Востока (Изв. ГАИМК, вып. 77); A. Moret et Davy, Des clans aux empires. Paris, 1923; J. Hunger и H. Lamer переиздали свой небольшой, но важный атлас Altorientalische Kultur im Bilder, Leipzig, 1923. Jeremias издал Handbuch der altorientalischen Geisteskultur, Leipzig, 1913, а в 1916 г. он выпустил в третьем издании Das Alte Testament im Lichte des Alten Orients. (Достоинства и недостатки его труда в 1 и 2-м изданиях, отмеченные выше Б. А., остались те же и в 3-м издании). Хороший обзор древне-восточной культуры, не зараженный панвавилонизмом, дает A. Yirku в своем Altorientalischer Kommentar zum Alten Testament, Leipzig — Erlangen, 1923.

В разбираемый нами период истории науки о Древнем Востоке не были забыты и исторические исследования. W. King выпустил A History of Babylon, London, 1915, а в 1916 г. переиздал свою A History of Sumer a. Akkad, появившуюся в первом издании в 1910 г. L. Delaporte, La Mésopotamie: les civilisations babylonienne et assyrienne. Paris, 1923; A. Moret, Le Nil et la civilisation égyptienne. Paris, 1924; Flinders Petrie приступил также к новому изданию (10-му) своей капитальной A History of Egypt. London, 1923. Петри продолжает держаться своей старой хронологической системы, т. е. датирует Менеса-Нармера 5546 г. до н. э., а начало XII дин. — 3579 г. до н. э. Известный эллинист-папиролог W. Schubert напечатал историю эллинистического Египта: Aegypten von Alexander dem Grossen bis auf Mohammed, 1923. R. Kittel выпустил в 1922-23 г. свой фундаментальный двухтомный труд Geschichte des Volkes Israel в пятом издании. Во Франции теперь начал издаваться такой же капитальный труд по истории Израиля и Иуды: L. Desnoyers, Histoire du peuple hébreu des juges à la captivité. Первый том, обнимающий период судей, появился в 1923 г. Историю юга России в связи с историей Древнего Востока продолжал трактовать в многочисленных работах М. И. Ростовцев, см. его: Эллинство и иранство на юге России, Петроград, изд. «Огни», 1918; South Russia in the prehistoric a. classical period, American Historic. Review, т. XXVI, 1921; Iranians a. Greeks im South Russia, Oxford, 1922 и др. работы. В 1921 г. напечатал историю юга России немецкий ученый M. Ebert, Südrussland im Altertum, Bonn—Leipzig. На ряду с монографиями, посвященными описанию исторического процесса в отдельных древне-восточных странах, появились и труды, пытающиеся обнять историю Древнего Востока во всем его объеме. Так, труд H. R. Hall'я, The ancient History of the near East появился в 1916 г. уже в 3-м издании. Ассириолог E. G. Klauber написал небольшую по объему, но дельную Geschichte des alten Orients (I том серии Weltgeschichte in gemeinverständlicher Darstellung), Gotha, 1919. В Кембридже под редакцией J. B. Bury, S. A. Cork, F. E. Adcock вышел коллективный труд The Cambridge Ancient History, первые тома которого посвящены Древнему Востоку. Прекрасным введением в историю Древнего Востока может служить книга академика В. П. Бузескула: Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. I. Восток. Петроград, 1923. Акад. Бузескул сумел чрезвычайно ясно и удобообозримо расположить весь тот ценный материал, которым насытил свою книгу. Многочисленными указаниями о заграничной научной литературе, приводимыми В. П. Бузескулом, мы воспользовались с большой благодарностью. Много ценных библиографических данных мы получили также из обстоятельной статьи проф. А. А. Фреймана, Востоковедение в Германии (Восток, III, 1923, стр. 160 сл.) и из многочисленных сообщений о научной жизни Запада и рецензий на вновь появляющиеся заграничные книги, помещенных в «Востоке» и «Новом Востоке». Более полные сведения о том, что сделано востоковедами Петербурга за последние годы, можно получить в недавно изданной Академией наук книжке «Востоковедение в Петрограде 1918—1922», Петроград,]

[1923. См. также обзор В. В. Струве, Советская наука о древне-восточных обществах за 15 лет ее существования.

Библиографические обзоры: E. F. Weidner, D. Assyriologie 1914—1922. Wissenschaftliche Forschungsergebnisse in bibliograph. Form abgeschl. am 31 Juli 1922 (Leipzig, 1922). Перечислено около 2 000 работ. G. Contenau, Les résultats des études assyriennes (Rev. histor., 1922); его же, Essai de bibliographie hittite. Paris, 1922. — По египтологии: Roeder, Aegyptologie в Zeitschr. d. Morgenl. Ges., начиная с 72 тома; Griffith, Bibliography в Journ. of Egypt. Arch., начиная со II тома; J. Capart, Une bibliographie de l'Égypte anc. (в Bulletins de la classe des lettres de l'Acad. royal de Belgique, 1921). — По истории религий: C. Clemen, Religionsgeschichtliche Bibliographie im Anschluss an d. Arch. f. Rel.-Wis., начиная с 1915 г.].





ХРОНОЛОГИЯ

Древний Восток не знал научной хронологии и не вел летосчисления по эрам. Для практических обыденных потребностей как в Вавилонии, так и в Египте и Израиле, сначала отмечали года по выдающимся событиям. В Вавилонии это видно из многих документов древнейшего времени (напр.: «год, как Шульги воцарился», «год, когда было нашествие на Ганхар во 2-й раз») и из списков таких дат, составлявшихся в сокращенной форме для справочных целей постепенно, на основании получавшихся циркулярным порядком распоряжений о наименовании года. Не каждый год мог получить особое название: приходилось иногда обозначать года по названию предшествующего года, напр.: «год, после того, в который был основан Дурмати»... Возможно, что к таким приемам прибегали, образуя как бы своеобразные малые эры, особенно в отдаленных городах, куда не доходили во-время новые распоряжения. Следы подобного обыкновения сохранились и в библии (см. Амос 1, 1. Исаия 14, 28 и др.). В Египте, как это ясно из Палермского камня и многочисленных следов в более позднее время, года сначала датировались по событиям (напр., «год битвы и поражения нижне-египтян»), потом (со II дин.) особенно стали употребляться датировки по цензам, ведшимся каждые два года от начала каждого царствования («год второго счисления», «год после пятого счисления»); мало-по-малу счисления стали производиться ежегодно, и таким образом, путем опущения слова «счисления», датировки естественным путем стали делаться по годам царствования. Несмотря на неудобство, происходящее от постоянной перемены исходного пункта, в Египте Нового царства, начиная с XVIII дин., счет велся от вступления на престол каждого царя, хотя раньше, в эпоху Древнего и Среднего царств и в позднейшие времена, начиная с XXVI дин., устраняли происходящую при этом путаницу, начиная счет годов царя с предшествующего воцарению новолетия и присчитывая, таким образом, к ним последние месяцы предшественника. В Вавилонии, где счет по годам царствований вошел в употребление со времени касситов, и в поздней Ассирии поступали иначе — начинали счет с следующего за воцарением нового года, а первые месяцы каждого царя называли «началом царствования».

Счет по событиям и царствованиям, весьма непрактичный для деловой жизни, хотя и снабжает историка драгоценными сведениями в наименованиях годов, но до чрезвычайности затрудняет научную хронологию. Долгое время *египетская история* излагалась почти без хронологического масштаба, не по столетиям, а

по династиям. Только для Древнего царства у нас есть остатки анналов на так наз. Палермском камне [и других фрагментах Каирского музея и собрания Петри]. Если бы Туринский папирус лучше сохранился и обнимал всю историю Египта, и если бы манефоновские цифры возбуждали больше доверия, было бы значительно проще: мы бы знали продолжительность каждого царствования, и отсутствие эры не было бы так ощутительно. Но, к несчастью, Туринский папирус дает только Древнее и Среднее царства в крайне поврежденном виде; иногда для целых династий (IX—X) пропали даты. От царей Нового царства у нас есть датированные надписи, но какой год царя был последним — мы не знаем, так как, кроме известных нам текстов, могли быть не дошедшие до нас другие, с более поздними датами; наконец, от последних лет царя может вовсе не быть документов. Только в немногих случаях мы знаем продолжительность царствований некоторых фараонов. Были в Египте и смутные времена, от которых совсем не дошло памятников. Как определить их продолжительность? Долгое время египтологи были в отношении хронологии в беспомощном положении. Опорными пунктами их, если не считать танисской надписи Рамсеса II, датированной по местной эре 400 годом «царя Сети-Нубти», были исключительно известия греческих писателей о XXVI династии, а для более древнего времени — упоминания об Египте в ассирийских летописях и библии. Но библейская хронология сама представляет затруднения. Открытие архива в Телль-Амарне дало возможность, на основании вавилонской хронологии, приурочить время XVIII дин.; что же касается Древнего царства и начала Египта, то здесь между учеными были колебания на целые тысячелетия: одни начало египетского государства относили к 5869 (Шамполлион), к 5700 г. (Бек), другие (Бунзен) — к 3620 г. или (Лепсиус) — 3892 г. Кроме неисправности манефоновских цифр, здесь еще осложняли дело способы египетских датировок и несовершенство египетского года. Он был солнечным, но состоял из 12 равных месяцев по 30 дней + 5 дополнительных дней в конце; начало года и начало подъема Нила теоретически совпадали с первым появлением на утреннем небе созвездия Сириуса и летним солнцеворотом. Но Сириус восходил каждые 4 года днем позже, таким образом год Сириуса почти совпадал с полным солнечным годом в $365^1/_4$ суток, следовательно, египетский гражданский год был меньше настоящего на $^1/_4$ суток и расходился с ним на целый день каждые 4 года. Само собой разумеется, через большой промежуток времени это несовершенство года, устраняемое у нас при помощи високоса, в Египте должно было повести к большим неудобствам: времена года не совпадали, праздники не приходились в надлежащее время, пока чрез $365 \times 4 = 1\,460$ нормальных или 1 461 гражданских лет разница не достигала целого года, и египтяне снова не видели на утреннем небе в день нового года Сириуса (ἀποκατάστασις). Этот период в 1 460 л. был известен в эллинистическое время, как период Сириуса, и Цензорин упоминает об его начале под 139 г. н. э. (по ошибке вместо 140 г.), когда восход созвездия пал на день нового года; математик Феон упоминает и предшествующий период, как эру царя Менофрия (может быть, Менпехтира-Рамсеса I) 1321 г. Повидимому, и Манефон говорил об этих «периодах Сириуса», но какую роль играли они в фараоновском Египте, и как справлялись египтяне со своими календарными затруднениями, мы не знаем. Полагают, что они привыкли к ним: в жизни одного поколения разница против постоянного года на какие-нибудь 10—15 дней не особенно заметна. Нам известно только, что когда солнцеворот разошелся с началом египетского года более чем на полмесяца, месяцы были передвинуты на один назад. Других исправлений календаря не делалось. За это говорит прежде всего следующее место у Гемина (I в. до н. э.): «Египтяне держатся совершенно другого мнения, нежели греки, ибо они считают свои года не по солнцу, а свои дни и месяцы — не по луне, но поступают по своим своеобразным основаниям. Они хотят, чтобы жертвы богам не приносились всегда в определенное время года, но проходили чрез все времена года, и летний праздник делался осенним, зимним и весенним»... Кроме того, мы знаем, что при Птолемее III (238 г.) была попытка календарной

реформы, «чтобы времена года снова отправляли свои функции». Реформа эта, состоявшая, вероятно, в вставке, не привилась. Это также заставляет сомневаться, чтобы подобные реформы имели место раньше. Наконец, александрийский постоянный юлианский год, введенный в 25 г. и начинавшийся 29 августа, долго оставался в употреблении только у одних греков и называется в демотических документах «годом ионян»; туземцы продолжали довольствоваться своим подвижным годом. Между тем, наблюдения звездного неба в Египте играли не последнюю роль. До нас дошли не только таблицы звезд, но и самые инструменты для наблюдения (в Берлинском музее), о которых еще греки говорят (Климент Алекс.), называя их φοίνιξ и ὡρολόγιον: один гороскоп, сидя на корточках на крыше храма, смотрел одним глазом в дырочку пальмового инструмента на сидевшего против него лицом на одном меридиане товарища и, при помощи орологии с отвесом, определял положение звезд относительно его тела (если над головой — в зените); это заменяло египтянам ночные часы, напр.: «пятый час ночи, — созвездие «голова птицы» над левым глазом». Для определения дневных часов у них существовали особые приборы, хотя и довольно примитивного характера и не точные, дававшие указания по длине или направлению тени. Такие постоянные наблюдения приучили египтян отмечать и положение Сириуса, его восход всегда сопровождался известными празднествами, хотя бы и не приходился на день гражданского нового года. Отмечался, хотя и теоретически, и день нового года Сириуса. Уже на могильных плитах Древнего царства различали между «новолетием» и «первым днем года», разумея под первым, вероятно, начало нового года по Сириусу. В канопском декрете мы имеем официальное утверждение, что день восхождения Сириуса «есть день, в который восходит звезда Исиды и который в свящ. писаниях считается днем новолетия». И в надписях, и на папирусах сохранилось несколько заметок относительно этой звезды, которые можно понять как данные о ее восходе. Напр., в Элефантине найдена заметка из времен Тутмоса III, что восход Сируса был 28 числа 11-го мес.; в папирусе Эберса, что — в 9-й год Аменхотепа I—9 числа того же мес., а Берлинским музеем приобретен папирус, содержащий предписание о праздновании восхода Сириуса 16 числа 8-го месяца в 7-й год царствования Сенусерта III. Самая поздняя дата имеется в канопском декрете: в 9-й год Птолемея III (238 г.) восхождение Сириуса пало на 1-е число 10-го месяца. Вспомогательными данными являются упоминания в текстах о высоте Нила в тот или другой месяц подвижного года, о сборе льна, о температуре и т. п. Таковы данные, которые относятся уже к области, недоступной для историка; на помощь должен притти математик-астроном. Такой действительно нашелся в лице Mahler'а, который в своих многочисленных статьях обратил внимание на данные египетских текстов о Сириусе, фазах луны и т. п., пытался восстановить хронологию египетской истории Среднего и Нового царств и, между прочим, на основании указаний о двух новолуниях в царствование Тутмоса III, вычислил его года, хотя, может быть, и не совсем точно, так как исходил от действительного, а не видимого новолуния. Комбинируя данные, полученные астрономическим путем, с теми, которые можно получить путем тщательного исследования датировок Туринского папируса, других царских списков и Манефона, Эд. Мейер дал приблизительную хронологию всей египетской истории. Он полагает, что египетский календарь мог возникнуть только в то время, когда предсолнечный восход Сириуса действительно совпадал с летним солнцестоянием и началом разлития Нила и приходился на 19 июля (юлианское). А это было в 4241 г. на широте Мемфиса и Илиополя. Причитывая вверх к древнейшей, определенной астрономической дате восхода Сириуса в 7-й г. Сенусерта III—1882—1879-8 гг., сохранившиеся года Туринского папируса—955 (Древнее царство) + 160 + ? (XI дин.) + года царей XII дин., предшественников Сенусерта III + предположительное время для IX и X дин., он определяет начало I династии между 3400 — 3200 гг. Конечно, не все с ним согласны, некоторые получают более раннюю дату, определяя астрономическим путем 7-й год царствования Сенусерта, другие стоят за так наз. «длинную» хронологию, отступая на один период

Сириуса вверх и относя таким образом дату Сенусерта III к 3342 г., а следовательно, «Мину»—в V и даже в VI тысячелетие. Другие, напр., Леман-Хаупт, вносят поправки в его исходную дату. Действительно, она предполагает циклический характер периода Сотиса: на самом деле, солнечный год не ровно на $^1/_4$ суток больше 365 дней и не безусловно равен году Сириуса; последний на разных широтах восходит не водин день; кроме того, не приняты в соображение изменения, вносимые предваре ниями равноденствий. Астрономически самая ранняя дата, добытая Эд. Мейером, должна быть изменена в 4236 г. и, пожалуй, было бы более правильным, не ставя для доисторических эпох точных данных, признать, что египетский календарь восходит к V тысячелетию.

[В 1917 г. немецкий египтолог Л. Борхардт выступил с новой хронологической схемой египетской истории, отличной от схемы Эд. Мейера. Опираясь на тщательно продуманное восстановление аннал Древнего царства, он получил путем остроумной комбинации и для Тинисской эпохи астрономически определенную дату восхода Сириуса. В связи с этим важным наблюдением, Борхардт указывает на невозможность пользования для вычисления начала I династии — 955 годами Туринского папируса, каковое число лет Эд. Мейером рассматривалось точной суммой лет правления царей Древнего царства. Контекст Туринского папируса, в котором сохранились эти 955 лет, настолько испорчен, по мнению Борхардта, что на основании его никаких выводов делать нельзя. Опираясь на данные выводы, Борхардт определяет начало первой династии 4186 г. до н. э. Его хронология встретила сочувствие среди некоторой части египтологов, а в 1919 г. ее принял и известный историк древнего мира, Леман-Хаупт. Г. Готье, издавший в 1915 г. новые фрагменты аннал Древнего царства, пришел путём одного восстановления этих аннал, примерно, к тому же определению времени начала династической истории Египта, что и Борхардт].

Ассиро-вавилонская хронология может быть точно установлена для последнего тысячелетия, особенно с 911 г. Здесь решают дело царские списки и списки эпонимов. В числе первых особенно важен так наз. Птолемеевский канон вавилонских царей, сохранившийся в Альмагесте и идущий от александрийских астрономов, обработавших вавилонские астрономические выкладки времени царя Набонасара (747—734), с которого и начинается список. Это случайное обстоятельство дало повод древним говорить о какой-то «эре Набонасара», а хронограф Панодор даже вывел заключение, что список не идет вверх от Набонасара потому, что этот царь якобы уничтожил документы своих предшественников... Списки эпонимов имеются у нас с перерывами с 911 г. и точно датируются, благодаря упоминанию в них солнечного затмения, определяемого астрономически 15 июня 763 г. Далее вверх идут хроники и списки вавилонских династий с годами, приводящие нас приблизительно к 2060 г. для начала первой вавилонской династии. Для ассирийской хронологии служат приводимые иногда в тёкстах синхронистические указания. Так, царь Синахериб, разгромив Вавилон в 689 г. до н. э., нашел в нем печать ассирийского царя Тукультининиба I, якобы пожертвованную этим царем 600 лет тому назад. Тот же царь взял из Вавилона два ассирийских идола, увезенных вавилонянами 418 лет до этого времени из Ассирии (так наз. дата бавианской надписи). После покорения Элама Ассурбанипалом в 650 г., последний нашел там идол богини Наны, похищенный эламским завоевателем Кудурнахунди, по его словам, 1635 лет тому назад. Салманасар II (1300) говорит в своей надписи, что Шамши-Адад, патеси Ассура, за 580 лет до него, основал храм бога Ассура, который он возобновил после пожара, а Эришу, патеси Ассура, был еще за 159 л. до Шамши-Адада. Это приведет нас к 2040 г. По одной вавилонской хронике отец этого Эришу—Илусума был современником Суму-абу, основателя первой вавилонской династии, что вполне совпадает с датой, полученной из расчета вавилонских династий.

[Правда, Куглер в 1912 г. установил на основании астрономических данных, дошедших от I вавилонской династии, что начало этой династии восходит не к 2060 г.

до н. э., как того требуют царские списки Вавилонии, а к 2225 г. до н. э. Эд. Мейер в третьем издании I тома своей Geschichte des Altertums, § 328, условно принял датировку Куглера, но Ф. Вейднер в своих работах 1915 и 1921 гг., восстанавливающих историю Ассирии на основании новых данных, полученных из раскопок в Ашуре, приходит путем сопоставления синхронистических указаний в истории Вавилонии и Ассирии к старой датировке начала I вавилонской династии 2060 г. (или, точнее, 2052 г. до н. э.)].

Для древнейших времен Сеннаара оказывают услуги остатки списков, например, найденный в Ниппуре и перечисляющий 40 царей Ура и Исина, начиная с Уренгура, с 342 годами, что приводит к концу XXIV в., а затем также относительное положение культурных слоев, обнаруживаемых при раскопках: остатки более древнего периода всего глубже. Из сопоставлений этих слоев, имен царей, шрифта, стиля и т. п. в разных центрах, получаются нередко решающие данные. Династия Агадэ с Саргоном I и Нарамсином на немного поколений оказывается старше Уренгура и может быть отнесена к концу первой половины III тысячелетия, а потому приходится признать ошибочным показание последнего вавилонского царя Набонида. Последний нам сообщает, что во время работ по обновлению знаменитого храма бога Солнца в Сиппаре был найден документ древнего сиппарского царя Нарамсина, «документ, которого ни один царь не видел 3 200 лет». Таким образом, время этого царя по данному указанию падало на XXXVIII век. Между тем, и новейшие данные, полученные путем раскопок в Телло, Ниппуре, а также дошедший из Киша (?) современный Хаммурапи список древних династий первой половины III тысячелетия, не позволяют принять такой ранней даты.

[Открытия последних лет дали науке возможность почти полностью восстановить подлинный список древнейших династий вавилонской традиции, начиная с царей до потопа вплоть до династий Исина и Ларсы, непосредственных предшественниц первой вавилонской династии. Но и этот полный царский список Сумиро-Аккада также не допускает отнесения царствования Нарамсина к XXXVIII веку, наоборот, он весьма веско говорит в пользу датировки Нарамсина временем, близким Уренгуру, родоначальнику династии Ура, ибо, согласно списку, лишь два с небольшим столетия отделяют обоих царей]. Поэтому мы можем вполне определенно утверждать, что наши современные сведения не дают возможности отнести древнейшие памятники Вавилонии — раньше чем к средине IV тысячелетия. Таким образом, начало двух великих культур Древнего Востока одновременно [а если правильна хронология Борхардта, то культура Египта древнее], и мы начинаем с изложения истории Вавилонии только в виду ее более широкого влияния на окружающий мир.

Lehmann-Haupt, Zwei Hauptprobleme d. altorientalischen Chronologie. Leipz., 1898. Mahler, статьи в Aegyptische Zeitschrift, тт. 32, 37 и друг. и в Denkschriften Венской академии. Во франц. переводе Moret: Ed. Mahler, Études sur le calendrier égyptien. Annales du Musée Guimet. Bibl. d'Études XXIV (1912). Rost в Orientalistische Literaturzeitung, III. Болотов, Antedatierung или Postdatierung, в Христ. чтении 1896, II, и др. Sethe, Chronologie d. ältesten ägyptischen Geschichte u. die Entwicklung der Jahresdatierung bei den alten Aegyptern (Beiträge zur ält. Gesch. Aegyptens). Lpz., 1903. Ed. Meyer, Aegyptische Chronologie, Berl., 1904 и 1907. Abhandl. Берлинской академии наук. Ginzel, Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie. Lpz., 1906. Mahler, D. Siriusjahr u. d. Sothisperiode. Orient. Literaturzeitung, 1905—6. «Длинной хронологии» египетской истории держатся Fl. Petrie и Knobel. См. ряд статей их в Historical Studies во II т. Studies of archeol. in Egypt. 1911. Даты Сириуса по ним с неравномерными промежутками, это: 4235, 2775, 1317, 139; первая династия — 5546. Молодой, талантливый, столь безвременно скончавшийся в ноябре 1919 г. астроном М. А. Вильев в 15 положении своей диссертации «Аналитическое решение основной задачи теоретической астрономии» (Пгр., 1918) говорит: «В настоящее время астрономия не дает возможности сделать выбор между короткой и длинной хронологией египетской истории». Ср. Lehmann-Haupt, Sothis Periode und «Ebers Kalender». Klio VIII. Millosevich, Il sorgere iliaco

di Syrio, Roma, 1917. [В 1919 г. закончилось колоссальное издание Готье царских датировок Египта от всех эпох — H. Gauthier, Livre des roi d'Égypte, т. I—V (Mém. Inst. Franç. Caire, т. 17—21), 1908—1919. Тот же Готье издал новые фрагменты аннал Древнего царства: Quatre nouveaux fragments de la pierre de Palerme (Le musée Égyptien: Recueil sur les fouilles d'Égypte), 1915, стр. 29—63, pl. XXIV—XXXVI; сурового критика это издание встретило в лице Al. Gardiner'a, Journ. of Egypt. Archaeol. III (1916), стр. 143—145. Свою новую хронологическую схему Борхардт установил в своем труде: Die Annalen u. d. zeitliche Festlegung d. Alten Reiches der ägyptischen Geschichte (Quellen u. Forschungen zur Zeitbestimmung d. ägyptischen Geschichte, I, 1917). Положительную оценку теории Борхардта дает Леман-Хаупт, Klio 1919 (XVI), стр. 200 сл. Принимает ее с некоторыми оговорками и Г. Шефер во 2 изд. своего Von ägyptischer Kunst (1922), стр. 272 сл. Вопросы хронологии и датировки трактуются Sethe, Die Zeitrechnung der alten Ägypter im Verhältniss zu des anderer Völker. 1. Das Jahr (Nachr. d. K. Gesellsch. d. wissensch. zu Göttingen, phil.-histor. Kl. 1919, стр. 287—320); его же, Zur Jahresrechnung des Neuen Reiches (Äg. Zeitschr. 1923, 58 сл.); N. Scholpo, Zur chronologie der 4-ten Dynastie (PSE, I—1929, стр. 4—10); его же, Miszellen zur Geschichte und chronologie des Alten Reiches (PSE, VII—1931, стр. 29—39); его же, Die 6 Zeile der Annalen und die 3 Dynastie (PSE, III, стр 1—5)]. Lehmann-Haupt, Berossos Chronologie und die keilinschriftlichen Neufunde. Klio VIII. Schnabel, Studien zur babylonisch-assyrischen Chronologie. Berl., 1908. Bosse, Die chronologischen Systeme im Alten Testament und bei Josephus. Berl., 1908. Scheil, Les plus anciennes dynasties connues de Sumer-Accad. Comptes rendus Acad. Inscript., 1911. Thureau-Dangin, статьи в Oriental. Literaturzeit. Zeitschr. f. Assyriol. и проч.

[Ed. Meyer, Die ältere Chronologie Babyloniens, Assyriens und Ägyptens. Berlin, 1925. Полемику Вейднера с Куглером см. Weidner, Studien zur assyrisch-babylonischen Chronologie u. Geschichte auf Grund neuer Funde (Mitteil. d. Vorderas. Ges., 1915, стр. 46—68) и Die Könige von Assyrien (ibidem, 1921, вып. 2). Новые тексты для хронологии Ассирии изданы O. Schröder, Keilschrifttexte aus Assur versch. Inhalts, № 9—15; 17—18; 182 и 216. Список 10 царей до потопа (ср. 10 патриархов библии). S. Langdon, The Chaldean Kings before the Flood (Royal Asiat. Soc. Journ., 1923, стр. 251 сл.). Новые фрагменты списка царей после потопа изданы Poebel'ем, Historic. a. gram. texts № 2 сл. (Univers. Mus., Philadelphia V, 1914). Они были исторически использованы Poebel'ем (ibidem, № 73 сл.) и Thureau-Dangin, Chronologie des dynasties de Sumer et d'Accad; новые важные фрагменты, ценные, между прочим, для окончательной реконструкции династии Аккада, нашел среди ниппурских таблеток Legrain, Museum Journal, Philadelphia, 1920, стр. 175 сл., ibidem, 1921, стр. 75 сл. Реконструкцию царского списка Сумиро-Аккада, на основании этого нового материала, см. Ungnad, Die Rekonstruktion der altbabylonischen Königslisten (Zeitschr. f. Assyr. 1922, XXXV, стр. 1 сл.) и Poebel, Ein neues Fragment der altbabylon. Königsliste (ibidem, стр. 39 сл.), см. также Allotte de la Fuije, Sur d'anciennes listes sumériennes de dynasties royales. Journ. As. (XI Sér.) V, 555 сл. L. Langdon, The early Chronology of Sumer a. Egypt a. the similarities in their culture (The Journ. of Eg. Archaeol. VII, 1921, стр. 133—51); B. Meissner, Zeitschr. Deutsch. Morgenl. Ges., 1922, № 76, стр. 86 сл. Новые списки династии Ларсы изданы Clay, Yale-Orient. Series Babyl. I (1915) № 32 и Thureau-Dangin, La chronologie de la dynastie de Larsa (Rev. d'Ar., 1918, XV, стр. 1 сл.). В запутанных вопросах хронологии эпохи касситов разбирается Леман-Хаупт путем использования синхронизмов, засвидетельствованных Т.-Амарнским и Богазкеойским архивами и синхронистической хроникой, в Klio XVI (1920), стр. 242—301. Порядок следования хеттских царей на основании данных Богазкеойского архива устанавливает Hrozny, Hethitische Könige (Boghazköi Stud., 5 Heft). Из новых трудов, посвященных вопросам библейской хронологии, см. M. Thilo, Die Chronologie d. A. T. dargestellt u. beurteilt unter besonderer Berücksichtigung d. masoretischen Richter- u. Königszahlen. Bremen, 1917].





ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

Древний Восток — область культуры, зародившейся в подтропических странах, примыкающих к восточным берегам Средиземного моря, и распространившейся до Индии, Атлантического океана и тропической Африки. От дальневосточных цивилизаций она отделялась непроходимой стеной Гиндукуш и Соломоновых гор. Этот горный массив Мечников называет одним из наиболее изолирующих на всем земном шаре. Лежащая к западу от него громадная область так называемого Ближнего Востока представляет великое разнообразие степей, пустынь, плодородных речных долин, оазов, горных стран, морских берегов, островов. Если обширные степные пространства, напр., Аравия или, отчасти, Каппадокия, были удобны для пастушеских племен и для увеличения населения, бывшего причиной постоянных нашествий на соседние страны, то культура могла зародиться и развиться только в плодородных и теплых речных долинах, где природа, давая населению в изобилии необходимое, в то же время требовала от него коллективного и организованного труда и, таким образом, была школой государственности. Такими областями были в Азии — южная часть бассейнов двух великих рек Тигра и Евфрата и других, меньших, впадающих восточнее их в Персидский залив: Хоаспа, Евлея (Улай); в Африке — Нила. На Евфрате возникла вавилонская культура, имевшая крупными областями своего распространения и влияния: на среднем Тигре — Ассирию, на верховьях двух рек и у больших озер Армении — Ванское царство, на Хоаспе и Евлее и плодородных крайних горах Ирана — Элам; даром Нила (вероятно от семитич. Нахр — Нахайр реки; по-египетски Хапир, потом Хапи и Пиур, откуда др.-персидское Парава) был Египет, геологически начинающийся там, где могучая река, пробив ниже первого порога у нынешнего Gebel Silsileh нубийский твердый песчаник, образовала в мягком египетском известняке более широкую долину. Сами египтяне называли свою страну «Кимет», т. е. «Черная», Чернозем, в противоположность «Красной земле» — пустыне. Имя «Египет», вероятно, перешло к грекам от финикиян, называвших Мемфис Хикупта (от египетского Хаткапта — «храм Духа бога Пта»). В настоящее время несомненно, что не только дельта Нила, но в значительной мере и Верхний Египет обязан своим происхождением отложениям речного ила, составившегося из размываемых Голубым Нилом, Собатом и Атбарой абиссинских горных пород, вместе с растительными элементами из лесов Судана, приносимыми Белым Нилом. Точно также и почва Вавилонии до самой линии между Самаррой на Тигре и Хитом на Евфрате аллювиальная, а лагуна Шат-эль-Араба заполнилась только на глазах истории: в древности Тигр, Евфрат и Евлей (Керха) впадали отдельно в залив Нар-Маррату. Но, созидая культурные базы, реки требовали от их жителей неустанной работы. В Египте недостаток

подъема реки влек за собою голод, излишний разлив грозил большими бедствиями; в Вавилонии, кроме того, равнина между двумя реками была слишком низка и легко обращалась в болото, непригодное для культуры и вредное для жизни. Только умелое распределение влаги, проведение ее в наиболее отдаленные и возвышенные места, заготовление запасных резервуаров на случай недостаточного разлития, осушение болот путем канализации — могли поддерживать культурную пригодность почвы. Но это требовало совместной работы всего народа под сильной властью: отсюда древнейшие крупные политические образования на началах деспотизма и крепостничества. Отсюда же могущественное влияние экономических факторов на политическую историю, а также постоянная связь сильной центральной власти с заботой о водяных сооружениях. В настоящее время Египет, всегда бывший густо населенным и сравнительно хорошо управляемым, представляет разительную противоположность области древнего Сеннаара — Вавилонии. Этот цветущий край, этот сад Эдемский, удивлявший Геродота и других попадавших туда греков и римлян, теперь представляет пустынное болото. И причиной этому не перемена климата, который остался тем же, а плохое управление и обезлюдение, обусловившее расстройство системы каналов и шлюзов, а следовательно, превращение страны в болото.

Итак, в двух больших речных бассейнах возникли древнейшие культуры. Но условия нильских разливов были проще, чем те, какие выпали на долю обитателей берегов двух азиатских рек. Здесь не было такой строгой периодичности, было больше случайностей, участие человека, вооруженного машинами, требовалось более интенсивное, особенно если принять в соображение наличность двух рек, имевших каждая свои особенности. Обе они переносят воды Черного моря в Индийский океан, так как их питают южные склоны Армянских Альп, получающих огромное количество влаги от водных испарений восточных ветров, дующих с Черного моря, покрывающих снегами горы вокруг их истоков и затем превращающихся в осадки в западных долинах. Но быстрый Тигр с высокими берегами представляет менее удобств для орошения, и его подъем оканчивается скорее: начав подъем в марте, он уже к средине июня входит в обычный уровень, между тем как Евфрат разливается с апреля по сентябрь, медленно протекая и выходя далеко из низких берегов. Вот почему на нем были расположены почти все древние города, где процветало наблюдение небесных явлений. В то время, как африканская река впадала в Средиземное море, азиатские были направлены к югу; между обеими областями лежали пустыня, море и громадный Аравийский полуостров. К тому же долина Нила была узка (в самом широком месте не более 20 верст) и заперта двумя стенами — ливийской и аравийской горных цепей. Поэтому, возникнув, может быть, из общего источника, эти культуры долгое время не находились в особенно деятельных сношениях и, развиваясь более или менее самостоятельно, отмежевали себе особую область распространения. Египтяне, двигаясь вверх по Нилу, понесли свою цивилизацию в Нубию и Эфиопию до Судана; здесь еще в первые века н. э. были царства, культура которых покоилась на древнеегипетских основах, хотя и подверглась сильному влиянию африканского варварства. Ископаемые богатства нубийских гор, богатая фауна лесов, а главное — та же нильская долина, но сначала более узкая, а потом переходящая в обширные луговые и лесные пространства, влекли сюда с давних пор египтян. Египетская колонизация приобщила культуре и ближайшие западные базы, начиная с непосредственно примыкающего Фаюма: минеральные богатства привели египтян и на Синайский полуостров [а потребность в ливанском кедре заставила их уже в глубокой древности завязать сношения с Финикией, в особенности с Библом].

Создатели великой азиатской цивилизации направились по противоположному пути. Вавилония нуждалась в камне и лесе — цари начинают экспедиции в Аравию и на Синай, идут вверх по Евфрату к Аману и Ливану. Евфрат, подходя в среднем течении близко к Средиземному морю, приводит их кружным путем к финикийскому побережью с его гаванями. За ним идет их культура, подчиняющая себе всю Перед-

нюю Азию и Аравию и таким образом делающаяся, несмотря на направление своих рек, средиземноморской. В этих странах не могло образоваться ни самостоятельных культур, ни великих держав. Сирия, изрезанная горами, представляет соединение мелких областей, не связанных ни речной областью, ни дорогами. Сюда спасались не только с востока, но и из-за моря (филистимляне) остатки теснимых народов; здесь селились самые разнородные племена, и море, создавая торговое соперничество, не только не объединяло их, а разобщало даже части одного и того же народа, например, финикийские города. Жители последних, поселившись на островах из-за безопасности и не имея распространения на восток, в занятую и отрезанную Ливаном и Ермоном Сирию, увидели единственный путь — на запад, и заселили многие местности на островах Средиземного моря (Кипре, Сицилии, Мальте, Сардинии и др.), в Карфагенской области и Испании. Разобщенные и малочисленные сирийские племена, позже вступив на арену истории, не выработали ни своей государственности, ни культуры. Сначала они подверглись могущественному влиянию вавилонской цивилизации, потом, когда Египет обратил взоры на Азию, они вошли в состав Египетского царства и не остались без его культурного влияния. Промежуточное положение, делая Сирию предметом раздора в политическом отношении, осудило ее на роль постоянного заимствователя и компилятора чужих культур. Но в то же время ее географическое приморское и международное положение сделало из нее передатчика приспособленной к дальнейшему распространению уже не египетской или вавилонской, а древне-восточной культуры. Это распространение дошло, как известно, до берегов океана. Карфагенская культура проникла в Нумидию и Мавританию и открыла впоследствии области до самой Гвинеи. Подобная же роль выпала и на долю Малой Азии. Это тоже был мост из Азии в Европу. Имея вблизи себя Евфрат, соединяясь с его областью рядом горных проходов через Тавр и Аман, эта плодородная страна с долинами, естественными путями сообщения, с плоскогорьями, понижающимися к западу, — была местом развития своеобразной хеттской культуры; жители этого полуострова делали на суше то, что финикияне — на море, и сыграли видную роль в деле передачи восточных элементов на запад, в область так называемой островной и микенской культуры; в лице выходцев этрусков они снабдили восточными элементами Италию и Рим.

Пустыня также сыграла свою роль в истории. Хотя она и разъединила две великих цивилизации и высылала племена, враждебные им, но она иногда давала повод к грандиозным предприятиям в видах улучшения средств сообщения и ирригации. Наконец, иногда она способствовала и плодородию. Проф. Воейков особенно подчеркивает роль пустыни в образовании египетского оазиса и называет ее вторым после Нила фактором, создавшим его культуру. Он сравнивает ее с костром, над которым образуется столб нагретого воздуха; малое давление, производимое им, служит причиной почти постоянного северного ветра с Средиземного моря (только в апреле и мае дует юго-восточный хамсин). Этот морской ветер обогащает Египет солями, необходимыми для растений, сметает с него песок пустыни, поддерживает влажность и умеренность климата. Последний в Египте гораздо ровнее, чем в Вавилонии; отсутствие дождей делает его еще более однообразным. Зимы, конечно, нет, но от декабря до марта температура иногда приближается к точке замерзания; летом она доходит до 35° в тени. Но и здесь скоро жаркое время умеряется разлитием Нила, который к концу июля уже выступает из берегов, в октябре достигает высшей точки, а в январе снова входит в берега. Сообразно этому, египтяне знали не четыре, а три времени года: наводнение, зиму или посев и жатву. Между тем, в области двух азиатских рек переходы температуры резче и климат суровее. В Вавилонии летом нестерпимые жары, зимой идут дожди, и после них пустыня покрывается растительностью, но стоит подуть летним ураганам, как роскошный луг превращается в песчаную пустыню.

Имея сходные географические условия, области двух великих древнейших цивилизаций имели и важные различия, также положившие печать на их характер. Египет, длинный и узкий оаз в долине одной реки, запертый с обеих сторон, с юга также

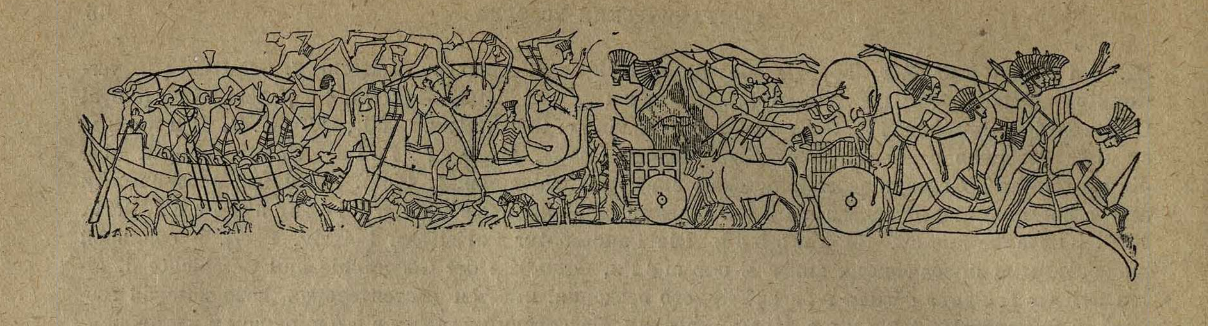
мало доступный и легко охраняемый уже в силу крайней узости долины (в глубокой древности он даже оканчивался у нынешнего Gebel Silsileh, где обе горные цепи непосредственно подходят к воде, не оставляя свободного места), с северо-востока несколько более был подвержен внешним влияниям.

Таким образом, египетская цивилизация была более обособлена, менее подвержена внешним влияниям и опасностям, но зато и менее влияла на соседние народы. Иначе дело обстояло с вавилонской. Обширная область двух рек связывала Армению, а за нею Кавказ, Иран, Сирию; она была открыта со всех сторон и могла по всем направлениям распространять блага своей цивилизации, но к ней непосредственно примыкали и горная страна, и пустыня. Степная Месопотамия, орошаемая весенними и осенними дождями, превращается весною в цветущий сад, чтобы после знойного лета сделаться пустыней; она была долго населена кочевыми и охотничьими племенами; равным образом и лежавшая на противоположном берегу и по Тигру Ассирия воспитала население, закаленное в борьбе с дикой фауной и горными племенами. Воинственные горные племена всегда были готовы броситься на плодородную, а потом культурную страну. Таким путем, вероятно, Вавилония получила свое древнее культурное сумерийское население, таким же путем явились и племена, сокрушившие Ассирию. Никакие меры обороны не могли быть действительны, так как за горами простирались необъятные пространства Восточной Европы и Средней Азии, всегда поставлявшие новые контингенты разноплеменных завоевателей и грабителей. И приобщенные культуре страны Севера и Востока, как Ванское царство и Элам, находились в постоянных близких враждебных или мирных отношениях с Вавилоном и Ассирией. С юго-запада Двуречье примыкало к аравийской пустыне, врезавшейся углом в культурную область. В обширной Аравии, окруженной морями, жило однородное население — семиты, только в центре полуострова (Неджед) и на юго-западе (в Иемене) образовавшие культурные области. Отсутствие рек и бесплодие делало остальные части, кроме оазов у источников (напр., Тайма, Эль-Ола, Джоф, Фаран, Кадеш и др.), лишь областями номадов, постоянно напиравших на Двуречье и Сирию. И такие постоянные нашествия и даже этнографические перевороты могли бы быть прекращены только после покорения и колонизации необъятного полуострова, что оказалось не по силам ни царям, ни народам. Отсюда понятно, что древние считали Вавилонию классической страной столкновения рас и смешения языков; вся история двуречной цивилизации представляет постоянное чередование вторжений новых рас, ассимиляций, перерывов, смен языков и смешений национальностей. Вопрос об этих национальностях, игравших роль в создании древне-восточных культур, об их происхождении и взаимодействии, имеет основное значение для уразумения судеб этих культур.

Прекрасный очерк географии Египта из древних авторов дает Д и о д о р (гл. 30—41 1-й книги) на основании Гекатея и Артемидора или Агафархида; место об естественной обособленности Египта могло бы быть написано и ученым нашего времени. Историческая география *Египта* создана Б р у г ш е м (Geographie d. alten. Aegyptens. 3 т., 1857); после него D ü m i c h e n, Geographie d. alten. Aegyptens. B., 1879. J. d e R o u g é, Geogr. ancienne de la Basse Égypte, 1899. См. еще К л и н г е н, Среди патриархов земледелия. Ч. I. Египет. Спб., 1898. [О климате Египта см. M e i n a r d u s, Mit. Geograph. Ges. Hamburg, 1918 (31), стр. 210 сл. О флоре Египта на основании изображений карнакского храма — S c h w e i n f u r t h, Botan. Jahrbücher f. Systematik, Pflanzengeschichte u. Pflanzengeographie, т. 55, вып. 5, стр. 464—480, Leipzig, 1919. О культурных злаках др. Египта (пшенице, ячмене и полбе) писал A. S c h u l z e в Ber. d. Deutsch. Botan. Ges. т. XXXIV (1916), вып. 8, стр. 601—619 и вып. 9, стр. 697—702 и в Abhandl. d. Naturforsch. Ges. zu Halle an d. Saale, Neue Folge № 5 (1916), стр. 395 сл.]. По исторической географии *Азии* — D e l i t z s c h, Wo lag das Paradies, 1881. Im Lande des einstiges Paradieses, 1903 [статьи T o f t e e n'a в Journ. of semit. Lang. a. Lit. XXI, 83—99, XXIII, 323—357; J o h u s'a, ibidem, XXII, 228—238; S t r e c k'a, ibidem, XXII, 207—223, в Babyloniaca II, 242—256 и Mit. d. Vorderas. Ges., 1906, 3]. В. В. Б а р т о л ь д, Историко-географический обзор Ирана. Спб., 1903. S a c h a u, Zur historischen Geographie von Nordsyrien. Berl., 1892. (Sitzungsberichte Берл. акад. наук XXI).

[E. Littmann, Zur Topographie d. Antiochene u. Apamene (Zeitschr. f. Semitistik u. verwandte Gebiete, I, 1922, стр. 163—195)]. Ramsay, The historical geography of Asia Minor (Royal Geogr. Society Supplem. IV). Garstang, The land of the Hittites. Lond., 1910. М. В. Никольский, Древняя страна Урарту (Землеведение, 1891, 1). Herzfeld, Untersuchungen über die historische Topographie der Landschaft am Tigris. (Memnon, I, 1907). Обширная историческая география Финикии помещена в 4 и 5-й главах Geschichte der Phönizier Pietschmann'a. Berl., 1889. [О Палестине ср. Schwöbel, Die Landesnatur Palästinas, Leipzig, 1914]. В обильной рискованными положениями книге Hommel'я, Grundriss der Geographie und Geschichte d. alten Orients I, кроме общего географического введения, имеется обстоятельная историческая география Вавилонии. Адамов, Ирак Арабский. Бассорский вилайет в его прошлом и настоящем. Спб., 1912 — описание местности и современного населения области древней Вавилонии. Исторической географии Аравии посвящен I т. Glaser, Skizze d. Geschichte und Geographie Arabiens von den ältesten Zeiten bis zum Propheten Muhammad. Berl., 1890. Д. И. Мечников, Цивилизация и великие исторические реки. Пер. Городецкого. Спб., 1898. Филиппсон, Средиземье. Пер. Бельского. М., 1911.





ЭТНОГРАФИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Библия сохранила единственный в своем роде памятник, доказывающий, что еврейский народ опередил, может быть, своих более культурных соседей, не только созрев до сознания единства человечества, но и до его классификации по генеалогической таблице, знаменитой родословной народов в X гл. книги Бытия. Все стоявшее на его горизонте и известное ему человечество он распределил по трем сынам Ноя: Симу, Хаму и Иафету. Что здесь имели место не соображения о родстве языков, понятно само собой и не оправдывается данными: вавилоняне помещены в число потомков Хама, куда отнесены также в самой тесной связи хананеи, ближайшие родственники евреев по языку, финикияне и хетты, тогда как чуждый по языку Элам помещен в список сынов Симовых. Возможно, что в родословной народов отразилось географическое соседство, а кое-где и политические условия.

Для суждения о родстве народов в современной науке, конечно, руководствуются не политикой, а другими критериями, но относительно их все-таки не достигнуто полного соглашения. Важное значение имеет язык, но и он не является непогрешимым свидетелем: вспомним коптов, говорящих по-арабски, многих из малоазиатских греков—по-турецки и т. п. Антропологический тип, выводимый из краниологических изысканий, не является определенной, бесспорной и постоянной величиной. Еще меньше значения имеют суждения по так наз. народному характеру (в этом особенно повинен Ренан). Не говоря уже о малой разработанности народной психологии, мы видим примеры различий в характере среди отдельных частей не только расы, но и одного племени. Нельзя забывать также, что сходные географические и исторические условия могут выработать и сходные «народные характеры». Итак, наиболее надежным и для нас доступным критерием все же остается язык. Для более древних времен этот критерий наименее ошибочен: расы одного происхождения непременно первоначально должны были говорить общим языком; только многовековые судьбы, в связи с политическими переворотами, могли произвести изменения. Новейшие открытия дали нам возможность, на основании данных языкознания, комментировать библейскую родословную народов, а затем, с необходимыми поправками, удержать ее принципы. Группа народов, говорившая на языках того же корня, что еврейский, до сих пор в науке называется *семитической* или *семитской*: это — вавилоняне, ассирияне, финикияне-хананеи, арамеи, халдеи, евреи в широком смысле, арабы с их ушедшей в Африку эфиопской ветвью. Это — весьма тесная в лингвистическом отношении группа; близость языков ее может быть сравнена с той, которая замечается между отдельными представителями, напр., славянских или германских наречий. Менее определенным остается до сих пор понятие хамитов. Сюда относятся, прежде всего, египтяне, а затем светлокожие африканские племена, напр., берберы,

кабилы, ливийцы, галлы. Лингвистическое родство здесь, повидимому, также существует, но оно гораздо более отдаленно и менее заметно, чем у семитов. Впрочем, единственным литературным языком культурного народа здесь остается один египетский с его потомком — коптским; все другие мало известны и изучаются в своем современном виде, будучи употребляемы у племен, стоящих на низких ступенях цивилизации и рассеянных на огромном пространстве значительной части африканского материка. Египетский язык и отчасти другие, так наз. хамитские, имеют некоторые точки соприкосновения в грамматике и словаре с семитическими; это напоминает то родство, которое существует между великими подразделениями индо-европейской группы; необходимо для семитов и «хамитов» (по крайней мере, египтян) предположить общую прародину. Где она находилась? Вероятно, в Аравии, где история не знает других племен, кроме семитов, и где семитизм в наиболее чистом виде сохранился до настоящего времени. Накоплявшееся здесь в течение нескольких веков население всегда искало выхода и распространения в областях, более способных его прокормить, и по временам изливалось в больших движениях, сообщивших семитическое население соседним странам к северу и западу. Винклер хочет различить в истории четыре таких переселения: первое, вавилоно-ассирийское, произошло на заре истории, может быть, в IV тысячелетии до н. э.; второе, наводнившее Сирию и многие другие страны хананеями (амореями), относится к III тысячелетию, следующее, арамейско-халдейское, началось тысячелетием спустя; последнее великое переселение семитов было арабское, закончившееся уже под знаменем ислама и придавшее Древнему Востоку совершенно новую физиономию. Таким образом, семитический мир, вследствие выселений, разделился на группы. Обыкновенно различают северных семитов от южных; к первым относят вавилонян, ассириян, хананеев с финикиянами, амореями, евреями (израильтяне, моавитяне, аммонитяне, идумеи), арамеев и халдеев, ко вторым — арабов с их южно-аравийскими культурными племенами савеев и минеев, и абиссинов.

Но были ли семиты первыми, занявшими Вавилонию и Сирию, или, по крайней мере, первой культурной нацией Передней Азии? Этот основной вопрос истории человечества, поставленный вскоре после открытия чтения клинописи, до сих пор волнует ученых и делит ассириологов на два непримиримых лагеря. Уже Гинкс, Опперт и Раулинсон заметили, что клинопись рассчитана не на семитический язык: ее знаки, вышедшие из иероглифов, изображали звуки, не соответствовавшие семитическим именам предметов, изображавшихся этими иероглифами (напр., «звезда», идеограмма для «бога» и «неба», не «илу» или «шаму», а «ан» и «дингир»; «рука» не «кат», а «шу», вода — не «му», а «а» и т. д.); фонетика и грамматика, обусловленные этими знаками, представляют полное игнорирование законов семитизма. Наконец, были найдены силлабары, где клинообразным идеограммам, вышедшим из иероглифов, соответствовали силлабические чтения несемитические и семитические в параллельных столбцах, а также в значительном количестве найдены религиозные тексты и даже исторические надписи, в которых несемитический текст сопровождается семитическим переводом. До самых последних времен вавилонской культуры существовал искусственно этот несемитический язык и, употребляясь для религиозных целей, соответствовал средневековой латыни. Все это заставляет предположить, что клинопись, а частью, может быть, и другие элементы культуры, восходит не к семитам, а к другому народу, ближайшее определение которого пока не достигнуто в науке. Цари Вавилона, а потом Ассирии, титулуют себя «царями Сумира и Аккада»; замечено, что этот титул, принятый еще царями Ура, входит в употребление в Вавилоне с Хаммурапи, объединившего всю страну. Аккад — имя Северной Вавилонии, населенной семитами уже в глубокой древности, а имя Сумира, может быть, соответствующее фонетически библейскому Сеннаару, — Южной Вавилонии; встречается иногда в более поздних текстах термин — «язык прорицаний», «волхвований» или, как в 1889 г. доказал Бецольд, однозначащий этому «lisan sumeri», язык Сумира. Таким образом оказывается, что

сами ассиро-вавилоняне отличали от своего семитического языка другой *«сумерийский»* язык, имевший отношение к культу, а следовательно, священный и более древний. «Аккадским» языком определенно назван в одном указе времен I вавилонской династии семитический перевод, в противоположность сумерийскому оригиналу. И, вообще, в официальной терминологии Аккад означал семитический элемент государства. Эти термины, употреблявшиеся ассиро-вавилонскими семитами, удержаны в науке, но насколько они точно передают настоящее положение дела, и действительно ли народ, изобревший клинопись, называл себя сумерийцами, мы не знаем; точно так же пока не много можно сказать о расовой принадлежности и происхождении этого народа. Язык его, представленный надписями и текстами, еще недостаточно изучен; повидимому, он принадлежит к так наз. агглютинирующим. Это, а также некоторые подмеченные грамматические особенности и даже, кажется, слова дали повод целому ряду ученых сблизить его с монгольскими и финскими языками, но эта теория не получила общего признания, и едва ли до основательного грамматического и лексического изучения, блестяще и вполне научно начатого Thureau-Dangin, можно будет категорически ответить на вопрос. [Русскому исследователю, акад. Н. Я. Марру, удалось в последние годы убедительными лингвистическими доводами доказать принадлежность сумерийского языка к языкам яфетическим]. Возможно предположить, что климатические условия, а может быть и этнографические перевороты обусловили эмиграцию с Иранских гор на запад и что выселения с сев.-вост. были, может быть, одновременны и обязаны тем же условиям, что и выселения семитов из Аравии. На появление «сумерийцев» с сев.-вост. может указывать и то, что их исторический центр — г. Ниппур — с культом их верховного бога Энлиля находится как раз у входа из иранских проходов в плодородную равнину, где впоследствии старались укрепиться такие же выходцы с Ирана — касситы. Отсюда сумерийцы распространились на юг и заняли нижнее течение двух рек до морского берега. Северная часть Вавилонии была населена семитами, имевшими центром г. Сиппар-Агаде (Аккад). Возможно, что оба элемента населения издревле жили рядом, совместно вырабатывая великую культуру, ведя между собой войны и мирные сношения. На древних памятниках до-вавилонского периода мы видим постоянно резко обозначенными два этнографических типа: характерный семитический и безбородый, с тонким прямым носом и другими признаками, несвойственными семитам и указывающими на присутствие другого народа неизвестной расы.

В таком виде представляется большинству исследователей положение вопроса о древнейшем населении Вавилонии, особенно после талантливых исследований Эд. Мейера. Но существует, правда, теперь уже немногочисленная, школа, держащаяся иных взглядов. Во главе ее стоял пок. ассириолог Halévy, с 1874 г. ведший неутомимую борьбу с «сумерийской теорией» и доказывавший, что письменность изобретена семитами. Он утверждал, что первоначальное письмо, состоявшее из идеограмм, было предназначено только для глаз. Затем писцы стали, для удобства чтения, обозначать каждый знак особым именем, представляющим сокращение семитического слова, обозначением которого была данная идеограмма. Из этих, большею частью односложных обозначений развилось силлабическое письмо, чисто-фонетическое, но оно не могло сразу и окончательно вытеснить прежнего, освященного религией и древностью идеографического письма — последнее продолжало употребляться, нередко рядом с новым, являясь как бы аллографией в одних и тех же текстах, написанных двояким образом. Но оно было не только аллографией, но и аллофемией, так как жрецы в своем кругу привыкли читать идеографическое письмо, произнося фонетические обозначения. Таким образом, нельзя говорить о двух языках — дело идет лишь о двух способах письма, тем более, что уже в древнейших «сумерийских» надписях попадаются семитизмы, и выходит, будто народ — изобретатель клинописи — с первого начала думал не на своем языке. Искусственность этой теории бросается в глаза. Едва ли можно допустить как странное происхождение «обозначений» идеограмм произволь-

ными сокращениями слов (далеко, заметим, не всегда допускающих даже насильственное объяснение из семитических языков), так и долговечность «аллографии» и превращение ее в профессиональный условный жреческий жаргон. Что касается самого серьезного возражения Галеви — об отсутствии чисто-сумерийских надписей, то оно потеряло значение, так как раскопки в Ниппуре и других городах Южной Вавилонии обнаружили их в достаточном количестве.

В доисторические времена, еще более древние, чем переселение вавилонских семитов, другая ветвь этого племени направилась из Аравии чрез море на Запад. Родство *египетского* языка с семитическими замечается в корнях, суффиксах, грамматических формах, в законе трехбуквенности и второстепенного значения гласных. Это уже давно указывало на доисторическую этнографическую связь; к этому присоединились культурные указания: найдены аналогии в искусстве, быте и религии древнейшего Египта и Вавилона. Наконец, на азиатские связи указывают флора и фауна: сикомора, священное дерево египтян — аравийского происхождения (Швейнфурт); из Азии происходят виноград, хлебные злаки, быки, овцы и козы, встречающиеся уже в древнейшие периоды египетской истории.

Несомненно, и древнейшее население Египта было уже смешанным. Как антропологические исследования гробниц, так и рисунки самих египтян древнейшей эпохи дали возможность Фл. Петри распознать не менее шести различных расовых типов. Краниологические изыскания Oetterking'а над египетскими черепами также убеждают в том, что египетская раса сложилась из различных этнических элементов, что в ее тип входят элементы бушменские, негрские, ливийские, хамито-семитские, но что все это переработалось и дало один народ, в котором господствующим является хамитосемитский элемент, обнаруживающий на всем протяжении истории морфологически два типа: более тонкий и более грубый. Цельный египетский народ сложился уже в глубочайшей древности, за пределами истории и доступной вычислению хронологии. Данные археологии указывают на большую близость его и к ливийской ветви хамитов; возможно, что египтяне и были одним из ливийских племен, подвергшимся, уже в силу своего географического положения, особенно сильному смешению с семитами. Но возможно предположить и вообще, что хамитское население Африки явилось сюда с Востока, выделившись из пранарода, в состав которого входили и предки будущих семитов. На это указывает, между прочим, некоторое родство «хамитских» языков с семитическими. Египтяне, как крайняя к Востоку ветвь этих «хамитов», выделившаяся, может быть, позже, и, во всяком случае, обновляемая постоянно новыми слоями переселенцев, оказались наиболее близкими к своим азиатским соседям. Переселения с Востока шли не чрез Север, так как Дельта более нового геологического образования, а частью чрез Южную Аравию и Сомалийский берег (Пунт), частью чрез проход от нынешнего Коссейра (Вади Хаммамат) к древнему г. Копту; это доказывается культом бога Мина с его примитивной грубостью в древнейшем Египте. Переселения происходили не сразу большой массой уже потому, что они направлялись не чрез открытую обширную равнину, а чрез море и узкий проход; потому они не могли иметь такого бурного характера, как в Азии, и могут быть сопоставлены с теми, которые направлялись с половины I тысячелетия до н. э. из Южной Аравии в Африку и дали семитическое население Абиссинскому плоскогорью. И там и здесь семитизм не удержался в первоначальной чистоте: переселявшиеся небольшими группами в течение многих веков, были втянуты африканской средой и подверглись сильному ее влиянию, сказавшемуся в языке, антропологическом типе и культуре. Египтяне, кажется, называли африканских хамитов общим именем «Ону»; повидимому, они причисляли к ним и доисторические слои населения Нильской долины. Навилль и Капар указывают на имя Илиополя «Ону» и Дендера «Онет» и на некоторые другие географические имена классического Египта, как на след этих Ону; они же объясняют «праздник поражения Ону», справлявшийся впоследствии, как воспоминание покорения Египта поздним слоем, явившимся с юга и создавшим государство.

Если мы вспомним еще, что сама окружавшая египтянина природа была полна контрастов, но отличалась грандиозностью в простоте и правильностью во всех явлениях, то для нас будет понятен и характер этого народа, в котором грубый и отталкивающий африканский фетишизм уживался с удивительной чисто-семитической религиозной теплотой и богословской глубиной, консерватизм во всем строе и внешней и внутренней жизни — не только с эволюцией, но и с умением доходить до крайних последствий, как бы иногда нелепы они ни были, фантазия подчас дикая и необузданная — с трезвым, практическим, а то и прозаическим складом ума. Все эти и другие черты удивительной нации отпечатлелись и в ее литературе; они объясняют как многочисленные точки соприкосновения этой литературы с семитической, напр., с библейской, так и поражающий нас утилитарный и оппортунистический дух многих произведений, а также продукты, на наш взгляд, больного воображения или дошедшего до последних ступеней наивности и недомыслия магического суеверия...

Новейшие раскопки обнаружили существование значительного семитического элемента и в *Эламе*. Самое имя страны — семитическое; в туземных надписях имя народа звучит Хатамти (по другим Хапирти). Древнейшие князья Элама, нося несемитические имена, оставили надписи вавилонской клинописью на семитическом языке. Параллельно являются документы на туземном языке, написанные странным иероглифическим шрифтом; после клинообразной надписи царя Баша Иншушинака (ок. XXIV в.) прибавлен текст этими непонятными фигурными, вероятно, силлабическими знаками; кроме того, найдено несколько сот деловых документов. Только в половине I тысячелетия до н. э. язык надписей и документов окончательно делается туземным. В настоящее время над изучением языка Элама работают Вейсбах, Шейль, Хюзинг, Борк; они различают несколько диалектов и несколько фонетических законов и высказываются определенно за принадлежность эламского языка к кавказской группе. Это же признает и акад. Н. Я. Марр, изложивший печатно свою теорию о группе «яфетических» языков, включающей в себя, между прочим, языки эламский, грузинский и язык до-арийской Армении. Эта группа находится в генетическом родстве с семитической, может быть, приблизительно в такой же степени, как последняя с хамитской. Делаются попытки к разбору текстов, написанных загадочными знаками. Изображения эламитов на ассирийских барельефах, повидимому, указывают на примесь семитизма, равно как и в эламских текстах, даже поздних, попадаются семитические слова. Вероятно, семиты проникли в страну как крайние волны семитских переселений, и эламская культура, поэтому — вавилонского, семитического происхождения. Отношение семитизма к эламизму подобно отношению к первому сумеризма в Вавилонии. В ближайшем соседстве с эламитами жили в горах Загра луллу или луллубеи, родственные им, но воспринявшие семитическую культуру и клинообразное письмо на семитическом языке; по Верхнему Хоаспу — *касситы* или *коссеи*, этнографическая принадлежность которых не выяснена, но которые, повидимому, уже заключали в себе арийские элементы; им удалось овладеть Вавилонией и посадить там на много веков свою династию.

Переходим теперь к этнографической группе Древнего Востока, охватывающей северные, главным образом, *малоазийские* его племена. По известным из библии и египетских памятников представителям, ее большею частью называют *хеттской*. Некоторые предпочитают условный термин «*алародийская* раса», по геродотовской форме Ἀλαρόδιοι (от страны Арарата). Хетты не были единственным народом этой расы. Клинописные памятники познакомили нас и с другими ее представителями, занимающими место на страницах истории. Это — арцави в Малой Азии, митанни в Месопотамии, халды (понтийские халдеи греков, может быть, хелеуды книги Иудифи) Ванского царства в нашем Закавказье и турецко-персидской Армении. Сюда же относят киликийцев, морской народ ликийцев, лидян, а следовательно, этрусков, а также племена, появляющиеся на историческом горизонте в первой половине последнего тысячелетия восточной истории: тубал, маску

(предки абхазцев, переселившихся с юга), куммух и т. п. Некоторые причисляют к этой же группе и до-греческое население Эллады и островов, так наз. носителей островной, эгейской и троянской культур, из которых последняя в нижних слоях едва ли не современна египетской времен первых династий. «Многочисленные народы» этой расы «составляли одну по крови родственную семью. Яфетическая семья братски родственна с семитической семьею, но не тождественна с нею. Яфетиды объединялись друг с другом и общностью религиозных верований астрального типа, общностью культа, в котором жрецы-кудесники играли первенствующую роль... Отсюда сосредоточение в их руках политической власти и возникновение из их среды божественного или благородного сословия, коренной местной аристократии. Яфетидов объединяла и общность приобретений в области материальной культуры, прежде всего в металлургии... Высокое развитие земледелия и садоводства, техника водоорошения оставили свидетельство о себе как в археологических, так и языковых материалах. Рядом с колоссальными водооросительными сооружениями — высокая техника построек из местного камня, крепостей-городов и торговля у городских ворот» (Н. Я. Марр). От хеттов, арцави, митанни и Ванского царства у нас есть письменные памятники, составленные клинописью; из них документы ванских халдов писаны ассирийским шрифтом, — это довольно многочисленные надписи туземных царей; документы других хеттских наций дошли в Телль-амарнском и Богазкеойском архивах. Таким образом, мы в состоянии составить себе представление хотя бы о звуках хеттских языков и отчасти об их строе. Многочисленные попытки читать и понимать тексты митанни (Брюннов, Энзен), кажется, наконец, привели к некоторым положительным результатам в труде B o r k'a — Die Mitanni Sprache (1909), хотя и эти выводы не всеми приняты. Некоторые (напр., Гоммель) хотят видеть последний остаток хеттских языков в грузинском и баскском, другие (Н. Я. Марр, Л. З. Мсерианц) находят его следы в армянском, уже индо-европейском, но удержавшем некоторые ванские элементы. Кроме того, до нас дошло значительное количество своеобразных хеттских иероглифических и курсивных надписей, находимых в изобилии на всем протяжении Малой Азии и Северной Сирии, составленных шрифтом, очевидно, выработанным раньше заимствования клинописи. Родиной хеттов считают Малую Азию, в частности, Северную Каппадокию, где в Эюке и Богазкеое найдены их главные святилища и грандиозные памятники; между прочим, тут в 1907 г. нашли (Винклер) тысячи клинописных документов, представляющих части такого же архива, как в Телль-Амарне. [Дешифровка таблеток, написанных вавилонской клинописью, благодаря многочисленным билингвам (аккадо-хеттские) и даже трилингвам (сумиро-аккадо-хеттские), теперь значительно продвинулась вперед. Мы можем понимать уже большинство текстов. При этом оказалось, что число языков, на которых написаны таблетки архива, равняется восьми. Язык господствующего народа назывался, кажется, «канесийский» и принадлежит к группе индо-европейских языков. Другой язык, на котором также написано много таблеток, называется исследователями протохаттским, или хаттским, и является языком определенно малоазиатского или яфетического происхождения. Это был, наверное, язык исконных обитателей хеттской области, на которых осели в виде господствующего класса индо-европейские «канесийцы». Эти неиндо-европейские хатты, может быть, и были изобретателями своеобразного иероглифического письма, находимого на памятниках Малой Азии и прилегающих областей. Малая Азия, очевидно, и была долгое время исконной областью яфетических хеттов]. Отсюда происходили выселения хеттов на юг и восток. Митанни являются представителями древнейшего переселения: они осели между Евфратом и Балихом и распространились не только по Месопотамии, но и в Ассирии, и даже проникали дальше на юг; за ними двинулись собственно хетты около XII в., наконец, в XIII в. начинается напор других малоазиатских, частью и индо-европейских племен по морю и суше; волны его дошли до Египта и смели великое Хеттское царство, вместо которого появляются мелкие города-го-

сударства, пока снова в IX в. не возвышается Киликийское, а за ним Лидийское царства. Но и на рубеже Малой Азии и Сирии появляются в I тысячелетии смешанные хетто-арамейские культурно-политические образования. На Востоке Ванское царство имело значительное распространение и даже оспаривало у ассирийских семитов мировую роль в IX в. Его ниспровергло переселение индо-европейских племен, которые потом разрушили и Ассирию.

Ликийские и лидийские личные имена еще в греческой транскрипции обнаруживают митаннийский облик, заключая в себе, между прочим, корень ari «давать» (Αρις, Τροκσαρις, Ταρκυαρις и др.), tot «любить» (Ταττις, Τατιανος, Ταταρις). Имя лидийского царя Σαδνατης = Šadi Attes, ср. Šadi-Tesub у Тиглатпаласара I. В настоящее время остатки этого мира, по терминологии Н. Я. Марра и его школы, яфетического, открываются не только в Грузии и Армении, но и среди других племен Кавказа, даже Северного, куда были загнаны этнические массы «после мировой катастрофы, разразившейся на культурном Юге за появлением арио-европейских полчищ». Языки этих племен, а также лезгинский и абхазский, оказывают содействие и для уразумения надписей ванских царей.

Индо-европейская раса, прародина и пути расселения которой еще не поддаются точному определению, достигает руководящего положения в истории Древнего Востока сначала в лице мидян, а затем, особенно, в лице персидской державы Ахеменидов. Но на историческое поприще индо-европейцы выступили гораздо раньше, и отдельные проникновения их в область Древнего Востока с большой вероятностью указываются в последнее время исследователями. Так, вероятно предположение о присутствии арийского элемента, т. е. восточной ветви индо-европейской расы, в Малой Азии и Сирии уже в XVII в. Имена различных династов Южной Палестины, упоминаемых в телль-амарнской переписке, звучат по-арийски; усматриваются арийские элементы у касситов и арийская династия у митанни, даже арийские боги у этого народа в договорах XII в., сохранившихся в Богазкеойском архиве; имя Митры даже найдено в Египте. [На ряду с арийцами во II тысячелетии появляются представители и западной ветви индо-европейской расы. По крайней мере, многие из исследователей причисляют к западным индо-европейцам канесийцев, господствующий народ в хеттском государстве II тысячелетия]. Таким образом, выступление индо-европейцев относится в Передней Азии к началу второго тысячелетия, находясь, вероятно, в связи с движением греческих племен в Элладу. Гоммель большую роль отводит брожению скифских племен у Каспийского моря и в Южной России: их влияние начинается с киммериян; гораздо раньше ими обусловливались движения «морских» племен и перетасовки в Передней Азии. Присутствие арийского элемента среди хеттов, может быть, дало повод к различным греческим сказаниям о скифах, о борьбе с ними Сесостриса и т. п. (Ср. описание скифов у Иппократа, столь напоминающее изображение хеттов на египетских памятниках). Н. Я. Марр ставит в связь с движениями первых арио-европейских племен расселение яфетидов. Появление этих племен «разобщило семью сродных языков, называемых теперь семитическими и яфетическими, оттеснив членов ее... и заставив передвинуться главной массой в пределы Кавказа, а некоторых из них выселиться, по всей видимости, далеко на запад» (этруски).

Таким образом, принимая в соображение данные языка и культуры, мы распознали в истории Древнего Востока шесть крупных исторических рас: сумерийцев, семитов, хамитов, эламитов, хеттов и индо-европейцев. Семито-хамиты шли с юга, заполонили собою Сирию, Месопотамию и Северную Африку; навстречу им шли с севера хетты, делая Северную Сирию спорной областью; на востоке они столкнулись сначала с сумерийцами, потом с эламитами, может быть, пришедшими с Дальнего Востока и, во всяком случае, игравшими роль передатчиков в последний вавилонской культуры. Наконец, не чужды участия в культуре были и представители негрской расы в нубийском эфиопском царствах Напате и Мероэ.

Данные языкознания подтверждаются и дополняются этнографическими типами народов, переданными весьма характерно и точно на египетских, ассиро-вавилонских, хеттских и персидских памятниках. Южно-вавилонские скульптуры дают нам несомненно два этнографических типа, ассирийские барельефы знакомят нас с типами и семитов Сирии, и жителей окрестностей Вана, и эламитов и др. Скульптуры хеттов представляют много характерных изображений жителей Малой Азии и Северной Сирии и дают возможность сопоставить их с памятниками этрусков и Италии; что же касается египетского искусства, то оно передает замечательно точно, и притом нередко в красках, типы окрестных народов. Египтяне даже выработали своеобразную таблицу племен, подобную библейской, но, как и свойственно было им, окруженным народами черного, белого и смуглого цвета, основанную на различии народов по цвету кожи и по географическому положению. Главных племен было четыре: египтяне (ромтет — просто «люди») — красные, безбородые; негры (нехсу) — черные, семиты (аму) — смуглые с бородами, ливийцы (техену) — белые с бородами и локонами. Иногда сюда присоединялись жители Сомалийского берега («Пунт») и хетты — желтые, безбородые, с косами на затылке. Но египтяне еще в поздние эпохи повторяли мифы, отрицавшие этнологическое единство человечества: по их представлениям (впрочем, непоследовательным и часто противоречивым) не-египтяне произошли от «врагов Ра», которые, будучи побеждены этим богом света, разбежались в разные стороны и были родоначальниками различных, враждебных Египту, народов. И это представление отразилось на изображениях связанных народов под сандалиями богов, царей и даже умерших, отожествленных с богом Осирисом; отразилось и в литературе, где об иноземцах большею частью говорится с презрением. Однако, в эпоху, когда проявились лучшие стороны их цивилизации — во время Телль-Амарны — все народы были признаны чадами единого бога-промыслителя, воля которого различила их по цвету кожи и по способу питания: египтяне получали Нил «из преисподней», прочие народы — с неба, в виде дождя. Все они, на ряду с египтянами и их царем, были объединены в молитве единому лучезарному божеству и изображались на барельефах присутствующими на совершаемой ему царем службе. Изображения народов, распределенных в географическом порядке от Индии до Карфагена, дают нам цари-Ахемениды на барельефах Персеполя и Накши-Рустама. Здесь они представлены подвластными царю, несущими ему дань или поддерживающими его трон или постаменты, на котором он совершает свою молитву пред священным огнем. И здесь персы и мидяне, господствующие в царстве, большею частью изображаются, хотя и на первом месте, но на ряду с остальными. Эти памятники счастливо дополняют египетские, изображая народы Дальнего Востока и Севера в их костюмах и вооружении.

Этнологические исследования в настоящее время пытаются итти дальше того, что дает языкознание, и думают распознать различные смешения среди представителей рас. Между прочим, Люшан обращает внимание на сходство еврейского типа с ассирийским и армянским, и в то же время на отличие его, как он полагает, от арабского. Он объясняет это примесью хеттской или вообще малоазиатской крови, создавшей особую разновидность месопотамско-хананейско-армянскую. Это вполне возможно, но должно нас переносить в глубокую, едва ли не доисторическую древность.

Общие обзоры. Sayce, The races of the old Testament, 1893. Winckler, Die Völker Vorderasiens (серия Der alte Orient I). Hommel, Grundriss der Geographie und Geschichte des alten Orients. München, 1904. (Handbuch d. Klass. Altertumswiss. v. Ivan v. Müller, III, 1, 1, пользование требует большой осторожности). [Ценным введением в этнологию является коллективный труд — Antropologie, Leipzig и Berlin, 1923 (из серии D. Kultur. d. Gegenwart). Большой труд H. Pohlig, Völkerkunde u. Palethnologie, Berlin, 1923, пытается решить вопрос о происхождении и прародине различных рас. Чрезвычайно насыщено новыми оригинальными наблюдениями небольшое исследование A. Ungnad'a, Die ältesten Völkerwanderungen Vorderasiens. Ein Beitrag zur Geschichte u. Kultur der Semiten, Arier, Hethiter u. Subaräer (из серии Kulturfragen, 1 вып.), Breslau, 1923]. Египетский материал исследован W. Max Müller, Asien

und Europa nach altägyptischen Denkmälern. Lpz., 1893. Он был собран Fl. Petrie, в альбоме Racial Types, а затем, по инициативе Эд. Мейера, берлинская Академия наук снарядила в 1912 г. экспедицию для фотографирования египетских изображений народов. См. Ed. Meyer, Bericht über eine Expedition nach Aegypten zur Erforschung der Darstellung der Fremdvölker (Sitzungsber. Preus. Akad., 1913). 846 негативов, собранных экспедицией, хранятся в Берл. мувее. [Этот материал, главным образом рельефы и фрески храмов и гробниц XVIII—XIX дин., использован в работе G. Roeder, Aegypter u. Hethiter (d. Alte Orient, 20), Leipzig, 1919]. Персидский материал собран и изучен E. Herzfeld'ом в издании Iranische Felsen-reliefs. Aufnahmen und Untersuchungen v. Denkmälern aus alt-und mitteilpersischer Zeit von Sarre u. Herzfeld. Berl., 1910.

Семиты: Nöldeke, Die semitischen Sprachen. Lpz., 1887. Русский перевод, снабженный обширными добавлениями и полной библиографией: Семитские языки и народы, Т. Нельдеке, в обработке А. Крымского. М., 1903 (Труды по востоковедению, вып. V). Д. А. Хвольсон, Характеристика семитских народов (Русск. вестн., т. XCVII). H. Torczyner, Die Entstehung des semitischen Sprachtypus, Wien, 1916. A. P. Clay, The empire of the Amorites, New Haven, 1919, полагает, что аморитяне были первыми семитическими поселенцами в Вавилонии. К ним принадлежали и хабиру телль-амарнской переписки. Характерным для них был культ солнца, который в корне родственен египетскому культу Ра.

Сумерийский вопрос: Weissbach, Die sumerische Frage. Leipz., 1898. Lehmann, Schamaschschumukin, König d. Babylonier, L., 1892. [H. Francfort, Archeology and the Sumerian problem]. Ed. Meyer, Sumerier und Semiten. Berl., 1906 (Abhandl. Прусской академии). Halévy защищал свои взгляды в собственном органе Revue Sémitique, где он открыл особый отдел «Correspondence Sumérologique», посвященный обмену мнений между сторонниками обеих теорий. Здесь он переписывался с такими ассириологами, как Brunnow, Bezold и др., и систематизировал свои окончательные выводы в статьях: Précis d'allographie assyro-babylonienne. [О связи сумерийского языка с яфетическим языком см. Н. Я. Марр, рецензию на M. Tseretelli, Sumerian a. Georgian (Зап.-Вост. отд. Арх. о-ва XXV, стр. 257—272) и ряд статей в I и II сборниках Яфетического института. В виде курьеза можно было бы указать на попытку Th. Kluge причислить сумерийский язык к африканским языкам в его работе: Versuch einer Beantwortung der Frage: Welcher Sprachengruppe ist das Sumerische anzugliedern? Leipzig, 1921 (ср. уничтожающую критику этой книги в рецензии P. Maurus Witzel, Oriental. Literaturzeit., 1923, стр. 565 сл.). О прародине сумерийцев на северо-востоке говорит М. И. Ростовцев: The Sumerian treasure of Astrabad (Journ. of Eg. Archaeol. VI, стр. 4—27). Одна из последних работ о сумерийском языке — V. Christian, Die sprachliche Stellung des sumerischen. Paris, 1932 (Babyloniaca t. 12, fasc. 3—4)].

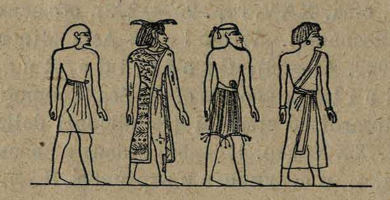
Египтяне: De-Morgan, Recherches sur l'origine d'Égypte. Wiedemann, Die Rassen im alten Aegypten. Umschau, 1904, 4, 5. Oetterking, Kraniologische Studien an Altägyptern, Archiv f. Anthropologie XXXVI (1909). Анучин, Каменный век в Египте (Археологические известия и заметки, 1898).

Jéquier, L'origine de la race Égyptienne (Bull. d. P. Soc. Neuchateloise d. Geogr.) стоит за чисто-африканское происхождение египтян. Точно также и Naville (Rev. archéol., 1913, стр. 47—65) объявляет культуру Египта подлинно африканской и отрицает всякое внешнее влияние. [L. Adametz (Herkunft u. Wanderung der Hamiten erschlossen aus ihren Haustierrassen, Wien, 1920) приходит, на основании изучения рас домашнего скота древнего Египта, к выводу об общей прародине хамитов и сумерийцев в областях, соседних Афганистану. Интересна и ценна работа Fr. W. Müller, Die anthropologischen Ergebnisse des vorgeschichtlichen Gräberfeldes von Abu-sir-el-Melek, 1915. Теснейшая связь египетского языка с семитическими выявляется многочисленными статьями A. Ember'а, печатающимися, начиная с 1912 г., Äg. Zeitschr., Orient. Literaturzeit., Zeitschr. f. Assyriol. и др. Последние его исследования, известные нам: Egyptian Bt «shepherd»—«Bedouin» (The Johns Hopkins University Circular, New series 1919 № 6, стр. 13—19) и The equivalents of several Egyptian Consonants in the other Semitic languages (ibidem, стр. 29—32). Ср. также Harri Holma, Zeitschr. f. Assyriol. 32 (1918—19), стр. 34—47. Связь египетской культуры и африканской подчеркивается F. v. Luschan, Die Altertümer von Benin, Berlin, 1919, 3 тома и L. Frobenius u. H. Obermaier, Hadshra Maktuba, Urzeitliche Felsbilder

Kleinafricas. München, 1923. О неграх Нубии H. Junker, Bericht über die Grabungen der Akademie d. Wissensch. in Wien auf d. Friedhöfen von El. Kubanieh-Nord, Winter, 1910—1911, Wien, 1920. Древне-египетский материал о ливийцах впервые собрал G. Möller, Zeitschr. f. Ethnol., 1920-21, стр. 427 сл. О связи ливийцев и иберийцев Испании см. A. Schulten, Numantia (D. Ergebnisse d. Ausgrabungen 1905—1912), т. I, Die Keltiberer u. ihre Kriege mit Rom. München, 1914, стр. 27 сл. и Schuchhardt, Alt-Europa. Berlin, 1918.

Яфетиды, хетты и проч. Hirschfeld, Die Felsenreliefs in Kleinasien und das Volk d. Hittiter. Berl. Akad., 1886. Hommel, Hittiter und Skythen und das erste Auftreten d. Iranier. Prag. Akad., 1899. Тураев, К истории хеттского вопроса. Спб., 1900. Garstang, The land. of the Hittites. Lond. 1910. G. Hüsing, Die Völker alt-Kleinasiens und am Pontos. Wien, 1933. Luschan, Reisen in Lykien, 1889 (Archiv f. Anthrop. XIX) и др. Kannengiesser, Ueber d. Stand der etrusckischen Frage. Klio VIII. А. И. Бекштрем, Прошлое и настоящее этрускологии. Спб., 1908 (Зап. класс. отд. Археолог. общ. V). Milani, Italici ed Etrouschi. Roma, 1909. R. Weill, Phéniciens, Egéens et Hellènes dans la Méditerrannée primitive (Syria, II, 1921), стр. 120—44; Н. Я. Марр, К вопросу о происхождении племенных названий «этруски» и «пелазги» (Зап.-вост. отд. Арх. о-ва, XXV, стр. 257—272), объясняющий оба этнические названия из элементов яфетического языкознания. Wooley, Asia Minor, Syria Minor and the Aegeans (Annals of Arch. a. Anthrop., 1922, 41—56), Ginffrido Ruggeri, Appunti du ethnologie egiziana в Aegyptus III (1922). Hall, The peoples of the Sea (Сборник в честь Шамполлиона, Париж, 1922); A. Taramelli, Protosardi ed etruschi (Rendiconti della R. Accad. Nazion. dei Lincei, Cl. science mor stor. e filolog. V, XXX, стр. 176—88) ставит в связь с народами моря, обрушившимися на Египет ок. 1200 г. до н. э., и сардинцев и этрусков. Н. Я. Марр, La Seine, La Gaône, Lutèce et les premiers habitants de la Gaule étrusques et pélasgues, Petrograd, 1922, сближает этнический мир восточного и западного Средиземноморья. Noordzij, De Filistijnen. Kampen, 1905. R. A. Stev. Macalister, The Philistines (The Schweich Lectures). London, 1914. Ed. Meyer, Ueber das erste Auftreten d. Arier. Berl. Akad., 1908. Литература, посвященная языкам и народностям хеттского государства II тысячелетия, успела уже разрастись до громадных размеров. Библиография по этим вопросам, которую собрал G. Contenau, Essai de bibliographie hittite, Paris, 1922, обнимает том в 139 стр. Из этой литературы мы здесь называем лишь несколько самых важных исследований. Fr. Hrozny, D. Sprache der Hethiter, ihr Bau u. ihre Zugehörigkeit zum indogermanischen Sprachstamm (Boghazköi Stud., вып. 1—2), Leipzig, 1917; Forrer, Die acht Sprachen d. Boghazköi-Inschriften (Sitzungsber. d. Berl. Akad. 1919, стр. 1029—1041); Fr. Hrozny, Über d. Völker u. Sprachen d. alten Chatti Landes (Boghazköi-Stud., вып. 5, стр. 25—48). Более детальные библиографические сведения можно будет найти в главе о хеттах. Н. Я. Марр, Основные таблицы к грамматике др.-грувинского языка с предварительным сообщением о родстве грувинского яз. с семитическими. Спб., 1908. Н. Я. Марр, Определение языка второй категории ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания. Спб., 1914. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа. Изв. Акад. наук, 1916. Кавказ и памятники духовной культуры. Ibid., 1913. Кавказский культурный мир и Армения. Журн. мин. нар. просв., 1915. Кавказоведение и абхазский язык. Ibid., 1916. Н. Я. Марр, Яфетические элементы в языках Армении X и XI (Изв. Ак. наук, 1918, стр. 317—348 и 1919, стр. 395—414); его же, Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в образовании средиземноморской культуры (Матерьялы по яфетическому языкознанию, Лейпциг, 1920). Этот труд появился в 1923 г. на немецком языке в переводе Ф. А. Брауна в качестве второго выпуска Japhetische Studien zur Sprache u. Kultur Eurasiens (Berlin, Stuttgart, Leipzig); его же, Племенной состав населения Кавказа (Труды ком. по изуч. плем. сост., III вып. Пгр., 1920); его же, Кавказские племенные названия и местные параллели (ibidem, вып. V, 1922); его же, Каппадокийцы и их двойники (Изв. Гос. акад. ист. мат. культ., II, стр. 332—336); см. многочисленные статьи Н. Я. Марра в I и II томах Яфетического сборника (Петроград, 1922 и 1924). При пользовании всеми этими работами необходимо помнить, что о яфетидах как о расе и ее миграциях Н. Я. Марр в своих более поздних работах не говорит и решительно борется с этой точкой зрения в данных вопросах. Sundwall, Die einheimischen Namen der Lykier Klio XI, Beiheft. 1913. Кн. Джавахов, Обвор теорий о происхождении грузинского языка. Журн. мин. нар. просв. 1908, 8. Gustav

Bemerkungen zur Bedeutung und zum Bau von Mitanninamen. Oriental. Literaturzeit., 1912. F i c k, Hattiden und Danubier in Griechenland. Götting., 1909. W. L e o n h a r d, Hettiter und Amazonnen, Leipz., 1911, доказывает, что греческие легенды об амазонках и Мемноне являются смутными преданиями о великом царстве хеттов. Американская экспедиция в Сарды (1911) обнаружила в лидийских гробницах, идущих от микенской эпохи, золотые изделия, напоминающие по работе этрусские. G. H ü z i n g, Der Zagros und seine Völker. Der Alte Orient., 1908 (IX, 3—4). Н. Я. М а р р, О яфетическом происхождении баскского языка (Изв. Ак. наук, 1920, стр. 131—142). Яфетические названия красок и плодов в греческом (Изв. Рос. ак. ист. мат. культ., II, стр. 325—331). B r a u n, Die Urbevölkerung Europas u. die Herkunft der Germanen (Japhet. Stud. I), Berlin, Leipzig, 1922].





ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

СЕННААРСКО-ЕГИПЕТСКАЯ ЭПОХА

ДРЕВНЕЙШИЕ СУМЕРИЙСКИЕ ГОСУДАРСТВА

Процесс образования крупных политических единиц из мелких городских областей в Вавилонии и Египте в настоящее время в общих чертах может быть представлен. В азиатском Двуречье на ряду с ним происходил на глазах истории и важный процесс взаимодействия двух элементов населения — сумерийцев и семитов, а затем семитов различных слоев.

Городские храмовые центры с местными владетелями и культами были средоточиями культуры, религии и правительства. На юге они были сумерийскими, в Северной Вавилонии и Месопотамии — семитическими. На самом юге Сеннаара, к югу от Евфрата, некогда у моря лежал город Эриду с культом бога воды и бездны Эа (теперь холм Абу-Шахрейн с остатками знаменитого храма бога Эа, Ин-ки, обнаруженного Тэйлором в 1855 г.). Далее, у впадения Евфрата, на его западном берегу знаменитый библейский Ур, центр культа бога луны Энзу (Сина), родина Авраама по библии. Развалины, погребенные под холмом Эль-Мукаяр, были обследованы Тэйлором в 1854 г., а затем недавно — американцами. Найдены как храм, так и многочисленные некрополи и множество клинописных табличек. Еще севернее, на старом русле Евфрата, лежали библейские Эрех (Урук, теперь Варка) с его знаменитым храмом богини Нана-Истар и древними гробницами, и Эллэсар (Ларса), центр культа бога солнца Баб-бара (Шамаша), давший интересный материал американскому Yale-университету; Ниппур, город бога Энлиля, идеальная столица сумерийского Сеннаара, исследованная экспедициями Пенсильванского университета, вероятно несколько севернее Исин (или Нисин); Адаб, на одном из каналов, с остатками храма и интересной статуей местного царя; у впадения Тигра Ширпурла, или Лагаш, найденный де-Сарзэком под холмом Теллох, бывший одним из древнейших средоточий культуры и государственности; к сев.-зап. от него Умма (теперь Джоха), по ту сторону древнего русла Евфрата — Шуруппак, родина вавилонского Ноя, раскопанный в 1902 г. немцами, обнаружил древнейшие, может быть, доисторические памятники сумеризма и древние гробницы. В Северной Вавилонии до Вавилона (Дин-тир-ки, «Седалище жизни») играли роль: Актак-Упи (вероятно, на правом берегу Тигра, близ Багдада), Кута (Телль-Ибрагим), город бога смерти Нергала, Киш (Охеймир к юго-вост. от Вавилона) с его храмом Хар-саг-Каламма

и Сиппар-Агаде или Аккад — двойной город бога солнца Шамаша с храмом Э-баббара «Дом-Лучезарного» (теперь холм Абу-Хабба; последние раскопки — Шейля 1894 г., по поручению Оттоманского музея). Далее идут уже ассирийские города по Тигру, вероятно, уже чисто-семитического происхождения и, конечно, значительно уступающие в древности предыдущим: Ассур, Калах и Ниневия и несколько восточнее — Арбела (Арбаилу — «град четырех божеств») с культом Истар Арбельской.

Наконец, в собственной Месопотамии, в верхней области Балиха нам известен древний семитический центр вавилонской культуры — град бога Сина, известный в библии Харран, игравший видную роль в жизнеописаниях библейских патриархов, где он, что весьма важно, стоит в связи с южным городом Сина—Уром. К сожалению, здесь не производилось систематических раскопок (только Лэйярд пробовал у более южного пункта — Арбана), и потому мы совершенно не знаем судеб этой интересной местности до VIII в. Харран имел влияние на развитие ассирийской и хеттской (митанни) культур. До самых последних времен он был оплотом язычества и еще в XI в. н. э., уже под арабским владычеством, здесь служили богу Сину, так наз. Сабии, представлявшие пережиток вавилонско-арамейского язычества, подвергавшегося влиянию неоплатонизма и соединявшие человеческие жертвы с высокой моралью. В лице Харрана древне-восточный мир пережил византийское господство и дожил почти до татарского нашествия. Важность Харрана и его эксцентричное положение объясняются тем, что он лежал на пересечении торговых путей от Средиземного моря в Вавилонию, Мидию, Малую Азию и Арменію, отсюда имя его («Дорога»).



Богиня Истар и бог Эа.

Если Харран был самым западным древним пунктом вавилонской культуры, то самым восточным являются знаменитые Сузы (Шушан), столица Элама, потом Персии, пропитанные семитизмом в противоположность области Аншана, имевшей туземно-эламитский характер. Расположенные на равнине на Керхе, Сузы еще в глубокой древности были центром особого княжества и культа местного божества Шушинак. Кроме Суз, в области Элама были и другие города-княжества, например: Туплиаш, Дер, Мал-амир и др., но Сузы сделались здесь скоро средоточием большого царства. Раскопки французских археологов, особенно экспедиции де-Моргана, обследовали эту область до слоев каменного века.

Многие из этих центров пришли в упадок уже в древности, оставив нам великое множество клинописных табличек и других памятников с именами своих владетелей, созидавших храмы местным божествам, делавших в них вклады и упоминавших о своих деяниях. Десятки тысяч различных деловых документов из этой эпохи ждут еще исследователей и даже издателей. Не мало дошло и интереснейших вещественных памятников и произведений искусства. Владетели титулуют себя большею частью «исак», в идеографическом написании «*патеси*», реже «*лугаль*» (сумер.); первое обозначает: «старшина, закладывающий в стену храма или дворца при основании их таблетку со своим именем»; лугаль значит «великий человек» и соответствует семитическому «шарру», «царь», оно прилагается к самостоятельному государю, большею частью гегемону обширного царства; первое носят большею частью князья городов, находящиеся в вассальном положении по отношению к «лугалю» — царю.

Кроме того, владетели носят и другие титулы, указывающие на объем их держав, например, «царь Сумира и Аккада» принимали те, которым удалось объединить всю Вавилонию; «царь страны» (калама), «царь Сумира» (писавшееся «земля законного владыки», т. е. бога), повидимому, эти два титула были синонимами; наконец, титул «царь четырех стран» был уже претензией на универсальное господство. С гражданской властью соединяется и верховное жречество местного божества, отсюда бывают исаки и города, и бога: последнее может значить также «первосвященник». Таких исаков мы знаем много для каждого из названных городов: достаточно сказать, что из Лагаша-Ширпурлы нам известно до 36 имен, из Суз пока 17 и т. д. Число их постепенно увеличивается новыми находками. Ниппур является как бы главным государственным архивом, сохранившим дары царей-завоевателей верховному богу, идеальному царю страны, Энлилю. Наибольшее же количество текстов дал нам холм Телло, и история погребенной под ним Ширпурлы проливает свет на судьбы архаической Вавилонии.

[До недавнего времени единственным источником традиции Вавилонии о древнейшем периоде своего прошлого являлся только такой поздний писатель, как Берос. Лишь последние годы подарили нам, наконец, царские списки, составленные в более раннюю эпоху, а именно в период династий Ларсы и Исина, написанные сумерийским языком и перечисляющие царей Вавилонии, начиная с сотворения мира вплоть до времени написания текста.

Согласно Беросу, история его родины делилась «потопом» на 2 периода: на период до потопа и период после потопа, причем «допотопных царей» Берос насчитывает десять с суммой лет правления, равняющейся 120 сарам, или 432 000. Это свидетельство Бероса нашло свое частичное подтверждение уже давно в известном тексте (опубликованном в V томе издания Раулинсона, табл. 44а, 20а) с перечислением царей «после потопа». Но лишь недавно, в 1923 г., St. Langdon нашел среди клинописных памятников, приобретенных в 1922 г. в Багдаде Ashmolean-музеем, таблетку со списком царей «до потопа», которая более или менее подтверждает данные Бероса: так, оказывается, что приведенная им сумма годов до потопа в 120 сар — 432 000 не слишком расходится с цифрой лет в $126^2/_3$ сар — 456 000, которою таблетка Ashmolean-музея определяет длительность того же периода.

Фрагменты списка царей после потопа были, как сказано, давно уже известны науке, но лишь находки последних лет дали возможность восстановить список более или менее полно. В 1914 г. Poebel издал из сокровищницы Ниппурского архива несколько фрагментов таблеток царей после потопа. Самый большой из фрагментов заканчивается итогом— перечислением всех династий, с указанием города их происхождения, числа и общей суммой лет правления царей, входящих в их состав. В 1920 и 1921 гг. Legrain нашел в ниппурском же материале 2 новых фрагмента царского списка. Полный список был найден Langdon'ом в 1923 г.

Новые данные Ниппурского архива помогли нам сделать в познании хронологии древнего Сумира громадный шаг вперед. Из сопоставления новых ниппурских текстов и того перечисления династий, которым заканчивается больший из фрагментов, опубликованных Poebel'ем, можно восстановить первоначальную величину таблетки, к которой принадлежал этот больший фрагмент издания Poebel'я. Исходя из данного достижения и пользуясь указаниями всей совокупности известных нам теперь фрагментов царского списка Вавилонии, можно восстановить точно следование династий, царствовавших в долине Сумира и Аккада до того момента, когда Вавилон объединил всю эту область.

Ниппурский список династий был в общих чертах таков:

1. Первая династия Киша. 23 царя. 24 510 + X лет, 3 мес. 3 дня.	Первый царь династии был Калуму (ягненок) с 900 годами, второй Зукакипу (скорпион) ца-

рил 840 лет, четвертый Этана, правивший 635 лет, играет роль в вавилонской мифологии.

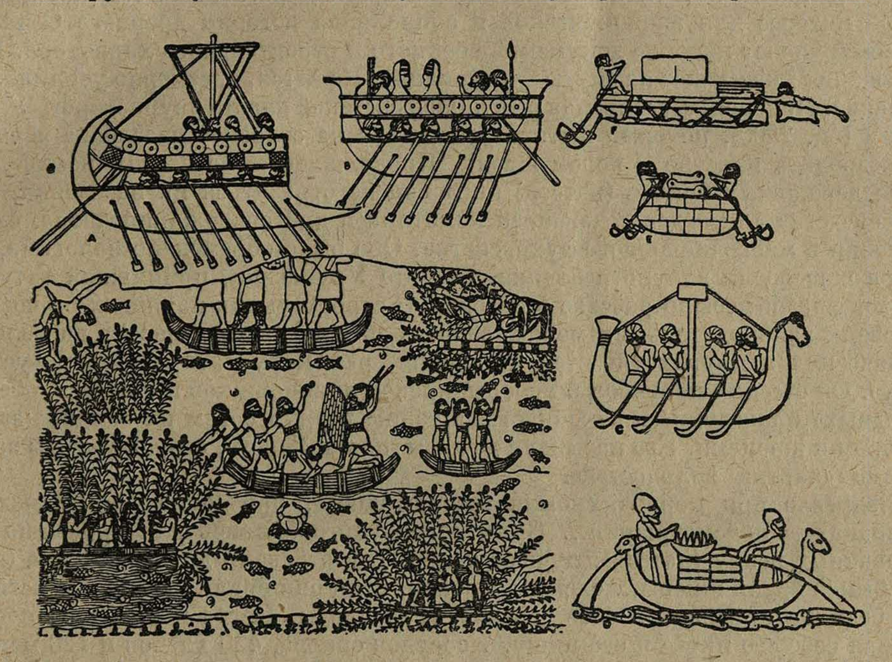
2. Первая династия Урука.
12 царей. 2 310 лет.

Третьим царем династии с 1 200 годами правления был Лугальмарда, играющий роль в одном из вавилонских мифов; четвертым был сам Таммуз, получивший от составителя списка 100 лет царствования, а пятым Гильгамеш, герой известного эпоса, правивший в Уруке, согласно списку, 126 лет. После Гильгамеша имена царей уничтожены.

3. Первая династия Ура.
4 царя. 177 лет.
4. Династия Авана (города Элама).
3 царя. 356 лет.
5. Вторая династия Киша.
8 царей. 3 895 лет.
6. Династия Хамази.
1 царь. 360 лет.
7. Вторая династия Урука.
3 (?) царя. 480 лет.
8. Вторая династия Ура.
4 царя. 108 лет.
9. Династия Адаба.
1 царь. 90 лет.
10. Династия Мари.
6 царей. 136 лет.
11. Третья династия Киша.
1 царица. 100 лет.
12. Династия Акшака (Описа).
6 царей. 99 лет.
13. Четвертая династия Киша.
7 или 8 царей. 166 лет.
14. Третья династия Урука.
1 царь (знаменитый Лугальзаггиси). 25 лет.
15. Династия Аккада.
11 царей. 197 лет.
16. Четвертая династия Урука.
5 царей. 26 лет.
17. Династия Гутеев.
21 царь. 124 или 125 лет 40 дней.
18. Пятая династия Урука.
3 (?) царя. X лет.
19. Третья династия Ура.
5 царей. 117 лет.
20. Династия Исина].

Памятников, современных первым династиям этого списка, нам неизвестно. Древнейший из сохранившихся памятников Киша упоминает Утуга, который, однако, именуется не царем, а только исаком (патеси) Киша [примерно около 3200 г.]. Ко времени гегемонии [третьей династии] Киша восходят древнейшие документы Ширпурлы. Они относятся к тому времени, когда Ширпурла-Лагаш находилась под гегемонией М е с и л и м а, царя Киша, первого известного нам по современным памятникам объединителя, около 3100 г. Он победил Эсара, царя Адаба. Сохранилась надпись на пожертвованной им богу-покровителю Ширпурлы Нингирсу каменной булаве с изображениями львов и эмблемы города: «когда Лугальшагэнгур был исаком» в этом городе. Он был также верховным судьей в пограничной распре этого города с соседним Умма. Под его влиянием Ширпурла-Лагаш и Умма заключили мир и исправили границу; Месилим санкционировал это, водрузив пограничный камень. Повидимому, вассальные отношения Лагаша к царям Киша нашли себе пластическое изображение на одном из древнейших памятников, найденных в Теллохе, — на каменной вотивной базе, представляющей два встречных шествия. Царь, идущий во главе одного из них, вручает что-то вроде диадемы предводителю другого. Однако, затем мы встречаем в Лагаше «царей», очевидно, освободившихся от гегемонии Киша. Один из них, У р н и н а (ок. 3000 г.) оставил несколько небольших вотивных плиток с архаичными надписями и примитивными изображениями, на которых представлены он сам, его многочисленные дети, визирь и слуга, при совершении церемонии закладки. Царь сам несет на голове корзины с кирпичами для созидаемого храма. Надписи Урнины повествуют о постройках, сооружении каналов, дарах святилищам и т. п. Лес для построек этот царь уже получал из горных стран. Вокруг его сооружений найдены обуглившиеся остатки кедровых столбов.

При внуке Урнины Эаннатуме [(может быть, надо читать Эаннаду)], Ширпурла-Лагаш достигла на короткое время высшей степени внешнего могущества и внутреннего процветания, хотя этот владетель и носил сначала титул только исака. Он подчинил себе Ур, Урук, кажется Ларсу («место бога солнца») и Эриду, т. е. всю Южную Вавилонию, и, вероятно, в благодарность за это пожертвовал в храм своей богини Нины камень с надписью об этом и заклятиями относительно его неприкосновенности; между прочим, он говорит: «да не овладеет им царь Киша». Последний не забыл о своих верховных правах и, обеспокоенный успехами Эаннатума, направляет против него исконного противника — соседа. Уш, исак Умма, нарушает поставленный Месилимом пограничный камень, вторгается в область Ширпурлы-Лагаша и овладевает округом Гуедином. Эаннатум нанес ему страшное поражение, в котором



Водные средства передвижения у ассирийцев и вавилонян.

пало, по его словам, 3 600 неприятелей. До нас дошли обломки так называемой «стелы Коршунов» — барельефа, представляющего победный памятник над Умма; на лицевой стороне представлен бог Нингирсу, держащий сеть с убитыми врагами, сзади царь во главе своей фаланги; ниже — поле битвы, покрытое трупами врагов, к которым подбираются хищные птицы; еще ниже — сцены погребения убитых, жертвоприношения и заклания пленных. Жители Умма и преемник Уша Энакалли дали клятву никогда не вторгаться в область Ширпурлы и платить богам Лагаша дань зерновым хлебом. Последствием этой победы была расправа с Кишем и его союзником, Зузу, царем Описа: «Киш был разбит на-голову, царь Описа прогнан в свою страну». Эаннатум, таким образом, победил и юг и север Вавилонии; богиня Иннина пожаловала ему «патесиат в Лагаше и царство в Кише». Он сообщает нам еще о своих победах над «внушающими ужас горами Элама», о своих заботах по укреплению и канализации страны. Царского титула, однако, он не сохранил до конца жизни и не передал преемникам.

После его смерти, сын Энакалли Урлумма вторгается в область Ширпурлы, при исаке (патеси) Энаннатуме I, но преемник последнего Энтемена наносит



ему поражение на берегу канала Луммагирнунта. Энтемена вторгается сам в Умма, ставит в нем по своему выбору в исаки жреца Или, с помощью которого приводит в порядок водяные сооружения. В память об этих победах он записывает историю предыдущих сношений двух государств-соперников на так называемом «историческом конусе», может быть, пограничном памятнике. Власть Энтемены, «великого исака (патеси) бога Нингирсу», простиралась, повидимому, на Ур [где недавно была найдена его статуя с обширной надписью], Эриду, где он строил храм, и Ниппур, где он устроил водопровод. При нем было отражено нашествие эламитов. После него Ширпурла приходит в упадок. От его преемников, исаков (патеси): Энаннатума II, Энетарзи, Энлитарзи, Лугальанды дошли до нас дворцовые архивы, доставившие нам тысячи клинописных приходо-расходных табличек, имеющих большой интерес для экономической и социальной истории древнего Сеннаара, но почти отсутствуют царские документы военного и строительного характера. Краткие царствования указывают на смуты —узурпации. Кажется, чрезмерно усилилось влияние жрецов. Наконец, Лугальанда был лишен светской власти узурпатором Урукагиной (ок. 2800), который пытался опереться на сельское население и рядом реформ возродить царство к новой жизни. Продолжительные войны, постоянные постройки державных исаков (патеси) не могли не отразиться на населении, которое давало средства для ведения внешней политики и для содержания двора, сложного управления и многочисленного духовенства. Оно было обременено налогами, но, помимо того, выросли злоупотребления. Все это Урукагина, принявший титул царя, выражает фразой: «было рабство в стране». В строительных надписях он часто говорит о своих законодательных мерах, заботах по смягчению нравов, по облегчению экономических и других тягостей населения, резюмируя это словами: «установил свободу». Он стеснил произвол и поборы жрецов и чиновников и старался обеспечить для «бедных» правосудие и законность, а также вернул богам их земли, захваченные двором и жрецами. Его называли добрым «царем Гирсу», его документы заслуживают имя «хартий вольностей».

«...Издревле при кораблях были надсмотрщики, при овцах — надсмотрщики, при рыбаках — надсмотрщики... Быки богов употреблялись для орошения полей, пожалованных исаку (патеси); лучшее поле богов отдавали друзьям исака (патеси). Ослов, быков брали жрецы... одежды, бронзу, птиц они брали как повинность. Жрец в саду бедняка присваивал себе деревья, жал плоды. Когда погребался покойник, жрец брал себе его питье и его пищу. 7 сосудов сикера, 420 хлебов и 120 мер зерна, одежду... постель... Во всех пределах области бога Нингирсу, до самого моря, были надсмотрщики. Когда подданный царя на высокорасположенном поле копал себе колодезь, поселялся у него чиновник... Тогда господствовало рабство. Когда же Нингирсу, воин Энлиля, даровал Урукагине царство над Лагашем и дал ему власть над 10 сарами людей, он восстановил древние постановления и вернул стране слово, изреченное его царем Нингирсу. Он удалил надсмотрщиков. Никакой жрец уже не входит в сад бедняка. Если у подданного царя родится хороший осел, и его начальник скажет ему: «я хочу его у тебя купить», то пусть его не преследует начальник. (То же самое о доме подданного, расположенном вблизи дома начальника)... Он избавил чад Лагаша от грабежа и убийства... и водворил свободу. Вдове и сироте не творил неправды сильный. С Нингирсу заключил Урукагина этот договор... Если кто-либо покупал овцу и она оказывалась хорошей, у него ее отнимали земледельцы, приносившие во двор овцу для стрижки: если она оказывалась белой, представляли шерсть во дворец, а если нет, платили 5 сиклей... Когда сын бедняка устраивал себе рыбный садок, у него отнимали рыб. Если муж отпускал жену, исак (патеси) взыскивал с него 5 сиклей, а визирь — для себя 1 сикль (то же и при «выливании елея для гадания»). Теперь исак (патеси), визирь и прорицатель больше не берут... Прежде жены жили с двумя мужьями, теперь за это бросают женщин (в воду?)...»



Сумерийская скульптурная голова из Лагаша.

3

В войне с Умма Урукагина был сначала счастлив, но найденная в 1904 г. в уединенном месте, вдали от архивов, небольшая глиняная табличка выяснила нам, что конец его был трагический. Автор, вероятно, чиновник-патриот, излил в ней свою скорбь по поводу страшного несчастья, постигшего его город: «Люди Умма бросили огонь в Эникалу, подожгли (храм) Анташурра, унесли серебро и драгоценные камни, потопили в крови дворец Тираш, в храме Абзибанда, в святилищах Энлиля и Баббара они пролили кровь... (идет длинный перечень разгромленных, сожженных и разграбленных храмов и других зданий), унесли зерно с Гинарбаниру, поля бога Нингирсу, которое было обработано. Люди Умма, опустошив Лагаш, согрешили против Нингирсу. Могущество, пришедшее к ним, будет у них отнято. Царь Гирсу Урукагина не грешен в этом. Что же касается Лугальзаггиси, патеси Умма, то пусть его богиня Нисаба несет на своей главе бремя греха сего».

Л у г а л ь з а г г и с и был выдающимся царем-завоевателем. Он подчинил Ларсу, Ур и Эрех и сделал его центром своей державы, поместив в своей титулатуре на первом месте «царь Эреха», и принял титул «царь страны и исак (патеси) чужих земель». В Ниппуре найдены его надписи на каменных вотивных сосудах; здесь, между прочим, читаем: «Энлилю. Лугальзаггиси, царь Урука, царь земли, жрец бога Ану, служитель Нисабы, сын Укуша, исака Умма... Энлиль, владыка мира, дал ему царство «страны» (т. е. Сумира). Он покорил его силе земли, и он овладел от Востока до Запада, он уравнял ему путь от Верхнего (Средиземного) моря до Нижнего моря чрез Тигр и Евфрат». Таким образом, сумерийцы создали крупную передне-азиатскую державу; хотя она была эфемерна, и едва ли пережила своего основателя, но Лугальзаггиси проложил путь для последующих сеннаарских, эламских и ассирийских завоевателей. С этих пор в их сознание вошло стремление к Средиземному морю и к господству над всей Передней Азией. Против этой сумерийской монархии выступает семитический Север.

Таким образом, обильный материал, доставленный нам древними Лагашем и Ниппуром, дал возможность выяснить в общих чертах судьбы сумерийского Сеннаара на заре истории и проследить попытки образования из Вавилонии больших империй. Еще более почерпается сведений о *культурном и экономическом состоянии* страны из огромного количества клинописных документов, найденных и находимых в царских архивах.

В идее древний Сеннаар был единым государством с богом Энлилем во главе. Энлиль, сын верховного, но далекого от людей небесного бога Ану, бог гор и ветра, «владыка горных стран», а потом вообще стран, и даже «неба и земли», отец богов, обитает не только на горах Востока, родины своего народа, но и среди него, в священном граде Ниппуре, где храм его является настоящим средоточием вселенной. Здесь он решает судьбы царей и царств. По его повелению, Эаннатум «набросил великую его сеть на Умма и насыпал могильные холмы»; по его завету и пред его лицом разрешаются пограничные споры и скрепляются договоры. Цари и исаки (патеси) жертвуют в его храм от своей добычи и своего избытка. Трудно сказать, был ли когда-нибудь Ниппур местом светского царства, может быть, даже стоявшего во главе Сеннаара; в доступный нашему изучению период Ниппур был только нейтральным пунктом, столицей восседавшего на высокой храмовой башне, называвшейся по-сумерийски «экур», а по-семитически «зиккурат» (вершина горы), бога. Подобным же образом и другие боги были тесно соединены со своими городами и областями: они были их идеальными царями, владетелями их территорий. Так, Нингирсу и его супруга Бау были хозяевами Ширпурлы-Лагаша, Нисаба — его соперника Умма, Энки (потом Эа) — Эриду, Энзу (потом Син) — Ура и т. п. Государственные акты возводились к богам. Так, «по непреложному слову Энлиля, владыки земель, отца богов, Нингирсу и бог г. Умма устроили разграничение, и Месилим... поставил пограничный камень»... «По прямому слову Нингирсу, воина Энлиля, начата война с Умма»... и т. п. Завоевания царей расширяют область их богов, поругание святынь враждеб-

ного города падает на главу богов победоносного города. Местный характер богов, впрочем, не препятствует их почитанию по всей стране, и в каждом городе мы встречаем пантеоны с Энлилем, а затем местным богом во главе. Религия проникла во все стороны жизни. Имена почти все теофорные и указывают на религиозные чувства дававших их, например: «Энлиль — моя защита», «вблизи Бау — жизнь», «Баббар — мой отец» и т. п. У каждого есть свой собственный бог-покровитель, изображаемый на его цилиндре-печати подводящим его к какому-либо великому богу; кроме того, еще существуют группы вестников божества, так называемые «утукку» и «ламассу», крылатые гении, сообщающие их волю. Впрочем, боги могут сообщать ее и непосредственно — в сонных видениях и оракулах, например, в Эриду в шелесте тростника вещал бог бездны и воды Энки. Молитвы и жертвы приносились не только лично, но для постоянного общения с божеством в храмы ставились в молитвенной позе статуи, представлявшие жертвователя пред богом даже после его смерти; самые имена этих статуй знаменательны, например: «Да продолжит мать бога мою жизнь», «Да будет мне жизнь наградой» и т. д. Подобные же имена носили и другие жертвуемые предметы; например, на одном мелком вотивном предмете мы читаем название: «Нингирсу возглашает в храме Урук Урукагине благие слова вместе с Бау». Жертвоприношения были большею частью бескровные, главным образом, растительные, и совершались в честь как великих богов, так и покровителей каналов, местностей, в честь статуй и даже музыкальных инструментов.

Цари и исаки (патеси) были избранниками и ставленниками богов, которые оракулом «провозглашали их имена» и находились с ними в близких отношениях. Так, «Энтемена, исак (патеси) Лагаша, получил жизнь от Энлиля, наделен разумом от Энки, избран сердцем Нины»; «Эаннатум, царь Лагаша, одарен силою от Энлиля, вскормлен священным молоком богини Нинхарсаг, наречен благим именем Иннинной»... Лугальзаггиси именует себя, между прочим, тем, «на кого благосклонно возрел Ану, чье имя провозгласил Баббар», «чадом Нисабы, вскормленным священным молоком Нинхарсаг, воспитанником владычицы Урука»... Таким образом, царями усваивается божественная премудрость и даже делаются шаги к признанию их физической близости к богам, но пока это еще символическая риторика, и государи продолжают считаться лишь наместниками идеального царя-бога. Царей окружает многочисленный двор и широко развившийся класс чиновников, не говоря уже о могущественных жрецах. Документы сообщают нам множество бюрократических и иерархических терминов, не всегда для нас понятных. Во главе управления стоит «нубанда», сб. «меньший (по отношению к царю) человек». Царицы пользовались большим влиянием. От жены Лугальанды, Барнамтарры, и от жены Урукагины, Шагшаг, до нас дошли архивные документы, скрепленные их именами, что не может не указывать на их значительную роль в управлении царским хозяйством. Вообще, положение женщины в эту эпоху было вполне почетным. Она является свидетельницей в контрактах, приобретает и отчуждает собственность и т. п. Повидимому, в принципе брак был моногамный, хотя развод для мужа был легкий и сопряжен лишь с уплатой денег — злоупотребление, уничтоженное, равно как и полиандрия, Урукагиной.

[Недавно были найдены среди таблеток архивов Урука и Ниппура новые фрагменты сумерийского свода законов, которые вместе с давно известными так наз. «сумерийскими семейными законами» могут дать некоторое представление о сумерийском праве. Вновь найденные таблетки написаны в эпоху династий Исина и Ларсы, но записанные ими законы восходят наверное к более древнему времени. От записи законов, происходящей, может быть, из архива Урука и изданной Clay в 1915 г., сохранилось 9 параграфов. Первые два касаются выкидыша, вызванного ударом. Один из них предусматривает случай нечаянного удара и наказывает его небольшой пеней, а второй предусматривает случай злостного избиения и налагает за подобный проступок значительно больший штраф. В этом пункте сумерийское право даже бо-

лее разработано, чем вавилонское эпохи Хаммурапи. По крайней мере, кодекс последнего, трактуя о насильственном выкидыше (§ 209), не различает удара нечаянного от намеренного. Третий параграф рассматривает вопрос о возмещении за баржу, сданную в наем и потерпевшую аварию (ср. §§ 236, 237, 238, 241 код. Хаммурапи).

§§ 4 и 5 трактуют об отношениях, вытекающих из усыновления, и почти тожественны с соответствующими постановлениями сумерийских семейных законов; § 6 предусматривает похищение девушки из дома родителей, против воли последних, но без насилия девушки; § 7 трактует о том же случае, но отягченном насилием девушки. Первый проступок мог быть ликвидирован браком, а второй карался смертью. Лишь второй из этих 2 параграфов имеет параллель в кодексе Хаммурапи (§ 130). Последние постановления, восьмое и девятое, устанавливают возмещение за быка, отданного в наем и погибшего или от льва (ср. § 266 код. Хаммурапи), или вследствие небрежности (ср. § 267 код. Хаммурапи).

Фрагменты сумерийского свода законов из Ниппура были изданы в 1919 г. Lutz'ом. Один из его параграфов рассматривает условия аренды сада (ср. § 61 код. Хаммур.), другой устанавливает возмещение за срубленное в чужом саду дерево (ср. § 59 код. Хаммур.). Третий параграф, посвященный садоводству, устанавливает штраф за вторжение в чужой сад. Этот случай не предусматривается сохранившимися постановлениями кодекса Хаммурапи, но, вероятно, параллельный параграф был записан в той части стелы законов Хаммурапи, которая была сглажена по повелению эламского царя, увезшего памятник в Сузы. В этой же лакуне были, вероятно, перечислены и те постановления, которые являлись параллелями к 2 параграфам сумерийского кодекса Ниппура, посвященным правовым нормам владения домами. Два постановления, определяющие ответственность пастуха, постановление о лицах, укрывающих беглых рабов, и, наконец, таковое о наказании строптивого раба предусматриваются и кодексом Хаммурапи (§§ 266, 15—16, 282). Параллели в своде законов Хаммурапи (§§ 129, 167 и 170—71) имеют и некоторые из законов семейного права ниппурского кодекса. Но два из этих сумерийских семейных законов не предусматриваются последующим семитическим законодательством. Первый из них, неважно сохранившийся, определяет положение детей служанки-наложницы и хозяина дома, в случае смерти жены последнего. Второй и самый интересный из всей ниппурской записи законов трактует о браке с блудницей: «если у мужчины не родится от жены сына, а если блудница с улицы родит ему сына, то пусть он даст блуднице пищу, масло для мази и одеяние. Сын, которого ему родила блудница, — действительно его наследник, но пока жива его жена, то пусть не живут блудница и жена с мужем в одном доме». Уже из этого суммарного обзора не слишком многочисленных фрагментов сумерийского кодекса мы видим, сколь обстоятельно разработаны нормы права в сумерийском обществе].

Население Ширпурлы-Лагаша (вероятно, в тесном смысле) Урукагина определяет в «10 сар», т. е. в 36 тыс. Главная часть его была *сельским.* Скотоводство и земледелие — главные его занятия — наиболее полно отразились па огромном количестве архивных документов, так как цари и патеси вели обширное хозяйство, и в этом отношении выделялись от своих подданных лишь размером своих владений и стад; земля принадлежала не им, а богу, и они не были единственными ее фактическими собственниками. Вся область была покрыта фермами и поместьями, размеры которых колебались между 9 и 45 десятинами. Лугальанда владел ок. 147 десятинами, его жена — около 60 дес., что вместе составляет всего лишь около $^1/_{725}$ всей площади территории Лагаша. Земли царя и царицы, принадлежность которых богу или богине нередко подчеркивалась, распределялись также для пользования разным лицам. Напр., Урукагина «распределил для обработки» площадь в 30 болотистых десятин, — из которых только ок. 18 десятин были годны к посеву, ок. 10 представляли сплошное болото, а остальное являлось солончаками или было занято поселениями, — между шестью лицами, в том числе своей женой Шагшаг. Подчеркивается принадлеж-

ность земли богине Бау. Или, напр., также принадлежащую Бау и управляемую Шагшаг площадь в несколько квадратных сажен управляющий Эниггаль распределил шестнадцати лицам, и прежде всего себе. Такие ничтожные наделы указывают на интенсивность хозяйства, доходность земли (известно, что она давала до сам-52), а также развитие садоводства и огородничества, о которых у нас также имеются сведения; разводились лук, огурцы, и пространство дворцовых огородов доходило до 5 875 кв. м. Продуктами земледелия, особенно зерновым хлебом, платилось жалованье, делались взносы и даже взималась подать с побежденных соседей. Центральное положение сельского хозяйства в жизни отразилось яснее всего на годе. Почти все названия месяцев находятся в связи с ним, напр: «месяц, когда заняты жатвой» (4-й), «месяц праздника Нины, когда едят хлеб» (6-й), «месяц, когда быки работают» (7-й), «месяц шерсти» (9-й) и т. п. Новый год (Загмук, день брака Нингирсу и Бау), кажется, также стоял в связи с начатием полевых работ весною. В 5-м месяце торжественно праздновали конец жатвы и сбора плодов, принося богам начатки.

Однако, сельские занятия не были единственными. В Лагаше процветали всякого рода *ремесла*, названия которых постоянно встречаются в текстах, будучи не всегда для нас понятны. Уже двор и храмы требовали большого количества мастеров и даже художников. Здесь и столяры, и плотники, и кожевники, и скульпторы, и литейщики, и ювелиры и т. п. Прогресс искусства можно проследить даже на памятниках самого Лагаша. От примитивных рельефов Урнины до сложной символической композиции стелы Коршунов, несмотря даже на наивную примитивность изображений на последней, — несомненно, художество сделало большой шаг. Здесь художник провел основную идею своего времени — идею богоправимого царства. Он изобразил на передней стороне победного памятника городского бога - покровителя, держащего сетчатый мешок с убитыми врагами и государственный герб—одноголового геральдического орла, и только на оборотной стороне в четырех последовательных поясах он представил земного государя и его победу. Интересны изделия из меди, особенно головы быков и фигуры женщин, а также сосуды из камня и серебра, нередко со сложными изображениями, особенно изящная ваза, пожертвованная Энтеменой Нингирсу с изображением того же герба Ширпурлы, орла, уцепившегося лапами за спины львов. Этот герб встречается постоянно на памятниках Ширпурлы и иногда имеет вид львиноголового, иногда двуглавого орла. Что касается глиптики — известных цилиндров и глиняных булл, то здесь художество достигло большого совершенства. Сцены, изображаемые на цилиндрах, весьма интересны в религиозном отношении. Для знакомства с архитектурой в Ширпурле у нас также имеется хороший материал, благодаря раскопкам де-Сарзэка и исследованиям Heuzey, разобравшимся в сложных постройках, представляющих остатки царского дворца. Характерным отличием сумерийского периода от последующих являются сделанные от руки продольные, несколько выпуклые сверху кирпичи.

На нескольких барельефах мы видим изображение музыкантов и их инструментов: тимпана, лиры, арфы. Для пояснения, при изображении игры на тимпане, помещена фигура гения с головой барана, указывающая на силу удара; при изображении игры на арфе помещалась на резонаторе фигура быка, для указания на характер звука.

[Много интересного для истории сумерийского искусства и материальной культуры дали последние раскопки англичан и американцев в Эриду и Уре. В Эриду были найдены остатки, восходящие к неолиту. Найденная керамика напоминает архаическую керамику, раскопанную в Сузах. Некоторые из строений Эриду оказались построенными из камня, что также является необычным для Вавилонии. К не менее важным результатам привели раскопки в Уре. Здесь было раскопано на ряду с сооружениями дин. Ура и других, более поздних эпох, и здание времени до Саргона, может быть, остатки храмовой башни. В ней был найден склад медной скульптуры. Среди нее обращают на себя внимание 4 львиные головы, сделан-

ные из асфальта и покрытые медью. Их глаза, зубы и язык сделаны из глины. Замечателен большой медный рельеф (2,44 × 1,07 м) с львиноголовым орлом, когтящим 2 оленей, стоящих спиной друг к другу, при этом головы оленей с рогами выступают в виде круглой скульптуры. Рельеф, может быть, служит изображением герба города Ура. Любопытны и 2 медные колонны, найденные здесь. Раскопки Ура подарили нам также интересные каменные статуи, между ними статую сидящего мужчины почти полной сохранности. Эта статуя принадлежит к древнейшим образцам сумерийской скульптуры. К более поздней эпохе принадлежит уже упомянутая статуя Энтемены, найденная в Уре. Найдено много конусов из глины, с основаниями в виде цветов, служивших украшениями стен, раскопано много образцов керамики и т. д.].

И *военное дело* у сумерийцев было на известной высоте. Несмотря на мирный, повидимому, характер их жизни, они были воинственным народом. Войнами полна их история, дошедшая до попытки образования великой империи. О войнах повествуют их надписи, битвы изображают их барельефы. Особенностью их строя, увековеченною стелой Коршунов, была замкнутая фаланга копьеносцев, покрытых огромными четырехугольными окованными медью щитами и носящих своеобразные шлемы. Как эти шлемы, так и щиты, из которых каждый покрывал не менее 7 человек, равно как и длиннейшие копья, конечно, заготовлялись на счет государства.

Бессмертную славу приобрели себе сумерийцы *изобретением письма*, правда, сложного и до крайности неудобного, но пережившего их, распространившегося по Передней Азии, где оно сделалось международным, и бывшего орудием великой вавилонской литературы в течение более чем двух с половиной тысячелетий. В рассмотренный нами период это письмо только в документах отчетности может быть с полным правом названо клинообразным; в царских надписях на камнях оно еще имеет вид линейного и не потеряло внешней видимости своего происхождения из иероглифов. Это вполне понятно, так как знаки этого письма получили вид клиньев только тогда, когда они были перенесены с камня на мягкую глину, а затем уже, в ассирийские времена, они были стилизованы и стали высекаться на камнях в гвоздеобразном виде. Что клинопись вышла из иероглифов, не подлежит сомнению со времени открытия М. В. Никольского, сделанного им в Москве в 1888 г. при определении двух надписей из коллекции Блау, начертанных знаками, еще вполне сохраняющими характер рисунка. К сожалению, в то время наша наука еще не могла оценить всей важности этого открытия — драгоценные документы были выпущены из России в Америку, как фальшивые! Впоследствии нашлось больше десятка таких архаических надписей, поступивших в различные музеи. [Близкие к сумерийской системе письма надписи были найдены в раскопках в Индии. Они тоже носят, как и древнейшие сумерийские письмена, пиктографический характер, но до сих пор еще не расшифрованы].

В Лагаше, да вероятно и вообще в Сеннааре, писали много. Хотя все дошедшие до нас тексты официального или делового происхождения, но уже и этот материал говорит о развитии литературного вкуса и манеры. Текст стелы Коршунов является достойным спутником ее скульптурной композиции. Он начинался кратким очерком отношений двух городов-соперников до увековечения памятников победы. Далее идет повествование о рождении и чудесном воспитании Эаннатума. Иннина принимает его в свои руки и нарекает ему имя, Нинхарсаг вскармливает его, Нингирсу наблюдает за его ростом, который достигает пяти с половиной локтей. Он делается могучим государем и держит на веревке страны. Далее следует историческая часть, потом договор, скрепленный клятвами именем великих богов: Энлиля, Нинхарсаг, Энки, Энзу, Баббара и Нинки. Каждый из них «закинет свою великую сеть на жителей Умма», если они нарушат границу или уничтожат камень. Затем идет рассказ о других победах Эаннатума и, наконец, о содержании самой стелы. В надписи на «конусе» Энтемены также мы видим древнейший образец исторического очерка взаимных отношений двух государств-соседей. Тексты Урукагины, давая нам столь много

ценнейшего культурно-исторического материала, в то же время обращают на себя внимание и своими литературными приемами, к которым прибегает автор, рисуя бывшие до него непорядки и противополагая им введенный новый уклад.

[Последние годы подарили нам, наконец, образцы подлинных сумерийских мифов, не подвергшихся семитической обработке. В 1914 г. Poebel издал сумерийский текст из Ниппура, содержащий миф о мироздании и потопе. Текст написан на большой таблетке 3 столбцами с каждой стороны. Сохранился он неважно, между прочим его начало отчасти уничтожено, и эта фрагментарность, в связи с лексическими затруднениями, препятствует полному пониманию содержания. С некоторой вероятностью можно предположить, что миф начинался с совещания главных богов Ану, Энлиля, Энки (Эа) и Нинту (Нинхарсаг) относительно сотворения людей. Повествованием о создании людей и животных заканчивается первый столбец текста. Второй столбец рассказывает об основании 5 древнейших городов: Эриду, Бидтибирт (Патибибл Бероса), Ларака, Сиппара, Шуруппака, и перечисляет их богов-хранителей. Третий и четвертый столбцы сохранились очень плохо. Поскольку можно судить о содержании, в третьем столбце говорилось о решении богов уничтожить потопом людей и о благочестии царя Шуруппака Зиудсуду, сумерийского Ут-Напиштима. В четвертом столбце повествовалось о предупреждении одним из богов (Эа?) Зиудсуду, кажется, с помощью сновидения, как в рассказе Бероса о потопе. Пятый столбец описывает стихийную мощь потопа. Семь суток продолжались дожди и столько же времени носился ковчег по водам, покрывшим землю. По истечении семи суток снова появилось солнце, осветив небо и землю. Зиудсуду открыл окно ковчега и свет солнца проник в него. Зиудсуду пал ниц перед богом солнца, а затем принес в жертву быка и овцу. Текст шестого столбца поддается пониманию с большим трудом. Из тех строк его, которые доступны переводу, мы узнаем, что Зиудсуду пал ниц перед Ану и Энлилем. «Они дали ему жизнь, подобно богу. Бессмертную душу, подобно душе бога, они сотворили ему... В стране Дильмун (?) они дали ему жить».

E. Chiera нашел в 1922 г. среди уже изданных раньше ниппурских текстов миф о грехопадении. Он сравнивает его с соответствующим библейским рассказом и находит восемь общих пунктов и только немного отклонений.

Существенно дополняет наши сведения о мифах Сумира и текст № 4561 Ниппурского архива, изданный в 1915 г. St. Langdon'ом. Если, может быть, текст и не содержит прообраза библейских сказаний о рае и грехопадении, то, во всяком случае, мы имеем в лице его ряд фрагментов сумерийских мифов о праистории мира, которые служили основанием для магических формул, прицепленных к ним. Наибольшего интереса заслуживает шестой фрагмент, повествующий о решении Энки (Эа) установить смерть неизбежным уделом человека. Эта пессимистическая мысль Сумира о неизбежности смерти для человека была, как мы увидим ниже, унаследована и семитами Вавилонии].

Один из найденных в Теллохе обломков дает нам и образец размышления над вечной проблемой о невинном страдальце. Современник Урукагины спрашивает, почему это благочестивый царь «был побежден» — ведь он «выкопал канал для богины Нины у ее города, у его устья он выстроил Энинну (храм ей), а у его резервуара храм Сирара-шум... 10 дней приносились жертвы. Он говорит: «какой грех я совершил?» Он не совершил греха»...

Таким образом, сумерийцы в рассмотренный нами период обладали уже развитой культурой, и напиравшие семиты не могли не воспользоваться их приобретениями.

Источники изданы в транскрипции с переводом в I т. Vorderasiatische Bibliothek: Die Sumerischen und Akkadischen Königsinschriften bearbeitet von Thureau-Dangin. Самые тексты в клинописном виде издаются в журнале Revue d'Assyriologie, в лондонском Cuneiform Texts в труде Allotte de la Fuye, Documents présargoniques 1908 и сл. годы и др. *Документы отчетности.* М. В. Никольский, Документы Халдеи из собрания Н. П.

Лихачева. Спб., 1908 (III т. 2 вып. Древностей восточных). G e n o u i l l a c, Materiaux pour servir à l'histoire de la societé Sumerienne. Par., 1909. С 1911 г. появилось и попало в музеи и коллекции множество клинописных табличек из Дрехема — местности, лежащей в получасовом расстоянии от Ниппура. Документы эти все представляют исчисления скота и содержимое архива скотного двора какого-то большого храма, куда стекались пожертвования скотом со всей страны. Таким храмом был, очевидно, лежавший вблизи ниппурский храм Энлиля. Сообщаются крупные цифры пожертвований от исаков (патеси) разных городов; они выражаются в сотнях голов. См. T h u r e a u-D a n g i n, La trouvaille de Dréhem. Revue d'Assyriologie. VII. G e n o u i l l a c, Tablettes de Dréhem (из Лувра). 1911. La trouvaille de Dréhem (из Константинопольского и Брюссельского музеев). 1911. L a n g d o n, Tablets from the Archives of Drehem, 1911. Документы относятся уже к эпохе царей Ура. *Общий обзор истории периода.* L e o n a r d W. K i n g, A history of Sumer and Akkad. Lond., 1910. В 1916 г. появилось 2-е издание. Более важные *статьи:* H e u z e y, Une villa royale chaldéenne. Par., 1900. H e u z e y et T h u r e a u-D a n g i n, Restitution matérielle de la stéle des Vautours. Par., 1909. H e u z e y, Musique Chaldéenne. Rev. d'Assyriol. IX. P a n c r i t i u s, Der kriegsgeschichtliche Wert der Geirstele-Memnon II (дает свое объяснение предполагаемой «фаланге»). М. В. Н и к о л ь с к и й, О сомнительных древностях. Древности восточные, I, 1, 118—125. Н. П. Л и х а ч е в, Древнейшая сфрагистика. Спб.. 1906. Е г о ж е, Древнейшие буллы и печати Ширпурлы. Спб., 1907. По поводу этого последнего издания считаем нелишним заметить, что в нем Н. П. Лихачеву принадлежит описание булл с о б с т в е н н о й прекрасной коллекции, а разбор текстов на них сделан М. В. Никольским. Это мы делаем в виду того, что в большинстве иностранных трудов (напр., у King'a, р. 173, у Genouillac'a и др.), по странному недоразумению, повторяется легенда «о сокровищах Петербургского Эрмитажа, изданных Лихачевым». Несколько важных документов этого собрания издано В. К. Ш и л е й к о, Вотивные надписи шумерийских правителей. Пгр., 1915. Во введении дается весьма ценный очерк истории Вавилонии до Хаммурапи на основании самостоятельных изысканий автора. См. его же статьи «Вавилония» и «Клинопись» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона (2 изд.), также Notes présargoniques в Revue d'Assyriologie, XI (1914) и его статью в сборнике, посвященном Мальмбергу (Москва, 1917). И. М е щ а н и н о в, Эламские древности. П., 1917. (Вестник археологии и истории, XXII). — Издание и описание присланной в Петроград из раскопок де-Моргана коллекции эламских сосудов с геометрическими росписями, предваренное очерком истории Элама. [Специальное исследование росписей эламской керамики принадлежит И. И. М е щ а н и н о в у (Орнамент сузских чаш первого стиля, ИАИМК, V, стр. 412—448).

Отожествление Сеннаара, известного из книги Бытия 10, 10, с Вавилонией теперь вызывает некоторое сомнение. Дело в том, что клинописные и иероглифические тексты нам сообщают о стране «Шанхар» (клиноп.), или «Сангара» (иерогл.), которую нельзя не сопоставить с библейским Сеннаром. Эту страну «Шанхар», resp. «Сангара» упоминает один из богазкеойских текстов, приведенный Вебером в его комментарии к изданному Кнудтзоном Телль-амарнскому архиву (Vorderas. Bibl. II, стр. 1082), и здесь она перечисляется рядом с Ассирией и Вавилонией. Из этого, кажется, вытекает, что «Сеннаар-Шанхар-Сангара» не тожественен с Вавилонией; ср. J e r e m i a s, Alt. Test. im Lichte d. A. Or., 1916, стр. 160 и J i r k u, Altorient. Komment. z. Alt. Text, Leipzig, 1923, стр. 40—41. Об английских и американских раскопках в Эриду см. Journ. of the Amer. Orient. Soc. 41 (1921), стр. 253 сл.; о раскопках Британского музея в Уре см. H. R. H a l l, Recent excavations at Ur of the Chaldeans (Journ. of the Manchest. Egypt. a. Orient Soc. IX (1921); о результатах раскопок совместной экспедиции Британского музея и Филадельфийского университета см. пока А. З а х а р о в, Новый Восток IV (1923), стр. 507 сл. — К локализации Исина. В Orient. Literaturzeit. 1917, стр. 140 было высказано предположение, что этот важный вавилонский город похоронен под холмом Телль-Зиблие, несколько к северу от Ниппура. Кажется, бо́льшего внимания заслуживает отожествление Исина с развалинами Бахрие, 17 англ. миль к югу от Ниппура. Ср. Journ. Royal. As. Soc. 1922, стр. 431 сл.—хронология. Таблетка с 10 царями до потопа издана S t. L a n g d o n, The Chaldean Kings before the flood (Journ. R. As. Soc. 1923, стр. 251 сл.). Основные фрагменты ниппурского списка царей после потопа от эпохи дин. Исина были изданы P o e b e l'ем, Histor. a grammat. texts (Univers. of Pennsylv. The Museum V, 1914, № 2 сл. Историческое использо-

вание см. Poebel, Histor. Texts (ibidem, V, 1914), A. T. Olmstead, The political development of early Babylonia (Amer. Journ. of Semit. Lang. 1917, т. XXXIII, стр. 283 сл.) и Thureau-Dangin, Chronologie des Dynasties de Sumer et d'Accad. Paris, 1918. Новые ценные фрагменты издал Legrain в The Museum Journal (Univers. of Pennsylvania), 1920, стр. 179 сл. и ibidem, 1921, стр. 75 сл. C. J. Gadd, The early Dynasties of Sumer a. Akkad, London, 1921, переиздал с некоторыми дополнениями упомянутый важный список Scheil'я. Весь этот новый материал был исчерпывающе использован Ungnad'ом, Zur Reconstruction der altbabylonischen Königsliste (Zeitschr. f. Assyr. 1922, XXXV, стр. 1 сл.) и Poebel'ем, Ein neues Fragment der altbabylonischen Königsliste (ibidem, стр. 39 сл.). Предположение об эламском происхождении дин. Авана, упоминаемого среди эламских городов в ниппурских надписях Саргона, высказывает Meissner, Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Ges. 1922 № 76, стр. 87. Возможно, реконструируя список, ввести в первую лакуну вместо второй династии Ура вторую династию Урука. В таком случае родоначальником ее мог бы быть давно известный Эншагкушанна, который пожертвовал «добычу злого Киша» в Ниппур, ср. Poebel, ук. соч. Кое-какие исторические тексты, касающиеся нашего периода, издали I. R. Nies и C. E. Keiser, Historical, Religious a. Economic texts, a. antiquities, New Haven, 1920 и др. Пересмотру с точки зрения социально-экономической формации посвящен ряд работ В. В. Струве (Очерки социально-экономической истории Древнего Востока, Известия ИАИМК, вып. 97; Рабовладельческая латифундия Сумира, III дин. Ура. Сборник в честь С. Ф. Ольденбурга, стр. 495—507). — *Земледелие.* Al. de la Fuye, Un Cadastre de Djokhâ (табл. эп. дин. Ура), в Rev. d'Ass. XII, 1915, стр. 47; idem, Mesures agraires et formules d'arpentage à l'époque présargonique (Rev. d'Ass. 1915, XII, стр. 117 сл.). G. A. Barton, Sumerian businnes a. administrative documents from the earliest times of the dynasty of Agade (Univers. of Pennsylv. The Museum, IX, 1915). — *Письмо.* Scheil, Quelques signes originaux de l'écriture cuneiforme (Rev. d'Ass. XIV, 1917, стр. 91 сл.); Allotte de la Fuye, Origine de quelques idéogrammes sumériens, Journ. As. т. III, сер. XI, стр. 234 сл. — *Право.* Фрагмент кодекса, принадлежащий Yale-университету: Clay, Miscel. inscriptions in the Yale Babyl. Collection, New Haven 1915, № 28, табл. LI и стр. 20 сл. Фрагменты Ниппурского архива: Lutz, Select. Sumer. a. Bab. Texts (Univ. of Penns. Museum), 1919, № 100 сл. Исследование текстов см. Ungnad, Zeitschr. d. Savigny-Stift. 41, 186 сл., см. также Scheil, Fragments d'un Code Pré-Hammourabien en rédaction Sumérienne (Rev. d'Ass. XVII, 1920, стр. 35 сл.) — *Мифы.* Сумер. эпос о мироздании и потопе издал Poebel, Histor. a. Gram. texts. I. Перевод в его Hist. texts, I, стр. 13 сл. Landesdorffer, Alttest. Abh. VII, 5, 7 сл. Дополнение к чтению Poebel'я ср. Baurton, Amer. Journ. of Sem. Lang. т. XXXI (1915), стр. 226 сл.; интересное исследование посвятил ему King в Legends of Babylon a. Egypt. in relation to Hebrew. tradition, London, 1916, стр. 49 сл. Сумерийский миф о грехопадении издал Lutz ук. соч. под № 103 в качестве фрагмента свода законов. Верно понял этот текст E. Chiera, A sumerian tablet relative to the fall of man (Amer. Journ. of Sem. Lang. т. XXXIX, 1922—3, стр. 46—51). Яркой иллюстрацией для трудности понимания сумерийских религиозных текстов может служить спор, который разгорелся вокруг интерпретации St. Langdon'ом одного из ниппурских текстов (№ 4561). Langdon (Sumerian Epic of Paradise, the flood a. the fall of man, Univers. of Pennsylv. Museum X, 1915) увидел в данном тексте прообраз библейского сказания о рае и грехопадении. С пониманием Langdon'а не согласились ни Jastrow, Sumerian Myths of Beginnings в Amer. Journ. of Semit. Lang. 1917, т. XXXIII, стр. 91 сл. (ср. также его статью в Journ. Amer. Orient. Soc. 36, 1916, стр. 290 сл.), ни Ungnad в Zeitschr. Deutsch. Morgenl. Ges. 71, 1917. Названные авторы пометили текст в своих переводах, как миф о первоначале мира, когда люди еще не были созданы. Langdon остался при своей интерпретации, см. его The necessary revisions of the sumerian epic of paradise (Amer. Journ. of Semit. Lang. 1917, т. XXXIII, стр. 245 сл.). Ему удалось даже найти текст, относящийся к тому же мифу (Langdon, The expository Times 1918, стр. 220 сл.). Ср. Scheil, (ilu) Tag-Tug — (ilu) Uttu в Rev. d'Ass. 1918. — *Искусство.* Allotte de la Fuye, Le sceau d'Ur-é-Jnnanna sur un tronc de cône étiquette (Rev. d'Ass. XVII, 1920, стр. 1 сл.). В связи с печатью названного вельможи эпохи Лугальанды исака Лагаша дается обзор всех известных нам печатей данного времени.—Связь Сумира с Египтом St. Langdon, The early chronology of Sumer a. Egypt a. the similarities in their Cultures (Journ. of Egypt. Archeol. VII, 1921, стр. 133 сл.). H. R. Hall, The Discoveries

at Tell-el-'Obeid in southern Babylonia, a. some egypt. comparisons, ibidem, VIII (1922), стр. 241 сл. Hall сравнивает памятники, найденные в Tell-el-Obeid'е (около Ура), с культурой архаического Иераконполя и находит общие формы. Из того факта, что в Египте эти формы впоследствии исчезли и были заменены другими, Hall делает вывод, что центр тяжести этой сумиро-египетской культуры архаического периода лежал в Сумире. H. Schneider, D. Jungsteinzeitliche Sonnenreligion im ältesten Babylonien u. Ägypten (Mitteil. d. Vorderas. Ges. 1922, вып. 3) полагает, что население, создавшее культуру Древнего Востока, пришло с северо-запада (Испания, Южн. Франция) в неолитический период и колонизовало в качестве сумерийцев и техену (ливийцев) около 3500 г. до н. э. долину Евфрата и Нила. — Следы сумерийской культуры в библии: S. Landesdorfer, Sumer. Sprachgut im Alt. Test. (Beitr. z. Wiss. d. Alt. Test., вып. 21, Leipzig, 1921). Аддента к царским спискам. L. Legrain издал в одном из последних номеров Museum Journal новый фрагмент царского списка, ср. Poebel, Orient. Literaturzeit. 1924, ст. 263 пр. 2. В последнее время стали находить подлинные памятники царей древнейших династий. Так, при раскопках в гор. Уре, в слое под храмом эпохи Шульги, была найдена мраморная таблетка основоположения с именем царя Ааннипадда, сына Месаннипадда, который был первым царем первой династии Ура. Правда, в ниппурском списке сыном Месаннипадда является Мескиагнунна, а не Ааннипадда. См. Amer. Journ. Arch. XXVIII 1924, стр. 85—86. С только что упомянутым Мескиагнунна («любимый витязь всевышнего»), может быть, был первоначально тожественен и Мескиагнанна («любимый витязь богини Нанна»), упоминаемый Legrain, Histor. fragm. Philad., 1922, № 6 и 7, и лишь традиция впоследствии раздвоила единую личность древнего царя. Ср. Poebel, Orient. Literaturzeit. 1924, стр. 264].





ВЫСТУПЛЕНИЕ СЕМИТОВ

Центром семитизма в Сеннааре был город бога солнца Агаде или Аккад, по имени которого называлась и вся северная часть страны. К северу отсюда мы встречаем везде семитические или семитизированные племена: в Месопотамии — субари, на Среднем Тигре к Загру — ассириян, в горах запада — лулубеев и гутеев. Кроме того, в III тысячелетии появляется новая ветвь семитического племени — амореи, которые оседают главным образом в Палестине и Сирии, но проникают также в Месопотамию и Вавилонию. Даже самый термин для «Запада» у вавилонских семитов был «Амурри». Они были еще близки к бедуинам, тогда как ассиро-вавилонские семиты уже представляли культурный народ, обязанный многим, например, письмом и отчасти религиозными представлениями, сумерийцам, но внесший и свои национальные черты в общую вавилонскую культуру.

Первенствующая роль в Сеннааре переходит к семитам довольно рано. Сначала в Кише, этом древнем гегемоне сумерийской Вавилонии, мы видим семитического царя Энби-Иштара, побежденного затем каким-то сумерийским царем юга [может быть, Эншагкушанной, царем Урука], взявшим богатую добычу в виде статуй, драгоценностей и т. п.; потом появляется семитическая династия, которую считают в целом виде аккадской. Она насчитывала, согласно списку Шейля, 12 царей [по ниппурскому списку 11 царей], правивших 197 лет [с половины XXVIII в.]. Основателем ее был Саргон I (Ш а р р у к и н) [может быть, сын некоего Лаипум], по словам шейлевского списка «садовник, затем совершающий возлияния [и почитатель бога] Замамы». [О нем и его ближайших преемниках мы теперь имеем довольно много современных сведений. Дело в том, что в музее Филадельфийского университета имеется таблетка, на которой древний компилятор списал надписи Лугальзаггиси, Саргона, Римушу и Маништусу со статуй и прочей скульптуры, пожертвованных названными царями в Ниппурский храм]. Шаррукин и его ближайшие преемники именуют себя царями Киша, очевидно, для большей авторитетности. Он разгромил царство Лугальзаггиси [победив «в битве Урук и 50 исаков (патеси) оружием Замамы и разрушив город»], взял Лугальзаггиси самого в плен и «провел его через ворота Энлиля», т. е., очевидно, принес в жертву богу Ниппура. Саргон принимает теперь титул великого исака Энлиля. Следующий поход его был направлен против Ура. Он побеждает его и разрушает городскую стену. Затем он обрушивается на Э-Нинмар (город области Лагаша) и опустошает его территорию от Лагаша вплоть до моря. Достигнув берега Персидского залива, он омывает оружие в море. На обратном пути он громит Умму. Саргон горделиво объявляет себя «царем страны, которому Энлиль не давал врага от Верхнего моря (Средиземное море) до Нижнего моря (Персидский залив)». И, дей-

ствительно, на одной из статуй он объявлен царем «Верхней страны», а «Верхняя страна», по определению надписи той же статуи, это — то же, что «Мари, Ярмути и Ибла, вплоть до Кедрового леса и Серебряных гор». Город Мари, давший Вавилонии в свое время династию, лежит в долине Среднего Евфрата. Ярмути упоминается также в телль-амарнской переписке, в качестве житницы азиатских владений Египта, и локализуется некоторыми исследователями в Палестине. Ибла, наконец, встречается и в надписях Гудеи, в качестве цепи гор, с которых исак Лагаша получает некоторые породы деревьев. Горы эти, вероятно, приходится искать на севере, в области Верхнего Евфрата. Что касается до «Кедрового леса» и «Серебряных гор», то это — Ливан и Тавр. Эта надпись нам, таким образом, свидетельствует, что государство Саргона вышло далеко за пределы Вавилонии и на западе захватило Сирию, а на севере — южные области Малой Азии. Из одного текста, найденного в Телль-Амарне в 1913 г. и дополненного фрагментированным дубликатом из Ассурского архива, мы узнаем теперь одну из существенных причин завоевательного похода Саргона на северо-запад. К Саргону, великому царю-завоевателю Аккада, обратилась за помощью семитическая колония на далеком севере в «Галашу», т. е. «Ганиш» каппадокийских таблеток. На нее напал царь города Бурушханда, т. е. Буруш-хатим тех же каппадокийских текстов. Саргон колеблется в виду дальности пути, трудности которого в тексте весьма ярко описываются. Некто Нурдаган, который является главою делегации, указывает на беспомощность колонии, которая состоит не из воинов, а купцов, подчеркивает богатства своего края, упоминает и средства преодоления трудности долгого пути. После долгих бурных переговоров Саргон, наконец, собирает жителей Аккада, и на этом собрании Нурдагану удается восторженным выхваливанием мощи Аккада склонить Саргона к помощи далекой семитической колонии. Поход Саргона, очевидно, не ограничился разгромом Бурушханда, противника Ганиша, но вылился в завоевание Сирии, в полном ее объеме. Расширяя границы своего государства на западе, Саргон не забывал и востока. Ниппурские вотивные надписи сообщают нам о нескольких блестящих победах над коалициями эламских княжеств, давших ему в качестве пленных исаков этих городов и их сановников. Эти головокружительные успехи, сделавшие Саргона властителем мирового государства, объясняются хорошей организацией его войска. Он располагал, согласно его же данным, 5 400 воинами, которые «ежедневно перед ним кормятся», т. е. у него в лице этих воинов была маленькая постоянная армия, на которую, как на испытанную боевую силу, могло опереться наспех набранное ополчение. От него дошел найденный в Сузах победный памятник, напоминающий по замыслу и изображениям (коршуны, сеть) «стелу Коршунов». На ряду с военными делами, Саргон трудился и над мирным процветанием своей страны. По крайней мере, те же ниппурские надписи сообщают о восстановлении им Киша. Эти успехи, как внешние, так и внутренние, дали Саргону полное право присвоить себе титул «царя четырех стран света», согласно свидетельству одной из таблеток собрания Morgan'а. Обширное государство Саргона, как и следовало ожидать, сдерживалось в течение долгого 55-летнего царствования его мощной личностью. С его смертью во всех покоренных им государствах вспыхнула надежда освободиться от тяжкого ига. По крайней мере] его сын Римуш, или Урумуш пишет, что «все страны, которые оставил мне отец мой Саргон, восстали против меня и ни одна не осталась мне верной». Эти слова Римуша входят в состав текста, начертанного на монолите, имеющего форму крестообразной призмы и перечисляющего дары царя храму бога солнца в Сиппаре, после покорения им Аншана и Курихума и усмирения всех стран, покоренных Саргоном. [Уже неоднократно упоминавшиеся ниппурские надписи сообщают некоторые любопытные цифровые данные об этих походах, имевших цель снова соединить распавшуюся мировую монархию. Во главе отпавших встал Каазаг, правитель Ура, к нему примкнули Умма и много других городов. Римуш разбивает войско неприятеля. Число убитых равняется 8 040, а число пленных — 5 460. Затем Римуш движется к Персидскому заливу и забирает в городах,

примкнувших к Каазагу, названному сумерийцем, пленных, числом в 5 700 человек. На обратном пути он подавляет восстание в Казаллу нанесением поражения, которое стоило городу 12 650 убитых и 5 864 пленных. Эти же тексты сообщают о победе Римуша над коалицией, во главе которой стояли Умма и Дер. 8 900 врагов остались на поле битвы и 3 540 были захвачены Римушем в плен. Победой над Авалгамашем, царем Барахсу, Римуш завершил поражение Элама. Очевидно, 15-летнее царствование Римуша было сплошь заполнено этими походами]. Он был, кажется, свергнут своим братом [(или сыном)] Маништусу, который совершил победоносный поход в Элам и оставил нам большой пирамидальный камень, исписанный с четырех сторон и представляющий документ на покупку царем вблизи Киша участков земли для поселения 49 вольных жителей Аккада, в числе которых названы сыновья патеси Лагаша и Умма. Вероятно, эта сложная земельная операция вызвана какими-нибудь политическими причинами, может быть, желанием держать вблизи себя влиятельную поместную знать. В Сузах же найден весьма характерный, с ясно выраженным семитизмом, алебастровый бюст Маништусу, а на куске другой статуи — надпись, тожественная с начертанной на монолите, попавшем в Британский музей из Сиппара, где, между прочим, говорится о победе его над коалицией 32 царей на берегу моря и о взятии городов их.



Царь Нарамсин.

Таким образом, при Саргоне и его двух непосредственных преемниках, к Аккаду переходит руководство в судьбах Сеннаара, и мы видим здесь царей-завоевателей и в лице Нарамсина [сына Маништусу, согласно ниппурскому списку] и его внука Шаргалишарри, который слился, кажется, со своим великим предшественником Шаррукином в одно лицо, в Саргоне, царе-завоевателе позднейших легенд. О нем, Саргоне, а также и о Нарамсине [который для позднейшей традиции стал сыном Саргона] нам повествует, кроме уже известной надписи Набонида с датой их и нескольких современных памятников, еще так наз. Omina из библиотеки Ассурбанипала — текст, представляющий список благоприятных предзнаменований, предшествовавших деяниям этих царей: «руководствуясь таким-то предзнаменованием, царь Нарамсин ходил туда-то, покорил такую-то страну». В 1907 г. была издана ново-вавилонская хроника, на основании которой, вероятно, составлен этот текст и которая его дополняет. В Omina Саргону приписывается победа над Эламом: троекратный поход на «Запад» (Amurri — страну амореев), покорение его и покорение «четырех стран света»; говорится, что он «прошел море Запада, был три года на Западе, покорил и объединил страну, поставил на Западе свои статуи, перевел по морю и суше пленных», покорил страну Сури (может быть, Ассирию?). Нарамсин повествует, что он ходил в Маган (Западную Аравию), пленил его царя Мануданну (может быть, следует читать Маниум), покорил Дильмун (о-ва Бахрейн) и Мелухху, причем ему сопротивлялось 17 царей. Таким образом, завоевательные походы направлялись во все стороны и не остановились перед морской экспедицией. Чтобы эта экспедиция была возможна, завоеватель не только должен был располагать большими средствами, но и найти на берегу население, обладавшее кораблями и давно

уже привыкшее к морю, а приморские города гаванями, обслуживавшими всю Переднюю Азию. [О победах Нарамсина в течение одного года над 9 армиями и пленении им 3 царей, вождей этих армий, повествует нам надпись его сына Либитили]. Распространение владычества по всем направлениям и за пределы Двуречья, «покорение четырех стран света» — дало Нарамсину повод впервые [после робкой попытки Саргона (Шаррукина), см. выше] принять, потом часто употреблявшийся, титул «царя четырех стран». Таким образом в истории впервые появляется идея универсальной монархии и, в связи с этим, обожествление ее носителя. Нарамсин всегда именует себя «богом Аккада». Его преемник Шаргалишарри, хотя и не располагавший той политической мощью, что Нарамсин, все же иногда присоединял к своему имени клинописный знак бога. Имена Шаррукина и Урумуша иногда входят в состав имен теофорных, например, «Или-Урумуш» — «Урумуш мой бог». Так было впервые на почве Азии провозглашено представление, чуждое сумерийцам, но также отличное и от египетского. Оно не было выражением веры в божественное достоинство и происхождение царей, но являлось результатом осуществления идей монархии, выходящей за пределы одного народа и одной страны и имеющей универсальные стремления. На ряду с этим, Саргон, вероятно, принимал меры для централизации государства. Глухое указание Omina и ново-вавилонской хроники как будто говорит за то, что он указал пути политике Маништусу, селил вокруг себя знать, вместо прежних владельцев, и что он вызвал против себя «восстание старейшин всей земли», которые осадили его в Аккаде, но были побеждены. Жрец, автор вавилонской хроники, также усматривает в нем вину против Вавилона и Мардука и говорит, что последний покарал его народ голодом. Характерно также несколько презрительное упоминание шейлевского списка о происхождении основателя династии Шаррукина. Этот документ, также вавилонского происхождения, пользуется случаем заметить, что первый царь аккадской династии был «садовник» и жрец низшего ранга. В связи с этим В. К. Шилейко дополняет сохранившееся точно во второй части имя жены Шаргалишарри, как Саммурамат, видит в ней Семирамиду и, ссылаясь на смешение в предании «садовника» Шаррукина с Шаргалишарри, вспоминает легенду о висячих садах. Для народа первый семит-завоеватель сделался легендарной личностью, соединившей в себе черты Шаррукина и Шаргалишарри. В библиотеке Ассурбанипала сохранился текст, в котором нельзя не распознать черт, общих Моисею, Киру и Ромулу. Легенда влагается в уста Шаррукину (Саргону), который говорит, что он родился в городе Азупирану на Евфрате от благородной матери. Последняя положила его в тростниковую корзинку и, запечатав смолой, бросила в реку. Его поднял водонос Акки, воспитал и сделал садовником. Потом богиня Истар поручила ему владычество над «черноголовыми», т. е. семитами, и он начал свои завоевания на горах (т. е. Эламе), море и суше. От Нарамсина дошло до нас, между прочим, два интересных памятника. Один из этих памятников найден в Северной Месопотамии (близ Диарбекира), другой в Сузах. На последнем царь изображен в головном уборе с двумя рогами — отличительным признаком божественного достоинства. Он со своим войском поднимается победоносно на горы и поражает племена лулубеев, касситов, эламитов. Памятники эти обнаруживают большой прогресс искусства и доказывают, что семиты, хотя и усвоили многое у сумерийцев, но успели скоро уйти дальше их. Здесь поражает, при недостатках перспективы, единство композиции, смелость рисунка и ясность. Интересен также по своему натурализму найденный в Лагаше кусок победного барельефа с частью надписи какого-то царя Аккада, вероятно, Саргона. Здесь в горизонтальных поясах были представлены сцены сражений, в которых действующими являются с обеих сторон семиты. Вероятно, изображен поход в Сирию или подавление бунта. Наконец, в Сузах найден документ на эламском языке, представляющий текст присяги эламских вассалов в верности Нарамсину.

Помещение Omina по деяниям обоих царей в библиотеке Ассурбанипала указывает на важность, которую придавали ассирийские цари памяти их. Они считали себя

продолжателями их дела и стремились восстановить империю в том же объеме. Саргон II, основатель новой династии, выразил это наглядно, приняв имя древнего завоевателя. Само собой понятно, что, властвуя над огромной империей, цари Аккада держали в строгом вассальном подчинении городских патеси. В Константинопольском музее есть несколько документов из Теллоха, которые дают возможность составить понятие об отношении Ширпурлы к Шаргалишарри. Оправившись от погрома, Ширпурла продолжала управляться своими исаками (патеси). Один из них — Лугальушумгаль был современником Шаргалишарри. До нас дошло письмо к нему последнего. Дело идет о торговых сношениях. Ширпурла получала от Аккада зерновой хлеб и материи, а поставляла скот и молочные продукты. Торговля шла водой; дошли до нас и буллы из глины для товаров, с надписями, в которых приводятся имена царя, исака (патеси), адресата и название товара и даты по событиям, напр., год, «когда Шаргалишарри победил предприятие Элама и Захара против Описа и Сакли»; «год, когда он победил Амурру (Запад) у Басара»; «в год, когда он взял в плен Сарлака, царя Куты». Подобные же датировки дошли и из Ниппура и подтверждают наилучшим образом сведения, почерпаемые из Omina.



Стела с изображением победы царя Нарамсина.

Семитическая империя Аккада также не была прочной и не была в состоянии обеспечить семитизму преобладание, а в Вавилонии упрочить единство. Документ Шейля приводит после династии Аккада перечень пяти царей сумерийской династии Эреха, царствовавших всего 26 лет, и прибавляет, что эта «династия была свергнута, и народ Гутиев овладел страной». Это было новое семитическое нашествие. Гутии хозяйничали в стране согласно ниппурскому списку 124 г. 40 дней. Вероятно, с этой победой стоят в связи памятники царей их: Ласираба, пожертвовавшего в Сиппар булаву с посвятительной надписью, и Эн-

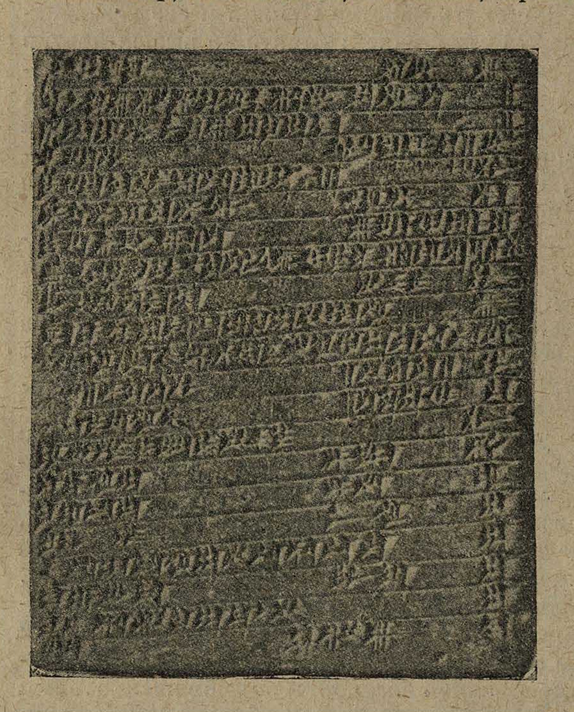
ридупизира, оставившего в Ниппуре огромную надпись в 500 строк на семитическом языке. Другая надпись, палеографически относящаяся ко времени династии Исина, повествует об освобождении Сумира от семитических пришельцев царем Эреха Утухегалем, поразившим гутийского царя Тирикана:

«Гутия, дракона горы, врага богов, унесшего в горы царство Сумира, наполнившего Сумир враждой, похитившего у супруга супругу и у родителей их детей... Энлиль, царь стран, послал Утухегаля, сильного мужа, царя Урука, царя четырех стран, царя, слово которого не имеет равного, сокрушить имя его (т. е. Гутия). Он отправился к своей госпоже Иннине и помолился ей: «О владычица, львица битвы, прекрасная видом в странах, Энлиль послал меня восстановить царство Сумира и его независимость, будь мне помощница»... Тирикан, царь Гутия, изрек: «никто не вышел против меня». Он овладел всем Тигром до берега моря, до Нижнего Сумира»... Далее повествуется о жертвоприношениях царя в храмах Эреха и других городов и воззваниях к жителям о своем посланничестве. Наконец, после поражения «Тирикан убежал один пешком». Его возница убежал в Дубрум. Жители Дубрума, зная, что Утухегаль — царь, которому Энлиль дал силу, не оказали ему помощи... Тирикан пал к его ногам, а он поставил на него свою ногу.

Вероятно, в это же время опять достигают некоторой самостоятельности городские области и исаки, и лучше других известный нам Лагаш выдвигает в это время (XXV в.) знаменитого Гудеа, который всегда называет себя тоже исаком. Чей он был вассал, мы не знаем, сам он всегда называет своими царями местных богов (напр.: «Гудеа, исак Лагаша, Нингирсу, своему царю»), но неоднократно перечисляет дары, посылаемые, как дань, какому-то лугалю и царице; это были золотые слитки, изделия из драгоценных металлов, парадные постели и т. п. Вероятно, этими владыками были Гутии, которые в это время уже упрочились на севере настолько, что могли получать корабли товаров из Южного Сумира. Гудеа оставил нам множество надписей и удивительных памятников скульптуры. Следуя благочестивому обычаю сумерийцев, Гудеа ставил в храме и во дворце свои, названные знаменательными именами, сидящие диоритовые статуи, украшающие теперь Лувр. Они поражают тщательной отделкой, но доказывают, что мастера еще не всегда могли справиться с пропорциями. Различные мелкие произведения художества, напр., цилиндры, указывают на значительный подъем культуры, особенно при сравнении с древнейшими памятниками Лагаша; возможно предположить влияние семитов Аккада. На коленях одной сидящей статуи Гудеа помещен чертеж плана укрепленной постройки и изображение локтя и грифеля. Реставрации и постройки храмов были предприняты в больших размерах; впервые в Лагаше появляется башня — зиккурат. Свою строительную деятельность Гудеа увековечил длинными надписями, которые для нас имеют большой интерес, сообщая любопытные ритуальные и бытовые подробности. Так, напр., один текст на 12 колоннах и в 317 строках имеет следующее содержание: когда на небе в собрании богов дело дошло до Ширпурлы, Энлиль обращается к Нингирсу. Тот говорит о засухе, о недостатке в городе воды, о том, что каналы высохли и что делу может помочь благочестие. Энлиль склоняет Нингирсу вызвать построение себе храма. Исак действительно сам думает об этом и молится дни и ночи. Бог является ему и велит строить храм Энинну. Гудеа не понимает сна и обращается за советом к Нине, истолковательнице богов, но не прямо, а через Гатумдуг, покровительницу своей матери, прося ее прислать на помощь крылатых гениев утукку и ламассу. Молитва услышана. Гудеа рассказывает Нине сон, та ему дает объяснение. Он узнает волю богов о построении храма Нингирсу. Нина советует ему пожертвовать Нингирсу колесницу, запряженную ослами, чтобы получить от него план храма. Бог принимает Гудеа, возвещает ему славную судьбу, перечисляет предметы культа и оружие, которые должны быть ему посвящены, рассказывая о различных частях храма, назначает время закладки, во время которой обещает прислать живительное дуновение для освобождения Ширпурлы от засухи и указывает знак, по которому Гудеа при-

ступит к работе. Этот текст уже представляет большое и стройное литературное произведение, сложное по замыслу и весьма удачное по исполнению. В нем достаточно ясно отразился и теократический характер политики Гудеа.

Большие империи, объединившие всю Переднюю Азию, обусловили сравнительное спокойствие и удобство отдаленных сношений и культурного обмена. Гудеа, будучи лишь вассальным владетелем маленького государства, в своих надписях рассказывает нам, что материал для своих построек он доставлял на караванах «от Верхнего и до Нижнего моря». Кедры он получал с Амана, камни и лес — с других отдаленных гор, может быть, Финикии, мрамор — из «Тидана, горы в Амурру», медь, золотой песок и какие-то деревья — из гор Мелуххи, диорит для статуй — из Магана, т. е. Зап. Аравии. «Чтобы построить храм Нингирсу», — говорит он, — «эламит приходил из Элама, житель Суз — из Суз, Маган и Мелухха доставляли лес». Документы эпохи Гудеа упоминают о сношениях со множеством городов и местностей. Таким образом и мирные сношения в Передней Азии стали вполне возможны, связывали оба моря и подходили к границам Египта. Уже в это время международная политика соединяла дворы; культура, созревшая на берегах Евфрата, широко распространилась по всему доступному ей миру, и государственная жизнь отошла далеко от первобытных условий.



Глиняная табличка из Кюль-Тепе с клинообразным письмом. Собр. Музея книги, документа и письма Академии наук СССР.

При Гудеа Лагаш пользовался и большим благосостоянием. Население его он определяет уже в 60 сар (216 тыс.). Он старается подчеркнуть, что следовал законам Нины и Нингирсу, и не допускал, чтобы вдове и сироте причинялась неправда, ибо солнце сияет правдой, а бог Баббар попирает ногами несправедливость. Гудеа правил долго и был в зависимости от жрецов и оракулов; это была настоящая теократия. Неблагосклонность к частным заклинателям, повидимому, отразилась в тексте, который подчеркивает: «ни один разумный человек не посещал мест заклинаний, и никто, имеющий смысл, не вступал в дом волшебницы». Подводя итог своему правлению, Гудеа говорит: «при мне никого не наказывали бичом и никто не был бит ремнями»... «Ни один труп не был не погребен... и плакальщицам не пришлось плакать ни разу». Его сын Урнингирсу, после нескольких лет правления, был лишен светской власти, став жертвою нового направления внутренней политики новой сильной династии.

Гегемония не удержалась в руках Эреха; она перешла к другому, также сумерийскому центру — Уру, цари которого величают себя царями Сумира и Аккада или «четырех стран»; это: Урэнгур-Урнамму, «направивший стопы свои от Нижнего к Верхнему морю», объединивший под своею властью Эрех, Лагаш, Умма, Ниппур, знаменитый [Шульги] Дунги (V) (царствовал больше 50 л., XXIV в.), Пурсин, Гимильсин, Ибисин. Они правили 117 лет. В их многочисленных надписях, строительного и религиозного характера, встречаются датировки

по событиям, которые указывают на частые военные экспедиции, напр., в Аншан, против лулубеев, на опустошение стран и городов, постройки стен, упоминают о посажении дочери [Шульги] на престол эламской области Мархаши, о восстании Элама, Симура, о выдаче дочери Дунги за исака Аншана, т. е. за эламского вассального царя, и т. п. Ассирия, а также семитические колонии далекой Каппадокии признавали господство династии Урнаму. Власть царей Ура простиралась, таким образом, не только на весь Сеннаар, но и на прочую Месопотамию, юг Малой Азии и на значительную часть Элама. Они строили во всех городах Вавилонии и в Сузах. Их родной городской бог Син делается теперь предметом особых забот и почитания, но не забывается и древний Энлиль. На ряду с этим особое внимание оказывается и богу г. Эриду — Энки, чем [Шульги] как бы подчеркивал свой сумеризм в противоположность семитическому северу, храмы которого имели повод жаловаться, и еще поздняя вавилонская хроника помнит о его непочтительности к вавилонскому храму Эсагилю.

Отличительной чертой внутренней политики царей Ура было более строгое проведение *централизации*. [Шульги] вводит общий вес и общее для всей страны обозначение лет по событиям, и даже, кажется, календарь, согласовавший лунный год с солнечным путем 36-летнего цикла вставочных месяцев. Он лишает исаков-патеси светской власти и иногда вместо потомков древних династий назначает своих ставленников. Должность исаков теряет свое значение и превращается в орган центрального правительства. По примеру царей Аккада, [Шульги] принимает титул «царя четырех стран», а затем объявляет себя еще при жизни богом и учреждает себе культ, что делали и его преемники, приобщив к своему культу и Гудеа. Их статуи уже ставились в храме не для молитвенного общения с божеством, а для почитания не только по смерти, но и при жизни. Таким образом, царская власть далеко отошла от подданных, к ущербу последних и к выгоде чиновничества и двора. В этом можно видеть влияние семитизма, который втягивал в себя даже династию, выдвинутую реакцией сумеризма. Дело пошло еще далее, и преемники [Шульги] стали носить семитические имена и писать семитические надписи.

Династия Ура кончилась эламским погромом; царь Ибисин был уведен в плен. Эламские погромы были, очевидно, рядовым явлением в тот период ослабления мощи Вавилонии. Ново-ассирийским источником также засвидетельствовано вторжение эламитов, свершившееся в ту же эпоху, а именно поход К у д у р н а х у н д и, упоминаемый Ассурбанипалом, как бывший за 1 635 лет до него, т. е. в 2285 г. С падением династии Ура на время прекращается единство Вавилонии. На роль гегемонов претендуют одновременно два города, Исина в центральной Вавилонии и Ларса на юге. Династии этих двух городов, судя по именам, семитического происхождения, и это обстоятельство весьма показательно для интенсивности семитизации Сумира. Владетели Исина, которые получали признание Энлиля, имели под своею властью Ниппур, Эриду, Эрех, затем Сиппар, и титуловались царями Сумира и Аккада; 16 царей этой династии правили 225 лет. О них известно мало. Основателем династии был И ш - б и у р р а, из его преемников второй и третий носили имена Иддиндаган и Ишмиаган: имя бога Дагана может указать на западно-семитическое («аморейское») происхождение. Вообще, это были слабые правители, которым приходилось отбиваться от эламитов — с востока, от амореев — с запада, бороться с сепаратистическими стремлениями внутри. Те же опасности угрожали царям *Ларсы* (Эляссара?), покорившим *Ур* и также принявшим титул царей Сумира и Аккада. Основателем царства Ларсы был Н а п л а н у м. Наиболее мощными представителями династии были Гонгунум, пятый царь, его преемники Абисаре и Сумуилу. После Синиддиннама, девятого царя династии Ларсы, государство начинает разваливаться. Через некоторое время появляются цари и в Эрехе, а затем на севере стала возвышаться основанная С у м у - а б у династия, судя по именам царей, уже аморейского происхождения; ей суждено было сделать Вавилон столицей Азии. Сын Сумуабу, С у м у л а и л у, сделал к этому

шаги, объединив аморейские княжества и присоединив Киш и Сиппар, где затем уже мы совсем не видим туземной династии. Преемник его Забум выстроил знаменитый храм местному богу Мардуку «Эсагила».

Еще дальше на север находились другие семитические царства, также с завоевательными стремлениями. На отвесной скале у Серипул-Зохаба, над притоком Диалы (Гинда) Хольваном, у прохода в Элам из долины Тигра, поместил свой барельеф Анубанини, царь обитавших здесь на предгорьях Загра *лулубеев*. Барельеф представляет царя попирающим врагов и получающим от богини Иннины (воинственной Истар) победу и пленников. Вереница других связанных пленников изображена внизу; во главе ее — враждебный царь в короне. Стиль несколько напоминает памятник Нарамсина, восходившего на эти горы и некогда покорявшего эти племена. Сопровождающая клинообразная семитическая надпись перечисляет богов Сеннаара, как карателей за уничтожение памятника. Недалеко находится подобный же барельеф другого царя, тоже с семитической (почти разрушенной) надписью и с сумерийским влиянием. Таким образом, у входа в Элам появились семитические горные царства, усвоившие кое-что из культуры Сеннаара.

Еще в большей степени это следует сказать о самом *Эламе*. Эламиты получили возможность добиться давнишней цели. Ослабление Сеннаара, где вместо большой империи появились опять враждующие дробные царства, облегчило им полное приобретение самостоятельности, а затем поступательное движение на запад по следам Лугальзаггиси и Саргона, тем более, что у них, в противоположность Сеннаару, замечаются объединительные попытки. Кроме исаков (патеси) различных городов, появляются «исаки (патеси) Суз, наместники (богов?) в стране Элама», оставившие, как, напр., Башашушинак и Идадуушинак, ряд строительных и посвятительных надписей. Объединение шло частью мирным путем, напр., к владетелям Суз пристали исаки (патеси) пограничного с Двуречьем Туплиаша, вероятно, разочаровавшись в сеннаарском владыке, но главным образом единство страны осуществлялось путем войн. Исаки (патеси) Суз не всегда одерживали верх — при новой династии «великих правителей Элама, Симаша и Суз» они даже были разбиты царем Дера, но что успехи большею частью были на их стороне, на это указывают найденные Морганом в Сузах барельефы, представляющие победы, расправы с пленными и т. п., архаического стиля и по типу изображенных указывающие на войны между собой туземцев Элама, очевидно, за единство и преобладание. Один из таких камней представляет часть изображения битвы у крепости и также трупов врагов, терзаемых коршунами. И здесь ясно художественное влияние Сеннаара. Наконец, Элам, в лице Кудурнахунди, выступил завоевателем в большом масштабе и унизил своего бывшего владыку. С этих пор стремления эламитов на запад проявляются при всяком удобном случае, и уже в занимающую нас теперь эпоху были повторены. Древние священные города Эрех и Ниппур были разгромлены, храмовая библиотека Ниппура была засыпана развалинами, чтобы через 4 000 лет быть извлеченной оттуда американцами и явиться свидетельницей культуры своего времени.

Царь Ларсы Арадсин называет своим отцом царя Кудурмабука, сидевшего в пограничной области Эмутбале и именовавшего себя, между прочим, «адда» (отцом) аморейского Запада. Очевидно, Двуречье, а с ним и вся Передняя Азия находились в вассальных отношениях к Эламу, который даже ставит в древних городах своих царей. В Уре Кудурмабук строит храм Сину. В 1912 г. была издана приобретенная Лувром надпись, с посвящением богу войны Нергалу, которая от имени Кудурмабука повествует о победе над Мутибалом, царем г. Казаллу, овладевшим Ларсой и ниспровергшим тамошнюю династию. Эламский завоеватель выставляет себя отмстителем за трон Ларсы, на который он, по его восстановлении, посадил своего сына Арадина. Преемник последнего, брат его Римсин, подчинил себе Ниппур и все южные города, разгромил царство Эреха и, наконец, «возвышенным оружием Ану, Энлиля и Эа взял Исин, царствующий град». Он сделался главой Сеннаара, и ва-

вилонский царь Синмубаллит признал себя его вассалом. Сын Синмубаллита, Хаммурапи, повидимому, тожественен с упоминаемым в 14 главе книги Бытия Амрафелом, царем сеннаарским, участвовавшим в качестве одного из вассалов эламского царя в походе последнего на Запад. Это место библии, вероятно, представляет остаток древнейшего палестинского предания и, может быть, заимствовано из какой-то местной хроники, написанной клинописью. Так думает Гоммель на основании, главным образом, названия Иерусалима Салимом из Uru-Salimmu, где Uru смешали с клинописной идеограммой города. И в позднем вавилонском тексте, написанном в персидское время, рассказывается легенда об эламском погроме и поругании вавилонских святынь, причем имена эламского царя и его союзников как будто напоминают приводимые в книге Бытия (Кудуркумах, Римаку, Тудхула). Эламские цари вошли в роль всемирных завоевателей и стали считать Сирию и Палестину, по наследству от Саргона и Нарамсина, своей собственностью. Эти притязания они сохранили навсегда и даже передали своим преемникам — Ахеменидам, но пока им пришлось натолкнуться на опасного соперника в лице Хаммурапи, который уже вскоре по вступлении на престол (нач. XX в.) вышел из повиновения Римсину и стал завоевывать «по повелению Ану и Энлиля» города Сеннаара. В 30-м году своего царствования он нанес своему сюзерену решительный удар, взял Ур и Ларсу; затем выгнал эламитов из области двух рек, даже «с помощью Ану и Энлиля» отнял у них Эмутбал и Туплиаш и «ниспроверг царя Римсина». В Ларсе был посажен какой-то Синиддиннам в качестве наместника, одноименный с прежним царем этого города, может быть, потомок сверженной эламитами династии. До нас дошла интересная переписка с ним Хаммурапи, в которой затронуты самые разнообразные стороны государственного управления. Два из писем касаются плененных эламских богинь: «К Синиддиннаму. Так говорит Хаммурапи: я шлю к тебе офицеров Зикирилишу и Хаммурапибани, чтобы они доставили сюда богинь Эмутбала. Ты отправь богинь в процессии на корабле, как в наосе, чтобы они прибыли в Вавилон. Пусть их сопровождают храмовые женщины. Позаботься о продовольствии богинь и храмовых женщин по день их прибытия в Вавилон. Приставь людей тянуть канат и отбери солдат, чтобы они доставили богинь в Вавилон благополучно. Пусть они без замедления, поспешно прибудут в Вавилон». Чрез несколько времени — новое письмо с приказанием принять богинь и отослать назад в Эмутбал. Первое письмо вполне понятно: палладий эламитов должен находиться в Вавилоне. Второе письмо, может быть, вызвано какими-нибудь «знамениями» гнева богинь, а может быть, просто тем, что Эмутбал вошел в состав империи, и Хаммурапи вернул богинь уже в свою провинцию.

С этого времени прекращается эпоха городских царей и раздробленности; исаки, как мелкие владельцы, исчезают: появляется единая вавилонская империя, государи которой титулуются как «цари Сумира и Аккада», «цари Запада» (страны Амурри — Сирии и Палестины). Появляются надписи на двух языках — сумерийском и семитическом. Вавилон делается центром Азии не столько по политическому могуществу, сколько по географическому положению, авторитету и государственному значению. Вероятно, в это время составлена найденная в Ассуре песнь в честь этого города, где он сопоставляется с древним священным Ниппуром и, между прочим, говорится следующее: «Ниппур — град Энлиля, а Вавилон — его возлюбленный; Ниппур и Вавилон — заодно, созерцать Вавилон — великая радость; обитающий в Вавилоне увеличивает дни свои; Вавилон — пальма из Дильмуна, плод коей единственный по сладости... Кто говорит дурно о Вавилоне, будет постигнут смертью, кто его возьмет, кто оскорбит его сына»... (конец не сохранился).

Резюмируя рассмотренную древнейшую эпоху Передней Азии, мы находим, что она представляет ряд попыток объединения политических и национальных элементов при сохранении туземных династий и местной исторической жизни. В этих попытках соперничают сумерийцы, вавилонские семиты, эламиты, все с переменным успехом, пока это не удается сделать аморейским семитам. Вся Передняя Азия уже

входит в исторический горизонт и интересы исторических деятелей. Торговля, искусство, литература, военное дело, законодательство уже достигли значительного развития.

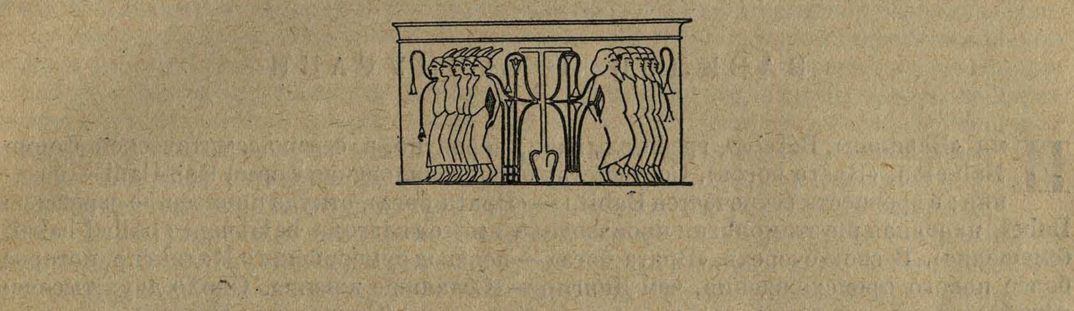
Источники, кроме упомянутых, еще: King, Chronicles concerning early Babylonian Kings. 2 т. 1907. Lettres and inscriptions of Hammurabi, 3 т. 1900. — Эламский материал и сузские находки: De-Morgan, Délégation en Perse, где тексты и барельефы исследованы Schei l'ем. Hrozny, Der Obelisk Manistusus. Wiener Zeitschr. f. Kunde d. Morgenlandes, т. XXI, стр. 11 сл. — *Исследования* и заметки по древнейшему периоду преимущественно помещаются в Revue d'Assyriologie, особенно за последние годы. См. еще, между прочим: Sayce, The Chedorlaomer Tablets. Proceed. Soc. Bibl. Archeol. 28 и 29. Poebel, Zur Dynastie von Agade. Oriental. Literaturzeitung, 1912. Ed. Meyer, Untersuchungen ü. d. älteste Geschichte Babyloniens. Sitzungsber. Preuss. Akad., 1912: первая вав. дин. 2225—1926; дин. Исина 2352—2127; основание [Урнамму] царства Сумира и Аккада — 2469. Гудеа — самостоятельный исак во время последних, слабых царей дин. Аккада; его княжество при Урнингирсу сделалось жертвой нашествия гутеев. Западно-семитическое происхождение первой вавилонской династии, на основании этимологии собственных имен царей, установили Hommel (Altisraelitische Ueberlieferung), Winckler и Эд. Мейер. — Ungnad, а за ним Thureau-Dangin и др. ,читают имя знаменитого вавилонского царя «Хаммурапи», что еще ближе к библейской форме.

[Царский список династии Аккада, согласно ниппурскому списку, дополненному данными списка Шейля: «В Аккаде Шаррукин-садовник, затем совершающий возлияния и почитатель бога Замамы, царь Аккада, который основал Аккад, сделался царем. Он правил 55 лет. Римуш, сын Шаррукина, правил 15 лет. Маништусу [сын Ри] муша правил 7 лет. Нарам[син] сын Мани[штусу] правил 56 лет. Шаргалишарри, сын Нарамсина, правил 25 лет. Кто был царем? Кто не был царь? (этого нельзя установить). Икики, Ими, Нанум, Илулу. Время их правления равнялось 3 годам. Дуду правил 21 год. Шукаркиб, сын Дуду, правил 15 лет. (Всего) 11 царей, которые правили 197 лет». Gadd, издавший в ук. соч. The early Dynasties of Sumer a. Akkad, London, 1921, список Шейля с некоторыми существенными поправками, предлагает для сумерийской фразы «qasudu ur dingir Zamama», определяющей положение Шаррукина до восшествия на престол и переведенной выше «совершающий возлияние и почитатель бога Замамы», совершенно иное понимание. Он видит в словах «Ur dingir Zamama» «почитатель бога Замамы» — теофорное имя собственное «Ur-Zamama», и переводит всю фразу, следовательно, «совершающий возлияния Ур-Замамы». «Ур-Замама» же было имя третьего по списку Шейля (второго по ниппурскому списку) царя IV династии Киша, свергнутого впоследствии Лугальзаггиси. Поэтому Gadd, стр. 23 ук. соч., умозаключает, что последние 5 царей IV династии Киша, Лугальзаггиси Урука и Шаррукин Аккада — правили одновременно. Poebel ук. соч. (Zeitschr. f. Assyriol. 1922, стр. 39 сл.) не соглашается с данным выводом Gadd'а, указывая на то, что следующие за Ур-Замамой 5 царей Киша правили, согласно спискам Шейля и Ниппура, 62 года, т. е. дольше, чем царил Саргон, правивший 55 лет. Независимо от Gadd'а пришел к тому же переводу соответствующих строк списка из Ниппура и списка Scheil'я сам Scheil в Rev. d'Assyr. XVIII, 1921, стр. 100. Он также интерпретировал текст как свидетельство того, что Шаррукин был qasudu царя Урзамамы. Только Scheil сделал из этого перевода иной исторический вывод, чем Gadd. Он полагает, что Шаррукин не был «возлиятелем» царя Урзамамы при жизни того, а был жрецом — возлиятелем в культе умершего Урзамамы. При таком понимании отпадает, конечно, необходимость предположения о синхронизме царствований Саргона, Лугальзаггиси и дин. Киша. В скором времени вопрос об отношении во времени этих династий будет решен, так как в Берлинском музее нашлась «хроника», проливающая яркий свет на данную проблему (см. Poebel, Oriental. Literaturzeit. 1924, стр. 265 пр. 2). Данные о происхождении Шаррукина мы узнаем из сумерийского текста, изданного Schei l'ем, Nouveaux renseignements sur Sarrukin d'après un texte sumérien (Rev. d'Ar. XIII, 1916, стр. 175 сл.). Фрагмент таблетки, найденной в Варке и относящейся к эпохе Исина. Сохранились конец I столбца recto и начало II столбца verso. В начале текста описывалось благосостояние Киша при дин. Азаг-Бау. Энлиль решает свергнуть династию и царем поставить Саргона. Имя его отца «Лаипум» (по мнению Scheil'я фраза позднейшей легенды о Саргоне «abi ul idi» «моего отца я не знал», может быть, является неверным исправлением испорченного текста, напр., abi La-i...), имя матери, к сожалению, не со-]

[хранилось. Вырос он среди животных поля. (Конец I столбца recto). На обороте следует упоминание жены Лугальзаггиси. Затем, кажется, Саргон посылает посла к Лугальзаггиси. Тот сперва не отвечает послу. Наконец, Лугальзаггиси упрекает Саргона в нежелании покориться ему, Лугальзаггиси. Текст обрывается на ответе Саргона. Этот текст, изданный Scheil'ем, интересен упоминанием имени отца Саргона. Может быть, и позднейшая легенда о Саргоне фразою «я не знал отца» хотела только сказать, что мальчик родился после смерти отца и он поэтому отца никогда и не знал. За это говорит и следующая за «моего отца я не знал» фраза: «брат моего отца обитал гору». Согласно остроумному толкованию Luckenbill, On the opening lines of the legend of Sargon (Amer. Journ. of Semit. Lang. 1917, XXXIII, стр. 145 сл.) выражение «обитать гору» является евфемизмом для смерти. Поэтому он переводит обе фразы следующим образом: «Я не знал моего отца, а брат моего отца умер». Если Luckenbill прав, то и в Вавилонии существовал левиратный брак, засвидетельствованный ассирийским судебником (§§ 30, 31 и 43) и хеттскими законами (II табл. № 79). После смерти мужа вдова находила покровителя в лице брата мужа. У Саргона злой рок похитил отца и дядю, и мать его, вследствие бедности, должна была освободиться от сына, как от обузы. Таблетка с копиями надписей Лугальзаггиси, Саргона, Римуша и Маништусу, вырезанных ими на скульптурах, пожертвованных в храм Ниппура, издана Poebel'ем, Histor. a. Gram. Texts. № 34, и переведена и комментирована Histor. Texts., стр. 173 сл., ср. Olmstead, The polit. development of Early Babylonia (Amer. Journ. of Sem. Lang., 1917, XXXIII, стр. 310 сл.). Новый фрагмент, восстанавливающий полностью эту таблетку, издал L. Legrain, Museum journ. Philadelphia, 1923, стр. 208 сл. Первый перевод телль-амарнского текста о походе Саргона в Малую Азию дал O. Schroeder, Mit. Deutsch. Or. Ges. дек. 1914 г., стр. 39—45. Он же издал его в Vorderas. Schriftdenkmäler XII, № 190 и 193. Он же издал и фрагмент его дубликата в Ассурском архиве, Keilschrifttexte a. Assur verschied. Inhalts. № 138. Оба фрагмента образцов перевел и комментировал и дополнил привлечением долго не понятого Cuneif. Text, XXII, табл. 48, упоминающего также Саргона и Нурдалгала, E. F. Weidner, Der Zug Sargons von Akkad nach Kleinasien (Boghazköi-Studien, VI вып., 1922). — Albright в своих 2 статьях Menes a. Narâm-Sin (The Journ. of Egypt. Archaeol., т. VI, 1920, стр. 89 сл. и VII, 1921, стр. 80 сл.) и New Light. of Magan a. Meluhha (Journ. of the Amer. Orient. Soc., т. XLII, 1922, стр. 316 сл.) пытается доказать, что побежденный Нарамсином царь Маккана Маниум тожественен с Менесом, первым царем Египта. Хотя догадку Albright'а допускает с колебанием такой авторитет, как B. Meissner (Zeitschr. Deutsch. Morgenl. Ges. 1922, № 76, стр. 88), история Древнего Востока эту догадку должна категорически отвергнуть. Принимая ее, придется Менеса, как современника Нарамсина, датировать годом около 2600 до н. э., а такая датировка должна сократить египетскую историю на целые 800 лет, по сравнению даже с хронологической схемой, установленной Ed. Meyer'ом, не говоря уже о хронологии S. Borchardt'а (см. выше). Любопытно, что Нарамсин по ниппурскому списку является сыном Маништусу, а согласно хронике он был сыном Саргона. Сыном же Саргона называет Нарамсина недавно изданная A. Boissier таблетка школьного назначения (Rev. d'As. 1919, XVI, стр. 157 сл.), перечисляющая поименно все враждебные Нарамсину города с их царями. Может быть, в ниппурском списке вкралась ошибка, тем более, что он и в другом случае, кажется, не совсем точен. Дело в том, что Шаргалишарри, согласно своим надписям, является сыном Иттиэнлиля, а по ниппурскому списку он сын Нарамсина. Эта неточность объясняется тем, наверное, что Иттиэнлиль умер при смерти своего отца Нарамсина, не сделавшись царем (Шаргалишарри и не называет своего отца царем), и Шаргалишарри сделался непосредственным преемником деда. Надпись Либитили, правителя Марада, посвященная им своему отцу Нарамсину, издана Clay, Babylon. Texts, vol. I, № 10 (Yale Oriental Ser.). V. Scheil, Rec. d. trav., XXXIII, стр. 127 сл. о Лугальушумгале, исаке Лагаша, называющем себя в надписи, посвященной Нарамсину, писцом. О Гутеях ниппурский список сообщает следующее: «Народ Гутеев не имел царя. Имбия правил 5 лет. Инкшису правил 7 лет. Варлагаба правил 6 лет. Ярлагарум правил [3?] год... разрушено... ...всего 21 царь. 124 года. 40 дней. Народ Гутеев был побежден оружием. Царство перешло к [Уруку]». Неясно начало «Народ Гутеев не имел царя». В этом переводе, данном Legrain'ом в Museum Journal, 1920 (см. выше), сомневается Poebel (ук. соч., Zeitschr. f. Assyr., 1922) и предлагает на основании текста перевести «Народ Гутеев правил сам 5 лет (читая вместо «Imbia», в котором Legrain видел имя первого гутейского царя, — «nibia», местоимение «сам»). Нового гутейского царя (Шамаш-]

[бани) Арлаган упоминает текст, изданный Clay, Babyl. Text., т. I, № 13 (Yale Orient. Ser.). Эпохой Гутеев датировал Гудею В. К. Шилейко (вотивные надписи шумерийских правителей, стр. XXIX сл.). Той же датировки Гудеи придерживается и Delaporte, Les civilisations Babylonienne et Assyrienne, 1923, стр. 34—35. В. К. Шилейко же на основании нового материала из русских собраний решает, наконец, сложный вопрос о порядке следования исаков Лагаша эпохи Гудеи (Зап.-вост. отд. Арх. о-ва, т. XXV, стр. 137 сл.). Может быть, относится к эпохе Гутеев текст, изданный Шейлем, Rev. d'Ar. XIV, 1917, стр. 163. В датировке упоминается об уничтожении зерна Лагаша. Ценную монографию по искусству Лагаша этой эпохи дает Unger, Untersuchungen zur altorientalischen Kunst (в серии Altorient. Texte u. Untersuchungen). Здесь им, между прочим, разбирается мотив «der schwebenden Göttin». В связи с этим он восстанавливает знаменитый культовый сосуд Гудеи, украшенный, между прочим, скульптурными изображениями богинь с изливающимися вазами. M. Witzel дал новый комментированный перевод важнейшего текста Гудеи: Das Gudea-Zylinder A. in neuer Übersetzung. Mit. Kommentar. (Keilinschrift. Studien вып. 3), Fulda, 1922. Тут же в аппендиксе он дает транскрипцию и перевод интересного сумерийского гимна в честь храма в Эриду, изданн. Niersa, Keiser, Historical, Religious a. Economic Texts M. 23.— Дин. Ура. Новые издания текстов: M. Hussey, Sumerian Tablets in the Harvard Semit. Museum, ч. II, тексты эп. дин. Ура. Cambridge, 1915. C. L. Bedale, Sumerian Tablets from Umma in the John Rylands Library, Manchester, 1917; C. L. Keiser, Selected Temple Documents of the Ur Dynasty (Yale, Babyl. Text. IV), 1919, это издание пополняет наши знания об именах исаков и годов. E. Chiera, Selected temple accounts from Telloh, Jokha a. Drehem cuneiform tablets in the library of Princeton University. London, 1923. Капитальное издание М. В. Никольским многих сотен таблеток династии Ура из собр. Н. П. Лихачева (II том его «документов отчетности»). Несколько текстов этой эпохи издал и В. К. Шилейко в Зап.-вост. отд. Арх. о-ва, т. XXV, стр. 133—36 и 143. На основании всего изданного материала, C. L. Keiser составила весьма ценный справочник, Patesis of the Ur Dynasty, New Haven (серия Yale-университета), 1919. В нем исаки различных городов приведены в хронологическом порядке. Особо перечислены исаки, города которых не известны, имеется полный указатель имен исаков. О Лагаше см. Scheil, Rev. d'As., XIII, 1916, стр. 180, издавший вотивную надпись некоей Зитти-Бау, жены писца Урламы, сопоставляемого им с Урламой, исаком Гирсу. Об Умме: G. Contenau, Contribution à l'histoire économique d'Umma, idem, Tablettes de comptabilité relative à l'industrie de vêtement à Umma au XXIII siecle (Rev. d'As. XII, 1915, стр. 15 сл. и 147 сл.); idem, Umma sous la dynastie d'Ur, Paris, 1916; H. de Genouillac, Textes économiques d'Oumma de l'époque d'Our Musée du Louvre. Textes Cunéiformes, tome V). Paris, 1922. В. Струве, К истории патесиата Гишху (Уммы) во II т. Изв. Рос. акад. ист. мат. культ. Хронологическое определение автором года, «когда верховный жрец Гаэша был назначен (?)», надо исправить на основании данных, приведенных C. L. Keiser в ук. соч., см. также Scheil, La place de l'année En-Ga-es (ki) ba-hun в Rev. d'As. XV, 1918, стр. 138—139. (Подобная же таблетка, определяющая положение «года, когда верховный жрец Гаэша был назначен», была найдена автором впоследствии среди неизданного материала Н. П. Лихачева). См. также многочисленные статьи Scheil'я в последних годах Rev. d'As., посвященные различным вопросам истории и культуры эпохи дин. Ура. Список царей Ларсы был издан Clay, Babyl. Texts I (Yale Orient Serie) 1915, № 32. Thureau-Dangin опубликовал в La Chronologie de la dynastie de Larsa (Rev. d'As., 1918, XV, стр. 1 сл.) четырехгранную призму № 7025 восточного отделения Лувра, происходящую, очевидно, из Ларсы и давшую в своем сохранном виде полный список лет этой династии. Исследование его, связанное с этим изданием, а также и работа A. Ungnad'а, Die Dynastien von Isin, Larsa u. Babylon (Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Ges. 1920, № 74, стр. 423 сл.), вносят ясность в запутанную хронологию периода борьбы за власть в Вавилонии, Исина, Ларсы и Вавилона; кое-что для определения времени падения Исина сделал Chiera в Old Babylonian contracts т. VIII № 2 изд. Пенсильв. ун-та 1922 г.; что касается вопроса об абсолютной хронологии всей эпохи, которой посвящена данная глава труда Б. А., то он зависит от решения проблемы о начале I вавилонской династии. Как мы выше видели, Kugler определил начало династии Вавилона 2225 г. до н. э. Он исходил из астрономических данных и отодвинул начало династии, отнесенное Ed. Meyer'ом к 2060 г., на 160 лет назад. Weidner в своих работах в Mit. d. Vorderas. Ges. 1915 и 1921 отклоняет да-]

[тировку Kugler'a вследствие синхронизмов, засвидетельствованных в истории Ассирии и Вавилонии, и полагает, что I вавилонская династия захватила власть не в 2225 г., как определяет Kugler, а в 2052 г., на 168 лет позднее. Вопрос еще не решен, так, Ungnad в своем ук. соч. (Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Ges. 1920, стр. 426) придерживается еще датировки Kugler'a и дает следующие хронологические определения династий Вавилонии, начиная с Аккадской: Аккада — 2847—2651; Урук IV — 2650—2625; Гутеи — 2624—2500; Утухегаль — 2499—2475; Ур — 2474—2357; Исин — 2356—2132; Ларса — 2356—2095; Вавилон — 2225—1925. Желающие воспользоваться хронологической схемой Вейднера получат ее, уменьшив все перечисленные даты на 168 лет].





ВАВИЛОН И ХАММУРАПИ

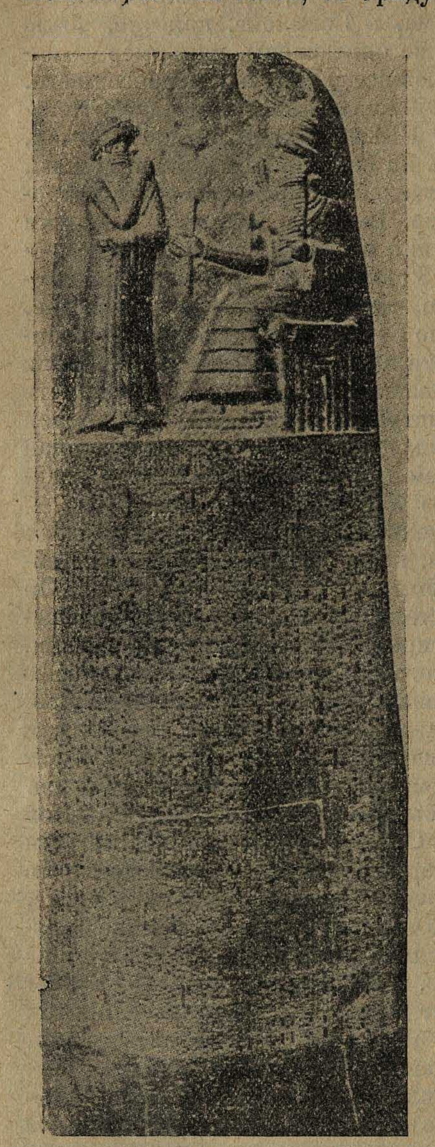
Имя «Вавилон», Βάβυλων, греки слыхали, вероятно, в северо-семитической форме Bab-elon, «Врата богов». Соответствующая вавилонская форма Bab-ilani — поздняя; в древности встречается Babilu — «Врата бога», откуда произошло еврейское Babel, народная же этимология производила имя от глагола balal через balbel-babel, «смешение». В свою очередь, «Врата бога» — перевод сумерийского Кадингир, которое более нового происхождения, чем Дингир — «Седалище жизни». Около двух тысячелетий, несмотря на погромы и попытки уничтожения (Синахериб, Ксеркс), несмотря на превратности политических условий, оставался этот город метрополией Азии, что наиболее красноречиво засвидетельствовал Александр Великий, сделав его столицей новой империи, призванной примирить Восток и Запад. Только селевкидо-парфянские войны, основание Селевкии и Ктесифона, а впоследствии Багдада, повлекли за собой опустение Вавилона, который, однако, существовал еще в X веке н. э. В настоящее время на его месте три-четыре деревни и обширное поле развалин. На левом берегу Евфрата, выше г. Hillah, находятся группы холмов, содержащих развалины. Самая северная — Babil, по следам гидравлических сооружений, колодцев и водопроводов, находившихся в сообщении с Евфратом, и по положению — под всем городом, должна была заключать в себе дворец Навуходоносора с висячими садами и парками. Следующая к югу в $^1/_2$ ч. пути группа развалин носит название El-kasr («замок») и заключает в себе остатки дворца вавилонских царей. Здесь найдено: множество кирпичей с печатью Навуходоносора, надпись на глиняном цилиндре — манифест Кира вавилонянам и т. д. Еще южнее — Тель-Амран был местом главного вавилонского храма в честь бога-покровителя Мардука, носившего название Э-сагила, — «Дом высокий», с семиэтажной башней Э-темен-ан-ки («Дом основания неба и земли»). Эсагила построена царем Забумом (2-я половина III тысячелетия), сыном Сумулаилу, второго царя первой вавилонской династии, который в 4 года своего царствования выстроил стены и обезопасил свою независимость от Сиппара, а также приготовил для Мардука, национального бога, трон из золота и серебра. Эта группа была как бы кремлем Вавилона, заключавшим его главную святыню и жилище царя. Она была окружена особыми стенами Имгур-Бел и Нимитти-Бел, остатки которых сохранились. Из Эсагилы шла длинная процессионная священная дорога, переходившая затем чрез каменный мост на Евфрате и направлявшаяся к югу, в город Борсиппу, в храм Э-зида («Дом вечности»), посвященный Набу, сыну Мардука. Этот храм погребен под холмом Бирс-Нимруд. По ту сторону Евфрата, напротив дворца и Эсагилы, лежал, окруженный с запада стеной, другой царский дворец (τὰ πέραν βασιλεια Клитарха), в котором умер Александр Великий. Его окружал круглый парк (παράδεισος).

Площадь города была изрезана каналами, из них самыми важными были судоходный Арахту, шедший с севера на юг и служивший также для процессий, затем, по ту сторону Евфрата — Пикуду и Борсиппский, а также, наконец, канал Мардука, отделявший Эсагилу от дворца. Кроме главного храма, в Вавилоне, конечно, было множество других; некоторые из них могут быть уже определены, например — посвященный богу Шамашу на правом берегу Евфрата, южнее дворца и каменного моста. В последнее время за исследование топографии Вавилона взялось немецкое Orientgesellschaft, и ему удалось найти в восточной части El-kasr'а храм богини Нинмах, восстановить его полный план и вблизи его напасть на след процессионной дороги, вымощенной широкими плитками из известняка и обставленной прекрасными эмалированными барельефами львов и фантастических фигур. Вместе с тем, эти раскопки опровергли преувеличенные, идущие от греков, мнения о необыкновенной громадности Вавилона, доходившей, по Геродоту, будто до 80 кв. верст. На самом деле площадь его занимала не более 12 кв. верст. Конечно, то, что до сих пор было известно, и то, что будет в ближайшее время найдено, современно Вавилону, уже реставрированному в эпоху от Асархаддона до Навухолоносора; эти цари совершенно перестроили столицу, после ее опустошения Синахерибом. Признавая это, нельзя, однако, не иметь в виду, что обновители должны были стараться не отступать от древней, освященной религией и историей топографии, и что, таким образом, начерченный нами план должен иметь значение и для времени, так называемой, первой династии и ее главного представителя Хаммураби или, следуя чтению Унгнада, — Хаммурапи.

От Хаммурапи мы давно уже имели много строительных надписей, затем найдено собрание его писем к Синиддиннаму и другие тексты, которые дают возможность обрисовать личность и деятельность этого царя. Это был талантливый правитель. Он создал или усовершенствовал административную систему, улучшил средства сообщения, заботился о каналах. Его деятельность простиралась на все стороны жизни. Счастливый воитель, освободивший страну от эламского ига, он объединяет под своею властью все городские царства, заботится о святилищах не только всего Сеннаара, но даже Ассура и Ниневии. Он издает указы, касающиеся календаря, следуя при этом, кажется, 84-летнему циклу вставок; так, он пишет Синиддиннаму: «Так говорит Хаммурапи: так как год имеет недостаток, то пусть месяц, который теперь начался, будет считаться вторым элулом. И вместо того, чтобы подать приходила в Вавилон 25-го тишри, пусть поступит 25 числа второго элула». Орошение страны и водные пути были предметом его особенной заботливости. Он сооружает новые каналы (один из них даже носит имя: «Хаммурапи, благословение народов»), очищает старые (в Эрехе, Дамане), заботится об устранении неисправностей в течении Евфрата. Но еще большее внимание Хаммурапи уделял правосудию. Уже в письмах и надписях эта сторона его деятельности выступает с достаточной ясностью. Так, в одном письме он дает инструкцию о суде над взяточниками, в других занят делами о ростовщиках, в иных требует присылать ему в Вавилон людей, которые могли бы, будучи очевидцами, сообщить ему о делах, иногда требует ареста неисправных чиновников и т. п.

С 1901 г. наше представление о Хаммурапи нашло себе завершение, благодаря открытию в Сузах базальтового столба, исписанного вертикальными клинописными строками, оказавшимися *сводом законов*. Вверху текста помещено изображение Хаммурапи, предстоящего богу солнца и правды Шамашу и от него поучающегося правосудию. Это — древнейший из сохранившихся законодательный сборник. Первоначально этот камень стоял в Сиппаре, и оттуда был похищен каким-либо эламским завоевателем, стершим небольшое количество параграфов кодекса ради увековечения своей победной надписи, но которая почему-то так и не была вписана. Кроме него, царь поставил такие же в других центрах: в вавилонской Эсагиле и в самих Сузах; от последнего также найдены фрагменты; в Ниппуре найден современный эпохе Хаммурапи фрагмент глиняной таблички. В «хронике» Хаммурапи уже второй год царствования отмечен как тот, «в который была установлена правда». Дошедшая

до нас редакция относится уже к тому времени, когда Хаммурапи был единовластным правителем Двуречья. В длинном введении он перечисляет свои заслуги относительно всех городских богов, от Эриду до Ниневии включительно, и говорит о победе над врагами. Самый текст кодекса Хаммурапи представлял собрание около 300 формул, составленных большею частью по казуистическому шаблону: «если кто-либо сделает то-то, то подвергается тому-то» — это скорее перечень случаев из судебной практики, взятых из уголовного и гражданского права и расположенных в довольно произвольном порядке. Здесь нет ни общих принципов, ни отвлечений, ни строгой системы, зато случаи предусматриваются и разбираются с большой обстоятельностью. Начиная с преступлений против судопроизводства — клеветы, лжесвидетельства, подкупа судей, свидетелей, неправого суда, — кодекс переходит к различного рода преступлениям против собственности, затем следуют постановления из области аграрных отношений и торгового права (42—126), законы, относящиеся к семейному праву (127 — 194), наказания за причинение личного ущерба, гонорары врачам, архитекторам, постановления о судостроительстве, найме судов и т. п., законы о животных (найме их, о вреде, причиняемом ими, и др.), наконец, о рабах. Пред нами проходит картина большого культурного государства, с обществом, уже пережившим все предварительные стадии своего развития. Центральная власть уже уничтожила в нем местные династии, вместо благородного поставила чиновного, порвала с родовым или племенным строем, упразднила кровную месть и, чрез своих агентов, заботится о благосостоянии народа, о подъеме земледелия, торговли, водных сообщений. Государство по идее — мировое, поэтому все свободные подданные равны перед законом, привилегий по национальностям нет, вавилоняне подлежат такому же суду и взысканию, как хананеи или эламиты; закон не знает ни пришельцев, ни инородцев. Различаются знатные («сыновья персоны» или просто «люди»), просто свободные («мушкену» — «низшие»), рабы; по профессии: духовенство, солдаты, купцы и др. Служба царю выдвигала особый класс людей: баиру («охотники»), ридсабе («служилые люди»—вероятно, солдаты) и др., получавших от царя поземельные участки в лен. Воинская повинность и постоянное войско уже существовали. Чиновничество было развито; к нему предъявлялись сверху большие требования, делавшие службу далеко не легкой, но власть считала себя обязанной заботиться о своих органах, наделяя их землей, которая при известных условиях могла даже переходить по наследству или обращаться в пенсию; не оставался забытым и попавший в плен служилый человек, закон охранял его и от произвола начальства. К низшему сословию принадлежали свободные наемные рабочие и ремесленники, в том числе врачи и ветеринары, полу-



Столб с законами вавилонского царя Хаммурапи.

чавшие за свой труд плату, а не гонорар, как архитекторы и корабельщики («подарок»). Рабы имели собственность и стояли под покровительством законов; казнить их можно было только по суду. Они были заклеймены, продавались, давались в залог, за их увечье вознаграждался господин. Земледелие было интенсивным, существовала частная земельная собственность, даже иммунитеты; землевладельцы или сами обрабатывали свою землю чрез рабов и рабочих, или отдавали внаймы. В стране водворяли безопасность, преследуя бандитов и бродяг. Торговля достигла большого развития, поощрялась, передвижение было свободно. Городской характер культуры и положение Вавилона содействовали этому и обусловили то, что вавилонское право было фактором развития денежного обмена, несмотря на то, что благородные металлы были привозные. Деньги появляются здесь раньше, чем где бы то ни было; серебро в отвешенных кольцах было мерилом цен при меновой торговле. Все это указывает на многовековое развитие в прошлом и заставляет видеть в вавилонской державе Хаммурапи продукт уже древней культуры.

Рассмотрим вкратце отдельные стороны кодекса Хаммурапи, прибегая для удобства к систематической группировке его постановлений.

Семейное право в древности вообще было сурово. Сохранились, независимо от кодекса Хаммурапи, следующие так называемые сумерийские семейные законы: а) «если (приемный) сын скажет своему отцу: «ты мне не отец», — да будет заклеймен, обращен в рабы и продан»; б) «если (приемный) сын скажет своей матери: «ты мне не мать», — да будет заклеймен и выгнан на улицу»; в) «если отец скажет (приемному) сыну: «ты мне не сын», — да оставит он (отец) дом и двор», и г) «если мать скажет приемному сыну «ты мне не сын», — да уйдет она (мать) из дому и его обстановки». «Если жена скажет мужу: «ты мне не муж» (т. е. захочет разводиться), — да ввергнут ее в реку». «Если муж скажет жене: «ты мне не жена», — то должен заплатить полмины серебра». В кодексе Хаммурапи семейное право уже несколько смягчено. Брак заключается после контракта между женихом, или его отцом, и отцом невесты, причем первый делает взнос и подарки, а последний дает дочери приданое. Из документов видно, что для брака требовалось разрешение родителей; несогласие одной матери могло служить препятствием. Брак без контракта не признается законным. Взнос и подарки теряются женихом — в случае отказа с его стороны, но возвращаются вдвойне — в случае отказа отца невесты; возвращаются они и в случае смерти бездетной жены. В идее господствует моногамия; только в случае бездетности или болезни законной («главной») жены, муж может взять наложницу, которая находится в подчинении и даже услужении у жены, или жена может ему дать рабыню; если у такой рабыни будут дети, она уже не может быть продана, но если она перестает понимать свое положение, закон предписывает ее заклеймить и снова обратить в рабыни; если же при этом и у нее нет детей, госпожа может ее продать. Допускались смешанные браки между рабами и свободными; в таких случаях рабыня возвышалась до свободной, а свободная сохраняла свое социальное положение; дети в обоих случаях были свободны. Приданое оставалось собственностью жены: оно вообще признавалось принадлежащим «дому отца ее», и только находилось в пользовании у мужа. Долги жены, сделанные до брака, не связывали мужа; жена также могла в брачном договоре отказаться от ответственности за добрачные долги мужа. Развод был не труден и стеснен для мужа только денежными соображениями, для жены — судебными формальностями. Если муж отвергал жену, от которой имел детей, то обязан был выплатить ей приданое и «сыновнюю часть». Бездетная жена могла быть отпущена с приданым и взносом, сделанным при браке мужем. Без всяких условий могла быть прогнана расточительная или неверная жена; муж имел даже право обратить ее в рабыню. Больная жена должна была оставаться на попечении мужа или могла уйти, получив назад приданое. Если муж попадал в плен, жена могла в его отсутствие выйти замуж только в том случае, если ей нечем жить; по возвращении из плена мужа она обязана была к нему вернуться, даже если успела вторично выйти замуж. Этого не было,

если муж самовольно покидал дом и отечество, а также, если муж отказывался жить с женой. За нарушение верности наказывалась гораздо строже жена: как и в других законодательствах, на поведение мужа обращается и здесь меньше внимания. Еще Урукагина хвалится: «прежде женщины безнаказанно жили с двумя мужчинами, теперь их за это бросают в воду». В то время, как виновная вместе с участником подвергалась утоплению, на неверного мужа можно было только жаловаться в суд в ожидании развода; клевета мужа на жену влекла за собой развод, клевета жены на мужа, в случае ее обличения и самовольного ухода жены, влекла за собой утопление; обвинение замужней женщины со стороны кого бы то ни было требовало суда божия: жена прыгала в реку, и невинность ее могла быть доказана только тем, что «река ее охватывала», и она оставалась невредима. За несправедливое обвинение клеветник наказывался по суду обстрижением височных волос. Особенно жестоко наказывалось убийство мужа: несчастную сажали на кол. Закон предусматривал также различные случаи кровосмешений и строго карал за них.

Отец мог отдать дочь в храм в качестве иеродулы или посвященной Мардуку, т. е. с принесением божеству в жертву целомудрия. Тогда по закону она не могла иметь детей, но считалась свободной и пользовалась известными правами, отец мог дать ей в пользование приданое, или она сохраняла право на известную долю наследства, опять-таки в пользование. Родители могли продавать детей; документы доказывают, что такие случаи, вероятно, обусловленные нищетой, бывали. Кроме родных детей, вавилонская семья знала еще усыновленных, заменявших при малочисленности в древнем Вавилоне рабов, наемных работников, а также необходимых для культа бездетных после их смерти. Новые родители давали усыновленным свое имя и обязаны были их воспитывать и обучать какому-нибудь ремеслу. Если усыновленный не чтил своих приемных родителей, он должен был вернуться домой; он имел на это право, если приемный отец не заботился о нем и не равнял его с своими детьми. Приемный отец мог после рождения собственных детей отослать домой усыновленных; в таком случае он обязан был выплатить треть доли родного, но не из недвижимого имущества. Если усыновленный, будучи сыном иеродулы или проститутки, захотел бы искать своих родителей, то подвергался жестокому наказанию: у него выкалывали глаз. Родители могли лишить детей наследства не иначе, как после судебной процедуры: суд устанавливал тяжесть проступка; отец обязывался простить, если сын совершил поступок в первый раз. За злословие на родителей резали язык, за побои — отрубали руку.

Весьма обстоятельны законы о *наследстве*. Муж ничего не получает из приданого покойной жены — оно принадлежит детям; напротив, вдова получает целиком свое приданое и подарок мужа и вместе с детьми пользуется оставленным имуществом, без права отчуждения; если подарка мужа нет, то она вместо него получает равную с детьми часть наследства. Закон ограждает ее от притеснений взрослых детей, равно как и последних на тот случай, если мать их вступит во второй брак; при существовании несовершеннолетних детей, даже самое вступление в этот брак должно быть разрешено судом, который налагает опеку над имуществом детей: составляется инвентарь, и управление поручается второму мужу со строгим запрещением отчуждать что-либо. Сыновья, независимо от происхождения от разных матерей, наследуют поровну, но отец мог при жизни завещать любому сыну недвижимое имущество. Женатые сыновья, получившие при жизни отца взносы для отцов своих невест, обязаны были выделить такие же своим несовершеннолетним братьям, чтобы те могли вступить в брак. Приданое матери делят все сыновья поровну; но подарок мужа (в браке) мать может завещать одному из них. Дети от двух браков матери делят ее приданое поровну; в случае бездетности второго брака вдовы, ее приданое получают дети от первого брака. Дочери, получившие приданое, отстраняются от наследства; остальные получают равную с братом часть для пожизненного пользования; наследниками их являются братья. Впрочем, отец при жизни мог выделить им часть

и документально разрешить им завещать кому угодно. В таком случае «братья не могут предъявлять никаких претензий». Узаконенные сыновья наложницы наследуют вместе с законными, но последние пользуются преимуществом; не узаконенные должны довольствоваться получением свободы; дочь наложницы получает от братьев подарок для приданого. Особенно характерен следующий закон: «если отец иеродулы выделил ей часть и составил об этом документ, не упомянув в последнем, что она может завещать ее кому угодно, то, в случае смерти отца, ее поле и сад получают братья и обязываются удовлетворять ее, сообразно размеру ее части, зерном, елеем и молоком. Если же они не дают ей этого, сообразно ее части, и не удовлетворяют ее, то ее поле и сад должны быть переданы хозяину, которого она укажет, и тот должен содержать ее. Полем, садом и всем, что она получила от отца, она должна пользоваться пожизненно, но не продавать и не уступать никому. Ее же детская доля в наследстве принадлежит братьям». Особый закон существовал для посвященной Мардуку: если отец при жизни ей ничего не отказал, она получала треть детской доли, но не могла сама распоряжаться ею, зато имела право кому угодно завещать ее. Мы видим здесь, как я думаю, стремление оградить интересы семьи не только от ущерба при переходе имущества в другой род, но и от поглощения частной собственности храмами: характерно, что нигде храм, в который посвящена дочь, не имеет права наследования, и везде имущество посвященной, так или иначе, связано с ее семьей. Нельзя в этом не видеть одного из проявлений заботы государства о семье и семейной собственности. Другие документы сообщают нам, что закон разрешил продавать поземельное имущество того или другого лица не иначе, как по соглашению всех членов рода и при подписи их на купчей крепости.

Из рассмотрения этих законов мы видим, что в древнем Вавилоне семейная атмосфера была все-таки легче, чем, напр., в Риме. Жена вовсе не была in manu mariti. Она обладает и располагает своим частным имуществом, может получать назад свое приданое, воспитывает своих детей; она арендует, делит, дарит, свидетельствует. Вдова и девица ведут самостоятельно имущественные процессы, замужняя в этих случаях действует чрез мужа. Мы видим ее в торговле, в промышленности, в культе. Главным образом нет в вавилонском праве и той patria potestas, которая отдавала в руки отца все, до жизни и свободы детей включительно. Наконец, патриархальные отношения к рабам и сравнительная немногочисленность последних избавляли семью от растлевающего влияния этого элемента и той нездоровой атмосферы, которую он ей сообщал. Характерно для древности вавилонской культуры отсутствие пережитков матриархата.

Законы о собственности. Проводится ясное различие между собственностью и владением. Частная поземельная собственность уже достигла полного развития. Лены были тесно связаны со службой и неотчуждаемы. Их нелья было ни продать, ни купить, ни употребить на выкуп из плена. Небрежное отношение к лену, плохая обработка его и оставление в течение трех лет влекли за собою его потерю. Так, например, ридсабе, царские служилые люди, вероятно, солдаты, получая поле, сад и дом, не могли под страхом казни подставлять вместо себя других лиц, но, будучи не по своей вине оторваны от своего участка, получали его назад, если возвращались ранее трех лет. Начальники за притеснение солдат подвергались смертной казни. Преступления против собственности, как и во всех древних и средневековых обществах, карались жестоко; за воровство полагалась обыкновенно смертная казнь; за кражу со взломом через пролом стены в доме грабитель убивался у стены и закапывался на месте; за воровство во время пожара грозило сожжение. К вору приравнивался продавший потерянную вещь, а также ее покупатель, не доказавший, что он купил не заведомо краденое. Вором считался также укрыватель, или тот, кто помог чужому рабу бежать. Далее кодекс весьма обстоятелен в предписаниях о найме людей и домашних животных; цены варьируются по временам года; множество сохранившихся контрактов дополняют и освещают нам эти сведения.

Есть законы и о залогах. Под залоги давались поля, будущая жатва, рабы. Упоминаются отдачи на хранение драгоценностей, при обязательности документа и свидетелей. Тот, кому доверено движимое имущество для перевозки с места на место (ср. наши транспортные конторы), в случае присвоения его себе, присуждался к штрафу, в пять раз превышавшему стоимость доверенного.

Законы о долгах были, сравнительно, мягки. Неоплатный должник мог быть лишен свободы кредитором, но последний отвечал перед судом, если его узник умирал от дурного обращения; если умирал сын его, то сын кредитора подвергался казни, если раб, кредитор платил $^1/_3$ мины и терял свои деньги. Рабство за долги было ограничено тремя годами. Неоплатный должник мог отдать в кабалу жену и детей, но через три года кредитор был обязан отпустить их.

Законы о земледелии имеют целью покровительствовать интенсивному хозяйству и созданию экономических ценностей, карая леность и небрежность, заботясь о регулировании орошения и отношений соседей. Обращается внимание на распашку пустырей, на садоводство и виноделие. Отношения между хозяином и арендатором определены с мелочной точностью. Особенно характерно, что, в случае неурожая, должник освобождается от платежа процентов. Допустивший, по небрежности или злой воле, неисправность или разрыв плотины подвергается ответственности и обязывается возместить соседу убыток.

Торговля и промыслы. Переход к денежному хозяйству совершился еще не вполне. Платежи могут производиться зерном и другими продуктами. Проценты за взятое в долг серебро должны были платиться серебром, за зерно можно было платить и зерном. Недобросовестное переложение этих двух ценностей влекло для купца потерю и капитала и процентов. В кодексе говорится о капиталистах, занимавшихся крупными торговыми операциями, между прочим, при помощи агентов, комми-вояжеров, разносчиков и т. п. Последние получали коммандит или аванс в деньгах или товарах. Потери должны были быть возмещены, а в случае полного неуспеха предприятия, комиссионеры возвращали купцу его капитал вдвойне; если же они были ограблены на дороге, то могли поклясться и не платили ничего. Клятва требовалась также в тех случаях, когда одна из сторон пыталась обмануть другую. При отсутствии документов на данный товар или квитанции на полученные деньги, купец платил штраф, в шесть раз превышавший стоимость, а комиссионер — в три раза. Имеются законы о найме судов, с таксами и обязательством отвечать за повреждения, возмещать убытки и т. д. [Часть из параграфов, которые были стерты эламским завоевателем, найдены теперь среди материала Ниппурского архива. Они были посвящены, главным образом, постановлениям о размерах процентов, причитающихся с ссуды, данной в рост. Согласно предписанию закона проценты займа, как натурального (зерном), так и денежного, не должны были превышать двадцати. На практике это постановление не всегда соблюдалось]. Так, храм Шамаша в своих ссудных операциях повышал при займах зерном процент до $33^1/_3$, хотя при денежных займах довольствовался 20%. Из документов мы узнаем о существовании платежей переводом и о таких сложных операциях, как займы нескольких лиц сразу, превращении покупной цены в заем, пользовании данным на хранение и т. п. Или, например, упоминается такой случай, когда брался в заем продукт и возвращался в обработанном виде.

В числе различных предприятий кодекс упоминает харчевни, вероятно, игравшие и более низкую роль притонов. Их содержательницы были женщины, которые должны были, под страхом утопления, брать плату за напитки не деньгами, а зерном; равным образом им угрожала казнь, если в их заведениях оказывались тайные сборища заговорщиков. Посвященная божеству не могла переступать порога этих харчевен, под страхом сожжения, т. е. принесшая свое целомудрие божеству не должна была отдаваться в простых притонах.

В статьях о представителях различных профессий, их вознаграждении, ответственности, еще господствуют довольно примитивные, чтобы не сказать варварские,

постановления. Счастливый хирург получает 10 сиклей за знатного, 5 за простого, 2 за раба, но за неудачную операцию лишается рук. Излечивший быка или осла получает шестую часть его стоимости, а уморивший их неумелым лечением платит четверть их стоимости. Брадобрей, положивший на раба клеймо без ведома господина, лишается рук и т. п. Архитектор получает плату сообразно величине постройки, по мерке за каждую единицу пространства. Если дом обрушится и задавит хозяина, архитектор подвергается казни; если погибнет сын хозяина, казнят сына архитектора, если пострадает раб хозяина, то архитектор обязан возместить другим рабом и т. п. В случае замеченных погрешностей постройки, ремонт ложится бременем на архитектора и т. п. Подобные же постановления приведены относительно корабельщиков, а также указаны платы различным рабочим и т. п.

Преступления против личности караются по принципу: «око за око, зуб за зуб» — в буквальном смысле, если обидчик и потерпевший равны по социальному положению. Нанесший повреждение высшему карается денежным штрафом, а то и телесным публичным наказанием. Вообще, *система наказаний* построена на системе талиона, как материального, так и символического. Так, непослушный раб лишается уха, дерзкий приемный сын — языка, виновная кормилица — грудей, неискусный хирург — руки и т. п. Характерно для кодекса Хаммурапи почти полное отсутствие родовой мести. Это указывает на правильно организованное культурное государство, которое взяло на себя защиту своих подданных и отмщение убийцам: самосуд не может быть терпим в таком обществе. Царю принадлежит право помилования. *Судопроизводство* как из кодекса, так из документов еще не вполне ясно. В древности, кажется, судили жрецы «у врат храма». Теперь рядом с ними все более и более выступают светские («царские») судьи, вероятно, не без влияния царской власти, взявшей на себя правосудие и проводившей взгляд, что оно идет не от богов Ниппура, Сиппара или Ларсы, а из Вавилона, судебная палата которого объявлена верховной. Роль «храмовых судей» теперь сведена только к принятию показаний, делаемых под присягой пред изображением божества. Весь остальной процесс вели светские судьи по «царскому закону». Приводим, для примера, полностью один протокол процесса, касающегося недвижимости и происходившего при одном из преемников Хаммурапи, Аммидитане. Он интересен, кроме своей обстоятельности, тем, что указывает на пассивную роль замужней женщины, интересы которой на суде представлялись мужем, а также на существование в вавилонском праве продажи в кредит и на комбинацию продажи и залога — тонкость, свидетельствующая о высоком развитии правовых отношений.

«Аддилиблут отправился к судьям и изложил перед ними: «1 сар дома, составляющий часть двух саров дома, продан иеродулой Илушахегаль, дочерью Эаэлласу, в год, когда царь Абиешу посвятил свою статую, за 15 серебряных сиклей, — Беллиссуну, жрице Мардука, моей жене. Этот сар дома расположен рядом с домом такого-то и рядом с домом такого-то, сзади его дом такого-то. Я получил купчую, равно как Имикиса, ее сын, получивший по разделу два сара дома. Я заставил приложить его печать, как свидетельство. Теперь же Илушахегаль, иеродула, дочь Эаэлласу, приложившего свою печать к купчей, требует у меня обратно мой сар дома».

Так он изложил (свое дело).

Так ответила иеродула Илушахегаль: «один сар дома, составляющий часть двух саров дома, купленного мною у Беллиссуну, жрицы Замамы, я продала за 15 серебряных сиклей Беллиссуну, жрице Мардука, жене Аддилиблута. 15 сиклей серебром они мне не заплатили».

Так она ответила. Судьи отослали Илушахегаль домой, чтобы она или представила свидетелей о неуплате денег, или долговую расписку Беллиссуну на оставшуюся неуплаченной часть серебра. Этого не оказалось, и она не была в состоянии представить. Аддилиблут представил купчую, судьи выслушали и опросили свидетелей, имена которых подписаны на документе. Те подтвердили, что 15 сиклей, цену сара

дома, Илушахегаль получила. Илушахегаль созналась. Судьи, разобрав дело, наказали Илушахегаль иеродулу за то, что она отреклась от своей печати. А настоящий документ, в действительности которого не может быть сомнений, они заставили ее выдать, а именно, чтобы впредь один сар дома, расположенный там-то (следуют имена соседей), как покупка Беллиссуну, жрицы Мардука, жены Аддилиблута, не оспаривался Илушахегаль, ее детьми, ее братьями и ее родом. Именем Мардука и царя Аммидитаны. Пред судьями»... (Следуют подписи 8 судей, градоначальника, секретаря, печати Илушахегаль и суда).

Судебные функции имели также градоначальники, во главе «старейших и именитых людей» города. Эти последние привлекались в тех случаях, когда требовалась проверка на месте и экспертиза, или когда дело могло быть решено только местными людьми. Это собрание именитых граждан имело и другие функции, кроме судебных: пред ним заключались сделки, имевшие особенно важное значение, оно заведывало городским имуществом. Компетенция «вавилонских судей» распространялась на все государство; они принимали жалобы и апелляции, независимо от места жительства просителей, они толковали законы, их решения были обязательны для провинциальных судов. Конечно, все дела в последней инстанции могли восходить к царю, который считал отправление правосудия одной из своих главных обязанностей. И кодекс начинается с наказаний за преступление против суда — за лжесвидетельство положена в уголовном процессе смертная казнь; судья, изменивший свое решение, приговаривается к штрафу, в 12 раз превышающему присужденную сумму, и навсегда лишается места.

Хаммурапи заключает свой кодекс следующим эпилогом:

«Правовые постановления, изданные премудрым царем Хаммурапи, для водворения в стране истинного блага и хорошего управления. Я Хаммурапи, царь несравненный. Черноголовыми, которых даровал мне Энлиль и господство над которыми поручил мне Мардук, я не пренебрегал, о них я не нерадел, я искал их благосостояния. С могучим оружием, врученным мне Замамой и Инниной, с премудростью, дарованной мне Эа, с разумом, которым наделил меня Мардук, я истребил врагов на севере (вверху) и юге (внизу), прекратил раздоры, устроил стране благосостояние, дал людям жить в безопасных местах, охранял их от нарушителей спокойствия. Великие боги призвали меня: я благодетельный пастырь, жезл мой — жезл правости; моя благая сень простерта над моим градом. На моем лоне лелею я жителей Сумира и Аккада; помощью моего бога-покровителя и его братьев они успокоены в мире; моя премудрость их покрывает. Чтобы сильный не обижал слабого, чтобы обезопасить вдов и сирот, начертал я в Вавилоне, граде, главу которого вознесли Ану и Энлиль, в Эсагиле, храме, основания которого непоколебимы, как земля и небо, чтобы творить суд земле, и издавать решения земле, и удовлетворять утесненного, мои драгоценные слова на моем памятнике и поместил их у моего изображения, как царя правды. Я — царь могучий среди царей. Мои слова изрядны, моя премудрость несравнима. По повелению Шамаша, великого судьи неба и земли, да воссияет моя правда стране; по воле Мардука, моего владыки, да не будет того, кто бы удалил мой памятник. В Эсагиле, которую я люблю, мое имя должно помниться вечно во благо. Утесненный должен подойти к моему изображению, как царя правды, прочесть надпись, внять моим драгоценным словам, и мой памятник должен выяснить ему его дело; он должен найти свое право, его сердце должно радоваться, говоря: «Хаммурапи — это воистину владыка, отец для подданных, покорный словам Мардука, своего господина, добившийся победы Мардука на севере и юге, увеселяющий сердце Мардука, своего владыки, навеки создавший благосостояние народа и порядок страны». Прочитав надпись, он должен помолиться за меня Мардуку, моему владыке, и Зарпанит, моей госпоже, от всего сердца. Тогда его боги, боги-покровители и боги, вступающие в Эсагилу, да одобрят его помышления ежедневно пред Мардуком и Зарпанит. Во веки веков, навсегда, царь, который будет в стране, должен соблюдать

слова, начертанные на моем камне. Закон страны, который я дал, решения, которые я предписываю, он не должен изменять, не должен удалять моего памятника. Если этот государь премудр и может держать страну в порядке, он должен соблюдать слова, начертанные на памятнике... сообразно им должен он управлять черноголовыми, судить их, давать им решения, истреблять в стране злодеев и преступников, создавать своему народу благосостояние. Я — Хаммурапи, царь правды, которому Шамаш дал правосудие. Мои слова изрядны, мои дела несравнимы, возвышенны... они — образец для мудрого, чтобы достигнуть славы». Далее следуют длинные призывания благословения сонма богов на хранителей законов и проклятия на тех, кто осмелится разрушить или присвоить себе памятник...

Несмотря на этот сонм богов и на благочестивый тон всей приписки, несмотря на то, что весь свод выдается за откровение Шамаша, несмотря, наконец, на то, что в затруднительных случаях дело решает клятва «пред богом» (по документам, главным образом, пред Шамашем или Мардуком), — все-таки законы не стоят на теократической основе, чужды религиозного и морализирующего элемента, и с этой стороны отличаются от других восточных кодексов, не различающих права от обычая и нравственности. Кодексу чуждо понятие преступления, как греха, отпадения от бога, нарушения его воли; его законы не знают страха божия, не выводят всего права из любви к богу и ближнему, они рассматривают проступки исключительно с точки зрения материального вреда для личности или опасности для государства и общества. В этом отношении вавилонский свод законов резко отличается от законодательства Моисея с его ярко выраженным религиозным чувством. Это, впрочем, вполне понятно, если мы вспомним, что еврейский закон мы имеем в том виде, в каком он был внесен в священную книгу, тогда как вавилонские законы дошли до нас на современном официальном памятнике, в точных выражениях. Кроме того, в Моисеевом законодательстве видное место отведено сакральному праву, которое на столбе Хаммурапи опущено, так как законодатель имел в виду лишь потребности гражданского населения, а не храмов. Но, будучи по духу далеки от Синая, законы Хаммурапи сходятся с Моисеевыми в группировке, во фразеологии, во многих частностях, особенно в принципе наказаний за увечья, за кровосмешение, в постановлениях против имущественного вреда и т. п. Наибольшее количество аналогий приходится на так наз. книгу Завета (Исх. 21—23) и отчасти на Второзаконие; в первой законы редактированы в той же казуистической форме. В некоторых случаях мягче Хаммурапи (напр., в положении женщины, отношениях детей к родителям), в других — еврейский кодекс, не знающий многих варварских наказаний, относящийся человечнее к рабам и слабым и отменивший для многих преступлений (напр., за простую кражу) смертную казнь. Многие постановления Хаммурапи не имеют соответствий в библии, и это — те, которые имели место только в обширном торговом и промышленном государстве, обладавшем представителями различных профессий. Некоторые совпадения библии и вавилонского законодательства можно объяснить своего рода рецепцией вавилонского права еще в глубокой древности в Палестине, в то время, когда она входила в зону влияния империи Хаммурапи. Семейные отношения еврейских патриархов — наилучший комментарий к законам Хаммурапи. Можно сказать, что и Авраам, и Иаков, и Лаван жили по вавилонскому праву. Это не только видно из своеобразной, как бы чисто вавилонской полигамии, но, напр., из спора Лавана с Иаковом, — в случае истребления скота хищными зверями убыток терпит владелец и т. п. Но вообще вавилонское законодательство носит черты жизни, необыкновенно далеко ушедшей вперед в своем развитии; во многих случаях оно производит впечатление нового времени, и вавилонская культура отразилась в нем в чертах, указывающих на близость к нашей, некоторые правовые тонкости потом были повторены только в Риме, в эпоху Антонинов. Между тем, израильские законы указывают на более примитивные условия, и это обстоятельство лишает возможности серьезно говорить об их заимствовании. [О более сложных правовых отношениях, нежели законодательство Моисея,

свидетельствуют и два других недавно открытых кодекса—ассирийский и хеттский,— восходящие ко второй половине второго тысячелетия. Оба свода законов, которые будут рассмотрены в соответствующих главах, весьма близки кодексу Хаммурапи].

Свод законов, нормирующий юридическую жизнь Вавилонии, находит себе иллюстрацию и пополнение в бесчисленных деловых документах эпохи, отражающих эту самую жизнь и применение правовых норм. Мы уже иногда указывали на этот обширный и глубоко интересный материал, особенно ценный для юриста. Входить в его ближайшее рассмотрение мы не имеем возможности, но должны указать, что документы первой вавилонской династии убеждают нас в том, что право, кодифицированное Хаммурапи, действовало и до него, но что он внес в него изменения, смягчения и т. п. Точно также и после него жизнь продолжала отбрасывать устаревшее. Доказательство этому можно усмотреть хотя бы в дальнейшей судьбе сумерийских законов семейного права, в кодексе Хаммурапи и в судебной практике его преемников. Так, один из них предписывает: «если муж скажет жене: ты мне больше не жена, то должен заплатить полмины серебра. Если же жена скажет мужу: ты мне не муж, то будет брошена в реку». У Хаммурапи первая половина удержана, что же касается второй, то она применена только к неверной и нерадивой жене и к жене военнопленного, изменившей ему без крайности в его отсутствие. Жена, ничем не виновная, напротив, по Хаммурапи, может жаловаться на неверного мужа, и по суду получает развод. При преемниках Хаммурапи мы встречаем дальнейшие смягчения, и утопление заменяется обращением в рабыню и т. п. Законодательство развивалось и до Хаммурапи, будучи преимущественным предметом заботы царей. Мы уже знаем реформы Урукагины. В Британском музее есть табличка из Эреха, содержащая сумерийский оригинал некоторых законов Хаммурапи и относящаяся к его временам. На ниппурском фрагменте имеются сумерийские пометки, очевидно, перенесенные с сумерийского оригинала. Один из царей Эреха, Сингашид, хвалится, что он установил максимальные тарифы. В одном из документов времен Сумулаилу, преемника Сумуабу, родоначальника первой вавилонской династии, прямо говорится, что этот царь «ввел право», что вполне понятно для второго царя города и династии. Хаммурапи, его четвертый преемник, основавший великую мировую вавилонскую державу, продолжал это дело. Он еще раз собрал и пересмотрел древние законы, смягчил, где мог, их грубость и варварство, и обратил особенное внимание на потребности торговли, сельского хозяйства и промышленности, на положение рабов и вообще беззащитных. Законы его, будучи замечательны со стороны ясности языка и терминологии, все-таки далеки от совершенства, с точки зрения системы и, пожалуй, полноты. Так, напр., нет общего постановления о возмещении за убитого раба, но говорится об этом в частных случаях — о смерти его от обвала недобросовестно выстроенного дома или от бодливого быка и т. п. Равным образом законы несовершенны по своей категоричности, они предполагают лишь две возможности — «да» или «нет», и совершенно не предусматривают бесконечного разнообразия явлений жизни. Поэтому, облегчая беспристрастный и скорый суд, они не могли обеспечить суда справедливого и нередко ставили судью пред огромными затруднениями, что вело к не в меру суровым приговорам.

Законы Хаммурапи пользовались уважением до самого падения создавшей их культуры. Они были реципированы в Ассирии, Ассурбанипал переписал их для своей библиотеки; еще Раулинсон в 1866 г. издал найденные в ней отрывки, правда, довольно жалкие, но, к счастью, пришедшиеся на то место, которое изглажено на памятнике Хаммурапи. Кроме того, отдельные статьи найдены в одном позднем вавилонском юридическом сборнике.

Хотя рассмотренный кодекс содержит в себе главным образом гражданские и уголовные законы, но как он, так и другие документы дают нам возможность составить некоторое представление о государственном праве вавилонского царства. Царская власть имеет характер патриархального абсолютизма, уже забывшего божеские при-

тязания времен Нарамсина и Шульги. Царь ограничен сверху — он лишь наместник и служитель божества. Он стеснен и снизу сильным духовенством и богатыми торговыми и священными городами, достигшими рано в Вавилонии большого развития и сообщившими государству и культуре городской характер по преимуществу. Весьма возможно, что и самые законодательства кодифицировались под давлением торговых городов и богатых храмов, заинтересованных в спокойствии, порядке и отсутствии произвола. Это были силы, сумевшие и в объединенном царстве отстоять свое привилегированное положение. Следующий документ наилучшим образом доказывает, на какие уступки должны были пойти цари относительно городов и храмов.

«Если царь не соблюдает справедливости, его народ попадет в безначалие, страна распадется. Если он не заботится о справедливости в своей стране, Эа, владыка судеб, изменит его (благую) участь и даст ему противоположную. Если он не радеет о своем жреце «абкаллу» (значение неясно), его дни будут пресечены. Если он не заботится о жреце прорицаний, страна возмутится против него. Если он внимает клеветнику, его решения будут изменены. Если он внимает советам Эа, великие боги дадут ему жить в мудрости и знании правды. Если он будет притеснять обитателей Сиппара и будет пристрастен в пользу чужого, Шамаш, судья неба и земли, передаст суд чужому в его земле, и он не будет иметь ни советника, ни судьи для суда. Если ниппурцы принесут ему нечто для суда, и он станет притеснять их из-за даров, Энлиль, владыка стран, выдвинет против него враждебного иностранца, которого заставит уничтожить его воинов; царь и главный полководец будут влачимы по улицам. Если он отнимет у вавилонян деньги и внесет их в свою казну, если он будет слышать жалобы вавилонян и не обратит на них внимания, Мардук, владыка неба и земли, поставит над ним врага и разделит его имущество врагам его. Если он обвинит коголибо из граждан Ниппура, Сиппара или Вавилона и бросит его в тюрьму, город, где последовало обвинение, должен быть обращен в пустыню. Если он посадит когонибудь из них в тюрьму и окажет добро чужому, если он соберет сиппарцев, ниппурцев и вавилонян, заставит их нести на головах корзины (принудительные работы), наложит на них работы или солдатчину, Мардук, «абкаллу» богов, князь, податель советов, подчинит его страну врагу и народ его будет принужден нести корзины для его врага. Ану, Энлиль и Эа, великие боги, живущие на небе и на земле, определят в своем чертоге этому народу рассеяние. Если он будет кормить лошадей на счет жителей Сиппара, Ниппура и Вавилона, лошади, которые будут есть этот корм, перейдут во владение его врага. Если наложит солдатчину на свою страну, будет брать ее народ, то бог чумы, который предшествует его войску, поразит его и будет на стороне врага его, ярмо его быков он разрешит и поля его опустошит. Дела войска и главного шатаму (военное звание) царя Адад сделает тщетными, и устроит их сокрушение. Повелением Эа, владыки бездны, войско царского чиновника будет уничтожено, его место превращено в развалины, дело рук их уничтожено, их старания превращены в дуновение ветра, их памятные надписи изглажены. Если он заставит их итти в поход и противозаконно... их, Набу, писец Эсагилы, распорядитель всех вещей, утвердитель царства, изменит судьбы его страны. Будь то пастырь, или шатаму, или царский главный шатаму, сидящий в Сиппаре, Ниппуре или Вавилоне, если он призовет их к храмовым настоятелям и поставит на них корзины храмов великих богов, великие боги разгневаются, оставят свои обители и не войдут больше в свои жилища».

Этот замечательный, не во всех своих подробностях ясный текст дает указание на существование льготных грамот трем священным городам Вавилонии. Царь по отношению к ним является до крайности ограниченным. Он не имеет права сажать их граждан в тюрьмы, налагать на них барщину даже в пользу храмов, держать в них на городской счет конюшни и даже требовать с них солдат. В качестве блюстителей неприкосновенности прав городов являются боги, — вероятно, их жрецы, знавшие способы заставить царей уважать грамоту и не останавливавшиеся перед осуществлением угроз, указанных в ее начале. Каково происхождение этих грамот и не стояло

ли оно в связи с объединительной политикой Хаммурапи, мы лишены возможности судить, но не подлежат сомнению два обстоятельства: грамота уважалась ассирийскими царями, так как попала в библиотеку Ассурбанипала, и действие ее можно проследить в истории Вавилона. Ею, вероятно, можно объяснить непопулярность халдеев и Меродахбаладана в Вавилоне и Сиппаре; Саргон рассказывает, что при взятии Дуръякина он выпустил из темницы граждан Сиппара, Ниппура и Вавилона, противозаконно заключенных туда. В дальнейшем мы постоянно видим Сиппар и Ниппур на стороне Ассирии против халдеев и Элама. Может быть, и падение Набонида объясняется тем, что он мало считался с хартией. Что Вавилон обладал такого рода хартиями, на это нам указывает еще один текст, настоящее значение которого впервые определил Винклер. В нем сами вавилонские граждане жалуются царям Шамашшумукину и Ассурбанипалу на нарушение земского мира в их городе следующим образом: «Жалоба вавилонян перед царем. Цари, наши господа, вступая на престол, думали о том, чтобы охранять наши права, и о нашем благосостоянии. Они установили, чтобы мы охраняли женщин, живущих на нашей территории, будь то эламитянки, или из Табала, или арамеянки; они сказали: «боги дали вам разум и мудрый ум; для всех стран Вавилон — связь земель; право и безопасность (общества из) двадцати, входящих в него, гарантированы; имя хартии: «Бурташ-иштин-бит-Бабилу»; даже собака, бегающая по Вавилону, не может быть убита. Во имя Вавилона у нас гарантированы права всем женщинам, которые в нем замужем. Да продолжат цари на век благодеяния, которые они оказали нам». Таким образом, льготная грамота названа по своим первым словам совершенно подобно «Habeas Corpus». Здесь указаны (применительно к случаю) следующие ее пункты: на вавилонской территории никто не может быть лишен права на личную безопасность, и никакая женщина, даже иностранка, не может быть уведена в рабство. Компании до 20 человек могут свободно, под покровительством законов, передвигаться, что было необходимо в интересах торгового центра. Ассирийские цари нередко указывают, что они восстановили права и вольности («кидинуту») Вавилона, и в своих манифестах обязуются блюсти их. Мы знаем также из одной специальной надписи, что Саргон восстановил вольности Ассура, нарушенные его предшественником. У нас есть и документы-подлинники, содержащие льготные грамоты и отчасти служащие комментарием к приведенным текстам. Вавилонские цари почти всегда были слабы внутри и угрожаемы извне; вся история Вавилона заполнена нашествиями с востока и с севера, восстаниями на юге, сменами династий, появлениями самозванцев и узурпаторов. Цари искали себе опоры в жрецах, в городах, в могущественных владетельных фамилиях, влиятельных отдельных лицах. Этим объясняются появления дошедших до нас льготных иммунитетных грамот. Между ними обращает на себя внимание данная Навуходоносором I в бурную эпоху второй половины XII века. После удачного похода против эламитов, долго хозяйничавших в Вавилонии и отторгших от нее целые области, «царь победоносно и радостно возвращался в Аккад».

К нему обратился с просьбой Риттимардук, владетель Бит-Карзиабку, замеченный царем в битве (среди отличившихся), относительно всех городов этой области, лежащей в Намаре, которые при прежних царях были освобождены, но, вопреки их правам, включены были врагами в административный округ Намара. Царь проверил решения, что издревле существовала независимость городов, заключавшаяся в том, что царские слуги и наместник Намара и нагиру не входили в эти города, начальник конюшен не вгонял в них жеребцов и кобылиц, налог быками и овцами в пользу царя и наместника Намара с них не собирался... надсмотрщик коней не входил в них, чтобы набирать лошадей, ограда рощ и пальмовых насаждений не разбиралась, у насыпи Бит-Шамаша и Шанбаша не было моста и дороги, муж Ниппура и Вавилона или какой-либо царский муж не могли арестовывать никого ни в одном городе Бит-Карзиабку. Тогда Навуходоносор освободил города Риттимардука, сына страны Карзиабку, область, принадлежащую Намару, во всем ее объеме на вечные времена.

И солдат, живущих в этих городах, он поставил вне начальства наместника Намара и нагиру (коменданта?)... Далее следуют подписи различных военных, придворных и духовных властей, между прочим, градоначальника Вавилона, наместников различных провинций, между прочим, Намара и т. п. и заклятия, обращенные к будущим наместникам Намара, «будь то сын Хаббана или другой какой, назначенный наместником», против нарушения этой грамоты.

Здесь перед нами восстановление данной раньше льготы. Вероятно, здесь льгота была вызвана желанием привлечь колонистов в эту пограничную с враждебным Эламом область и иметь там преданное население; во всяком случае, и здесь привилегии широкие и во многих отношениях напоминают перечисленные в документе, имеющем в виду Сиппар, Ниппур и Вавилон, например, свободу от содержания лошадей и право не быть арестованным агентами центрального правительства. Интересно упоминание «мужей», вероятно, солдат или полицейских Ниппура и Вавилона на ряду с царскими. Очевидно, эти привилегированные города имели своих солдат, которых иногда царь мог употреблять для поручений, может быть, с согласия городских властей. Кроме того, до нас дошли довольно многочисленные надписи на так называемых «кудурру» — это частью дарственные поземельные грамоты, частью льготные, освобождающие города и области от подати, натуральных повинностей, арестов. Все эти тягости лежали на крестьянах, сказано про Салманасара, нарушившего вольности Ассура, что он смотрел на его граждан, «как на крестьян». Уже в древних сумерийских царствах цари не считались собственниками территории: они сами приобретают за вознаграждение землю у родов (например, обелиск Маништусу). Теперь делает все большие успехи феодализация: цари дают иммунитеты храмам и городам, лены частным лицам. Получается пестрая картина сложных поземельных и государственных отношений при фактической слабости центральной власти и эгоизме сословий, и эта пестрота обусловливает то обстоятельство, что Вавилон, при бесспорном культурном первенстве, играет сравнительно небольшую политическую роль.

Письма Хаммурапи и других царей его династии, надписи его и проч. изданы с переводом King'ом, The letters and inscriptions of Hammurabi. 3 т. Lond, 1900. Письма к Синидиннаму обработаны Delitzsch'ем, Knudtzon'ом и Nagel'ем в IV т. Beiträge für Assyriologie. *Очерк* царствования Х.: Ulmer, Hammurabi, sein Land und seine Zeit. Der alte Orient IX. I. Об имени Х.: Ungnad, в Zeitschrift f. Assyriologie XXIII. Scheil, La chronologie rectifiée du règne de Hammourabi. Mem. de l'Inst. Nat. de Fr. XXXIX, 1914.

Первое издание и перевод *кодекса* Хаммурапи сделаны Scheil'ем в Délégation en Perse, IV. Первый общедоступный перевод: Winckler, Die Gesetze Hammurabis. Der alte Orient IV, 4. Затем появилась необъятная литература, между прочим, Joh. Jeremias, Moses und Hammurabi. Lpz., 1903. Lagrange, Le code de Hammourabi. Revue Biblique, 1903. I. Dareste, Le code Babylonien. Journ. de Savants, 1902 (сопоставления главным образом со средневековыми правдами). Oettli, Das Gesetz Hammurabis, und Thora Israels. Lpz., 1903. St. Cook, The laws of Moses and the Code of Hammurabis. Lond., 1903. Meissner, Aus. d. altbabylon. Recht. Der alte Orient VII, I. D. H. Müller, Die Gesetze Hammurabis, 1903 (талантливое исследование). Kohler—Peiser—Ungnad, Hammurabi's Gesetz. Основная работа по данному вопросу. Пока вышло 4 тома: в 1-м дается перевод, юридическое толкование, изложение права в системе; во 2-м — филологическое исследование; в 3 и 4-м переведены и объяснены деловые документы времени первой вавилонской династии и сделано сопоставление их данных со статьями кодекса. 1904—1910. [Издание продолжается, и в 1923 г. появился уже VI т., в котором Ungnad u. Koschaker дали перевод и юридическое толкование ряда деловых документов]. Cuq, L'organisation judiciaire de la Chaldée a l'époque de la I dynastie. Revue d'Assyriologie, VII (1910).

[Вновь найденные постановления кодекса Хаммурапи, приходящиеся на то место стелы законов, которое было стерто, изданы A. Poebel, Hist. a. gram. Texts. pl. XXXIX. Перевод и транскрипцию см. Orient. Literaturzeit. 1915, стр. 162 сл., ср. также V. Scheil, Les nouveaux fragments

du «Code» (Rev. d'As. XIII, 1916), стр. 49 сл. Обстоятельный юридический комментарий дал E d. C u q, Les nouveaux fragments du Code Hammourapi (Rev. d'As. XIII, 1916, стр. 143 сл.)].

На русском языке имеется затем перевод И. М. Волкова, Законы вавилонского царя Хаммураби. (Вып. I Культ. истор. пам. Др. Вост.). Москва, 1914, перевод первого издания брошюры Винклера, сделанный проф. Лопухиным — Вавилонский царь правды Хаммурапи; и работа проф. Петерб. политехнического института А. Г. Гусакова, Законы царя Хаммураби (Извест. Петерб. политехн. инст. 1904, 1). См. еще: И. Волков, Кодекс Хаммураби. Журн. мин. нар. просв. 1909, февр. В. Муретов, Новооткрытый кодекс Гаммураби и его отношение к Моисееву законодательству. Богослов. вестник 1903, июнь.

Льготные грамоты: Winckler, Zur babyl. Verfassung. Altorient. Forsch. II. Langdon, An early Babyl. tablet of warnings for the king. Journ. Amer. of Orient. Stud., 28. Belser, Die babyl. Kudurruinschriften. Beiträge zur Assyriologie, II. Hinke, A new boundary stone of Nebuchadnezzar I. The Babyl. Expedition of the Univ. of Pennsylvania, D. IV, 1907. [A. Ungnad, Briefe König Hammurapis. Berlin, 1919. Прекрасный сборник с ценным историческим введением. — *Суд и право.* A. Walther, D. altbabylonische Gerichtswesen (Leipz. Semit. Studien VI, 416), 1917. J. G. Lautner, D. richterliche Entscheidung u. d. Streitbeendigung im altbabylon. Prozessrecht. Leipzig, 1922. P. Koschaker, Beiträge z. altbabyl. Recht (Zeitschr. f. Assyr. XXXV, 1924, стр. 193). Интересные выводы на основании сумерийских брачных и наследственных контрактов из Кимнура о соотношении между древним сумерийским правом и кодексом Хаммурапи. M. San Nicolo, D. Schlussklauseln d. altbabylon. Kauf — u. Tauschverträge (из München. Beitr. z. Papyrusforsch. u. antik. Rechtsgesch.), 1922. B. Landsberger, Solidarhaftung von Schuldnern in d. babylonisch-assyr. Urkunden (Zeitschr. f. Assyr. 1923, стр. 22 сл. Отдельные любопытные наблюдения над действующим правом на основании деловых документов сделал Scheil в многочисленных статьях в Rev. d'Assyr. XII, 1915 и т. д. О применении кодекса Хаммурапи в Эламе свидетельствует текст, изданный Scheil'ем в Rev. d'Assyr. XIII, 1916, стр. 125 сл.].

Прежде чем перейти к судьбам Вавилонской державы и Передней Азии после Хаммурапи, рассмотрим в общих чертах культуру той области, политический рост которой мы проследили до объединения ее под главенством города бога Мардука.





ВАВИЛОНСКАЯ РЕЛИГИЯ И КУЛЬТУРА

Великая культура, развившаяся в нижней части передне-азиатского Двуречья, обыкновенно называется вавилонской. Это имя условное. Вавилон был лишь последним звеном ее многовекового развития и ее центром в более близкое к нам время. Сфера ее влияния была весьма обширна и географически и хронологически. Она была основной в Передней Азии; влияние ее сказалось и в классическом мире, в гностических системах первых веков христианства, даже, может быть, в исламе и в средневековой Европе.

Древне-восточные культуры считались откровениями божеств. О вавилонской это можно сказать в особенности. Существовали различные сказания, в которых выразились представления вавилонян о божественном происхождении их цивилизации. Известен сохраненный Беросом и пока не найденный в клинописи миф, о разумном рыбоподобном существе Оанне и его преемниках Аннедотах, выходивших днем из моря и учивших людей «письму и наукам, и различным искусствам, и построению городов, и законодательству, и земледелию, и храмозданию, и землемерию»... «С тех пор, говорит он, ничего не изобрели, что выходило бы за пределы этого... Оанн написал и книгу и передал ее людям». Клинописное сказание о седьмом допотопном патриархе, царе Сиппара Энмедуранки, повествует, что этому любимцу богов Шамаш и Адад поведали тайны Ану, Энлиля и Эа и вручили скрижали таинств неба и земли, которые он потом передал своему сыну. На небесах находятся, кроме того, «скрижали судеб» и «книги повелений богов и жизни людей», владеющий которыми является верховным владыкой неба и земли. Небо — прототип земли, все земное создано по образцу небесного, между тем и другим — неразрывная связь: небо проявляет себя, помимо предвечных откровений, и ежедневными — в явлениях природы, особенно в небесных светилах.

Вавилонская религия должна была носить сложный характер, так как она в своем окончательном виде была результатом взаимодействия двух рас и, кроме того, продуктом тысячелетней культуры. Вообще, разобраться в истории ее развития едва ли возможно. До нас дошло множество имен божеств и духов, как сумерийских, так и семитических; в большинстве случаев одно и то же божество носит имя на двух языках; сумерийские имена носят и храмы, даже на севере. Боги имеют космический, солнечный, а затем и астральный характер; вместе с тем, они являются местными покровителями городов или областей. Покровители местностей, превратившихся в могущественные города, делались великими богами и сопоставлялись с каким-либо из божеств светил или сил природы; с другой стороны, возникавшие города могли

избирать себе специальных покровителей из великих духов природы. Божество неразрывно связано с судьбами своего города: оно правило им через царя — свое земное подобие, своего наместника и жреца, оно охраняло его от врагов, его величие росло с расширением пределов городской территории; если его народ присоединял другие города, то божества подчиненных становились в подчиненное положение к нему; наоборот, увезение изображения божества из города и разрушение его храма было равносильно политическому уничтожению города. У мужских божеств были супруги; эти женские энергии были довольно бесцветны и искусственны. Но на ряду с ними, в каждой из древних религий есть богиня, играющая более самостоятельную и самодовлеющую роль и олицетворяющая собою земное плодородие, а затем планету Венеру.

Уже в древнейшей Ширпурле-Теллох мы встречаем большое количество божеств, сначала без системы, а потом (при Гудеа) в некотором богословском порядке. Имена их сумерийские и часто указывают на местный характер. Например, Нингирсу (значит «Владыка Гирсу») был первоначально богом квартала Гирсу, некогда самостоятельного города. Как бог древнейшей части города, он считался богом-покровителем государства, был богом войны, заботился о благосостоянии и плодородии своего государства. В другом древнем квартале Уруазагга почиталась богиня Бау. Соединение кварталов повлекло за собой брак богов: Бау была объявлена супругой Нингирсу. Уже при Гудеа замечается богословская классификация множества имен.

В эпоху больших объединительных сумеро-семитических монархий мы видим большой прогресс религии. Старые наивные представления о капризных, ограниченных, даже не бессмертных богах, отличающихся от людей лишь силой, какими они еще отчасти выступают в мифах, заменяются благоговейным почитанием всемогущих, всеведущих, премудрых, правосудных и вечных идеальных существ, хранителей мира и нравственного мирового порядка.

Во главе пантеона удержалась верховная сумерийская космическая триада из древних А н у, Э н л и л я (Эллиля, Иллиля) и Э а, олицетворяющая три части вселенной. Ану — непостижим и далек; Энлиль — могуч и царственен; Эа — премудр и свят. Кроме них, большим почитанием пользовались следующие, более близкие к людям божества, отчасти носящие уже семитические имена.

С и н, бог месяца, иначе Наннар, почитавшийся первоначально в Уре и Харране и, благодаря продолжительному господству династии Ура, завоевавший себе одно из наиболее видных мест в религиозном сознании вавилонян, считался сыном ниппурского Энлиля, где вместе с ним и его супругой Нинлиль составлял высшую триаду. Он был отцом бога солнца, Шамаша. Последнее объясняется, может быть, тем, что вавилоняне начинали день с вечера. Сумерийское имя его Эн-зу («владыка премудрый»). Ш а м а ш, бог Ларсы и Сиппара, иначе, по-сумерийски, Уту или Баббар, был богом солнца и света. Его свет вносит ясность в дела; отсюда он был богом правосудия и карателем злых, был губителем темной, злой силы, богом прорицаний и оракулом; олицетворенное право и суд считались его дочерьми; отсюда и Хаммурапи поместил на своем своде законов изображение Шамаша. Его изображали в виде старца, сидящего в зале суда. Он разрешает оковы, врачует больных и даже воскрешает мертвых, помогает слабому и низлагает сильного. Люди и боги радуются его свету. Возможно, что, как и у южных семитов (и у лулубеев), он первоначально был женским божеством, но потом, слившись с Баббаром, передал женский характер своей супруге Айа. Другим богом солнца был Н и н и б (чтение сомнительно; Унгнад предлагает Нинурта; теперь последнее чтение общепринято). Это был бог утреннего солнца, милостивый, исцеляющий, прощающий, но, вместе с тем, он назывался воином Энлиля и был богом войны и охоты. Иной характер носила третья форма солнечного божества Н е р г а л (сумерийское имя; первоначально, может быть, Энуру-гал, «владыка обширного жилища»), центром культа его была Кута. Он олицетворял разрушительную силу солнечного жара, был богом войны, чумы, смерти и

преисподней («обширного жилища»). Богом палящего солнца и, преимущественно, огня был Гирру или Гибиль, «первородный сын Ану», освещавший тьму и исцелявший человечество от ран, наносимых духами тьмы, от колдовств и волхвований. Самостоятельной женской богиней пантеона была Истар (Иштар имя семитическое, этимология сомнительна), объединившая в себе многих древних сумерийских богинь, каковы Нина, Иннина, Анунит и др., а потому в разных местностях носившая различный характер. В Эрехе она считалась дочерью Ану, богиней вечерней звезды — Венеры, покровительницей чувственности; культ ее сопровождался развратными обрядами и оргиями. В Агаде она была богиней утренней звезды. Как планета Венера, она, естественно, была дочерью бога неба, но в то же время имела отношение и к луне, а потому считалась иногда дочерью Сина и, как богиня яркой и заметной планеты, называлась царицей неба, водительницей звезд — воинств небесных, а затем богиней войны и охоты. В то же время, как богиня любви и женского плодородия, она была и покровительницей материнства, помощницей в родах, виновницей человеческого бытия (отсюда ее эпитет: «горшечница» и изображения с младенцем на руках). Как богиня плодородия, она ежегодно любит юного бога растительности и весны Таммуза (имя сумерийское), Думузи, который ежегодно умирает после кратковременного пышного расцвета, под разрушительным действием летних жаров. Истар оплакивает его и сходит в преисподнюю его разыскивать. Это представление имело чрезвычайное распространение во всем древне-восточном мире, в Вавилонии, кроме того, оно отразилось и на изложении политических событий. Таммуз и Истар сделались защитниками от нашествий орд, напиравших с севера, страны зимы и мрака, и олицетворявших собою силы, враждебные светлым божествам плодородия и благоденствия. Богом грозовых явлений природы, ветра и бури был Адад, может быть, западного происхождения, носивший и другие имена: Бир, Бирку — «Молния» и др. Впрочем, как бог дождя, он имел и благодетельную сторону. Аттрибутами его были пучок молний и молоток; рев бури и шум дождя считались его свойствами.

Кроме этих великих богов, вавилонский пантеон знал множество мелких духов, добрых и злых, большею частью идущих от древних анимистических представлений. Небесные духи обыкновенно объединялись под именем Игиги, земные и подземные — Анунаки. И те и другие стоят в зависимости от бога Ану и участвуют в совете богов, когда решаются судьбы земли и людей. Число их неопределенно, их насчитывают то 8 или 9, то 300 или 600. Кроме того, у каждого человека был свой бог-хранитель или богиня-хранительница (ilija, «мой бог»), которые предстательствуют за него перед верховными богами, гневаются за грехи и примиряются с ним после покаяния; обычная приписка в письмах: «твой бог-хранитель да поднимет твою главу ко всему доброму». Бога-хранителя имел и дом, где для него была ниша, и улица, и целая страна. Наконец, добрые духи могли всегда окружать благочестивого и справа и слева, и сзади и спереди. Но были и злые духи, также посланники Ану, хотя большею частью называвшиеся исчадиями ада, жителями степей и пустынь, откуда веют гибельные ветры. Против них нет ни дверей, ни запоров; они проползают, как звери, проникают, как воздух, чтобы мучить людей, разрушать семейное согласие и дружбу. Они не знают пощады, пожирают плоть и пьют кровь, связывают руки и ноги, вливают яд. Они ходят по семи, но у каждого человека, кроме того, есть свой специальный враг, подобно тому, как есть хранитель. Прогневавший бога и своего хранителя попадает в руки bel dababi, «господина преследования». Существовало представление также об особом духе смерти — «ekimmu», который блуждал повсюду, насылая болезни. Сохранились изображения этих вавилонских диаволов — это большею частью крылатые, звероподобные фигуры. Средства от них — заклинания.

Возвышение Вавилона повлекло за собой некоторые изменения в пантеоне. Бог Вавилона должен был занять первое место. Таким богом был Мардук, также имевший еще сумерийское имя. Это было божество весеннего солнца. Династия Хам-

мурапи действительно возвела его на степень верховного бога, солнечное значение которого скоро отошло на второй план пред политической ролью покровителя владык мирового города. Первый член верховной триады — Ану — не был опасен: он был слишком высок. Второй — древний Энлиль ниппурский, до сих пор наиболее чтимый бог, идеальный царь сумерийской Вавилонии, — должен был уступить ему свое место даже как творец мира; говорится, что Энлиль, царь неба и земли, передал Мардуку, первородному сыну, владычество над четырьмя странами света и свое имя «владыки стран». Слили Мардука с Энлилем и стали называть его по-семитически «Бел», т. е. господь. Третий член триады — премудрый Эа — также был весьма почитаем и едва ли не более популярен и близок к людям, чем «воитель» Энлиль. Поэтому Мардука объявили его «первородным сыном», которому отец уступил милостиво свои права и свою силу, свою роль в мироздании, который радуется его торжеству и принимает его посредничество между собой и человечеством. Все удрученные могли молиться Мардуку, а тот уже ходатайствовал пред своим отцом. Последний объявляет, что его воля тожественна с волей сына, которому он и давал указания. Наконец, у Мардука был еще важный соперник в непосредственной близости — бог соседней с Вавилоном Борсиппы. Здесь издревле почитался бог Набу или Небо, по значению близкий к Эа и бывший богом мудрости (имя уже семитическое — значит «вещатель»), письма и судеб. Хаммурапи и его преемники избегают его культа как опасного для их Мардука. Но культ Набу был уже популярен и его оттеснить не удалось. Тогда Набу объявили сыном Мардука; его храм снова получил значение, и даже в самом Вавилоне, в мардуковой Эсагиле, Набу получил придел у своего «отца». Ежегодно справлялись процессии из одного храма в другой — сын посещал отца, который потом часть пути провожал его.

Возвышение Мардука имело важное значение для упрощения пантеона, особенно благодаря тому, что Вавилон окончательно завоевал себе господствующее положение и приучил к верховенству своего бога. Вавилонские цари в своих надписях уже не следуют примеру владетелей Теллоха нагромождать как можно больше имен божеств; параллельно с этим, многочисленные местные божества низводятся на степень простых духов и демонов, если их не удавалось слить с высшими божествами. Этот процесс шел все дальше вперед, и в последние времена вавилонской культуры в сознании образованных классов народа в качестве богов в настоящем смысле этого слова остались почти только Мардук и Истар, а прочие были забыты или отожествлены с ними. Содействовал упрощению религиозных верований и развившийся мало-помалу астральный характер религии. То, что уже в клинописи идеограммой бога служит знак звезды, доказывает, что уже в глубокой сумерийской древности астральный характер не был чужд представлениям о богах. Затем астрализация божеств производится последовательно: Мардук был сопоставлен с планетой Юпитером и созвездием Тельца, Набу — с Меркурием, Ниниб (Нинурта) — с Сатурном и созвездием Ориона, Нергал — с Марсом, Истар — с Венерой, Сириусом и, может быть, созвездием Девы, семь злых духов — с Плеядами. Светила, особенно планеты, считались проявлениями силы того или другого божества; оно действовало и объявляло людям свою волю чрез них (ἑρμηνεῖς у Диодора); мало-по-малу выработалось представление об единой божественной силе, проявлявшей себя во множестве видимых форм и носившей, сообразно этому, множество различных наименований. Эта ступень к монотеизму, как доказывает Jeremias, была достигнута главами вавилонской религии, которые наглядно выразили свои убеждения в часто цитируемом позднем тексте, в котором боги объявляются различными проявлениями Мардука: «Ниниб (Нинутра) — Мардук силы; Нергал — Мардук битвы; Энлиль — Мардук власти и царства»... Это было последним словом учения вавилонских жрецов.

Семи светилам (солнцу, луне, пяти планетам) соответствовали семь небесных пространств. Небо опиралось на землю при помощи «мировой горы», жилища Энлиля. Оно имело двое ворот для восхода и заката солнца и луны. Земля была центром мира;

она покоилась на водах и была окружена водами. Кроме того, под нею была преисподняя, вход в которую находился на западе, в области солнечного заката и мрака, а также пустыни, обиталища демонов. Самое подземное царство представлялось окруженным семью стенами: покойник проходил чрез семь ворот, охраняемых стражами; пройдя все врата, он подводится двумя демонами к Анунакам, которые судят его с богиней Маммету. Смысл этого суда и его последствия неясны. Известно только, что павшие в бою получали доступ к чистой воде, тогда как лишенные погребения должны были бродить, не находя покоя; не получавшие от родных заупокойных даров должны были довольствоваться отбросами. Весьма возможно, что у вавилонян выработалось и представление о воздаянии за гробом по заслугам, но вообще то, что рассказывают их тексты о подземном царстве, безотрадно. В этом отношении характерен дошедший до нас эпический отрывок о схождении богини Истар в преисподнюю: «В страну без возврата... направилась Истар, дщерь Сина... К дому мрака, жилищу Иркаллы (т. е. Нергала), к дому, входящие в который не выходят, на стезю, не выводящую назад, к дому, вступающий в который изъят от света, к месту, где пищей служит прах, едой — земля, где не видят света и живут во мраке, где одеты, как птицы, в перья, где на вратах и засовах прах»... Подойдя к вратам, Истар требует впуска: «Привратник, открой твою дверь. Открой твою дверь, чтобы войти мне. Если ты не откроешь дверей, и я не буду в состоянии войти, я разобью дверь, сломаю засов, сокрушу верси, оторву створки, выведу покойников; они будут есть и жить и станет мертвых больше, чем живых [«и станет живых больше, чем мертвых» согласно новому списку мифа, найденному недавно в архиве Ассура]. Страж докладывает об Истар царице ада Эрешкигаль. Та приходит в ярость и печаль и отвечает: «Ступай, страж, открой дверь, поступи с нею по древним законам». Истар пропускают чрез все семь врат, снимая у каждого входа какую-либо часть одежды (тиару, серьги, ожерелье, нагрудник, пояс, запястья, передник), и она входит в преисподнюю нагая. Богини, встретившись друг с другом, злобствуют. Истар запирают и насылают на нее 60 болезней. Но в это время на земле прекращается любовь и грозит угаснуть всякая жизнь. Тогда Шамаш обращается к Сину и Эа: последний, как премудрый бог, создает какого-то Асушунамира (?) [(названного в ассурском списке Аснамиром)] и посылает его в преисподнюю. Тот является и достигает того, что Эрешкигаль приказывает окропить Истар живой водой и увести чрез все врата, возвращая ей все одеяния. Точно так же и Таммуз был омыт чистой водой, умащен, одет в красное платье... По другому мифу, в преисподней царит бог смерти Нергал. Боги пируют на небе и посылают к своей сестре Эрешкигаль в ад приглашение взять чрез посла свою долю, так как самой ей нельзя явиться на небо. Та посылает Намтара. При появлении его все боги поднимаются с мест, кроме Нергала. За оскорбление Намтара и его богини совет богов приговаривает Нергала к выдаче и смерти. Но Эа разрешает своему сыну Нергалу взять с собой 14 демонов-лихорадок. Подойдя к вратам ада, Нергал требует впуска. Намтар узнает его, докладывает о нем, и его впускают, чтобы убить. Но он ставит у каждого входа в ад по два демона, одолевает Намтара, схватывает Эрешкигаль и хочет отрубить ей голову. Та просит о пощаде: «Ты должен быть моим супругом, я—твоей женой; я предоставлю тебе царство в обширной земле, я дам тебе в руки скрижали судеб, ты будешь господином, я — госпожею». Нергал соглашается и делается царем преисподней, «обширной земли», по вавилонскому евфемизму. Как этот миф, так и предыдущий — натуралистичны. Богиня земного плодородия сходит в ад и невидима в течение бесплодного времени года; солнце скорбит о ней и снова вызывает ее из ада вместе с ее юным любимцем — весной. Нергал сходит в ад, как бог летнего солнца, палящего в то время года, когда убывают дни; мифом об его схождении вавилоняне объясняли себе превращение бога солнца в бога смерти и преисподней. Натуралистический характер носили и другие вавилонские мифы, поскольку они не находят себе толкования как астральные: иногда астральный характер соединяется с натуралистическим.

Вавилонские сказания о *мироздании* мы имеем в редакциях ассирийского времени, дошедших до нас из Куюнджикской библиотеки Ассурбанипала [и из архива Ассура], но, повидимому, ассирийские писцы ограничивались простым переводом той формы мифа, которая выработалась в Вавилоне и где главная роль приписана богу Мардуку вместо древнего Энлиля. Кроме того, довольно близко к клинописному оригиналу передаются сказания у Бероса и Дамаския. Текст сказаний дошел до нас на семи табличках [и может быть теперь путем сопоставления куюнджикских таблеток и фрагментов из Ассурского архива более или менее восстановлен]; по первым словам он называется — «enuma elisch» — «когда горе (вверху)».

Первая табличка [может быть теперь почти полностью восстановлена на основании нового материала из Ассура. Она] начинается описанием первобытного хаоса. «Когда горе небо еще не получило имени (т. е. не существовало), и долу суша не была названа, Апсу первобытный, создатель, Мумму и Тиамат, родившая всех их, смешивали свои воды. Не было поля (?), острова (?) не было видно, никто из богов еще не произошел, никто не имел имени, не были определены жребии. Тогда были созданы боги»... Перечисляется генеалогия богов: Лахму и Лахаму, Аншар и Кишар, наконец, Ану, Энлиль и Эа. Против явившихся и мешающих их покою богов, Апсу и Мумму составляют заговор; причина — «путь», т. е. способ действия новых богов, желающих порядка в хаосе. [Апсу решает уничтожить богов, своих детей. Его жена Тиамат, кажется, не советует ему этого делать, но Мумму, играющий роль их визиря, решает дело в пользу Апсу и советует прибегнуть к самым суровым мерам. Когда боги узнают о грозящей им опасности, их охватывает ужас, но мудрый Эа устраняет опасность. Заклинанием он усыпляет Апсу и убивает его, а Мумму он лишает мужества и связывает. После своей победы Эа строит себе на краю океана дом и жена ему рождает Аншара (может быть, это Ассур, иной раз называемый Аншар, а может быть и Мардук). Образ Аншара восхваляется самыми восторженными словами: «С чрезвычайным искусством создан его образ. Его нельзя понять и трудно смотреть на него. 4 глаза и 4 уха у него. Если он двигает своими губами, светится огонь. У него растут 4 уха и столько же глаз усматривают все»]. После гибели Апсу и Мумму остается непобежденной Тиамат. Она решается отомстить богам за смерть своего мужа и вооружается против богов. Она создает чудовищ: змей, драконов, псов, человеко-скорпионов, рыбо-людей, всего 11, которые должны были помогать ей; старший из этих исчадий — Кингу — делается, вместо Апсу, ее супругом, предводителем полчищ и хранителем скрижалей судеб, которые она кладет ему на грудь со словами: «Твое повеление будет неизменным, пусть твердо стоит изречение уст твоих». (Т а б л. 2). Об этих приготовлениях тот же премудрый Эа сообщает Аншару, который предлагает Ану итти на бой, но тот не мог встретить Тиамат и вернулся; то же случилось и с Эа. Тогда Аншар обращается к Мардуку (первоначально к третьему богу триады — Энлилю). Последний соглашается, но при условии, чтобы в случае победы ему было предоставлено первое место, особенно в деле определения судеб. «Если я усмирю



Борьба Мардука с Тиамат.

Тиамат и избавлю вас, соберите собрание, возвысьте и возвестите мою судьбу. Сядьте вместе в Упшукиннаке с радостью, я хочу моим, вместо вашего, голосом решать судьбы. Не должно быть изменяемо то, что я создал, не должно быть отменяемо повеление уст моих». (Т а б л. 3). Аншар созывает собрание богов и излагает им суть дела; тогда «великие боги, определяющие судьбы, пришли пред Аншара, наполнили его чертог, облобызались, сели пировать, ели белый хлеб, пили вино. Сладкий напиток лишил их смысла... они были утомлены и уступили Мардуку, своему отмстителю, судьбы». (Т а б л. 4). Мардук, как верховный небесный бог, сел на трон; ему сказали: «ты прославлен более всех великих богов, твоя судьба несравнима, твое повеление — Ану, твое приказание неотменимо, в твоей власти да будет возвышать и унижать... мы даем тебе царскую власть над всей вселенной, о Мардук, наш отмститель». Мардук доказывает, что он способен творить чудеса; перед глазами собрания он делает невидимым одеяние, и снова возвращает его. Боги убеждаются в его могуществе и поощряют к битве. Мардук снаряжается. Он берет лук, стрелы, колчан, божественное оружие, молнию и сеть; свиту его составляют ветры; главное его оружие, впрочем, было какое-то «абубу», может быть, «поток пламени». «Он создал новый злой ветер, ураган, стремительную бурю, четверной ветер, седьмеричный ветер, вихрь, невыносимую бурю. Он выпустил все ветры, созданные им, все семь, чтобы смутить Тиамат»... Затем он восходит на боевую колесницу и мчится на бой, произнося заклинания и держа в руках «траву волхвования». Воинство Тиамат приходит в ужас, но сама она обращается к Мардуку с дерзкою речью; тот упрекает ее в отпадении от богов. Затем, после словесного, начинается действительный бой. «Сходятся Тиамат и вождь (?) богов Мардук, на битву и бой. Владыка простирает свою сеть, охватывает ее, пускает против нее бурный ветер. Когда Тиамат открыла пасть, чтобы поглотить (?) его, он вгоняет туда ураган, чтобы она не могла закрыть рта. Ветры наполнили ее тело... Он пронзил ее копьем, разорвал, разрезал внутренность, растерзал внутренности, уничтожил ее жизнь, труп бросил и стал на него». Потом он ловит свиту и чудовищ Тиамат и связывает их, наконец, и самого Кингу, у которого исторгает скрижали судеб. Затем он возвращается к трупу Тиамат, разрубает его на две части, половину поднимает вверх и делает небом, запирает засовом и приставляет сторожей, чтобы не давать воде излиться... «Измерив океан, владыка воздвиг великий дворец подобный ему — Эшару, в дворце Эшара, который он выстроил, как небо, он дал жить Ану, Энлилю и Эа в их городах». Таким образом, вавилонская триада поселилась во дворце, который является символом вселенной. Т а б л. 5 подробно рассказывает о сотворении небесных светил, знаков Зодиака и их отношении к 12 месяцам, северного полюса; затем в потерянной части, очевидно, шла речь о создании растений и животных. Ценные дополнения дает архив Ассура для 6-й т а б л и ц ы, повествующей об увенчании творения созданием человека. Она начинается следующими торжественными словами: «Услыхав речь богов, Мардук пришел к мысли сотворить премудрое. Он отверз уста свои и сказал богу Эа то, что он мыслил в глубине души, сообщил ему: «Кровь соберу я, кости соберу я, сотворю человека, именно человека... хочу я создать человека, чтобы он жил на земле и чтобы на него было возложено служение богам»... [«и чтобы те (т. е. боги) имели покой». По совету Эа, боги убивают Кингу, соратника Тиамат, из его крови создают людей. В благодарность за благодеяния Мардука, боги решают сделать ему подарок и построить ему небесный Вавилон с храмом Эсагила, в котором они могли бы отдыхать во время посещения своего владыки. Храм заканчивается на второй год работы и боги справляют пир, во время которого лук Мардука устанавливается на небе. После гимна в честь Мардука боги призываются назвать его 50 имен]; боги снова собираются в зале Упшукиннаке и прославляют Мардука. 7-я т а б л и ц а содержит гимн ему, как творцу вселенной, и перечисление 50 имен его, соответствующих проявлениям его силы. Между прочим, читаем здесь следующее: «Он дает жизнь мертвому, он, умилосердившийся над пленными богами и снявший иго с богов. Создал он людей для их избавления, милосердный:

в его власти оживлять. Да будут непоколебимы и не забыты изречения его в устах черноголовых, которых создали его руки».

[Теперь установлено, что эта мифологическая поэма являлась богослужебным текстом новогоднего праздника (см. ниже). Кроме enuma elisch, мы знаем еще около десяти клинописных версий мифа о мироздании. Среди них заслуживает внимания найденная в Ассуре двуязычная таблетка, сумерийский текст которой является первичным, а ассирийский — неточным переводом с сумерийского оригинала. Таблетка повествует о центральном событии мироздания — о сотворении людей.

После того как небо и земля были созданы, их судьбы утверждены и было установлено направление каналов и рвов, а также Евфрата и Тигра, то тогда великие боги Ану, Энлиль, Шамаш и Эа призвали к себе Анунаков, богов, устанавливающих судьбу, и обратились к ним с вопросом: «Что мы должны изменить? Что мы должны создать? О Анунаки, великие боги! Что мы должны изменить? Что мы должны создать?» Анунаки им отвечают: «В Узумуа, стыке неба и земли, мы зарежем бога Ламга, бога Ламга (Сина). Из их (?) крови мы создадим человечество. Служба богам пусть будет их службой на веки вечные». Затем следует определение этой службы: построение храмов, сельско-хозяйственные работы, справление праздников богов и исполнение предписаний культа. За усердную службу люди будут награждены обилием быков, овец, ослов, рыб и птиц и «там, где было создано человечество, там будет пребывать богиня Нисаба (богиня зерна)». Подобную же версию мифа о сотворении передавал и один из древне-вавилонских текстов. Здесь Энки (Эа) дает прочим богам совет зарезать одного из богов, чтобы богиня Нинхарсаг, смешав его кровь и плоть с глиной, создала бы людей. О сотворении людей из глины и без убиения бога повествовал, кажется, один из ассурских фрагментов, на основании которого служительницы богини Аруру создали людей. В эпосе Гильгамеша сама Аруру создает из глины и своей слюны (?) Энкиду]. Берос в III в. до н. э. передает лишь версию о сотворении людей из крови убитого бога и глины: «Когда Бел (т. е. Мардук) увидал, что земля необитаема и не обработана, он повелел одному из богов отрубить себе (?) голову, смешать с землею текущую кровь и создать человека и животных».

Попытки толкования мифа о мироздании начались уже в древности. Еще Берос, несмотря на свой жреческий сан, сознается, что для него все это лишь естественно-историческая аллегория. «Когда все было еще влагой, в которой находились живые существа, Бел рассек мрак пополам, отделил небо от земли и устроил вселенную. Звери же (т. е. чудовища Тиамат), не будучи в состоянии вынести силы света, погибли». Действительно, создание мира в этом мифе является результатом сначала победы мирового порядка над хаосом, потом — в вавилонской редакции — света (Мардука — бога солнца) над олицетворением мрака — хаосом, в лице Апсу и Тиамат.

Другой, правда, поздний, но хорошо осведомленный в восточных учениях писатель Дамаский (современник Юстиниана, «последний язычник») также интересовался вавилонской космогонией. Он говорит: «Вавилоняне принимают не одно, а два начала вещей: Тауфе и Апасон, делая из Апасона мужа Тауфе и называя последнюю матерью богов, родившей единородного сына Мумия. Это, как я думаю, — познаваемый мир, происшедший из двух начал. От них произошло другое поколение — Лахи и Лах, затем третье от этих — Киссар и Ассор, от которых родились трое: Ан, Иллин и Ао. От Ао и Давки родился сын Вил (Бел), которого называют демиургом». Большего соответствия вавилонскому эпосу нельзя требовать: не забыта даже жена Эа и мать Мардука, Дамкина. Винклер находит возможным считаться и с толкованием Дамаския. На основании арабской этимологии, он считает Мумму действительно термином для обозначения знания, представления и, путем игры слов, — мира представляемого в месте и во времени; этимологически его имя может быть объяснено как ипостасирование божественного слова. Таким образом, четыре поколения богов соответствуют якобы четырем космическим векам (ср. Гезиода и Овидия), но идущим к усовершенствованию и сменяющим друг друга после борьбы богов, своих предста-

вителей. Эта борьба, равно как и подмеченный уже Дамаскием дуализм, еще совершенно не имеют этического характера, но впоследствии, особенно в руках других народов, получили его и сообщили поэме, редактированной с политической целью возвеличения Вавилона и его бога-покровителя, великую будущность. Как мы увидим ниже, вавилонская космогония имела большое распространение в соседних странах и оставила глубокий след в их культуре.

Среди документов из Телль-Амарны оказался текст мифологического содержания, служивший для упражнения египетских чиновников в вавилонском языке и снабженный их пометками. Несколько более мелких фрагментов того же мифа были найдены в библиотеке Ассурбанипала. Этот текст, прошедший, таким образом, весь тогдашний культурный мир, заключает в себе своеобразное повествование об утраченном человеком случае сделаться бессмертным. Адапа, сын и создание бога Эа, его «человеческая отрасль» (следовательно, человеческий брат Мардука), наделен от своего отца всякой премудростью («дал ему созерцать внутренности неба и земли»), но не бессмертием. Он поставлен у святилища Эа в Эриду, как жрец и премудрый, обязанный наблюдать за тем, чтобы храм не имел недостатка в хлебе и воде, и ловить для его потребностей рыбу. Бог Ану хочет превзойти Эа и наделить Адапу, кроме того, бессмертием. Однажды, когда Адапа плыл по тихому морю, налетел внезапно южный ветер. Адапа сбросил его с проклятием в воду, сломав крыло, так что он 7 дней не мог дуть. Тогда небесный бог Ану требует Адапу к ответу. Эа, провожая своего сына на суд, советует ему надеть траурное платье, чтобы разжалобить стоящих у входа во дворец Ану богов Таммуза и Гишзиду, и тем склонить их к ходатайству в свою пользу... «Когда ты предстанешь пред Ану, тебе будут предлагать пищу смерти — не ешь ее; тебе поднесут воду смерти — не пей ее. Одежду тебе дадут — надень ее; тебе предложат елей — умастись им». Все оказывается согласно предсказанию Эа. Ану встречает Адапу криком: «нет пощады», но после заступничества Таммуза и Гишзиды перелагает гнев на милость и опять хочет превзойти Эа в совершенстве его творения. Он велит предложить Адапе хлеб жизни и воду жизни, одеяние и елей. Согласно совету Эа, он отказывается от первого, считая предложения Ану хитростью. Тот дивится и восклицает: «Зачем, Адапа, ты не вкусил и не выпил? Ведь ты теперь не будешь жить вечно». — «Эа, мой отец, повелел мне: не ешь, не пей». «Возьмите его и возвратите обратно на его землю». Однако, затем, по просьбе Эа, как гласит один фрагмент другого варианта мифа, Ану возносит Адапу в зенит и устанавливает в Эриду особое жречество в честь его. Итак, человечество прощено и вознесено.

У вавилонян было представление о допотопных патриархах, которые у них считались царями и имена которых, а также место происхождения, переданы у Бероса. 1. Алор, 2. Алапор, 3. Амелон, 4. Амменон, 5. Мегалор, 6. Даон, 7. Эведорах, 8. Амемпсин, 9. Отиартес (может быть, Опартес), 10. Ксисуфр. Первые происходили из Вавилона, следующие 5 из Пантибибла, восьмой и девятый из Ланхар. Относительно десятого Берос не сохранил нам традиции о месте его происхождения. В клинописной литературе находили до недавнего времени только уже известного нам седьмого — Эведораха, в форме Энмедуранки. При последнем, который у Бероса называется Ксисуфр, произошел потоп. 10 допотопных царей, как доказывает Циммерн, соответствуют 10 месяцам космического года, закончившегося катастрофой, после которой наступил новый мировой период. Космические годы — это были целые периоды (эоны), состоявшие из множества лет; отсюда необычайная продолжительность 10 царей, в общей сумме показанная у Бероса в 120 сар, т. е. 432 000 лет. [В 1922 г. была приобретена Ashmolean-музеем таблетка, содержащая столь долго ненаходимый сумерийский оригинал списка 10 царей-патриархов, правивших до потопа. Судя по автографии издателя Langdon'а, таблетка относится к эпохе династий Ларсы и Исина.

«Алим (?) правил 67 200 лет. [А]лальгар правил 72 000 лет. 2 царя в Хабуре [...] Кидунну... правил 72 000 лет [...]укку (?) правил 21 600 лет. Они сделали...

2 царя в Ларсе. [...]зи, пастух овец правил 28 800 лет. [...] Эклуанна правил 21 600 лет. 2 царя в Бадтибира [...]сибзианна правил 36 000 лет. 1 царь в Лараке. Энмедуранна правил 72 000 лет. 1 царь в Сиппаре. Арадгин, сын Убуртуту, правил 28 800 лет. Зиудсудду, сын Арадгина, правил 36 000 лет. 2 царя в Шуриппаке. [10] царей до потопа». Цифры лет правления отдельных патриархов в списке сумерийском и в списке Бероса не тожественны, а потому и не совпадает общая сумма лет правления царей до потопа в обоих списках. Если у Бероса она равняется 432 000 годам, или 120 сарам, то в таблетке Ashmolean-музея она исчисляется в 456 000 лет или $126^2/_3$ саров. Может быть, и в именах царей сумерийский список несколько отличается от списка Бероса. По крайней мере только немногие из этих только что перечисленных сумерийских патриархов могут быть без колебания отожествлены с соответствующими именами из Беросовского списка «допотопных царей». К этим немногим именам принадлежит несомненно Энмедуранна сумерийского списка, соответствующий определенно Эведораху Бероса. Но если эти два имени бесспорно тожественны, то зато положение их в порядке перечисления списков различное. Эведорах Бероса является седьмым из царей, а Энмедуранна сумерийского текста восьмым. На седьмом же месте перечисления в таблетке Ashmolean-музея [...]сибзианна, может быть, и тожественный с восьмым патриархом Бероса, с Амемпсином. Арадгин, девятый царь вновь найденного текста, имеет свой эквивалент в Ардате, который согласно одной из традиций текста Александра Полигистора (Синкелл, 30 = Berossi Chaldaei fragm. 7) являлся девятым царем-патриархом. Отец Арадгина Убуртуту может быть с большой вероятностью сопоставлен с Отиартом (наверное описка первоначального Опартес), являющимся согласно обычной традиции Беросовского текста девятым патриархом. Зиудсудду, конечно, соответствует Ксисуфру. Что касается списка городов и столиц сумерийских патриархов, то он не совсем совпадает со списком Бероса. Перечень городов таблетки Ashmolean-музея ближе подходит к перечню «допотопных» городов, сохранившемуся в вышеупомянутом сумерийском мифе мироздания ниппурской библиотеки. Пять прагородов, перечисленных в этом тексте, следующие: Эриду, Бадтибира, Ларак, Сиппар и Шуриппак. Бадтибира, Ларак, Сиппар и Шуриппак перечислены в том же порядке и в таблетке Ashmolean-музея. Отожествив Хабур с Эриду, мы получим в качестве единственного различия обоих перечней одно лишь упоминание Ларсы в сумерийском списке патриархов, перечисляющем этот город на втором месте между Хабуром-Эриду и Бадтибира. Подобное почетное упоминание Ларсы придется, я думаю, поставить за счет локального патриотизма составителя таблетки Ashmolean-музея, происходившего наверное из Ларсы. Локальный же патриотизм и был, очевидно, причиной замены в Беросовском списке Хабура-Эриду Вавилоном. Отсутствие же Сиппара в тексте Бероса объясняется, вероятно, соперничеством Вавилона с этим городом, продолжавшим играть и в вавилонский период крупную роль. Пантибибл-Бадтибира (Эрех?) и Ланхары-Ларак (город, находящийся недалеко от Лагаша) могли быть упомянуты вавилонским патриотом, так как оба эти города, наравне с прочими городами Сумира, во втором тысячелетии уже потеряли свое былое значение и не являлись поэтому соперниками Вавилона в гегемонии над югом Двуречья].

По данным клинописного фрагмента, найденного Шейлем и относящегося к 11 году Аммисадуги, предпоследнего царя первой вавилонской династии, следует, что при царе Атра-Хасисе («премудрейший» — греч. перестановка Ксисуфр) грехи людей заставили богов наслать на них засуху, а когда и это не помогло, то потоп. Тот же самый миф является содержанием фрагмента, дошедшего до нас из библиотеки Ассурбанипала. Согласно этому тексту, на шестой год дошло до того, что люди стали есть собственных детей. Тогда Атрахасис помолился богу Эа. Бедствие на время прекращается. Но люди снова грешат. Тогда Энлиль собирает совет богов и жалуется на новые грехи людей, которых он решил поразить лихорадкой. Новое заступничество Атрахасиса и Эа и последовавшее за этим прекращение болезни не вразумляют

людей, и они опять грешат. Опять на них насылается неурожай, засуха, бесплодие и, наконец, после нового заступничества и нового перерыва, не приведшего ни к чему, — последовал, наверное, всемирный потоп. Подробное сказание о нем передано у Бероса и в различных клинописных памятниках вполне сходно между собою и библией. Наиболее подробный рассказ входит, как составная часть, в вавилонский *эпос*, к изложению которого мы и обратимся.

Двенадцать клинописных табличек из библиотеки Ассурбанипала заключают в себе национальную эпопею о герое, имя которого в 1890 г. верно прочтено Пинчесом, как *Гильгамеш* (раньше читали фонетически Гишдубар вместо правильного Гильгамеш — Γίλγαμος у Элиана). Таким образом, в сравнительно полном своем виде поэма дошла до нас уже прошедшею чрез руки ассирийских библиотекарей и переписчиков; от древне-вавилонского времени у нас пока только несколько обломков; редакция их значительно отступает от известного нам полного экземпляра. Вообще, данный эпос должен был иметь длинную историю развития и сложения из мелких сказаний, восходящих еще к сумерийскому времени. В настоящее время даже ассирийский экземпляр может быть назван полным только относительно, так как от некоторых таблиц сохранились лишь обломки. Впрочем, общее содержание довольно ясно.

(Т а б л. 1). Премудрый тайноведец («Он тот, кто ведал все» — первые слова эпоса, употреблявшиеся, как его название), на две трети бог и на треть человек, Гильгамеш, сын богини Эреха Нинсун, царствует в древнем Эрехе. Он задумал окружить свою столицу стенами и выстроить в ней храм Ану и Истар. Население изнемогает от тяжелой работы и обращается к богам; те повелевают создательнице людей Аруру сотворить для Гильгамеша соперника: «пусть они померятся силой, и Эрех успокоится». Аруру создает из глины Энкиду, «подобие бога Ану», звероподобного богатыря, обросшего волосами, живущего со скотом и наделенного сверхчеловеческой силой. Свести его с героем эпоса выпадает на долю какого-то «охотника», которому он помешал охотиться, защищая от него дорогих для себя зверей. Охотник берет с собою иеродулу, которая соблазняет Энкиду. После этого звери бегут от Энкиду, и ему остается итти в город жить с людьми. «Пойдем к лучезарному дому, жилищу Ану и Истар, где пребывает могучий Гильгамеш и, как дикий телец, угнетает людей». Энкиду и женщина идут в Эрех (т а б л. 2), где уже Гильгамеш предупрежден о них сновидениями, истолкованными его матерью, которая советует ему подружиться с пришельцем. Он вышел навстречу ему и предложил хлеб, преломив его, и пиво. Энкиду не понял. Его спутница сказала ему: «Ешь хлеб — это сообразно с жизнью, условиями и судьбой земли». Он ел и пил, помазал свое тело, оделся и «стал, как человек». Ему стало радостно; он поднял свои глаза и увидал Гильгамеша. Гневно спросил он иеродулу, что нужно ему. Та удивилась его поведению и стала уговаривать его перейти к культурной городской жизни, которую ведет Гильгамеш. Он послушался, пошел в Эрех, где все стали рассматривать его с любопытством. В центре города герои встретились и «посвятили свои оружия». Энкиду сделался спутником Гильгамеша и, после единоборства, не пустил его к сластолюбивой богине Ишхаре, ибо им предстояло тяжелое предприятие, исключавшее отвлечения в сторону. Герои делаются друзьями и задумывают, по указанию Шамаша, сообща поход против Хумбабы (вероятно, олицетворение Элама, исконного врага Сумира), голос которого подобен урагану и которого «на страх людям поставил Энлиль охранять кедр». (Т а б л. 3). Это тем более необходимо, что Энкиду не нравится в Эрехе; он проклинает свою спутницу, заманившую его из его полей; Гильгамеш, осыпавший его почестями в городе, скорбит об этом; бог Шамаш с неба успокаивает Энкиду и убеждает благодарить сожительницу, сделавшую его человеком, напитавшую его пищей богов и напоившую питием царей, облачившую в одеяние и сблизившую с Гильгамешем, который заставил князей земли лобызать его ноги и весь Эрех сострадать его скорби. Однако, Энкиду все-таки не может успокоиться; его преследуют страшные

сны; ему снится, будто он перенесен демоном смерти в ад, который он видит со всеми его ужасами и обитателями. Между прочим, он видит там древнего героя Этану, о котором повествуется в особом мифе, что он на орле возносился на небо к престолу Истар для получения волшебной травы, чтобы помочь в родах его жене, беременной будущим царем. Уже почти достигнув цели, он бросил взгляд вниз, испугался и вместе с орлом низвергся в преисподнюю. (Т а б л. 4). Герои собираются в путь, чтобы исполнить повеление Шамаша — наказать неправедного Хумбабу. Гильгамеш прощается со старейшинами города и, вместе с Энкиду, идет к своей матери, «буйволице Нинсун». Последняя совершает за них на крыше дома напутственную жертву Шамашу и молится об их успехе и благополучном возвращении. Прибыв к кедровоу лесу, герои ужасаются, увидев Хумбабу. Энкиду падает духом, но Гильгамеш ободряет его. (Т а б л. 5). «Они стояли и осматривали лес, удивлялись вышине кедра, разглядывали вход в рощу, где Хумбаба ходит мерной походкой. В порядке дороги, хорошо устроены пути. Они осматривали кедровую гору, жилище богов, святилище Ирнины; перед горою кедр возвышает свою пышную полноту; его тень полна ликования». Боги посылают им различные сны, между прочим, предвещающие погибель Хумбабы. Последний действительно убит. (Т а б л. 6). Победоносным и прекрасным героем увлекается богиня Истар. «Сюда, Гильгамеш», говорит она, «будь моим любимцем, я буду твоей женой... Пред тобой преклонятся цари, господа, князья... из городов и стран будут приносить тебе дары»... Но Гильгамеш отвечает: «...есть ли какой любовник, которого ты любила бы постоянно? Есть ли такой юноша, который был бы тебе всегда приятен? По Таммузе, любимце твоей юности, плачут ежегодно из-за тебя. Когда ты любила пестрого пастуха — птицу, ты разбила ему крылья, и в лесу кричит он «каппи» («крылья мои»). Любила ты и льва, совершенного по силе, но выкопала ему семь и семь ям»... (Дело идет о жестокой богине сладострастия, превращающей своих любовников в животных или умерщвляющей их). Подобное же случилось с конем, пастухом и садовником Ишуланну. «И со мною будет то же». Истар, оскорбленная, уходит на небо и жалуется своему отцу Ану. По ее просьбе, он создает небесного быка и насылает его на Эрех. Страшный бык одним дыханием убивает сотни людей, но герои, после долгих усилий, одолевают его. Истар появляется на стене Эреха и проклинает их. Тогда Энкиду бросает в нее правое бедро быка со словами: «если бы я достал тебя, поступил бы с тобою так же». Истар созывает своих иеродул и начинает плач над бедром. Гильгамеш жертвует рога быка своему богу Лугальмарадде. Затем герои омывают руки в Евфрате и возвращаются в город, где их приветствуют собравшиеся жители: «Кто прекрасен среди мужчин? Кто великолепен среди мужчин? Гильгамеш прекрасен среди мужчин, Энкиду (?) великолепен среди мужчин». Во дворце устраивается празднество, после которого Энкиду опять видит сны. (Т а б л. 7 и 8). Энкиду заболевает и чрез 12 дней умирает, его трогательно оплакивает друг: «Энкиду, мой друг, пантера поля, который... когда мы восходили на гору, одолевали небесного быка, повергали Хумбабу, обитателя кедрового леса! Что это за сон, который теперь овладел тобой? Ты мрачен и не слышишь моего голоса». (Т а б л. 9). Гильгамеш скорбит и боится участи друга. Ему желательно получить бессмертие и он отправляется в далекое путешествие разыскивать своего предка, по имени Ут-Напиштим — «Он обрел жизнь» (другое имя Ксисуфр — Атрахасис), удостоившегося вечной жизни. Пройдя пустыню, он подходит к горным проходам, где сидят львы; затем к горе Машу; здесь, на краю света, охраняют вход «люди-скорпионы» — муж и жена: «ужас от них страшен; их взгляд — смерть, сияние их ужаса потрясает горы, они охраняют солнце при восходе и закате». На вопрос о причине прихода Гильгамеш отвечает, что он направляется к своему предку, вознесенному к богам. Скорпионы-люди выставляют ему на вид трудности пути через мрачные горы, но, видя его непреклонность, пропускают. 12 двойных часов идет Гильгамеш чрез горы, потом приходит он в дивный сад богов, где вместо плодов родятся драгоценные камни. Непосредственно к нему примыкает море. (Т а б л. 10).

Богиня Сидури-Сабиту, восседающая на морском престоле, еще издали увидав его, запирает ворота. Гильгамеш грозит разбить их, и она пропускает его, но спрашивает о причине странного путешествия. Он говорит, что его друг, с которым они совершили столько подвигов, похищен смертью, и он, желая избежать его участи, идет за советом к предку. Нимфа отвечает ему (по древней редакции): «Гильгамеш, куда ты стремишься? Жизни, которую ты ищешь, ты не найдешь. Ты же, Гильгамеш, лучше наполняй свой желудок, веселись день и ночь, ежедневно устраивай празднества, пляши и ликуй. Пусть твои платья будут чисты, голова вымыта водой. Смотри на младенца, которого держит твоя рука, и пусть жена твоя радуется в твоих объятиях». Но Гильгамеша не соблазняют радости временной жизни; он непреклонен и говорит, что если его не пустят, он останется в пустыне. Нимфа отвечает: «Нет, Гильгамеш, перевоза, и никто еще от века не переходил моря. Через море перешел могучий Шамаш, а кроме него, кто другой? Недоступно место перевоза, затруднителен к нему путь и глубоки воды смерти, находящиеся перед ним». В конце концов Сабиту находит исход и указывает Гильгамешу на находящегося вблизи матроса, который некогда перевез Ут-Напиштима. После расспросов и объяснений Гильгамеш едет, и уже на третий день достигает «вод смерти», до которых обыкновенный путь $1^1/_2$ месяца. Благополучно, хотя и с невероятными трудностями и при помощи особых приспособлений, проходят они и по опасным водам смерти, соприкосновение с которыми причиняет смерть. Ут-Напиштим, увидав издали корабль, дивится новым пришельцам из мира. Затем описывается встреча, расспросы и речь Ут-Напиштима о смерти, которая заканчивается так: «Разве мы строим дом навеки? Разве мы прикладываем печать навеки? Навеки ли делятся братья? Для вечности ли рождаются на земле дети? Разве при наводнении течет река постоянно? Разве смерть не господствует от начала мира? Новорожденный и покойник... разве не являются одинаково образом смерти? После того, как страж и привратник (два демона) приветствовали усопшего, собираются Анунаки, великие боги; Маметту, вершительница судеб, решает с ними участь, приговаривают к жизни или смерти. Дни смерти не исчислены (ибо они — вечность)». (Т а б л. 11). Гильгамеш не довольствуется этим общим местом; он приступает к исполнению задачи своего прибытия и обращается к предку: «Ут-Напиштим, я смотрю на тебя и не вижу перемены — ты, как я... Как ты вступил в сонм богов и обрел жизнь?» Ут-Напиштим отвечал Гильгамешу: «Я хочу тебе открыть сокровенное, и тайны богов я тебе желаю поведать. Шуриппак, город, который ты знаешь и который лежит на Евфрате — древний, ибо вблизи его боги. Произвести потоп решило сердце великих богов; среди них отец их Ану, его советник могучий Энлиль, вестник Ниниб и водитель Эннуги. Эа, владыка премудрости, был с ними и поведал их решение дому, сплетенному из тростника: дом! дом! стена! стена! слушай и внимай. Ты, человек из Шуриппака, сын Убуртуту, строй дом, сооружай корабль, брось богатство, ищи жизни, возненавидь имущество и сохрани жизнь. Возьми в корабль семена жизни всякого рода. Корабль, который ты должен выстроить, должен иметь определенные размеры; его ширина и длина должны соответствовать. Я понял это и сказал моему владыке Эа: «Владыка, что ты повелел, я обдумал благоговейно и исполню, но что отвечать мне городу, народу, старейшинам». Эа отверз свои уста и произнес ко мне, своему рабу: «Человек, так должен ты им ответить: Энлиль возненавидел меня, посему я не хочу жить в вашем городе и направлять взор на почву Энлиля, но пойду в океан и поселюсь у моего владыки Эа, и он ниспошлет на вас обилие и дождь, птиц и рыб, обилие скота и плодов, когда вечером владыка мрака наведет на вас ливень»... (Лакуна, после которой следует описание построения ковчега и его размеров). Все, что у меня было в серебре, внес я туда; все, что было у меня в золоте, внес я туда; все, что было у меня в виде семян жизни всякого рода, ввел я туда. Потом я ввел туда все мое семейство и близких, а также полевой скот, зверей и ремесленников; всем дал я войти... Шамаш установил время: «когда владыка мрака вечером нашлет ливень, тогда входи в корабль и запри дверь». Этот момент наступил... Лишь только

занялась заря, с основания неба поднялось мрачное облако. Адад загремел, Муяти и Лугаль пошли вперед, как вестники, пошли они по земле и горам, Нергал вырывал мачту, Анунаки подняли факелы и осветили страшным сиянием всю землю. Буря Адада поднимается к небу и обращает все светлое в мрак... Брат не видал брата, не узнавали людей на небе. Боги испугались потопа и поднялись на небо Ану; они присели в оцепенении, как псы. Истар завопила, как рождающая; жалобно кричала владычица богов прекрасноголосая: «тот день да превратился бы в глину, когда я советовала злое в собрании богов. Как могла я тогда повелеть злое и согласиться на бурю для погибели моих людей, чтобы люди, которых я родила, наполняли море, как дохлая рыба?» Боги и Анунаки плакали вместе с нею... 6 дней и ночей бушевал ветер, потом ураган выметает землю. На 7-й день успокоилось море, ураган, буря и потоп прекратились. Увидев день, я увидел, что все человечество превратилось в глину. Я открыл окно, и свет упал на мое лицо. Я стал на колени, сел и плакал; слезы мои текли по лицу. Я выглянул... Через сутки выступил остров. К горе Низир причалил корабль: гора Низир удержала его и не позволила ему качаться... Когда наступил седьмой день, я выпустил голубя. Голубь вылетел и вернулся: не было места для остановки, и он вернулся. Тогда я выпустил ласточку; полетела и вернулась, не было места для остановки, и она вернулась. Тогда я выпустил ворона, тот вылетел, увидел исчезновение воды; стал есть (?) и не вернулся. Тогда я выпустил всех (?) на четыре ветра, принес жертву, совершил каждение на вершине горы, выставил семь и семь сосудов, насыпал под них кедрового дерева и мирры. Боги обоняли воню благоухания; они собрались, как мухи, над жертвователем. Владычица богов явилась и подняла ожерелье, приготовленное Ану, по ее желанию, и возгласила: «Если я не хочу забыть драгоценное украшение моей шеи, то не забуду и этих дней и буду их помнить во веки. Пусть боги собираются на каждение, но Энлиль не должен на него являться, ибо он безрассудно устроил потоп и навел гибель на моих людей». Когда явился Энлиль, он увидел корабль и разгневался, исполнился ярости на богов и Игиги: «Разве спасся кто-либо, какое-либо живое существо? Ни один человек не должен был оставаться в живых в этой казни». Ниниб отверз уста свои и сказал: «Скажите могучему Энлилю: кто делает дела, кроме Эа, ведь он знает все?» Эа отверз свои уста и сказал могучему Энлилю: «Премудрейший из богов, могучий! Как это ты не подумал и устроил потоп? Возложи на грешника его грехи, на злодея — его злодеяние, но будь милостив, не уничтожай (человечества). Вместо того, чтобы посылать потоп, можно было пустить львов и уменьшить число людей, могли бы появиться леопарды (?), восстать и уменьшить число людей, мог возникнуть голод и наказать страну, мог подняться бог чумы и казнить людей. Я не открывал тайны богов, но позволил Атрахасису увидеть сны, и он узнал тайны богов. Теперь же составляйте совет». Энлиль вошел в корабль, взял меня за руки, повел мою жену наверх и поставил ее рядом со мною на колени, коснулся наших плеч, стал между нами и благословил нас: «Прежде Ут-Напиштим был человеком, теперь Ут-Напиштим и его жена будут богами, как мы. Они должны жить далеко, у устьев рек». Затем они взяли меня в далекую страну, к устью рек, и поселили».

После этого рассказа Ут-Напиштим советует Гильгамешу, при отсутствии божества, которое могло бы взять его к себе, попытаться добиться бессмертия, победив подобие смерти — сон. Это не удается: утомленный путешествием, он засыпает, не дождавшись приготовления женой Ут-Напиштима семи магических хлебов, которые должны были поддерживать его в бодрственном состоянии. Герой горько жалуется. Ут-Напиштим поручает перевозчику доставить его в «место омовения», а затем отправить в обратный путь. По просьбе жены, жалеющей не добившегося ничего героя, он в напутствие указывает волшебную траву, растущую на дне моря. Гильгамеш спускается на дно, привязав к ногам камни, и достает ее, траву бессмертия и юности; имя ей — «человек делается юн». Он возвращается с моряком в Эрех, но когда Гильгамеш на пути моется в цистерне, его волшебную траву похищает змея. Он громко жалуется.

(Т а б л. 12). Гильгамеш не может успокоиться. Не добившись бессмертия, он хочет, по крайней мере, собрать сведения о загробном мире, которого ему теперь не миновать, и для этого входит в сношение с духом Энкиду. Сначала он обращается к своей матери Нинсун. Та ему дает указание, как следует вызывать покойников; необходимо самому уподобиться им, раздеться до-нага, быть бесстрастным, не брать оружия и т. п. Гильгамеш упустил одно из многочисленных предписаний, и опыт не удался. Тогда Гильгамеш обращается к великим богам, но к нему снисходит только друг людей Эа, и повелевает Нергалу вывести Энкиду из ада «подобно ветру». Энкиду медлит, ибо ему нечем утешить друга. «Если я поведаю тебе законы земли, какие я видел, ты будешь целый день сидеть, рыдая»; он рисует ему уже известную нам безотрадную картину преисподней: — только павшие в бою изъяты из общей участи: «он лежит на одре и пьет светлую воду... Отец и мать утешают его; жена его при нем». Особенно же печальна судьба лишенных погребения и тех, о заупокойных дарах которых некому позаботиться.

Можно ли в основе пересказанной поэмы признать историческую подкладку? Гильгамеш — царь Эреха; он и его друг носят сумерийские имена, во многих местах эпоса отразилась первобытная грубость, не всегда сглаженная позднейшими редакторами. Уже Анаам, один из царей Эреха, живший в эпоху нового развала Вавилонии после Самсуилуны, сына Хаммурапи, говорит, что он восстановил стены своего города, сооруженные в древности Гильгамешем. [В ниппурском списке «царей после потопа», восходящем к эпохе династий Ларсы и Исина, упоминается и «Гильгамеш, сын верховного жреца Куллаба». Он перечисляется в качестве пятого царя первой династии Эреха, соответствующей второй династии после потопа. Эта династия, судя по личностям и числу лет правления ее представителей (1. Мескингашер, сын бога солнца — 325 лет, 2. Энмеркар, — сын М. — 420 лет, 3. Лугальмарадда, пастух овец — 1 200 л., 4. Таммуз, охотник — 100 л., 5. сам Гильгамеш — 126 л.), является еще мифической]. О Гильгамеше упоминает и Утухегаль, царь Эреха, изгнавший (см. приведенную уже нами надпись) гутиев.

Он хвалится, что «Гильгамеш, сын богини Нинсун, был дан мне в помощники». Итак, герой эпоса уже во второй половине III тысячелетия считался древнейшим царем Эреха, близким к богам, полумифическим. При таких условиях мы лишены возможности толковать исторические намеки в эпосе, если они в нем и находятся — время действия его уходит в глубочайшую сумерийскую древность, из которой до нас не дошло пока современных данных. Уже в сумерийскую эпоху сцены из эпоса изображались на цилиндрах на ряду с мифологическими. Пытаются исторически толковать эпизод столкновения героя с Истар, богиней Эреха, т. е. его городской богиней. Сохранилось предание о другом царе Эреха, в мифе о боге Ура (одна из разновидностей бога Нергала). Этот миф [новые фрагменты которого найдены теперь в библиотеке Ассура] нам рассказывает о том, как бог Ура в своем гневе ниспосылает на города Вавилонии различные бедствия. Так, в Уруке, жилище Ану и Истар, городе иеродул и блудниц, он поставил царя, который господствовал, как тиран, и преследовал культ богини; та в гневе наслала на Эрех врага с целью его разрушить. Гильгамеш отказывается быть супругом богини, между тем, цари Эреха считались ее супругами; он нерадит об ее культе и вызывает ее гнев. Возможно ли видеть в этом отголосок борьбы древней династии с жречеством Истар, — сказать трудно. Сказание о потопе, вставленное в эпос, но существовавшее и отдельно, приурочено к Шуриппаку, который, как доказали недавно немецкие раскопки, сгорел уже в половине III тысячелетия. Гораздо более дает нам литературная и психологическая сторона этого замечательного памятника. Мы не имеем возможности входить здесь в его литературный анализ и должны удовольствоваться указанием основной его идеи. Гильгамеш — образ человека, который готов на все труды и лишения, не боится никаких опасностей, но падает духом при мысли о смерти и не отказывается от самых рискованных предприятий, чтобы найти от нее избавление. В лице Гильгамеша поэт выразил ту обще-

человеческую мысль, что люди не могут примириться с мыслью о смерти, какими бы героями они ни были. И все-таки борьба со смертью невозможна даже для того, кто «на две трети бог»; самое большее, что выпало на долю лучших людей, — пребывание за гробом вместе с родными в вечном покое.

Подобным же образом и миф об Адапе является отражением томления духа над проблемой о смерти. И сказание об Этане указывает на тщетность стремлений смертного подняться до неба; его удел — смерть и преисподняя.

Эпос — продукт времени заката сумерийской цивилизации, пессимистического настроения, овладевшего богато одаренной нацией, искавшей героев и обожествлявшей царей, в надежде вернуть утраченный золотой век. В Ниппуре найден эпический текст, также повествующий с этой точки зрения о первобытных временах. На Дильмуне — рай: там Эа почивает с «чистой божественной царицей. Это место — чистое и святое, там не каркает ворон и коршун не кричит подобно коршуну, не убивает лев, волки не уносят овец, ...не разгоняют голубей». Там нет ни болезней, ни старости, нет среди людей несправедливости. [Бури не нарушают покоя небес. Богиня Нинелла, жена бога Эа, восхваляет Дильмун и превозносит блаженство, которое там царит. Люди, пребывающие в этом раю, забывают о своем долге по отношению к богам, и Эа в своем гневе решает уничтожить людей потопом. Он открывает свое решение Ниншуд, богине матери. Потоп длится 9 месяцев и люди гибнут в водах. Между тем Ниншуд решила спасти одного из людей, ткача Тагтуга, великого своим благочестием. Она дает ему спастись на ладье. Спасшийся Тагтуг обрабатывает сад. Ниншуд объясняет Эа, каким образом Тагтуг избег общей участи, и Эа примиряется с Тагтугом, дает ему войти в храм и открывает ему божественные тайны. Здесь текст прерывается большой лакуной. Затем перечисляется некоторое число растений и деревьев, плоды которых боги позволяют Тагтугу вкушать. Запрещено ему вкушать плоды лишь с дерева в середине сада. Тагтуг, кажется, вкушает запретный плод, и Ниншуд его проклинает. Он теряет свою богоподобность, лишается вечной жизни и становится подверженным болезням. Боги чувствуют к нему сострадание и посылают ему помощь в его борьбе с природой и болезнями. Но мир, в котором с тех пор живет человек, — мир зла, несмотря на действенность молитвы, религиозного культа и магии.

Тагтуг является героем еще и другого сумерийского эпоса, посвященного повествованию о возникновении культуры. Боги создают государство для человечества и делают Сумир плодородным и счастливым; их помощником в этом деле был, кажется, Тагтуг].

О распространенности сюжета эпоса и его типов нам придется еще говорить.

Средоточиями вавилонской религии и вообще культуры были *храмы*, которые в культурном отношении можно сравнить со средневековыми монастырями, так как от них не только исходило руководящее направление в области религии и культа, но и в литературе, положительных знаниях и праве они были двигателями. Храмы (bit-ili — «дом бога») в своей главной части представляли большею частью «зиккураты», многоэтажные (до семи) башни на четырехугольном основании. Лестница, иногда с земли до самого верха на одной стороне, иногда же в обход всех четырех сторон, постепенно, с уступа на уступ, вела в верхнее помещение — святилище, где находился идол божества и производились как обряды, так, может быть, и астрономические наблюдения. Эти зиккураты — сумерийского происхождения и идут из мировой горы Энлиля ниппурского. Гильпрехт нашел в Ниппуре под семитической облицовкой первоначальное зерно башни из до-саргоновских необожженных прямоугольных (а не квадратных) кирпичей. Имена башен всегда сумерийские, напр., Им-хар-саг — «Гора ветра», с которой бог Энлиль мечет молнии, Э-сагаш — «дом решений» — место суда бога и оракула, Э-гигуну — «дом гроба», т. е. преисподней, Дур-ан-ки — «связь неба с землей», Темен-ан-ки — «основание неба и земли» и т. п. Таким образом выражали религиозно-космическую идею, представление великой

мифической горы богов, которую вавилоняне помещали на далеком севере поднимающейся из преисподней; она служила в своей верхней части местопребыванием сидящего на небесном троне «отца богов», в средней — местом культа живущих на земле людей, и в своей нижней, доходящей до ада части — местом упокоения покойников — действительно грандиозное представление о святилище (Гильпрехт)... Иногда зиккураты считались гробницами богов. Хаммурапи в Сиппаре окрашивает в зеленый цвет воскресения храм богини солнца Аи; Набонид называет эласcарский зиккурат «гробницей бога солнца»; классический писатель называет вавилонскую башню «гробницей Бела». Стены снаружи украшались мозаикой, орнаментами, бордюрами, может быть, зубцами; иногда они окрашивались в различные цвета, может быть, сообразно семи планетам. Особенно же обращалось внимание на отделку святилища внутри и снаружи. Жрецы, делившиеся на множество (более 30) разрядов (бару — прорицатели, заммару — певцы, пашиту — помазанные, ашипу — заклинатели и так далее; обыкновенное слово для жреца — шангу или ниссакку), кажется, составляли касту потомков Энмедуранки. Царь также имел жреческие функции. Организация жречества была образцовая и пережила все превратности политических судеб страны. Влияние его было огромное и объясняется не только религиозными причинами, но и тем, что жрецы стояли во главе культуры. Жрицы и иеродулы также составляли особые корпорации, число которых доходит до двадцати.

Жертвоприношения считали первоначально кормлением божества, впоследствии они получили более этическое значение искупительного обряда. В клинописных текстах указываются разнообразные виды жертвоприношений: агнцы, благовония (каждения), возлияния и т. п. Человеческие жертвы, кажется, удержались лишь в исключительных случаях и встречаются намеки на то, что животные жертвы являются их заменой. Например, в одном тексте в уста, кажется, Эа влагаются слова: «Агнец — замена человека. Агнца дает он за свою жизнь»... Многочисленные ритуальные тексты содержат в себе предписания для жрецов и для жертвоприношений. Служба совершалась не наверху зиккурата, а перед храмом, у стоявшего на храмовом дворе жертвенника у главного входа в храм; на вершину башни только изредка поднимался верховный жрец или царь испрашивать оракул или волю богов; изображение божества помещалось в особой нише в заднем помещении, за двором, против входа. На храмовом дворе для потребностей культа был также бассейн, который носил мистическое имя «апсу», бездна; подобно тому, как зиккурат был символом горы вселенной, на которой живут боги, или, если угодно, символом земли, бассейн знаменовал собой водную стихию, область бога Эа. Этот бассейн, обложенный украшенными каменными глыбами, служил для омовения и соответствовал «медному морю» Соломонова храма. Кроме того, при больших храмах существовали священные корабли, на которых перевозились во время процессий идолы. Иногда при храмах содержались священные животные или хранились их фигуры. Например, Истар были посвящены собаки, Нингирсу — ослы, Шамашу — кони, Замаме — орлы; нередко упоминаются священные змеи. Кроме реальных животных, чтились фантастические фигуры смешанного характера. Так, всем известны колоссальные каменные изваяния так называемых крылатых львов или быков, символически изображавших духов-охранителей, у которых мудрость человека соединяется с парением и быстротой орла и силой тельца или льва. Другие крылатые духи, иногда с орлиными головами, охраняют священное древо или благословляют царя. Все храмовое пространство (иногда, например, в Ниппуре и Вавилоне) ограждалось стеной с колоннадой внутри и вратами, у которых стояли две массивные колонны. К стене (позади зиккурата) примыкали помещения для жрецов, их школы, библиотеки, архивы, лаборатории и т. п. На храмовой двор допускался и народ во время общественного богослужения. Наглядным изображением вавилонского храма может служить найденная в Сузах в 1905 г. бронзовая модель, приготовленная эламским царем Шильхан-ин-Шушинаком. Хотя она изображает эламский храм, но вполне подходит к нашему

представлению о храмах Двуречья. Здесь два зиккурата, жертвенник, бассейн, священные столбы и деревья, даже фигурки жрецов, совершающих возлияния. Каждый вавилонский месяц был посвящен какому-либо божеству, равно как и каждый день месяца; дни делились на «благоприятные» и «тяжелые», были и посты. До нас дошли отрывки такого месяцеслова для двух месяцев: Элула II и Мархешвана; характер их следующий:

«Второй день (Мархешвана). Посвящен Истар. День благоприятный. Царь приносит жертву Шамашу, Белит, Сину; совершает возлияния; воздеяние рук его принимает бог. Третий день. Посвящен Мардуку и Сарпанит. Благоприятный. Вечером царь приносит жертвы Мардуку и Истар и совершает возлияние. Воздеяние рук его бог принимает».

В этих месяцесловах уже есть намек на дни, имеющие особенное значение. Под 7, 14, 21 и 28, а также 19 (7 × 7 предыдущего месяца) числами читаем:

«Тяжелый. Пастырь многочисленного народа (может быть, царь, как первосвященник?) не должен есть мяса, испеченного на огне, и ничего, приготовленного на золе (?); не должен менять своего платья и надевать чистого одеяния, не должен приносить жертвы. Царь не должен восходить на свою колесницу и изрекать приговоров. Жрец-прорицатель не должен давать ответов. Врач не должен класть руки на больного. Не следует приводить в исполнение задуманное. Ночью царь должен приносить дар великим богам и принести жертву. Воздеяние рук его бог примет».

Таким образом, это дни не праздника, а скорее покаяния и поста, и нет основания сопоставлять их с еврейской субботой, особенно в виду того, что они не были днями покоя. Термином «шабатту», встречающимся иногда в текстах и объясненным как «день успокоения сердца» (разгневанных богов?), обозначается 15-е число месяца— день полнолуния. Но и в этот день, несомненно праздничный, не было полного прекращения занятий.

Особенно торжественно праздновали вавилоняне день нового года (по-сумерийски Загмук, по-семит. реш-шатти), который в то же время был, кажется, праздником главного местного божества. Так, в Ширпурле (Теллох) он справлялся в честь Бау и Нингирсу и считался днем свадьбы их; подобный же праздник существовал в Ниппуре; в Вавилоне он был главным праздником Мардука. Он справлялся весною, 1—11 Нисана. В эти дни, как нам известно из практики позднего времени, справлялись торжественные церемонии. Мардука везли в корабле из Эсагилы в великолепной процессии по каналу вдоль священной улицы Айибуршабу; в то же время в Вавилон сносили идолов других богов. [В пятый день праздника царь должен был проделать церемонию временного отказа от своей власти. В этот день утром царь шел к наосу Мардука в большом храме Эсагилы. Верховный жрец встречал царя у дверей, но не давал ему войти. Корона и скипетр вместе с прочими царскими орнатами отнимались у царя и клались на циновку перед богом. Затем верховный жрец бил и стегал плетью царя, стоявшего на коленях перед святилищем. (Если царь плакал, то правление будущего года должно было быть счастливым, если же он не плакал, то его правление должно было прерваться). Только после этого царь вводился в святилище перед Мардуком, к которому он обращался с молитвенным обещанием быть послушным его решениям. Верховный жрец обращался к царю, обещал ему помощь Мардука и увеличение его царской мощи. Затем ему возвращались все его царские инсигнии]. Царь касался рук Мардука в Эсагиле, и этим получал от него постановление для царствования в наступающем году; если он этой церемонии не проделывал, то назывался во весь год не царем, а наместником. [Основным богослужебным текстом в новогодний праздник являлся миф enuma elisch, прославлявший Мардука в качестве демиурга. Но и другие стороны многогранной личности божественного владыки Вавилона находили в те дни свое выражение. Из таблетки, подаренной нам библиотекой Ассура, мы узнаем, что в праздник Загмук изображались страсти Бела-Мардука и его конечное торжество. Согласно этому тексту, Бела задерживают

у судилища горы, т. е. подземного царства. Его допрашивают, потом бьют и наконец вводят в гору. Вместе с ним уводится и убивается преступник. После исчезновения Бела в горе, начинается в городе смута и разгорается бой. Уносят одежды Бела и какая-то богиня вытирает кровь его сердца. В горе Бел томится вдали от солнца и света, и охраняется, подобно пленнику, стражами. Жена Бела-Мардука спускается за ним в подземное царство и ищет его у ворот погребения. Бел выводится из горы к новой жизни. — Этот любопытнейший текст Ассурской библиотеки доказывает нам, что миф о Беле-Мардуке соответствовал мифу о Таммузе, и что праздник нового года имел характер мистерий. Интересно отметить и некоторую близость рассказа о страстях Бела-Мардука со страстями Христа. Может быть, в связи с этими мистериями о страстях Бела-Мардука стоит упоминание греческих писателей о гробнице древнего Бела в Вавилоне]. Особенно же торжественными днями праздника считались 8—11 Нисана, когда боги собирались во святом-святых Упшукиннаке, в так называемом чертоге судеб. Мардук занимал председательское место, и решались судьбы наступившего года. Около времени летнего солнцестояния справлялся распространенный по всему древнему миру праздник Таммуза. Как посвященный сходящему в преисподнюю юному божеству растительной силы, он получил характер не только дня плача и печали, но и заупокойных поминок. Под аккомпанимент флейт женщины пели жалобные песни, совершались жертвы в честь погибшего и посещались кладбища. Потом наступал радостный день — праздновали возвращение бога из ада. При этом допускались всякого рода излишества. Кроме годовых праздников, цари назначали экстренные, по случаю побед или освящения новых храмов. Еще в древней Ширпурле (Теллох) Гудеа справлял посвящение своих статуй божеству торжественными церемониями, во время которых на семь дней были прекращаемы занятия, рабы и господа участвовали вместе в празднестве.

Кроме кровавых и бескровных жертвоприношений, кроме процессий и различных мистических церемоний, служба сопровождалась музыкой и пением. Употреблялись кимвалы, флейты, 11-струнные арфы. Певцов и музыкантов обыкновенно было семь при храме. Пение «успокаивало сердце, умиротворяло дух, осушало слезы, уменьшало стоны». Певцы имели своими прообразами божества, например, Нину, воспевшую вступление Нингирсу в его святилище. Они пели гимны богам, нередко высокого поэтического достоинства. Для примера приведу гимн Сину, богу Ура:

«Господь, владыка богов, единый великий на небе и земле. Отец Наннар, бог Аншар, владыка богов. Отец Наннар, владыка, великий бог Ану, владыка богов. Отец Наннар, владыка, бог Син, владыка богов. Отец Наннар, владыка Ура, владыка богов. Могучий, юный телец с мощными рогами, совершенным телом, лазоревой бородой, полный великолепия... Милосердый, милостивый отец, в руках которого жизнь всей земли. Владыка, божество твое, как далекое небо, как широкое море, полно благолепия. Создавший землю, основавший храмы и наименовавший их, отец, родитель богов и людей, призывающий к царствованию, вручающий скипетр, устанавливающий судьбы на долгие дни. Могучий вождь, сокровенную глубину которого не исследовал никакой бог. Быстрый, колена которого неутомимы, который открывает путь богам, своим братьям, который от основания неба до зенита проходит, сияя, и отверзает врата неба, посылает свет всем людям, отец, виновник бытия всего. Владыка, решающий судьбы неба и земли, повеление которого неотменимо, который держит холод и жар, управляет живыми существами, какой бог тебе подобен? Кто велик на небе? Ты един. А на земле, кто велик? Когда на небе раздается твое слово, ниц падают Игиги, когда оно слышится на земле — целуют прах Ануннаки. Когда слово твое проносится, как вихрь, обильны становятся пища и питье, когда оно ниспадает на землю, то является зеленью. Твое слово вызывает к бытию правду и справедливость, а люди начинают говорить истину. Твое слово — далекое небо, сокрытый ад, недоступный прикосновению взора. Кто может понять твое слово и сравниться с ним? Владыка! В господстве на небе и на земле у тебя нет соперника

среди богов, твоих братьев». (Далее следует плохо сохранившееся заключение: Сина просят быть милостивым к своему храму, а его супругу и сына, равно как Игигов и Анунаков, предстательствовать пред ним).

Гимн этот является типичным выражением идей, выработавшихся при главных храмах и соединившихся с местным божеством, которое сопоставляется с высшими богами (Аншаром и Ану), воспевается как творец и промыслитель мира, как царь вселенной, не имеющий равных среди богов и людей. Приведенный нами гимн дошел до нас опять-таки в ассирийской копии из библиотеки Ассурбанипала, следовательно, он распространился за пределы Ура, как и многие другие гимны другим богам других религиозных центров. Таким образом, по всей Ассиро-Вавилонии ходили гимны, в которых каждое божество выставлялось и творцом, и единым, и первым, и царем мира и т. п. Это, конечно, и содействовало тому, что религиозное сознание стало плохо различать их функции и начало мало-по-малу видеть в них лишь различные наименования одной и той же верховной божественной силы, имеющей притом не только материальное всемогущество, но и нравственное совершенство. Особенно ярко выступает этический характер божества света в следующем гимне в честь Шамаша:

«Могучие горы полны сиянием твоим, твой свет наполняет все страны. Ты могуч над горами, созерцаешь землю, витаешь на краях земли, среди неба. Ты властвуешь над жителями всей вселенной, все, что создал Эа, царь и советник, пасешь всю тварь: ты пастырь всех горних и дольних... Ты управитель света вселенной. Ты проходишь пространное далекое море, глубины которого не ведают Игиги, и твой свет проходит в глубину; волны созерцают его... Среди всех богов вселенной никто не превосходит тебя... Твоя великая сеть простерта против того, кто желает жены искреннего своего... Его достигает твое оружие, нет ему защитника; на суде не стоит за него его отец... Он карается железной клеткой. Ты сокрушаешь рог того, кто замышляет злое; неправедного судью ты заключаешь в темницу, ты казнишь того, кто берет взятки; к тому, кто не берет мзды и заботится об угнетенном, Шамаш милостив, и дни его продолжены. Судья, изрекающий справедливый приговор, окончит свой дворец, его жилище будет домом князя... Семя неправедных не будет сильно. Ты отвергаешь изречение того, чьи уста полны лжи... Всякий, кто бы ни был, находится под твоим попечением; ты даешь им знамения, разрешаешь связанное, слушаешь мольбы, молитвы и призывания, поклонение и падение ниц. Несчастный громогласно взывает к тебе, слабый, утесненный, нищий молятся тебе; удаленный от своего семейства и города... взывает к тебе. О Шамаш, к тебе прибегает путник, полный страха, странствующий купец, юный торговец, носитель кошелька с золотом. О Шамаш, тебе молится рыбак с сетью, охотник, мясник, погонщик скота... Идущий по степным дорогам прибегает к тебе, равно как и блуждающий мертвец и скитающийся дух покойника. О Шамаш, все они молятся тебе, и ты не отвергаешь молящихся... Ты на четыре ветра исследуешь их положение... Ты принимаешь их светлые возлияния, пьешь их чистое вино, осуществляешь их желания. Ты разрешаешь оковы связанных и слушаешь молитвы величающих тебя. А они боятся тебя и чтут имя твое и вечно славят величие твое».

Кроме общественного культа, был весьма распространен частный. И здесь мы можем проследить подобную же эволюцию от грубых к более возвышенным представлениям. Вавилонянин находился под постоянным страхом демонов, в то же время он чувствовал свои обязанности по отношению к богам и своему доброму гению. Жрецы спасали его от первых, сближали и примиряли со вторыми. Болезни — дело демонов, несчастия также происходят не без вины их и злых колдунов. Они же толкали людей на грехи и отступничество от светлых богов. Даже сами боги не всегда безопасны от их злодейства. Так, «семеро» их раз напало на самого бога Сина и помрачили свет его (мифическое изображение лунного затмения), и все великие боги не могли ничего сделать; пришлось посылать в «бездну» к Эа, и тот отправил на борьбу с седьмерицей своего Мардука. И люди могут прибегать только к заклинаниям,

чтобы избавиться от них, примириться с добрыми богами и снова, как при нормальных условиях, вернуть себе наименование «сына своего бога». Вот почему частный культ носит характер магии, волхвований, а жрецы называются «предсказателями», «волхвами», «заклинателями». Между прочим, в их обязанности входило изгнание различных демонов болезни, например (особенно часто), женского существа Лабарту, обитавшего в горах или зарослях камыша, имевшего голову львицы, тело осла, рычавшего, как шакал, и изрыгавшего серу. В «Плаче Иеремии» (4,10) с нею сравниваются «мягкосердые женщины», которых бедствия заставили варить детей своих. Уже при рождении человека она на-лицо; она выхватывает дитя из рук родительницы, чтобы всю жизнь мучить его. Чтобы спастись от нее, необходимо обратиться к жрецу, который мог изгнать ее заклинаниями и магическими действиями. До нас дошел ритуал изгнания, а также магические рельефы, считавшиеся, очевидно, чудодейственными. В четырех горизонтальных полосах представлена магическая церемония и ее последствия. Под символами богов стоят семь злых демонов; ниже, по обе стороны постели больного, взывающего о помощи, стоят два жреца-заклинателя, облеченные в рыбий образ — подобия бога-очистителя Эа; за ними — очистительная кадильница; в самом низу — изгоняемая Лабарту убегает верхом и в лодке. Кроме болезней и бед, к религии обращались и при различных важных случаях жизни. Например, поселению в новом доме предшествовало освящение его; ритуал этого освящения нам известен и имеет магический характер. Различные сложные церемонии должны были почему-то изгнать из него «бога кирпичей», но также привлечь благословение Шамаша, Мардука и Эа. Действия сопровождались заклинаниями и молитвами, например: «Шамаш, владыка неба и земли, основатель града и дома, в руках которого полагать и определять судьбы... благослови дом сей, построенный (имя рек), сыном (имя рек), и определи ему благую судьбу... Да будет сей кирпич приносящим благо своему строителю, и дом сей — приносящим благо своему строителю, да будет он для своего хозяина домом жизни и спасения... Да насытится он обилием, и да будет основанный им дом прочным на долгое время, да будет он в нем радостен и да достигнет желаемого».

Кроме злобных демонов, для человека не менее опасны колдуны и ведьмы. Они даже сильнее демонов, так как последние их слушались и являлись по их требованию. Они действовали или дурным глазом, или злым словом, магическими формулами, или при помощи волшебных зелий, или, наконец, проделывая символические волхвования над изображением жертвы, зарывая ее в могилу, сожигая, бросая в неприступные места и т. п. Против них служили амулеты на теле, или у входов дощечки с молитвами или заклинаниями, а также идольчики добрых гениев «шеду» и «ламассу», соответствовавших крылатым быкам и львам у храмов и дворцов. Кому и это не помогало, должен был обращаться к силе, высшей ведьм и чертей, — к религии богов добра и света и к ее служителям. Таким образом, храмы наполнялись ищущими помощи жрецов, и «требы» последних состояли большею частью в задаче парализовать вред ведьм и демонов. Для этого они должны были бороться их же оружием: амулетами, заклинаниями, магическими действиями. Ведьмы приготовляли изображения своей жертвы и мучили их, — жрецы лепили фигурки демонов и ведьм и сожигали их при различных церемониях; ведьмы употребляли магические формулы, — жрецы составили множество заклинаний, известных в настоящее время в виде сборников под различными именами (маклу, шурпу, «сожжение», «злые демоны», «головная боль» и др.); ведьмы действовали зельем — жрецы варили декокты из различных трав и волшебных растений, давали их пить или поливали ими. Здесь соприкасается уже магия с медициной, которая среди вавилонских жрецов имела своих представителей и культивировалась при храмах. Доктор Oefele, объясняющий в настоящее время медицинские клинописные тексты, пришел к заключению, что уже в древности здесь была выработана своеобразная медицинская система, которую он называет гуморально-патологической в отличие от египетской — пневматической.

Но жрецы действовали не одними заговорами и магическими обрядами и не только врачевали людей от телесных болезней. Великое преимущество вавилонской религии заключается в том, что в ней рано получило развитие представление о грехе, как лежащей в самом человеке причине его бедствий, в отличие от внешних причин: дурного глаза, колдовства, демонов и т. п. Сначала это представление было грубо; грехом считалось нарушение этикета по отношению к богам, т. е. погрешности и неисправности ритуального характера (напр., уклонение от жертвоприношения или несоблюдение обрядности во всех ее, даже мелочных, подробностях, календарных предписаний и т. п.), но мало-по-малу этический характер божества света обусловил расширение понятия греха на преступления морального характера: они оскорбляли божество, стоящее на страже правды и справедливости. Грешник прогневляет бога, удаляет от себя «своего бога», т. е. доброго гения, лишается его помощи, навлекает на себя всякие болезни и беды. Он должен умилостивить божество, должен добиться того, чтобы грех «изгладился», лежащая на нем опала была снята — «сердце бога успокоилось». Для этого также необходимо посредничество жреца, особенно, если грешником чувствует себя сам царь. Жрец употребляет как внешние очистительные средства: воду, огонь (факелы), каждения, елей, так и молитву. Он омывает, окропляет своего пациента освященной специально для этой цели водой, а может быть, и жертвенной кровью, приносит очистительную жертву, сопровождаемую длинными церемониями; кающийся должен рвать на себе одежды или одеться в траур и бить себя в грудь. Жрец читает молитву, а также своего рода исповедь, которая носит также название заклинания. Приведем пример молитвы за больного царя:

«Владыка послал меня, великий Эа. Вонми его повелению, исполни его решение: ты ведешь по своему пути черноголовых. Дай ему свет здравия, да будет он избавлен от страданий. Да будет определено отпущение грехов человеку, сыну своего бога. Его кости объяты недугом, он посещен тяжелою болезнью. Шамаш, услыши молитву мою, прими его жертву, его возлияние и верни к нему его бога. Да будет по твоему повелению его вина изглажена, его грех отъят. Дай царю жизнь. Во все время жизни своей будет он воспевать величие твое; этот царь будет служить тебе, и я, прогонитель волхвования, всегда буду служить тебе. Взываю к тебе, Шамаш... Ты уничтожаешь злых, разрешаешь колдовство, приметы и дурные предзнаменования, гнетущие тяжелые сны. Ты сокрушаешь узы злых, разрушающих людей и страну. У тебя не находят защиты колдуны и волхвы... Восстань, Шамаш, светило великих богов, да буду я силен против волхвования. Бог, создавший меня, да будет на моей стороне, чтобы очистить мои уста и направлять мои руки. Управь, Шамаш, светило вселенной, суди».

Исповедь-заклинание читается так:

«Заклинаю я вас, великие боги, владыки спасения ради (имя рек), бог которого (имя рек), который болен, несчастен, печален, удручен. Он оскорбил своего бога, свою богиню». Дальше идет перечень грехов, какие только можно припомнить: «Сказал ли он отказ вместо утверждения, утверждение вместо отказа?.. Не говорил ли он дурного? Не позволил ли он говорить неправды?.. Не утеснил ли слабого? Не поссорил ли он отца с сыном, сына с отцом? матери с дочерью, дочери с матерью?.. Может быть, он не освободил пленника, не разрешил связанного, не дал узнику увидать света? Не согрешил ли он против бога, не преступил ли против богини? Не грешен ли он против предка, не враждует ли со старшими братьями? Не был ли он непочтителен против отца и матери, против старшей сестры?.. Не обвешивал ли он, не обсчитывал ли фальшивыми деньгами? Не лишал ли он законного сына наследства и не давал ли его незаконному? Не проводил ли он неверной границы и не отказывался ли проводить правильную? Не вступал ли он в дом ближнего своего, не приближался ли к жене ближнего своего, не проливал ли крови ближнего своего, не похищал ли платья ближнего своего?.. Не восставал ли он против начальства? Не был ли он честен языком, а сердцем лжив; не говорил ли устами: «да», а сердцем: «нет»? Не ста-

рался ли он во имя замышленной несправедливости преследовать и отвергать, уничтожать и губить правого, употреблять насилие, грабить, злодействовать?.. Не учил ли он нечистому, не наставлял ли зазорному? Не следовал ли он по стопам злодея и не преступал ли границ правды? Не занимался ли он нечистыми делами — волшебством и колдовством? Не случилось ли с ним все это из-за всего того, чем он прогневал своего бога и свою богиню? Может быть, он говорил устами и сердцем, но не исполнял? Может быть, оскорбил имя божие даром, который он посвятил, обещал, но удержал? Да будет он разрешен, из-за чего бы он ни находился под гневом... Да будет на него разрешение, о Шамаш, судья. Разреши его, Шамаш, владыка горних и дольних, вождь богов, царь стран. Твоими устами да изречется суд. Разреши ты, жрец среди богов, Мардук милосердный...» (Идут подобные же обращения ко всем богам).

Подобных текстов дошло несколько, и они своей возвышенностью производят на нас благоприятное впечатление. Но еще более высоки произведения покаянной лирики вавилонян: они влагаются частью в уста самого кающегося, частью в уста жреца, который за него молится, частью их обоих, причем жрец произносит самый текст, а молящиеся — рефрэны. Вот один из этих текстов, которые в науке принято называть «покаянными псалмами».

«Мой прогневанный бог, да успокоится сердце твое. Моя разгневанная богиня, будь милосердна ко мне. Боже, кто знает обитель твою? Твою великолепную обитель, твое жилище я никогда не увижу. Я скорблю, прости меня. Обрати ко мне лицо твое, которое ты отвратил. Обрати ко мне лицо твое с высоты небесной, с твоего священного жилища, и укрепи меня. Пусть уста твои ответят мне то, что для меня хорошо, да преуспеваю я. Твоими чистыми устами изреки, чтобы я преуспевал; проведи меня невредимым чрез волнение. К тебе взываю я: установи для меня судьбы, продли дни мои, даруй мне жизнь».

В вавилонской литературе, так глубоко и неоднократно занимавшейся проблемой смерти, сохранились замечательные памятники душевной муки над другим общечеловеческим вопросом — о невинном страдальце. Одно из длинных произведений, обнимающих целую серию клинописных табличек в библиотеке Ассурбанипала [и в библиотеке ассурского храма], но идущее из древности, содержит рассказанную в первом лице историю страдающего человека и напоминает по тону и сюжету книгу Иова. Князь, «житель Ниппура» Таби-утул-Энлиль, взывает:

«...Я уподобился рабу. Яростный вырыл для меня яму... Пошли мне избавителя; на мой вопль открой для врага яму. День — вздохи, ночь — слезы, месяц — вопли, год—скорбь. Я дошел до конца жизни. Куда ни обращусь—бедствие. Напасти увеличились, благоденствия не нахожу. Я взывал к моему богу, но он не явил мне своего лица; молился моей богине, но она не подняла своей головы; жрец «бару» не предсказал будущего, жрец «шакну» не добился моего оправдания при возлиянии, к жрецу «закику» (некроманту) пошел я, но он не дал мне услышать ответа; жрец «ашипу» не разрешил моих уз путем волхвования. Как превратно все на свете! Озираюсь я назад — за мною бедствие, как будто я не принес моему богу жертвенного возлияния и не подумал о богине при жертвенной трапезе, не склонил своего лица и не доказал своего смирения, удержал в устах мольбу и молитву, не почтил дня бога, пренебрегал праздником (?), был небрежен к богам, не внимал их изречениям, не учил свой народ страху божьему и богопочитанию... небрежно произносил имя великого бога. Между тем, я всегда думал о мольбе и молитве, молитва была моим правилом, жертва — моим законом, день богослужения — радость сердца моего, день почитания богини — мои прибыль и богатство. Почтение царя было моей радостью; приятное ему было для меня прекрасно. Я учил свою страну чтить имя божие, прославлять имя богини наставлял я мой народ. Почтение к царю я ставил высоко и учил народ уважению пред дворцом. О, если бы я был уверен, что это угодно богу! Ибо что самому человеку кажется благоприятным, перед богом бывает мерзостью, а что для его сердца незначительно, находит у бога милость. Кто может понять со-

вет богов на небе? Предначертания бога — темнота (?), и кто может уразуметь ее? Как мы, люди, можем понять путь божий? Кто еще вечером жив, бывает утром мертв, он быстро сходит во мрак, мгновенно бывает поражен. Тот, кто сейчас весел и играет, чрез мгновение рыдает, как плакальщик. Настроение людей меняется непрерывно: они голодны — подобны трупу; они сыты — чувствуют себя богами; хорошо — они говорят о восхождении на небо; они подавлены — говорят о сошествии в преисподнюю. Злой демон вселился в меня; ... меня, бросили на землю и простерли на спину, мой высокий рост согнули, как тростник... Я привязан к узкому болезненному ложу; мой дом стал для меня темницей... Жезлом своим пронзил он меня... Целый день преследует меня гонитель и ночью не дает мне вздохнуть. Мои члены сокрушены... Я лежу на своей нечистоте, как бык, пребываю в нечистоте, как баран. Жрец «ашипу» не понял моей болезни, и симптомов моего недуга не определил жрец «бару»... Бог не помог мне, не взял моей руки; богиня не умилосердилась надо мною и не пошла на моей стороне. Уже открыли мой гроб, и стали расхищать мое достояние; я еще не умер, а уже обо мне стали плакать. Когда вся моя страна возгласила: «увы», — мой враг услыхал это, и просияло лицо его; когда ему принесли радостную весть, он повеселел».

После этих жалоб, как сообщил нам поздний ассирийский комментарий, бог Мардук избавил страдальца от болезни и снял с него цепи рабства. Согласно одному из ассурских фрагментов, близость спасения ему объявляется в нескольких сновидениях. Конечному освобождению страдальца от болезни посвящено заключение текста, которое теперь также нашлось среди таблеток библиотеки Ассура. Спасенный Таби-утул-Энлиль с благодарственной молитвой вступает в Эсагилу:

«Я, который спустился уже в гробницу, снова вернулся в Вавилон. В «воротах изобилия» мне было даровано изобилие. В «воротах великого гения хранителя» приблизился ко мне мой гений хранитель. В «воротах милости» я увидел милость. В «воротах жизни» была мне дана жизнь. В «воротах восхода солнца» я был причислен к живущим. В «воротах явления знамений» стали явны мои знамения. В «воротах освобождения от греха (?)» был я освобожден от греха. В «воротах испрашиванья уст» уста мои испрашивали. В «воротах освобождения от стенания» я был освобожден от стенания. В «воротах вод очищения» я был окроплен водою очищения. В «воротах милости» я явился перед Мардуком. В «воротах излияния мощи» я целовал ноги Сарпанит». После принесения обильных благодарственных жертв, спасенный принимает вместе с людьми Вавилона участие в торжестве по поводу своего выздоровления. Люди, увидев, что Мардук спас больного почти из гроба, восхваляют величие Мардука и его жены Сарпанит, которые одни из всех богов сумели привести человека от смерти к жизни, вырвав его из гроба. Поэтому и призываются все в заключении «преклониться перед Мардуком». Таким образом, и здесь этическая проблема решается указанием на непостижимость путей божиих; он получает возмездие уже в этой жизни. Подобным же образом, если верно понимание Шейля, решает великий вопрос и другой аналогичный текст, к сожалению дошедший до нас в незначительном отрывке. Праведник в свои лучшие дни жил для других и расточал бедным свои богатства, а затем, попав в бедность, был всеми оставлен. Его несчастье дает право считать его грешником, его гонят к псам и свиньям, его лишают религиозного утешения, закрывая доступ к обрядам. Он, не умолкая, призывает божество и, наконец, услышан им. Его враги посрамлены: они видят его торжество и благосостояние, а сами лишены необходимого.

В покаянных псалмах занимает видное место также богиня Истар, как покровительница кающихся. Один из этих псалмов следует привести, как образец плача, влагаемого в уста царя по поводу какого-то бедствия, постигшего его город. В данном случае дело идет, вероятно, о нашествии эламитов на Эрех:

«Доколе, владычица, могучий враг будет попирать твое жилище? В твоей столице Уруке жажда, в Эулмаше, твоем прорицалище, пролита кровь, как вода; во всей

твоей области он бросил огонь... О владычица, крепко привязан я к горю; ты поразила меня и сделала подобным больному; сильный враг согнул меня, как одинокий стебель тростника; я не могу сам по себе достичь разумения и понимания, я плачу день и ночь; я, твой раб, молюсь тебе, да успокоится сердце твое, да утишится гнев твой. Услыши моление мое, воззри на меня милостиво, и обрати ко мне лицо твое».

В этом псалме царь предстательствует за свой город в годину общественного бедствия. До нас дошло много подобных «плачей» из разных городов; в одних намекается на физические бедствия: голод, наводнение, бурю; в других — на политические, как, например, эламские погромы и другие неприятельские нашествия, причем последние весьма часто мы не имеем возможности отожествить с известными нам в истории.

Кроме покаянных текстов, в которых нравственный элемент нашел себе яркое выражение, до нас дошли и произведения специально нравственного характера, например, следующее, являющееся, согласно одному из фрагментов ассурской библиотеки, поучением Ут-Напиштима, героя вавилонского сказания о потопе, своему сыну:

«Не клевещи, но говори дружественное. Не говори злого, но возвещай благорасположение. Кто клевещет и злословит, тому отомстит Шамаш и сотрет главу. Не расширяй уст, храни уста, не говори тотчас, если раздражен, — придется в молчании раскаяться за необдуманную речь; лучше успокойся кротостью. Ежегодно приноси жертву своему богу, молись и кади ему и имей пред ним чистое сердце — это самое достойное для божества. Каждое утро должен ты приносить ему молитву, моление и преклонение, и он тебе подаст обилие... Если ты разумен, научись от этой доски: страх божий — начало милости, жертва благоприятна для долголетия, молитва разрешает грех»... «Не касайся блудницы, у которой мужей бесчисленное множество, иеродулы, посвященной божеству... В напасти она не поддержит тебя... Благочестие и покорность не живут у нее; если она попадет к тебе в дом, удали ее»... Упомянем еще об изречении: «бога бойся, царя чти» и о величайшей заповеди, также найденной среди вавилонских текстов: «воздай добром тому, кто тебе сделал зло».

Подводя итог сказанному о вавилонской религии, мы видим, что в ней высокие приобретения богословской мысли уживались рядом с первобытной грубостью в культе и в пережитках древних дуалистических и материалистических представлений. Высокие порывы лучших умов были близки религиозной реформе и даже в культе мы видим эволюцию в сторону этики. Но Вавилон не знал пророков в библейском смысле, и не произвел религиозного гения, а потому этим порывам не суждено было увенчаться.

[Чрезвычайно важным памятником, который пронизан целиком пессимизмом и одновременно с этим дает отрицание главных религиозных верований, подчеркивает тщетность веры в бога и его почитания и веры в воздаяние в потустороннем мире, является так наз. «диалог господина и раба о смысле жизни». Он настолько интересен, что приводим его полностью.

§ 1. Тщетность надежды на милость царя.

«Раб, будь готов к моим услугам!»—«Да, господин мой! да».—«Позаботься! Приготовь мне колесницу и упряжь. Ко дворцу я хочу дать нестись колеснице». — «Дай нестись колеснице, господин мой! Дай нестись! Царь... даст тебе сокровища (?), и они будут твои. Он... простит тебя». — «О раб, я ко дворцу не хочу дать нестись колеснице». — «Не дай нестись колеснице, господин мой! Не дай нестись! В место недоступное он пошлет тебя. В страну, которой ты не знаешь, он велит увести тебя. И днем и ночью он даст тебе видеть горе».

§ 2. Тщетность надежды на радость пиршества.

«Раб, будь готов к моим услугам!» — «Да, господин мой! да». — «Позаботься и приготовь мне воду для моих рук. Дай ее! Я хочу пировать». — «Пируй, господин мой, пируй! Участие в пире это радость. С тем, кто участвует в пиршестве, в веселии

[сердца и с омытыми руками, идет Шамаш (бог солнца)». — «О раб, я участвовать в пиршестве не хочу». — «Не пируй, господин мой, не пируй! Голод и еда, жажда и питье доставляют страданье человеку» (букв.: «идут на человека»).

§ 3. Тщетность надежды на вольную жизнь в степи.

«Раб, будь готов к моим услугам!» — «Да, господин мой! да».—«Позаботься! Приготовь мою колесницу и упряжь. По степи я хочу дать нестись колеснице». — «Дай нестись! Лагерь человека бежавшего (из города) полон. Охотничья собака сокрушает кости. Улетевшая птица хахуру (вероятно охотничий сокол) снова совьет себе гнездо... дикий осел, живущий в степи...» — «О раб! По степи я не хочу дать нестись колеснице!» — «Не дай нестись колеснице, господин мой! Не дай нестись! Человек бежавший (из города) теряет свой разум. У охотничьей собаки сокрушают зубы. Улетевшая птица хахуру находит гнездо свое лишь в расщелине стены. У дикого осла живущего (в степи) пустыня является жилищем».

§ 4. Тщетность надежды на укрепленное жилище.

«Раб, будь готов к моим услугам!» — «Да, господин мой! да!» — «Я хочу построить дом». — «Построй, господин мой! Построй! Овладевай... С врагом (?) несправедливым и злым (?) ты прикончи!» — «Моего врага (?) я хочу связать, заковать, наложить на него цепь. За противником моим я хочу следить». — «О господин, следи! Господин мой, следи!» — «Да! да! я хочу построить дом». — «Дома ты не строй. Поступающий так теперь разрушает дом отца своего».

Параграф плохо сохранился и вследствие этого понимание его весьма затруднено. Он построен, кажется, по иной схеме, чем прочие параграфы.

§ 5. Тщетность надежды на восстание.

«Раб, будь готов к моим услугам!» — «Да, господин мой! да!» — Он говорит: «Восстание я хочу поднять». — «Так подними же, господин мой! Подними! Если ты не поднимешь восстание, то какова же будет участь твоя? Кто же будет давать тебе (припасы), чтобы ты мог заполнить свой лагерь?» —«О раб! Я восстание не хочу поднять». — «Не поднимай, господин мой! Не поднимай! Человека, поднявшего восстание, или убивают, или..., или ослепляют, или схватывают, или же кидают в темницу».

§ 6. Тщетность надежды на благородство противника.

«Раб, будь готов к моим услугам!» — «Да, господин! да! да!» — «На слова моего обвинителя я хочу ответить молчанием». — «Отвечай молчанием!» — «О раб! я на слова моего обвинителя не хочу ответить молчанием». — «Не отвечай молчанием, господин мой! Не отвечай! Если ты не будешь говорить... то обвинители твои будут свирепыми к тебе».

Этот параграф сохранился лишь в вавилонской копии. Таблетка с ассурской копией после строк, содержащих пятый параграф, фрагментирована. Согласно остроумной догадке одного из исследователей нашего текста пострадавшая часть ассурской таблетки и содержала параграф о тщетности надежды на благородство противников.

§ 7. Тщетность надежды на любовь женщины.

«Раб, будь готов к моим услугам!» — «Да, господин, да!» — «Женщину я хочу любить». — «Люби же, господин, люби! Человек, который любит женщину, забывает горе и скорбь». — «О раб, я женщину не хочу любить». — «Не люби, владыка мой! Не люби! Женщина это ловушка охотника, глубокая яма и ров. Женщина это острый железный кинжал, который перерезает горло человека».

§ 8. Тщетность надежды на помощь бога.

«Раб, будь готов к моим услугам!» — «Да, господин мой! да!» — «Позаботься! Приготовь мне воду для моих рук! Дай мне ее! Я хочу принести жертву богу моему». — «Принеси, господин мой! Принеси! У человека, который приносит жертву своему богу, радостно сердце. Заем за займом он делает». — «О раб! Я жертву богу моему не хочу принести». — «Не приноси, господин мой! Не приноси! Разве ты думаешь, что научишь бога ходить за тобой, подобно собаке, или повелением запроса]

[(т. е. магией), или незапросом (т. е. молитвой), или же исполнением того, что он у тебя попросит?»

§ 9. Тщетность надежды на благодарность людей.

«Раб, будь готов к моим услугам!» — «Да, господин мой, да!» — Он говорит: «Продовольствие нашей стране я хочу дать». — «Так дай, господин мой! Дай! У человека, который дает продовольствие своей стране, зерно его — доход его, и прибыль его огромна». — «О раб! Давать продовольствие стране я не хочу». — «Не давай, господин мой! Не давай! Давание в долг подобно любви, а прибыль подобна рождению сына. Прибыль с твоего зерна они возьмут у тебя и тебя же будут проклинать. Они съедят зерно и тебя же погубят».

§ 10. Тщетность надежды на посмертное воздаяние.

«Раб, будь готов к услугам!» — «Да, господин мой! да!» — Он говорит: «Благодеяние моей стране я хочу сделать». — «Так сделай, господин мой! Сделай! Человек, который оказывает благодеяние своей стране, найдет благодеяние себе в чаше (вероятно, хранилище судеб человека) Мардука (главного бога Вавилона)». — «О раб! Благодеяние стране моей я не хочу оказать». — «Не оказывай, господин мой! Не оказывай! Подымись на холмы разрушенных городов. Пройдись по развалинам древности и посмотри на черепа людей, живших раньше и после: кто из них был владыкой зла и кто из них был владыкой добра?»

§ 11. Тщетность надежды на продолжительность жизни.

«Раб, будь готов к моим услугам!» — «Да, господин мой! да!» — «Теперь, что же хорошо?» — «Сломать шею мою и шею твою и кинуть в реку, это хорошо. Кто столь высок, чтобы взойти на небо, и кто столь велик, чтобы заполнить землю?» — «О раб! Я хочу тебя убить и заставить тебя итти передо мной». — «Воистину, только 3 дня будет жить господин мой после меня» (букв.: «Господин мой! Воистину только 3 дня будут жить после меня»). — Текст заканчивается припиской: «Согласно оригиналу своему написано и проверено»].

Но религия в Вавилоне, как и на Древнем Востоке вообще, не ограничивалась одною областью богопочитания и этики. В связи с нею стоят и другие стороны жизни и культуры. Она вызвала к жизни искусство древней Вавилонии, с ее храмами, царскими статуями и религиозной музыкой. Она освящала правосудие не только потому, что законодательство было под покровительством божества солнца, но и потому, что его органами были первоначально отчасти те же жрецы, а местами отправления — храмы. Литература своей огромной частью принадлежит религии, да и вообще вышла из храмов. Наконец, в тесной связи с храмами стоят и научные приобретения вавилонян. Мы уже видели эту связь в медицине. Она еще более осязательна в астрономии, этой вавилонской науке по преимуществу, в которой она к концу своей истории достигла большой точности и глубины, так что ее выкладки могут служить для современных ученых. Между тем, вавилонские наблюдения делались для целей предсказания, отчеты о них не имеют научного характера. Например, в предсказаниях по солнечным затмениям мы находим целый календарь такого характера:

«Если в месяце Нисане, 1 числа, солнце помрачится, умрет царь Аккада. Если 1 числа оно помрачится, но свет будет ярок при закате и в течение месяца будет затмение луны... то в течение года умрет царь... Если 11-го — орды варваров нанесут много урона, страна погибнет, опустошение в стране, будут питаться человеческим мясом... Если 9 Таммуза, то Истар даст сойти на землю божескому милосердию, на землю сойдет правда»...

В других отчетах мы находим еще более разнообразия; кругозор астрологов захватывает весь известный мир и судьбы всех стран выводятся из положений звезд, совершенно так же, как это в других текстах делается на основании метеорологических наблюдений, как, например, в одном документе из храмового ниппурского архива, где, между прочим, читаем: «если после того, как возгласил Адад, радуга по-

кроется облаками с юга на север, в земле Аккада будут продолжительные дожди, а в земле Субарту — холода»...

Новейший исследователь, Гинцель, говорит следующее об астрономических сведениях вавилонян:

«Вавилонские наблюдения касались конъюнкций планет, расстояний луны и планет от звезд, гелиактических восходов и закатов, времен солнечных и лунных затмений. В III в. они знали периоды, которые вытекали из этих наблюдений, уже с такою точностью, которая делает их в этом отношении предшественниками Гиппарха и Птолемея. Числовое изображение движения солнца и луны в это время у них уже вполне было развито, у них были предписания для вычислений, и их астрономические школы учили о различных системах предсказания движений солнца и луны и наступлений затмений. Числовые отношения были им известны с изумительной точностью, что заставляет предполагать многовековую предшествующую астрономическую деятельность. Зодиак, вероятно, восходит к 3000... К древнему времени вавилонской астрономии восходит и представление о соединении планет с созвездиями и луной, как о лунных станциях».

Но как уже было сказано, мнение школы некоторых берлинских ученых о глубокой древности всех научных приобретений вавилонской астрономии следует считать преувеличенным. Куглер датирует начало систематических наблюдений и вычислений VIII веком, а Эдуард Мейер приписывает главную роль в этом халдеям, осевшим в Сеннааре лишь к I тысячелетию до н. э.

Не менее важным приобретением вавилонской культуры, также связанным с наблюдением неба и культом, была знаменитая 60-чная система счисления (60—сосс, 600—нер и 3 600—сар) и покоящаяся на ней система мер и весов. 365 дней солнечного года, в круглой цифре 360, повлекли за собой разделение солнечного пути, небесного экватора, а затем и всякого круга на 360 градусов, а также разделение эклиптики на 12 частей по 30°. Небесный свод обращается в 24 часа; один знак зодиака в равноденственную ночь требует для себя $^1/_{12}$ суток, т. е. два часа. Отсюда вавилонский «двойной час» — древнейшая мера времени, которая постепенно была фиксирована при помощи песочных и водяных часов. Затем удалось определить малую естественную меру времени, соответствующую тому, которое солнце или луна употребляют при движении вперед на длину своего диаметра. Путем измерений водяными часами установили, что солнечный диаметр — $^1/_2$ градуса, т. е. $^1/_{60}$ одного знака зодиака, следовательно, одного двойного часа. Таким образом, на небе были открыты две величины, стоявшие в отношении 60 : 1 — двойной час и двойная минута. Меры времени, по мнению К. Ф. Лемана-Хаупта (заметим, не принятому в науке), были органически связаны с мерами длины: длина секундного маятника для широты Вавилона — 992,35 миллиметра; это число весьма близко подходит к мере длины — двойному локтю (992 $^1/_3$ мм). Таким образом, вавилонские жрецы еще в глубокой древности (изображение локтя находится уже у плана дворца на коленях одной из сидящих статуй царя Гудеа) якобы открыли закон маятника; на открытие их мог натолкнуть отвес при постройках храмов. Наконец, меры веса, по мнению того же ученого, были выведены из мер длины. Десятая часть двойного локтя была принята за ребро куба, который наполнялся водой, и вес этой воды был единицей вавилонского веса — двойной или тяжелой миной (982,4 г). 60 мин давали талант; $^1/_{60}$ мины называлась сиклем. Отсюда идут меры веса и денежные системы всего мира. У самих вавилонян не было чеканной монеты, но были слитки определенного веса в круглой форме колец, причем золото обычно относилось к серебру 40 : 3, а серебро к меди 120 : 1. 60 весовых сиклей (по 10 р. 58 к.) составляли золотую мину, 60 золотых мин — золотой талант.

Библиотека Ассурбанипала и древнее храмовое ниппурское книгохранилище дают нам возможность составить представление и о других отраслях вавилонской науки. Дошедшее в них до нас большое количество текстов научного характера убеждает,

что науки в нашем смысле в Вавилоне не было. Знания накоплялись для практических потребностей, составлялись списки, таблицы, справочные сборники, но нигде мы не видим теории и научной системы. И, тем не менее, вековая мудрость накопила огромный материал, на котором впоследствии стали строить другие. Вавилонская география оставила не только списки стран, гор, рек, каналов, храмов, но и первый опыт карты мира, правда, пока еще весьма примитивной. Филологические занятия вавилонян нашли себе выражение в составлении таблиц клинописных знаков и их фонетических значений — словарей сумерийско-семитических, иногда древне-ново-сумерийско-семитических, словарей других соседних языков (напр., касситского), списков семитических синонимов, хрестоматий, сборников грамматических парадигм и примеров. И здесь исключительно списки для практических целей (и притом составленные большею частью в произвольном порядке) и полное отсутствие вытекающих из примеров правил и обобщений. Математические тексты представляют большею частью собрания примеров и вычисления. Последние доходили до 12 960 000, т. е. 3 600 в квадрате. Имеются таблицы не только умножения и деления, но даже квадратов, кубов, квадратных и кубических корней. Конечно, все это было получено примитивным путем сложения и вычитания.

По иронии судьбы, в Риме и долго в Европе с понятием халдея соединяли представление о чем-то противоположном культурности — о суеверии и волшебстве; но это доказывает только, что все лучшее, что вышло с берегов Евфрата, уже давно вошло в обиход человечества, сделалось его общим достоянием, и только отвергнутое экономией человеческого прогресса могло еще казаться специально вавилонским. Между тем, влияние всех сторон вавилонской культуры было могущественно, и это доказывается хотя бы тем обстоятельством, что оно действовало в течение тысячелетий. Начнем с литературы и мифов. Эпос Гильгамеша сильно повлиял на сказания о Геракле. В Киликии мы находим героя Сандана, которого греки сопоставляли со своим Гераклом, а ассирияне изображали своим Гильгамешем; впоследствии черты азиатского героя, а также Этаны, были перенесены на Александра Великого в многочисленных романах о нем, так называемых Александриях. Укажем на путешествие к источнику живой воды чрез горы Масис, охраняемые людьми с руками-пилами, хождение чрез мрак, посещение чудесного сада у моря, вознесение на орле... Отсюда же идут сказания об островах блаженных, обошедшие весь свет. Итак, вавилонский эпос в течение тысячелетий вдохновлял культурный мир. И в позднейшее время не забыли о вавилонском прошлом: мусульманский праздник Хосейн, по мнению Эрдмана, восходит к мистериям Таммуза, между тем как Мардук и Истар дали материал для гностического Σωτήρ и Σοφία, а в лице Мардука богословская мысль вавилонян приблизилась к идее Логоса. Вавилонское представление об аде напоминает и еврейское, и финикийское, и греческое. Много спорили и спорят о влиянии вавилонской космогонии и других сказаний на соседние, в частности, библейскую. Но у вавилонян семь таблиц, а не дней: творение не было распределено по дням; в библии семь дней, в связи с освящением субботы; порядок творения не вполне тожественен и, в общем, — самый естественный для представления носителей древне-восточной культуры. Нечего и распространяться о той монотеистической идее, какую вложил в сказание ветхозаветный гений и до какой ни одна культура древности не могла подняться. Сказание об Адапе, несмотря на сходство имени (мнимое), также имеет мало общего с библейским повествованием об Адаме. Последний — не сын божий; он потерял бессмертие, которым обладал, пожелав премудрости, т. е. полного уподобления божеству. Адапа, наоборот, — не первый человек; он обладал премудростью, но не бессмертием, и не получил последнего только по досадному недоразумению, может быть, своекорыстию богов. В сказании о потопе также другой дух: Ной спасается не как «мудрейший», а как святейший, и т. п. Но что евреям еще до плена были известны вавилонские сказания, видно из намеков на них в поэтической библейской литературе, в которой священные авторы позволяли себе пользоваться поэтическими

образами народных, хотя и заимствованных в древности с Востока, представлений. Пр. Исаия и Иеремия образно говорят о борьбе господа с драконом, обитающим в воде (напр., Ис. 27, 1, ср. Иерем. 5, 22 и др.); неоднократны такие упоминания в псалмах (напр., 73: «Ты сокрушил главы змиев в воде» в связи с мирозданием и др.). Были ли это литературные заимствования, — трудно сказать. Вероятнее всего, евреи застали уже вавилонские представления среди ханаанского населения, которое восприняло их так же, как вавилонское право и вавилонскую клинопись. Но космогонические мифы, сказания о потопе и т. п. проникли и дальше — в Сирию (Иераполь, где герой потопа носил имя Сисифий, родственное Ксисуфру), в греческую мифологию (титано- и гигантомахия) и философию (орфики, Ферекид сирский и др.), в талмудические и, может быть, древне-персидские представления. Этрусская космогония говорит о шести тысячелетиях, в течение которых сотворен мир, причем порядок творения напоминает Вавилон. Близка сюда и финикийская космогония. Апокрифическая, апокалиптическая и сектантская литературы черпали полными руками из вавилонской мифологии, и до сих пор ее отзвуки можно распознать в отреченных сказаниях и легендах христианских народов. Самая литературная форма вавилонских поэтических произведений не осталась без влияния на соседей; впрочем, известный parallelismus membrorum свойственен всей семитической и египетской поэзии. Эта форма, вышедшая, может быть, из вавилонского ритуала, требовавшего антифонного исполнения, а вернее всего, коренившаяся в психологии семита, особенно наглядно выступает в псалмах. Сравнивая вавилонские и еврейские псалмы, мы найдем много сходных выражений, аналогичных мыслей и даже буквальных совпадений. Однако, и здесь придется повторить то же, что было сказано по поводу космогонии: ветхозаветный гений положил пропасть между этими произведениями двух родственных народов. В библейских псалмах главное — внутренняя потребность молитвы и очищения, покаяние грешника, сознающего моральную вину пред благим и правосудным богом; здесь нет речи ни о магии, ни о произволе божества, тогда как вавилонянин лишь под давлением беды думает о смягчении гнева своего бога при посредстве обряда и жреца, его покаянные псалмы все еще соединены с магическими формулами и действиями и даже по большей части озаглавлены «заклинание». [Столь же действенным, как литература Вавилонии, является и ее искусство. В противоположность более замкнутому египетскому искусству, вавилонское искусство завоевало себе, по выражению L. Curtius'a, «целый континент, начиная от Армении до Сирии, от Персидского залива до Средиземного моря»]. Научные приобретения вавилонян легли в основу греческой науки. До конца XVIII в. во всем мире господствовала вавилонская система мер, так как древние и европейские меры длины, веса и т. п., под теми или другими названиями, могли быть в значительной мере выведены из вавилонского локтя и мины. До недавнего времени русский фунт и золотник являлись последним напоминанием о них: фунт равен вавилонской легкой золотой мине (409,52 г, вавил. золот. м. 409,3), а золотник = $^1/_{100}$, т. е. $^1/_2$ сикля вавил. золотой царской мины. Великое культурное значение Вавилона доказывается и тем, что эта система имела всемирное распространение, несмотря на то, что она покоилась на 60-чной системе счисления, в то время как все народы успели перейти к десятичной, если уже раньше не имели ее. Вавилонская астрономия, даже по выводам Куглера, оказала, хотя и при своем закате, может быть, не ранее V в., влияние на греческую. Доктор Oefele доказывает, что вавилонская медицина дожила до XVI в., и во множестве средневековых лечебников то и дело встречаются рецепты, поразительно напоминающие клинописные; он полагает, что они попали в Западную Европу через Византию, в то время как египетская медицина нашла себе путь в Южную Европу чрез арабов и Салернскую школу. Наилучшим доказательством доминирующего положения вавилонской культуры является уже неоднократно указывавшийся факт распространенности во всей Передней Азии клинописи (до введения алфавита) и ее языка, как дипломатического. [Благодаря этому и заимствовали окружающие Вавилонию народы большое обилие

аккадских слов, служащих для обозначения явлений самых различных сторон культурной жизни. Правда, эти заимствования в подавляющем большинстве случаев относятся к области материальной культуры, заимствования же из области духовной культуры сравнительно немногочисленны. И это обстоятельство подтверждает лишний раз выше установленный факт, что народы Древнего Востока, в частности Израиль и Иуда, сумели, несмотря на всю силу и мощь вавилонского влияния, развить и сохранить свою самостоятельную культуру].

Общие очерки: Bezold, Ninive und Babylon. Bielefeld, 1903 (русск. пер. 1904). Winckler, Die babylonische Kultur in ihren Beziehungen zur unsrigen, 1902. Delitzsch, Handel und Wandel in Altbabylonien. Stuttg., 1910. C. F. Lehmann, Babylonische Kulturmission einst und jetzt, 1903. Langdon, Lectures on Babylonia and Palestine. Par., 1906. Все эти труды, равно как и огромная литература по вопросу «Bibel und Babel», расчитаны на широкую публику. [Большой, строго научный общий труд издал M. Jastrow, The civilisation of Babylonia a. Assyria. Philadelphia, 1915. Автор (ныне покойный уже, к великой скорби научного мира), бывший одним из крупнейших эрудитов в области ассиро-вавилонской религии, попытался охватить на 515 страницах все многообразие вавилонской культуры. В восьми главах он дает обзор раскопок, дешифровки письма, истории, богов, культа и храмов, права и торговли, искусства и, наконец, литературы. Но основным пособием для всякого желающего ознакомиться с вавилонской культурой станет прекрасный труд. Br. Meissner'a, Babylonien u. Assyrien, первый том которого, обнимающий материальную культуру, появился в 1920 г. Meissner, энциклопедист в ассириологии, дал в этой первой части своего труда прямо неоценимый справочник для всех сторон материальной культуры Ассиро-Вавилонии. Интересна статья A. T. Clay, The Antiquity of Babylonian Civilisation (Journ. of the amer. Or. Soc. т. 41 (1921), стр. 241 сл.]. По *религии* и *литературе:* Jastrow, Die Religion Babyloniens und Assyriens в 2 т. в 1905 и 1912. Jensen, Die Cosmologie der Babylonier. H. Zimmern, Beiträge zur Kenntnis der Babylon. Religion, 1901. O. Weber, Die Literatur d. Babylonier u. Assyrer. D. Alte Orient, Ergänzungsband II. Leipzig. 1907. A. Ungnad, D. Religion Babyloniens u. Assyriens, Jena, 1901, иллюстрирует изложение обильными и прекрасными переводами.

[Неисчерпаемой сокровищницей религиозных и литературных текстов оказалась, на ряду с библиотеками Ассурбанипала и ниппурского храма, библиотека в Ассуре, раскопанная немцами незадолго до войны. Со времени войны эти тексты стали издаваться в автографии E. Ebeling'ом, в серии Keilschrifttexte aus Assur religiösen Inhalts, выпуски которой быстро следуют друг за другом. В 1923 г. появился уже восьмой выпуск. Среди уже изданного материала из Ассура имеется большое количество новых фрагментов уже известных мифов и эпосов, фрагменты еще неизвестных мифов и эпосов, громадное обилие гимнов и молитв, заклинаний и omina, тексты моральной литературы — диалоги, пословицы, басни и т. д.] — Переводы мифов и эпоса: Jensen, Keilinschrift. Bibliothek VI, 1. Epen u. Mythen, 1900. [Ассурские тексты становятся доступными более широким кругам в многочисленных монографиях и статьях ученых различных стран. Предварительно можно указать: Ebeling, Quellen zur Kenntniss. d. Babyl. Religion, 1918; того же автора статьи в Mit. d. Deutsch. Or. Ges. A. Jirku, Altorientalischer Kommentar zum Alt. Testament. Leipzig, 1923. — К имени бога «Ниниб». Имя этого бога стали в последнее время чаще читать Ninurta — Nimurta, сопоставляя с библейским Нимвродом. Witzel же в своей ценной монографии Der Drachentöter Ninib (Keilinschrift. Studien, вып. II, Fulda, 1920, стр. 123) продолжает настаивать на старом чтении Ниниб. Автором приводится и предшествующая литература по данному вопросу. — Транскрипция и перевод ассурского варианта мифа о нисхождении Истар в подземное царство см. S. Geller, Orient. Literaturzeit. 1917, стр. 41 сл. См. также прекрасный перевод В. К. Шилейко, Сошествие Иштар (Восток, I, стр. 8 сл.). Интересно влияние этого мифа о нисхождении Истар на один из гимнов в честь ее. В сумерийском гимне (Vorderas. Schriftdenkm. d. Kngl. Mus. zu Berl. X, стр. 34—37, III, 8—41) Истар заявляет о себе (стр. 24—27): «Если я вступаю в Экур в дом Энлиля, не задерживает меня вратарь, не говорит мне суккаль (визирь?): подожди!» Ср. A. Poebel, Zeitschr. f. As. 1923 (XXXV), стр. 52—56.— Новые фрагменты «enuma elisch» из Ассура изданы Keilschrifttexte a. Assur relig. Inh. 1, №№ 5,

117, 118, 162, 163, 164 и 173. Новое исследование, посвященное эпосу на основании ассурского материала, принадлежит E b e l i n g'у, D. babyl. Weltschöpfungslied, Breslau, 1921 (в серии Altoriental. Texte u. Unters. II, 4). Полное собрание всех клинописных версий о мироздании, известных до 1923 г., с обстоятельным указанием литературы можно найти у A. Jirku, ук. соч., стр. 1 сл. Согласно ассурским фрагментам первой таблетки мифа, после победы Эа над Апсу и Мумму был создан бог Аншар. По одному из вариантов его отцом был Лахму, а по другому Эа, являющийся в дальнейшем отцом Мардука. Поэтому надо думать, что введение бога Аншара является результатом ассирийской редакции, заменившей имя Мардука первоначального текста именем своего главного бога. Указание на первоначальность имени Мардука и в этой части мифа см. у Z i m m e r n'а, Zeitschr. f. Assyriol. XXXV (1924), стр. 239. Текст K A R. (= Keilschrifttexte a. Assur Relig. Inh.) I № 4, посвященный мифу о сотворении людей, транскрибирован и переведен E. E b e l i n g'ом, D. Erschaffung d. Menschen bei d. Babyloniern (Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Ges. 1916 (70), стр. 532 сл. Ср. также L a n g d o n, Le poème sumérien du paradis, du déluge et de la chute de l'homme, Paris, 1919, стр. 40 сл. Сильно фрагментированный дубликат этого текста был давно издан B e z o l d'ом, Proc. Soc. Bibl. Arch. X, стр. 423 сл. Бог Ламга, который зарезывается ради сотворения людей, тожественен с Сином, судя по B r ü n n o w, Classif. List. N. 11166. Ср. D e i m e l, Panth. babyl., стр. 162 и J e r e m i a s, A. Test. im Lichte d. A. Or., 3 изд. 1916, стр. 7 пр. 3 и стр. 42. — Древне-вавилонский текст о сотворении людей издан Cuneif. Texts, VI, 6. Перевод см. L a n g d o n, Le poème sumér. du paradis, стр. 34 сл. и A. U n g n a d, Rel. Bab. u. Assyr., стр. 55 № 4. — Ассурский фрагмент о создании людей служительницами богини Аруру: KAR, I № 10, R. 14 сл. перевод A. Jirku, ук. соч., стр. 14. — Новое издание, транскрипцию и перевод фрагмента мифа о Адапе, изданного Scheil'ем в Rec. de trav. 20 (1898) стр. 127 сл., дает C l a y, A hebrew deluge story in cuneiform (New Haven, 1922), стр. 40—41 и табл. IV и VI. — Таблетка со списком царей до потопа издана несколько небрежно S. L a n g d o n, The Chaldaean kings before the flood (Journ. Roy. As. Soc. 1923, стр. 251 сл.); B u r r o w s, Notes on the antediluvian kings в Orientalia (Рим), Series I, № 7 (1923), стр. 50—58 с appendix'ом Deimel'я. Ср. также H. Z i m m e r n, Zeitschr. f. Assyriol. 1923, стр. 75]. — Мифы о потопе: H i l p r e c h t, Der neue Fund zur Sintflutgeschichte aus d. Tempelbibliothek von Nippur. Leipzig, 1910. [Новое прекрасное издание всех относящихся к мифу о потопе клинописных текстов дал A. C l a y, A hebrew deluge story in cuneiform. New Haven, 1922. К этому материалу, собранному Clay, надо прибавить еще фрагмент ниппурской библиотеки, № 4611 музея Пенсильванского у-та, повествующий о Зиудсудду, сумерийском герое потопа. Какое-то божество, может быть, Нинтуд, одно из действующих лиц сумерийского мифа о рае (см. ниже). дает Зиудсудду советы религиозного и политического характера. Текст издан с переводом и транскрипцией S. L a n g d o n'ом, Le poème sumér., стр. 213 сл. и табл. IX. Согласно Ebeling, K A R, 27, Ут-Напиштим, семитический герой потопа, передал принципы нравственности своему сыну, являясь как бы основателем вавилонской нравственности, ср. Z i m m e r n, Zeitschr. f. Assyr. 30, 185. (См. также ниже)]. — Эпос Гильгамеша. U n g n a d — G r e s s m a n n, Das Gilgamesch-Epos. Göttingen, 1911. (Лучшая работа по вавилонскому эпосу, рассматривающая его с мифологической и художественной стороны). Незадолго до войны была найдена A. Poebel'ем у одного антиквария в Америке хорошо сохранившаяся вторая таблетка эпоса в древне-вавилонской редакции. Счастливый находчик имел намеренье издать этот важный текст, но война помешала, и A. P o e b e l успел использовать новый материал лишь для небольшого исследования (Oriental. Literaturzeitung, 1914, стр. 4—5), посвященного имени матери Гильгамеша. Оказывается, что мать Гильгамеша не была жрицей богини Нинсун, как это до сих пор предполагали, но сама богиня Нинсун, или как ее называет вновь найденный текст «буйволица ограды Нинсун». Таблетка, найденная A. Poebel'ем, была переведена S. L a n g d o n, The Epic of Gilgamesh. The Museum Journ. Univ. of Pennsylvania VIII (1917), 28—38. [Основное издание текста с транскрипцией и переводом было дано в труде M. J a s t r o w a. A. C l a y, An old Balylonian version of the Gilgamesh-epic on the basis of recently discovered texts (Yale Orient. Series, Researches. Vol. IV. 3). New Haven, 1920.

В этом же труде издана вместе с таблеткой Poebel'я и третья таблетка эпоса, относящаяся также к древне-вавилонской версии сказания о Гильгамеше, небольшой фрагмент которой был давно уже издан B. M e i s s n e r'ом (Mitteil. d. Vorderas. Ges. 1902, № 1). К сожалению, третья таблетка сохранилась много хуже, чем вторая. Вторая таблетка рассказывает о сне Гильгамеша, предвещаю-

[щем приход нового друга. Затем следует свидание Энкиду с блудницей и уход Энкиду с ней в Урук, где Гильгамеш после борьбы заключает дружбу с Энкиду. В третьей таблетке говорится о походе друзей против Хумбабы, который назван здесь Хувава. Этот же вариант имени Хумбабы мы встречаем и в богазкеойских фрагментах эпоса о Гильгамеше, где он назван Хувlivаиш. Новый вариант имени Хумбабы дал Clay возможность найти этого врага Гильгамеша в некоторых omina, где он также называется Хувавой. Ср. A. C l a y, The empire of the Amorites, New Haven, 1919, стр. 88, и того же автора, A hebrew deluge story in cuneiform, New Haven, 1922, стр. 50 сл. См. также F. W e i d n e r, Vokabular. Studien (Americ. Journ. Semit. Lang. Liter. 1922, 38), стр. 198—99. Упоминание Хумбабы текстами из Богазкеоя и еще Oppert'ом предположенное тожество этого витязя с Комбабом, героем известного рассказа Лукиана (de dea Syria, гл. 19—25) о построении храма в Иераполе в Северной Сирии, дают Clay некоторое право на утверждение, что Хумбаба, хранитель кедра, является не представителем Элама, а представителем Сирии, Ливанских гор, покрытых кедровыми лесами (The empir, стр. 87—88). Эту связь Хумбабы с Западом можно подкрепить еще и указанием на связь Комбаба-Хумбабы с Битисом (Батой), героем египетской сказки о двух братьях. Эта связь особенно выступает в общем египетской и сирийской легендам, весьма своеобразном мотиве о лишении героем себя мужества, ради доказательства своей невинности в прелюбодеянии. Но соглашаясь с Clay относительно западной локализации Хумбабы, нельзя согласиться с утверждением относительно аморейского (т. е. семитического) происхождения этого героя. Имя Хумбабы несомненно принадлежит до-семитическому — яфетическому слою Передней Азии. Его можно сопоставить с Κύβηβος, именем посвященного великой матери богов Кибелы — Кивелы, богини характерной для всего яфетического мира. См. В. В. С т р у в е, Иштари — Исольда в древне-восточной мифологии. (Сб. Тристан и Исольда, стр. 49—70). Ср. A. S a y c e, A. Hittite version of the epic of Gilgames (Journ. Roy. As. Soc. 1923, стр. 559 сл.). Новый материал для древне-вавилонской версии поэмы о Гильгамеше подарил нам и Богазкеойский архив в лице аккадского фрагмента № 12 шестого вып. Keilschr. a. Boghazköi. На лицевой стороне повествуется о втором сновидении Гильгамеша (!) перед борьбой с Хумбабой, а на обороте мы читаем о речи Энкиду и о том, что Истар восходит к Ану ради переговоров о небесном быке. Изложение фрагментом этих эпизодов существенно отличается от изложения соответствующих таблеток, пятой и шестой, эпоса из библиотеки Ассурбанипала. Ср. A. U n g n a d, Oriental. Literaturzeit. 1923, стр. 492. Из исследований, посвященных отдельным темным выражениям в тексте эпоса Гильгамеша, можно указать на статью D. L u c k e n b i l l в Amer. Journ. Semit. Lang. Liter. 1922 (38), стр. 97 сл., интерпретирующую непонятное «schutabni» табл. X, ст. II, 29 «каменным якорем». Об интересных наблюдениях ныне покойного Fr. Delitzsch'а над текстом плача Гильгамеша о друге своем Энкиду сообщает H. Z i m m e r n, Zeitschr. f. Assyr. XXXV (1923), стр. 154 сл. Вопросу о клинописном эквиваленте библейского Нимврода посвящены статьи E. K r a e l i n g, The origin. a. real. name of Nimrod (Amer. Journ. Sem. Lang. Liter., 1922 (38), стр. 214 сл.). Автор находит вавилонский прототип Нимврода в «Энмарадда», resp. «Нинмарадда», «владыка Марадда = Марад'а», города в Южной Вавилонии. Энмарадда эпитет бога Лугальмарадда, читавшегося раньше неверно Лугальбанда. Подобно Гильгамешу и Лугальмарадда перечисляется среди царей первой династии Эреха. К литературе о ниппурском списке «царей после потопа», приведенной выше в главе о хронологии, надо прибавить еще «dynastic lists of early Babylonia», appendix к неоднократно цитированному труду C l a y, A hebrew deluge story in cuneiform. — Эпос о боге Ура. Новые фрагменты из Ассура (K A R № 168 и 169) пополняют куюнджикские фрагменты эпоса. Заканчивается эпос, на основании нового материала, следующим образом: «Когда Ура гневался и решил низвергнуть страны и уничтожить людей, тогда его успокоил Ишум, его визирь, и отвратил его от гнева. Некоему человеку, который замыслил составить песнопение в честь его, а именно Кабти-илани-Мардуку сыну Дабибу дал он узреть это во время ночи. Когда он тогда утром встал, то он не выпустил ни одной строки, (но) и не прибавил ни одной строки. Над этим делом Ишума возрадовался Ура». Другими словами, автору эпоса о боге Ура Кабти-илани-Мардуку была продиктована поэма во время сна слово в слово Ишумом, визирем Ура. — Фрагмент древне-вавилонской версии мифа об Этане, изданный S c h e i l'ем (Rec. de trav. 23, 18), переиздан с новыми транскрипцией и переводом C l a y, A hebr. del. st., стр. 37—38, табл. III и VII. Русский перевод мифа см. В. К. Ш и л е й к о, Орел и змея, Восток IV, стр. 24 сл.—Миф о рае. Интерпретация S. L a n g d o n'ом таблетки № 4561 музея Пенсильванск. у-та, в качестве мифа о рае, потопе и грехопадении человека, встретила,]

[как мы уже сказали раньше, суровую критику в лице M. J a s t r o w'a, Amer. Journ. Sem. Lang. Liter. 1917 (33), стр. 91. сл. и A. U n g n a d 'a, прямо заявившего, что он не может из данного памятника ничего вычитать ни о рае, ни о потопе, ни о грехопадении (Zeitschr. Deutsch. Morgenl. Ges. 1917, т, 71, стр. 252); P. M. W i t z e l, Die angebliche sumerische Erzählung von Paradies, Sintflut und Sündenfall, в серии Keilinschriftliche Studien, вып. 1, Leipzig, 1918, стр. 51 сл. и др. S. Langdon продолжает, несмотря на эти нападки, настаивать в главных пунктах на своей интерпретации, подкрепляя ее привлечением новых текстов. Ср. его большой труд Le poème sumérien du paradis, du déluge et de la chute de l'homme. Paris, 1919. Далее Journ. Orient. Soc. т. V, стр. 66 и Babylonian Wisdom, London, 1923, стр. 18 сл. Таблетка № 14005 музея Пенсильванск. у-та, содержащая миф о Тагтуге, творце культуры, издана B a r t o n, Miscellanous babyl. inscriptions № 8 и L a n g d o n, Le poéme sumér., стр. 131 сл. и табл. VII—VIII. О значении Тагтуга см. S c h e i l, Rev. d'Assyriol., 1918, стр. 195 и L a n g d o n, Journ. Roy. As. Soc. 1919, стр. 37, который полагает, что Тагтуг обозначает ткач. Может быть, в этом имени героя сумерийского мифа о рае имеется указание на мотив, более определенно выраженный в библейском сказании о рае, а именно стихийное стремление людей после грехопадения прикрыть свою наготу. Этот же мотив упоминается и текстом из Ниппура, впервые интерпретированным E. C h i e r a в Amer. Journ. Semit. Lang. Liter., 1922 (39), стр. 40 сл., как фрагмент сумерийского мифа о грехопадении человека. (Об этом мифе см. выше, стр. 134). Здесь (лиц. стор. стран. 15—17) бог обращается к согрешившему человеку со следующими словами: «Прекрати рыдания твои! От места моего иди в пустыню! Ко мне, за то, что ты рвал с дерева, которое устанавливает одежду (gis-gi - túd-gi), ты, как изгнанный, уже не вернешься. «Тростник, освобождающий от смерти» малых из малых (т. е. людей), не должен быть взят (человеком)». Название дерева, с которого человек сорвал запретный плод, «дерево, которое устанавливает (пользование) одеждой», очевидно указывает на то, что человек, вкусивший от него, чувствовал потребность скрыть свою наготу. Кроме упоминания дерева «gi-túd-gi» в речи бога ниппурской таблетки интересны и последние слова: «Тростник, освобождающий от смерти» малых из малых (т. е. людей), не должен быть взят (человеком)». Эти слова нам указывают на истинную причину изгнания человека из рая. Боги боятся, что человек, вкусивший от дерева познания добра и зла, сорвет и плод от дерева жизни и уподобится тогда и в бессмертии богам, в бессмертии, которое боги оставили себе, дав человеку в удел смерть и преисподнюю. Может быть, и в первоначальной редакции библейского рассказа о рае и грехопадении было два дерева—«древо познания добра и зла» и «древо жизни», и люди были изгнаны богом из рая по тем же соображениям, что и в сумерийском мифе из Ниппура. В ниппурской таблетке о грехопадении, переведенной Chiera, не сохранилось имя человека, преступившего повеление бога, но вероятно его можно сопоставить с Тагтугом текста Langdon'a о рае. Интересно отметить, что в сумерийском мифе о грехопадении выступает один человек, а не мужчина и женщина, как в библейском рассказе. Поэтому и Тагтуг является двуполым существом (ср. Chiera, ук. соч., стр. 44), каковым был в сущности и Адам до рождения из его тела первой женщины. Если Langdon прав в интерпретации своего текста, и действительно таблетка № 4561 Пенсильв. у-та повествовала о мировом потопе, то сумерийский герой мифа о рае и грехопадении был в то же время и героем мифа о потопе. В таком случае Тагтуг может быть сопоставлен с Зиудсудду, сумерийским прототипом семитического Ут-Напиштима. Langdon далее предполагает, что имя «Uttu», сопоставляющееся в некоторых глоссариях с Тагтугом, является сокращением Ут-Напиштима, подобно тому, как «Гиш» является сокращением «Гиш-биль-гамис» (Гильгамеш), см. L a n g d o n, Le poème sumér., стр. 156. Сопоставление Тагтуга с Зиудсудду-Ут-Напиштимом объясняет и тот факт, что Тагтуг, человек, свершивший грехопадение, был все же обожествлен. По крайней мере Chiera нашел в ниппурской коллекции список богов, в котором перечисляется и бог Тагтуг (ук. соч., стр. 44). — Мифы о боге Нинибе. К обоим мифам об этом боге, существование которых было впервые установлено в 1905 г. H r o z n y, найдены новые фрагменты в ассурской библиотеке. Один из мифов, называющийся по начальным словам «Как Ану ты создан», дополняется Ebeling, K A R №№ 12 и 18. Перевод и транскрипцию см. J. A. M a y n a r d, Studies in religious texts from Assur, в Amer. Journ. Semit. Lang. Liter. 1917 (34), стр. 47 сл. Другой миф, называющийся «Царь в день своего блеска величав», может быть теперь с помощью новых фрагментов из Ассура в значительной степени восстановлен. K A R №№ 13, 14 и 17 пополняют наши сведения о тексте 1, 2, 3, 5, 9, 10, 11 и 12 таблеток эпоса, который обнимал всего 13 таблеток. Ср. J. A. M a y n a r d, ук. соч., стр. 31 сл. S a m u e l G e l l e r. Die Sumerisch-Assyrische Serie «lu-

[gal-e ud melam-bi nixgal», Leiden, 1917. Весь этот новый материал использовал P. Maurus Witzel в своей ценной монографии, посвященной Нинибу, Der Drachenkämpfer Ninib (Keilinschriftl. Studien, вып. II, Fulda, 1920). Он привлекает наравне с текстами и обильный изобразительный материал, в лице цилиндров. Вывод, к которому W. приходит, таков, что чудовищем, с которым Ниниб борется, является наводнение Тигра, парализуемое им дамбой.—Интересен сумеро-семитический текст, посвященный Энлилю и Нинлиль, данный в транскрипции и переводе Pinches, Journ. Roy. As. Soc. 1919, 185 и 575. — Небольшой фрагмент таблетки ниневийского происхождения, содержавшей исторический эпос, напоминающий легенду о царе Куты, издал Scheil, Rev. d'Assyr. XV, 1918, стр. 136]. — Храмы, жречество и культ. Frank, Studien zur Babylonischen Religion, Strassb., 1911. [О благотворительности храмов говорит текст, изданный Scheil, Rev. d'Assyr. XIII, 1916, стр. 128 сл. и свидетельствующий о том, что храмы выдавали беднякам, пораженным болезнью, беспроцентные ссуды]. Hilprecht, Die Ausgrabungen im Bel-Tempel zu Nippur. 1903. [Вопрос об архитектурной физиономии еще не является окончательно решенным. Koldewey (Mit. d. Deutsch. Orient. Ges. 50, 33) считает, что отдельные этажи башни чрезвычайно мало отличались друг от друга по величине, и поэтому ему представляется вся башня в виде колоссального кубика. Th. Dombart же наоборот (D. babylon. Turm в Jahrb. d. Deutsch. Arch. Inst. XXXIV, 1919, стр. 40, и D. Sakralturm, ч. I, Zikkurat, München, 1920) настаивает на таком сильном уменьшении этажей башни по направлению снизу вверх, что верхний этаж заключал в себе одно лишь небольшое помещение. Реконструкции обоих исследователей см. B. Meissner, Babylonien u. Assyrien, рис. 119 и 120. Мейснер же дает (стр. 310 сл.) прекрасное изложение нашего настоящего знания о зиккуратах. К сожалению раскопки, вследствие плохой сохранности башен во всех исследованных храмах, не могут решить спор между Koldewey'ем и Dombart'ом. Но, принимая во внимание ассирийское и вавилонское изображения, свидетельства клинописных текстов и греческих авторов, можно, кажется, сказать, что несколько больше данных говорит в пользу реконструкции Dombart'а, которая по существу является возвращением к пониманию зиккурата, господствовавшему в науке до выступления Koldewey. Интересно описание построения семиэтажного зиккурата Нингирсу в цилиндре А Гудеа (ст. XX, 27—XXII, 8), согласно новому переводу этого текста P. M. Witzel в Keilinschriftl. Studien, вып. 3, Fulda, 1922, стр. 12—13 и стр. 56 сл. Если следовать интерпретации названного автора, то оказывается, что на зиккурате были посажены деревья и мы имели бы в таком случае свидетельство о «висячих садах Семирамиды», восходящее к III тысячелетию.—Новые обильные данные об одном из разрядов жрецов, так наз. «калу», входящих в корпорацию певцов, дают таблетки, происходящие из храмовой библиотеки Урука. Эти «калу» должны были «умиротворять» своими песнопениями «сердца богов». Свои песнопения они сопровождали игрою на музыкальных инструментах, самый главный из которых назывался «lilissu». Ритуал всей службы «калу» описывается урукскими таблетками вплоть до малейших деталей. Указывается и способ пользования музыкальными инструментами. Центральное место в этой части ритуала занимают предписания, касающиеся «lilissu». Не оставлен без внимания даже способ его изготовления. Описание последнего начинается с жертвы быка, который должен отдать свою кожу для lilissu, соответствующего, очевидно, тимпану. Урукские таблетки изданы F. Thureau-Dangin, Tablettes d'Uruk (Musée du Louvre. Antiq. Orient., textes cuneif., т. VI), Париж, 1922. Транскрипцию и перевод их он же дал в Le rituel du kalû (Rev. d'Assyriol., XVI, 1919, стр. 121 сл. и XVII, 1920, 53 сл.). Очень интересный текст для истории вавилонского жречества издал Scheil, Rev. d'Assyriol. XV, 1918, стр. 61 сл. Оказывается, что в Вавилонии передавались рабы храмам в качестве жрецов, чтобы молиться там за благополучие своего бывшего господина. — Материал по вавилонскому культу сделал общедоступным Jensen, Texte z. assyrisch-babylonischen Religion, I, Kult. Texte (Keilinschriftl. Bibl. VI, 2 ч.), Berlin, 1915. Здесь, стр. 8 сл. даны в новых транскрипции и переводе отрывки месяцеслова. О жестах, сопутствующих молитву сумерийцев и вавилонских семитов, см. Langdon, Journ. Roy. As. Soc. 1919, стр. 531. Для семитов является характерным поднятие руки, сумерийцы же складывали руки на животе. — О жертвенном ритуале см. T. Pinches, Babylonian a. ritual a. sacrifical offerings, Journ. Roy. As. Soc. 1920, стр. 25 сл. Об условном обещании жертв божеству в случае исполнения молитвы см. Scheil, Rev. d'Assyr. XXII, 1915, стр. 65 сл. Сложным вопросам культового календаря посвятил обстоятельную монографию B. Landsberger, D. kultische Kalender d. Babylonier u. Assyrier I ч., 1915 (Leipz. Semit. Stud. VI, 112). Им разбираются локальные календари сумерийских городов до-

вавилонского периода. Особенно много места он уделяет праздникам ниппурского календаря, который впоследствии был заимствован Вавилоном, и календарю Лагаша, хорошо нам известному, благодаря многочисленным табличкам архива этого города. Оба календаря восходят к системе, основанной на восходе Сириуса. Для ассирийского календаря автор приводит новый материал из Ассурского архива. Интересно свидетельство клинописного текста, приводимое Landsberger'ом, что в Араксамне (т. е. восьмом месяце) царь освобождал пленника. Этот обычай, очевидно, объясняет эпизод с Варравой, которого Пилат освободил на пасху. — Представление о пышности как ежедневного, так и праздничного культа вавилонских храмов дают нам уже упомянутые таблетки из Урука, изданные Thureau-Dangin'ом. Часть из них посвящена ритуалу храма Ану. Они транскрибированы и переведены Thureau - Dangin'ом в его Rituels Accadiens, Париж, 1921. Урукские таблетки свидетельствуют нам о том, что клир храма приносил Ану и другим великим богам Урука ежедневно четыре жертвы, большую и маленькую жертву утра и большую и маленькую жертву вечера. Устав этих жертв был роскошен и свидетельствует о богатстве храма. Ежедневно требовалось возлияний от 10 до 14 золотых сосудов, а для жертв 50 баранов, 2 быка, 1 теленок, 4 кабана, 8 ягнят, много птицы и большое количество хлеба. Жертвы, требующиеся праздничным ритуалом, были, конечно, еще более пышны. В особенности торжественно справлялся праздник нового года, называемый Загмук или Акиту. В Уруке даже справлялось два праздника Акиту, один весной, а другой осенью. Такое раздвоение восходит еще к сумерийскому периоду. В текстах эпохи дин. Ура упоминаются два праздника «акити», справлявшиеся в гор. Уре, в первом и седьмом месяцах года. Эти два новогодних праздника продолжают, может быть, жить в еврейском календаре, различающем церковный год, начинающийся в Нисане, и гражданский год, начинающийся в Тишри]. Основное исследование, посвященное празднованию нового года в Вавилонии, принадлежит H. Z i m m e r n: Zum babylonischen Neujahrsfest в Ber. über d. Verhandl. d. Sächs. Ges. d. Wiss. zu Lpzg. Phil.-hist. Kl. 58 (1906), стр. 126 сл. [В 1918 г. (ibidem, 70, стр. 1 сл.) Zimmern продолжал свое исследование, использовав новый ценный материал. Первым и самым важным из рассмотренных им текстов является таблетка Ассурского архива, изданная Ebeling'ом в K A R № 143. Она была написана, вероятно, в VIII в. до н. э. и содержанием ее служат мистерии, посвященные страстям и конечному торжеству Бела-Мардука в великий праздник нового года. Для историка религии особенный интерес представляет та часть труда Zimmern'а (стр. 12 сл.), где он сравнивает и сопоставляет этот миф о Мардуке с рассказом о Христе. Второй текст, исследованный автором, происходит из Урука, но был издан в K A R № 132 среди табличек из Ассура. Он описывает ритуал новогоднего праздника в названном городе и восходит наверное к довольно высокой древности, хотя таблетка, содержащая его, была написана лишь во время Селевкидов. Заключением исследования Zimmern'а служат данные о гемерологии нового праздника, о семи именах Мардука и т.д., почерпнутые из текста KAR № 142. Некоторые дополнения к этому исследованию дал Z i m m e r n же, Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Ges. 1922, № 76, стр. 52 сл. и Zeitschrift f. Assyriol. 1922, стр. 87 сл. Транскрипцию и перевод всего известного нам материала по ритуалу праздника Загмук в Вавилоне дает T h u r e a u - D a n g i n, Rituels Accadiens, стр. 129—148. О центральной роли эпоса «enuma elisch» в ритуале праздничного культа нового года см. B. M e i s s n e r, Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Ges. 1922, № 76, стр. 94 сл. и др. — О праздновании Акиту в Уруке ср. T h u r e a u - D a n g i n, Rituels Accadiens, Paris, 1921, стр. 86 сл., idem, Les fêtes d'Akitu d'après un texte divinatoire, Rev. d'Assyriol. XIX (1922), стр. 141 сл. и L a n g d o n, ук. соч., стр. 68. Тот же Langdon касается ритуала новогоднего праздника и в своем Babylonian epic of creation, 1923. В этом труде он издал два новых, найденных им в Британском музее, фрагмента к мистериям о смерти и воскресении Бела-Мардука. Эти мистерии нам определенно указывают, что миф о Беле-Мардуке до известной степени соприкасался с мифом о Таммузе, этом умирающем и вновь оживающем боге. Еще Страбон, Geogr. XVI, I, 5—7, описывал «гробницу Бела», которую показывали в Эсагиле. «Гробница», вероятно, место покоя умершего бога, являлась уже частью сумерийского храма, см. M e i s s n e r, Babyl. u. Assyr., стр. 312. Мы видим, таким образом, что вера в смерть бога и его последующее воскресение занимала не последнее место в религии Вавилонии. Но вавилоняне, уверовав в смерть бога, и сравнив таким образом бога с человеком, не создали себе, с другой стороны, веры в бессмертие человека, чтобы уравнить человека с богом. На этот путь сравнения человека с богом вступили египтяне уже в древнейшее время, и уверовали, что бог, подобно человеку, умрет, а человек, подобно богу, опять воскреснет к новой жизни. Вавилоняне на этом пути сделали лишь первые робкие шаги.

В одном литургическом тексте культа Таммуза, восходящем к эпохе Исина, отожествлены пять умерших царей этой династии (третий по седьмой), кажется, с Таммузом. S. Langdon, Tammuz a. Ishtar, Oxford, 1914, стр. 26. Первый из этих царей, Индиндаган упоминается в литургии, посвященной его браку с богиней Инниной-Иштар (ср. Langdon, ук. соч., стр. 27). Так как в этом ритуале участвует на ряду со статуей богини и статуя царя, то, очевидно, и здесь идет речь о покойном царе, по смерти отожествленном с Таммузом. Подобное отожествление, конечно, было одним из решительных шагов на пути к обожествлению царя. О последнем см. Chr. Jeremias, D. Vergöttlichung d. babylonisch-assyrischen Könige (сер. Alt. Orient.), Leipzig, 1919. Но простые смертные в Вавилонии не обожествлялись, подобно царям, и диалог из Ассурского архива, доказывающий всю тщетность всех человеческих помышлений (об этом диалоге см. выше), видит в смерти лишь силу, приводящую жизнь всех людей к одному знаменателю, к уничтожению. «Подымись», говорит один из участников диалога, «на холмы разрушенных городов, пройдись по развалинам древности и посмотри на черепа людей, живших раньше и после: кто из них был владыкою зла и кто из них был владыкой добра?» Лишь в поздних текстах, найденных в гробницах Суз VII и VI вв. и являющихся чем-то вроде Книги Мертвых, встречается ясно выраженная вера в загробный суд. См. V. Scheil, Textes funéraires, Rev. d'Assyr. XVII, 1916, стр. 165 сл. — О музыке и пении дает новый материал KAR № 158. Ср. Ebeling, Mit. d. Deutsch. Or. Ges. 1917 № 58 и Langdon, Journ. Roy. As. Soc. 1921, стр. 169—192].—Гимны. H. Zimmern, Babylonische Hymnen u. Gebete (Der alte Orient 7, 3). Hehn, Die babyl. Hymnen zu Marduk, 1906. Schollmeyer, Sumerisch-babylonische Hymnen u. Gebeten an Samas, 1912. Bollenrücher, Gebete u. Hymnen an Nergal, 1904. [S. Langdon, A hymn to Enlil with a theological redaction в Rev. d'Assyr. XII, 1915, стр. 27 сл. J. Pinckert, Hymnen u. Gebete an Nebo в Leipz. Semitist. Studien. S. Langdon, A hymn to Tammuz в Rev. d'Assyr. XII, 1915, стр. 32 сл. В. К. Шилейко, из книги «Edinna Usagga» (Востоку, IV, стр. 21 сл.) перевел две из песней плача по Таммузе. V. Scheil, La déesse Nina et ses poissons в Rev. d'Assyr. XV, 1915, стр. 127 сл.: таблетка первой вавилонской династии (из Константиноп. музея), содержащая сумерийский гимн в честь Нины, с упоминанием связи богини с рыбами. Текст, прославляющий возвышение Истар в царицы неба в качестве супруги бога Ану, издал Thureau-Dangin, Rev. d'As. XI (1914), стр. 141 сл. О возвышении Истар богом Энки повествует сумерийский текст из Ниппурского архива, ср. Poebel, Historic. a. grammatic texts № 25 и Langdon, Le poème sumérien, стр. 220 сл. Zimmern издал в Ber. ub. d. Verhandl. d. Kngl. Sächs. Ges. d. Wiss. т. 68 таблетку Берлинского музея (№ 5946 Vorderasiat. Schriftdenkmäler), содержавшую поэму, воспевавшую Истар, как богиню войны. Scheil'ю удалось найти продолжение этой поэмы. См. его Le poème d'Agusaya в Rev. d'Assyr. XV, 1918, стр. 169 сл. Обстоятельную монографию, посвященную Истар и Таммузу, дал Langdon в виде своей книги, Tammuz a. Ischtar, Oxford, 1914. Здесь же, стр. 61, Langdon переводит первую половину интересной ассирийской поэмы об Истар, изданной S. A. Strong, Beiträge z. Assyriol. II (1894), стр. 634. Полный перевод текста дал В. К. Шилейко (Восток, I, стр. 81)]. Заклинания: H. Zimmern, Ein babylonisches Ritual für eine Hausweihe, Zeitschr. f. Assyriol. 23. Myhrman, Die Labartutexte. Strassb., 1902. Frank, Babylonische Beschwörungsreliefs. Lpz., 1908. Thompson, The devils a. evil spirits, 1903. [Zimmern издал в Zeitschr. f. Assyriol. 30, 204 сл. очень интересный текст—вавилонское руководство для искусства заклинаний, рассматривающее все многочисленные виды заклинаний. Переводы заклинаний Ассурского архива см. B. Ebeling, Zeitschr. Deutsch. Morgenl. Ges. 69 (1915), стр. 89 сл. и 74 (1920), стр. 175 сл. Кое-какие дополнения к этим переводам см. B. Meissner, ibidem, 69 (1915), стр. 412 сл., H. Stumme, ibidem, 74 (1920), стр. 303 сл. и B. Landsberger, ibidem, 74 (1920), стр. 439 сл. Новые заклинания против Лабарту издал Thureau-Dangin, Rev. d'Assyr. XVIII (1921), стр. 161 сл. Заклинания и ритуал для усиления любовных чар иеродулы см. Zimmern, Zeitschr. f. Assyr. 33, стр. 174 сл. Meissner, Magische Hunde в Zeitschr. Deutsch. Morgenl. Ges. 73 (1919), стр. 176 сл. доказал, что терракотовые фигурки собак с ассирийскими надписями («кусатель своих врагов», «ловец противников»), хранящиеся ныне в Британском музее, являются статуэтками, изготовленными жрецами для ритуала магических заклинаний. Об изготовлении статуэток семи мудрецов (!) для этой же цели трактует KAR № 298. См. H. Zimmern, Die sieben Weisen Babyloniens (Zeitschr. f. Assyr. XXXV (1923), стр. 151 сл. Здесь же им приводится весь материал, касающийся «7 мудрецов» в Ва-

вилонии]. Schrank, Babylonische Sühnriten, 1908. Zimmern, Babylonische Busspsalmen. [S. Langdon, A ritual of atonnement addressed to Tammuz a. Ishtar, в Rev. d'Assyr. XIII (1916), стр. 105 сл. Текст восстановлен на основании фрагментов из Ниневийской и Ассурской библиотек. Любопытно участие Иштар и Таммуза в ритуале покаяния. Langdon, A ritual of atonnement for a babylonian King в Mus. Journ. VIII (1917), стр. 39 сл.: молитва за несчастного Шамашшумукина, брата Ассурбанипала, которая вероятно восходит к более древним образцам]. Fr. Martin, Le juste souffrant babylonien. Journ. As., 1910 (XVI, 2) полагает, что и текст о невинном страдальце относится к той же литературе возвеличения Мардука и Вавилона. Scheil, Encore un Job Babylonien, Rev. d'Assyr. IX. [В Ассурском архиве были найдены новые фрагменты этого замечательного произведения, К А R №№ 10, 11, 108 и 175. Самыми важными из них являются №№ 10 и 11, сохранившие конец текста. См. Zimmern, Z. babylon. Neujahrsfest, II в Berl. Sächs. Ges. d. Wis. 1918, вып. V, стр. 45 сл.; S. Langdon, Babylonian Wisdom, London, 1923, стр. 3 сл. B. Landsberger в Textbuch z. Religionsgeschichte (издание E. Lehmann и H. Haas) дает прекрасный перевод. Интересные наблюдения у Zimmern в Zeitsch. Deutsch. Morgenl. Ges. 76 (1922), стр. 49 сл.]. К вавилонской литературе нравоучительного характера: см. H. Zimmern, Ein Fragment. d. babyl. Weischeitssprüche; его же, D. Alte Orient XIII, 1 и Jäger, Beitr. z. Assyr. II, стр. 274 сл. [Начало одного из этих нравоучительных текстов — Куюндж. № 7897 — нашлось, кажется, в одном из фрагментов Ассурского архива—К А R № 27. Содержанием его служит обращение Ут-Напиштима, героя вавилонского мифа о потопе, к своему сыну и, согласно остроумной догадке H. Zimmern, Zeitschr. f. Assyriol., 30, стр. 186 сл., продолжением этого обращения является поучение—Куюндж. № 7897,—извлечения из которого приведены выше в тексте. Наряду с несколькими мелкими фрагментами нравоучительного характера Ассурский архив подарил нам один из замечательных памятников вавилонской мудрости. Ebeling издал его в К А R № 96. Фрагмент его нововавилонского дупликата, хранящийся также в Берлинском музее, был давно уже издан Reisner'ом, Sumerisch-Babylonische Hymnen, стр. 143. См. В. В. Струве, Диалог господина и раба «о смысле жизни» (Сб. Религия и общество, стр. 42—59). E. Ebeling, Ein babylonischer Kohelet, Berlin, 1922, и S. Langdon, Babylonian Wisdom, London, 1923, стр. 67 сл. — Из прочих литературных произведений, подаренных нам Ассурским архивом, заслуживает внимания текст, повествующий о споре между двумя деревьями, тамариском и финиковой пальмой, К А R № 145 и Ebeling, Mit. d. Deutsch. Or. Ges. 1917, № 58. G. Franzow, Zu der demotischen Fabel vom Geier und der Katze (Z. f. .Ä Spr. 66).—Искусство. В 1915 г. закончился VII и VIII выпусками классический сборник L. Heuzey, Les origines de l'art. L. Curtius, Die antike Kunst, I т. Aegypten u. Vorderasien, Berlin, 1923. H. Prinz, Altorientalische Symbolik, Berlin, 1915: не слишком ценный вклад в литературу, посвященную этому интереснейшему вопросу. Обстоятельную монографию о цилиндрах и печатях дал O. Weber, Altorientalische Siegelbilder, Leipzig, 1920. Прекрасным собранием материала является L. Delaporte, Musée du Louvre. Catalogue des cylindres orientaux. I. Fouilles et Missons, 1920. Эпиграфическая часть обработана Thureau-Dangin'ом. Неизвестные цилиндры различных коллекций, начиная с эпохи Аккада, издал Scheil, Rev. d'Ass. XIII (1916), стр. 5 сл. Из работ, посвященных отдельным вопросам вавилонского искусства, можно отметить G. Contenau, La déesse nue babylonienne, Paris, 1914; P. Toscanne, Sur la figuration et le symbole du Scorpion. Rev. d'Assyr. XIV (1917), стр. 187 сл. и др. Исчерпывающий обзор истории вавилонского костюма представляет изданный в 1921 г. Ed. Meyer'ом посмертный труд W. Reimpell'я, Geschichte der babylonischen u. assyrischen Kleidung]. — Наука. К литературе о жертвозрении и астрологии, очень обстоятельно трактованных в указанном труде Jastrow'а, можно прибавить следующее: Zimmern, Beiträge zur babyl. Religion (1901), Ritualtafeln № 94 — знаменитый текст о посвящении Шамашем и Ададом Энмедуранки, одного из царей до потопа, в искусство предсказания и о предоставлении права предсказывать одним лишь потомкам этого царя, а из них только тем, которые свободны от каких-либо физических недостатков; Hunger, Becherwahrsagung bei den Babyloniern, Lpz., 1903. Virolleaud, L'astrologie, Paris, 1903. Boissier, Choix de textes relatifs à la Divination Assyro-Babylonienne, Genève, 1905. [Chr. Fichtner-Jeremias, Der Schicksalsglaube bei d. Babyloniern, Mitteil. d. Vorderas.-Äg. Ges. 1922, II вып. St. Langdon, A fragment of a series of ritualistic prayers to astral deities in the ceremonies of divination (Rev. d'Assyriol., XII, 1905, стр. 189 сл.): интерес-

ный текст, свидетельствующий об обращении к астральным божествам перед началом жертвозрения по печени. S. Pfeifer, Studien zum antiken Sternglauben. Leipzig, 1916. C. Bezold, D. Astrologie d. Babylonier в Boll, Sternglaube u. Sterndeutung (Aus. Natur- u. Geisteswelt, 638 том), Lpz., 1919. V. Scheil, Présages tirés de Vénus, Tablette babylon. Suite de K. 7629 в Rev. d'Assyr. XIV, 1917, стр. 142 сл. Его же, Deux rapports d'augure в Rev. d'Assyr. XIV, 1917, стр. 145 сл. H. Holma, Omen texts from Babylonian tablets in the British Museum concerning birds a. other portents, Leipzig, 1923]. — Астрономия. Epping.-Stassmaier, Astronomisches aus Babylon. Freiburg im Breisgau. F. X. Kugler, Sternkunde u. Sterndienst in Babel, I, II, 1907—12. Его же, Die babylonische Mond.rechnung, 1909. C. Bezold, Zenit- u. Aequatorialgestirne am babylonischen Fixsternhimmel в Sitzungsber. d. Heidelberg. Akad. d. Wiss. phil.-hist. Kl. 1913. [E. F. Weidner, Die Sternliste von Boghazköi. (Im Kampf um den alten Orient, II вып.), Leipzig, 1914. Его же, D. Entstehung d. Praecession. Eine Geistestat Babylonischer Astronomen, в Babyloniaca, т. VII, вып. 1. Его же, Handbuch d. babylonischen Astronomie, т. I. Der babylonische Fixsternhimmel. Leipzig, 1915. C. Bezold, Die Angaben d. babylon.-assyrischen Keilschrifttexte über farbige Sterne в Abhandl. Bayer. Akad. d. Wis. phil.-hist. Kl. 30 (1918), 1 вып., стр. 97 сл. E d. Mahler, Zur astronomie u. chronologie d. Babylonier, Zeitschr. f. Assyr. XXXIV, стр. 54 сл. A. Ungnad. Bemerkungen zur babylonischen Himmelskunde, Zeitschr. Deutsch. Morgenl. Ges. 73 (1919), стр. 158 сл.]. — Метрология. Lehmann, Babylon. Mass-und Gewichssystem. Leiden, 1893 и ряд статей по тому же вопросу в Zeitschr. f. Ethnologie. Его же обстоятельная работа Vergleichende Metrologie u. Keilinschriftliche Gewichtskunde в 66 т. Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Ges., написанная против статьи Weissbach, Zur keilinschriftlichen Gewichtskunde в 65 т. того же журнала; [Lehmann-Haupt, Historisch-metrologische Forschungen в Klio XIV, 1915, стр. 370 сл.; F. H. Weissbach, Neue Beiträge z. Keilinschriftlichen Gewichtskunde в Zeitschr. Deutsch. Morgenl. Ges. 70, 1916, стр. 49 сл. и 354 сл.: обстоятельная защита тезисов своего исследования в 65 томе того же журнала. Краткие возражения Lehmann-Haupt'a, ibidem, стр. 521 сл.] — Математика. V. Scheil издал в Rev. d'Assyriol. XII, 1915, стр. 195 сл. текст, трактующий о дробях. [F. K. Ginzel, D. Wassermessungen der Babylonier u. das Sexagesimalsystem, Klio, XVI, 1920, стр. 234 сл.] — Медицина. Oefele, Keilinschriftliche Medizin. D. Alte Orient, 4, 2. [E. Ebeling, Keilschrifttexte medizinischen Inhalts., вып. I, Berlin, 1922. V. Scheil, Un document médical assyrien, Rev. d'Assyriol. XIII, 1916, стр. 35 сл.; его же, Fragment de tablette médicale, Rev. d'Assyr. XIV, 1917, стр. 87 сл.; его же, Tablettes des pronostics médicaux, там же, стр. 121 сл.; его же, Quelques remèdes pour les yeux, Rev. d'Assyr. XV, 1919, стр. 75 сл.].— Гуманитарные науки. О силлабариях см. O. Weber, Literatur d. Babyl. u. Assyrer, стр. 286 сл. [Из многочисленного вновь изданного материала можно назвать S. Langdon, Assyrian grammatical texts в Rev. d'Assyriol. XIII (1916), стр. 27 сл. и XIV (1917), стр. 1 сл. и 75 сл. Очень ценный глоссарий издал D. Luckenbill, The Chicago Syllabary в Amer. Journ. Semit. Lang. Liter. XXXIII, 1917, стр. 169 сл. Сумеро-семитический словарь, посвященный камням, издал V. Scheil в Rev. d'Assyriol. XV, 1918, стр. 115 сл. Много ценного словарного материала из библиотеки Ассурбанипала издал Th. J. Meek в Rev. d'Assyr. XVII, 1920, стр. 117 сл. Обстоятельное обследование посвятил этим текстам E. F. Weidner, в Amer. Journ. Semit. Lang. Liter. XXXVIII, 1922, стр. 152 сл. и т. д. Интересное исследование, посвященное вавилонским антиквариям, посвятил A. Clay в Art a. Archaeology (изд. The archaeolog. Institute of America), т. I, 1914, стр. 27 сл.]. — Воздействие Вавилонии на окружающие культуры. [О всестороннем влиянии вавилонской культуры, пожалуй, наиболее убедительно говорят вавилонские слова, заимствованные окружающими народами. Они теперь собраны H. Zimmern'ом в его прекрасном труде Akkadische Fremdwörter als Beweis für Babylonischen Kultureinfluss, Leipzig, 1917. Этот материал, действительно, доказывает, что вавилонская культура оказывала мощное воздействие на все стороны жизни, на политику, экономику, социальную структуру, материальную и духовную культуру окружающих народов]. Влияние в религии: Anz, Ursprung d. Gnostizismus, 1897. [A. Ungnad, Das wiedergefundene Paradies, Breslau, 1923]. В литературе: Meissner, Alexander und Gilgamos. Leipzig, 1904. Jensen, Das Nationalepos d. Babylonier u. seine Absenker. Das Gilgamesch-Epos in der Weltliteratur. I, Strassb., 1906 (прекрасный перевод и крайне

парадоксальное исследование). Schneider, Die Entwickelung d. Gilgamesch-epos, Leipzig, 1909. — В искусстве. [Большую действенность вавилонского искусства по сравнению с египетским подчеркивает L. Curtius, D. Antike Kunst. I т. Aegypten u. Vorderasien, 1923 (Berlin), стр. 222: это искусство, согласно его формулировке, «завоевало целый континент от Армении до Сирии, от Персидского залива до Средиземного моря». — В науке. C. F. Lehmann-Haupt, Die babylonische Zeiteinheit von 216 Minuten, ihre Beziehung u. ihre Verbreitung в Zeitschr. f. Ethnol. 1919, стр. 101 сл. A. Ungnad, Ursprung u. Wanderung d. Sternnamen. Breslau, 1923]. Влияние на Египет и Африку: исследования Hommel'я и исследователей, примыкающих к панвавилонизму, о полной зависимости египетской культуры от вавилонской фантастичны. [Кой-какие интересные наблюдения можно найти у J. de Morgan, De l'influence asiatique sur l'Afrique à l'origine de la civilisation égyptienne в L'anthropologie 31, 1921, стр. 185 сл., но и он увлекается мыслью о суверенном господстве вавилонской культуры над египетской. Может быть, было бы вообще осторожнее говорить о связи вавилонской и египетской культур. См. L. W. King, Royal Tombs in Mesopotamia a. Egypt, Journ. of Egypt. Arch. II, 1915, стр. 168 сл. W. H. Dammann, Alt. Babylonien u. Alt Ägypten, Hamburg, 1921 (изд. Hamburg. Mus. f. Kunst. u. Gewerbe). Th. G. Pinchesa. P. E. Newberry, A. cylinder, seal, inscribed in hieroglyphic a. cuneiforme in collection of the Earl of Carnarvon, Journ. of Eg. Arch. VII (1921), стр. 196 сл. Sidney Smith, Babylonian Cylinderseals from Egypt в том же журн. VIII (1922), стр. 207 сл. На одном из них изображены два египетских царя, стоящие друг против друга по обе стороны пальмы. В. Струве, Сеннаар и Египет в Изв. РАИМК, I т. Против того, что зависимость египетской весовой системы от вавилонской доказана, высказывается Weissbach, Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Ges. 70, 1916, стр. 376]. — Влияние на Сирию и Палестину. Zimmern, Biblische u. Babylon. Urgeschichte (Der Alte Orient, 2, 3); Baudissin, Tammuz bei dem Harranern, Zeitschr. Deutsch. Morgenl. Ges. 66, стр. 171 сл. [J. Plessis, Études sur les textes concernant Istar-Astarté. Recherches sur sa nature et son culte dans le monde sémitique et dans la Bible. Paris, 1921; W. Baudissin, Adonis, Zeitschr. Deutsch. Morgenl. Ges. 1916 (70). H. Seeger, Die Triebkräfte des religiösen Lebens in Israel. u. Babylon, Tübingen, 1923; Br. Sommer, D. babylonisch-biblische, Schöpfungsbericht u. Wissenschaft, Stuttgart, 1922; F. Stummer, Sumerisch-Akkadische Parallelen zu d. Alttestam. Psalmen. (Studien z. Geschichte u. Kultur d. Altertums XI, $^1/_2$ вып.), Paderborn, 1922: автор приводит веские доказательства в пользу зависимости библейских псалмов от вавилонских. Th. J. Meek, Canticles a. the Tammuz Cult, Amer. Journ. Sem. Lang. Liter. XXXIX, 1922, стр. 1 сл.: «Песня песней» поздняя, уже не понятая форма литургии свадьбы Истар и Таммуза, resp. их палестинских эквивалентов Адада (Дод) и Шала (Суламифь). Автор приводит интереснейший текст из Ассурского архива (Schroeder, Keilschrifttexte aus Assur verschiedenen Inhalts, № 145, Rev. 6 — № 73, 7), стр. 7, пр. 1: ilat Istar Urusalimma = Sulmanitu, т. е. Шульманиту (Суламифь) — одно из имен Истар Иерусалимской; Johns, The relations between the laws of Babylonia a. the laws of the Hebrew poeples, London, 1917. S. Langdon, Babylonian a. hebrew musical terms, Journ. Roy. As. Soc. 1921, стр. 160 сл. H. Gressmann, D. Sage von d. Taufe Jesu u. d. vorderoriental. Taubengöttin, Arch. f. Religionswis. 20, стр. 1 сл. и 323 сл. Интересно воззрение A. T. Clay, The empire of the Amorites, New Haven, 1919, на характер взаимоотношений между Сирией и Вавилонией. По его мнению, не Вавилония оказывала влияние на Запад, а наоборот Запад, в лице аморейских семитов, издревле сидевших в Сирии. Pinches в своей статье The creation legend a. the Sabbath in Babylonia a. Amurru (Journ. Roy. As. Soc. 1920, стр. 583 сл.) придерживается взглядов Clay]. — Влияние на Элам. О мощном воздействии вавилонской культуры свидетельствуют раскопки в Сузах. См. Déleg. en Perse. [V. Scheil, Un fragment Susien du livre «Enuma Anu Ellil» в Rev. d'Assyriol. XIV, 1917, стр. 139 сл.: копия с вавилонского текста, сделанная для Элама. — Влияние на хеттов. Многочисленные тексты из Богазкеоя доказали нам сильнейшую зависимость хеттской культуры от вавилонской (см. ниже, в главе, посвященной хеттам). — Влияние на персов. Интересна статья S. Langdon'а, The Babylonian a. Persian Sacaea в Journ. Roy. As. Soc. 1924, стр. 65: он ставит персидский праздник в связь с вавилонским праздником нового года. — Влияние на эгейскую культуру, ср. H. Bossert, Alt Kreta, 1920, стр. 59 сл. — Влияние на греческую культуру: из новейшей литературы можно указать: A. Ungnad, Gilgamesch-Epos u. Odyssee, Breslau, 1923. H. Wirth, Homer u.

Babylon, Freiburg, 1921. C. Bezold u. Fr. Boll, Eine neue babylonisch-griechische Parallele в сборнике в честь E. Kuhn, Breslau, 1916, стр. 225 сл. Br. Meissner, Babylonische u. Griechische Landkarten, Klio XIX, 1 сл. Воззрение Гекатея о делении круглой, охваченной океаном, земли на 4 квадрата свойственно вавилонской космографии, и оно было передано ионийцам через посредство лидийцев и фригийцев от хеттов. S. Langdon, The babylonian conception of the λογοσ, в Journ. Roy. As. Soc. 1918, стр. 433 сл. допускает зависимость ионийской философии от Вавилона. Allotte de la Fuye, Sur l'origine du grec χιτών в Journ. As. XI сер., V т., стр. 542. — Влияние на древнюю, культуру Америки (?) Th. W. Danzel, Babylon u. Alt-Mexiko (Gleiches u. Gegensätzliches). Mexiko, 1921.] — Пережитки вавилонской культуры в России: В. Миллер, Ассирийские заклинания и русские народные заговоры. Проф. И. И. Кауфманн, Русский вес, его развитие и происхождение. Пгр., 1906.





ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ ДО XVI ВЕКА

После 55-летнего царствования Хаммурапи, правило пять его потомков еще 150 лет. О деяниях их известно мало. Сын Хаммурапи, Самсуилуна (2080—43) заботился, подобно отцу, о каналах и занимался храмозданием и постройками в Вавилоне; от него и его преемников сохранилось собрание указов, несколько надписей (между прочим сумерийских) и список по-годных дат с обозначением событий. Указы и письма менее интересны и разнообразны, чем дошедшие от Хаммурапи; они вращаются в сфере финансовой и фискальной, изредка судебной (апелляция к царскому суду после недовольства ведением дела) практики. Из хроник этого времени, находящихся в Британском музее, видно, что политическое положение было крайне неустойчиво. Смерть великого царя повлекла за собою смуты и нашествия. Римсин опять выходит на сцену и даже овладевает вновь Исином, Ларсой, Эрехом и Уром, где появляются документы с его именем. Самсуилуна победил его в 11-м году своего царствования в Ларсе, где, кажется, сжег его во дворце; в следующую кампанию он велел разрушить стены Ура и Эреха. Однако, и это не восстановило его положения. В следующем году, по словам хроники, возмутились все области, было усмирено восстание «иноземных областей», отпавших от вавилонского царя, а в 14-м году подавлен большой мятеж в Аккаде, т. е. в Северной Вавилонии, причем был разрушен Сиппар; восстановление города, его «соперничавших с небом стен» и храма упоминается под 15—18-м годами, и этому событию посвящена особая сумерийская надпись. В другой такой же надписи Самсуилуна говорит об усмирении 26 узурпаторов. Однако, на юге, в «Приморской стране» поднимаются новые враги, в лице новой «Приморской династии», повидимому, сумерийского происхождения, кажется, с центром в Исине. Самсуилуна долго и безуспешно воевал с основателем этой соперничающей династии Илумаилу; не имел полной удачи и его преемник Абешу. Таким образом, сумерийская реакция отторгла весь юг с Ниппуром и Ларсой, до Исина, от Вавилона. Показались новые враги и на востоке, и на севере. Под 9-м годом Самсуилуны говорится о нашествии касситов; при последнем царе династии, Самсудитане, по известию хроники, явились в страну Аккада хетты. Вавилон был настолько ослаблен, что не мог устоять против этого нашествия. Аморейская династия Вавилона кончилась. Снова появляются городские царства. Нам известна, например, династия в Эрехе из царей Сингашида, Сингамиля и Анаама. От первого из них дошла вотивная надпись, в которой он, после повествования о построении храмов и молитвы об обилии, сообщает тариф на главные предметы торговли. Анаам восстановил стены Эреха, основанные, по его словам, героем Гильгамешем. Итак, Сеннаар опять оказался в состоянии раздробления, и Вавилон потерял политическое значение, сохранив культурное и религиозное.

В истории Вавилонии теперь впервые упоминается имя хеттов. Язык этого народа принадлежал, кажется, согласно данным Богазкеойского архива, к группе западных индо-европейских языков. Народ сам себя называл иначе, и хеттами он назывался по имени той области, которую он завоевал. Здесь, в хеттской стране, в центре Малой Азии, этот европейский народ появился в конце III тысячелетия. Он покорил туземцев, но последние сумели сохранить свою этническую физиономию. До нас дошли из Богазкеойского архива тексты, написанные на их языке, называемом исследователями протохеттским.

На ряду с туземцами, индо-европейские «хетты» завоевали и ассирийские колонии в Каппадокии, документы которых из Кесарии (совр. Кюль-тепе) были впервые обследованы В. С. Голенищевым. [Вместе с индо-европейскими хеттами] начинают напирать с востока (?) и арийцы, распространившие вместе с собою лошадь и проникшие в виде отдельных дружин даже в Сирию. [Индо-европейские] хетты идут также на юг и появляются в Месопотамии, Вавилонии и Сирии.

Последняя теперь была окончательно заселена семитами, одноплеменными царями первой вавилонской династии, которые именовали себя царями страны *Амурру* (сумерийское Марту); связь свою с Вавилоном поддерживали и жители этой страны Амурру. На Среднем Евфрате, у устья Хабура, нам известно царство *Хана*, со столицей Тирка, близ нынешнего Телль-Ишар, представлявшее в культурном отношении подобие вавилонской области. Найденные здесь три клинописных документа от царей Ишарлима, Аммибаля и Хаммурабиха доказывают господство вавилонского письма, датировок по событиям царствований, влияние права и т. п. По палеографическим соображениям, они относятся ко времени первой вавилонской династии; возможно полагать, что Хаммурабих тожественен с великим царем Вавилонии, может быть, подчинившим себе Хана. И здесь упоминаются каналы, им открытые. Главным божеством был Дагон, которого чтили и цари Исина. Ко времени Хаммурапи, к Уру и Харрану библия относит Авраама, родоначальника евреев, и Лота, родоначальника родственных им моавитян и аммонитян, а хананеи-финикияне говорили Геродоту о своем появлении «с Эритрейского моря» за 23 века до него, т. е. в XXVIII веке. Такая ранняя дата возможна — очевидно, они были передовой дружиной аморейского переселения, осевшей на самом море. *Финикияне* никогда не составляли цельного государства. В последующее время они называли свою страну Ханааном, а себя сидонянами, может быть, по имени города или его бога, бывшего религиозным средоточием в древнейшее время. Островные города Тир (Цор — скала) и Сидон и горный Библ (Гебель—гора) и др. были отдельными городскими царствами. Финикияне, придя в Сирию, подверглись влиянию соседних культурных государств. С одной стороны, Египет отзывался на брожение племен за своей азиатской границей: египетские фараоны посылали свои полки усмирять беспокойные племена Синая и Палестины и даже снаряжали морские экспедиции. С другой стороны, и Вавилония, начиная с Лугальзаггиси и Саргона, прочно установила на «Западе», вплоть до Средиземного моря, господство своей культуры. Таким образом, уже на заре своей истории, Сирия оказалась между двумя культурными и политическими влияниями. Ее раздробленность делала ее неспособной к самостоятельной жизни. Войдя в состав больших империй Сеннаара, для которых она была необходима, как открывшая доступ к Средиземному морю и гаваням, «страна Амурру» стала к ним в более тесные культурные отношения, чем к Египту, тем более, что ее сближало племенное родство, а в конце III тысячелетия ее представители даже добились вавилонского престола. Конечно, степень влияния культуры Сеннаара здесь была иная, чем в Эламе, Ассирии или у лулубеев, куда целиком была пересажена религия и государственность Сеннаара. И в Сирии мы находим такие же городские царства, как в долине Евфрата. Библейский Мельхиседек, «царь Салимский и священник бога вышнего (Элиуна)», как бы напоминает исака; он подобен многочисленным князьям-первосвященникам Ширпурлы, Ура и т. п. То же самое можно сказать и об Истарвасуре (?), часть клино-

писного архива которого нашел в Таанпаке Зеллин. Современные раскопки в Палестине обнаружили несколько остатков хананейских владений — это крепости на горах или искусственных насыпях, например, в Гезере, Таанпаке, Мегиддо, Иерихоне, с хорошо построенными стенами и водопроводами. Найденные здесь вещи красноречиво указывают на встречу влияний — здесь и вавилонские цилиндры, и египетские скарабеи (между прочим, на цилиндрах, очевидно местного изделия, иногда рядом с клинописью, египетские иероглифы-символы). Подтвердили эти находки и наши представления о древней ханаанской религии. Религия семитов была племенной и развилась в пустыне. Божества были первоначально менторами, отцами своего народа, его владыками, затем царями; отсюда их имена «Ваалы», «Мелеки» (Молохи). Ваал, собственно «господин», был Ваалом какого-либо племени или места, он мыслился в теснейшем единении со своими почитателями, ревниво относился к почитанию богов других племен. Семиты плохо различали мир животных, растений и неорганическое от органического, что отразилось и на их языке, различающем только два рода имен и не знающем среднего; для них вся природа была живая, что, в связи с их слабой способностью к пластике, обусловило представление о богах менее всего в человеческой форме. Так называемый фетишизм особенно отличал их культ до позднейшего времени — божества представлялись обитающими в священных источниках, водах, оживляющих оазис в пустыне, под деревьями, в скалах, горах, камнях, разнообразящих вид пустыни или отмеченных какими-либо знамениями. У священных вод или деревьев были оракулы; молились и приносили жертвы на высотах. Антропоморфизм был явлением заносным, главным образом, из Египта. Культ в Ханаане нередко был жесток и требовал крови детей, невинности женщин и добровольного изувечивания от мужчин. В Гезере найдена «высота» с 11 фетишами — столбами (так называемые массебы), идущими по прямой линии с севера на юг, и подножием самого главного — 12-го. Во многих местах найдены безобразные фетиши и идолы. В Мегиддо нашли в фундаменте стены сосуд с останками ребенка, очевидно жертвы, принесенной при закладке. Подобные же страшные находки были сделаны в Иерихоне и Гезере. В последнем, кроме того, обнаружены доказательства перехода к большей мягкости в культе — замена человеческих жертв серебряными фигурками и другими символическими приношениями. Вообще, при всей безотрадности древней ханаанской религии, и в ней несомненно был свой прогресс, хотя он и не шел по тому пути, какой мы видели в вавилонской религии. Представление о родстве божества с их народом, об отеческом его отношении удержалось и тогда, когда на место племен пустыни появились городские царства с богами владыками и царями; близость божества особенно выражалась в собственных именах, указывающих на высоту представлений о божестве и на отношение к нему человека. Разбирая собственные имена уже древнейшей эпохи, Гоммель говорит о появлении Авраама, составившего из этих высоких элементов фундамент новой великой религии. Может быть, и Мельхиседек, общения с которым не гнушается этот «отец верующих», также относится к этой группе явлений. Во всяком случае, при безотрадности ханаанской официальной религии, предполагать существование более высоких течений возможно лишь при допущении в ней религиозной реформы.

Движение хеттского народа не могло найти себе отпора в разъединенных городских царствах Сирии. Хетты, а за ними даже и арийцы, проникли далеко, и уже история Авраама говорит о хеттских поселениях в Палестине. Но удержать Вавилон им не удалось — завоевание было мимолетным, и здесь они встретили отпор не со стороны семитов, а от новых претендентов на владение метрополией культуры.

После Самсудитаны и хеттского погрома, в Вавилонии осталась туземная «Приморская династия» в лице Гулкишара (около 1800). Но объединить страну ей не удалось. Уже под 9-м годом Самсуилуны упоминается о нашествии войска Кашшу, т. е. горного племени *касситов*, повидимому, подвергшегося арийскому влиянию, насколько это можно заключить по собственным именам, в состав которых входят та-

кие имена богов, как Шуриаш (бог солнца, индийск. Суриа, греческое ὁ Ἥλιος), Бугаш («Бог»), Шумалия, Марутташ и др. Теперь им были открыты двери, и на вавилонском престоле оказывается новая иноземная династия. Сведений о ходе завоевания мы совсем не имеем. В поздней копии надписи первый царь-кассит Гандаш (около половины XVIII в.) именуется «царем четырех стран, царем Сумира и Аккада, царем Вавилона». Приморская династия уступила не без борьбы. Последний царь ее, Эагамиль, повел против касситов и Элама войну, но был разбит и прогнан. Касситы затем сами перешли в наступление и покорили «Приморскую страну». Последняя, однако, потом опять вышла из повиновения, и подчинение ее потребовало упорной борьбы. Касситское завоевание, кажется, не сопровождалось большими опустошениями — пришельцы скоро подчинились вавилонской культуре, хотя продолжали носить несемитские имена, большею частью производные от своих богов, сопоставленных с вавилонскими: Шипак (например, царь Мелишипак) = Мардуку, Харбе = = Энлилю, Шуриаш = Шамашу, Марруташ = Нинурта, Шумалиа (горная богиня) и др. Самое имя Вавилонии у них большею частью заменялось «Кардуниаш» — вероятно, по имени укрепленного пункта («кар») «владыки земли» («дун-иаш»), т. е. Энлиля, которому и Ниппуру касситы оказывали большое почтение. Они выступали и законодателями: в одном документе упоминается год, «когда царь Каштилиаш установил право». Титуловать себя касситские цари продолжают, между прочим, царями четырех стран, т. е. владеющими областями за пределами Сеннаара, несмотря на то, что Элам был самостоятельным, а запад оставался вполне потерянным и не входит в титулатуру касситских царей. Но хеттов удалось оттеснить, и даже подчинить себе (временно?) Месопотамию. Это видно из единственной дошедшей до нас от этого времени крупной надписи (переписанной для библиотеки Ассурбанипала) царя Агума II, или Агумкакрима (около 1650), который начертал ее по случаю торжества возвращения в Вавилон похищенной оттуда статуи Мардука. Он говорит, после обычного вступления: «я — царь страны Кашшу и Аккада, царь обширной страны Вавилона..., царь Падана и Альвана, царь неразумных гутиев, царь, управляющий четырьмя странами света, любимец великих богов. Когда Мардук, владыка Эсагилы и Вавилона, был упрошен великими богами к возвращению в Вавилон, он обратил к Вавилону свой лик... Я же размыслил и взвесил, и обратил свое лицо, чтобы доставить Мардука в Вавилон, и поспешил к Мардуку, возлюбившему мое царство, на помощь. Я вопросил бога Шамаша чрез жертвенного агнца и послал в далекую страну Хани, и они обняли руки Мардука и Зарпанит. Мардука и Зарпанит, возлюбивших мое царство, я вернул назад в Вавилон. В доме Шамаша, в родном помещении, я поставил их»... Дальше идет описание реставраций храмов и украшений в честь возвращенных божеств. Надпись имеет важное значение, указывая, что неприятели некогда овладели Вавилоном и даже унесли его палладий. Возвращение его было восстановлением политического существования. Но кто были эти неприятели? Страна Хани тожественна с упомянутой древней Хана и Ханигальбатом, областью государства Митанни. Вероятно, боги попали в эту страну во время погрома аморейской династии, и возвращению их предшествовала победоносная война касситов и признание верховенства последних. Действительно, до нас дошло несколько документов из Хани, датированных по касситским царям. С другой стороны, в документах касситской эпохи часто встречаются имена, очевидно, митаннийского образования. Если Хани находилась в Ханигальбате и Митанни, то, очевидно, в нашествии хеттов участвовала и *Митанни*. Эта передовая рать хеттского вторжения в описываемую эпоху завладела самой северной областью вавилонской культуры — Харраном и Месопотамией, а потом и Ниневией. Последнее нам известно случайно; возможно предположить, что завоевания шли дальше на юг и отторгли от Вавилона Сирию. Митаннийские имена находят в документах из Дрехема; в Самарре, на Среднем Тигре, найдена бронзовая дощечка с надписью о построении храма Нергалу Арисеном, царем Уркиша и Намара. Имя Арисена считают митаннийским и заклю-

чают о распространенности «митаннийского» племени к востоку от Тигра уже в середине III тысячелетия. Митанни сделалась великой державой, сносившейся с Египтом на равных правах.

К этому же времени относится начало четвертой великой державы, впоследствии заменившей Митанни — *Ассирии*. Она получила имя от города Ассура (собственно Ашур), бывшего уже во 2-й половине III тысячелетия резиденцией исаков, из которых У ш п и а впервые основал храм своему богу, а К и к и а выстроил городские стены. На основании этих имен заключают о «митаннийском» происхождении основателей. Древнейшие слои в Ассуре обнаружили скульптуры сумерийского характера, напоминающие и по работе, и по типу, и по одежде найденные в Теллохе и Бисмайе. Храм носил сумерийское имя Э-харсаг-куркура — «Дом горы земель» и имел зиккурат. Ближайшие преемники этих исаков распространили свою власть на соседние области и присоединили два священных города богини Истар — Арбелы и Ниневию. В половине XXI в. (XXIII в.?) исак И л у с у м а дерзнул выступить против основателя аморейской династии Сумуабу, может быть, в борьбе за Вавилон. Повидимому, война была неудачна, так как в последующее время мы видим Ассирию вассалом Вавилона. Хаммурапи в одном из своих писем упоминает о своем гарнизоне в Ассирии, а во введении к кодексу говорит, что он «вернул в Ассур его милостивого Ламассу (хранителя)» и «в Ниневии, в храме Эмишмиш, дал воссиять имени Иннины». Однако, ослабление Вавилона делало эту зависимость нечувствительной. Ассирийские исаки С а м с и а д а д ы I (начало XX в.) и II, И ш м и д а г а н (XIX в.) и др. строили и реставрировали храмы, ассирийская колонизация распространялась на Месопотамию и Каппадокию. Но движение племен прервало это развитие, и Ассирия на некоторое время была оттеснена Митанни.

После Агума II у нас о Вавилоне нет сведений до самого XV века. Отсутствуют даже деловые документы. Очевидно, был застой и упадок. Касситские цари были слабы, находясь между своими единоплеменниками и вавилонянами, делая и тем и другим уступки. Военная касситская аристократия то и дело свергает царей, феодализация развивается до крайних размеров; значительная часть кудурру дошла именно от касситского (более позднего) времени. Само собою разумеется, что о какой-либо политической гегемонии в Азии нечего было и думать. Наиболее крупной державой теперь оказывается Митанни. Египет в это время находился под иноплеменным владычеством «гиксосов». Кажется, что последние находились в связи с Митанни, и таким образом Сирия, Малая Азия и Египет оказались исторически связанными под гегемонией родственных племен. Какое обширное поле для этнографических смешений и культурных взаимодействий!

Источники: K i n g, The letters and inscriptions of Hammurabi; здесь изданы и переведены письма, надписи и хроники и его преемников. K i n g, Chronicles concerning early Babyl. Kings. P o e b e l, Eine sumerische Inschrift Samsuilunas. Oriental. Literaturzeit., 1915. G a u t i e r, Archives d'une famille de Dilbat au temps de la première dyn. de Babylon. Mémoires de l'Institut du Caire, 1908. [Может быть, Римсин, боровшийся с Самсуилуной, был лишь узурпатором, присвоившим себе популярное имя великого противника Хаммурапи. Ср. U n g n a d, Zeitschr. Deutsch. Morgenl. Ges. 74, 1920, стр. 227 сл. Против аморейской теории C l a y (The empire of the Amorites) уже начинают раздаваться голоса и понятие «Amurru» пытаются снова пересмотреть. См. пока: L a n d s b e r g e r, Amurru в Zeitschr. f. Assyr. XXXI, стр. 236 сл.]. G o l e n i s c h e f f, Les tablettes cappadociennes. Спб., 1891. D e l i t z s c h, Beiträge zur Entzifferung der Kappad. Keilschrifttafeln. Abh. d. Sächs. Gesell. XVI. О хеттах см. соответствующую главу. [C o n t e n a u, Trente tablettes cappadociennes, 1919. Е г о ж е, Tablettes cappadociennes du Musée du Louvre, Paris, 1920. Издание Британского музея, Cuneiform Texts from Cappodocian Tablets in the British Museum. T. I, London, 1921. В. К. Ш и л е й к о, Документы из Гюль-Тепе, ИРАИМК I, стран. 350 сл. Интересно отметить, что имеются указания о находках подобных же «каппадокийских» таблеток в нижнем слое Богазкеоя, ср. F o r r e r, Sitzungsber. Preus. Akad. Wiss., 1919, стр.

1029 и King, Hittite Texts in the cuneiform character. London, 1920, табл. 50, № 102, 9. Contenau, Les Sémites en Cappadoce au XXIII'e siècle в Journ. As. XI сер., том XV, 261 и XVIII, 295 и в других томах; Jul. Lewy, Studien zu d. altassyrischen Texten a. Kappadokien, Berlin, 1922. Его же, Geschichte Assyriens u. Kleinasiens im 3 и 2 Jahrtaus v. Chr. в Oriental. Literaturzeit. 1923, стр. 533. Его же статьи в последних томах Zeitschr. f. Assyr. Там же статья Landsberger'a]. *По религии семитов.* Robertson Smith, Lectures on the Religion of the Semites, 1889. Немецкий перевод Stübe 1899. Lagrange, Études sur les Religions Sémitiques. Par., 1903. Baetgen, Beiträge zur semitischen Religionsgeschichte. Baudissin, Studien zur semitischen Religionsgeschichte. Wellhausen, Reste arabischen Heidentums, 1887. А. А. Олесницкий, Мегалитические памятники св. земли. Сборник Пал. о-ва в. 41 (1895). О *хананеянах*: Vincent, Canaan. P., 1907 (результаты раскопок). Hommel, Altisraelitische Ueberlieferung. Meinhold, 1 Mose, 14. Giessen, 1911. Опровергает исторический характер повествования и высказывается за его позднее, книжное происхождение и тенденциозный характер. [P. Karge, Rephaim, Die vorgeschichtliche Kultur Palästinas u. Phöniziens. Paderborn, 1917]. О *финикиянах* статьи Винклера в Altorientalische Forschungen и в III т. Weltgeschichte Гельмольта. [Sethe в большом исследовании, в сборнике, посвященном Hommel'ю (Mit. Vorderas. Ges., 1916), доказал окончательно, что «fnh» древне-египетских надписей обозначает имя определенного азиатского народа и соответствует греческому φοίνικες. О раскопках в Финикии, давших богатейшие результаты и достигших слоев, соответствующих Тинисской эпохе Египта, печатаются предварительные отчеты в Comptes Rendus de l'Acad. des Inscr. et B. L. и в журнале Syria]. О *касситах.* Delitzsch, Die Spache der Kossäer, 1884. Streck, Kardunias. Zeitschr. f. Assyriologie, XXI. Hüsing в ряде статей в Orientalist. Literaturzeit. высказывается за «каспийское» происхождение касситских имен. [Pinches, The Language of Kassites в Journ. Roy. As. Soc. 1917, стр. 101 сл. Fr. Steinmetzer, Ueber d. Grundbesitz in Babylonien zur Kassitenzeit. в серии D. Alte Orient, Leipzig, 1919. Его же, Babylonische Kudurru, Paderborn, 1922]. Древнейшая история *Ассирии* сделалась более известной благодаря раскопкам в Ассуре немецкого Orientgesellschaft, в Mitteilungen которого (особенно в №№ 21 и 54) дается много материала по этому вопросу. См. еще статьи Ungnad'a в Oriental. Literaturzeitung, 1910, стр. 150 и 204; в Beiträge zur Assyriologie VI. [Господство дин. Ура над Ассирией доказывается надписью, изданной Mit. Deutsch. Or. Ges. 54, 16. О древнейших архитектурных памятниках Ассура см. W. Andrae, D. archaischen Ischtar-Tempel in Assur, Leipzig, 1922. Надпись Арисена издана Thureau-Dangin, Rev. d'Assyr. 1921, стр. 1 сл. [О Митанни, которых Ungnad сопоставляет с субарейцами и считает древнейшим населением Передней Азии, ср. интересную его работу Völkerwanderungen (из серии Kulturfragen), Breslau, 1923].





АРХАИЧЕСКИЙ ЕГИПЕТ

История застает египетский народ уже на некоторой ступени культурного развития. Он находился в так называемом каменном веке, в его неолитическом периоде, занимался рыбной ловлей, скотоводством и охотой, между прочим, на водившихся тогда в изобилии слонов, львов и т. п., начинал уже обрабатывать землю. Изящные орнаментированные поделки из кремня (напр., ножи), каменные красивые сосуды различных форм, иногда причудливых и с орнаментом, глиняные сосуды с белыми и красными орнаментами и рисунками (спирали, растения, суда, или, может быть, укрепленные жилища, изображения танцовщиц и животных и т. п.) указывают на большие художественные дарования народа уже в первичную эпоху его культуры. На представления о загробной жизни указывают погребения с сосудами и предметами пищи и имущества (между прочим, охотничьи и рыболовные орудия), а также с шиферными пластинками, служившими при жизни для раскраски тела и, вероятно, имевшими значение амулетов. Покойники, нередко завернутые в шкуры, лежали в круглых ямах или глиняных гробах, иногда горшках, в так наз. эмбриональном положении на левом боку, большею частью головами на юг. Население Египта уже в то время было густое, и обширные кладбища указывают на существование больших поселений народа, перешедшего к оседлому образу жизни. Эти поселения обнаружены раскопками последних 20 лет у Мемфиса, Малого Диосполя, Абидоса и особенно у начала пути от Нила к Черному морю — Копта, Негаде, Балласа. Новейшие раскопки Райзнера у Нага-эд-Дер в Верхнем Египте и Навилля в Абидосе доказали, что пред нами не какая-то неизвестная доисторическая раса, а уже прямые предки классических египтян, что не было резкого перелома в культуре, объясняемого появлением другого этнографического элемента. Изменения происходили постепенно под влиянием прогресса техники, главным образом распространения металлических орудий. «Доисторическая» культура, оказывается, не исчезла во время династий, а местами существовала до конца Древнего царства. Краниологические исследования результатов раскопок Райзнера наилучшим образом подтвердили эти выводы, доказав, что «династические» египтяне — прямые потомки «до-династических» и не обнаруживают никакой примеси посторонней расы.

Переселения с востока были постепенным проникновением, длившимся долгое время и в течение веков образовавшим ряд колоний на всем протяжении Нильской долины, до самых болот Дельты. Вероятно, эти колонии частью послужили ядрами областей — по-гречески νομοί — «номы», которые были составными частями Египта до самых христианских времен, которые служили податными единицами и играли видную роль в его истории. Таких номов насчитывали в разные времена различное количество, оно колебалось в пределах 33—42; каждый из них обладал религиозным

и политическим центром, имел своего бога-покровителя и свой герб, который служил и иероглифическим изображением его имени. Древнейшие памятники египетской истории искусства, найденные Quibell'ем в Иераконполе, шиферные пластинки для мази и т. п., носят на себе символические изображения взаимных отношений этих номов. Мы находим их частью в виде союзных групп, частью в войнах между собою. Так, на одном обломке, ряд номов, представленных гербами (между прочим, сокол, лев, скорпион, два сокола), разрушают семь крепостей (представленные зубчатыми кругами) других номов. На другом обломке мы видим поле битвы с трупами врагов, пожираемых хищными птицами и львами—нечто вроде «стелы Коршунов» в Ширпурле. Есть обломок с изображением шествия пленных, гербов пяти номов, влекущих ве-

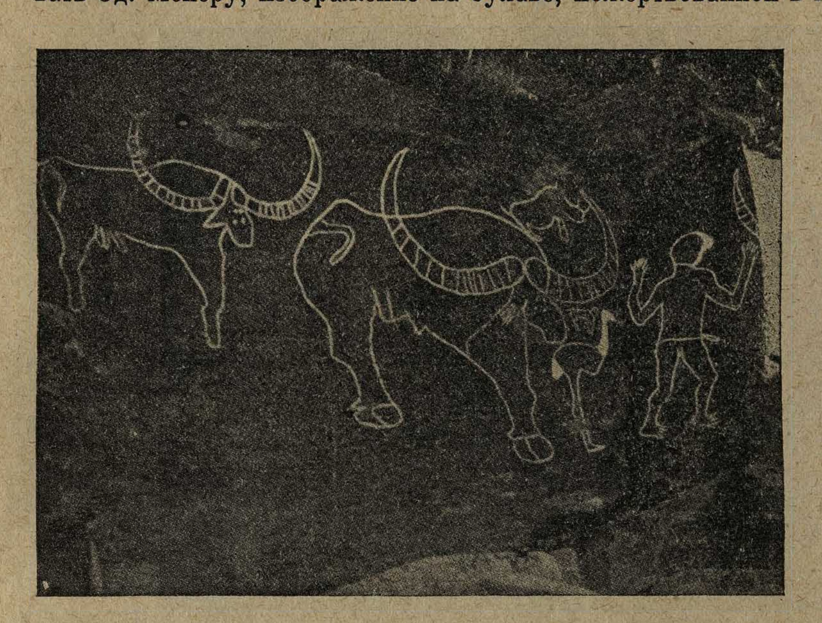


Культовый баран. Палеолитический скальный рисунок.
Тиут, Малая Африка.

ревку, вероятно также с пленными, и т. п. Словом, вся долина Нила была театром постоянных войн, причем на стороне все более и более выделяющегося победителя был уже ряд номов Среднего Египта, Копт, Панополь, Сиут, Кинополь, Ермополь.

Далее, памятники эти ясно указывают нам на то, о чем раньше мы заключали из рассмотрения последующей истории Египта, а именно, что дальнейшей стадией государственности до объединения государства было существование *двух* самостоятельных *царств*: южного и северного. Первое имело центром г. Нехебт, греч. Илифиасполь, второе — г. Деп-Буто; в первом почиталась богиня Нехебт, в виде коршуна, во втором — Уадит-Буто, в виде змеи; кроме того, рядом находилось в каждом царстве по городу с культом национального бога завоевателей, сокола — Гора: на юге в Нехене-Иераконполе, на севере в г. Пе. Весьма вероятно, что завоеватели вышли из соседнего Едфу, где почитался Гор, как сокол и крылатый солнечный диск, покоривший, как повествовала впоследствии легенда, Египет. Южные цари носили высокую белую корону и назывались «сутени», северные — своеобразную красную и носили титул «биоти». И те и другие были жрецами Гора, и впоследствии предание называло их «шемесу Гор» — «Служителями Гора». Цари юга, объе-

динив под своей властью весь Египет, соединили обе короны и оба титула в один и считали «Служителей Гора» своими идеальными, обожествленными предками, которые еще во время царствования не были простыми людьми, а духами, героями. Это верование выражалось в некотором культе духов древних царей, из которых вышли играющие в мифологии известную роль «духи Буто и Нехена». Манефон знал об этом, назвав их в своем труде νέκυες, или «полубоги». Так как впоследствии развилось учение о том, что древнейшими царями Египта были боги, то эти «духи» заняли промежуточное положение от династий богов к человеческим владыкам объединенного Египта. От времен раздельного существования обеих половин Египта мы имеем только несколько имен царей Дельты в первой строке Палермского камня, да, если следовать Эд. Мейеру, изображение на булаве, пожертвованной в иераконпольский храм каким-то южным царем (имя не поддается чтению). Здесь представлен царь, руководящий земледельческим праздником «взрыхления земли», но булава, очевидно, предназначена служить для увековечения победы царя во главе союзных номов, представленных своими гербами, не только над другими номами, но и над иностранными неприятелями: на шестах с гербами, как на виселицах, повешены птицы «рехит» (чибисы?), символически изображающие египтян, и луки — обозначения иноземцев.



Поклонение буйволу. Палеолитический скальный рисунок. Тиут, Малая Африка.

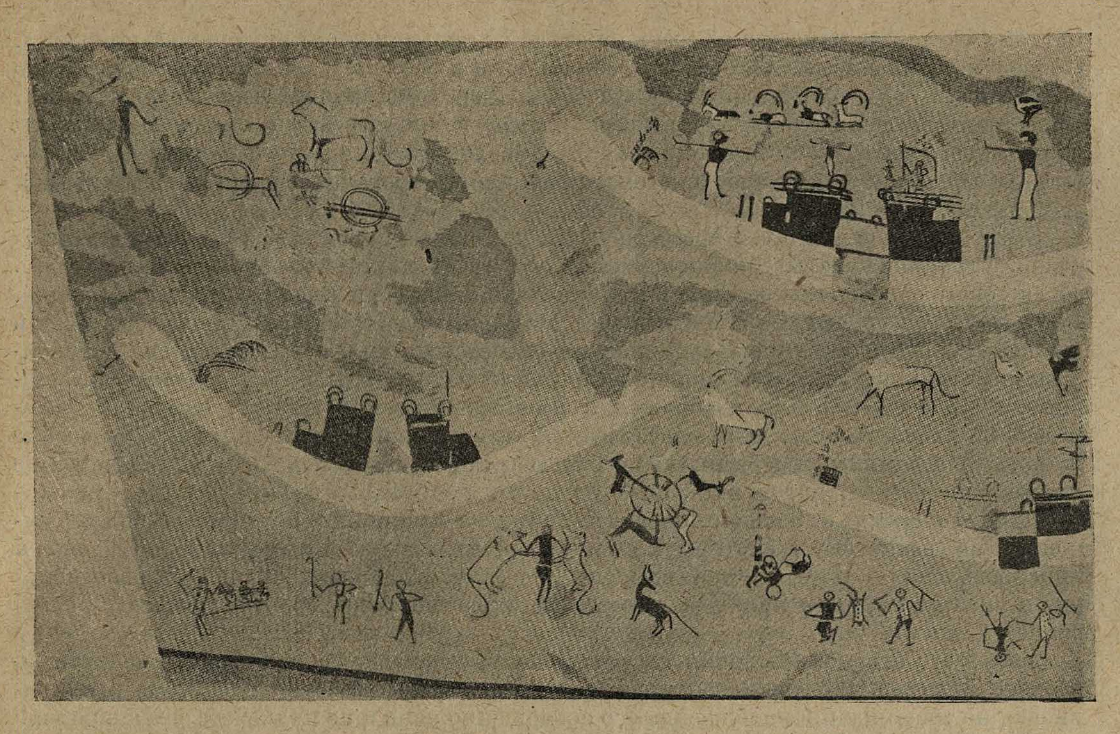
Культурное первенство в эту глубокую древность, по всем признакам, принадлежало северу. Здесь вероятно уже рано возник жреческий центр, подобный вавилонским — Илиополь, на широту которого указывает египетский календарь, восходящий, по мнению Эд. Мейера, к 4241 г. И Манефон, и Туринский папирус говорят о каких-то царях Мемфиса и Северной страны, образовавших две династии между богами и некиями. Однако, объединение государства вышло не отсюда.

По единогласному преданию древности, отразившемуся и в египетских царских списках, объединение египетского государства (ок. XXXIII в.) было делом первого царя-человека М и н ы (Μήνης). Сопоставляя сведения Геродота, Диодора и Манефона, мы читаем, что он происходил из г. Тиниса в Южном Египте, перенес резиденцию в основанный им Мемфис, где выстроил храм бога Пта и производил работы для охранения от нильских наводнений, побеждал ливийцев и наконец погиб, будучи съеден гиппопотамом. В этих рассказах давно уже обращало на себя внимание указание на происхождение Мины из Тиниса. Этот город был центром нома, в котором расположен священный некрополь Абидос; он неоднократно упоминается в древнейших религиозных текстах, как одно из средоточий культа хтонического божества усопших; в Абидос до самых последних времен египетской культуры стекались паломники по-

клоняться главе отожествленного с Осирисом бога Хентиементиу «вождя западных» (т. е. покойников). Здесь даже показывали его гробницу и лестницу, сводящую в преисподнюю; богатые египтяне всех времен считали за счастье быть погребенными здесь или, по меньшей мере, поставить в память себя здесь поминальную доску. Такой всеегипетский центр был вполне удобен для роли первой столицы объединенного государства, и в царях первой династии хотели видеть бывших монархов Тиниса, воспользовавшихся своим выгодным положением. Последнее пока не подтвердилось, но что Абидос играл и политическую роль в древнейшем Египте, это доказано недавними раскопками Амелино и др. В некрополях, окружавших Абидос, найдено несколько гробниц царей, имена которых были ранее неизвестны; архаический стиль утвари и надписей заставил отнести их к древнейшему периоду до IV династии. В настоящее время эти имена лишь отчасти отожествлены с известными нам из Манефона и царских списков. Последние сохранили предания о древнейшей истории родной страны; их сведения простирались и на хронологию, но имена они часто читали иначе, а это и затрудняет пока исследователей. Другое затруднение состоит в том, что в списках и у Манефона переданы собственные имена царей, тогда как в гробницах преобладают те, которые они носили как преемники Гора, и только в некоторых случаях оба имени появляются рядом. Абидос однако не был единственным местом, где покоились древние цари; гробницы некоторых из них найдены и в других местах, особенно у Мемфиса, причем обыкновенно бывает так, что один и тот же царь имел две гробницы — в Абидосе и вне его. Вероятно, абидосская гробница была кенотафом — заупокойным сооружением у бога усопших. Эти гробницы уже представляют по большей части сложные сооружения. Центральное большое помещение назначено для царя, целая стена боковых комнат были назначены для приближенных и жертвенных даров, иногда над всем сооружалось здание, напоминающее по фасаду царский дворец. В большой гробнице, найденной де-Морганом в Негаде, к северу от основанных впоследствии Фив, большинство египтологов хотят видеть усыпальницу основателя египетского государства Мины. Имя его, как Гора, звучит А х а; кроме него прочли на небольшой пластинке и другое — Мина; однако, едва ли не правильнее, вместе с Навиллем, понимать эту группу иероглифов, как «зала отдохновения (мин) царя Верхнего и Нижнего Египта». Во всяком случае, гробница в Негаде заключает в себе памятники, относящиеся к весьма древним временам египетской культуры. Остается непонятным, почему этот царь выстроил себе гробницу в Негаде, и в то же время оставил столько интересных остатков в Абидосе, где найдены пластинки из слоновой кости с изображениями событий, случившихся в тот или иной год его царствования. Из них и других, современных им источников видно, что царь Аха господствовал над всей долиной Нила, построил храмы богам, даже воевал с соседями, напр., ливийцами: есть куски слоновой кости с изображениями связанных пленных различных рас; один большой кусок дает изображение целой флотилии, едущей на освящение храма Нейт мимо разных местностей, названия которых тут же приводятся (среди них думают видеть канал Мер — Бар-Юсуф, Ше — Фаюм, Биу — у Мемфиса). На других кусках изображена какая-то сцена, названная «взятие юга и севера». Изображения, при всей своей характерности, еще довольно примитивны и грубы; очевидно, слоновая кость и эбеновое дерево еще не поддавались художникам в такой же мере, как вышедшие с этих пор из употребления шиферные пластинки. Последней из них, вероятно, следует считать удивительный памятник царя, который, кажется, был близким предшественником Аха, если только не непосредственно следовал за ним, имя которого читают различно («Нар-Мер», «Веха-Мер» и т. п.). От него дошла до нас шиферная пластинка, находящаяся в Каирском музее и представляющая на одной стороне царя в короне Верхнего Египта, поражающего жителя западного «ливийского» нома Дельты, расположенного у Канопского устья; здесь же его бог-покровитель Гор, в виде сокола, держит на веревке олицетворенный иероглиф 6 тысяч пленных; на обратной стороне царь, уже в короне Нижнего Египта,

в сопровождении своих чиновников, прислужников и знаменосцев, шествует по полю битвы, усеянному трупами обезглавленных врагов. Пластинка найдена в Иераконполе; очевидно, царь оставил ее в тамошнем храме, как благодарственный дар своему богу за оказанную ему помощь в войне, результатом которой было подчинение самой крайней, уже приморской области Дельты, а следовательно, окончательное покорение севера. Этот же царь пожертвовал в иераконпольский храм булаву, на шарообразной головке которой изваяно изображение празднества, вероятно, по поводу царского юбилея. Царь сидит на высоком троне в короне Нижнего Египта под балдахином, в одеянии и с аттрибутами Осириса; над ним витает коршун — богиня Иераконполя; за ним министр, сандаленосец и царедворец; пред ним наследник на носилках; знамена с гербами союзных номов и пленные (?), совершающие ритуальную пляску, и угнанный скот; далее — храм такого же примитивного устройства, как у Аха, с фетишем Тота — ибисом. Здесь даются и цифры, конечно, преувеличенные: 120 тыс. пленных, 142 000 голов мелкого скота и 400 тыс. быков. Таким образом, царь является с юга, в короне Верхнего Египта, и только после окончательной победы надевает северную корону; пожертвовал он победный памятник в Иераконполь, древний центр южного царства. Палермский камень, в дополнение к этому, говорит нам под каждым вторым годом при двух первых династиях о «служении Гору», определяя это выражение иероглифом барки. Очевидно, цари, жившие в это время в Тинисе, еще видели в себе прямых наследников древних служителей Гора в Иераконполе и каждые два года справляли по Нилу процессию на поклонение в древний центр государства и культа. Прекращение регулярных празднеств и процессий при третьей династии можно поставить в связь с перенесением резиденции на север, в будущий Мемфис. Чрез много поколений царь второй династии Н е т е р е н (Нетериму?) срыл в Дельте укрепленные города: Шемра и «Дом Севера»; затем мы встречаем, также во второй династии, царя Б а ш а или Х а - с е х е м, который посвятил в иераконпольский храм свои большие сидящие статуи и сосуды с надписями и изображениями, повествующими о пленении 47 тысяч северных «бунтовщиков»; на сосудах, кроме того, богиня Иераконполя — Элькаба, Нехебт, в виде коршуна, связывает символически Верхний и Нижний Египет, тут же надпись: «год поражения северных». Это пока последний по времени памятник войн двух половин двуединой монархии. До самых последних времен египетской культуры цари носили две короны и два титула; двойственность отчасти замечалась и в администрации. Память о древних столицах Нехене и Буто держалась еще долго: двое вельмож, наиболее приближенных к царю, носили титул: «При Нехене» и «При Буто». Первоначально они имели судебные функции. Богиня Нехебта в виде коршуна всегда парит над царем, сидящим на троне, и, вместе с змеей богиней Буто, входит в царскую титулатуру.

Уже во время двух первых династий египтянам пришлось столкнуться и с окрестными народами. В глубокой древности они присоединили навсегда к своей стране лежащую между Сильсилисом и Элефантиной область, которая собственно причислялась к Нубии. В текстах пирамид область, пограничная с Нубией (Кенсет), уже считается присоединенной. Царь именуется «великим тельцом, поражающим Нубию»; нубийский бог Дедун упоминается на ряду с египетскими. Наконец, уже при первой династии начались схватки с азиатскими бедуинами. Для защиты от их набегов в глубокой древности пришлось выстроить на Суэцком перешейке ряд пограничных укреплений; египтяне впоследствии говорили, что еще боги, правившие некогда Египтом, должны были заботиться об охранении Египта от сынов «Апопи», т. е. диавола, с востока; укрепления эти упоминаются уже в текстах пирамид. Уже от царя первой династии Дена-Хасехти дошла до нас пластинка с изображением этого царя, повергающего бедуина. Подобное же изображение находится на синайских утесах в Вади-Магара; оно представляет царя первой династии Семерхета-Семемпсеса; от него же дошло изображение, весьма характерное по ясно выраженному типу семита, «пленного азиата». Во все продолжение истории так называемого Древнего



Архаическая фреска с изображением лодок и охотничьих сцен.

царства в Египте не прекращались столкновения с азиатскими соседями; египтяне не только защищались от набегов, но и сами двигались вперед. Синайский полуостров (по-егип. Мафкет, ср. вав. Мелухха, может быть наш «Малахит») привлекал их медными рудами и каменоломнями; цари снаряжали экспедиции для разработки их; отсюда возникали столкновения с местными семитами, которых египтяне называли Ментиу и Шасу. Последний царь третьей династии Снофру и известный всем фараон IV династии Хеопс (Хуфу) оставили нам память о стычках на Синае: один медный рудник носил в Синае имя Снофру еще долгое время, равно как и одно пограничное укрепление. При Снофру упоминаются большие экспедиции в Нубию; Палермский камень отмечает, между прочим: «сокрушение земли негров, доставка 7 000 пленных мужчин и женщин и 200 тыс. голов быков и овец». Здесь же упоминается о прибытии 40 судов с кедровым деревом. Кедровые деревья упоминаются неоднократно в Палермском камне. Итак, уже в эту глубокую древность египетские суда бороздили Средиземное море, ходили в Финикию к Ливану. Сношения эти доходили до Эгейских островов, на что указывают и произведения эгейской керамики в древнейших египетских гробницах. Так, в Негаде найдены черные сосуды с белым врезанным известковым орнаментом из треугольников и зигзагов, сделанных пунктиром; эти сосуды имеют соответствия в неолитических слоях Кносса; на материк Греции указывают найденные в царских гробницах в Абидосе произведения керамиковые из желтоватой глины с красным линейным орнаментом.

Что касается внутреннего состояния Египта при первых двух династиях, то некоторые факты косвенно указывают на то, что этот продолжительный период не обошелся без смут. Так, Семерхет, царствовавший в конце первой династии, преследовал память своего предшественника, изглаживая его имя на сосудах и заменяя своим. Так же поступал и следующий царь Ка. Династия сошла со сцены едва ли естественным путем. — Пятый царь второй династии, Периебсен, называл себя не Гором, а

Сетхом, что также может указывать на отказ от традиционной внутренней политики. Последний царь Хасехемуи называл себя и Гором и Сетхом; Навилль полагает, что это находится в связи с известной нам победой Хасехема, и считает этих двух царей тожественными. Хасехемуи (сияющий двумя жезлами) было именем, принятым после нового «объединения обеих земель» Хасехемом. Жена этого царя Нимаатхапи была матерью царя Джосера, с которого начинается третья династия и новый период египетской истории.

Были ли у Египта в это время хотя бы косвенные сношения с Сеннааром, определенно трудно сказать. Вполне возможно, что две великие культуры не были теперь совершенно обособлены — Сирия и Синай были в сфере интересов как фараонов, так и царей Двуречья. Со времени работ Гоммеля поставлен и усердно дебатируется важный вопрос о влиянии Вавилонии на египетскую культуру; открытие древнейших памятников в Нильской долине дало новый материал для этих сближений. Указывают на особый стиль изображений на шиферных пластинках, скорее напоминающий вавилонский, чем классический египетский (особенно фантастические животные с длинными шеями, поле битвы с коршунами и др.), на употребление цилиндров-печатей, потом вышедшее из моды, на булавы с барельефами, пожертвованные царями в иераконпольский храм, на датировки по годам событий, наконец, на египетскую систему мер и весов, зависимую от вавилонской, хотя и приспособленную к десятичной системе. Все это факты, вызывающие на размышление и указывающие, в крайнем случае, на сходство условий, при которых развивались две культуры.

Уже в это отдаленное время мы встречаемся с начатками египетского иероглифического письма. Оно также обнаруживает некоторые аналогии в системе с клинописью, но туземное происхождение его совершенно ясно и не подлежит сомнению уже потому, что оно тесно связано с природой Египта и бытом народа. Шиферные пластинки дают нам возможность присутствовать при развитии этого письма. Изображения на них — это символические представления событий, их описания, при помощи доступных тогда средств, своего рода пиктография, подобная мексиканской, где символизм и идеографизм мало-по-малу вытесняют реальные изображения. Так, бык представляет царя, гербы — области, бывшие под его начальством, и т. п. Рядом с этим появляются и настоящие иероглифы для выражения собственных имен — начали передавать не только мысли, но и звуки. На пластинках и булаве Нармера, этих хрониках, изображенных пиктографией, фонетического элемента уже порядочно; здесь мы находим даже цифры.

Таким образом, ко времени сложения Египта почти сложилось и его письмо, пока употреблявшееся в скромных размерах. На пластинках из слоновой кости, дошедших от времени «Мины» и изображавших события его царствования, мы уже видим не только символические обозначения и отдельные иероглифические знаки, но и целые строки, написанные фонетически, правда, для нас еще непонятные, но свидетельствующие, что иероглифическая система была уже в это время готова. Письмена на надгробных плитах третьего царя I династии Джета уже отличаются изяществом, свойственным классическим временам. Это соответствует общему укладу жизни, который в это время значительно приблизился к тому, который был в Египте фараоновских эпох. Это заметно не только в искусстве, но проявляется и в наряде, костюме, в обычае брить голову и бороду и т. п.

В конце додинастического периода появляются письменные памятники и от простых смертных. Древнейшие метки на сосудах обозначают владельцев; это были условные знаки, кажется, не стоящие в связи с развитием иероглифического письма. Зато изображения на цилиндрах-печатях дают нам почти ту же картину, что и царские пластинки. И здесь мы видим сначала какие-то массовые изображения зверей, обыкновенных и фантастических птиц и т. п., затем следуют символические, для нас большей частью непонятные, изображения, наконец все это переходит в надписи, правда,

по своей архаичности весьма трудные, но все же в конце концов возможные для уразумения.

Таким образом, сравнительно скоро и на глазах истории египтяне выработали то письмо, которому суждена была великая, более чем трехтысячелетняя будущность, которое на первый взгляд поражает своей сложностью и до сих пор заставляет недоумевать, почему египтяне, при необходимости часто и много писать, не отбросили всего балласта 700 знаков и не остановились на алфавите, который оказывается в числе этих знаков? Обыкновенно при этом ссылаются на консерватизм и на особые свойства языка, и это имеет свои основания, но и самый характер письма и его происхождение в значительной мере объясняют это. Мы видели, что первоначально изображения предметов получили фонетическое значение в силу потребности изображать собственные имена. Изображение отделилось от своего изображаемого и стало передавать только звуки, и притом одни согласные его имени, в каком бы сочетании они ни встречались. Отсюда было уже недалеко до изображения таким же путем отвлеченых понятий, и грамматических частиц и флексий. Напр., знак, изображающий рот, по-египетски РО, стал употребляться для предлога Р, а затем и для обозначения буквы Р, где бы она ни встречалась; иероглиф озера ШЕ сделался знаком для изображения согласной Ш, знак дома ПЕР стал употребляться для глагола «выходить», имевшего те же согласные, а затем и для сочетания согласных П и Р, где бы они ни встречались и с какими бы гласными ни были соединены; знак для музыкального инструмента — лютни «Нафр» (набла) стал обозначать понятие «добрый» — «нуфр» и вообще сочетание согласных Н, Ф, Р, не взирая на промежуточные гласные.

Таким путем получился сложный аппарат из нескольких сот знаков, передающих одну, две или три согласных и изображающих предметы египетской природы, культа, домашнего обихода и т. п. Иероглифы, изображающие одну согласную, имеются для всех согласных алфавита, но египтяне сами не оценили необычайной высоты своего культурного приобретения и почти не выделяли алфавитных знаков из ряда других. Для отдельных слов у них установился в разные эпохи более или менее устойчивый способ писания — некоторые слова писались только алфавитными знаками, другие — только многосогласными или идеографическими, некоторые — комбинациями тех и других; если идеографический знак действительно изображал соответствующее понятие, а не употреблялся как фонетический, то первоначально его отмечали особой чертой, соответствовавшей нашему восклицательному знаку; это обыкновение оставило следы и в классической орфографии. Удержание такой сложной системы до самой эпохи христианства, таким образом, находит себе объяснение, кроме консерватизма, в общности происхождения знаков, как алфавитных (односогласных), так и двусогласных и трехсогласных. Вместе с тем и отсутствие гласных заставляло египтян держаться за традиционные орфографии. При обилии в египетском языке корней, имеющих общие согласные, текст, написанный без гласных одними алфавитными знаками, едва ли был бы понятен, так как множество слов не отличалось бы по написанию; различие орфографии облегчало это понимание. На ряду с этим, более ясным делали египетский шрифт пережитки идеографизма. Мы уже упоминали, что многие знаки продолжали употребляться и в своем идеографическом значении. Иногда фонетические знаки предшествовали им, если требовалось различить синонимы (напр., указать, какое из слов, означающих дорогу, имеется в виду — w't, ḥrjt или mjtn); в других случаях самое изображение слова ставилось за его фонетическими знаками для простого облегчения чтения. Удобство такого правописания обусловило изобретение так наз. детерминативов — мало-по-малу за каждым, фонетически написанным, словом стали изображать его прямое или приблизительное значение, подводя его под тот или другой разряд предметов (напр., за словами для разных животных изображали самую фигуру этого животного), или условное: так, для всех зверей—шкуру с хвостом; за словами, обозначавшими водные пространства, ставили условное изображение воды, время — рисунок солнца, глаголы — вооору-

женную руку, отвлеченные понятия — книжный свиток, и т. п. В таком виде египетское письмо, при различных степенях тщательности и курсивности, дожило до тех пор, когда пример греческого шрифта убедил в удобстве алфавита, отмечающего вокализацию.

Отчеты о *раскопках* доисторических и архаических некрополей: Améli neau, Les fouilles d'Abydos 1876—7. Nouvelles fouilles, 1889. De Morgan, Recherches sur les origines de l'Égypte I, II, 1897. Fl. Petrie, Abydos. Royal Tombs. I. II. Nagada, 1897. Diospolis parva, 1900, Koptos, 1896. Quibell, Hieraconpolis, 1900. Garstang, Mahasna and Bet-Khallaf, 1903. Reisner, The early dynastic cemeteries of Naga-ed-Der. (Univers. of California Public.), 1908.

Исследования: Sethe, Beiträge zur ältesten Geschichte Aegyptens, 1908. (Untersuch. z. Gesch. Altertumskunde Aegyptens III). Weil, Les origines d'Égypte pharaonique, 1908. Capart, Les palettes en schiste. Brux, 1908. Naville, Deux rois de la periode Thinite. Zeitschr. Aeg. Spr. 74. Steindorff, Die ägyptischen Gaue und ihre politische Entwicklung. Abh. Sächs. Gesellsch. d. W. XXVII. Lpz., 1909. Отрицает историческое существование номов, как самостоятельных государств; номы — административные округа, их иероглифы — не гербы, а местные названия.

Своды: Capart, Les débuts de l'art en Égypte, 1904. Анучин, Каменный век в Египте. Budge, Egypt in the neolitic and archaic period, 1902. King-Hall, Egypt and Western Asia in the light of recent discoveries, 1907. О *письме*: Erman, Die Hieroglyphen, 1912. Sammlung Göschen.

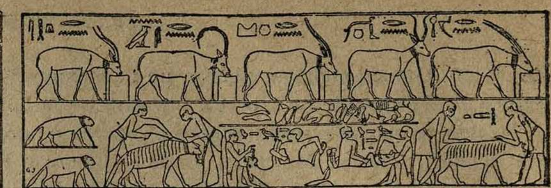
Многочисленные поделки палеолитического периода собрал и издал археолог-практик R. de Rustafjaell, Palaeolithic vessels of Egypt. L., 1907. Он же сделал не мало замечательных находок неолитического времени, описанных им в книге The light of Egypt. L., 1909. В недавнее время ему удалось найти несколько удивительных по реализму статуэток архаической эпохи.

[За последние два десятилетия наши знания о древнейших этапах развития египетского общества чрезвычайно расширились. После большого количества проведенных раскопок и археологических обследований мы теперь имеем непрерывную цепь памятников материальной культуры, начиная от эпохи раннего палеолита, иначе говоря до-родового общества, и кончая уже памятниками ранне-классового общества. Кроме того, древнейшее общество Нильской долины уже не может рассматриваться в своем развитии изолированно от окружающих его районов. На основании имеющегося в нашем распоряжении материала можно смело говорить о единстве социально-экономического развития всей Северной Африки, в том числе и Египта, и Палестины, и Сирии. Чрезвычайно интересные данные дали исследования палеолита Северной Африки, районов Туниса и Алжира, которые в свою очередь, особенно в типе и содержании скальных рисунков, принадлежащих палеолитическим охотникам, увязываются с Нубией. Из общих работ, в которых уделяется много места этому вопросу, см.: O. Menghin, Weltgeschichte der Steinzeit. Wien, 1931; H. Kühn, Kunst und Kultur der Vorzeit Europas. Das Paläolithikum. Berlin u. Leipzig, 1929; Childe, The most ancient East. London, 1928. Специально этому посвящены работы: M. Blankenhorn, Die Steinzeit Palästina, Syriens und Nordafrikas I—III, 1921—1922; H. Kühn, Die nordafrikanischen und ägyptischen Felsbilder der Eiszeit (Tagsb. d. Deutsch. Anthr. Ges. Köln, 1927. Leipzig, 1928, стр. 68—79); Leo Frobenius, L'art Rupestre en Afrique (Cahiers d'Art, 1930, № 8—9); Leo Frobenius und G. Leisner, Die Forschungreise. Die Felsbilder (Mitt. d. Forch.-inst. für Kultur-morphologie, 1927). Специально северно-африканским скальным рисункам эпохи палеолита посвящены работы: Leo Frobenius und H. Obermaier, Hádschra Máktuba. Urzeitliche Felsbilder Kleinafrikas. München, 1925; H. Obermaier, El paleolitico del África menor. Madrid, 1927; Kühn, Alter und Bedeutung der nordafrikanischen Felszeichnungen (I. P. E. K., 1927); его же, Neugefundene Felszeichnungen der Lybischen Wüste (I. P. E. K., 1926); Crawford, Saharian Rock — Paintings (Antiquity, 1927); D. Newbold, Rock-pictures and Archeology in the Lybian Desert (Antiquity, 1928); H. Breuil, Gravures rupestres du désert Lybique identiques à celles des anciens Bushmen (L'Anthropologie, 1926); его же, Les gravures rupestres du Djebel Owenat (Revue Scientifique, 1928); его же, Station de gravures rupestres d'Aguibet Abderrahman (L'Anthropolo-

gie, 1923). Общая сводная работа по палеолиту Египта была дана H. O b e r m a i e r'ом в Reallexicon d. Vorgeschichte Ebert'a в статье — Ägypten, Paläolithikum.

Цельную картину египетского общества в эпоху неолита дали нам раскопки в Бадари (Верхний Египет), Фаюме, Маади и Бени — Салам и Вардан в зап. Дельте. Об этом см.: G. B r u n t o n and G. C a t h o n - T h o m p s o n, The Badarian civilization, 1928. G. B r u n t o n, The beginnigs of egyptian civilization (Antiquity, 1929); C h i l d e, Capsians and Badarians (Ancient Egypt, 1928); F l. P e t r i e, Catalogue of egyptian antiquities found at Badari and in the Fayum, 1925; G a r d n e r and C a t h o n-T h o m p s o n, The recent geology and neolithic industry of the Northern Fayum desert (J. R. Anthrop. Inst., 1926); C a t h o n - T h o m p s o n, Explorations in the Northern Fayum (Antiquity I); H. J u n k e r, Bericht über die von d. Akad. d. Wiss. in Kien nach dem Westdelta entsendete Expedition (Denkschr. d. Akad. d. Wiss. in Wien, Phil.-Hist. Klasse 68, 3); O. M e n g h i n, Die Grabung der Universität Kairo bei Maadi (Mitt. Deutsch. Inst. f. Ägypt. Altert. in Kairo, 1932). Из раскопок эпохи энеолита следует отметить A. S c h a r f f, Das vorgeschichtliche Gräberfeld von Abusir-el-Meleq, 1926. Общая сводка археологического материала эпохи неолита и энеолита дана Fl. P e t r i e в работе Prehistoric Egypt. Периодизации и анализу доклассового Египта посвящены, главным образом, следующие работы: A. S c h a r f f, Grundzüge der ägyptischen Vorgeschichte, 1927; H. J u n k e r, Die Entwicklung der vorgeschichtlichen Kultur in Ägypten (Festschrift f. P. W. Schmidt); P. N e w b e r r y, Ägypten als Feld für anthrop. Forschung, 1928; Б. Б. П и о т р о в с к и й, Современное состояние изучения додинастического Египта (Проблемы истории докапитал. обществ, 1934, № 7—8). Религии доклассового общества Египта — работа И. Л. С н е г и р е в а, Проблема культа Матери-Земли в архаическом Египте, 1929].



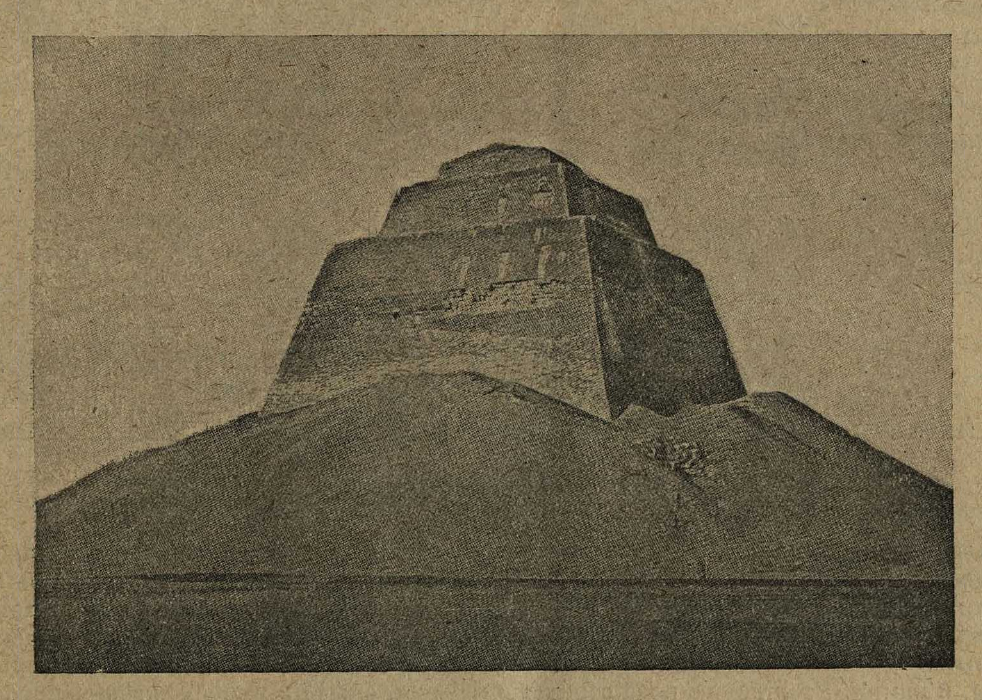



ДРЕВНЕЕ ЦАРСТВО

С царя II династии Джосера, поселившегося на рубеже Верхнего Египта и Дельты, у «Белой стены» — крепости возникшего затем Мемфиса, начинается новый период египетской истории. Следуя старым традициям, Джосер еще выстроил себе гробницу близ Абидоса (Бет-Халлаф) тинитского типа, но он же соорудил себе и другую, грандиозную, на поле Саккара, посвященном богу мертвых Сокару. Это — первая египетская пирамида, пока еще ступенчатая, и этим выдающая свое происхождение из прежней гробницы — мастаба, но сооруженная уже не из кирпичей, а из известняка. Таким образом, началась знаменитая *эпоха строителей пирамид*, это время строгой централизации, бюрократизма и могущества центральной власти. Никогда в истории человечества вся государственная жизнь не была до такой степени сосредоточена около царской резиденции, или, лучше сказать, «вечной» резиденции царя — могилы, как при Снофру, Хеопсе и Хефрене. Сооружение колоссальных царских гробниц, требовавшее огромного напряжения населения, возможное, правда, в земледельческой стране, но и предполагающее крепостное состояние значительной части последнего, указывает нам столько же на деспотизм египетских фараонов, сколько и на центральное положение в египетской культуре религиозных верований и культа. В то же время мощь централизации доказывается и тем, что весь цвет египетской знати сопровождает царя не только при жизни, но и по смерти — царские гробницы, а потом пирамиды IV и V династий на огромном пространстве от Абу-Роаша до Дашура и у Медума, особенно у Гизе (вероятно, некрополь Илиополя), Абусира и Саккара окружены гробницами придворных, чиновников, вельмож, желавших воспользоваться теми загробными благами, какие уготованы царю. Множество прочтенных в них названий чинов и должностей указывает на крайнее развитие бюрократизма уже в это отдаленное время.

Четвертая династия правила более $1^1/_2$ века (XXIX—XXVIII вв.) и окончилась смутами. После нее престол перешел, согласно записанному позже преданию, к илиопольской жреческой фамилии. Что пятая династия (также $1^1/_2$ столетия — до средины XXVI в.) находилась в связи с Илиополем, ясно из особого почитания, какое она оказывала культу солнечного божества Ра-Атума. Цари ее строят не только пирамиды, но и храмы этому богу. Палермский камень говорит о богатых пожертвованиях землями и другими дорогими приношениями Ра, его Эннеаде и духам Илиополя; из надписей этого времени мы знаем, что каждый из первых шести (или семи) царей династии соорудил особый храм Ра и назвал его особым именем, напр.: «Место сердца Ра», «Покой Ра» и т. п. Немецкие археологи нашли и исследовали некоторые из этих замечательных памятников религии и искусства — храмы Ра, сооруженные царями Сахура и Ниусерра. Если цари и раньше в своих именах ставили себя в связь

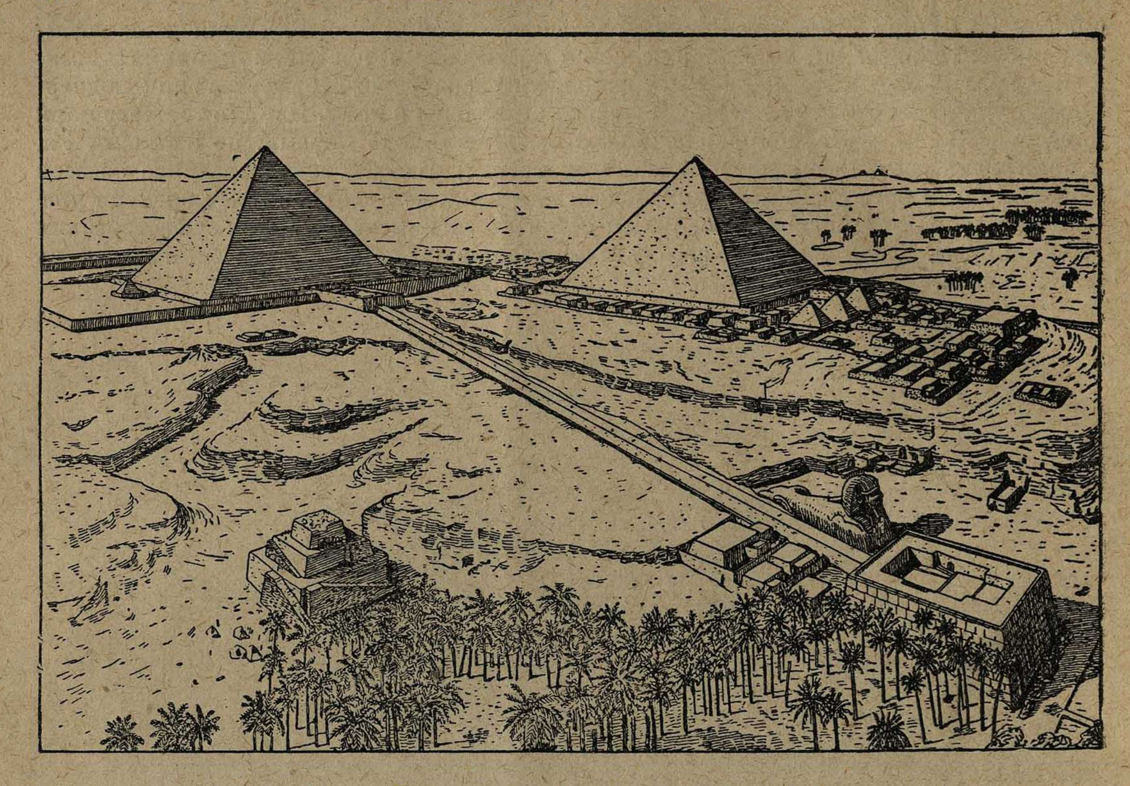
с богом Ра (напр., Микерин—Менкаура=«непоколебим гений Ра» или «непоколебимейший из гениев Ра»), то теперь делается почти общим правилом принимать имя, которое бы изображало царя как воплощение солнечного божества или подчеркивало причастность его существу и вообще отношение к нему. Цари (с третьего царя династии Какаи — Неферирра) начинают быть не только Гóрами, но и сынами Ра, и принимать соответствующие (теперь уже третьи) имена. Распространение по всей стране культа бога света дало упрощения пантеона. — Египет к этому времени уже почти приобрел ту физиономию, какая осталась за ним на все время существования его культуры. К рассмотрению его состояния за первый период его истории мы теперь и обратимся.



Ступенчатая пирамида Снофру.

Подобно вавилонянам, египтяне всю свою культуру считали откровением богов. Боги царствовали некогда над их родиной; Осирис и Исида были цивилизаторами, Тот — покровителем и охранителем культуры, изобретателем письма, культа, всякого знания и государственности. Литературные произведения, будь это религиозный текст или медицинский трактат, возводились к богам, считались упавшими с неба, найденными во времена первых царей в храмах и т. п. «Слово божие» было у них термином для иероглифического письма и для понятия «словесность». Божество заведывало в равной мере и тростью скорописца, и шнуром землемера, и инструментом врача, и резцом ваятеля. Религия указывает покровителей всем сторонам общественной и частной жизни, и для уразумения египетской культуры необходимо начать с этой главной идеологии восточного народа.

Египетская религия поражает исследователя прежде всего той видной ролью, какую в ней играл фетишизм во все периоды ее истории. Правда, он был свойственен в значительной мере и семитам и классическим народам, но в Египте он достиг наибольшего развития и сохранился во все времена его истории, и в этом

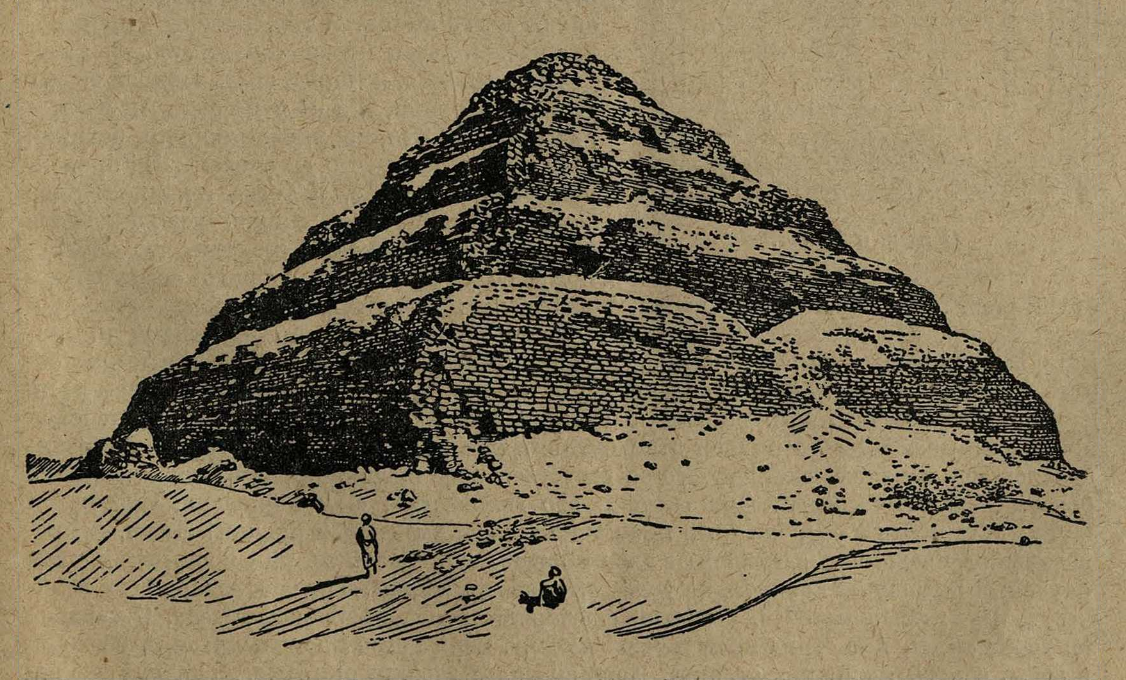


Поле пирамид (реконструкция).

нельзя не видеть как влияния африканской среды, так и доказательств прославленного египетского консерватизма. Египтяне олицетворяли и одухотворяли все; всем неодушевленным предметам они давали имена, во всех их видели присутствие каких-то сил, и нередко видимо выражали это, придавая этим предметам человеческие члены. Они считали носителями духов и деревья, и животных, и светила, и горы, и воды, и камни. Различного рода странные фетиши, смысл и происхождение которых неизвестны, пользовались их поклонением в различных центрах. На ряду с ними поклонялись животным, которых впоследствии объявили живыми подобиями божеств, душами их. В одном номе кланялись странному столбу с четырьмя перекладинами, может быть, символически представлявшему кедр, в другом—бычачьей голове на длинном шесте, в третьем — шесту с двумя перекрещивающимися палицами наверху или щиту с перекрещивающимися стрелами, в иных — шакалу (Сиут), соколу (Эдфу, Иераконполь), быку или корове (Апис в Мемфисе, Мневис в Илиополе, корова в Дендра), барану (в Элефантине, Фивах), ибису (в Ермополе), кошке (в Бубасте) и т. п. С развитием культуры эти фетиши стали считаться символами божеств, сопоставленных с ними, однако, их стали изображать уже в человеческом виде, иногда только с головой животного или в связи с растением или фетишем. Таким образом, пес превратился в Анубиса, шакал — в Вепуата, сокол — в Гора и Ра, корова — в Исиду и Хатор, кошка — в Баст, ибис — в Тота, столб с перекладинами — в Осириса, шест с палицами — в Нейт, первоначально, кажется, богиню соседей — ливийцев, потом — богиню войны и покровительницу западной части Дельты и т. п. Около каждого из этих божеств образовался круг идей и даже мифов; каждый центр считал своего бога творцом вселенной. Но кроме божеств, почитавшихся местно, все египтяне чтили космические божества: солнце, которое они называли

Ра, луну — месяц (Ях), благодетельный и виновник бытия Нил (Хапи). И вот, многие номы отожествляют своих богов-покровителей с тем или другим из этих высших существ. Илиополь сопоставил своего Атума с богом солнца — Ра, а затем и с Гором в форме Ра-Гариехути — Ра-Гор горизонтов; то же сделал и Эдфу и некоторые другие города, где привился культ национального бога Гора, Мемфис, Бусирис, Мендес и Тинис-Абидос — хтоническое божество под именами Пта, Осириса, Хентиементиу и т. п. В Ермополе местный бог Тот стал богом месяца. Политическое объединение страны не могло не повести за собой религиозного. Начинается сопоставление сходных или соседних божеств, появляются божественные пары и тройки: Осирис делается братом или супругом Исиды, Гор — Хатор; у них появляются сыновья. Наконец дело доходит до попыток объединения на более широких началах. Жрецы при наиболее видных храмах придумывают богословские системы. Особенное распространение получила илиопольская система. Здесь во главе пантеона был поставлен местный кирий — бог солнца Ра-Атум. Он сам из себя произвел бога воздушного пространства Шу и его женское дополнение Тефнут; в следующей паре помещали бога земли Геба и жену его, богиню неба Нут; наконец, эта пара произвела на свет две другие: Осириса и Исиду, Сетха и Нефтиду. Эти девять великих богов были названы великой эннеадой, кроме которой в Илиополе различались еще две малых; к ним, между прочим, были отнесены Гор, как сын Осириса и Исиды, Анубис, сын Сетха и Нефтиды, Тот. Впрочем эти божества также считались великими и иногда сверх комплекта приписывались к первой эннеаде. Другие религиозные центры, большею частью, пользовались илиопольской схемой, поставив на первое место своего местного бога.

О каждом из богов существовал цикл мифов, из которых дошло до нас не особенно много, да и то большей частью от позднего времени. Так, Ра в Илиополе считался создателем мира. До него существовал только отец его — Хаос — старец Нун, и в нем «отцы и матери» — стихии. Ра поднялся из хаоса в бутоне лотоса, на том месте, где впоследствии возник Ермополь: здесь лучезарный бог в виде солнечного диска



Ступенчатая пирамида царя Джосера.

вышел из распустившегося цветка. Начался свет. Тогда Ра рождает из себя Шу и Тефнут, от них потом происходят Геб и Нут. Последние находились в постоянном соединении. Ра велит Шу разделить их и поднять Нут на свои простертые кверху руки. Геб покрывается растительностью. Нут — небесными светилами, которые стали плыть по ней в кораблях. Что касается людей, то по одной версии «Геб и Нут родили Осириса, Исиду, Сетха, Нефтиду из своего тела, одного за другим: их детей много на земле»; по другому, Шу и Тефнут принесли Ра его «око»; он заплакал, и из слез его произошли люди (игра слов: ремит — слеза и ромет — человек). Родившиеся боги по его повелению уничтожили его врага — дракона мрака Апопи; сам он в виде «великого кота» уничтожил огромную змею в Илиополе. Царствовал он много тысячелетий и, наконец, состарился: кости его превратились в серебро, мясо — в золото, волоса — в ляпис-лазури. Его подданные, как боги, так и люди, сделались тогда непокорны. Сначала Исиде путем хитрости удалось выведать у него магическое имя, знание которого давало власть над ним: она подослала к верховному богу, когда он обходил свои владения, созданную ею для этой цели змею. Ужаленный и страдающий Ра обратился к ней за помощью. Она потребовала от него его имени: «Я тот, который сотворил небо и землю и утвердил горы. Я тот, который создал небо и тайну горизонта и который поместил туда души богов. Я тот, при отверстии очей которого делается светло, а при закрытии темно. Вода Нила струится, когда я повелеваю, но боги не знают моего имени. Я тот, который производит часы и дни и кто начинает год, производит наводнение, который создал живой огонь. Я Хепра утром, Ра — в полдень и Атум — вечером»... Это не удовлетворило богиню: «нет имени в том, что ты сказал». Яд продолжает свое действие, и тогда в конце концов удается узнать имя. Скоро неповиновение людей дошло до такой степени, что верховному богу пришлось собрать совет из небожителей. «Его величество изрек своей свите: «призовите ко мне мое око, богиню Хатор, Шу, Тефнут, Геба и Нут вместе с божественными праотцами и праматерями, которые были при мне, когда я еще находился в Хаосе, а также самого Нуна; да приведет он и свою свиту с собою, тайно, чтобы люди не заметили и не разбежались; пусть он идет с ними к моему дворцу, чтобы дать мне свои превосходные советы». Привели этих богов, и они пали ниц пред его величеством, касаясь земли челом, ожидая, что он выскажет свое желание пред отцом старейших богов, создавших людей. Они сказали его величеству: «Мы слушаем». Сказал Ра Нуну: «Старейший бог, который меня произвел, и вы боги — предки! Люди, происшедшие из моего ока, замышляют злое против меня. Скажите, как поступить в этом случае: я не хочу их казнить, не услыхав вашего мнения». Тогда заговорил его величество Нун: «Сын мой Ра, больший создавшего его и произведших его. Оставайся на троне своем, ибо страх пред тобою велик»... Величество Ра ответил: «они убежали в горы, сердце их полно страха». Боги сказали: «пошли око твое, да казнит оно не-



Осирис и Исида.

покорных. Пусть сойдет Хатор и казнит людей в горах». Ра посылает свирепую богиню, которая топит людей в их крови, пока Ра не сжалился над некоторым остатком их и не простил их, чуть не насильно отстранив Хатор от резни. Но царствовать больше он не хочет, и на спине коровы уходит на небо. После Ра вселенной правят одна за другой две происшедшие от него пары и, после многих веков царствования, возносятся на небо. Наконец, царство переходит к Осирису и Исиде. Эта благодетельная пара поставила целью своего царствования воспитание людей и распространение культуры не только у себя дома, но и за границей; помощниками у нее были — первый министр Тот и Вепуат, бог войны, «открыватель путей» в иноплеменные страны; противником — Сет (вернее Сетх, может быть, Сутх), желавший завладеть престолом. Во время празднества по случаю победоносного возвращения Осириса из Азии, куда он отправился походом для насаждения цивилизации, Сетх явился со своими 72 спутниками, принес драгоценный сундук и предложил его тому, кому он придется, если тот вздумает лечь в него. Он как раз пришелся Осирису. Сетх немедленно захлопнул сундук и бросил его в Танитское устье Нила. Осирис носился по волнам и выплыл в море. Исида с рыданием искала ящик повсюду и нашла его у самого устья вросшим в ствол дерева. Она оплакала, временно оживила, потом погребла его и удалилась в свой город Буто, где среди болот стала воспитывать своего младенца Гора, сокрыв его от преследований Сетха. Возмужав, Гор вступает в борьбу с последним; оба обнаруживают большую храбрость; Гор даже лишается одного глаза. Наконец, боги предоставляют дело на решение премудрого Тота, который делит Египет между Гором и Сетхом: первому отдает север, второму — юг. Осирис в аду делается царем и судьей. Борьбу Гора и Сетха илиопольские жрецы локализовали в Хериоха, на месте нынешнего Старого Каира, вблизи священного Илиополя; суд — в Илиополе «в Великом доме». Таким путем окончательно слили два различных цикла мифов.

Таков остов этого главного мифа египетской религии, занимающего центральное место во всей культуре египтян. Мы знаем его в полном виде уже из трактата Плутарха, но что основные элементы его восходят к древнейшим временам, видно из намеков, рассеянных по всей литературе, и уже в текстах, начертанных в пирамидах, он представляется известным, причем рассказанная нами версия — далеко не единственная. Так, в древнейших частях текстов пирамид уцелело глухое указание, что на стороне Сетха был первоначально Тот. Обычно же рассказывается в них, что Тот участвовал в битве и «обратил вспять свиту Сетха» и даже в битве повредил себе руку. Осирис, оплаканный Исидой и Нефтидой, оживлен Гором, давшим ему проглотить исторгнутое у Сетха «око Гора». Осирис поднялся на левом боку, но на земле не остался, а сошел царствовать в преисподнюю. На четвертый день он исцелился от повреждения; на 8-й забыл о всех своих неприятностях. Впоследствии были привнесены некоторые варианты и подробности. Так, например, когда Осирис сделался наиболее популярным богом (Уон-нофру — «Онуфрий», «благой»), и каждая область хотела обладать его гробницей (может быть, здесь играло роль также сопоставление с ним аналогических божеств), пришлось объяснить обилие этих гробниц мифом о том, что Сетх, охотясь ночью при лунном свете, нашел гроб Осириса и рассек его тело на 14 кусков и разбросал их по всему Египту, а Исида, находя их, погребла их отдельно и ставила каждый раз храмы. (Некоторые, впрочем, ставят этот миф в связь с древнейшим способом погребения). Другие же говорили, что она соединила при помощи Тота члены и набальзамировала их, а затем снова погребла, но уже в Абидосе, где была главная гробница; по первой версии, в Абидосе была погребена в особом ковчежце голова Осириса. Впоследствии гробницу одного из древнейших царей превратили в погребальный склеп Осириса и поставили в нем кенотаф, найденный Амелино. Всеегипетское почитание убитого бога объясняли еще тем, будто по нем затянули на севере Исида и Нефтида плач, который раздавался до Абидоса и т. п. В Абидосе справлялись и мистерии Осириса, наиболее раннее упоминание о которых — стела

придворного Ихернофрета (Берл. муз.), посланного в 19-м году Сенусерта III для ревизии абидосского храма и мистерий. Из его автобиографии видно, что мистерии состояли из следующих обрядов: 1) Выход Вепуата. Идол шакала на шесте выносился из храма. Он указывал путь Осирису и был его первым бойцом. 2) Выезжал сам Осирис на своей барке, поражая врагов. На корабль нападали «враги»; верховный жрец и свита отражали их. 3) Далее следовал таинственный «великий выход», во время которого Осирис был убиваем Сетхом. Следовал плач. 4) Тот перевозил тело Осириса в барке. 5) Духовенство приготовляло тело к погребению и перевозило на барке в местность Пекер, где его погребали. 6) Совершалась расправа над «врагами» Осириса на месте его убиения в местности Недит. 7) Ликование и перевезение идола ожившего Осириса в его храм в Абидосе. — Нередко в абидосских надписях можно встретить желания покойных видеть «красоты Вепуата при первом выходе или «поклониться» Осирису Хентиементиу («вождю западных») при его великом выходе». Подобные же мистерии справлялись, конечно, и в Бусирисе, и вообще во многих храмах, особенно в поздние времена, когда почти везде, в Фивах, Дендера, Эдфу и т. п. были устроены отделения для культа Осириса.



Бог Птах. Бронзовая статуэтка собр. Гос. Эрмитажа.

После знакомства с мифами азиатских соседей, также оплакивавших юного бога, умерщвленного злой силой, египтяне скоро увидели в Таммузе-Адонисе своего Осириса; ящик с его телом стали доводить до финикийских берегов, и Исида, как полагали, нашла его в Библе, вросшим в кедр. Произошло даже некоторое религиозное общение двух религий на почве культа страждущего божества: из Египта ежегодно (еще в греческие времена — ср. трактат Лукиана о сирийской богине) отправляли по морю главу Осириса, которую в Библе встречали финикийские женщины с плачем, после чего начинались празднества. Осирис действительно мифологически тожественен с Адонисом и Таммузом — он также хтонический бог растительной силы, убитый и оживший; в Египте он является уже сопоставленным с другим божеством, еще более юным — сам он уже не принадлежит этому миру, где царит его сын Гор. Но это сопоставление едва ли первоначально. Осирис был богом Бусириса (Дом Осириса) в Дельте, и здесь чтился в виде фетиша — столба с перекладинами, считавшегося его спинным хребтом. Гор был богом победоносных «Служителей Гора». Возможно, что его культ вышел также из Дельты и с ним был также сопоставлен бог города Эдфу — крылатый солнечный диск; возможно и обратное. Сами египтяне впоследствии рассказывали о Горе, устремившемся из Эдфу «на заклание своих врагов», может быть, мифологически передавая объединение Египта династией, для



Голова статуи Хефрена. Древнее царство.

которой Гор был богом-покровителем. Из национального и династического бога он делается могучим богом света, в лице своих символов — крылатого солнечного диска, или сокола, проходящего Египет и побивающего исчадия мрака; его два ока — солнце и месяц; его юная форма Гарпехрот (Гарпократ) «Гор младенец» делается божеством восходящего солнца, а супруга Хатор — богиней неба. Во всем этом разобраться нелегко; египтяне сами могли найти выход из этой путаницы, изобретя трех Горов — Гора Великого, Гора сына Исиды, и Гарпократа, сына Гора и Хатор. Эдфуский Гор уже рано был объявлен супругом богини неба, почитавшейся в Дендера и называвшейся Хатор, что объясняли, как «Дом Гора». Ее символом была корова, и это сблизило ее с Исидой. Вероятно политические комбинации номов, а затем объединения содействовали сопоставлению государственного бога с популярным богом покойников и его благодетельной супругой и премудрым ермопольским Тотом. Дальнейший процесс объясняется, согласно Масперо, смешением осирисовых мифов с солнечными и параллелизмом борьбы и там, и там. Бог жизненной силы земли умерщвляется или зноем или, в виде своих продуктов — хлебных злаков— человеком; бог солнца борется с тучами, заслоняющими «око неба», борется с мраком, исторгающим это око. Возможно, что Гор, бог солнца, уже вторичным путем был сделан преемником Осириса в его отношениях к противной силе, и борьба света с мраком является преемницей борьбы хтонической. Вне заупокойного культа Сетх долго не считался злым богом и диаволом: Тот примирил его с Гором, и он наравне с ним был царем Египта и предком фараонов. Только в поздние времена египетской культуры, особенно в персидское, греческое и римское, он получил характер диавола, и даже имя его избегали писать и произносить и выскабливали из текстов. Миф Осириса имел большое нравственное значение. Он был шагом на пути к этическому дуализму: «Благой» невинно страдает и делается покровителем всего доброго и правосудным царем иного мира. Но и в этом мире около него группировалось все доброе и прекрасное, супружеская любовь и материнство были освящены в глазах египтянина отношениями Осириса, Исиды, Гора. С этой стороны особенно трогательна скорбная песнь, влагаемая в уста Исиды, над телом Осириса, певшаяся жрицей во время мистерий: «... Приди, Осирис, в свой дом!.. Оний, приди в свой дом! Нет врагов твоих. О прекрасный юноша, приди, чтобы посмотреть на меня: ведь я твоя сестра, которую ты любишь; не уходи от меня, Онуфрий, вернись в свой дом, сейчас же. Я не вижу тебя, и скорбит мое сердце и ищут тебя глаза мои. Я стремлюсь лицезреть тебя. Могу ли я устать смотреть на тебя?.. Сладостно видеть тебя... Приди к своей сестре, приди к своей жене, приди к своей супруге. Я твоя сестра от одной матери, не разлучайся со мной. Боги и люди взирают на тебя и плачут по тебе. Я восклицаю к тебе и плачу до высоты небесной, но ты не слышишь моего голоса, хотя я твоя сестра, которую ты любил на земле, и кроме которой ты не любил никакой другой, о брат мой!»... Действительно, семейные отношения в Египте, судя по надписям и картинам на гробницах, производят отрадное и трогательное впечатление. Египтянин постоянно изображает себя рядом с женой и в кругу детей; и ту, и других он наделяет нежными эпитетами, и дети гордятся тем, что они были «хвалимы отцом, любимы матерью и братьями». Хотя среди вельмож и допускалось многоженство, но законной женой была одна, большею частью родная сестра, носившая титул «госпожа дома» и бывшая во всех отношениях, в частности, юридических, равной своему мужу. Даже царицы, большею частью родные сестры царей, несмотря на существование гаремов, занимали высокое положение и носили почетные официальные титулы; имена их, как и имена царей, заключались в особые овалы.

Если, таким образом, небо влияло на земные нравы, то и земной Египет переносил свои условия в мир богов. Эти условия предвечны — боги царствовали подобно фараонам, имея в лице тоже богов своих визирей и чиновников. И потом бюрократические порядки господствуют в мире богов: эннеада имеет своим секретарем и докладчиком визиря бога Ра — Тота; сам Ра рисуется на-

стоящим фараоном. Конечно, и это не могло не влиять на развитие генотеистических представлений.

Какое бы значение ни имел первоначально миф Осириса, несомненно, что он был центром для представлений египтян о загробной жизни. Осирис был сыном Неба и Земли, т. е. земнородным, а потому и первым покойником (до него боги не умирали, а возносились), а так как смерть не могла быть нормальным явлением, то он должен был быть убитым. Таким образом, он был как бы первым человеком, посредником между богами и людьми, и люди должны были быть подобны ему. По смерти они переходили в его царство и, чтобы быть принятыми там, должны были не только принадлежать к числу его последователей, но и слиться с ним, приобщиться естеству его. Отсюда постоянное наименование покойников «Осирис имя рек», которое впоследствии сделалось обычным для всех египтян, а в Древнем царстве прилагалось только к царям, как потомкам убитого бога. Последний принимал такого покойника, заботился о его благосостоянии за гробом. Представления об участи покойников и вообще о царстве мертвых были, впрочем, у египтян спутаны и противоречивы. Причина этому — развитие и наслоение, не вытеснившие старых взглядов. Египтяне вообще были народом консервативным и мало логичным: то, что они получали вновь путем культурного развития, не заставляло их отбрасывать старого, более примитивного достояния; равным образом, объединяя различные местные представления, они не согласовали их, а оставляли существовать рядом, как бы противоречивы они ни были. Отсюда в течение веков образовалась такая путаница, что наука в настоящее время не всегда оказывается в состоянии разобраться. В глубокой древности эпохи Негады мы встречаемся с погребальными обычаями, наиболее странными для Египта: покойник или лежит на боку в согнутом положении, или его скелет расчленен и в яме иногда оказывается больше костей, чем нужно, иногда меньше. Видеман пытается доказать, что расчленение покойника имело религиозное значение — не дать ему вернуться мучить живых, и нашло себе отражение в мифе о расчленении Осириса. Он находит намеки (Книга Мертвых, гл. 43) на древний обычай в религиозных текстах исторических времен, где говорится, как о важном ритуальном действии, об отсечении у покойника головы. Навилль сопоставляет это с известием Геродота о погребении в сидячем положении у Насамонов — так наз. эмбриональное положение получится, если сидящий по-восточному, на корточках, труп упадет. Находят даже изредка мумии исторического времени, где отрубленная голова потом пришита. После разложения разрубленных останков, скелет снова складывали (иногда при этом не доискивались костей, иногда по ошибке клали чужие в один гроб), чтобы, как думает тот же египтолог, обмануть покойника, захотевшего вернуться: он одевался в старую плоть, считая ее целой, но она распадалась и отказывалась ему служить. Однако уже в доисторические времена были сделаны первые шаги к бальзамированию трупов: в могилах с расчлененными скелетами начинает отдельно класться на особое место голова, в которой обнаружены различные смолы. До знаменитых египетских мумий отсюда, конечно, еще было далеко, но первый шаг был уже сделан; вера в необходимость сохранения телесной оболочки человека для его бессмертия нашла для себя средство и была подкреплена ссылкой на Осириса, которого набальзамировал Анубис при премудром содействии Тота. Убитого бога стали представлять не только в виде фетиша, но и в форме стоящей или лежащей мумии; первоначально царь, а потом и всякий покойник, над которым были проделаны все те же церемонии, что некогда над Осирисом, сливался с ним. Но этого для него было мало, и это одно не устраивало его на том свете. Египтяне никогда не забывали первобытных представлений, что умершие не чужды земных потребностей и нуждаются в кормлении. Царские гробницы эпохи Негады представляют настоящие магазины заупокойных даров. И частные лица, сообразно общественному положению и средствам, справляли поминки по своим усопшим, принося жертвы из быков, гусей, вина, елея, молока, хлеба и т. п. В противном случае, покойник должен был довольствоваться

нечистотами или бросаться на живых. Жертвы эти считались приносимыми Осирису и другим богам, а они уже распределяли их по умершим. Таким образом, умерший мог есть и пить. Он также мог ходить куда ему угодно, мог видеть и говорить. Все это достигалось особенными церемониями, которые проделывались над мумией, а также рисунками дверей на гробнице, изображением глаз на гробе. Жертвы принимала, конечно, не мумия, а олицетворенная жизненная сила, именовавшаяся «Ка» и считавшаяся божественной. Ее изображали, как подобие ее носителя, с поднятыми вверх руками. И боги имели «Ка», но в отличие от людей — по нескольку их. Ра, напр., до четырнадцати. Точно так же и цари имели несколько «Ка»; первоначально, кажется, представление о «Ка» имело в виду их одних. Кроме Ка признавали в человеке и душу, имевшую голову человека на теле птицы и после смерти отлетавшую на небо. Иногда говорили о большем количестве элементов человеческого существа (напр., о тени), но не всегда строго различали их. Душа совершает загробные блуждания, сражается с врагами-демонами, пока не получит места упокоения на полях Иалу, которые сначала помещались вместе с богами, где-то на северной части неба, а иногда даже на звездах, а потом на западе. Запад вообще считался областью мертвых, а потому кладбища лежали обыкновенно на западном берегу Нила, у самой пустыни. Здесь покойники вели жизнь такую, как некогда на земле.

Загробная топография — наиболее запутанный и неясный пункт египетских представлений. Но в Египте не в меньшей степени, чем в Вавилонии, была развита магия, вера в силу слова и таинственное значение имени. Магические формулы направляли душу на верный путь и давали ей орудие против демонов, сообщая имена последних и тем делая их бессильными, а покойнику предоставляя возможность «ходить по путям прекрасным, по которым ходят достойные». Они делали еще больше — путем их покойник мог выдавать себя за бога, по преимуществу отожествляя при помощи формул отдельные члены своего тела с таковыми же у различных божеств. Таким образом, нравственный элемент, который столь выгодно отличает вавилонскую религию, в этих текстах пока отсутствует. За умершего говорили не добрые дела, а бессмысленные формулы, которые он должен был знать наизусть и которые для его облегчения или писались на стенках гроба, или давались в виде книжных свитков.

От Древнего царства мы имеем огромное собрание таких формул, представляющее едва ли не древнейший памятник египетской литературы, хотя и записанный при V и VI династиях (в пирамидах царей Унаса, Атоти I, Пиопи I и II, Мернера). За глубокую древность текстов говорят и первобытная грубость многих представлений, и исторические намеки. Содержание, при общности магического характера, разнообразное. Здесь и описания загробных странствований, и представление загробной участи покойного царя, отожествленного с Осирисом и приобщенного к богам, и обращение к богам, имеющим отношение к циклу Осириса и судьбе покойного, и забота о продовольствии покойного, и заклинания против демонов, змей, чудовищ, и ритуальные тексты, и намеки на мифы. Последние — илиопольские, связанные с Атумом-Ра и эннеадами, но скрещенные с Осирисовыми. После того, что мы узнали о происхождении и характере V династии, для нас вполне понятно, что раньше нее эти тексты не могли войти в употребление — они порождение Илиополя и культа Ра; в них уже сопоставлены и довольно беспорядочно объединены идеи религии бога Ра с Осирисовыми.

Илиопольское происхождение текстов доказывается той ролью, какую играет в них эннеада. На ряду с нею заметна Нейт, а главное — цикл Осириса и его центры — Тинис и Абидос. Зете указывает на текст, как на возможную дату; в нем говорится о царе одного Нижнего Египта: «Твой ужас у тех, которые принадлежат небу, твой страх у земных, ты направил свой меч в сердца царей Нижнего Египта, находящихся в Буто». Здесь эти цари даже как будто выставляются врагами; текст имеет вид верхне-египетского. В другом тексте покойный назван землей Катаракта, овладевшим

Египтом, «пламенем, охватившим оба берега», — может быть, намек на покорение Египта с юга. Во многих других случаях несомненно более позднее происхождение, именно там, где упоминаются Буто и Нехен (Эль-Каб), даже Элефантина и Нубия. Царь назван «великим тельцом, поражающим Нубию», что является пояснительным текстом к описанным барельефам, где изображен бык, разрушающий крепости, но в то же время переносит нас в эпоху объединенного Египта, распространившегося за Сильсилэ и даже Кенсет. Наконец встречается текст: «о ты, который перевозишь праведных, не имеющих корабля, перевозчик полей Иалу! Имя-рек оправдан пред небом и землей! Имя-рек оправдан пред каждым островом, именуемым «Плывущий достигает к нему» и помещенным между ногами Нут. Он — «данг танцев бога, радость бога пред его троном» — вот что ты слышишь в домах, вот что узнаешь ты на дорогах в день он, когда тебя позвали, чтобы выслушать повеление. Вот оба у трона великого бога, они зовут имя-рек: «он здрав и цел». Имя-рек плывет к полю «Прекрасное место великого бога», на котором бог делает то, что ему надлежит делать среди достойных, — он распоряжается яствами... Он — Гор, он предоставляет имя-рек яства»... Оставляя пока в стороне мифологические намеки, обратим внимание на сравнение покойного царя с «дангом» танцев бога. Почти в то же время (при царе Нофркара) «данг» был доставлен Хирхуфом «для развлечения царя»: это — карлик из малорослых племен Центральной Африки.

К числу мест, важных в историческом отношении, следует отнести и следующий замечательный текст (гл. 366 по Зете).

«Встань, Осирис имя-рек, поднимись! Тебя родила мать твоя Нут, тебе прилагает Кеб твой рот, тебя защищает великая Эннеада, они подчиняют тебе врагов твоих... «Ты нес большего, чем ты сам», говорят они тебе, ибо имя твое «Итфакуэр»; «ты поднимаешь большего, чем ты сам», говорят они тебе — ибо имя твое «Тинитский». Идут к тебе две сестры твои Исида и Нефтида, приводят от тебя черным и великим в имени твоем Кемуэр; зеленым и великим в имени твоем Уадж-уэр. Ты велик и кругл в Шенуэре. Ты кругл в Дебене, окружающем Хауинебу. Ты кругл и велик в Осеке. Чаруют тебя Исида и Нефтида в Сиуте. Величают (?) они тебя в имени твоем «владыка Сиута», прославляют они тебя в имени твоем «бог», славословят они тебя, чтобы ты не удалился от них, в имени твоем «Утренний» (?)... Подходит к тебе сестра твоя Исида, ликуя от любви твоей»... Далее следует грубо-реалистическое описание отношений нового Осириса к Исиде.

Это едва ли не первый в мировой литературе текст, упоминающий о четырех морях: Кемуэре, Уаджуэре, Шенуэре и Дебене. Первое, сб. «великая чернота» — вероятно, горькие слезы Суэцкого перешейка; имя в тексте определено рисунком крепостной стены; второе — «великая зелень», в историческое время было термином для океана, особенно для Средиземного моря; третье определению не поддается, но о последнем (сб. «Круг») сказано, что оно обтекает «Хауинебу» — северные, в историческое время греческие острова. Если мы вспомним о критской культуре и о глубокой древности ее сношений с Египтом, то отожествление ее области с Хауинебу данного текста для нас не будет невероятным.

Из приведенного текста ясно видно доведенное до последней степени представление о тожестве покойного царя с Осирисом. Огромное количество текстов вращается около этого догмата и развивает его на разные лады. Пирамиды Пиопи I и Мернера I начинают свои надписи с подробного описания появления на небе нового бога, соединившего все части своей субстанции:

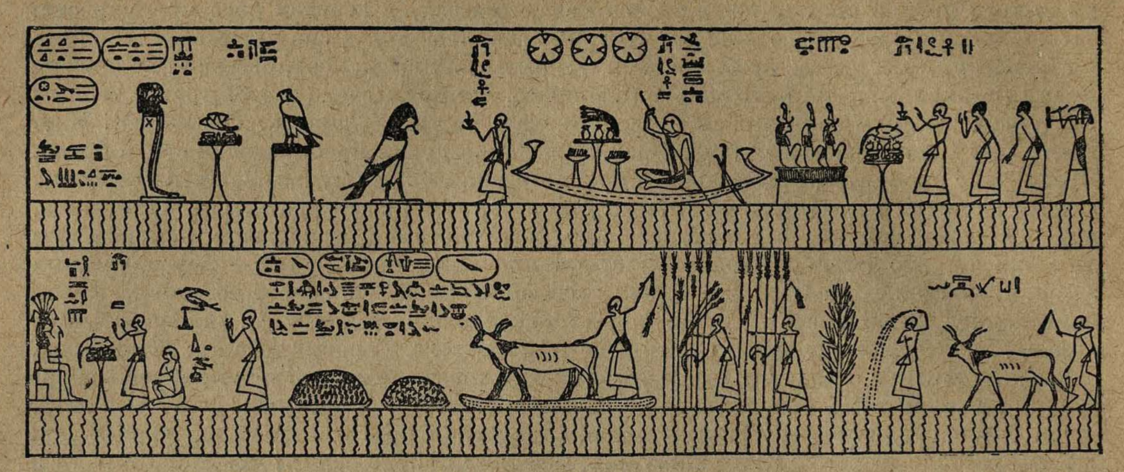
«Пришли к тебе твой дух и твоя сила (твой образ?), как к богу, наместнику Осириса; твоя душа в тебе, твоя сила — позади тебя, твоя корона на тебе, твоя диадема на твоем плече... Служители бога — позади тебя, и знатные боги — перед тобой и восклицают: идет бог! идет бог! Идет этот имя-рек на трон Осириса, идет этот славный дух, обитатель Недита, сильный, живущий в Тинисе. Исида говорит с тобой, Нефтида тебя приветствует; прославленные духи подходят к тебе и кланяются: они целуют

прах пред ногами твоими из-за твоего меча, имя-рек, в городах бога премудрости. Ты проходишь пред твоею матерью Нут; она дает тебе руку; она указывает тебе путь к горизонту, к месту, где пребывает Ра. Открыты тебе врата неба, отверсты тебе двери Кебху (прохлады?); ты находишь Ра стоящим. Он подзывает (?) тебя, берет тебя за руку, ведет к двум святилищам неба, помещает на трон Осириса. О имя-рек! Идет к тебе око Гора и называет тебя. Идет к тебе твоя душа, пребывающая среди богов. Идет к тебе твоя сила, пребывающая среди прославленных духов. Защитил сын отца своего, защитил Гор Осириса, защитил Гор этого имя-рек от врагов его. Ты стоишь, имя-рек, защищенный, снабженный, как бог, украшенный образом Осириса. Ты делаешь то, что он когда-то делал среди прославленных духов — неразрушимых звезд. Сын твой — на престоле твоем, имея образ твой. Он делает то, что ты делал раньше пред лицом повелителя западных по повелению великого Ра: он обрабатывает ячмень, он возделывает пшеницу, он дает тебе из этого. Говорит тебе Ра: «О имя-рек, я даю тебе жизнь, я даю тебе речь твою, я даю тебе тело твое. Ты принимаешь образ божий; ты велик там у богов, находящихся во главе озера. О имя-рек, душа твоя стоит среди богов, среди прославленных духов, страх твой против сердец их. О имя-рек! Ты на престоле твоем во главе живущих, меч твой против сердец их. Живо имя твое на земле, старо имя твое на земле. Ты не уничтожаешься, ты не погибаешь во веки веков».

Таким образом, покойник — сын Нут, матери Осириса. Ему открыто небо. Он, соединив все части своей организации и получив «образ бога», идет. Его узнают его небесные сестры, и сам верховный Ра признает его в новом сане и даже распространяет его и на его преемника на престоле. Сын его — это Гор, который в другом месте говорит, что он оказал ему такие же услуги, какие некогда оказал настоящий Гор своему умерщвленному отцу:

«Встань, отец, стой, Осирис имя-рек! Я — твой сын, я — Гор. Я пришел к тебе омывать тебя, очищать тебя, оживлять тебя, собирать для тебя твои кости, твою плоть. Я — Гор, защитник отца. Я защищаю тебя, отец мой Осирис, от того, кто причиняет тебе боль. Я иду к тебе, как вестник, Гор, помещающий тебя на престоле Ра-Тума. Ты будешь водительствовать людьми, ты сойдешь к кораблю Ра, куда боги любят сходить, куда боги любят спускаться и в котором Ра плывет к горизонту... Ты отдаешь приказания богам, ибо ты — Ра, вышедший из Нут, которая рождает Ра ежедневно, которая будет рождать и имя-рек, подобно Ра, ежедневно».

Здесь уже новое уподобление. Нут — мать Осириса и его цикла, по месту, занимаемому в илиопольской эннеаде, но она ежедневно рождает из себя, как богиня неба, солнце, а следовательно ее сын — тожественен с верховным божеством. И это особенно выгодно, так как Ра плавает по небосклону, а потому и покойник «обтекает небо, как Ра, обходит его, как Тот (бог луны)». Или он «омывается вместе с Ра в озере полей Иалу, Гор обтирает его тело, Тот обтирает его ноги», к Шу взывают, чтобы он «вознес его», а к Нут, чтобы она «подала ему руку». Вообще он готов привести себя в связь со всеми богами — это делало его страшным на том свете и безопасным от «врагов». Он принимал от разных богов их признаки: у него «лицо — как у шакала, когти — как у кобчика, крылья — как у Тота», и сам он — «Тот, сильнейший (в магическом смысле) из богов». Мало того, он сильнее и самого верховного Ра: «он садится у плеч Ра, который не дает ему упасть на землю, ибо знает, что он выше его. Он — дух, превысший всех духов, он совершенный более всех совершенных, он непоколебим более всех непоколебимых; он овладел обеими землями, как царь богов». В другой формуле покойник, оставаясь Осирисом, приводится в связь со всеми богами по родству. Получается длиннейший текст с перечислениями: «Атум! этот Осирис — твой сын. Дай ему существовать (?) и жить. Если он жив, то имя-рек будет жив, если он не умрет, то и имя-рек не умрет, если он не будет уничтожен, то и имя-рек не будет уничтожен»... Совершенно такая же формула обращена ко всем богам илиопольской эннеады, причем, когда дело касается Исиды, Нефтиды, Сетха, а за-



[Поля Иалу (рай по представлениям египтян).

тем причисленного сюда Тота, покойный назван «братом», а относительно Гора — «отцом».

Осирисом остается покойник и в следующих формулах, также не всегда ясных и не вполне свободных от противоречий. Первая имеет целью воскресить покойного, подобно Осирису.

«Твой сын Гор делает это для тебя. Вельможи трепещут, видя меч в твоей руке, когда ты исходишь из преисподней. Слава тебе, бог Сиа (бог премудрости): Геб родил тебя. Гор доволен своим отцом, Атум доволен своими годами, боги Востока и Запада довольны Великим, явившимся на руках родительницы бога. О имя-рек, имя-рек, смотри! О имя-рек, имя-рек, гляди! О имя-рек, слушай! О имя-рек, присутствуй! О имя-рек, поднимись на своем боку! Исполняй повеления, ты, ненавидящий сон, презирающий расслабление. Вставай, недитец! Тебе приготовлен хлеб твой в Буто! Восприми свою силу в Илиополе! Ведь Гор — тот, кто приказал это исполнить для своего отца. Владыка облаков собирает облака, чтобы поднять тебя, он, который поднимает Атума.

Имя-рек велик. Он прошел между ног Эннеады. Он зачат Сохмет, родила его Шестет, его, далеко блуждающую звезду, приносящего для Ра ежедневно необходимое для пути. Он идет к своему месту, где находится обладатель обеих корон. Он сияет, как звезда.

...Имя-рек сияет, как Нофертум, как цветок лотоса у носа Ра, когда тот восходит ежедневно на горизонте и когда, при виде его, ликуют боги...

«Иди в мире», говорит тебе Осирис, «вестник великого бога, в мире», говорит тебе великий бог. Открыты тебе врата неба, отверсты тебе двери светил. Южный шакал спускается к тебе, как Анубис, лежащий на своем боку, как Хениу, глава Илиополя. Великая дева простирает к тебе обе руки, обитающая в Илиополе. О имя-рек, у тебя нет отца среди людей, нет у тебя и матери, которая бы родила тебя. Твоя мать — Саматуэрт, обитающая в Элькабе, с белой короной и длинными волосами. Она кормит тебя, не отнимая от груди! Поднимись! Твоя палица в твоей руке, твой скипетр в руке; ты стоишь между двумя святилищами и судишь богов. Ты идешь к звездам, сияющим за утренней звездой. Не уклоняется бог от своего обещания; он дает тебе 1000 хлебов, 1000 пивом, 1000 быков, 1000 гусей, 1000 всяких приятных хороших вещей, от которых живет бог».

Нельзя не притти в отчаяние от этого набора, на наш взгляд бессмысленных и, во всяком случае, бессвязных формул, рассчитанных на ритуальное произношение,

на слуховые эффекты, и составлявшихся при разных условиях и в разные времена. Несомненно, что уже здесь замечается смешение осирисовой доктрины с илиопольской, в центре которой стоит Ра, и комбинация разнообразных представлений о загробном мире. Южно-египетское перемешалось с северным, абидосское и элькабское с илиопольским и бутским. Подобная же путаница замечается и в текстах, имеющих отношение к путешествию покойника и его продовольствию. Мы уже видели, что новый Осирис «идет», что ему подает руку его мать Нут и сам бог Ра, а возносит Шу, но видели также, что он переезжает на корабле последнего и вечно с ним странствует. О плавании и переезде вообще говорится часто и в разных версиях, равно как и о цели путешествия. Например:

«Идет он, чтобы созерцать отца своего Осириса. Открыт ему путь херихебом (жрецом, произносившим магические формулы), приветствует он владык духов. Идет он к великому озеру внутри «полей даров», на котором пребывают великие боги; эти великие боги — неразрушимые звезды. Дают они ему это древо жизни, от которого они существуют, от которого вы существуете также. Ты берешь его с собой к твоему великому полю... Ест он от того, что ты ешь, пьет он от того, что ты пьешь... Дай ему сидеть за его праведность, стоять за его достоинство... Посади его, как князя среди духов — неразрушимых звезд, которые на севере неба, которые владычествуют над яствами»...

Здесь цель путешествия — «неразрушимые» звезды, т. е. звезды, расположенные вокруг полюса. Здесь был рай с древом жизни и полями пиршеств, здесь обитали блаженные, превращенные в звезды. Как туда попадать? Это было не легко — следовало просить какого-то бога, чтобы он взял с собой. Но можно было обратиться и к другим существам:

«О вы четверо, Хентиу-инсект («с локонами спереди»), — ваши локоны пред вами, ваши локоны на висках, ваши локоны на затылках ваших, среди голов ваших! Ведите эту барку для имя-рек, подайте ему эту барку. Пусть везет ее Хекрирер вместе с Махаефом («смотрящий позади себя»), чтобы отправиться туда, где неразрушимые звезды, и быть среди них. Если вы не подадите ему барки, он сообщит ваше имя людям... он вырвет локоны из голов ваших, как лотосы на краю болота».

Здесь он уже грозит, а какое значение имеет магическая угроза, да еще при обладании знанием имени, это известно. Интересно имя египетского харона «Махаеф», т. е. «смотрящий позади себя», лицо которого всегда повернуто в одну сторону, как и говорится в одном, обращенном к нему тексте: «О смотрящий назад, лицо которого позади! Вот идет имя-рек»... Или:

«Пробудись в мире, имеющий лицо позади в мире, смотрящий назад в мире, барка небесная в мире, барка Нут в мире, барка богов в мире! Идет к тебе имя-рек — перевези его в барке, в которой она перевозит богов. Идет имя-рек... Если ты откажешь перевезти его, он сядет на крылья Тота, и Тот переправит его на ту сторону».

По другим представлениям переезжать не было надобности. Покойник летит на небо вверх. «Как прекрасно видеть имя-рек украшенным диадемой «Ра», его опоясание — опоясание Хатор, его перо — перо кобчика. Он выходит к нему, среди богов, своих братьев».

«Он летит, летящий! Он улетает от вас, люди. Он не к земле — он к небу. Городской бог его, его дух на перстах твоих! Он бурно устремляется к небу, как журавль. Он целует небо. О имя-рек! Ты — великая звезда у Ориона, проезжай преисподнюю с Осирисом, плавай по небу с Орионом. Выходит имя-рек с восточной стороны неба, его юность обновляется во всякое время... Рождает его Нут вместе с Сириусом... как кобчика, он достигает неба, как кузнечик. Он не оскорбил царя, не прогневал Баст, не плясал пред седалищем бога. Когда сын Ра готовит для себя пребывание, готовит и он для себя, когда сын Ра здоров, здоров и он, когда он голоден — и он голоден».

Этот текст интересен еще и тем, что в нем мы встречаем чрезвычайно редкое в текстах пирамид упоминание о нравственном цензе, необходимом для блаженного пребывания на том свете. Царское и божественное достоинство новых Осирисов заключало в себе самом наследственное право на благосклонный прием бога Ра; нравственные критерии были излишни. Но данный текст, очевидно, имеет в виду не царя — иначе он не стал бы уверять, что покойный «не оскорблял царя» и что он находится под покровительством своего провинциального «городского» бога. Таким образом, перед нами первый шаг демократизации заупокойных представлений и новый, первоначально чуждый элемент «текстов». Покойник — простой смертный — проходит, кажется, за «сыном Ра», т. е. фараоном; но участь его тесно связана с ним.

Египетское воображение перебрало разнообразные способы достижения рая: к нему надо итти, плыть, лететь на крыльях бога, лететь самому. Оставался еще один способ — карабкаться по лестнице. И он упомянут в «текстах», представляющих магические формулы при помещении в гробнице фигурки лестницы:

«Воздвигнута лестница богом Ра пред Осирисом, воздвигнута лестница Гором пред Осирисом, чтобы пошел он к своему духу. Один из них по одной стороне, другой— по другой стороне, а имя-рек между ними».

Есть даже специальная магическая глава заклинания лестницы:

«Радуйся, дщерь Запада, высшая созерцающих небо, дар Тота, высшая двух столпов, лестница! Открой путь имя-рек, проводи его»...

Весьма много текстов говорит о пропитании покойного, для которого «мерзость голод и жажда». И здесь представления разнообразны. Мы уже видели лучшее из них— о древе жизни, но оно встречается редко. Гораздо чаще говорится о «полях Иалу» и «полях жертвенных угодий». Еда и более грубые развлечения составляют едва ли не единственное занятие; жадность покойного везде подчеркивается, напр.: «ты напитан с поля богов, от которого они питаются; к тому, что будет съедено, ты обращаешь свое сердце. Служат тебе деревья иау, преклоняет пред тобой дерево нубс свою вершину». — «Идет имя-рек к своим отцам... приносится ему его хлеб негниющий, его пиво не киснущее. Ест он один; не дает никому из находящихся позади его»... Если еды нехватает, приходится браться за «мерзость» — человеческие отбросы. Чтобы избавить от этого, существовал особый текст, имеющий целью магически уверить, что «имя-рек» чувствует к этой «мерзости» отвращение и не будет есть ее. Существуют также неизящные тексты, «сообщающие имя-рек» способность продолжать за гробом веселый образ жизни (напр., он отнимает женщин у их мужей на месте, где ему угодно и когда ему угодно), но по крайней грубости и примитивности едва ли чему-либо уступает следующее:

«Дождь с неба, меркнут звезды, блуждает создание Лука, трепещут кости созвездия Льва... видят они N сияющим, одушевленным, как бога, живущего от отцов своих и питающегося матерями своими. N — владыка премудрости. Не знает и мать имени его. Слава N— в небе, сила его — в горизонте, как Атума, родившего его, а родил он его сильнейшим себя. Духи N позади его. Враги его под ногами его. Боги его на нем. Урей его на челе его; сешмет его пред ним. Жезлы его защищают его. N — телец неба... он живет от существа всякого бога, он пожирает их внутренности; их внутренности полны чарами Острова Пламени (Ианемси)...

N судит вместе с тем, имя чье сокровенно в день он заклания первенца. N — владыка яств — связывает веревку, делает сам себе яства. N ест людей, живет богами. Созвездие Ихмавенет и Имкехау ловят их ему. Созвездие Хертерту связывает их для него. «Скиталец» (Хонсу?) с ножами всякого рода закалает их для N. Он исторгает их внутренности... Шесму разрезает их для N. Он варит из них кушанье в котлах своих вечерних. N пожирает их чары, съедает их магическую силу (иехи). Их великие идут на его утренний стол, их средние идут на его вечерний стол, их малые идут на его ночной стол. Старики и старухи их — на дрова (?). Великий Северонебесный подкладывает огонь к котлам с окороками первенцев их. Небожители



Расписная статуя Нофрет. Древнее царство.

отданы N. Настреляны для него котлы с окороками жен их. Он обходит оба неба совершенно, приведены ему оба берега... N — бог, первенец над первенцами. Принесены ему тысячи, закланы для него сотни... Он хватает сердца богов, он ест красное, он пожирает зеленое. Питается N внутренностями насыщенными, удовлетворяется он жизнью, сердцами, чарами их... Чары их в теле его. Не отнято благородство N от него. Он пожирает знание каждого бога. Время его — вечность, предел его — бесконечность. Знатность его, как у делающего то, что хочет, и не делающего того, что ненавидит, находясь на границе горизонта, во веки веков».

Этот текст имеет исключительный интерес для этнолога и является параллелью к рассказам о магическом каннибализме. Он указывает наиболее ясно, какую важность имеет разбираемый нами памятник для общей истории культуры и религии. Конечно, мы вправе еще больше требовать от него для египетской религии, и он дает нам действительно много, хотя это многое весьма часто неясно и противоречиво. Особенно неясно относящееся к мифологии. Магические формулы не имели прямой целью рассказывать мифы — они лишь делали на них ссылки для большей действительности своих слов, особенно в виду того, что их объект сам отожествлен с богами вообще и с Осирисом преимущественно. Мы можем ожидать найти в пирамидах кое-какой материал для мифологии илиопольского и осирисова цикла и, действительно, эти поиски не безуспешны. Так, во введении к формуле о Шу и Тефнут помещено изложение мифа о рождении этой пары от Атума. Миф этот, сам по себе грубый, рассказан здесь с отталкивающей примитивной наивностью. Далее, есть намек на миф следующей пары — Геба и Нут:

«Утренная звезда, Гор Дуат, божественный кобчик, великий зеленоватый рожденный небом! Слава тебе в этих четырех лицах! Блаженны созерцающие находящуюся в Нубии... Ты даешь имя-рек два твоих перста, которые ты подал Прекрасной, дщери великого бога, при разделении неба от земли, при восхождении богов на небо. Ты сияешь во главе твоего корабля в 770 локтей, который соорудили для тебя боги бутские и закруглили боги восточные. Возьми с собой на твой корабль имя-рек».

Само собою разумеется, что намеков на миф об Осирисе много. Они встречаются на каждом шагу. Мы то и дело читаем о борьбе с Сетхом, о врагах, об оке Гора, о защите Гора и т. п. Напр.: «Бди над Гором, восстань против Сетха, поднимись первенец Геба, ты, пред которым трепещут обе эннеады, которому воздвигнуты святилища, для которого справляются праздники времен года»... Или: «Искал имя-рек око Гора в Буто, нашел его в Илиополе. Вырвал он его из головы Сетха на месте, где они сражались... Находят они Осириса, поверженного братом его Сетхом в Недите...» и мн. др. Но часто эти намеки непонятны — пред нами подробности мифов, не встречающиеся в других памятниках. Напр.:

«О тот, лицо которого сзади, привратник Осириса, скажи Осирису: «дай, чтобы была доставлена имя-рек твоя барка, в которой переправляются твои чистые... Да плывет он в ней, как Гор, со связкой красной и зеленой материи, сотканной из ока Гора, обвязать ею перст Осириса, когда он был болен»...

«Имя-рек... родился к северу от Илиополя на стороне богини Иусаст, вышедшей из темени Геба. Имя-рек — то, что у ног Хентмерити в ночь... в день отсечения голов и стреляния тел».

Все эти мифы и намеки на них играют здесь такую же роль, как и в магических произведениях других народов — это большей частью ссылки на прецеденты или доказательства знания истории богов, а также имеют целью сообщить и новому богу все относящееся до первообраза. Но нигде в пирамидах нет большого и обстоятельного мифологического повествовательного текста, подобного хотя бы поздним египетским, также написанным для магических целей.

Большая часть текстов пирамид, как мы уже говорили, должна быть отнесена к области ритуальной поэзии и предназначена для чтения речитативом, может быть, даже пения. Поэтические достоинства, конечно, не высоки — вероятно все значение

текстов полагалось в их произношении, в аллитерациях, в параллелизме членов, здесь доходящем до простых повторений, может быть, в размере. Но попадаются и настоящие поэтические тексты, напр., зачатки славословий богам, начинающихся, как и впоследствии, с «слава тебе», напр.: «слава тебе Ра в красоте твоей, в красотах твоих, на престоле твоем»... Эрману удалось из разных мест восстановить целый гимн в честь богини Нут; в этом песнопении она восхваляется от своего рождения до торжества, как царица мира:

«Нут, ты получила душу и ты сделалась могучей во чреве матери твоей Тефнут, еще до твоего рождения... Ты была дщерью, могучей в своей матери, воссиявшей, как царь. Великая, сделавшаяся небом... ты наполняешь всякое место своею красотою. Вся земля лежит под тобою — ты покорила ее; ты охватила своими руками землю и все вещи (весь мир)... Геб соединил для тебя всю землю на всяком месте. Ты далека от земли, тебе принадлежит голова твоего отца Шу, которого ты сильнее. Он любит тебя и поместил себя под тебя и под все вещи. Ты взяла к себе всех богов с их кораблями, ты поместила их, как светила, чтобы они не удалялись от тебя, будучи звездами. Нут! два ока (солнце и луна) явились на твоей голове. Ты взяла себе Гора и его волшебницу, ты взяла себе Сетха и его волшебницу. Нут, ты исчислила твоих детей в имени твоем «Репит из Илиополя». Нут! ты — сияешь, как царь Нижнего Египта, владеешь богами, их душами, их достоянием, их жертвами, их дарами».

Пред нами древний поэтический текст к знакомой картине бога Шу, разделяющего Геба и Нут, по которой ходят корабли со звездами, богами, по другому месту в пирамидах «взошедшими на небо», по данному — увлеченными Нут. В некоторых пирамидах этот текст уже в переработанном виде — часть из этих изречений перенесена на Осириса, и даже имя царя, написанное первоначально словом, обозначающим царя Нижнего Египта, переделано на обычное фараоновское. Из этого ясны как глубокая древность гимна, так и позднее время переработки.

Далее, в пирамидах довольно много частей чисто ритуального характера. В них приводится целый обрядник заупокойной службы, где указываются церемонии и сообщаются сопровождающие их возгласы и формулы. Этот ритуал удержался и впоследствии. Вот его начало:

«Осирис, ты отъял все ненавидимое от имя-рек (в о з л и я н и е), речь дурную от имени его. Тот, приди, отыми это для имя-рек, унеси дурную речь от имени его. Ты поместил его в руке твой (ч е т ы р е ж д ы), не разлучайся от него и не отходи от него. Идущий идет со своим Ка. Идет Гор со своим Ка, идет Сетх со своим Ка, идет Тот (ч е т ы р е ж д ы, к а ж д е н и е н а о г о н ь) со своим Ка... О имя-рек, рука твоего Ка пред тобою. О имя-рек, рука твоего Ка за тобою»... Эти формулы читались херихебом, а действия совершались над мумией жрецом «сотму». — Далее: «благовоние, благовоние, разверзи уста твои, имя-рек (к а ж д е н и е ю ж н о е, т р и з е р н а э л ь к а б с к и х). Ты вкушаешь вкус его пред обителями богов. Слюна Гора — благовоние, слюна Сетха — благовоние»... (ч е т ы р е ж д ы) и т. д. После каждения следует кормление, поение, умащение, облачение. Подношение каждой вещи сопровождается формулой. Напр.: «Осирис имя-рек, тебе подносится око Гора, чтобы оно привело богов (елей туаут). Масла, масла, которыми открывается перед Гора (кедровое масло)»... И т. д.

Сюда же можно отнести и такие формулы, как приведенная нами и произносившаяся при помещении в гробницу подобия небесной лестницы, а также заклинания против змей, помещенные в тексте в виду того, что за гробом эти пресмыкающиеся также были «врагами», и избавиться от них можно было при помощи магических формул. Несомненно, что эти формулы восходят к глубочайшей древности, представляют остатки первобытной народной поэзии, и употреблялись первоначально для живых. Конечно, они большей частью совершенно непонятны и представляют магическую галиматью. Особенно их много в пирамиде Унаса, где они идут подряд

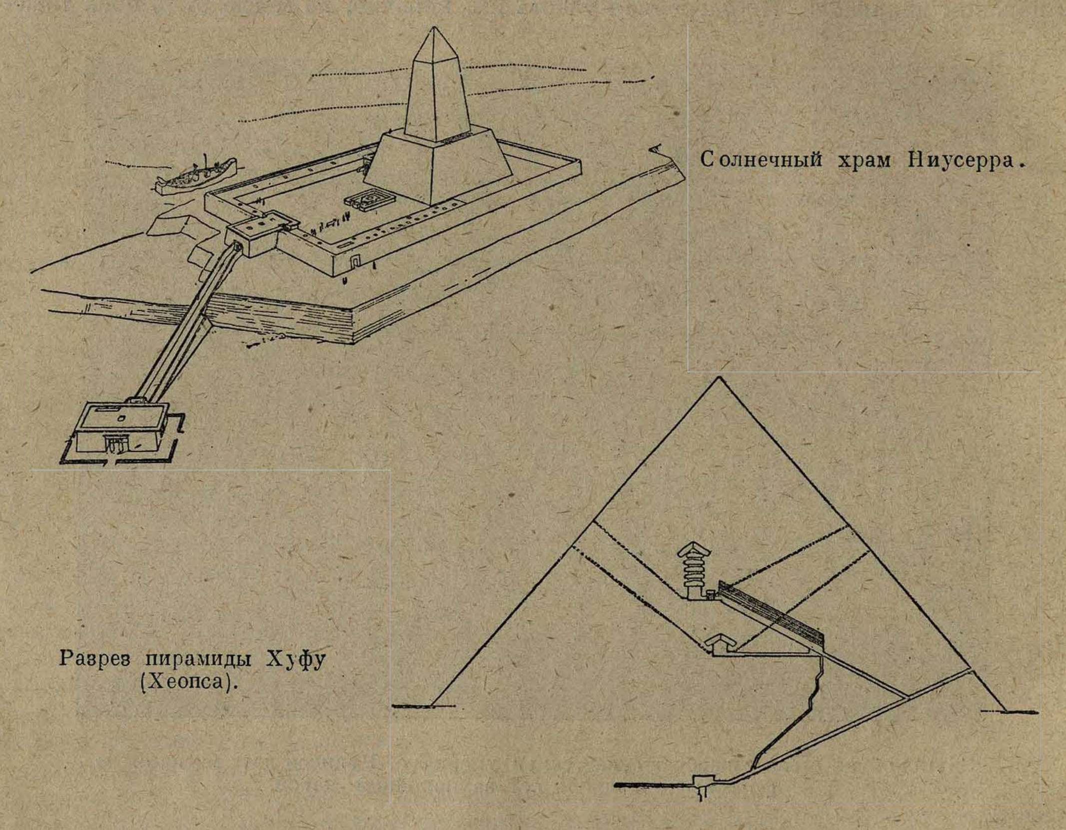
(стр. 300—380) и заключают в себе 16 заговоров, большей частью очень кратких, вроде: «Змея падает, вышедшая из земли; пламя падает, вышедшее из моря. Пади!»

Все виды и формы загробных благ, упомянутые или описанные в приведенных текстах, ожидают царя, как Гора на земле и нового Осириса на небе. Тексты должны обусловить действительное получение этих благ, потому они и помещались в погребальном чертоге, имея магическую силу. Простые смертные пока не могли рассчитывать на такую же участь, и во всем Египте пока еще наблюдается старый способ погребения. Но вблизи царя его семья и приближенные могли удостоиться некоторых загробных привилегий, а потому отчасти мы и замечаем такое стремление погребаться в царском некрополе. Но загробная участь их, конечно, не могла быть пока тожественной с царской — они не боги. Самое большее, на что они могли рассчитывать, это — продолжение по ту сторону тех же условий, в которых они находились здесь. Поэтому стены их гробничных палат покрываются барельефами, изображающими их в земной обстановке, среди семьи, при исполнении служебных обязанностей, при полевых работах в поместьях, во время охоты, рыбной ловли и других развлечений. Здесь и крестьяне, несущие от деревень подати или материал для заупокойного культа, и родные с жрецами, справляющие этот культ, и мастеровые, строящие нильские суда, и пастухи с их песенками и прибаутками. Уже с V династии мы находим здесь и военные сцены, в которых участвовал покойный. Тексты дают указания на карьеру покойного, его близость ко двору, и приводят иногда даже подлинные письма царя. Этим богатейшим культурно-историческим материалом наука обязана верованию египтян в магию, превращавшую все эти изображения в реальную жизнь, при условии совершения заупокойного культа. Но для оставшихся в живых родных обильные постоянные жертвы скоро оказались убыточны. Магия и здесь пришла на помощь



Заупокойная стела с изображением семьи умершего. Надпись дает магическую формулу для получения заупокойных даров.

и научила их приготовлять искусственные дары (животных, хлебы, сосуды) из дерева и камня и путем формул сообщать им способность употребления, притом постоянного. Но и этого оказалось недостаточно: магия дала возможность обеспечить на вечные времена, даже после прекращения рода, заупокойный культ и избавить его от возможности прекращения, которое неминуемо должно рано или поздно наступить, несмотря ни на какие вклады и завещания. Пришли к убеждению, что изображение жертвы на могильной плите или жертвеннике действительно, если около него написана магическая формула, относящая дары к покойнику, названному по имени и по материнству (не по отчеству, для большей надежности). Это открытие дало возможность



Солнечный храм Ниусерра.

Разрез пирамиды Хуфу (Хеопса).

живым египтянам сделаться весьма щедрыми относительно своих покойников: в надписях они приносят им через Осириса и Анубиса обыкновенно тысячу быков, гусей, хлебов и т. п. Самое главное и простое из магических действий — прочтение этой заупокойной формулы с обязательным упоминанием имени покойного. Читающий формулу этим самым обязательно обусловливал ее действие и заставлял на том свете Осириса и богов предоставлять то, что ею требовалось. Вот почему египетские гробницы содержат следующие обращения к своим постоянным или случайным посетителям: «о вы, любящие жизнь и ненавидящие смерть, живущие на земле, жрецы и все мимоходящие, скажите: «царские заупокойные дары из 1000 хлебов, пива, быков, гусей, всяких хороших, чистых и сладких вещей, от которых живут боги, для духа имя-рек»... Иногда к этому прибавляется обещание наград: «вы будете преуспевать на земле и оставите свой сан вашим детям», а иногда (в более поздние времена) интересная приписка: «дуновение уст (т. е. чтение) полезно для покойника, в нем нет (для читающих) утомления; мне ничего не надо от вас, кроме дуновения уст, ибо

живут покойники от поминовения имен их». Или еще пространнее и наивнее: «ведь это — только чтение: оно не сопряжно с расходами. В нем нет ни проклятия, ни злословия. Это — не распря с другим. Это — не попрошайничество нищего. Это — приятное слово, доставляющее удовольствие. Сердце ненасытно слушать его. Это — дуновение уст. Нет надобности для этого бежать или утомляться. Благоволение будет, если вы так поступите». Вообще нас поражает эта любовь египтян к жизни, вызвавшая такую необычную у других народов заботливость о посмертной судьбе и продолжении материального бытия за гробом; можно сказать, что в этой жизни египтянин главным образом готовился к тому, чтобы не умереть, несмотря на смерть. Поэтому гробницам обязаны мы значительной частью наших сведений об египетской культуре.

Так, погребальный и заупокойный культ дает нам обильный материал для суждения об египетском *искусстве*. Изображения на стенах гробниц рисуют нам быт Египта Древнего царства в самых разнообразных его проявлениях. Но мы получили из гробниц и замечательные статуи. Дело в том, что одной мумии для сохранения покойного оказалось недостаточно: она, даже при самом дорогом способе бальзамирования, все же представляла кожу и кости и передавала черты лица в искаженном виде; к тому же она была одна и не гарантирована от разрушения или пропажи. Между тем, душа покойного должна была иметь при своих блужданиях оседлость, а найти ее она могла только при существовании мумии. Чтобы она легче узнала свою мумию, а в случае ее исчезновения не заблудилась, стали приготовлять каменные или деревянные статуи покойного в возможно большем количестве и ставить их в гробницы. Самое назначение их требовало, чтобы они передавали индивидуальные черты, т. е. были портретные. Действительно, в Древнем царстве они и были таковыми, и вместе с тем представляют по реализму удивительные произведения искусства. Укажем на знаменитых писцов, «Шейх-эль-беледа» и превосходную бронзовую статую царя Пиопи. Последняя дошла не из гробницы, и это указывает на успех египетской скульптуры вообще. Они производят неотразимое впечатление, несмотря на некоторую связанность и торжественность позы. Еще характернее фигуры слуг, которые также ставились в гробницы: здесь позы свободнее, больше движения и жизненности (напр., карлик, булочница и др.). В барельефах и живописи египтяне никогда не избавились от условности: они обращали главное внимание на изображение деталей предмета, а не на целостность впечатления. Поэтому в фигуре, напр., человека они каждую часть тела передавали в том положении, в каком она наиболее ясно видна: голову — в профиль, глаз — en face, плечи — en face, ноги — в профиль. Перспективы у них не было: параллельные сцены изображались одна над другой, будучи отделены чертами. Особенно они были искусны в изображении животных и типов народов. — И архитектура уже в это время выработала едва ли не все свои формы. К сожалению, от Древнего царства мало сохранилось; раскопки немецких ученых в Абусире обнаружили замечательные храмы царей V династии, в которых уже найдены все формы египетских колонн с растительными (лотосовыми и пальмовыми) и хаторовыми капителями, а также рядом с храмом Солнца, сооруженного царем Ниусерра, удивительное здание на суше в форме священной солнечной барки. Вместо идола в этих храмах стоял на высоком кубическом пьедестале огромный (56 метров) обелиск — символ — фетиш бога солнца; культ совершается под открытым небом, на помещенном пред обелиском алебастровом жертвеннике. Таким образом, расположение храма скорее напоминает семитические, чем другие египетские святилища, и соответствует культу светила, сияющего на храм с неба. Кроме храмов, посвященных богу солнца Ра, известны еще и примыкающие к царским пирамидам, предназначенные для заупокойного культа царей. И те и другие грандиозны по замыслу, замечательны по исполнению. Сооруженные на высоких, частью искусственно насыпанных платформах или уступах, куда не достигало разлитие Нила, они соединялись с долиной длинными, узкими, темными ходами, шедшими из художественно построенных пропилей. В них порталы и стены покрыты замечательными барельефами, рисую-

щими, с одной стороны, величие и могущество все оживляющего светила — жизнь животного и растительного мира в различные времена года, с другой — благочестие и славу царя, сына божества Солнца, при сооружении храма по случаю царского юбилея. Погребальные храмы царей более напоминают обычные египетские святилища и, вместе с тем, их план обнаруживает происхождение от жилого дома. Здесь уже имеются открытые залы с колоннами и сокровенное святое святых. Стены укра-



Сцена натурального обмена в эпоху Древнего царства.

шены барельефами, представляющими победы царя, а также сцены из его обыденной жизни, напр., охоты. Исполнение весьма художественно и в поздние времена было предметом подражания. Египетское предание удержало в памяти даже индивидуальное имя из этого времени. Это — художник архитектор Имхотеп, советник царя Джосера. Он был объявлен мудрецом, чародеем, автором различных магических и медицинских пособий, и впоследствии (в VIII в.) объявлен полубогом, сыном Пта, покровителем медицины. Кроме того на барельефах иногда изображали себя художники и сообщали свои имена.



Сцена натурального обмена в эпоху Древнего царства.

В Египте с самого древнего времени и до конца египетской культуры верили, что ~~царь — бог.~~ До него царствовали боги, передавшие власть фараонам, своим наследникам. Верховный Ра составил формальное завещание с полным инвентарем всего «от Элефантины до Буто» в пользу Гора Эдфуского, родоначальника и прообраза фараона. Каждый фараон был преемником богов, а также их потомком, и притом не только преемственно, чрез длинный ряд своих предшественников — людей (несмотря на смену династий), но и непосредственно: царица рождала наследника от явления к ней верховного бога. Целый ряд изображений в храмах неоднократно представляет нам происхождение царя непосредственно от божества Таким образом, царь «живым подо-

бием Гора и Сетха», в эпоху первых династий был Гором и «великим богом», затем, с распространением, начиная с V династии, культа Ра, он мало-по-малу делается и сыном Ра; как таковой, он уже только «благой бог»; его дворец — храм, придворный этикет — своего рода культ; приближенные должны были падать ниц и не могли даже во время советов иначе подавать свои мнения и обращаться к царю, как в форме гимнов. Как сын богов, царь один только, по теории, мог входить в святилища и справлять культ; жрецы служили только по его поручению, заменяя его и принимая, таким образом, на себя во время службы царские функции. Все ритуальные действия производятся от имени царя, и на стенах храмов обыкновенно изображается царь, совершающий богослужение. Равным образом и заупокойный культ лежит на нем: только он, посредник между богами и людьми и владыка всего земного, имел право приносить жертвы за усопших и давать им дары; отсюда заупокойные формулы: «Царь приносит дары Осирису и Анубису..., — да дадут они 1000 хлебов... и всяких прекрасных, чистых вещей, от которых питаются боги... такому-то». Только царь может основывать храмы, уделяя для них участки и угодья из земли, единственным владетелем которой он теоретически считался. Закладка и освящение храмов были поэтому большими праздниками каждого царствования; во время их повторялись



Сцена натурального обмена в эпоху Древнего царства.



Сцена натурального обмена в эпоху Древнего царства.

те же обряды, что и при коронации, когда царь входил в непосредственное общение с божеством, обнимая его идол или прикасаясь губами к груди богини. Точно также большим праздником был 30-летний (теоретически) юбилей царствования, так наз. Хеб-сед, сопровождавшийся особыми древними церемониями. Имя Хеб-сед собственно значит «праздник хвоста», вероятно потому, что царю, как бы вновь начинающему царствование, снова привязывали одно из главных отличий власти —

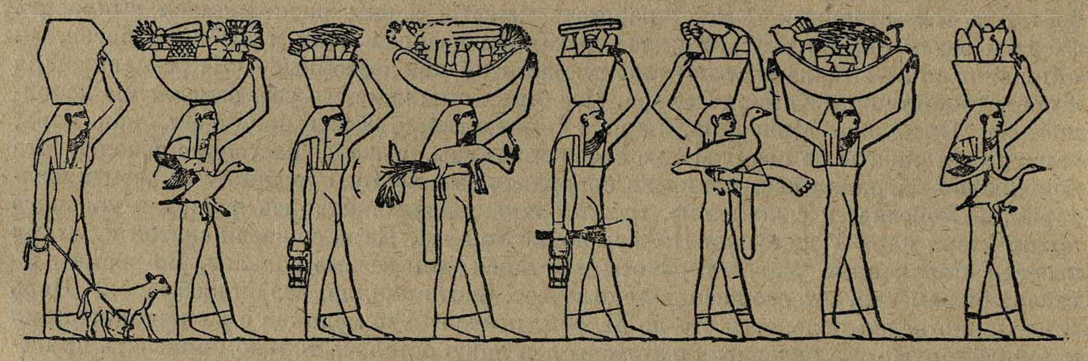
львиный хвост. Обычай носить хвосты животных в глубокой древности был общим у ливийцев и обитателей Нильской долины — мы видим его на пластинке с изображением охоты и на барельефах храма царя Сахура. Другим важным аттрибутом царской власти была диадема с фигурой страшной змеи, так наз. урей, как у Ра. Эта диадема, и вообще царские короны — считались богинями, которым во дворце справлялся культ и пелись гимны весьма древнего происхождения, дошедшие до нас в б. собрании В. С. Голенищева. В этих гимнах царские короны, путем разных богословских уподоблений, приравниваются к солнцу, луне и различным богиням Египта, поражающим его врагов. Имени царя нельзя поминать всуе; вместо него говорили: «великий дом» (дворец), по-египетски пер-о, «фараон», «его величество», «жизнь ему, здравие и благополучие», или употребляли безличную форму выражения. Царь не умирал, а «заходил в свой вечный горизонт» (т. е. гробницу или пирамиду); он становился Осирисом и получал культ наравне с другими богами. Отсюда один из древнейших постоянных титулов царя: «живущий вечно» и «которому дана жизнь навеки». Культ царей Древнего царства поэтому встречается еще в саисскую эпоху и требовал целых коллегий и целых учреждений. Первоначально только царь делался Осирисом, прочие смертные только «присными» этого бога; впоследствии этой чести удостоились все, равно как и тех заупокойных текстов, которые первоначально усвоялись только царям; таким образом, мало-по-малу, смерть стала уравнивать царей с их подданными. Такое представление не только о божественном происхождении, но и божественном характере царской власти не остановилось пред самыми крайними последствиями: сооружением царями храмов своей собственной особе, культом фараонов в семьях подданных; оно впоследствии имело могущественное влияние (через Птолемеев) на Рим и Византию. Само собою понятно, что божественное достоинство обязывало. Боги благи, правосудны и милостивы, а потому и фараоны должны были обладать этими качествами, и лучшие из них действительно любили подчеркивать высоту своего назначения и ответственность своего сана. Отсюда, при всех крайностях и недостатках, правление фараонов все-таки носило благожелательный, патриархальный характер.

Но теория не всегда может быть строго выдержана на практике. И среди египетских фараонов были слабые, для которых было не по силам стоять на высоте страшных прерогатив своей власти. Были в Египте времена смут и ослабления центрального правительства; наконец, рядом с царем исторические судьбы страны поставили другие силы, с которыми приходилось считаться. Так, уже в Древнем царстве мы встречаем поместное дворянство, которое к концу периода достигает большого могущества, особенно в Среднем и Южном Египте. Каково его происхождение, сказать трудно. Возможно, что материалом для него послужили и доисторические роды вождей, вошедших в союз с объединителями, а потом составивших двор последних, и боковые линии династий. Много данных говорит в пользу того, что значительная, едва ли не большая часть его вышла и из чиновничества, получавшего от царей за заслуги, между прочим, поземельные наделы. Характерным примером может служить карьера чиновника III династии Метена, который, унаследовав от своего отца — писца и судьи — небольшое поместье с несколькими душами крестьян, получил во время своей службы огромные наделы в качестве царских пожалований. Представители знати носят титул «eripatiu» (?), который переводят: «стоящий над людьми»; таким образом, титул обозначал принадлежность к высшему сословию; обыкновенно он сопровождался следующим «hatio» — «главный» (?); обе части переводят обыкновенно «князь». Эти князья кроме того имеют и придворные титулы, каковы «царский знакомый», «друг», «единственный друг» («семер»). Постоянно встречается также термин «имахи», указывающий на отношение к старшему — сына к отцу, подданного к царю, жреца или покойного к богу. Иногда этот термин имеет и более общее значение — «достойный у кого» и «почтенный кем-либо». Получить сан имахи у царя было предметом желаний и венцом карьеры: с ним было связано получение гробницы. Все эти вельможи в конце

Древнего царства и дальше составляют настоящую феодальную аристократию. В описываемый нами период они — скорее придворные и чиновники; мы их находим вокруг фараона в его резиденции — они и живут при нем, и хоронятся вокруг его пирамиды, в гробницах, напоминающих по форме царские, тинисского периода, и называемых теперь «мастаба» (арабское слово, означает «скамья» — по внешнему виду гробницы). Они в своих надписях не говорят ни о своих номах, ни о своих родах, их интересует только царская милость и служба. Цари осыпают их милостями при жизни, а по смерти заботятся об их погребении и поминовении. Характерным и для наших понятий странным обыкновением того времени у фараонов было награждать своих верных слуг саркофагом из казенных каменоломен, или жертвенной доской, или фасадом гробницы для заупокойного культа, или участками земли, как источником средств для его поддержания. Иногда, за особые заслуги, жаловались целые города. Вельможи неукоснительно перечисляли в своих посмертных автобиографиях, начертанных на стенах гробниц, как свои заслуги, так и царские милости. Так, придворный врач царя V династии Сахура, Ни-он-Сехмет рассказывает, как он попросил у царя фасад для своей гробницы из царской каменоломни в Турре у Мемфиса, и царь велел дать ему два фасада и приставил двух верховных жрецов бога Пта и мастеровых, «чтобы работать каждый день»; распорядился выкрасить фасад и затем сказал ему: «клянусь дыханием ноздрей моих и любовью богов, ты отправишься в усыпальницу по старости маститой, как достойный». «Я прославил царя и поблагодарил бога за царя Сахура. Что бы ни вышло из его уст, немедленно исполняется». Вельможа Микерина, царя IV династии, Дебхен описывает, как царь, осматривая работы по сооружению своей пирамиды, оказался настолько доволен, что немедленно наградил его, приказав соорудить ему полную гробницу со всем инвентарем. Интересна, к сожалению, плохо сохранившаяся надпись визиря и главного архитектора царя V династии Нофериркара Уашпта. Царь со своей свитой и детьми посетил порученные Уашпта работы и остался ими весьма доволен. Во время разговора он заметил, что его визирь не отвечает. Свита поняла, что он в обмороке. Царь немедленно велел перенести его во дворец, позвал лейб-медиков с их медицинскими папирусами. Но все оказалось напрасным, и царю осталось только приказать приготовить для верного слуги саркофаг из эбенового дерева... Вельможа Пташепсес, живший при 7 царях, оставил нам интересную, не лишенную и литературных достоинств надпись, в которой рассказывает, что он был воспитан во дворце вместе с царевичами, женился на старшей царевне, был сделан верховным жрецом в Мемфисе, говорил, что «его величество позволил ему целовать свои ноги и не позволил ему целовать пол». Визирь царя Асесы Сноджемиеб рассказывает, что царь простер свои милости до того, что велел его умащать рядом с собой и собственноручно написал ему два благодарственных письма, текст которых приводится. Тексты завещаний вельможи иногда также приводили в надписях. «Будучи в живых, ходя на обеих ногах и будучи вменяемым во всех отношениях», царевич, сын Хефрена, Некаура распределяет свои 14 деревень и два участка между своими детьми и вдовой. Вельможа Никхонх, получив от царя V династии Усеркафа наследственное, соединенное с землепользованием, жречество Хатор и заупокойное жречество древнего вельможи Хенука, распределяет и то и другое между своими 13 детьми и т. п. Таким образом, надписи эти имеют и исторический, и бытовой, и литературный, и юридический интерес. Они сохранили нам даже несколько народных песен, приписанных к изображениям сельских работ. Интересны также часто встречающиеся уверения, влагаемые в уста покойника: «прибыл я из моего города, вышел из своего нома, погребен я в этой гробнице. Я говорил правду, то, что приятно всем богам. Никогда я не говорил дурного против людей царю». Это наилучшим образом указывает на обычай хорониться с царем и на влияние вельмож; вместе с тем это свидетельствует об этическом элементе. Последний можно заметить и в уверениях покойников, что они соорудили гробницу из «законного достояния», по праву «имахи у царя», не отнимая ничего ни у кого и

вообще никогда не делая никому зла. Но зато они требуют и к себе такого же отношения, грозя «судиться у великого бога» с тем, кто «войдет», чтобы вредить гробнице и статуям.

На заре египетской истории мы застаем уже централизацию с чиновной знатью. Во главе ее стоит всемогущий визирь (джати), соединявший в себе административную и судебную власть, а впоследствии и полицейскую — градоначальство столицы. Визирь именовался: «начальник всего государства, юга и севера», «созерцающий тайны неба» (может быть, царя). И эта власть немногим уступает царской в божественности — сам Тот не гнушается функции визиря при Ра и Осирисе. Его преемники визири-люди были его подобиями и должны были быть так же премудры и справедливы, как он. Поэтому различные назидательные писания или различные изречения возводились к знаменитым визирям древности, Птахотепу, Кагемни и др., которые таким образом в Египте сделались чем-то вроде семи греческих мудрецов. Сами визири были высокого мнения о своей должности. Один из них хвалится, что «он был единственным возлюбленным царя, не было равного ему; вельможи подходили к нему склоняясь, все люди ходили в его свете»; другой говорит, что на нем лежало: «издавать



Крестьяне, несущие натуральные подати.

законы, повышать в чинах, установлять пограничные камни, улаживать несогласия чиновников. Он умиротворял страну, как муж правды, как свидетель надежный, подобно Тоту. Он, глава суда, отпускал братьев примиренными изречениями уст своих; писание Тота было на устах его, и он по точности превзошел стрелку весов. Он знал, что сокрыто в каждом, он слушал хорошо и говорил умно; он заставлял трепетать того, кто был враждебен царю»... В его присутственном месте и под его ведением находится и государственный архив, и под его председательством — шесть судебных палат с судебной коллегией «десяти вельмож юга» — может быть, потомков древних номархов или назначенных царем из среды номархов. Другим важным чиновником был хранитель печати или «казначей царя Нижнего Египта». Финансовой части в нашем смысле в Египте, особенно Древнем, не было. Монетной единицы не существовало, все операции производились натурой, налоги собирались и подати вносились зерновым хлебом, скотом, гусями, плодами и т. п., а также и благородными металлами. Все это находилось в заведывании казначея, который поэтому носил титул: «заведующий тем, что дает небо, что производит земля и что приносит Нил», а также «заведующий всем, что есть и чего нет». Под его ведомством состояли смотрители «белой палаты» (т. е. казначейства; раньше упоминалась и красная — нижне-египетская), «двух житниц» (также пережиток двойственности государства) и т. п., а также множество писцов. Многочисленные государственные, точнее царские имущества, также входили в ведомство этого министра; ему, кажется, подчинены были «начальник царских угодий», которые в значительной мере сдавались в аренду, и заведующие

царскими виноградниками. Но разного рода ценности не только поступали сами собой — их приходилось и добывать, особенно для царских построек, снаряжая экспедиции в каменоломни и рудники, отправляясь за лесом в Нубию или путешествуя с военными прикрытиями за азиатскую границу. Все это лежало на двух важных чиновниках, называемых «казначеями бога», что, может быть, как полагает Эд. Мейер, означает «хранитель печати царя Верхнего Египта». Таким образом, они несли функции военного и морского министров. Кроме них упоминается еще «начальник работ» — министр общественных работ, может быть, крестьянских повинностей.

Провинциальное управление в Древнем царстве лежало на номархах — губернаторах, имевших также судебную власть и собиравших подати. Они титуловались «заведующими областью» или «начальниками поручений», а также правителями городов. Они не были прочно связаны с областями и могли переводиться с места на место. В отдельных городах и округах были местные судьи, писцы, начальники разного рода и т. п. Несмотря на множество должностей, не было точного разграничения их функций, не были строго урегулированы их отношения, и египетские ведомства спорили и враждовали между собою. Другою особенностью египетской бюрократии было самое широкое совместительство и появление на ряду с должностями чинов. Доступ к службе был, конечно, открыт прежде всего для знати, но он не был закрыт и для других сословий. Он зависел от грамотности, а потому те, кто имел случай и возможность попасть в правительственно-придворную школу, могли, при благоприятных условиях, дослужиться из ничтожества до самых высших степеней в государстве и «завещать свой сан детям». Последние, таким образом, вступали в ряды дворянства, но служебную карьеру должны были начинать снизу — с должности обыкновенного писца. Само собою разумеется, что с течением времени таким путем образовались целые роды чиновников, в конце египетской истории даже несколько напоминавшие касты.



Египетский писец.

То же было и с жречеством, которое первоначально едва ли различалось строго от чиновничества: жрецы получали гражданские чины, а гражданские чиновники отправляли жреческие функции, особенно у богов-покровителей своей профессии, напр., судьи — у богини Маат. Характерным примером может служить, напр., придворный капельмейстер царя Нефериркара Ити, «увеселявший сердце своего господина прекрасным пением внутри дворца» и бывший в то же время жрецом Ра и Хатор и покойных царей. Богатые вклады царей в храмы и завещания частных лиц на помин души непомерно обогащали жречество; поземельные наделы, также щедро жертвовавшиеся фараонами, создавали его политическое могущество. В надписях то и дело встречаются указания на эти дары, но особенно поражают последние строки Палермского камня, почти целиком состоящие из длинных перечислений ежегодных

пожертвований землей, скотом, благовониями, статуями и т. п. различным божествам, особенно же илиопольским и новоявленному Ра.

Мы видели, что илиопольское жречество было носителем центрального богословского движения. Конечно, и при других храмах вырабатывались своеобразные умозрения, и египетская народная религия уже в эту отдаленную эпоху сделалась предметом жреческих умствований и построений, имевших в виду возвеличение местного божества и объяснение, с точки зрения его главенства, мифов и представлений других священных центров. Как убедительно доказал Эрман, к этому времени относится известная мемфисская, дошедшая в дважды искаженном и обезображенном виде надпись, продукт богословской мысли жрецов великого бога Пта в «Белой стене» — Мемфисе. Желая примирить верховенство своего бога с распространившимся по всему Египту культом Ра-Атума и Осириса, они взяли древнейшую книгу о Горе и Сетхе, комментировали ее, локализовали в Мемфисе их примирение и воцарение Гора и просоединили к ней новую часть, в которой объявили, что до создания мира был только Пта, из которого возникло восемь других Пта, сделавшихся создателями всего сущего. Два из них, Нун, бог хаоса, и Нунет, были родителями илиопольского Ра-Атума, а третий — «сердцем и языком Эннеады», т. е. Гором и Тотом, разумом и словом, управляющими всеми вещами, всяким действием и движением. Таким образом, все восходит к Пта, и Тот признал это, возгласив: «сила его больше, чем у всех других богов». И Осирис — одна из форм Пта, ибо он сошел в преисподнюю у Мемфиса. Конечно, это учение не могло конкурировать с илиопольским, но мемфисское жречество получило всеегипетское значение в другой области.



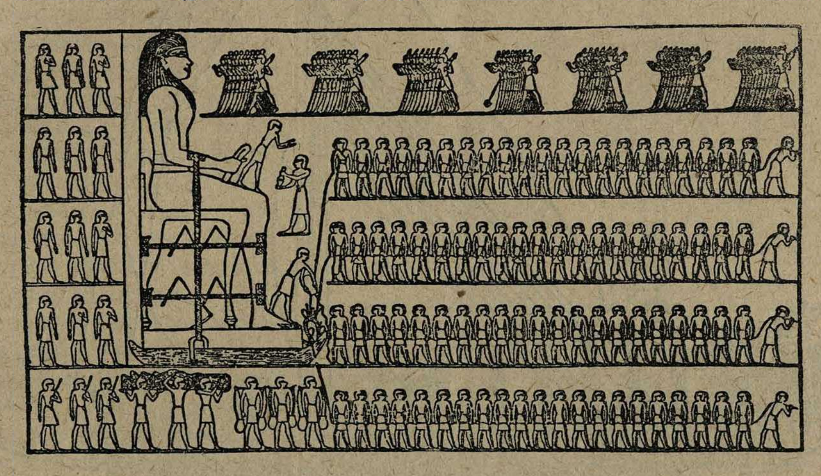
Наместник фараона со своей семьей.

В его владении находились Моккатамские горы с каменоломнями Турры, доставлявшими материал для пирамид, гробниц и статуй. Отсюда Мемфисский храм сделался средоточием художников; верховный жрец носил титул «великий художеством», а Пта сделался богом искусства. — На ряду с этими двумя высшими сословиями в текстах упоминаются «серу» — именитые люди, может быть, свободные помещики: они противополагаются несвободным крестьянам. Так, один номарх более позднего времени хвалится, что он переселил к себе соседей и сделал их из крепостных «серами». Пред коллегией или депутатами серов решались и судебные имущественные процессы (суд пэров?). Далее, в Египте существовали свободное мещанство, занимавшееся ремеслом и торговлей, и крепостное крестьянство. Положение этих двух классов населения, податного и подлежавшего барщине, рисуется в литературе мрачными красками.

До нас дошли найденные Вейлем и др. документы, льготные грамоты царей Пиопи I и II и их преемников храмовым городам, особенно Копту. Из них мы узнаем, что на земле храмов или в царских имениях сидели «хатиу» или «меру», держатели «хентиу-ше», арендаторы земли царской пирамиды и др. зависимые люди. Держатель земли храма имеет некоторые привилегии: он может передавать ее по наследству и может ее бросить. Он подлежит суду «серов». Цари даруют иммунитеты некоторым храмам, напр., Дашурскому и Коптскому. Их держатели освобождаются от всех работ и повинностей в пользу царских имений. Они не должны содержать царских

уполномоченных во время их путешествия и т. п. Привилегии, оказанные, напр., богатому и большому храму в Копте, впрочем не были единственным явлением, и другие храмы могли добиться подобных же льгот, а это указывает на развивающееся влияние духовенства. Льготы заключались в изъятии от следующих повинностей: работ по переносу, копанию, посылкам со стороны начальника юга, выдач золота и меди, принадлежностей письма, кормления людей и скота, мазей, веревок, корабельного материала, кожи, полевых работ. Следует, однако, заметить, что все это далеко не может итти в сравнение с тем, что мы видели в Вавилоне; здесь нет и речи об административном или юридическом иммунитете, причем практиковался большой произвол и в даровании льгот и в их нарушении. Для образца можно привести краткий документ, данный Пиопи II городам Копту и Дашуру:

«Повелено моим величеством, чтобы ради царя Снофру был освобожден этот город от работ всякого рода и повинностей, возложенных в пользу царского дома и двора, от всех барщин (разного рода), предписанных кем бы то ни было, навсегда,



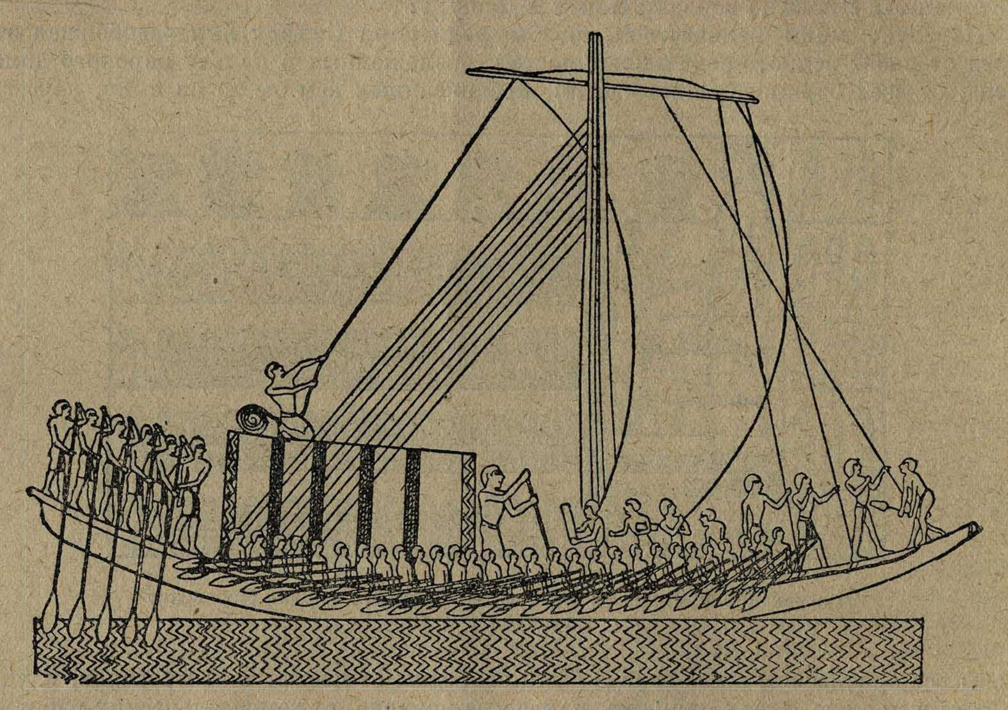
Применение в массовом количестве рабского труда. Перевозка каменной статуи.

чтобы все арендаторы этого города были свободны от постоя всех курьеров, идущих по воде или суше, вверх или вниз, на вечные времена, от земледельческих работ для людей царицы, царевича, царского друга или сера, от жатвы для «мирного негра» (полицейского?) вне области этого города»...

Внешние сношения египтян, как военного, так и мирного характера, в описываемую эпоху получили значительное развитие. Уже при Джосере власть фараона простиралась далеко в Нубию, за ассуанские пороги, и в позднее время жрецы храма в Элефантине ссылались на его указ, по которому «Додекасхин» — двенадцатимилье между Сиэной и Иерасикамином отдавалось храму с правом взимать десятину с провозимого. При IV династии дошли до «входа в область Вавата». Племена нубийцев и ливийцев (Иртет, Маджаи, Иам и др.) поставляют фараону солдат и служат в Египте полицейскими. Вероятно, владычество Египта уже дошло до вторых порогов.

В гробницах этого времени находят саркофаги из деревьев, которые специалисты считают то ливанскими кедрами, то киликийскими соснами, бронзовые изделия предполагают существование олова, а следовательно, как и находимый янтарь, —сложную торговлю чрез много рук. Нубия доставляла золото, слоновые клыки, лес для судов и построек; более отдаленные страны у Баб-эль-Мандеба (Пунт) — благовония, а у великих озер — карликов из африканских малорослых племен, которых доставляли ко двору фараонов, как танцоров и шутов. Их очень ценили при дворе, и один

из текстов пирамид даже говорит, что царю у богов живется так же хорошо, как карлику «данге». Уже в текстах пирамид упоминаются северные страны Хауи-Небу, впоследствии отожествленные с греческим миром; упоминаются четыре моря. Ewans говорит о предметах, найденных в Кноссе и напоминающих египетские вещи V — VII дин. и даже более раннего времени: резные камни, цилиндры и печати в форме пуговиц с меандрами. В 1902 г. среди сосудов древнейшего периода во дворце найден кусок чаши из прозрачного диорита египетской работы IV — VI дин., а также обломки другой чаши египетской формы, но из липарита, находимого на Эолийских островах. Это бросает новый свет на внешние сношения миносова Крита в IV тысячелетии. Морские сношения были завязаны Критом и Италией и с долиной Нила. Трудно



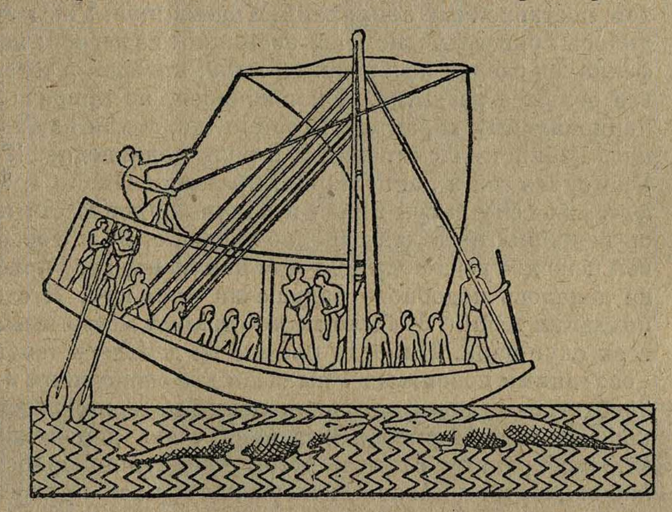
Египетское парусное и гребное судно.

удержаться от заключения, что торговое посредничество Крита снабжало Египет не только эгейским типом обсидиана, но и более редким сортом, происходящим с Эолийских островов. На Палермском камне, кроме ливанских кедров, еще при Снофру, упоминаются экспедиции в Пунт при V династии.

В исследованном немецкими археологами погребальном храме Сахура на стенах оказались барельефы, изображающие возвращение из Азии победоносного флота с пленными семитическими вождями, азиатских пленников и данников (с медведем и сосудами), ливийских князей, изъявляющих покорность, и перечни несметной добычи, отнятой у них. Здесь же царь изображен в виде сфинкса, попирающего ливийца, пунтийца и азиата. В одной из гробниц некрополя Дешаше (к югу от Ираклеополя — Ahnas el Medîneh) Петри нашел в 1896-97 г. барельеф, представляющий взятие египтянами какой-то азиатской крепости Недиа. Победив неприятеля вне стен, египтяне подставляют лестницы к стенам, а также бьют их таранами. Внутри осажденного города изображен царь на троне: он рвет с отчаяния волосы, пред ним женщины и старики, умоляя его о чем-то; жители налагают на себя руки

и ломают свое оружие. По типу и вооружению осажденных можно отнести к семитам Синая или Южной Сирии.

Войны с семитами Сирии продолжались при следующей VI династии и достигли значительных размеров. Мы знаем, что это время соответствует аморейскому движению, сказавшемуся столь заметно на судьбах Передней Азии и, очевидно, не прошедшему бесследно для Египта. Развившаяся теперь в Египте письменность снабдила нас ценнейшим памятником, из которого мы видим, что против амореев пришлось выдвинуть все наличные силы страны. Родившийся при царе V дин. Унасе, но сделавший карьеру при первых фараонах VI династии, вельможа Уна рассказывает нам свою интересную автобиографию в надписи, найденной Мариэттом в абидосском некрополе и находящейся теперь в Каирском музее. Не будучи родовитым, он из незначительной придворной должности дослужился до заведующего царскими поземельными имуществами и был возведен царем VI дин. Пиопи I в высокий придворный чин «семера», кроме того сделан жрецом в городе царской пирамиды и судьей высокого ранга «при г. Нехене»; за особые заслуги царь удостоил его награды, пожаловав из своих каменоломен гробницу с саркофагом из белого турасского (близ Мемфиса) известняка. Затем он получил самый высокий чин «единственного семера» и должность главного управляющего царскими угодьями, ему стали поручаться наиболее важные дела, вроде, напр., разбора, помимо и визиря и членов царского дома, дела о дворцовом заговоре, в котором была замешана сама главная царица. Затем на Уну возлагали и военные поручения. В это время войны с азиатскими семитами получили особенно острый характер. Египтяне называли их странным именем Хериуша — «сидящие на песке», и, вероятно, для отражения их царь Пиопи пять раз посылал Уну с многочисленным войском, указывающим на серьезный характер войны. Уна рассказывает таким образом:



Египетское парусное судно.

«Его величество составил войско из многих десятков тысяч на юге, на всем его протяжении от Элефантины до Афродитополя, и в северной стране, с обеих половин Египта на всем их протяжении... и из негров стран Иртет, Маджа, Иам, Вават и Кау и в области Темеху. Послал его величество меня во главе этого войска. Были там и князья, и носители печати, и придворные, и коменданты крепостей, и номархи юга и севера, начальники караванов, были начальники жрецов юга и севера, начальники царских угодий и отрядов южной и северной страны, главы замков и округов и деревень, над которыми они начальствуют, и негры этих стран. Управлял же ими я, хотя должность моя тогда была лишь заведующего царскими угодьями... Никто из них не брал хлеба ни в одном городе; никто из них не украл козы у жителей... Вернулось это войско благополучно, взрыв страну Хериуша; вернулось это войско благополучно, разрушив ее укрепления; вернулось это войско благополучно, срубив смоковницы и виноград ее; вернулось это войско благополучно, бросив огонь на все поселения; вернулось это войско благополучно, перебив отряды в числе многих десятков тысяч; вернулось это войско благополучно, взяв множество пленных. Похвалил меня за это его вели-

чество больше всех. Посылал меня его величество водить это войско пять раз для опустошения страны Хериуша при каждом ее восстании. Было сообщено: произошло волнение (?) среди азиатов в стране «Нос Антилопы» (может быть, Кармил). Я поехал на кораблях с этими отрядами и прошел в пределах возвышенностей горной страны на северные земли Хериуша... Когда войско прибыло сюда, я ниспроверг их всех, я перебил всех бунтовщиков среди них».

Отсюда видно, что экспедиции Уны уже не ограничивались областью бедуинов: он доходил и до культурной страны оседлого населения, возделывавшего смоковницы и виноград; он совершает и морскую экспедицию. Как нам известно, сирийское культурное население в то время уже находилось в сферах вавилонской цивилизации: включение южной части его в круг египетских военных предприятий не могло не повлечь за собою важных культурно-исторических последствий. Войско, которым командовал Уна, носило сборный характер: оно было набрано ad hoc из контингентов, поставленных номархами, и наемников. Уже в это древнее время египтянам приходилось прибегать к помощи наемников из негров; невоинственный характер туземных феллахов сделал необходимой меру, которая в течение египетской истории получала все большее развитие, пока, наконец, не привела к тому, что войско стало терять национальный характер. Странно также для наших представлений видеть придворного кабинетного чиновника в роли полководца. По возвращении из своих походов, Уна опять сел в канцелярию; преемник Пиопи I, Мернера сделал его «начальником юга», дал ему титул князя и поручил произвести перепись для податных целей, что он исполнил не только вполне успешно, но и с особой выгодой для казны; он произвел ценз два года подряд, тогда как до него его производили раз в два года. «Никогда не делалось подобного раньше на этом юге. Я сделал все так, что его величество похвалил меня... И было место стояния моего выше всех князей, всех благородных, всех слуг царя. Никогда прежде не давалось такой должности ни одному из слуг».

оследними подвигами Уны были две экспедиции в Элефантину и одна в хатнубские алебастровые копи для доставления материалов для царской пирамиды. Умер Уна, кажется, при Мернера. Этот царь очень дорожил Нубией и даже лично явился на южную границу Египта, чтобы принять покорность от вождей нубийских племен: Маджа, Иртет и Вават. Сцена увековечена на прибрежных скалах у первого нильского порога.

Младший современник Уны, элефантинский номарх Хирхуф, в своей гробнице, открытой Скиапарелли, сообщает нам важные сведения о торговых сношениях Египта с Суданом при VI династии:

«Его величество Мернера отправил меня вместе с моим отцом Ирой в страну Иам, чтобы открыть путь в эту страну. Это я исполнил в 7 месяцев и доставил всякого рода дары из нее... и был весьма отличен за это. В другой раз его величество послал меня одного. Я пошел по пути Элефантины, через Иртет, Мехер, Тререс, в 8 месяцев; вернулся с дарами этих стран в большом количестве, которого раньше не доставлялось в нашу страну. Я спустился от местопребывания вождя племени Сету и Иртет, открыв эти страны: раньше не было это сделано никаким вельможей или предводителем караванов... Послал меня его величество в третий раз в Иам. Я вышел с отцом по пути Ухат, нашел князя Иама идущим к земле Темеху, чтобы поразить Темеху, до западного угла неба. Я вышел вслед за ним к земле Темеху, умиротворил ее, чтобы она пребывала, восхваляя всех богов царя... Я вернулся с 300 ослами, нагруженными ладаном, эбеновым деревом, шкурами пантер, слоновыми клыками, всякими отборными произведениями... Князь Иртета, Вавата и Сету, видя силу и многочисленность войска Иама, шедшего со мною ко двору, доставил мне быков и проводил до высот Иртета, ибо я был более превосходен и силен, чем другие вельможи и караванщики, посылавшиеся прежде в Иам».

Мернера вскоре умер, и в начале царствования его малолетнего преемника Пиопи II (вступил 6 лет и сидел более 90 лет) Хирхуф совершил свою четвертую экспедицию.



Деревянная статуя из гробницы в Саккара
(Древнее царство .



Деревянная статуя из гробницы в Саккара
(Древнее царство).



Деревянный рельеф Хесире (Древнее царство).



Каменная статуя Ранефера (Древнее царство).

Более всего фараон-ребенок был обрадован известием о том, что его вассалу удалось приобрести желанного при дворе карлика-данге, очевидно, представителя малорослой расы у африканских озер. Он адресовал ему, по этому поводу, характерное послание, которое Хирхуф увековечил на стенах своей гробницы. В нем, между прочим, упоминается, что такой же карлик был доставлен «казначеем бога» Бурдидом при царе V династии Асесе.

Таким образом, египетский географический горизонт расширился до тропической Африки. Кое-что из египетской цивилизации могло туда проникнуть уже в древности. Флорентийский антропологический музей приобрел в 1902 г. коллекцию Brissoni, собранную в Конго. Среди нее казались вещи, удивительно напоминающие древнее египетское искусство: музыкальный инструмент, подголовник, верхняя часть палки в виде женской головы из дерева и др. По этому поводу Aldobradino Mochi сообщает, что среди шеллуков найдены скарабеи. Швейнфурт нашел у Гиуро и в Бонго орудия, похожие на изображения на египетских памятниках. Delafosse находил у жителей берега Слоновой кости египетские обычаи, мифы, идолы и др.

При Пиопи II продолжалась южная политика, и сношения велись чрез тех же элефантинских номархов, документы из архива которых, при всей фрагментарности, пестрят известными нам именами нубийских племен и титулами «предводитель караванов». Интересная надпись дошла до нас от одного из преемников Хирхуфа — Пиопинахта: «Его величество послал меня поразить Ватат и Иртет. Я действовал так, что был похвален моим господином. Я перебил большое число детей, князей и превосходных начальников, многих доставил пленными ко двору... Опять послал меня его величество умиротворить эти страны... Я привел ко двору благополучно двух вождей этих стран и много скота. Потом его величество послал меня против азиатов, доставить ему (тело) вельможи, капитана и водителя караванов Аннахта, который, строя корабли для экспедиции в Пунт, был убит азиатами из числа Хериуша, вместе с отрядом, находившимся при нем... Я перебил там много народа»... Этот текст сообщает нам и о построении египетского флота где-то у северной оконечности Черного моря, и о несчастной судьбе строителя. Подобную же судьбу испытал отважный Меху, вероятно, также элефантинский номарх, погибший в Нубии. Его сын Себни, известив царя, отправился разыскивать тело отца. Усмирив Ватат, он добыл тело и отправил к царю с дарами Нубии и с известием. Царь прислал ему придворных специалистов по бальзамированию и заупокойных жрецов и наградил за его благочестивый поступок, между прочим, участком земли у своей резиденции. Этот случай, увековеченный Себни на гробнице у Ассуана, весьма характерен не только для истории сношений египтян с югом, но и для их религиозных представлений.

Изложенный нами бюрократический строй древнего Египта, заупокойный культ и развитая культура предполагают огромное применение письма. Действительно, в это время писали много, и если до нас дошли только случайные остатки, то виною этому глубочайшая древность. И все-таки у нас большое количество надписей самого разнообразного содержания, тексты пирамид и даже обломок летописи (Палермский камень). Упоминаются уже в это время медицинские писания. Наконец, мы имеем и древнейшие иератические рукописи. От времени Асесы дошли до нас папирусы — обрывки придворной приходо-расходной книги; в Берлинском музее с 1896 г. находятся папирусные куски из драгоценнейшего архива элефантинских номархов конца Древнего царства. Уже самый факт существования такого архива и материала указывает на условия, совершенно не похожие на те, при каких началось Древнее царство и какие выразились особенно ясно в эпоху IV династии.

Источники истории Древнего царства после Rougé, Recherches sur les monuments qu'on peut attribuer aux six premières dynasties de Manéthon (1886) и Мариэтта (Mastaba, 1885) прекрасно изданы по новым сличениям Sethe в серии Aegyptiche Urkunden. Гробницы с памятниками: Davies и Griffith, Mastabas of Ptahhetep and Akhethetep, 1900. Davies, The

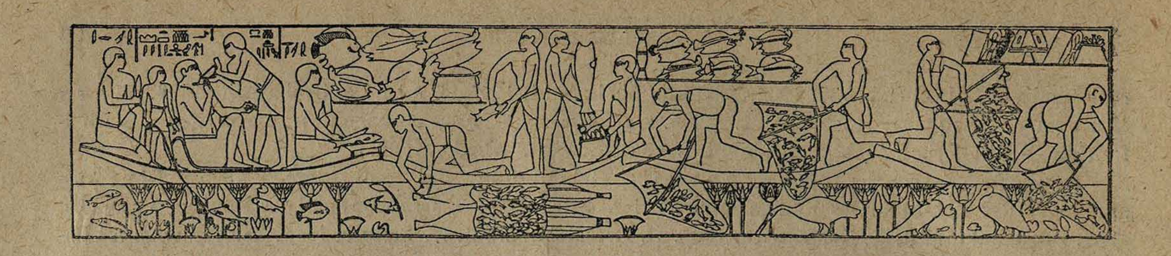
rock tombs of Deir el Gebrâwi, 1902. Tombs of Sheik Said, 1901. Petrie, Deshasheh, 1898. Mary Murray, Saqqara Mastabas. t. 1905. *Палермский камень* издан и переведен Schäfer'ом — Ein Brüchstück d. altägypt. Annalen. Berl. Akad., 1902.

Немецкие раскопки: Borchardt, Reheiligtum des Newoserre, 1905. Die Ausgrabungen des Totentemples Königs Sahure bei Abusir, 1807—8. Grabdenkmal des Königs Neuser-Re. 1907. Grabdenkmal d. K. Neferke-Re, 1909. D. Grabdenkmal d. K. Sahure, 1910. Все три тома в Wissenschaftl. Veröffentlichungen d. Deutsch. Orientgesellschaft (7, 11, 14).

Папирусы: Borchardt, Ein Rechnungsbuch des Königl. Hofes. Сборник Aegyptiaca в честь Эберса. Lpz., 1897. Hieratische Papyrus. III. Schriftstücke der VI Dynastie aus Elephantine, 1905. Erman, Hymnen an das Diadem der Pharaonen Abhandl. Preus. Akad., 1911. [Из вновь открытых источников по религиозной идеологии следует отметить К. Sethe, Dramatische Texte zu altägyptischen Mysterienspielen. I. Das Denkmal Memphitischen Theologie der Schabäkostein des Britischen Museums. Leipzig, 1928].

Тексты пирамид впервые открыты и изданы с предварительным переводом Масперо в журнале Recueil de travaux 1882—1892 гг. В настоящее время выходит новое критическое издание Sethe с переводом и комментарием. Пока напечатан текст в 2 томах. [Перевод текстов пирамид на русский язык был начат Коцеиовским. Вышел лишь один том: А. Л. Коцеиовский, Тексты пирамид, т. I. Одесса, 1918 (Зап. Новорос. унив. ист.-фил. фак. т. 14)]. *Юридические документы* разобраны с юридической стороны Moret, Donations et fondations en droit égyptien. Recueil de trav. т. 29. Царские *указы* изд. Borchardt'ом в Zeitschrift f. ägypt. Sprache, 42.

Важнейшие *исследования и статьи*: Ed. Meyer, Aegypten zur Zeit der Pyramidenbauer, 1908. Moret, Du caractère réligieux de la royauté pharaonique, 1902. Fl. Petrie, Researches in Sinai, 1906. В этой книге посвящена специальная глава празднику Хеб сед; автор ошибочно считает его циклическим, но высказывает вероятное предположение о связи его с обычаями первобытных народов и времен — умерщвлять царя по истечении определенного срока. Действительно, на этом празднике царь носил одеяние и аттрибуты мертвого Осириса; обряды превращали его в божество и завершались погребением его черных статуй, иногда в форме мумий. Одна из подобных статуй — царя Ментухотепа V имеется в Каире; другая—Аменхотепа I—в Лондоне. Steindorff, Der Ka und die Grabstatuen. Aegypt. Zeitschr., 48. Автор дает новое объяснение для Ка, отвергая общераспространенное и идущее от Масперо. (Ответ последнего в VI т. журнала Memnon). Его же, Haus und Tempel, там же, т. 34. Высказывает мысль об общем плане храма и жилого дома. Borchardt, Die Pyramiden. Серия Kultur und Leben. *Мифы*: Brugsch, Die neue Weltordnung nach Vernichtung des sündigen Menschengeschlechts, Berl., 1881. Wiedemann, Ein altägypt. Weltschöpfungsmythos. Urquell. 1898. Junker, Auszug d. Hathor-Tefnut aus Nubien. Abh. Berl. Akad., 1911. Sethe, Zur altägypt. Sage vom Sonnenauge, das in der Fremde war. Untersuchungen z. Gesch. Aegypt. V. 3. 1912. Оба эти труда посвящены циклу мифов об «оке бога Солнца», удаляющемся из Египта, большей частью в Нубию, и затем победоносно возвращающемся. Это око, первоначально само светило, сопоставляется и отожествляется с змеей Урея, с богинями Тефнут, Хатор и др. Значение мифов, вероятно, космическое: они параллельны сказаниям о борьбе Ра с Апопи, а затем Гора с Сетхом. Солнце удаляется из своей страны, гонимое тучами и непогодой, и возвращается, победив их. М. Мюллер, однако, сопоставляет эти мифы с азиатскими — о схождении богини земли в преисподнюю. Junker, Die Stundenwachen i. d. Osirismysterien — ритуальные тексты позднего времени. Wien, 1910. Коцеиовский, Призывания Исиды и Нефтиды. Спб., 1913.



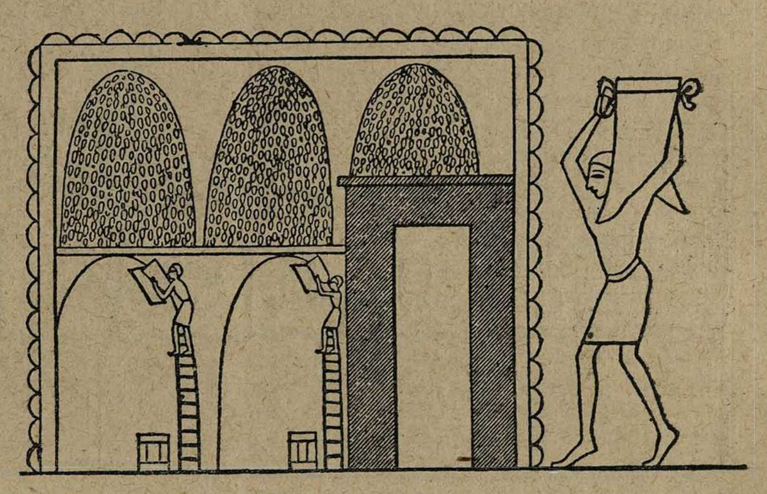
ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ

Цари VI династии с Пиопи I имели резиденцией свой город близ некрополя Саккара и пирамиды этого царя, названной Миннофру («Благое пристанище»). Это название перешло и на город, и оно было переделано греками в Мемфис — под этим именем понимали, однако, огромный город, в состав которого вошел и древний город Пта с Белой стеной. Таким путем наконец создалась столица Нижнего Египта, но она уже не имела того характера, как прежние царские резиденции, равно как и царский некрополь стал представлять теперь иную картину. Они перестали быть всепоглощающим центром египетской жизни.

Много веков корона обессиливала себя, раздавая земли храмам и вельможам и освобождая их от повинностей. За это время образовалось новое поместное дворянство, служилого происхождения, но превратившееся в родовое и феодальное. Несколько поколений, благодаря (пока, конечно, контролируемой и регулируемой центром) наследственности пожалованных земель, связали его с провинцией и отдалили от столицы, где теперь к тому же и власть не была прежняя — ее доходы сократились, влияние упало, несмотря даже на экстренные меры. К числу таких мер следует отнести введение ежегодного ценза, о котором говорит Уна, и учреждение должности «начальника юга». Демократизация заупокойных культов и верований также не в малой мере содействовала падению царского некрополя: теперь стало входить в жизнь представление о доступности загробных благ помимо царя, о слиянии всякого умершего с Осирисом, погребенным в Абидосе. Последний делается теперь мало-помалу всеегипетским центром — он отвлекает покойников от столицы; сюда стремятся благочестивые египтяне, чтобы лечь у Благого бога. Во всяком случае, уже при V дин. замечается привязанность знати к областям. В последних появляются центры с владетельными фамилиями, которые уже мало-по-малу перестают всюду сопровождать фараонов, «ушедши со своего города и своего нома», и начинают хорониться в некрополях своих городов, «там, где жили их отцы, создавшие их плоть, благородные первых дней». Вместе с тем замечается еще одно явление — накопление должностей и чинов. Очевидно, несколько поколений царской службы накопило для родов целые титулатуры, в которых прежние названия должностей отчасти перешли в простые чины; лучшим доказательством этому служит, между прочим, появление нескольких «казначеев и хранителей печати» и т. п. зараз. Может быть, этим обозначалось, что данное лицо является хранителем печати в своем номе. Наконец, поземельная знать делается совершенно независимой от центральной власти, которая после VI династии ослабела и была не в состоянии поддерживать единство государства. Долгое время четыре следующих династии (VII—X) с манефоновскими цифрами и полным отсутствием памятников давали повод к самым разнообразным предположениям. Теперь в общем мы можем уяснить себе характер этого переходного времени от Древ-

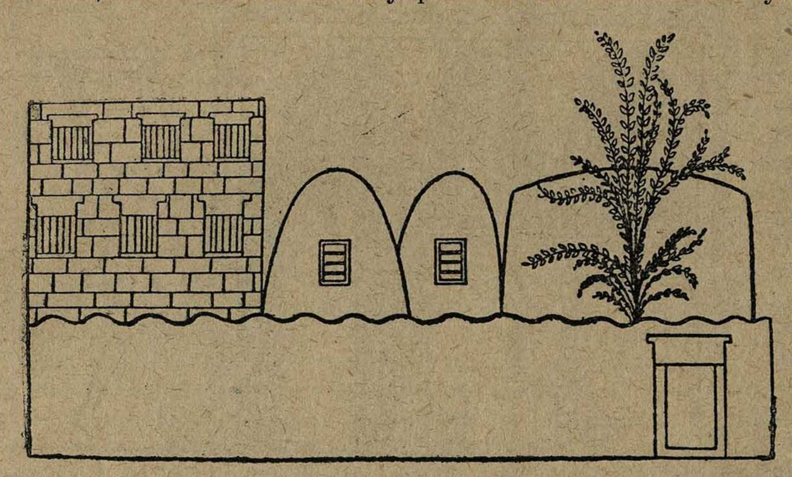
него царства к Среднему. Манефон говорит, что VII дин. дала 70 царей, правивших 70 дней, — очевидно, перед нами след какого-то сказания, вроде геродотовской додекархии. VIII династию он называет мемфисской с 18 царями при 146 годах. В абидосском списке действительно мы находим после VI дин. 17 имен, напоминающих имена этой династии и, следовательно, примыкающих к мемфисским традициям. Туринский папирус приводил только немногие из этих имен и затем подвел общую сумму первых 8 династий «с Мины» 955 лет. Очевидно, этот период считался законченной частью египетской истории и соответствовал тому, что мы называем Древним царством. Памятников от царей после Пиопи II весьма немного у нас: слабые и, может быть, даже номинальные фараоны не имели возможности заявлять о себе ни в Египте — постройками, ни за границей — экспедициями. Зато многие данные указывают на то, что Египет распался на области с могущественными владетельными фамилиями, которые часто сами стремились к короне и принимали царские титулы.

Недавно найдены в Коптском храме документы царей: преемника (?) Уаджскара и Ноферкаугора. Первый из них представляет льготную грамоту, данную визирю на сооруженные последним в свою память постройки при храмах; вторая дает текст царского указа на поземельное пожалование в пользу храма Мина в Копте. Из этих документов можно вывести, что Копт был некоторое время резиденцией двора и управления, столицей царства, в состав которого входил и Абидос, так как в тамошнем царском списке значится и Ноферкаугор. Больше мы знаем о признававшихся на более значительной территории владетелях Ираклеополя, от которых зависел богатый и плодородный Фаюм. Манефон насчитывает две династии ираклеополитов (IX и X, может быть, частью одновременно с VI и VIII «мемфисскими»). Основатель IX дин. Хети I (Ахтой Манефона) владел всем Египтом и оставил нам кое-где следы своей власти; к сожалению, предпринятые англичанами раскопки в его столице дали мало древних памятников. Но несомненно, что потомки его также не в состоянии были справиться со своеволием номархов. Война и разбой господствовали по всей долине; до нас дошли, между прочим, изображения осад крепостей и битв между египтянами. Не исключена возможность и нашествий с востока. Культура падала. Надписи номархов и изображения поражают варварством, свойственным провинциальному мастерству и смутному времени. Много в это время погибло и было разрушено памятников древних царей; страдали также и гробницы номархов. Так, владетели Ермополя времени Среднего царства сообщают, что они восстановили разрушенные могилы своих предков; номарх Ермонта Иниотеф хвалится: «я нашел жертвенный покой князя Нехтикера в упадке; его стены были стары, все его статуи были разбиты, некому было позаботиться о них. Я их сделал заново»... Ряд одноименных номархов, вероятно, его потомков, сидел в соседних Фивах. Они распространяют свою власть и далее. Так, один из них, также Иниотеф, принял титул «хранителя врат юга», который носили элефантинские номархи; его



Зерновые амбары.

преемник Иниотеф Великий (т. е. старший) уже принял титул «царя Верхнего и Нижнего Египта», распространив свои владения от Тиниса и 10-го нома до порогов. Он строил в Фивах Карнакский храм и был погребен в Фивах. Таким образом, номархи Фив делаются серьезными соперниками ираклеополитов. На стороне последних становятся богатые владетели Сиута, надписи и роскошные гробницы которых проливают свет на этот темный период. Уже самые имена сиутских номархов (Ахтои I и II) указывают на связь с Ираклеополем; возможно, что они получили свой ном в лен от фараонов IX дин. Ахтой I, воспитанный с царскими детьми, хвалится своими заботами о благосостоянии нома, о проведении каналов, о поднятии скотоводства, о правосудии; говорит, «что Сиут был удовлетворен его управлением, а Ираклеополь благодарил за него бога», с гордостью говорит о флоте и своих солдатах. Последних пришлось пустить в ход его преемнику Тефьебу, когда «южные номы пришли, соединившись от Элефантины до Гау» (?). Он победил их и прогнал до своей южной границы, может быть, у Абидоса. Нашествие было отражено и на суше, и на Ниле; южная часть области укреплена. Об этой войне мы узнаем, кажется, и от другой стороны. Раскопки в фиванской Курне, веденные Петри, обнаружили некрополь времени Иниотефов, и здесь найдена надпись вельможи Джари со следующими словами: «отправил меня Гор Уахонх, царь Верхнего и Нижнего Египта, сын Ра Иниотеф (IV) посланником, после того, как я сражался с домом Ахтоя в области Тиниса (!). Пришло (?) известие; правитель дал мне судно в видах защиты южной страны на всем ее протяжении к югу до Элефантины, к северу до Афродитополя». Таким образом, война была при Иниотефе IV. Тефьеб хвалится: «я был Нилом для своего народа», истребил разбойников, так что «спавший на дороге благословлял меня, ибо был в безопасности, как дома—мои солдаты защищали его». Сын его Ахтой II, современник ираклеопольского фараона Мерикара и назначенный «главнокомандующим всей земли», выручил из беды самого фараона, так как неприятель теперь появился в непосредственной близости к Сиуту.


Дом зажиточного египтянина.

Он прогнал его и проводил со своим флотом царя в его столицу, где их встретили с торжеством. Этот Ахтой был до такой степени солдатом, что даже взял с собой в гробницу модель военного отряда. Таким образом, услуги воинственных сиутских владетелей поддерживали шатающийся трон ираклеополитов.

Насколько эта поддержка была необходима, видно хотя бы из того, что между фараоном и его верным номархом находилась другая богатая владетельная фамилия — князей Ермополя, которые чувствовали себя самостоятельными и даже датировали свои надписи по годам своих княжений; они редко называют фараонов по имени, хотя и говорят о себе, как об их вельможах. Эти Аханахты, Ихи, Нехери, Тотнахты и т. п. владели знаменитыми хатнубскими копями, в которых дошло до нас много длинных курсивных надписей с изложением обстоятельств экспедиций для разработки их в видах сооружения храма Тоту.

Они самостоятельно распоряжаются этим государственным имуществом и уже при VI династии доставляют царю алебастр скорее как подарок, чем в качестве повинности. Здесь же номархи говорят о своих заслугах по отношению к жителям своего нома и его богу-покровителю Тоту. Эти надписи чрезвычайно интересны для представления о развитии самостоятельности номархов и истории этого времени. Так, два владетеля упоминают, что они «спасли свой город во время великого грабежа и ужасов, что от царского дома». Вероятно, Ермополь пострадал во время войн Ираклеополя с Фивами.

Географическое положение между ираклеопольским фараоном и его видным вассалом — Сиутом указывало ему политику — быть против Фив, и в то же время не давало возможности сделаться вполне независимым. Однако, номарху Нехери недоставало до этого весьма немногого. Он, правда, не принял царского титула, но употреблял царские эпитеты и называл себя «сыном Тота», пародируя фараоновское «сын Ра». Его подданные клянутся его именем, а чиновники называют его своим господином. Один из них, казначей и адмирал Нутерхоперу, говорит о своих путешествиях в Элефантину и в Дельту, «чтобы исполнить поручения своего господина в посольствах к царскому дому»; он говорит: «я вернулся назад с довольным сердцем, исполнив все, зачем был послан; совет дворца был в восторге, ибо мой господин был весьма любим при дворе». Конечно, ираклеополиты не могли не дорожить важным союзником и давали ему всякие льготы. В то же самое время и на юге, кроме Ермополя и Фив, были номархи в Дендера, многочисленные, довольно варварские и мало содержательные надписи которых найдены в 1898 г. Они, повидимому, признали власть фиванских Иниотефов. От одного из них, Хнемредиу, найдена длинная надпись, в которой он называет себя уполномоченным царицы Нофрукаит, владевшей от Элефантины до Афродитополя и, вероятно, принадлежавшей к фиванскому дому, бывшей, очевидно, регентшей или наследницей. Он уже даже не называет себя князем и номархом, а простым чиновником. Дендера сделалась простой провинцией фиванских фараонов, которые в это время пока владели только до Афродитополя. Фиванские цари покорили Сиут и покрыли штукатуркой надпись Тефьеба, повествующую о победе над югом.

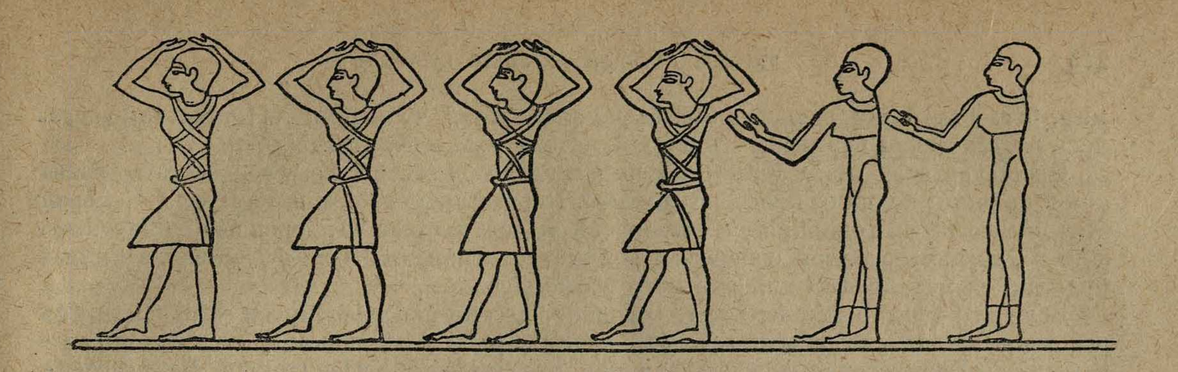
Один из фиванских царей—Ментухотеп III — называет себя «сыном Хатор, владычицы Дендера»; следовательно, соединил в своем лице сан номарха этой области. На этом же памятнике этот царь притязательно изобразил себя поражающим четырех врагов: пунтийца, нубийца, азиата, ливийца. Следы его найдены в Хаммамате и на самом юге Египта, на о. Коноссо, у первого порога Нила. Около того же времени фиванские фараоны проникли до второго порога, в Северную Нубию, где также попадаются их имена. Наконец, Ментухотеп IV (тронное имя «Кормчий обеих земель») принимает уже совершенно правильную, полную царскую титулатуру. Очевидно, победа над севером была одержана и Египет снова объединен под властью одной династии. Начался новый период истории Египта — «Среднее царство».

Издание сиутских *надписей*: Griffith, The inscriptions of Siut, 1889. Перевод и разбор их сделан Maspero в рецензии на это издание в Revue Critique, 1889. Документы из Копта изд. Weill, Les décrets royaux de l'ancien empire. Par., 1912. Понимание текста и удовлетворительный перевод предложили Gardiner, Proceedings Soc. Bibl. Arch. и Sethe, Götting. gelehrte Anzeiger, 1912. Надписи ермопольских номархов изданы Newberry, Griffith и Fraser в El-Bersheh (Archeol. Survey of Egypt III—V, 1892—5). Möller, Bericht über die Aufnahme der Felseninschriften von Hatnub. Sitzungsberichte d. Königl. Preus. Akad., 1908. XXXII. [Эти материалы даны теперь в издании Anthes, Die Felsinschriften von Hatnub. 1927. (Unters. z. Gesch. Aegypt.)].

Гробницы с памятниками эпохи: Davise, Der el Gebrawi I. II. 1902. Fl. Petrie, Denderah, 1900. Fl. Petrie — Welkér, Qurnah, 1909. Возможность *азиатского наше-*

ствия усматривается из эрмитажного папируса, где о нем говорится в связи с царем Ахтоем, из лингвистических и других заимствований в Египте из Азии, из намеков в литературе Среднего царства, наконец из изображений в храме XI дин. в Дейр-эль-Бахри, представляющих битвы с азиатами. См. В. С. Голенишев, Aegypt. Zeitschrift, XIV. M. Müller, Egyptological Researches, II. Die Spuren d. babylonischen Weltschrift in Aegypten, 1912. Gardiner, Admonitions of an Egyptian Sage. Lpz., 1909. Bissing, Zur Geschichte der XI Dynastie. Recueil de travaux, XXXIII.





СРЕДНЕЕ ЦАРСТВО

Ментухотепы сразу вошли в роль фараонов и стали восстановлять прежнее могущество египетской монархии. Ментухотеп V (XXI в.) уже воюет с азиатами и строит в Дейр-эль-Бахри в фиванском некрополе, так наз. «Прекрасной земле», где чтились Амон и Хатор, величественный заупокойный храм и небольшую пирамиду, следуя образцам V династии, но превосходя их широтой замысла и даже изяществом исполнения. Таким образом и искусство снова оживилось вместе с возрождением государства. Благодарное потомство чтило память великого фараона, повторившего дело Мины. Он был обожествлен в большей степени, чем другие цари, и его культ долго справлялся в сооруженном им храме вместе с Хатор. Преемник его, Ментухотеп VI принимает вместо тронного имени знаменательное «Владыка обеих земель». Он уже отправляет экспедицию в хаммаматские каменоломни. Следующий царь, Ментухотеп VII, возобновляет прерванные смутами сношения с отдаленным югом. Об этом свидетельствует надпись Хену — его казначея, впервые переведенная В. С. Голенищевым, снявшим с нее лучшую копию в Хаммамате, где она начертана на скале во время экспедиции, предпринятой по повелению царя:

«В год 8-й... хранитель печати... заведующий всем, что есть и чего нет, заведующий храмами, закромами и белой палатой... хранитель врат юга, глава управления номами юга, казначей... укрощающий Хауинебу, к которому обе земли подходят преклоняясь... Хену говорит: «мой господин послал меня снарядить корабль в Пунт, чтобы доставить ему свежие благовония от вождей Красной земли, ради страха перед ним в высоких странах. Я вышел из Копта по дороге, указанной его величеством. Со мною было войско юга от Оксиринха до Гебелена... Я пошел с войском в 3 000 чел...; для каждого было два сосуда воды и 20 хлебцев на каждый день. Ослы были нагружены сандалиями. Я сделал 20 колодцев в кустах и два колодца в Идехте в 20 и 31 куб. локтей. Достигнув Чермного моря, я выстроил корабль и отправил его со всем необходимым... Потом, вернувшись с моря, я исполнил поручение его величества и доставил ему все дары, найденные мною в Земле Бога. Я вернулся через Хаммамат и принес ему глыбы для статуй в храме»...

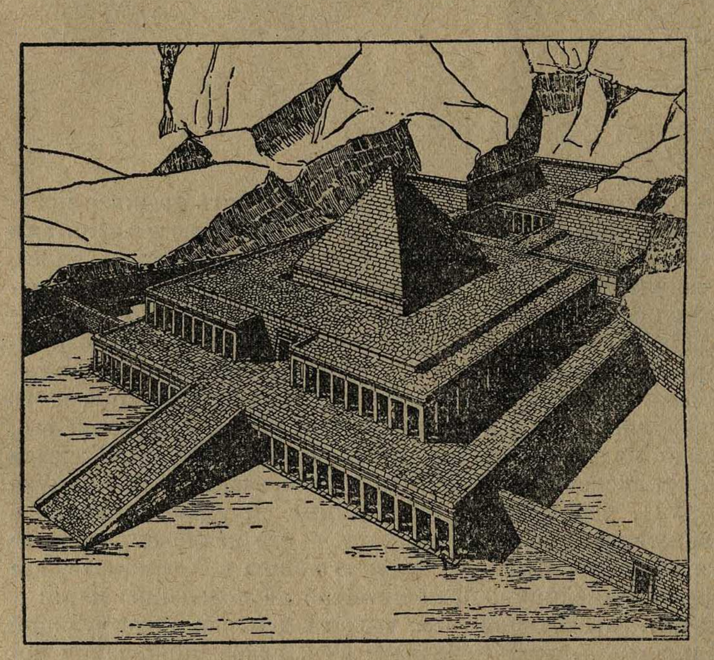
Таким образом, фараоны уже были в состоянии «укрощать» отдаленный эгейский север (Хауинебу), снаряжать большие экспедиции и возобновить сношения с Пунтом, теперь уже чрез Копт и Хаммамат. Поддержание этих сношений и вообще удержание в сфере влияния южных стран было главной частью внешней политики и следующей XII династии.

При XII (около 2000 г.) династии Египет был в блестящем состоянии, как по богатству внутри страны, так и по внешнему могуществу. При сильной центральной власти, отдельные области его пользовались пока известной долей самостоятельности;

мир, богатство и безопасность были причинами того, что время XII династии сделалось классическим периодом египетской литературы и религии.

Обстоятельства появления этой выдающейся династии нам неизвестны, равно как и причины конца ее предшественницы. Первый царь ее Аменемхет I, может быть, тожественен с одноименным визирем при Ментухотепе VI, дерзновенно начертавшим в Хаммамате рядом с царским документом свой собственный об экспедиции в рудники за материалом для царского саркофага.

Если это так, то Аменемхет I, вероятно, достиг престола путем узурпации или родства с XI дин., но во всяком случае не без борьбы. Мы узнаем из надписи его сподвижника Хнемхотепа, впоследствии номарха в Менат-Хуфу (теперь Бенихассан), что ему пришлось кого-то «изгнать из Египта» и иметь дело с неграми и азиатами. Хнемхотеп явился к нему с 20 кедровыми кораблями, и он затем овладел «долиной, горами, обеими землями»... а своего сподвижника посадил номархом в обособ енный для этой цели Менат-Хуфу. Самому ему приписывается один из распространенных памятников египетской литературы — поучение к сыну. Оно, действительно, могло быть составлено только разочарованным, утомленным борьбой правителем. Аменемхет дает сыну уроки политической мудрости: «да не будет сердце твое полно братьями, не знай друзей и не приближайся к ним один» и т. п.; далее он рассказывает, что по опыту убедился во вреде излишней доверчивости:



Храм Ментухотепа, сочетающий в своей архитектуре принципы мастабы и пирамиды.

«Когда ты спишь, принимай сам предосторожности, ибо не находится людей в злой день. Я давал нищему, я кормил сироту, я был доступен для простолюдина, как и для человека с положением, но евшие мой хлеб восстали на меня, те, которым я подавал руку, поднялись против меня, одевавшиеся в мое тонкое белье злобно посмотрели на меня, умащавшиеся моими благовониями готовы были забросать меня грязью. Это было после ужина, при наступлении ночи. Я проводил час в удовольствии сердца, прилег и стал засыпать. Но вот забряцало оружие — замыслили против меня злое; я уподобился червю пустыни. Я проснулся, чтобы сражаться, и был один. Я схватил оружие и прогнал злодеев»... Дело идет, конечно, о дворцовом заговоре, явлении вообще частом на Востоке, особенно же в такие времена, как начало нового периода. Последнее обстоятельство заставило царей XII дин., для упрочения престолонаследия и предупреждения нередких в это время смут, делать еще при жизни своими соправителями наследников престола. Аменемхет в 20-й год своего царствования сделал это по отношению к сыну своему Сенусерту.

Политика фараонов XII династии имела пред собой вполне определенные задачи — восстановление благосостояния и могущества страны и власти царей в объеме эпохи

Древнего царства. *Внешняя* политика, после устранения опасности с севера, была направлена главным образом на юг — в Нубию, покорение которой было необходимо для целей колонизации, а также для создания провинции, непосредственно подчиненной короне, в противовес крупным феодальным владениям номархов. Уже при XI дин. обозначилось стремление к югу. Аменемхет на 29-м году своего правления победил нубийские племена, о чем свидетельствует надпись в Короско. Сам Аменемхет так повествует о своих подвигах в упомянутом поучении: «я посылал в Элефантину, я достигал Дельты, я стоял на границах государства и созерцал его внутренние области, я раздвинул его границы моими деяниями. Я умножал пшеницу и любил бога ячменя. Нил был благосклонен ко мне. Не было при мне ни голодного, ни жаждущего. Жили в мире, благодаря моим делам. Все, что я приказывал, было хорошо. Я ловил львов и крокодилов. Я хватал нубийцев Вавата, брал в плен ливийцев Маджа, прогонял, как собак, азиатов. Я выстроил дворец и покрыл его золотом, сделал двери из бронзы. Соорудил навеки; вечность пугается этого».

Такими словами основатель династии указывает сыну, по поводу его приобщения к престолу, что государство оставляется ему, благодаря неусыпным трудам, благоустроенным. Сенусерт I (раньше это имя читали «Усертесен»; оно, как доказал Зете, — прототип греческого Сесострис) уже в момент вступления на престол находился в лагере в войне с ливийцами. Затем он продолжал походы в Нубию и отодвинул границу Египта до второго нильского порога (Вади-Хальфа). Сохранилась надпись его сподвижника, бенихассанского номарха Амени; он рассказывает, что он плыл за царем в Куш вместе с сыном царя, который тоже носил имя Амени; он привез оттуда золото, он исполнял также другие поручения царя, который сам «ниспроверг врагов своих в убогом Куше». Название «*Куш*» впервые появляется еще в Древнем царстве, теперь оно особенно распространено; в библии Куш назван сыном Хама, братом Мицраима-Египта. Затем царь послал в Нубию своего уполномоченного Ментухотепа, который поставил в Вади-Хальфе победный памятник царя, а также дерзновенно увековечил и свои победы, причем дал важное для географии перечисление нубийских племен. От 34-го года этого же царя дошла до нас надпись некоего Икудиди, из которой видно, что в это время входил в состав египетского государства и был подчинен тинитскому номарху Великий оаз Ливийской пустыни. Идя со своим отрядом из Фив в оаз, Икудиди зашел помолиться в Абидос, откуда шла дорога в пустыню, и здесь соорудил себе у священной лестницы бога мертвых кенотаф с надписью, в которой называет себя «царским послом, охраняющим границы его величества».

При Сенусерте I и его соправителе, а затем преемнике, Аменемхете II, элефантинский вельможа Сиренповет предпринимал экспедиции в Судан за шкурами, слоновой костью, страусовыми перьями и т. д. При соправителе и преемнике Аменемхета II, Сенусерте II, нам известен важный чиновник Неферхотеп; на одном барельефе в Бенихассане изображено, как он представляет царю 37 семитов, пришедших в Египет: это объясняли как пришествие евреев, но это просто торговое посольство; они приносят мазь, употреблявшуюся при болезнях глаз. О подобных приношениях сообщает также в своей надписи ермопольский номарх Аханахт, который пишет про себя: «Я тот, которому даются приношения жителей пустыни: «анти», мазь для глаз». Экспедиции на Синай продолжались во все время XII династии. Один из вельмож, Нессумонту, пишет в своей надписи от 24-го года Аменемхета I, что он «поразил троглодитов Хериуша и Ментиу и истребил их жилища», а при Сенусерте III его генерал Себекху упоминает о походе в Палестину и о взятии города Секмим, может быть — Сихема. Продолжались при нем и походы в Нубию. Этот царь отодвинул границу Египта до 3-го порога; все пространство от Элефантины было защищено 12 укреплениями; к югу от 2-го порога были выстроены две крепости у Семне (названная «Могуч Сенусерт») и Кумме. У Семне он поставил свою статую и две пограничных стелы после походов 8-го и 16-го годов; часть первой теперь нахо-

дится в Берлине; в надписи на ней царь завещает отодвигать границу еще более на юг; далее устанавливается черта, через которую негры могут переходить только для торговли или как послы. Для египетской колонизации открыта большая область, как и для распространения культуры. Последующие поколения считали Сенусерта III настоящим покровителем и, вместе с Дедуном, богом-покровителем Нубии. Подвиги царя, покорявшего для Египта Сирию и распространившего власть далеко на юг, снова сплотившего и централизовавшего страну, оставили прочную память на все времена и дали материал для сказания о Сесострисе, этом собирательном имени египетского героя.

Царствование Сенусерта III было временем наибольшего могущества Среднего египетского царства. Его преемник Аменемхет III мог уже всецело предаться делам мира и внутреннего благоустройства. К его времени относится окончательное приобретение для культуры прилегавшего к Египту с запада Фаюма; он, как Нубия и Пунт, должен был сделаться источником богатств короны, растерянных при Древнем царстве, а также дать место для увеличивающегося населения. При Аменемхете III власть фараонов была уже почти так же сильна, как и в эпоху Древнего царства. Таким образом, достигнув верховной власти из положения номархов, фиванские фараоны оказались достаточно сильными, чтобы в течение нескольких веков с честью удерживать ее и не только вернуть Египту внешнее могущество и государственное единство, но и через несколько поколений возродить централизацию.

Но это удалось им не сразу. Долгое время везде, особенно в Среднем Египте, существовали владетельные фамилии, и государство носило характер *феодальной* державы. До нас дошли интересные гробницы номархов Бенихассана (Менат-Хуфу), Эль-Берше (Ермополь), Меира (Кузы), Сиута, Ассуана и др. Великолепные изображения и здесь оказывают неоценимую услугу археологу, а многочисленные надписи дают возможность набросать историю отдельных номов и посвящают в их внутреннюю жизнь. Номархи были подобиями фараонов — они были наследственными владетелями области, верховными жрецам, а раньше иногда считались и сыновьями бога-покровителя ее, имели свое войско, свой штат чиновников, иногда (в период до XII династии) даже датировали надписи по годам своих княжений, предпринимали большие общественные работы. Они хвалились уже не только тем, что их любит фараон, а и тем, что они любимы «своим городом» и «городским богом», что они отечески заботятся о своих подданных, а те, в свою очередь, называют своих детей их именами. Таким образом, они обладали суверенными правами: творили суд, сами собирали подати, имели войско. Кроме того они, как мы видели, присвоили себе в предшествующий период и такие права, которые считались суверенными с египетской точки зрения: датировку (до XII дин.), непосредственное отношение к божеству, пользование государственными имуществами. В то время, как в Древнем царстве фараоны, в виде особой милости, жалуют вельможам материал для гробниц из государственных, т. е. по понятиям того времени царских каменоломен, теперь номархи сами строят себе великолепные гробницы, ставят свои статуи и привлекают к работам своих подданных. Так, современник Аменемхета II и двух его преемников, ермопольский номарх Тотхотеп изобразил в стенах своей гробницы перенос своей, сработанной в бывших в пределах его княжества хатнубских каменоломнях, колоссальной статуи в 13 локтей, в сопровождении жрецов, солдат, рабочих и множества народа всех возрастов и полов. — Трудно сказать что-либо о феодальной иерархии. Мы видим, что номархи, как высший титул, носят «великий глава такого-то нома»; на ряду с этим встречаются: более общее «хатио», которое переводят «князь», «хека» — «правитель» и т. п. Из ряда договоров сиутского номарха Хапджефаи с жреческой коллегией местного храма насчет его вечного поминовения видно, что многочисленные доходы и поземельное имущество номархов делится на две части — на «дом отца» и «дом князя»; первое было личным имуществом, второе — династическим и в пользовании им номарх был более стеснен. Как жрец, он располагал, по усмотрению, известной частью храмовых до-



Аменемхет III.



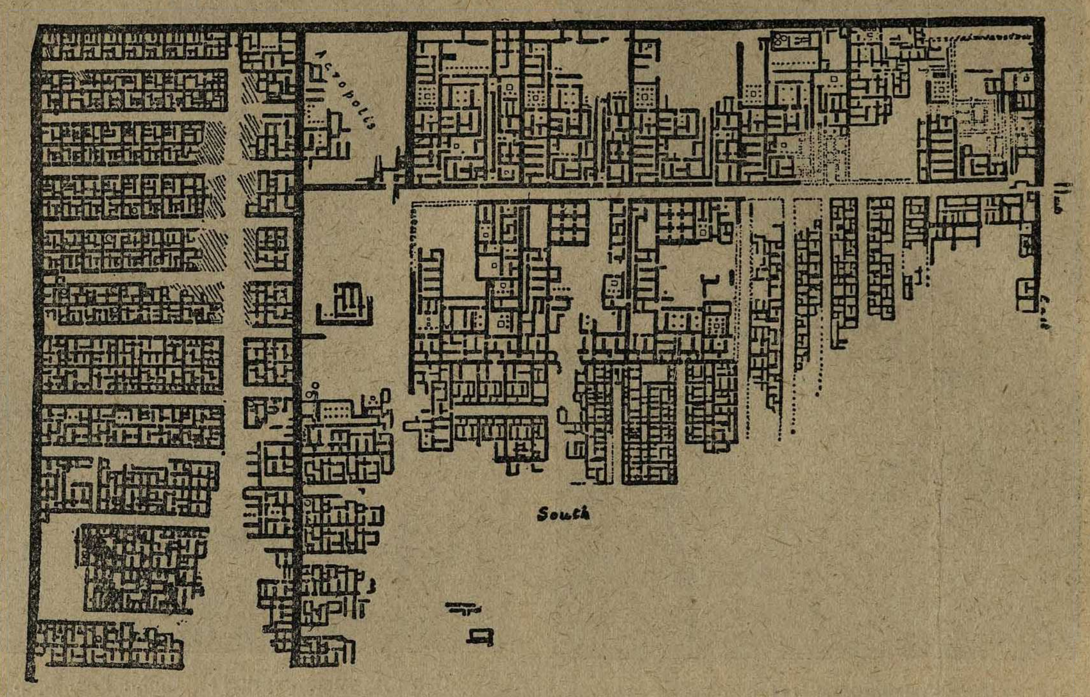
Статуя Аменемхета III. Собр. Гос. муз. изобр. искусств в Москве.



Сфинкс Аменемхета III, узурпированный гиксосами.



Статуя Аменемхета III. Собр. Гос. Эрмитажа.

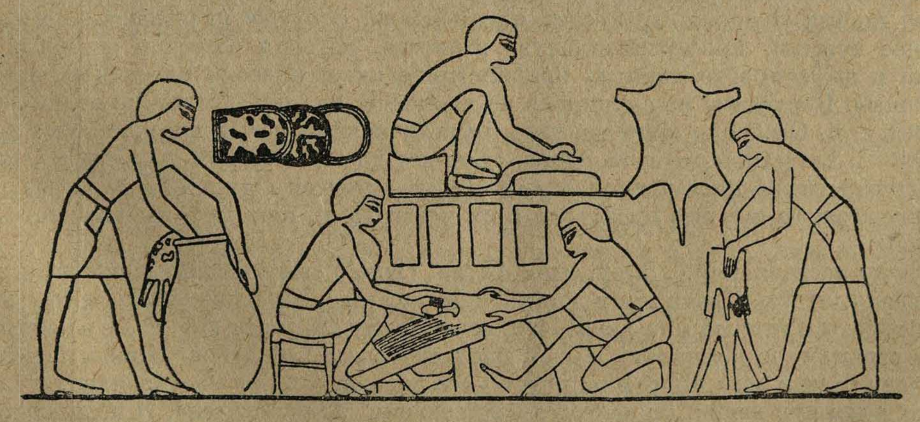


План города эпохи Среднего царства.

ходов. Кроме номарха, в этом интересном юридическом памятнике упоминаются, повидимому, в качестве сословий: именитые (серу), низшие и крестьяне. Вторые были лично свободны и на ряду с первыми владели землей и крестьянами и приносили в храм начатки своих полей. Были и лично свободные землевладельцы и даже крестьяне. Последние, однако, могли во всякую минуту быть жертвой самого грубого произвола.

Из большой бенихассанской надписи мы можем видеть правовое положение номархов по отношению к царю XII дин. Последний утверждал в правах наследования и регулировал пограничные отношения, решал в сомнительных случаях вопросы о преемстве, наследстве и т. п. Так, Аменемхет I, прибыв лично, утвердил бенихассанского номарха гор. Менат-Хуфу Хнемхотепа I «князем и начальником восточных стран, поставил южную границу, утвердил северную, как небо», а чрез несколько времени поручил ему управление и соседним номом, когда там прекратилась владетельная фамилия. Он «поставил пограничные столбы: на юге до нома Ермопольского, на севере — до нома Кинополь; он разделил великую реку пополам, воды, поля, деревья, пески до западных высот». Потом, после его смерти, оба нома были разделены Сенусертом между двумя его сыновьями — Нахтом и Амени. Дочь его Бакт вышла замуж за соседнего ермопольского номарха Нехери. Сын их, Хнемхотеп II, в свою очередь, женился на Хети, дочери кинопольского номарха; сын его, Нахт II унаследовал от матери Кинополь. Последний потребовал пограничной ревизии, и Сенусерт II, по просьбе номарха, произвел ее. «Он отделил города друг от друга и заставил каждый из них знать свой округ, который он проверил сообразно древним документам. Он воздвиг 15 пограничных камней и установил северную границу до Оксиринха». Сильные цари XII дин. умели поддерживать свой авторитет, оставляя известные права и местным владетелям. Благодаря этому, Египет и пользовался благосостоянием: с одной стороны, множество местных культурных центров, династии, привязанные к провинциальным интересам и усиленно заботившиеся о своих углах; с другой —

сильная центральная власть, препятствовавшая развитию центробежных сил и сепаратистических стремлений. Номархи любят говорить о своих заботах и хорошем управлении. Так, Амени уверяет: «не было дочери бедняка, которую бы я обидел, не было вдовы, которую бы я утеснил... не было голодного в мое время». Кроме общего контроля и утверждения в правах наследования, фараоны привязывали к себе номархов придворными почестями, наградами и привлечением их к несению высших должностей, т. е. вводя в состав бюрократической машины. Так, известный нам Нахт был назначен губернатором Среднего Египта, его отец был «начальником востока», а ермопольские номархи — «начальниками запада». Нередко номархи носили титул «казначея» и были визирями (напр., ермопольский Аханахт). Вместе с тем номархи, конечно, были обязаны податями, равно как и подданные их номов. Так, Амени бенихассанский говорит: «Все подати для дворца шли чрез мои руки. Заведующие государственными имуществами моего нома давали мне 3 000 быков (для содержания, в виде налога): не было недоимок у меня». Зависимость номархов от царской власти усиливалась еще в виду того, что далеко не все они были потомками древних владетельных фамилий. Во время смут и династической борьбы некоторые из последних погибли, другие были устранены победоносными объединителями, которые на их место посадили своих приверженцев, иногда создав для последних искусственно новые владения. Такого происхождения, напр., номархи Менат-Хуфу (Бенихассан) и новая владетельная фамилия в Сиуте, заменившая древних Ахтоев. Таково же происхождение, повидимому, элефантинских номархов, преемников славных Хирхуфов и Пепинахтов. По крайней мере, их надписи поражают своим до наивности раболепным тоном. Так, один из них, Сиренповет, современник Се усерта I, оставил нам длиный текст, в котором, сказав, что он «тот, чье имя на перстнях-печатях при всех делах, касающихся иноземных областей, в царских покоях», говорит, что он с соизволения царя построил себе гробницу (след., каменоломни не были в его непосредственном пользовании), и затем продолжает: «его величество возвысил меня, я был отличен между князьями номов. Я перевернул обычаи древности — было приказано, чтобы я достиг неба в мгновение... Я был вторым из двух и третьим из трех на этой земле. Я сильно кланялся, пока горло не лишалось дыхания. Я ликовал, когда меня подняли до неба и моя голова прошла в твердь. Я задевал звезды, сам казался звездой; плясал, подобно планетам. Мой город ликовал, мои войска ликовали слышанному... старики вместе с детьми были в радости. Боги, что в Элефантине, да продолжат ради меня лета его величества, да дадут ему новое рождение, чтобы он ради меня мог повторять миллионы юбилеев»... Так красноречиво описывает номарх радость по поводу назначения или повышения; очевидно, такие



Кожевники.

личности не могли быть опасны для центрального правительства, которое к тому же в провинции имело и настоящих представителей. Таковыми продолжали оставаться «вельможи юга» (теперь тридцать); существовали и царские суды, распределенные на шесть палат — в царской столице, под председательством визиря. Многочисленные «домоправители» и «великие домоправители», упоминаемые часто в это время, вероятно, заведывали коронными имуществами в пределах номов. Это были важные лица, подобно феодалам, обладавшие поместьями и крестьянами. Вероятно, они стояли в подчинении к «казначею», продолжавшему ведать податную часть, рудники, каменоломни и т. п.

Не мало облегчало фараонам упрочение их власти также развитие среднего городского класса. В Абидосе, всеегипетском некрополе, а следовательно, и архиве этой эпохи, а также и в других местах, найдено много гробниц и надписей египтян, не носивших титулов и чинов, но пользовавшихся известным благосостоянием (напр.,



Горшечники.

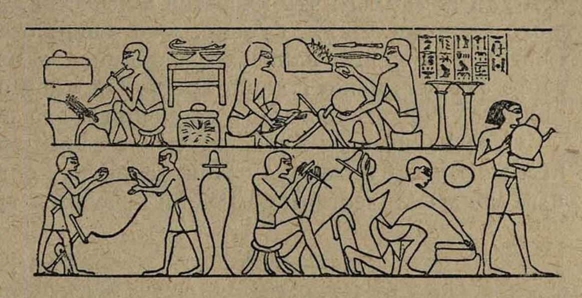
у одного простого «гражданина» оказался саркофаг из ливанского кедра); иногда, подражая бюрократии, они прибавляли к своему имени «житель» или «жительница города», иногда название профессии или ремесла. Это уже указывает на известное сословное чувство, профессиональную гордость, которая конечно не могла быть приятна и даже просто понятна привилегированным классам населения, особенно чиновникам. Последние не скупились на насмешки над представителями профессий, ремесел и т. п. Особенно ярко эта узко и утилитарно-бюрократическая точка зрения проведена в известном, к сожалению, трудном для понимания памятнике времени Среднего царства — наставлении некоего Дуау, отдавшего сына в придворную школу и перечислявшего ему все профессии с их невзгодами, как удел неграмотного и нечиновного:

«Начало наставлений... Дуау, сына Ахтоя, своему сыну Пиопи, когда он плыл на юг ко двору, чтобы отдать его в дом учения писанию, чтобы не остаться ему позади сыновей знати, которые при дворе. Он сказал ему: «Я видел побои. Я видел побои. Обрати сердце твое к книгам. Я наблюдал свободного от работ. Право, нет ничего выше книг. Как в воде плавай в книгах — ты найдешь в них наставление: «если писец находится при дворе, он не будет в нем нищим, но насытится». Я не знаю другой должности, которая могла бы дать повод к подобному изречению, поэтому внушаю

тебе любить книги, как родную мать, и излагаю пред тобой все преимущества (знающих их). Они выше всех других должностей: нет на земле ничего выше их».

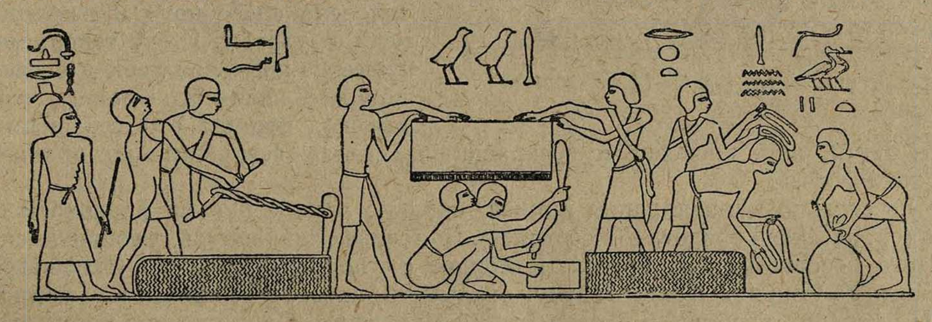
После такого красноречивого и откровенного предисловия заботящийся о карьере сына отец перечисляет ему невзгоды различных профессий. Напр.:

«Я не видал кузнеца посланником и ювелира посланным, но видел кузнеца за работой у печи. Его пальцы были подобны крокодиловой коже, он издавал запах хуже, чем гнилая икра. Каждый ремесленник, работающий резцом, утомляется больше земледельца. Его поле — дерево, его орудие — металл. А ночью разве он свободен? Он работает больше, чем могут сделать его руки, поэтому ночью он зажигает огонь... У земледельца вечное платье (брезгливость чистоплотного египтянина). Его здоровье — как человека, лежащего подо львом... Едва он вернулся домой, как ему опять надо уходить... Ткач в мастерской слабее женщины. Его ноги на желудке, он не вдыхает воздуха. Если он не доделает днем положенного, его бьют, как лотос в болоте. Он дает хлеб сторожам, чтобы увидать свет... Курьер, отправляясь за границу, делает завещание в пользу детей из боязни львов и азиатов... Когда он уходит, кирпич (т. е. клинописный документ на глине) у него за поясом»...



Металлурги.

Таким же тоном характеризуется ряд многих других профессий (напр., скульптора, брадобрея, мелкого собственника, каменщика, садовника, оружейного мастера и др.). В заключение говорится:



Прачешники.

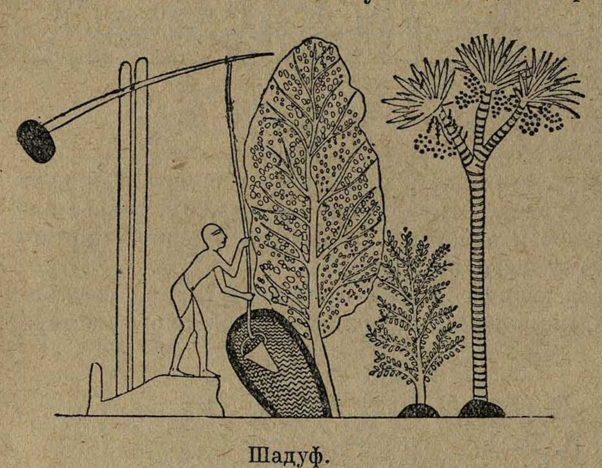
«Это я делаю, плывя на юг ко двору, из любви к тебе. Полезнее для тебя один день в школе, чем вечность...

Ты будешь посылать многих, если будешь слушать слова старших... Нет писца, лишенного пропитания от достояния царского дома. Богиня рождения дает обилие писцу, его ставит во главе суда. Благодарят бога его отец и мать — он направлен на путь жизни. И вот я обращаю на это твое внимание и внимание детей твоих».

Едва ли в какой литературе найдется более определенное провозглашение практически-утилитарной пользы образования; только крайняя, чисто египетская наивность несколько искупает откровенность, чтобы не сказать цинизм этого единственного в своем роде культурно-исторического трактата. Бюрократическая ограниченность и самодовольство нашли в нем полное выражение и, конечно, мы должны иметь это в виду, оценивая на основании данного памятника положение представителей

описанных в нем профессий. На самом деле, как мы уже указывали, городские свободные классы пользовались благосостоянием и были не чужды сословного самосознания. Конечно, между ними были и низшие наемные рабочие (напр., ткач у Дуау), положение которых было действительно тяжело и которые по социальному положению едва ли отличались от беззащитных «сыновей никого» и крепостных. Во всяком случае, городские классы были элементом более благоприятным для центра и царя, чем для номархов; что касается жречества, то в эту эпоху оно еще не достигло большого влияния. Цари, однако, уже теперь стали думать о своем отношении к храмам. В этом отношении важен находящийся в Берлинском музее подлинный указ Сенусерта III вельможе Ихернофрету. Он упоминает о нубийском походе и вместе с тем является свидетельством о значении в это время Абидоса и его храма.

«Мое величество повелел, чтобы тебя перевезли в Абидос, поставить мой памятник моему отцу Осирису Хентиементиу, снабдить святое место золотом, доставленным моим величеством из Нубии победой и триумфом. Ты исполнишь это так хорошо, насколько возможно вообще что-либо сделать и угодить моему отцу Осирису. Ибо мое величество посылает тебя, будучи уверенным, что ты все сделаешь, чтобы угодить сердцу моего величества. Ибо ты был приведен во время воспитания моего величества и вырос, как воспитанник моего величества, как единственный питомец двора. Тебя сделал мое величество «единственным семером», когда тебе было всего 26 лет. Это сделало мое величество, когда я тебя видел, как человека способного и разумного в речи от утробы. И вот теперь мое величество посылает тебя это сделать, ибо мое величество знает, что нет никого, кто бы это все исполнил, как ты. Итак, иди, поспеши и возвращайся, сделав все, согласно приказанию моего величества».


Шадуф.

Это не столько канцелярский приказ, сколько личное письмо фараона к другу детства (ср. рассказ Геродота о Сесострисе). В Женеве есть надпись, устанавливающая дату этого посольства: «Я прибыл в Абидос с главным казначеем Ихернофретом, чтобы изваять Осириса Хентиементиу, владыку Абидоса, в то время, как царь Сенусерт III выступил и покорил убогий Куш в 19-м году». Дела в храме были, повидимому, запущены. Ихернофрет рассказывает:

«Я сделал для бога носилки, поднимающие красоту Хентиементиу, из золота, серебра, ляпис-лазури и дорогих деревьев я устроил идолы богов, его спутников, и поставил заново их наосы. Я установил, чтобы часовые жрецы исполняли свои обязанности, научил их обрядам каждого дня и праздников начал времен года. Я заведывал работами по сооружению барки Нешмет и устроил на ней каюту. Я украсил образ владыки Абидоса ляпис-лазурью и малахитом, и электром, и всякими драгоценными камнями, как украшением членов божества. Я облачил бога его нарядом».

Итак, нубийские походы не только расширяли границы, но и давали в руки царей материальные средства, теперь особенно необходимые в виду исчезновения прежней царской земли. Нубийская добыча дает царю возможность исполнить свой долг пред богами; кроме благочестия здесь могло играть роль и желание наложить руку на духовенство и в широких размерах пользоваться божескими прерогативами для подчинения храмов своему контролю, особенно храмов с таким в это время централь-

ным значением, как абидосский. До нас дошло от этого времени несколько подобных же текстов, указывающих на действия царей в этом направлении — так, напр., при Аменемхете II чиновник Хентемсемти ревизует храмы «от Элефантины до Абидоса» и т. п. Эти ревизии производятся не номархами, а правительственными чиновниками. На ряду с этим появляются у фараона постоянные гвардейские войска, настоящая опора трона, «сопровождавшие своего господина во всех путях его». Уже в надписи Себекху мы усматриваем начало того воинского духа и офицерского честолюбия, какое особенно проявляется в эпоху войн XVIII дин. Опираясь на эти силы и ведя дальновидную внутреннюю политику, способные цари XII дин. в конце концов успели централизовать Египет, и после Сенусерта III мы уже не видим могущественных номархов: ни одна из их гробниц не идет далее этого царствования.

Визирь в это время делается главным образом градоначальником столицы; фискальный характер царства выдвинул теперь на первое место казначея. Но в теории визирь все же оставался первым лицом в государстве. Вероятно, к эпохе Среднего царства восходят те инструкции визирю, которые неоднократно встречаются в гробницах XVIII династии:

«Инструкция, данная визирю имя-рек.

Собрана колегия «Кенбет» в залу царских аудиенций. Позвали визиря, который был только что назначен.

Его величество сказал ему: «имей надзор над присутственным местом визиря, будь бдителен ко всему, что там происходит: от этого зависит порядок во всей стране. Должность визиря не из приятных. Она — горька с самого начала. Она — медь, окружающая золото для дома своего господина. Она требует не обращать внимания ни на князей, ни на сановников, не позволяет делать рабов из каких-либо людей, старается для него, а не для другого.

Когда явится проситель из Верхнего или Нижнего Египта, вообще из всей земли, позаботься, чтобы во всем было поступлено согласно закону. Чтобы все было сделано, как следует, и (всякому) была оказана справедливость. Ведь князь у всех на виду — вода и ветер разглашают все, что он делает. Ведь никогда не остается неизвестным, что он сделал. Разбирая дело (просителя), он не должен полагаться на слова подчиненного, а должен знать на основании собственного суждения и сказать в присутствии подчиненного: «мне незачем здесь иметь голос — я отошлю просителя с его делом к другому сановнику или князю». Для князя наиболее безопасно действовать по предписанию, делая то, что сказано. Проситель после решения не должен говорить: «мне не оказано справедливости».

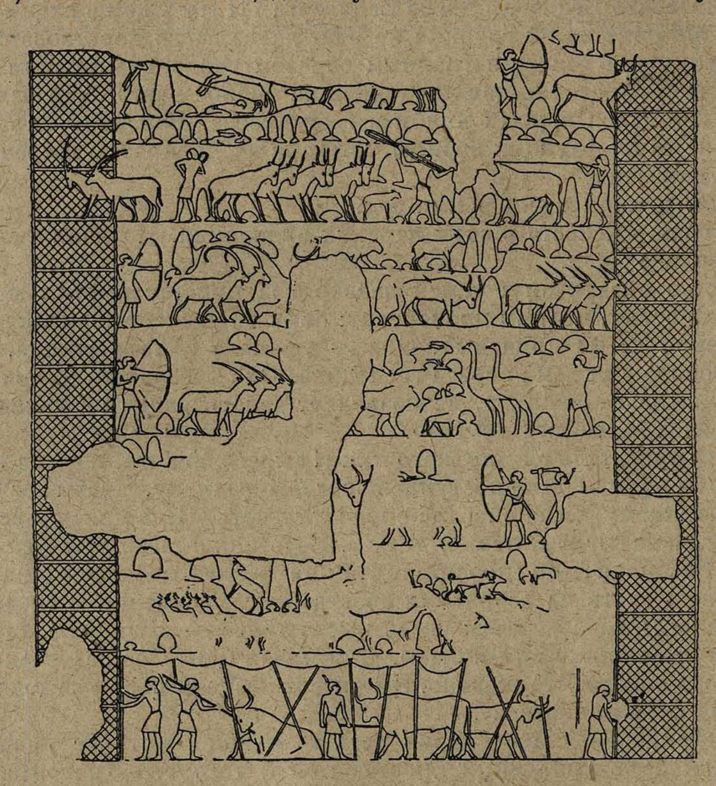
В мемфисском церемониале визиря есть изречение, которое произносил царь, увещевая визиря быть кротким: «...(Остерегайся) того, что говорится про визиря Ахтоя». А говорится следующее: «он притеснял своих родных в пользу чужих, из боязни, что о нем скажут, будто он несправедливо пристрастен к своим. Если кто-либо из них жаловался на приговор, который он имел в виду исполнить, он все-таки упорствовал в своем утеснении. Но это уже сверх-правосудие». «Не забывай решать справедливо. Богу ненавистно лицеприятие. Это — учение. Поступай так. Относись к знакомому так же, как и к незнакомому, к тому, кто близок к царю, так же, как и к тому, кто далек от (его дома). Князь, который так поступает, будет прочен на своем месте. Не удаляй просителя, не выслушав. Если имеется проситель, желающий обратиться к тебе с просьбой, но он не тот, за кого себя выдает, то ты откажи ему, объяснив причину отказа. Ведь говорят: «просителю приятнее внимание к его словам, чем исполнение того, из-за чего он пришел».

Не приходи в ярость против кого-либо без основания. Будь гневен только ради того, что вызывает (справедливый) гнев. Окружи себя страхом, чтобы тебя боялись; князь — это князь, которого боятся, но уважение к князю бывает, если он творит правду. Если же кто-либо слишком часто действует страхом, то во мнении людей он не совсем прав, и они не скажут о нем: «это — человек». Если князь пользуется ува-

жением, страх повергает пред ним лжеца, но уважение ты приобретешь лишь тогда, если будешь отправлять свою должность, творя правду.

От поведения визиря ожидают, чтобы он творил правду — ведь это настоящий закон со времен бога. Ведь как называют великого секретаря визиря? Его называют «писец правосудия». Зала, в которой ты судишь, заключает в себе судебную палату для объявления приговоров, и тот, кто должен творить правду пред всеми людьми, — это и есть визирь.

Человек, отправляющий должность, обыкновенно действует согласно данному ему (указанию). Блажен человек, действующий согласно сказанному ему. Никогда



Царский охотничий заповедник.

не делай затяжек в правосудии, закон которого тебе известен. Дерзкому свойственно то, что царь любит больше опасливого, чем дерзкого.

Итак, поступай согласно этим данным тебе (указаниям) — ведь таким путем можно достигнуть счастья, и обрати внимание на участки земли, приводя их в порядок...

Вот инструкция, тем данная».

Кроме этого текста, гробницы визирей содержат еще более длинные надписи с перечнями их служебных обязанностей; на них мы здесь останавливаться не будем. Все эти тексты крайне трудны, и только благодаря усилиям Гардинера, Дэвиса и Зете, предпринимавшим сличения на местах, инструкция сделалась сколько-нибудь возможна для перевода и объяснения. Зете высказал убедительные соображения относительно происхождения и значения текста. Первое впечатление может внушить мысль, что это индивидуальное наставление, действительно сказанное царем и увековеченное визирем, — здесь дело идет не об объективных юридических нормах, а о личных взглядах и желаниях царя и о нравственных обязанностях визиря. Но уже

то обстоятельство, что текст повторяется в трех гробницах и, наверное, был во многих других, теперь пострадавших, заставляет отказаться от этого мнения и видеть в нем документ, также официальный и входивший в состав церемонии назначения визиря. Это нечто вроде тех «речей по книгам», которые и в настоящее время произносятся во время церемоний. Вместе с тем является вопрос о древности этого текста. В языке как его, так и примыкающих к нему списков служебных обязанностей, вообще архаичном, попадаются выражения, прямо указывающие на Среднее царство и его деловой язык. Упоминание церемоний Мемфиса, может быть, имеет в виду недавно введенный новый порядок.

Хотя XII дин. происходила из Фив (так называли греки, египтяне говорили «Нут-Амон» — «Град Амона», «греч. Диосполь»; или, по имени нома, Уаст), но цари жили преимущественно в Фаюме и крепости Иттауи («Владение обеими землями»), к югу от Мемфиса, близ нынешнего Лишта; около этого города, а также у Дашура, они строили свои гробницы. Отсюда и в Туринском папирусе они названы «династией Иттауи». Во время сооружения каждой пирамиды, вокруг нее образовывался целый городок, который покидался после того, как она оканчивалась. Fl. Petrie раскопал один из этих городов, Кахун; там найдена целая серия деловых бумаг, проливающих свет на бытовую и юридическую сторону эпохи, и отрывки литературных произведений. Готье производил раскопки в Лиште, у пирамид Аменемхета I и Сенусерта I. Де-Морган раскопал в Дашуре гробницы царевен времен Аменемхета III; при этом были найдены различные золотые с эмалью украшения чудной работы; вообще изделия времен XII династии отличаются замечательным изяществом. Самые пирамиды несравненно меньше тех, которыми прославилось Древнее царство. Они частью строились из кирпича и не требовали такого напряжения рабочих и материальных сил, что опять-таки характерно для царей XII династии. Несмотря на все предосторожности, запутанные ходы и т. п., большинство пирамид разграблено еще в древности и, кажется, не без вины строителей и чиновников, оставлявших во время сооружения лазейки.

Некоторые из пирамид находятся у входа в Фаюмский оаз. Эта плодородная страна достигла при XII династии высокой степени процветания, и культ ее бога Собка, которого изображали в виде крокодила, распространился в Египте. Греческие писатели говорят о двух чудесах Фаюмского оаза: о Меридовом озере и о лабиринте; построение последнего приписывалось Аменемхету III. Меридово озеро—вероятно естественное. Аменемхет III сделал из него огромный резервуар, регулируемый каналами и шлюзами, а также, путем осушки излишней части, выиграл несколько тысяч десятин плодородной земли; что касается лабиринта, то мы знаем, что в эпоху Птолемеев и позже он служил пантеоном египетских божеств. Первоначально лабиринт был погребальным храмом Аменемхета III; по объяснению Шпигельберга, имя Λαβύριθος происходит от тронного имени этого царя Ниматра, в греческой передаче Λαβαρίς.

Строительная деятельность царей XII дин. была вообще значительна. Кроме Фив, их вниманием пользовалась Дельта, где особенно следует отметить увековеченное в дошедшей до нас поздней копии на коже надписи сооружение храма Ра в Илиополе при Сенусерте I. Искусство эпохи признается стоящим на весьма высокой ступени. Царские статуи замечательны по индивидуальности и реализму. Особенно обращают на себя внимание статуи Аменемхета III в Эрмитаже и в бывшей коллекции В. С. Голенищева. На основании их В. С. Голенищев доказал, что приписывавшиеся раньше Гиксосам тинисские сфинксы передают портретные черты этого царя.

К сожалению, до нас не дошло храмов этого времени. Единственный доступный по своим остаткам изучению храм Среднего царства — это выстроенный Ментухотепом V в Дейр-эль-Бахри для своего заупокойного культа. В нем еще сохранена пирамида, но она уже весьма ничтожных размеров и попала в средину сооружения, будучи окружена храмовыми постройками. Она находится в средине большой, по-

мещенной на эспланаде ипостильной залы из восьмигранных «протодорических» колонн; сзади ее в самую скалу уходит также ипостильная, узкая часть, оканчивающаяся святилищем. Царь покоился не в пирамиде, и не под ней —под храмом найдена только пещера, где стояла статуя его «Ка», а повидимому где-то вблизи, уже в гробнице, высеченной в скале. В самом храме оказались погребенными дамы из его гарема, «жрицы Хатор» (одна из них — негритянка). Саркофаги их выделяются из всех других тем, что на них имеются раскрашенные барельефы, представляющие сцены перенесенной по ту сторону земной жизни, т. е. как бы являются гробницами в малом виде и имеют на себе изображения, подобные помещавшимся обыкновенно на стенах мастаба. Выше их по художественности были, сохранившиеся лишь в обломках, храмовые барельефы и царские статуи, вероятно, произведения скульптора Мертисена, современника Ментухотепа V; от него дошла до нас находящаяся в Лувре надгробная плита, где он говорит о себе: «Я был искусный художник. Я знал мое искусство, умел изображать фигуры при входе и выходе, чтобы каждый член был на надлежащем месте. Я знал, как их изобразить, ходящего мужчину и колесницу женщины, положение руки, охоту на гиппопотама, бег»... В гробнице номарха Ухухотепа III, в Меире, недавно найдены удивительные барельефы свободного натуралистического стиля, указывающие на существование здесь свободной от мемфисских традиций школы художников и находящие себе подобие только в близкой отсюда географически Телль-Амарне времен Эхнатона.

Издания гробниц номархов: Griffith, El-Bersheh (Ермополь). Newberry, El-Bersheh (гробница Тотхотепа), 1892—4. Newberry, Beni-Hassan, 4 т. 1890—1897. (Оба изд. в серии Archeol. Survey of Egypt). Krebs, De Chnemothis nomarchae inscriptione. Berl., 1890. Chassinat, Notes prises à Méir, 1899. Rec. d. tr. 22. Griffith, Inscrip. of Siut, 1889.

Храм Ментухотепа в Дейр-эль-Бахри изд. Naville and Hall, The XI dyn. temple at Deir el Bahari. (XXVIII выпуск Egypt. Exploration Fund). — *Пирамиды*: Gautier et Jéquier, Fouilles à Licht (VI том Mémoires de l'Institut franç. au Caire), 1902. De-Morgan, Fouilles à Dachour, 1895. Fl. Petrie, Kahun, Gurob and Hawara. Biahmn and Arsinoe, 1889. Раскопки в лабиринте и план его: Flinders Petrie, Wainwright Mackay, The Labyrinth, Gerzeh and Mazghuneh. Brit. School of Egypt, 1912. XVIII. *Надписи*: Lange u. Schäfer, Grab und Denksteine des mittleren Reiches. (T. 5 и 36 Catalogue géneral Каирского музея). Mariette, Abydos. Catalogue d'Abydos, 1880. В. С. Голенищев, Эпиграфические результаты поездки в Уади Хаммамат. Зап.-Вост. отд. Археол. общ. II.

Исследования и статьи: Sethe, Sesostris. Untersuch. zur Geschichte Aegyptens II, 1900. Schäfer, Die Mysterien des Osiris zu Abydos unter König Sesostris III, ibid. IV, 1904. Golénischeff, Amenemha III et les Sphinx de San, 1893. Rec. d. travaux. XV.

Sethe, Die Einsetzung des Veziers. Untersuch. V, 1909.





РЕЛИГИЯ И ЛИТЕРАТУРА В ЭПОХУ СРЕДНЕГО ЦАРСТВА

Происхождение XI и XII династий оказало обычное в Египте влияние на религию: на первое место выдвигается их бог-покровитель, фиванский Амон, о котором до тех пор ничего не было слышно. Каково было первоначальное значение его, для нас безразлично; несомненно, что он в период своего господства имеет характер солнечного божества и был сопоставлен с древним Ра в форме «Амон-Ра, царь богов». Египетские богословы толковали его имя, как «сокровенный», и в этом нельзя не видеть нового успеха их религии. Другой симптом существенного прогресса в религиозных представлениях можно усмотреть в том месте, какое заняло теперь верховное илиопольское божество. Мы уже говорили, что с V илиопольской династии по всему Египту распространился культ Ра, божества света и солнца, а вместе с ним и заупокойные тексты, первоначально принятые царями для своих пирамид и сопоставляющие учение о боге Ра с представлениями осирисова цикла. Характер этого древнейшего литературного памятника еще груб: и в представлениях о богах, и в загробных чаяниях все сводится к материальному продовольствию покойного и избавлению его от демонов и чудовищ при помощи магических формул. Начиная с VII династии, представления о загробной жизни демократизируются — эти тексты уже начертываются на деревянных гробах простых смертных, причем появляются рядом с «пирамидными» формулами и новые. Одни из них облегчают покойному путь по загробной воде и суше («Книга о двух путях») и посвящают его путем магических формул в тайны небесной географии, являющейся прототипом земной и имеющей свои Илиополь, Буто, Абидос, Нил и Океан; в других — он получает чрез магические формулы средства «не впасть в сеть» демонов, избавиться от опасности «хождения перевернутым вниз головой», затем возможность появляться на земле, «выходить днем», приняв по желанию вид цветка, птицы, бога Пта и т. п. (это учение греки ошибочно смешали с индийским о переселении душ). На каждый случай существовала особая формула («Главы о превращениях»). Чтобы обмануть и напугать демонов, можно было выдавать себя, благодаря формулам, за любого бога, даже за верховного. Одна из таких формул, открывавших доступ в иной мир, весьма интересна в богословском отношении; она приводится на гробах XII династии в следующем виде (впоследствии XVII глава Книги Мертвых):

«Я — Атум, будучи единым. Я — Ра при его первом восходе. Я — великий, создавший себя сам, создавший имя свое — владыка эннеады (или: «все имена которого образуют эннеаду» — вар. богов). Нет ему равного среди богов. Я — вчера, я знаю завтрашний день... Я — феникс великий, что в Илиополе, исследуя суще-

ствующее. Я — Мин в его выходах... Я достигаю этой земли прославленных, вхожу в священные врата. Вы, стоящие предо мной, протяните ваши руки — я сделался одним из вас».

Египтянин-язычник не мог яснее выразить монотеистической идеи. Его верховный бог, «единый», создавший себя сам, свидетель и виновник мироздания, несравним с прочими богами, которые являются лишь его отдельными проявлениями, как имена или члены тела. Как мы видели, подобная же работа богословской мысли происходила и при других храмах, напр., уже в эпоху Древнего царства, в Мемфисе, где жреческая премудрость, выраженная здесь в запутанных и мало вразумительных формах, переплетающая богословские умозрения с повествовательными и диалогическими вставками, все-таки оказывается, благодаря приведенному памятнику, более способной к отвлеченному мышлению, чем это было принято думать на основании официального повторения старых магических и мифологических текстов. Правда, и здесь мифы занимают видное место, но они приводятся для подтверждения основной идеи текста: Пта — единый, всепоглощающий бог, соединяющий в себе и Атума илиопольского, и цикл Осириса. Он — мысль, возникшая в сердце и теле и проявляющаяся в слове, письме и искусстве. Он — бог творения, архитектон вселенной, ибо слова бога имеют действенное значение и творят богов, людей и вселенную. Он же блюститель и нравственного порядка на земле. Все эти и подобные соображения объясняются не только желанием возвысить местных богов, но и несомненным стремлением богословской мысли подняться над мифическим и магическим балластом и над политеистической путаницей. Если еще пирамиды могли сказать, что «имя-рек овладевает своими землями, как царь богов» (гл. 222), то этот шаг к монотеизму облегчила монархическая психология и солнечный характер илиопольской системы. Последняя со своей эннеадой обусловила представление, выраженное в XVII главе Книги Мертвых, и повлияла на упрощение пантеона в других храмах. Однако, египтяне не могли, достигнув этого прогресса в религиозном сознании, отбросить всего балласта суеверий. Уже в том же тексте о единстве бога Ра мы читаем дальше заклинания, немногим лучшие тех, которые нам известны из пирамид:

«О Ра в своем яйце! Сияющий в своем диске, блистающий на своем горизонте, плавающий по небосклону, уста которого дышат пламенем, который озаряет обе земли лучами своими. Освободи (имя-рек) от того бога таинственного, который там, которого формы сокровенны, веки которого, как коромысло весов в день тот отчета. Освободи меня от этих стражей прохода. Да не упадут на меня их ножи, да не вниду я в их котлы, ибо я знаю их имена, ибо я шествую над землею вместе с Ра и Осирисом... О Атум в своем дворце, царь среди всех богов! Защити меня от бога, который живет павшими, которого лицо песье, а кожа — человеческая, который сидит у огненного озера, ест тени, проглатывает сердца. О могучий глава обеих земель, которому дан венец радости в Ираклеополе! Освободи меня от бога, овладевающего душами, пожирающего тлень, живущего гнилью во мраке, которого боятся все, находящиеся в беде. О Хепра в своем корабле, тело которого — две эннеады! Освободи меня от присутствующих на суде, которым вседержитель дал власть быть палачами врагов его, которым даны мечи, из-под стражи которых нет выхода. Да не паду я от меча вашего, да не сяду я в вашей темнице, да не взойду я на эшафот ваш, да не упаду я в ваш колодезь»...

Таким образом, и здесь чудовища, хотя их роль несколько иная — они являются палачами неоправданных на загробном суде. Здесь уже мы имеем набросок той «психостасии», или «взвешивания», учение о котором получило такое распространение в Новом царстве и в котором главная роль принадлежит Осирису. Этот бог теперь окончательно приурочен к Абидосу, в котором развилось особое богословское течение. Здесь справлялись уже известные нам мистерии. Помещали здесь и гробницу Осириса, признав за нее могилу царя первой династии Хента (который в манефоновских списках значится под именем Уэнефия, что близко к эпитету Осириса «Уннофр»).



Дочь номарха Тотхотеп. Фресковая живопись.

Теперь все люди по смерти делались Осирисами «правогласными», т. е. правильно произносящими магические формулы против загробных опасностей, а следовательно победоносными против врагов, оправданными на суде. Все теперь стремились лечь на абидосском кладбище у его бога, или, в случае невозможности, совершить сюда по Нилу посмертное путешествие и оставить по себе поминальную доску, а то и целую гробницу. Так, командированный Аменемхетом II в Абидос, Хентемсенти молится, «закрепив свое имя на месте, где находится Осирис Хентиементиу, к которому все прибегают в надежде на благодеяние в числе спутников владыки жизни»: «да буду я вкушать мою часть и выходить днем, да насладится дух мой обрядами, милостью сердца к моей гробнице и моей плите. Я не сделал ничего дурного, и бог может быть милостив ко мне на суде, когда я буду там»... Но зачем покойнику заупокойные дары, если он на попечении верховного бога, и сам к тому же сделался Осирисом? К чему магическое правогласие при возможности быть оправданным на суде? Египетская религия запуталась в противоречиях, и это не замедлило принести свои плоды. Среднее царство было эпохой, когда материальное благосостояние сообщает культуре светский характер, делает ее менее зависимой от храмов и жрецов. И вот мы видим

некоторое пробуждение скептицизма относительно вопросов загробного мира. В дошедших до нас застольных песнях, которые пелись во время заупокойных пиров, мы находим совершенно еретические мотивы, несмотря даже на то, что эти песни возводились к известным мудрецам древности, напр., «песнь, находящаяся в (погребальном) храме царя Иниотефа, помещенная перед певцом на арфе»:

«Повелел благой царь прекрасную судьбу: исчезают тела и преходят, другие идут им на смену, со времени предков. Боги (т. е. цари), бывшие до нас, покоятся в своих пирамидах, равно как и мумии, и духи погребены в своих гробницах. От строителей домов не осталось даже места. Что с ними сталось? Слышал я слова Имхотепа и Хардидифа, изречения которых у всех на устах, а что до их мест — стены их разрушены, этих мест нет, их как не бывало. Никто не приходит из них, чтобы рассказать о них, поведать об их пребывании, чтобы укрепить наше сердце, пока вы (т. е. слушатели) не приблизитесь к месту, куда они ушли. Будь здрав сердцем, чтобы заставить свое сердце забыть об этом; пусть будет для тебя наилучшим следовать своему сердцу, пока ты жив. Возлагай мирру на голову свою, одеяние на тебе да будет из виссона, умащайся дивными, истинными мазями богов. Будь весел, не дай твоему сердцу поникнуть, следуй его влечению и твоему благу; устрой свои дела на земле, согласно велению своего сердца, и не сокрушайся, пока не наступит день причитания (по тебе). Не слушает тот, чье сердце не бьется (Осирис), жалоб, а слезы никого не спасают из гроба. Итак, празднуй, не унывай, ибо нельзя брать своего достояния с собою, и никто из ушедших еще не вернулся».

Девиз этой песни: «да ямы и пием: утрие бо умрем», а тон ее удивительно напоминает слова Сабиту к Гильгамешу и вторую главу Премудростей Соломоновых. Они — общечеловечны, и потому не укладываются в рамки традиционных представлений. Здесь скептицизм ничем не прикрыт, не пощажены даже почтенные имена древности. Но в песне, по крайней мере, настроение жизнерадостно. В другом же дошедшем до нас удивительном памятнике мы имеем доказательство, что египтяне были способны и на отчаянный пессимизм в связи с этим скептицизмом. В одном из берлинских папирусов несчастный, которому надоело жить, больной, покинутый друзьями и родными неудачник хочет покончить с собой. Дух боится этого и уговаривает его развлечься. Во время долгих препирательств, несчастный, воспитанный в официальной религии, беспокоится только о том, кто позаботится о его погребении, просит душу не бояться смерти, как таковой, ибо за гробом нет ничего ужасного: это единственное место, где даже несчастный может найти покой — ведь «Тот судит его, умиротворитель богов, Хонс защищает его, писец правдивый, Ра слушает его». «И будет хорошо на том свете: он направит ее туда, как человек, лежащий в своей пирамиде, у гроба которой стоял родственник; ей не будет жарко, она не будет голодна. Будь милостив, дух мой, и, брат мой, будь моим погребателем, который будет приносить заупокойные дары и стоять у носилок погребения». Дух отвечает горькой иронией: если его так тянет на тот свет, то пусть сам туда и отправляется, а его оставит в покое. Что же касается до погребения и заупокойных даров, то об этом не стоит беспокоиться; ведь, и у тех, которые строили из гранита и оставили прекрасные произведения искусств, жертвенники так же пусты, как и у тех, кто умирает на берегу без родных, кому поставили конец волна и зной и с которыми беседуют береговые рыбы. «Послушайся меня — хорошо для человека слушаться, — проводи приятно время, забудь заботы!» Вероятно, в подкрепление своих слов, дух приводит два рассказа, для нас мало вразумительные — о бедняке, обрабатывающем свой участок и потерявшем семью, съеденную крокодилами, и не предавшемся отчаянию, и о нищем.

В ответ на это несчастный «отверзает свои уста и отвечает духу» четырьмя стихотворениями, оплакивающими его злой жребий и восхваляющими смерть:

«Мое имя смрадно более, чем птичий помет днем, когда знойно небо.
Мое имя смрадно более, чем рыбная корзина в день ловли, когда знойно небо.

Мое имя смрадно более, чем крокодилы, более, чем сидение с крокодилами.
Мое имя смрадно более, чем имя жены, сказавшей ложь своему мужу.
Мое имя смрадно более, чем имя мятежного города, повернувшего тыл.
Я говорю: «Есть ли кто-либо ныне?» Братья дурны, друзья нынче не любят.
Я говорю: «Есть ли кто-либо ныне?» Сердца злы, каждый грабит ближнего.
Человек с ласковым взором убог, добряком везде пренебрегают.
Сердца злы. Человек, на которого надеешься, бессердечен.
Нет справедливых. Земля — пример злодеев.
Я подавлен несчастием, нет у меня верного друга.
Злодей поражает землю, и нет этому конца.
Смерть стоит сегодня передо мной, как выздоровление перед больным,
как выход после болезни,
как благовоние мирры,
как сидение под парусом в ветряную погоду,
как запах цветов лотоса,
как сидение на берегу в попойке,
как путешествие под дождем,
как возвращение домой на военном корабле,
как желание снова увидать свой дом
после многолетнего пребывания в плену.

Кто находится «там» (т. е. на том свете), употребляется живому богу, карающему за грехи того, кто их делает.

Кто находится «там», будет стоять на корабле Солнца и давать отборное на храмы.

Кто находится «там», будет премудрым, для которого нет препятствий и который молится Ра, когда он говорит».

Эти речи убеждают наконец духа. Он склоняется на доводы, и папирус заканчивается его кратким ответом: «ты достигнешь Запада, твое тело предадут земле, я сойду к тебе, когда ты будешь лежать, и мы будем иметь общее место упокоения».

Многое в этом удивительном произведении для нас непонятно: иначе и не может быть, так как оно стоит совершенно особняком в египетской религиозной литературе и является случайным отголоском тех душевных движений мыслящих людей блестящей эпохи Среднего царства, какие не шли по руслу официального миросозерцания и искали собственных путей. Неизвестный для нас мыслитель изобразил здесь душевную борьбу современника над величайшими общечеловеческими проблемами бытия. Он представил его таким, каким рисует влагаемая в его уста скорбная песнь. Он — доброжелателен, ласков, но слишком беспомощен в борьбе с жизнью и жестокой современностью и даже не имеет доступа к религиозному утешению. А в богов он верит — хочет хотя по смерти непосредственного общения с ними, верит в правосудие, боится остаться без заупокойного культа и поминовения. Он не понимает господства зла и удручен несоответствием идеалов с действительностью. Между тем, устами его собственной души изрекаются мысли, несогласные с официальной религией — заупокойный культ бессмыслен, пирамиды, гробницы и жертвенники не достигают цели: поэтому — «ешь, пей, веселись». Но неудачник в жизни не поддается этим искушениям; его все-таки тянет из грешного мира к богам, и ему удается доводами о преимуществе иного мира заставить умолкнуть смущающие голоса. Таким образом, несмотря на свободное отношение к традиционным верованиям и на странную тему беседы с духом, который может при жизни покидать своего носителя, а по смерти справлять его культ, общий тон произведения может быть признан ортодоксальным — в конце концов традиционные верования торжествуют над сомнениями. Но существование последних все-таки констатируется, и это делает данный памятник одним из интереснейших в мировой литературе. Его по справедливости сравнивают с Книгой Иова и с вавилонским текстом о несчастном праведнике. Конечно, в художествен-

ном отношении он ниже, хотя все-таки обладает достоинствами стиля и изобилует красивыми образами и удачными уподоблениями. Заключительные речи несчастного построены в виде строф со стихами, имеющими общее начало. Эта особенность египетского стихосложения, не говорящего много нашему эстетическому чувству, будет неоднократно встречаться и потом в поэтических произведениях. Точно также проведен в этих речах и параллелизм членов, свойственный как египетской, так и семитической поэзии. Интересно, что в этих стихотворных речах все так связано с египетской природой и бытом; они переносят нас в обстановку того времени и сообщают памятнику прелесть. Высоки и моральные идеи памятника: земная жизнь — юдоль печали, правда только на небе, у благих и премудрых богов, вблизи их — счастье и блаженство.

Гардинер считает этот памятник образцом египетской философии; он говорит, что его появление обусловлено такими же запросами египетской мысли, какие у греков в свое время вызвали платонова Федона. Он должен дать ответ на вопрос о ценности жизни. Подобным же образом другие, современные Среднему царству произведения египетской письменности, с некоторым правом причисляемые к философским, приближаются к диалогам Платона и пытаются разрешить другие проблемы, волновавшие общество. Из этих произведений, надо признаться, довольно скучных, самое главное — рассуждения; фабула представляется лишь литературной рамкой. Иногда она даже совсем отсутствует. Так, до нас дошли произведения на политико-социальные темы. Одно из них, также проникнутое пессимизмом, и по форме несколько напоминающее беседу с душой, в сохранившемся в Британском музее отрывке содержит беседу мыслителя со своим сердцем. Этой беседе предшествует наивное вступление с литературным исповеданием автора:

«Собрание слов, выбор изречений, избранные мысли отменного сердца, составлены илиопольским жрецом Хахеперра-сенбом, именуемым Онху.

Он говорит: «О, если бы у меня были неведомые мысли, необычные изречения, выраженные новыми словами, раньше не бывшими в ходу, чуждыми повторений, изречения не старой речи, принадлежащие предкам. Я извлекаю все, что во мне... ибо повторяемые изречения, уже сказанные, сказаны. Я сказал это согласно тому, что видел, начиная от первого поколения до грядущих потом, которые подобны прошедшим. О, если бы я знал то, чего не знают другие, что не было повторяемо: я бы сказал это, и ответило бы мне мое сердце. Я изложил бы ему мои страдания, я избавился бы от тяготы, что на моей спине.

Я размышляю о происходящем, о положении дел на земле. Происходит перемена. Один год тяжелее другого. Страна в расстройстве. Правда выброшена вон, неправда — в зале совета. Попраны предначертания богов, плач повсюду, номы и города в скорби... Тяжело молчать. Другое сердце не выдержало бы. Храброе сердце в печальных обстоятельствах — друг своего хозяина. О, если бы у меня было сердце, умеющее терпеть! Я бы положился на него и избавился от скорби».

Он сказал своему сердцу: «приди, приди, мое сердце! Я буду говорить тебе, а ты отвечай на мои изречения и объясни мне то, что происходит на земле... Ведь неприятности случаются сегодня и не проходят завтра... Каждый день встают, с сердца не сбрасывают тяжести — сегодня то же положение, что было и вчера... Лица жестоки; нет достаточно мудрого, чтобы уразуметь это; нет достаточно гневного, чтобы возвысить голос. Встают рано, чтобы терпеть каждый день. Бесконечна и тяжела моя скорбь. Несчастному не удается освободиться от сильного. Тяжело молчать, опасно говорить невежде: критика вызывает вражду, сердце не внимает правде, не терпит ответа на речь»...

В дальнейшем, конечно, шло перечисление всевозможных бед и непорядков, которыми страдала современность и которые унаследованы от смутной переходной эпохи. Возможно также, что как эти, так и другие подобные произведения возникли в эту переходную эпоху, когда общественный строй и культура были в упадке, а

безопасности угрожали и внутренние настроения, и внешние враги. Такие эпохи всегда бывают благоприятны для работы политической мысли и для развития политико-социальной литературы, для появления пророчеств и откровений. И в Египте мы находим подобного рода произведения, напр., дошедшее до нас в поздней копии в одном из папирусов Гос. Эрмитажа:

«Это случилось, когда величество царь Верхнего и Нижнего Египта Снофру был царем-благодетелем во всей земле. Однажды к нему явились вестники из Сильсилиса, чтобы держать совет. Они уже ушли после совета, сообразно ежедневному предписанию, как его величество сказал казначею, бывшему около него: «ступай, верни ко мне вестников из Сильсилиса, которые ушли и уже находятся далеко: пусть они немедленно явятся на совет». Они были остановлены и приведены тотчас».

«Люди чужой страны будут пить из реки Египта... Эта страна будет разграблена... Возьмутся за оружие ужаса, в стране будут мятежи... Все хорошее улетит. Страна погибнет, как ей предопределено... Будет разрушено все находящееся... Полевые плоды будут малы, а меры зерна — велики, будут мерить еще при прозябании. Солнце... будет светить всего час, не заметят наступления полудня. Не будут измерять тени... Страна в несчастии. Я сделаю нижнее верхним... Бедный будет собирать сокровища, вельможи сделаются ничтожными... Явится царь с юга — Амени имя его. Он родится от женщины из Нубии; он родится внутри Нехена. Он примет верхне-египетскую корону, он возложит на себя нижне-египетскую корону. Он соединит обе короны и примирит любовью Гора и Сетха... Люди во время «сына знатного человека» будут радоваться и увековечат имя его во все века, ибо они удалены от бедствия. Злоумыслители опустят свои лица из страха перед ним. Азиаты падут от меча его, ливийцы — перед его пламенем... бунтовщики — пред его силой. Змея урея, что на челе его, смирит пред ним мятежников. Выстроят «Стену Князя», недопускающую в Египет азиатов, которые будут просить воды, чтобы напоить свои стада. Правда снова займет подобающее ей место, а ложь будет изгнана. Будет радоваться этому всякий входящий, находящийся в свите царя. Мудрый будет возливать за меня воду, увидав, что наступило сказанное мною»...

Перед нами — перенесенное в глубокую древность пророчество, конечно ex eventu, о какой-то последующей эпохе Египта. При дворе популярного царя Снофру, с именем которого соединялось представление о древнейшем периоде традиционного уклада египетской действительности, изрекаются предсказания о грядущих бедствиях внешнего и внутреннего порядка и указывается, что вновь вернет стране благосостояние и могущество обетованный царь Амени. Является большой соблазн видеть в этом своеобразном Мессии, как это делает Эд. Мейер, Аменемхета I, основателя XII дин., которая после продолжительного периода смут вернула Египту могущество и возвела его на набывалую степень процветания. Трудно сказать, представляет ли данный памятник продукт придворной лести, поднесенной явившемуся обетованному царю, т. е. нечто вроде Вергилиевых произведений, или мы имеем в нем искреннее творчество усталого от неурядиц египетского грамотея; во всяком случае, оно является интересным образцом политических писаний, подобных которому дошло до нас от Египта несколько и из которых видно, что образованный египтянин вовсе не был уж так безучастен к судьбам своей родины, как это принято ожидать от подданного «деспотического» фараона.

Подобного же рода памятник хотели видеть даже в одном большом лейденском папирусе, также представляющем копию времен XIX дин. с произведения, относящегося по языку к эпохе Среднего царства. Текст, трудный сам по себе, сохранился в крайне печальном виде, и это делает понятным то обстоятельство, что египтологи различно толковали его и до сих пор не могут окончательно определить его значение. Ланге считал его такими же пророчествами, как и предшествующий текст, — и здесь говорится о печальной действительности и ожидаемом избавлении. Гардинер, напечатавший полное издание памятника, напротив, не видит в нем пророчеств, так

как все фразы редактированы в настоящем, а не в будущем времени, и полагает, что дело идет о вразумлениях мудреца неумелому царю, повергшему своими грехами страну в бедствие. Что же касается царя-избавителя, якобы обещаемого в будущем, то здесь имеется в виду идеальный царь, повидимому бог Ра, царь предвечный, считавшийся прообразом и примером земных властителей. Текст дошел в литературной, а не в школьной рукописи, но и это мало помогает разобраться в трудностях языка, при испорченности папируса.

Мудрец Ипувер говорит пред каким-то царем, названным, как и Сенусерт I в поучении Аменемхета, «владыкой вселенной», длинные речи, т. е. ситуация та же, что и в других памятниках этого времени. Он перечисляет бедствия, обрушившиеся на Египет и перепутавшие весь порядок, все социальные отношения.

[В действительности этот памятник рисует нам картину социальной революции, имевшей место в конце Среднего царства, которая явилась завершением напряженнейшей классовой борьбы предшествующего периода.

ОПИСАНИЕ БЕДСТВИЙ СТРАНЫ

Часть I

«Воистину: лица свирепы... то, что было предсказано, достигает осуществления. Лучшая земля в руках банд. Человек поэтому идет пахать со своим щитом... Кроткие говорят... человек, свирепый лицом, стал человеком со значением... в о и с т и н у: лица свирепы. Лучник готов, злодеи повсюду. Нет нигде человека вчерашнего дня... Грабители повсюду. Раб с похищенным будет находить их... Нил орошает, (но) никто не пашет для него. Каждый человек говорит: «мы не понимаем, что происходит в стране»... Женщины бесплодны, не беременеют. Не творит больше Хнум из-за состояния страны... Простолюдины сделались владельцами драгоценностей. Тот, который не мог изготовить себе (даже) сандалий, стал теперь собственником богатств. Надсмотрщики рабов — сердца их скорбны. Не разделяют вельможи с людьми своими их радости. Сердца людей жестоки, мор по всей стране, кровь повсюду. Не удаляется смерть Пелены (мертвого) еще до приближения к ним. Многие мертвые трупы погребены в потоке (Ниле). Река (превратилась) в гробницу, (а) местом для бальзамировки сделалась река. Благородные — в горе, простолюдины же — в радости. Каждый город говорит: «Да будем бить мы сильных (т. е. знатных) среди нас». Люди стали подобны птицам, ищущим падаль. Грязь во всей стране. Нет человека, одеяние которого было бы белым в то время... Земля перевернулась подобно гончарному кругу. Разбойник (стал) владельцем богатств. (Богач) превратился в грабителя. Сильные сердцем (стали) подобны птицам из-за страха. Неджес скорбит: «Как ужасно (все). Что мне делать». Поток в крови... (Если) люди пьют из него, они отталкиваются (вкусом) и они жаждут (чистой) воды... Ворота, колонны, простенки сожжены, и одни лишь стены царского дворца стоят сохранившимися... Корабль юга охвачен смутою, города разрушены. Юг превратился в пустыню... Крокодилы и афина-рыбы хватают себе (обильную пищу)... Сами люди идут к ним, ведь это зло — ничто (т. е. смерть). Говорят: не вступай сюда. Смотри: это вода. (Но) вот люди входят в него подобно рыбам. Боязливый не различает из-за страха сердца. Людей стало мало, (а) повергающий брата своего наземь — повсюду. Убегает знающий об этом (без ус)-тали. Сын мужа сделался человеком, которого не знают. Сын жены, бывшей госпожей его, стал сыном его рабыни... пустыней стала страна, номы разграблены, варвары извне пришли в Египет. Достигнуто... Нет (больше) нигде египтян. Золото, ляпис-лазурь, серебро, малахит, сердолик, камень Ибхет висят на шее рабынь. Благородные женщины скитаются по стране. Владычицы дома говорят: «О, если бы мы имели, что поесть»... Благородные женщины — тела их страдают от лохмотьев, сердца их разрываются, когда они спрашивают о здоровье того, кто их сам прежде]

[спрашивал о здоровье... Разломлены ящики из эбенового дерева, драгоценное дерево расколото на части... Сожжены фигурки рабочих (из дерева) в них. Строители гробниц стали крестьянами. Те, которые были (уже) в ладье бога, впрягаются в плуг. Не едут (больше) люди на север в Библос сегодня. Что нам делать для получения кедров нашим мумиям, (ведь) в саркофагах из них погребались «чистые» и бывали забальзамированы маслом их (т. е. кедров) вельможи вплоть до Кефтиу. Они не привозятся (больше). Израсходованы (изделия) всякой работы. Опустел дворец царя, да будет он жив, здрав и невредим. Как хорош был (прежде) приход жителей оазиса с их курениями для праздничной службы, мешками полными... травами... птицами для Элефантины... Тинис... Весь юг не платит подати из-за смуты (гражданской). Отсутствуют зерно, плоды, иришу, уголь, мачты... ящики... (прочие) плоды, изделия ремесленников, плоды дису, черное масло (кеми) для дворца. Для чего (может служить) казначейство без податей своих... Сердце же царя только тогда радостно, когда к нему приходят приношения. Смотри! Каждая чужеземная страна (говорит): «это наша вода, это наши поля». Что вы можете сделать против этого, (ведь) все склоняется к упадку... Смех забыт. Он нигде не слышен. Все, что слышно в стране, — это стенания, смешанные с воплями... Азиаты (стали) подобны знатным, а египтяне (стали подобны) чужеземцам, выкинутым на дорогу. Волосы выпали у всех. Не различается сын мужа от человека, который не имеет отца... Страдают из-за шума... Не прекращается шум в годы шума. Нет конца шуму. Большие и малые (говорят): «я хочу, чтобы я умер». Маленькие дети говорят: «О, если бы он (т. е. отец) не дал бы мне жизни»... Дети князей разбиваются о стены. Дети кинуты на высоты. Хнум скорбит от бессилия своего... Те, которые лежали на месте бальзамирования, теперь кинуты они на высоты. Тайны бальзамировщиков раскрыты. Вся Дельта, она (больше) не защищена. То, что дорого стране Севера, находится на путях, открытых удару. Что нам делать, чтобы не было доступа всюду? Пусть скажут: держись вдали от места тайн. (Ибо) смотри: оно в руках не знающих его, как будто бы они знали его. Варвары стали искусны в работах Дельты... Свободные поставлены к работе над ручными мельницами. Те, которые были одеты в тонкое полотно, они избиваются палками. Те, которые не видели (сияния) дня, они выходят беспрепятственно. Те, которые лежали на ложах мужей своих, пусть спят они на баржах... Скажут они: тяжело мне на барже с миррой, то пусть нагрузят их сосудами полными с... Пусть узнают они носилки. Что касается слуг, (то ведь) те больны. А это хорошее лекарство для них, когда из-за них страдают благородные женщины подобно рабыням. То, что поют певицы в хоромах богине Мерт, — это скорбь, повесть о (муках) над жерновом. Воистину, все рабыни стали владеть устами своими. Если говорят их госпожи, то это тяжело рабыням. (Существуют) сикоморы, деревья. Я различал его (т. е. собственника) и рабов дома его — скажут люди, когда услышат про это. Отсутствует лишний хлеб для детей: нет пищи для (...) Сегодня. На что похож вкус сегодня? Вельможи голодны и в отчаянии. Слуги обслуживаются. (...) из-за жалоб. Человек ожесточенный говорит: если бы я знал, где бог, я принес бы ему жертву. Воистину: право в стране существует (лишь) по названию своему. Грех—это то, что творят они (т. е. люди), говоря ложь во имя его. Воины бегут к мешкам купца, подобно грабителям. Расхищается все имущество того... Животные все, сердца их плачут. Скот скорбит из-за состояния страны, убийца режет их. Боязливый человек говорит: а (где же он), отравитель врагов наших? Отсутствуют амулеты благополучия из-за... Разве надо преследовать крокодила и разрезать его? Или убивать льва и жарить на огне? Или же жертвовать Птаху похищенное? Что (другое) вы ему дадите? Не обращайтесь к нему. Злое будет то, что вы ему дадите... Рабы (...) по стране. Сильный посылает ко всякому. Человек убивает брата матери своей. «Что делать», — говорю я из-за гибели... Дороги (безлюдны), ибо на путях засады. Люди сидят в кустах, пока пройдет ночной путник, чтобы схватить ношу его. Отбирается все то, что на нем. Его осыпают ударами палки и убивают преступным образом. Погибли те, кто видели вчерашний день.]

[Страна в бессилии своем подобна сжатому льняному полю. Неджес, ты выходишь в отчаянии. Золотых дел мастер... О, если бы пришел конец людям! Не было бы зачатия и не было бы рождения. О, если бы замолкла страна от крика и не было бы смуты!.. Кушают траву и заливают ее водой. Не находят больше плодов (деревьев) и траву для птиц. Отнимается пойло ото рта свиней. Нет у тебя прекрасных лицом (среди подданных) твоих, ибо они (еще) больше меня поражены голодом... Зерно гибнет на всех путях. Люди лишены платья, мази и масла. Все говорят: нет ничего. Закром разрушен. Страж его повержен на землю. Это несчастье для сердца моего. Я подавлен совсем. О, если бы я мог дать (услышать) мой голос в этот час, чтобы он спас меня от того несчастья, в котором я нахожусь. Прекрасная судебная палата, расхищены ее акты, лишены хранилища ее тайн (своего) содержания. Магические формулы стали общеизвестными. Заклинания шем и заклинания сехен стали опасными, ибо они запоминаются (теперь всеми) людьми... Вскрыты архивы. Похищены их податные декларации. Рабы стали владельцами рабов... (Чиновники) убиты. Взяты их документы. О, как скорбно мне из-за бедствий этого времени... Писцы по учету урожая, списки их уничтожены. Зерно Египта стало общим достоянием... Свитки законов судебной палаты выброшены. (По ним) ходят на перекрестках. Бедные люди сламывают (с них) печати на улицах... Бедные люди достигли положения Эннеады, (ибо) судопроизводство дома Тридцати лишилось своей замкнутости. Великая судебная палата стала (местом) выхождения и вхождения в нее. Бедные люди выходят и входят в великие дворцы... Дети вельмож выгнаны на улицу. — Человек знающий подтвердит все это, глупец (же) будет отрицать, (ибо) невежде будет казаться прекрасным (все свершающееся) перед ним.

Часть II

Смотрите: огонь поднялся высоко. Пламя его исходит от врагов страны. Свершились дела, которые (казалось) никогда не могли свершиться. Царь захвачен бедными людьми. Погребенный соколом (т. е. царь) лежит он на (простых) носилках. То, что скрывала пирамида, то стало теперь пустым (т. е. гробница царя)... Было приступлено к лишению царской власти страны немногими людьми, не знающими закона. Приступили люди к мятежу против урея (глаза) Ра, умиротворяющего обе земли. Сокровенное страны, границы которой не знали, стало известным. Столица, она разрушена в один час. Египет начал делать (только) возлияния водой. Тот, который лил только воду на землю, он захватил только силу во время бедствия... Столица встревожена недостатками. Все стремятся разжечь гражданскую войну. Нет возможности сопротивляться. Страна, она связана шайками грабителей. (Что касается) сильного человека, то подлый берет его имущество... Червь (гложет) знатных покойных. Тот, который не мог сделать себе саркофага, он (теперь) стал владельцем гробниц... Владельцы гробниц выкинуты на вершины холмов... Тот, который не мог достать себе (даже) гроба, он стал (владельцем) заупокойного имени. Это свершилось (теперь) с людьми. Тот, который не мог построить себе (даже) хижину, он стал (теперь) владельцем дома... Придворные выгнаны из домов царя... Благородные женщины находятся на теду-барках. Вельможи пребывают в закромах. Тот, который не спал рядом со стеной, он стал (теперь) собственником ложа. Владелец богатств проводит ночи (теперь), страдая от жажды. Тот, который выпрашивал осадок (напитков), (теперь) собственник кувшинов, кидающих наземь... Владельцы роскошных одеяний (теперь) в лохмотьях. Тот, который никогда не ткал для себя, (теперь) владелец тонкого полотна. Тот, который никогда не строил себе даже лодки, (теперь) стал владельцем кораблей. Настоящий же их собственник смотрит на них, но они уже не принадлежат ему... Тот, который не имел тени, стал (теперь) собственником]

[тени. (Бывшие же) собственники тени (охлаждаются только) при дуновении ветра. Тот, который не знал даже лиры, (теперь) стал владельцем арфы. Тот, который даже для себя не пел, он восхваляет (теперь) богиню Мерт... Собственники поставцов из меди не украшают больше сосудов ни на одном из них. Тот, который спал без жены из-за бедности, он находит (теперь) благородных женщин. Тот, который не смотрел на него, (теперь) стоит, уважая. Тот, который не имел своего имущества, стал (теперь) владельцем богатств. Вельможи восхваляют его... Простолюдины страны стали богатыми. (Собственники) богатств стали неимущими. Руководимые стали собственниками рабов. Тот, который был (сам) посыльным, посылает другого. Тот, который не имел своего хлеба, (стал) собственником закрома. Снабжена его кладовая собственностью другого. Тот, волосы которого выпадали, потому что он не имел собственного масла, (стал) собственником (целых) кувшинов со сладким миром. Не имевшая даже ящика (с добром) стала владелицей (целого) груза. Та, которая смотрела на свое лицо в воде, (стала) собственницей зеркала... Хорош тот человек, который кушает свой хлеб. Питайся своим имуществом в радости сердца! Не отворачивайся от него, ибо полезно человеку тянуть свой хлеб. Бог повелевает это тому, кто восхваляет его... Тот, который не (знал) своего бога, тот жертвует ему воскурение другого. Тот, который не знал (...) Благородные женщины великого рода, собственницы драгоценностей, кидают своих детей в качестве наложниц... Человек (знатный) брал себе благородную женщину в качестве жены, и его защищал отец ее. (Теперь же) не имеющий такого (тестя) покидает — убивает его. Дети сановников (теперь) в лох(мотьях), скот стад принадлежит грабителям. Мясники режут скот бедняков, ибо скот в руках грабителей. Тот, который ничего для себя не резал, тот режет (теперь) откормленных быков. Тот, который не знал (даже) ящери(цы), види(т) (теперь) яства всевозможные. Мясники режут гусей и они (т. е. гуси) жертвуются богам вместо быков. Рыбаки... жертвуют... вещество. Благородные женщины... Благородные женщины бегут. Начальники... повержены страхом смерти. Начальники страны спасаются бегством, они не находят (даже) милостыни из-за скудности. Владелец наг(рад) (бедствует). Владельцы ложа сидят на земле. Тот, который проводил ночь в грязи, приготовляет себе кожаное ложе. Благородные женщины голодны. Мясники же сыты, тем, что они закололи (для других). Все должности, они не на своих местах подобно испуганному стаду, без своих пастухов. Скот разбегается. Нет никого, который бы собирал его. Каждый приводит себе его, клеймя своим именем. Убивают человека рядом с братом своим. Тот оставляет его, чтобы спасти себя. Тот, который не имел (даже) свою упряжь, стал владельцем стада. Тот, который не мог найти себе быков для распашки, стал собственником большого количества скота. Тот, который не имел своего зерна, стал владельцем амбаров. Тот, который прикупал себе зерно, (теперь) продает его. Тот, который не имел (даже) временных рабов, стал (теперь) собственником наследственных рабов. Тот, который был (вельможей), (теперь) сам исполняет поручения. Сильным (т. е. знатным) не доклады(вается) по(ложение народа). (Все) приходят к гибели. Все ремесленники, они не работают. Похитили враги страны ее ремесла. (Тот, который собрал) жатву, он не получает ее. Тот, который не пахал (для) себя, он получает жатву. Жатва (созревала), об ней не доносят. Писец (сидит в своей канцелярии), руки его бездействуют в ней.

Часть III

Разрушено: ... в то время. Человек видит (врага в Ма)джаи своем. (Только) слабый приносит облегче(ние тому), кто страдает от жары. . . . . страх... нет... бедняки... не освещается земля из-за этого. Раз(рушено)... ...(отнимается) пища у них... страх ужаса перед ним. Умоляет Неджес. . . . посыльный. Не. . . . время.]

[Его схватывают нагруженного его имуществом. Отбирают . . . . . проходят мимо его ворот . . . . (в) гробницу, стены, помещение комнат с соколом. Вынимаются (мумии)... около . . . (ут)ром. Разве Неджес бодрствует? Земля рассветает над ним. Он не ужасается этого. Проходит мимо голов (спящих), скученных в больших полотнищах в качестве дома. Палатки это то, что они сооружают подобно жителям пустыни. (Разрушено...) посылание слуг по поручению своих господ. Нет боязни перед ними (т. е. господами). Смотри, вот пятерка. Они говорят. Они говорят: идите (сами) по дороге, которую вы знаете. Мы достигли (своей цели).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ОПИСАНИЙ БЕДСТВИЙ СТРАНЫ

Плачет северная страна. Закром царя стал достоянием всякого. Весь дом царя остался без своих доходов. Ему же (по праву) принадлежат пшеница, ячмень, птицы и рыбы, ему принадлежат холст, тонкое полотно, медь, масло, ему принадлежат ковры и цыновки, цветы, носилки и все прекрасные подати. Он (должен) приходить (к закрому, а именно) производящий. Если бы не было слов разрушения, все это было бы в доме царя, да будет он жив, здрав и невредим. И он не был лишенным всех этих приношений.

ПРИЗЫВ К ВОССТАНОВЛЕНИЮ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

Уничтожайте врагов благородной столицы, блестящей придворными... в ней... подобно... Начальник города приходит без своей свиты... Уничтожайте врагов благородной столицы, блестящей... . . Уничтожайте врагов столицы той благородной с многочисленными законами.... . . . Не мог противостоять... . . . . .Уничтожайте врагов столицы той благородной с многочисленными канцеляриями. (Воистину...).

ПРИЗЫВ К ВОССТАНОВЛЕНИЮ РЕЛИГИОЗНОГО КУЛЬТА

Помните: о совершении возлияний... (вы), страдающие больше, чем тот, который был болен во всех членах своих. Умоляйте... (Моли)тесь богу своему. Защита его уста... дети его свидетельствуют за него, вызывая прошение (в пустыне). Помни(те) о снаб(жении) закрома (храмов), воскурении фимиамами и возлиянии воды из кувшина (каждое) утро. Помните (о доставлении) жирных гусей — о приношении жертв богам. Помните о жевании благоухающей смолы, приготовлении (белого) хлеба (знатным) мужем и день омовения головы. Помните о воздвижении древков (для храмовых хоругвей), вырезании (надписей) на жертвеннике. (Пусть) жрец очищает храмы. Пусть дворец бога будет выложен камнями (белыми) подобно молоку.

(Помните) об услаждении запаха горизонта (т. е. храма), о непрекращении жертвенных яств. Помните о следовании предписаниям (ритуала), соблюдении месячных дней. (Помните) об удержании вступающего в жречество от телесной нечистоты. Совершение таковой — это тяжкий грех. Это — испорченность сердца. (Помните о соблюдении) дня перед вечностью, (соблюдении) месяцев, о разли(чении ново)летий (своим) знанием. Помните колоть быков... (согласно) вашим писаниям. Помните о выхождении и но(чью к бо)гу, зовущему вас. (Помните) о жертвовании гусей в огне... (Помните) о предписании (жертвовать) кружку (вина) и о возлиянии на берегу реки... женщин... а деяния о воздавании восхвалений... чтобы умиротворить вас... нужда людей.

ВЫРАЖЕНИЕ ВЕРЫ В БЛАГОСТЬ ОБЩЕЕГИПЕТСКОГО БОГА РА

Приходи... (сила) Ра, приказания... восхваляя. Он (приходит с) запада, чтобы уничтожить... людей богами. Смотрите, он стре(мится пост)роить... зачем. Смотрите, (он) не различает боязливого от дерзкого сердцем. Он приносит прохладу страдаю-]

[щему от жары. Говорят, он пастух для всякого. Нет зла в его сердце. Если уменьшится его стадо, то он проводит день, чтобы собрать его, (хотя) и огонь был бы в сердце их.

ВЫРАЖЕНИЕ СКОРБИ О ДОПУЩЕНИИ БОГОМ ПЕРВИЧНОГО ГРЕХА В ЛЮДЯХ

О, если бы он исправил их сущность в первом их поколении. Да, он разбил бы тех, кто протянул бы руку против него. Он уничтожил бы семя и потомство его. (Люди же) желали рождать для него (т. е. для греха) и произошло несчастье. Нуждающиеся на всех путях. Вот что произошло.

ИЗОБЛИЧЕНИЕ ЦАРЯ, НАМЕСТНИКА БОГА НА ЗЕМЛЕ, В БЕЗДЕЙСТВИИ, ЛЖИ И НЕНАВИСТИ

Оно (несчастье) не наступило бы, если бы боги среди них (т. е. людей). (Тогда) вырастало бы потомство у жен мужей, и не находили бы (его) по дороге. Боец выходил бы уничтожать злых, которых они произвели. Но не было руководителя в их час. Где же он (даже) сегодня? Разве он спит? Смотрите, не видна была (до сих пор) его сила. Когда мы погибали, я не находил тебя (очевидно, царя). Меня боги не звали напрасно. Это больший грех, чем испорченность сердца. Изречения страха (теперь) на устах у всех. Сегодняшний день — страх перед ним среди людей больший, чем перед миллионами людей (мужей). Не видит (царь никого, кроме) врагов... (Подходит) смута к гарему его, вступает в храм... (плачет он) перед... То, что привело к смуте, это слова его (т. е. царя) (более, чем) палка (насильника)... сожжены статуи, погибли их гробницы. Захвачены... Он видит день... какого-либо. Тот, который ничего злого не сделал между небом и землей, он боится всякого. Что он сделал? Чего достигли мы? Он (человек) выступает против того, что ты не хочешь уничтожить. Разум, познания и правда с тобою. А смуту вместе с шумом междоусобия ты рассылаешь по стране. Смотри, одни совершали насилие над другими. (Люди) идут против твоих повелений. Если идут по дороге, то находят только 2. Большее число убивает меньшее. Разве существует пастырь, желающий смерти (стада своего)? О, если ты приказал дать ответ на этот вопрос. Потому что любящий — это один человек, ненавидящий же — другой. Гибнут жизни их на всех путях. Ты делал (все), чтобы вызвать это. Ты говорил ложь. Страна стала ядовитой травой, уничтожающей людей. О, если бы не погребались люди живыми! Все эти годы (стали годами) смуты. Убивают (знатного) мужа на кровле его дворца. Он сам (должен) бодрствовать в своем сторожевом домике. Если он храбр, он спасает себя. Он живет. Отнимается дом у неджеса (гражданина). Он бежит по дороге, пока не увидит разлив (воды). Дорога у него отрезана. Он — в отчаянии. Отнимают у него то, что на нем. Избивают его ударами палки. Убивается он теми (т. е. грабителями). О, если бы ты испробовал (хоть) немного несчастья, то тогда бы ты сказал...

ОПИСАНИЕ БУДУЩЕГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СТРАНЫ

Но это будет хорошо, когда баржи будут ехать вверх по реке... Никто не будет грабить их. Это будет хорошо, когда будет выкинута сеть и будут ловиться птицы (для) откармливания. Когда будут восстановлены должности для себя, дороги сделаются проходимыми (это будет хорошо).— Но это будет хорошо, когда руки людей будут строить пирамиды, будут копать пруды, будут создаваться сады из сикомор для богов. Но это будет хорошо, когда люди будут напиваться, когда они будут пить напиток «нит» и сердца их будут радостными. Но это будет хорошо, (когда)]

[радость будет на устах (людей), (когда) знать будет стоять и наблюдать за радостью в своих домах. Она одета в тонкое одеяние, чиста лицом и укреплена сердцем. Но это будет хорошо, (когда) ложа будут приготовлены, подушки вельмож (будут) сложены в сохранности, (когда) желание каждого человека будет исполнено, в виде ложа в жизни, когда будет закрыта дверь за тем, который спал в кустах. Но это будет хорошо, (когда) тонкое полотно будет разостлано и одеяния на земле.

ОПИСАНИЕ БУДУЩЕЙ БОЕВОЙ МОЩИ СТРАНЫ

...Случай грабежа... подобно азиатам... для него. Люди (сами) замышляют свои планы (спасения). Они исполняют их для себя. (Ибо) не нашелся тот, который стоял над защитой их... Сражается каждый за свою сестру. Он защищает себя. А негры. О, если бы мы сами защищали себя! Умножайте (число) бойцов, чтобы отразить лучников. (А) ливийцы, о, если бы мы повернули их обратно! Маджаи хорошо с Египтом. Разве кто-либо убивает своего брата? Молодежь, которую мы рекрутировали для себя, стала, подобно лучникам, склонной к разрушениям. Вследствие этого случилось, что дадут знать бедуинам о состоянии страны. Все варвары наполнятся боязнью перед ней. То, что слышали люди, не даст Египту превратиться в пустыню. Сила его ограничивает (врагов). Сказано вам после лет... (раз)рушая себя самого. Остающиеся дают жизнь домам своим... чтобы дать жизнь детям их (т. е. страны)»].

Литературная рамка, в которую заключено это произведение — мудрец, обличающий и поучающий царя. Суть его изречений — для благосостояния страны необходимо: отпор внешним врагам, исполнение религиозных обязанностей, мудрый, энергичный и добросовестный правитель. Трактат в драматическо-гномической форме пытается разрешить проблему о благоустроенном государстве и обществе. Два других произведения этой же эпохи примыкают к этого рода литературе, занимаясь вопросом о приличном поведении и хорошем тоне человека, принадлежащего к высшему обществу, и проблемой справедливости даже по отношению к низшему классу.

Первое из этих произведений возводили к мудрецу древности, визирю царя V дин. Асесы Птахотпу, а потому учеными принималось за произведение Древнего царства и считалось ошибочно «древнейшей книгой в мире». Оно дошло до нас в парижском Papyrus Prisse, весьма трудном для понимания, и принадлежит к дидактическим трактатам, которые египтяне называли «себаит» — «учение», «премудрость». Это учение облечено в литературную форму.

Проповедник является пред царя и рисует неприглядную картину старости: «царь мой, владыка мой! Старость наступила, дряхлость приходит, слабость проявляется... Глаза сузились, уши глохнут, сила уходит, не бьется сердце, молчат уста и не говорят, сердце заключилось и не помнит вчерашнего дня, хорошее превращается в дурное, вкус теряется... нос залег и потерял обоняние»... Итак, Птахотпу уже недолго жить, ему и так уже трудно быть живым носителем премудрости, а потому он просит царя, чтобы тот повелел ему оставить на поучение потомству в системе изречения «предков, которых слушали боги». Царь разрешает ему учить, но с условием, чтобы это было «согласно с изречениями древних».

После этого вступления, служащего литературной рамкой, следует самый сборник поучений, озаглавленный:

«Начало наставления прекрасной речи, произнесенной (следует титул) Птахотпом, при наставлении невежды к знанию, для пользы слушающих и для посрамления преступающих. Сказал он своему сыну: «да не превозносится сердце твое, беседуй как с невеждой, так и с мудрецом».

В дальнейшем приводится ряд советов, как держать себя в обществе других «мудрых», в гостях, в семье, с подчиненными, с начальством и т. п. Все это большей частью пропитано утилитарными и оппортунистическими соображениями. Мудрецы, очевидно, по социальному положению, разделяются на три категории. При встрече

с более важным предписывается «опустить руки, согнуть спину», с равным разрешается спорить («не молчи, когда он говорит дурно»), что же касается низшего, то советуется «не превозноситься ввиду его убожества». При посещении друга советуется избегать встреч с женщинами, ибо «не хорошо место, где они находятся... Тысячи людей поплатились за краткий час». Жену предписывается любить, кормить и одевать, ибо она «полезное поле для своего хозяина». С подчиненными и низшими рекомендуется быть ласковым и это — лучшие строки текста: «Если ты — правитель, не отталкивай просителя. — Если ты возвысился из ничтожества или разбогател после бедности, не превозносись и не насильничай, полагаясь на свои сокровища — ведь твоим имуществом распоряжается бог». Зато советы относительно умения держать себя с начальством слишком откровенны: «Гни спину пред начальством... тогда твой дом будет в порядке, твое жалованье в исправности. Плохо тому, кто противится начальнику, но легко жить, когда он благоволит». Само собою разумеется, что неоднократно встречаются фразы о важности «учения», о его пользе и связанной с этим необходимости послушания советам отца, наставляющего ему. «Хорошая речь (технический термин для поучения) выше драгоценных камней». «Мудрец сыт тем, что он знает», конечно, в самом материальном смысле — его профессия его кормит, доставляет место и т. п. Пространными наставлениями о послушании и его пользе и заканчивается текст:

«Хорошо слушаться для послушного сына. Прекрасно, если сын воспринимает ту правду, которую сообщает ему отец: он за это получит долголетие. Любим богом послушный, непослушный ненавидим богом. Сердце делает своего хозяина послушным или непослушным. Сердце для человека — это жизнь, здравие, благополучие. Все будут говорить: «как хорошо, как радостно, если сын послушен». Слушающийся отца почтен, его память у людей и в настоящем, и в будущем. Если сын принимает сказанное отцом, он будет иметь успех во всем. Неразумный и не слушающийся — убог; он не различает между знанием и незнанием, между хорошим и дурным... Послушный сын подобен «Служителю Гора», благо ему будет за послушание. Он будет стар и достигнет почтенности, и будет говорить свои детям, обновляя учение своего отца. И ты будь внимателен к тому, что будешь говорить. Повторяй слово за словом, не пропуская, не прибавляя, не заменяя одного слова другим, да скажут все: «это сын такого-то» и восхвалят родившего тебя, и пусть князья, слушая тебя, произнесут: «как хорошо исходящее из уст его!» Если ты сравняешься со мной, будет тело твое здраво и царь доволен тобой. Ты достигнешь долголетия. Не малого я достиг на земле: я прожил 110 лет, и царь отличал меня больше, чем моих славных предков, ибо я до гроба был верен царю».

Птахотп завещает своему потомству следовать его жизненному опыту, причем свои наставления распространяет на разнообразные стороны жизни. Он обещает за следование своим наставлениям спокойную жизнь, блестящую карьеру, добрую славу, память и долголетие до идеального для египтянина предела в 110 лет. Неоднократно указывали на любопытное совпадение в данном пункте с 5-й заповедью; совпадение, конечно, случайное — сравнивать данные трактаты по существу (а не по форме) с такими памятниками, как Соломоновы книги или сын Сирахов, — не представляется никакой возможности.

Другой памятник Среднего царства, также относящийся к области «хорошей речи», занят проблемой справедливости. Мы опять переносимся ко двору фараона, который, подобно другим восточным владыкам, любит слушать красивые речи. Один из фараонов вернул для этой цели послов из Сильсилиса, о другом говорит подобное же любопытный текст, дошедший в трех берлинских папирусах.

Главное содержание этого, очевидно, любимого и распространенного только в эпоху Среднего царства произведения представляют девять жалоб ограбленного селянина, заключенных в довольно простую и написанную прозаическим языком литературную рамку.

Действие переносится в ираклеопольскую эпоху между Древним и Средним царствами. В царствование Небкара селянин идет из западной области, нынешней Вади Натрун (Нитрии), на заработки в столицу Ираклеополь, нагрузив осла всякого рода растительными и животными продуктами своей родины и оазов. Недалеко от Ираклеополя у него отнимает осла и его самого бьет крепостной важного управляющего государственными имуществами Меруитенси. Селянин плачет. Грабитель Тотнахт издевается над ним. Селянин четыре дня умоляет его вернуть ему осла, наконец идет в Ираклеополь жаловаться его господину. Меруитенси созывает совет «именитых» (серу); те не придают особого значения факту. Селянин произносит тогда свою первую речь, которая произвела на вельможу такое впечатление, что он, зная слабость своего повелителя, спешит во дворец и докладывает о «селянине, который действительно умеет красно говорить». Царь очень доволен: «если ты хочешь видеть меня здоровым, то задержи его, не отвечая ни на что из того, что он тебе скажет. Пусть его речи принесут нам записанными, чтобы мы их выслушали. А его жене и детям давай пропитание. Пусть какой-нибудь крестьянин пойдет, чтобы устранить нужду в его доме. Выдавай пропитание и этому селянину. Позаботься, чтобы он получал пищу, зная, что это исходит от тебя».

Это было исполнено, и у селянина вытягивают еще восемь длинных речей, в которых он с невразумительной для нас изысканностью указывает Меруитенси на его неправосудие и невнимание к своему горю. Например:

«Великий домоправитель, господин мой, вельможа вельмож, богатейший из богатых, ты должен быть действительно вельможей вельмож и богатейшим из богатых. Ты, руль небесный, столп земли, медный шнур, не падай. Великий господин берет у вдовы и грабит одинокого... Ведь умереть придется вместе со своими подчиненными. Неужели ты думаешь быть человеком вечности? Ты должен не быть чем-либо другим, напр., кривыми весами, неправильной стрелкой, судьей, превратившимся в обманщика. Но у тебя по части правосудия плохо — оно прогнано со своего места. Чиновники неправедны. Тот, кто должен давать воздух, стесняет дыхание... Кто должен изгонять утеснителя, приказывает, чтобы тот затопил город... Ты силен и крепок. Твоя рука насильничает, а сердце жадно. Кротость проходит мимо тебя. Как желает обиженный твоей погибели!.. Ты, знающий дела всех людей, невежда в моем деле. Ты, избавляющий от недостатка воды — смотри — я без корабля... Обуздай грабителя, защити нищету... Берегись и думай, что наступает вечность. Поступи по пословице: «дыхание носа — правосудие»... Разве обманывают весы? Разве Тот бывает милостив (к злодеям)?.. Не лги. Ты велик. Ты — весы. Не будь лжив — ты неправильный счет... Твой язык — стрелка весов, твое сердце — гири, твои уста — коромысло. Если ты закроешь лицо против насильника, кто тогда обуздает преступление? Но ты — перевозчик, переправляющий только того, у кого есть деньги, ты — хищная птица для людей, живущая бедными птицами; ты — повар, для которого радость закалывать... Безопасности нет в стране... Кто спит до полудня? Ночью нельзя ходить, днем двигаться, нельзя жить, как следует. Рулевой! Не дай кораблю погибнуть! Оживитель, не дай умереть! Губитель, не дай погибнуть! Тень, не дай засохнуть! Пристанище, не дай крокодилу хищничать!.. Ты назначен выслушивать, судить братьев, обуздывать грабителя, а ты заодно с ворами... Ты учен, образован, воспитан, конечно, не для грабежа, но ты поступаешь так же, как и все люди, и твои окружающие — обманщики. Садовник, полный позора, поливает свой номгрехом, чтобы сделать его областью лжи, чтобы пролить неправду. Твое сердце жадно — это не идет к тебе. Ты—вор, это нелестно для тебя... Страх пред тобой не удержит меня; если ты это думаешь, значит, не знаешь моего сердца... Твои имения в поле, твои яства в закромах, твои чиновники дают тебе, и ты берешь еще. Разве ты не грабитель? Делай правду ради владыки правды... Будь тростью, свитком, письменным прибором, Тотом! Добрый, ты должен быть действительно добрым! Ведь правда пребывает во век. Она сходит вместе с тем, кто ее держится, в некрополь — его положат в

гроб, а его имя не изгладится на земле, его будут помнить за благое — таково верное изречение слова божия!.. Нет вчерашнего дня для лентяя, нет друга для глухого к правде, нет радостного дня для жадного... И вот, я все прошу тебя, а ты не слушаешь. Я уйду и буду ради тебя молиться Анубису».

Ему уже надоело говорить, и он готов с собой покончить. Меруитенси посылает удержать его, записывает все его речи, представляет царю, который велит ему решить дело крестьянина. Конец сохранился плохо, но по остаткам строк можно заключить, что обиженный получает удовлетворение, Тотнахт несет кару.

Среднее царство отличалось любовью к риторике и изысканным выражениям. Тогда старались выражаться как можно искусственнее и менее понятно. Высокопарность и риторичность стиля были общей модой и особенно находили себе применение в царских надписях. Напр., Сенусерт III, поставив пограничный камень при Семне в Нубии, не ограничился указанием на свои победы, а счел необходимым присоединить и следующее (приводим более понятные места):

«Я, царь — говорящий и действующий: намерение моего сердца приводится в исполнение моею рукою... Я не даю ничему залеживаться в моем сердце... Храбрость — это пылкость, трусость — это ускользание; поистине трус тот, кто прогнан со своей границы... Если кто-либо храбр против негра, он обращает тыл; когда кто-либо отступает, он становится смелым. Это не люди силы — они жалки и трусливы. Мое величество видел их — это действительно так».

Любили в это время трескучие оды в честь фараонов. Образцы их встречаются неоднократно. В Кахуне, напр., найден гимн в честь Сенусерта III. И здесь намечается свойственный египетской и семитической поэзии «Parallelismus membrorum».

«Слава тебе, Хакаура («Сияют духи Ра» — тронное имя Сенусерта), Гор наш, бог по бытию, защищающий страну, расширяющий ее границы, обуздатель пустыни змеем своего урея, обнимающий обе земли своими объятьями. Умерщвляющий варваров, без лука пускающий стрелу, как делает богиня Сохмет: он валит тысячи не знающих его воли. Язык его величества вяжет Нубию, изречения его обращают в бегство азиатов»...

Официальные надписи этого, отчасти и последующего времени, также заключают в себе длинные славословия царю. Читатель переносится в тронную залу, где происходит заседание. Царь обращается к вельможам с длинной речью, в которой бесконечно перечисляет свои достоинства и необычайные качества и объявляет о своем намерении соорудить то или иное здание и т. п. Вельможи обыкновенно отвечают не менее длинным гимном могуществу и премудрости царя, затем уже излагается вкратце самое дело. Сильные и способные цари XII дин. действительно сумели, иначе чем Хеопсы и Хефрены, сделаться центрами жизни. Мы находим славословия им даже в гробницах. Так, характерное завещание оставил своим потомкам в своей гробничной надписи вельможа Схотепибра; оно поучает их «чтить царя»:

«Я говорю великое, возвещаю и даю уразуметь вечный план жизни, проводить время жизни в мире. Прославляйте царя в телесах ваших, носите его в сердцах ваших. — Он бог премудрости, живущий в сердцах. Очи его ищут всякую плоть. Он — солнце лучезарное, озаряющее обе земли больше солнечного диска; он зеленит больше великого Нила; он наполняет обе земли силой; он жизнь — дающая дыхание. Дает он питание последующим ему, насыщает идущих по пути его. Питание есть царь, умножение — уста его, он — производитель существующего, он — Хнум, родитель людей... Сражайтесь за имя его, очищайтесь, клянясь жизнью его, и будьте свободны от нищеты. Возлюбленный царя будет блажен, а враг его величества не найдет себе гробницы — его труп бросят в воду. Поступайте так, и вы будете славны во веки и здравы будут тела ваши».

Произведения эпохи Среднего царства считались классическими в последующие эпохи египетской истории. Такие памятники, как «наставления Птахотпа» или поучение Аменемхета I, и читались и переписывались в школах много веков спустя. Такую



Удод. Фреска из Бенихассана.



Дикая кошка. Фреска из Бенихассана.

же судьбу имело и произведение, которое мы с полным правом можем считать одним из самых интересных в египетской литературе и которое может быть названо образцом египетской беллетристики.

Содержание памятника может быть представлено в следующем виде: царедворец Синухет («Сын Смоковницы») находится вместе с царевичем-соправителем Сенусертом I в западной части Дельты в лагере, на войне с ливийцами. В 30-й год Аменемхета I приходит известие, что «бог (т. е. старый царь) зашел в свой горизонт, взошел на небо, соединился с Ра»... Сенусерт немедленно спешит в столицу. «Кобчик улетел со своей свитой, не сообщив ничего своему войску», и не призвал других «царских детей», чтобы предотвратить придворные случайности, столь обычные на Востоке. «Я стоял», — говорит Синухет—«и слышал его голос... Мое сердце раскололось, мои руки раскрылись, дрожь прошла по всем моим членам... Я искал, где бы скрыться, и спрятался в кустах, в стороне от дороги, где они проходили». Он решается бежать из Египта. Причина такого внезапного страха и бегства не совсем понятна; может быть, он прогневил нового царя тем, что узнал каким-то образом не подлежавшее оглашению известие о смерти царя. И вот Синухет, сделавшись политическим эмигрантом, бежит через Ливийскую пустыню сначала к югу, потом через Нил на восток, через Вади Тумилат в Азию, проползши в кустах мимо «царской стены, выстроенной для защиты от бедуинов», чтобы «не заметили дежурные сторожа». У озера Кемуэра он упал от усталости; отдохнув, «услыхал блеяние стад». Вождь бедуинов, бывавший раньше в Египте, узнал его и угостил. Он пошел дальше («страна передавала меня стране»), побывал в Суне (по некоторым редакциям в Библе), Кедме (по Эд. Мейеру — в центре сирийской пустыни, родина арамеев по библии), откуда через полтора года его приглашает к себе Аммиенши, «князь Верхней Сирии» (Ретену), узнав про его таланты. Он обращается к нему с деликатным вопросом о причине его бегства и о положении Египта «без этого превосходного бога, страх пред которым прошел по иноземным областям, как пред богиней Сохмет в годы мора». В ответ Синухет произносит длинную похвальную оду в честь нового царя.

Аммиенши оставил его у себя, женил на своей дочери и предложил ему выбрать лучший участок в своей земле — «Иоа, где были фиги, виноград и вина больше, чем воды»; здесь он жил в полном довольстве, как князь племени, много лет. Дети его «выросли и стали героями». «Посол, отправлявшийся на север (из Египта в Ассирию или Вавилон), или на юг, в столицу, останавливался у меня. Жаждущему я давал воду, сбившегося с пути направлял на дорогу, ограбленного защищал». Он предводительствовал в войне, когда «бедуины замыслили прогнать князей пустыни». Он победил затем в единоборстве силача «страны Тену», вызвавшего его на бой. Описав в живых красках это единоборство, Синухет заканчивает свой рассказ о своем пребывании и переходит ко второй части следующими трогательными фразами:

«... Так сотворил бог, чтобы примириться с тем, кого он покарал, кого он завел в чужую страну; теперь его сердце насытилось. В свое время я был беглецом, теперь слава моя во дворце. Некогда я ползал от голода, теперь я даю хлеб соседу. Некогда я бегал, не имея посыльного, теперь я богат слугами. Хорош мой дом и обширно мое пребывание; обо мне думают при дворе. О бог, определивший мне это бегство, умилостивься, верни меня ко двору. Конечно, ты дашь мне снова увидеть место, куда стремится мое сердце. Что может быть больше того, чтобы мое тело было погребено там, где я родился?.. Бог оказал мне милость, да продолжит он ее, чтобы прославить конец того, кого он сделал несчастным, когда его сердце сострадает изгнаннику, живущему на чужбине. Умилостивлен ли он теперь? Да услышит он желание удаленного, да прострет свою руку к тому, кого он поразил, и вернет его туда, откуда его исторг. Да будет ко мне милостив царь Египта, да живу я в его милости, да служу я государыне, которая в его дворце, да слушаю я поручения ее детей. Да обновятся вновь мои члены, ибо старость уже наступила (следует картинное изображение невзгод старости). Приближается отшествие: меня отнесут во град вечный! Да послужу я царице все-

ленной, да побеседует она со мной о красоте своих] детей и будет всегда мною довольна».

При дворе, действительно, знали о судьбе Синухета и об его желании вернуться. Фараон Сенусерт прислал ему милостивое письмо, которое целиком приводится в тексте. В нём указывается на старость Синухета и необходимость умереть на родине:

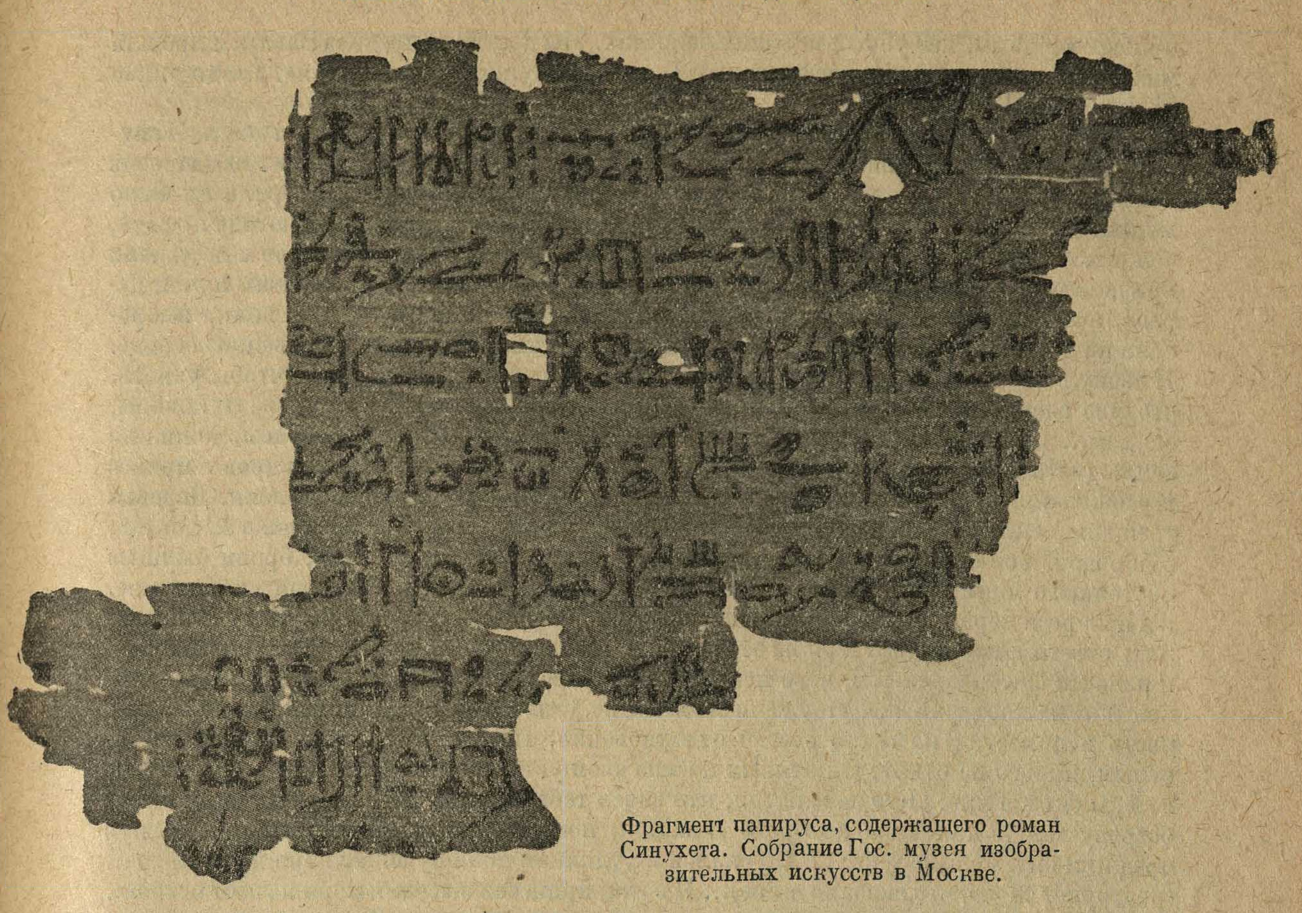
«... Возвращайся в Египет, чтобы вновь увидать двор, при котором ты вырос, чтобы поцеловать землю у двух великих врат и соединиться с приближенными. Ведь ты начал стареть и думать о дне погребения... Тебе приготовят торжественное шествие... твоя мумия будет в золоте, голова — в ляпис-лазури... тебя положат под балдахин. Быки повлекут тебя, музыканты пойдут впереди; у двери твоей гробницы будет исполнен танец карликов, для тебя возгласят жертвенную формулу... Ты не умрешь на чужбине, тебя не похоронят азиаты, ты не будешь положен в баранью шкуру... Позаботься о своем теле и вернись».

«Этот приказ», — продолжает Синухет, — «пришел ко мне, когда я находился среди моего племени. Когда мне его прочли, я упал на живот, коснулся праха и посыпал им (из смирения) волосы. Ликуя ходил я по стану... слава милости, спасающей меня от смерти!..»

Следующим шагом Синухета было отправление царю благодарственного письма, которое также приводится в целом виде. Он говорит, между прочим, что «дух царя открыл ему про бегство и желание Синухета», и оправдывается: «это бегство было не намеренное, оно не исходило от моего сердца; я не знаю, что меня оторвало от места. Это было точно сон, как будто житель Дельты увидел себя в Элефантине, житель болот — в Нубии. Мне нечего было бояться — за мной не гнались, я не слыхал брани, мое имя не было на устах докладчика, а мои члены тряслись, мои ноги стремились, мое сердце гнало меня; бог, определивший это бегство, влек меня, ибо я не был смел... и боится человек, знающий свою страну (вероятно, гнев фараона): Ра распространил твой страх во все страны...» В этом же письме Синухет, кажется, просит прощения еще для трех политических эмигрантов.

Когда прибыли посланные, они дали Синухету день для передачи своего имущества и своей власти старшему сыну. Затем началось возвращение. На границе ожидал корабль с царскими подарками для проводников-бедуинов. Далее подробно и живо описывается аудиенция, данная Синухету во дворце, в столице XII дин. Ит-тауи. «Я пал на живот и потерял сознание. Этот бог (царь) обратился ко мне милостиво, но я был, как застигнутый тьмою: мой дух исчез, сердце не было в моем теле, и я не мог различить жизни и смерти». Царь велел поднять его. Он снова стал оправдываться: «Нет моей вины, это рука божия»... Царь сказал царице: «вот явился Синухет; он азиат, — он имеет вид бедуина». Царица вскрикнула, царевичи тоже. Последние начали под аккомпанимент инструментов гимн в честь царя, оканчивающийся просьбой помиловать Синухета: «устрой нам праздник из-за этого номада, сына северного ветра (Симехит — игра слов с Синухет), иноземца, родившегося в Египте. Он убежал из страха пред тобой...» Царь ответил: «пусть он не боится; он будет приближенным, среди князей, придворных. Ступайте в приемную залу и научите его занять его место». Затем его омыли, причесали и одели в египетское платье. «Провели года на моем теле; я стал спать на постели, отдал песок его обитателям, деревянное масло тем, кто им натирается». Он получил затем дом временный и пирамиду из камня среди других пирамид. Статуя его была сделана из золота... и его величество приказал ее сделать. «И я был в милости у царя до самого дня причаливания (к тому берегу)».

Этот замечательный памятник читается, как современный роман, и поражает своей жизненностью, картинностью, можно сказать реализмом. Кроме художественно изложенной интересной фабулы, он дает нам образцы — царской оды, молитвы изгнанника и писем, как царя к подданному, так и наоборот. Рассказ вложен в рамку надгробной автобиографии. Сначала идет перечень титулов Синухета, которые он носил в последнее время жизни: «наследственный князь, князь, управляющий государствен-



Фрагмент папируса, содержащего роман Синухета. Собрание Гос. музея изобразительных искусств в Москве.

ными угодьями в землях бедуинов (!), царский знакомый воистину, любимый им»...— Далее он переходит к первому своему чину и должности, при которой случилось бегство: «я был слугой, сопровождавшим своего господина, служитель при гареме у супруги царя»... и затем уже начинает самый рассказ. Таким образом, герой занимал скромное положение, и карьеру ему сделало бегство и достигнутое высокое положение в Азии, вероятно, заставившее фараона видеть в нем полезного человека для своей внешней политики. Конечно, эти соображения могут иметь место лишь в том случае, если наше произведение передает действительные факты. А оно так жизненно и так верно исторически, что трудно отказаться от этой мысли. Между прочим указывают, что имя Аммиенши нередко в арабских как в минейских, так и савейских надписях: встречаются с таким именем вожди племен и боги; сохранился даже в мусульманской традиции бог языческого Хаулана, Аммуанас, уступивший только при Мухаммеде место Аллаху. Странным образом в Хаулане известен князь Аммуанас, сын Синхана!

Приключения Синухета вполне реальны и укладываются в рамки истории и действительности. Иное представляет литературный памятник того же времени Среднего царства, также описывающий приключения вне Египта. Он составляет гордость Гос. Эрмитажа и неоднократно был предметом занятий В. С. Голенищева и других египтологов.

Рассказ этот переносит нас в противоположную сторону известного египтянам мира — в воды Индийского океана.

«...Мы достигли родины. Взяли колотушку, вбили кол, бросили канат на землю. Воздается молитва и благодарение богу. Все обнимают друг друга. Наш экипаж

прибыл здравым, нет убыли в наших солдатах. Мы достигли предела Вавата и прошли мимо Сенмута (о-в Биге у Элефантины). Вот мы вернулись благополучно. Мы достигли нашей земли!».

«Я расскажу случившееся со мной, когда я отправлялся в рудники царя. Я спустился к морю на корабле в 150 локтей длины и 40 ширины. В нем было 150 матросов самых отборных в Египте. Они видели небо, они видели землю, и сердце их было мудрее львов. Они предсказывали бурю раньше, чем она наступала, и непогоду прежде, чем она появлялась. Буря разразилась, когда мы ещё находились в море и не успели причалить. Поднялся ветер и взгромоздил волны до 8 локтей. Я схватил пучок дерева, а все бывшие в корабле погибли; никто из них не спасся. Меня волна выбросила на остров. Здесь я был три дня один, имея спутником только собственное сердце. Я заснул в кустах и тень объяла меня. Потом я растянул свои ноги, чтобы узнать, что мне сделать с моим ртом. Я нашел фиги, виноград, всякие хорошие луковицы, огурцы... рыб и птиц. Ни в чем не было там недостатка. Я насытился и положил на землю (остальное), ибо было тяжело для рук... Я зажег огонь, наколол дров и принес всесожжения. Я услыхал звук грома и подумал, что это рокот морских волн. Деревья трещали, земля тряслась. Я открыл лицо свое и увидал, что это идет змей в 30 локтей, с бородой, более чем в 2 локтя. Члены его были покрыты золотом, брови были из настоящего ляпис-лазури; хвост был обращен вперед. Он открыл свои уста ко мне, а я повергся перед ним на живот. Он сказал мне: «Кто завел тебя? Если ты будешь медлить ответом, кто привел тебя на этот остров, я покажу тебе, как ты или превратишься в пепел и сделаешься тем, чего нельзя увидеть, или скажешь мне то, чего я не слыхал или не знал раньше. Неужели ты меня не узнаешь?» Тогда он взял меня в свою пасть и поместил на место своего отдохновения. Положил меня, не нанеся вреда, целым, ничего не отняв. Он открыл ко мне свои уста, пока я лежал пред ним на животе, и сказал мне: «Кто завел тебя, кто завел тебя, малый? Кто привел тебя к этому острову моря, половина которого (нижняя) погружена в море?» Я ответил, согнув пред ним опущенные руки: «Я спускался к рудникам по поручению царя на корабле... (повторяет то же, что сказано выше)... И вот, я принесен волнами моря на этот остров». Сказал он мне: «Не бойся, не бойся, малый, не беспокойся. Ты прибыл ко мне — значит бог дал тебе жизнь. Он привел тебя на этот остров Духа, на котором нет ни в чем недостатка и который полон всем прекрасным. И вот, ты проведешь месяц за месяцем, пока не окончишь внутри этого острова четыре месяца. Тогда из столицы прибудет корабль, в котором будут матросы, которых ты знаешь. Ты отправишься с ними ко двору и умрешь в своем городе. Как приятно беседовать об испытанном, если удалось пройти мимо печальных вещей. И я расскажу тебе нечто подобное, случившееся на этом острове. Я был на нем вместе с моими братьями и детьми, в кругу их. Всего нас было 75 змей, моих детей и братьев. Я не буду вспоминать тебе о дочери юной, унесенной у меня судьбой. Звезда сошла, и они попали чрез нее в пламя; меня при этом не было. Они были сожжены. Я не был среди них, но (рад был бы) умереть за них. Я нашел их, как кучу трупов. Если у тебя сильно сокрушение сердца, то (знай) — ты обнимешь своих детей и поцелуешь твою жену и увидишь твой дом, — ведь это прекраснее всего на свете. Ты достигнешь столицы, будешь в ней среди твоих братьев». Тогда я пал на живот и коснулся земли перед ним. «Я говорю тебе: я расскажу царю о твоей силе и передам ему о твоем величии. Я устрою, чтобы тебе доставили благовония и храмовой ладан, которыми умилостивляют богов. Я расскажу, что случилось со мной и что я увидал чрез твою силу. Тебя возблагодарят в городе пред синклитом всей земли. Я заколю тебе быков во всесожжение и очищу тебе птиц. Я пошлю тебе корабли, нагруженные всем лучшим из Египта, как это делают для человеколюбивого бога в далекой стране, неведомой для людей». Он улыбнулся тому, что я сказал, как чему-то наивному, и сказал мне: «у тебя немного мирры, а все, что (здесь) — это ладан; ведь я — царь Пунта; мне принадлежит мирра; благовонные масла, о которых ты сказал, что они будут доставлены, — их на много на этом острове.

Но удалившись отсюда, ты более не увидишь этого острова, который сделается волнами».

Корабль прибыл, как он предсказал. Я пошел, взлез на высокое дерево, распознал находившихся на корабле, затем я пошел сказать (ему) об этом, но нашел его уже осведомленным об этом. Он сказал мне: «будь здоров, будь здоров, малый, возвращайся домой, повидай твоих детей, оставь доброе имя по себе в твоем городе — это то, чего я для тебя желаю». Я пал на живот, сконил свои руки пред ним. Он дал мне груз из мирры... (перечисляются благовония), мази для глаз, хвостов жирафф, большое количество ладана, слоновой кости, собак, обезьян и всяких дорогих вещей. Я нагрузил это на корабль и упал на живот, благодаря его. Он мне сказал: «ты прибудешь в столицу чрез два месяца, ты обнимешь своих детей, ты обновишься в своей гробнице».



Деревянная статуэтка эпохи Среднего царства. Собрание Гос. Эрмитажа.

Я спустился к берегу, где стоял корабль, позвал солдат, находившихся в нем, воздал на берегу славословие хозяину этого острова. Так же поступили и те, которые были на корабле. Поплыли мы на север, ко двору царя и достигли его в два месяца, как нам было сказано. Я вошел к царю и представил ему эти дары, вывезенные мною с острова. Он поблагодарил меня пред синклитом всей страны, и я был сделан гвардейцем, и наделен крепостными».

Папирус сохранился вполне и заканчивается обычными словами и подписью писца:

«Исполнено от начала до конца, как это было найдено написанным (переписано) писцом книг, персты которого превосходны, Амени Амено»...

Может быть, в этом рассказе видно свойственное всем народам, в начале их знакомства с отдаленными заморскими странами, представление о таинственных царствах и островах, особенно производящих драгоценности и благовония. Рассказы о царстве пресвитера Иоанна, островах св. Брандана, а в нашей древней литературе «хождения», также представляются интересными параллелями. У египтян особенно легко могли соединяться с юго-восточными странами фантастические представления в виду того, что эти земли производили храмовые благовония и были как бы постоянным местопребыванием богов, и сама атмосфера их должна была быть храмовой, пропитанной ароматами, а владетелями и стражами их — сверхъестественные существа. Геродот и Феофраст передают легенды о змеях, стерегущих благовония, древнее абиссинское предание говорит о драконе, родоначальнике царской династии в Эфиопии. Нельзя, кроме того, упускать из вида, что в рассказах о заморских странах большую роль играют вымыслы моряков и сознательные роскази с целью окутать богатые

страны таинственностью. Все это, проникая в народ, обрабатывается в виде волшебных сказок, и наш папирус является образцом такой сказки, облеченной в изящную литературную форму с применением современного модного высокого стиля. Само собою разумеется, что неизвестный автор, которому принадлежит эта обработка, оказал неоценимую услугу не только исследователям египетской культуры, но и всем, занимающимся фольклором, и особенно народной географией.

Несколько позже, в эпоху Гиксосов, написан берлинский папирус Весткар, заключающий в себе целый сборник сказок, относящихся по языку, несомненно, к тому же времени Среднего царства, что и разобранные выше произведения. По стилю эти сказки гораздо проще, хотя и в них попадаются иногда изысканные выражения: папирус был предназначен для образованного читателя — написан он тщательно и красиво. Разработкой и изданием этого важного текста наука всецело обязана проф. Эрману.

Начало потеряно, но содержание его ясно из последующего. Царь Хеопс сидит на троне и желает слушать волшебные сказки. Сыновья его, царевичи, один за другим, рассказывают ему необыкновенные чудеса, случившиеся при его предках, благодаря известным волхвам древности. Царь каждый раз приказывает почтить память царя, при котором случилось чудо: 1 000 хлебов, сотней кружек пива, быком, двумя мерами ладана, а также принести заупокойную жертву «из одного хлеба, из одного сосуда пива, большого куска мяса и меры ладана» волхву, «пример мудрости» которого он только что слышал.

Наконец, встает четвертый царевич Дедуфгор (известный мудрец) и вызывается познакомить царя с волхвом, живущим в настоящее время. Тот является, проделывает чудеса (приставляет голову, отрезанную у гуся). Царь просит его достать ключи дома Тота. Он говорит, что они находятся в каменном ковчежце в Илиополе, но сам достать их не может, а доставит их царю старший из трех детей, находящихся во чреве Реддетет, жены жреца бога Ра в Сахебу, которая беременна тремя детьми от Ра. «Он поведал мне, что они будут отправлять эту прекрасную должность (будут царями) во всей стране сей, и старший из них будет верховным жрецом в Илиополе». Царь опечалился. Волхв ответил: «к чему эта печаль, царь, мой владыка? Если она из-за трех детей, то я скажу: твой сын, его сын, первый из них». Таким образом, Хеопс услыхал пророчество о том, что после его внука воцарится новая династия, происходящая от Ра и преданная его культу. Трое детей, носящие те же имена, что и первые цари V династии, действительно, при разного рода чудесах и вмешательстве богинь в роли бабок, рождаются и растут, несмотря на козни Хеопса. Мы уже видели, что V дин. действительно возвела культ илиопольского Ра на небывалую дотоле высоту и, начиная с ее времени, фараоны стали титуловаться «сынами Ра». Папирус этот доказывает, что сказания о древних царях сделались достоянием литературы и что о Древнем царстве ходили уже тогда легенды, подобные записанным у Геродота и Манефона. Вспомним известные всем рассказы первого о Мине, Хеопсе, Хефрене, Микерине и Нитокриде, или заметки второго о различных чудесах при царях первых династий. В самой египетской, дошедшей до нас, литературе часто встречаются сведения, что тот или другой религиозный текст, то или другое медицинское средство явились или найдены при таком-то царе из первых династий.

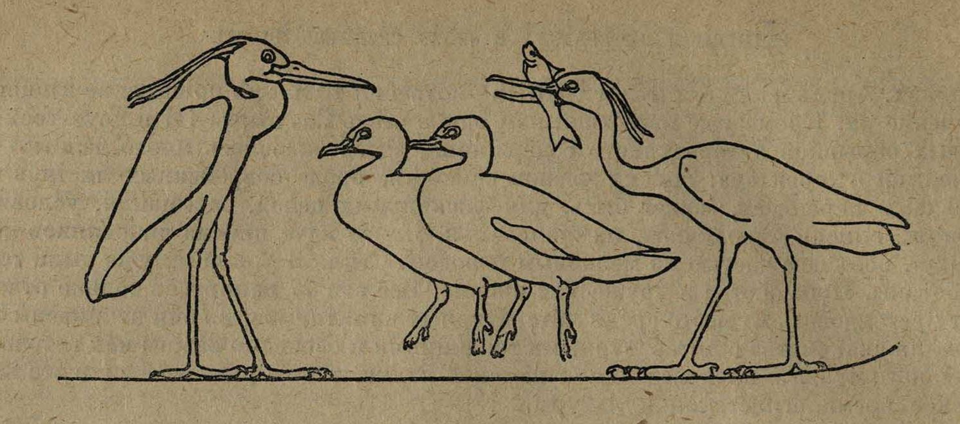
От эпохи Среднего царства дошли до нас и образцы «ученой» литературы египтян. Сюда относится большой математический папирус, приобретенный В. С. Голенищевым и находящийся в Москве, а также кахунские математические и медицинские (между прочим, ветеринарный) отрывки. Большой медицинский папирус Эберса, вероятно, также восходит к этой эпохе.

Наконец, от эпохи Среднего царства дошли до нас обрывки обыденной, будничной литературы. При раскопках Кахуна, города пирамиды Сенусерта II, в одном из домов нашли значительное количество папирусов, разорванных еще, может быть, самими владельцами в виду их временного интереса — нечто вроде хлама в наших

корзинках. Английский египтолог Griffith употребил 10 лет на приведение в порядок и изучение их. Кроме уже известной нам оды в честь Сенусерта III и двух-трех ничтожных обрывков литературного содержания, здесь оказалось много деловых бумаг частного характера: списки членов семейств, вроде современных листков для прописок и переписей, может быть, для фискальных целей, завещания, условия с рабочими, списки чиновников, их жалованья. Далее идут письма чиновников и отношения, большею частью по мелочным поводам. Стиль и форма их уже были точно выработаны. Попадаются и дружеские письма. Все эти 77 папирусов только отчасти могут претендовать на место среди литературных памятников, но они не лишены значения для знакомства с литературными традициями и особенно важны как источники египетского права и произведения египетской науки, также развившейся в это классическое время египетской культуры.

Тексты саркофагов: Birch, Egyptian Texts from the coffin of Amamu. Lond., 1886. Lacau, Sarcophages antérieures au Nouvel Empire (XI и XXXIII тома Каирского Catal. Géneral). Его же, Textes religieux. Rec. d. trav. 26—31. Тураев, Из истории Книги Мертвых. Зап. клас. отд. Арх. общ. III. Blackman, Some religious Texts. Aeg. Z. 47. Schack-Schackenburg, Das Buch von den zwei Wegen. Lpz., 1903. *Издания и переводы литературных памятников*: [Сводные работы по египетской литературе, в том числе и эпохи Среднего царства: Б. А. Тураев, Египетская литература, 1920; Ad. Erman, Die Literatur der Aegypter. Leipzig, 1923; G. Roeder, Altaegyptische Märchen, 1926; A. M. Blackman, Middlegyptian stories, 1932]. Erman, Gesprüch eines Lebensmüden mit seiner Seele. Abhandl. Берл. акад., 1896. Die Märchen d. papyrus Westcar. Mitteil. Oriental. Samml. K. Museen V—VI. Gardiner, Die klagen des Bauern. Die Erzählung des Sinuhe. (4 и 5 т. Hieratische Papyrus Берл. муз.), 1908—9. Maspero, Les memoires de Senouhit. Bl. d'Études I. 1908. Griffith, The Petrie hieratic Papyri from Kahun, 1902. Gardiner, Admonitions of an egyptian Sage. Golénischeff, Le papyrus № 1115 de l'Ermitage, Rec. de tr. 28.





ГИКСОСЫ

После XII династии Манефон говорит о 361 царях двух следующих династий (Фиванской и из Ксоиса в Дельте), продолжительность которых в различных экцерптах передана различно в пределах (вместе) от 637 до 937 лет. В Туринском папирусе сохранилось в соответствующем месте более 80 царствований. Кроме того скарабеи и другие современные памятники дали еще около 25 имен, может быть, соответствующих потерянным в Туринском папирусе. Между тем, добытые астрономическим путем даты оставляют для времени между 7-м годом Сенусерта III (около XX в.) и началом XVIII дин. (около 1590 г.) всего не более трех столетий. Выйти из этого затруднения, отступив для первой даты на один период Сотиса выше и таким образом увеличив промежуток между датами на 1460 лет, невозможно, так как от такого громадного периода должно было бы остаться несравненно больше памятников, да и самый характер культуры должен был бы за время почти в два тысячелетия измениться гораздо больше. Между тем, у нас от этого времени ничтожные остатки, и первые памятники Нового царства по характеру непосредственно примыкают к последним памятникам XII дин. Если мы всмотримся в Туринский список, то прежде всего заметим, что у его составителя было стремление заносить все имена, которые за это время попали в царские анналы. Годы царствований, где они сохранились, не превышают 13 лет, и для 34 царей с сохранившимися датами — около 100 лет. Далее — не менее чем в пяти местах список прерывается обычным указанием на начало нового царского рода. Часто цари носят совсем не царские имена; один раз вместо имени царя стоит Нехси «негр» (имя нередкое, во всяком случае не обозначение национальности) и указывается, что он царствовал всего 3 дня; другой раз — Мер-Меша, «командир солдат». Многие цари не успели себе составить тронного имени, некоторые называют своих родителей, как «отец бога и мать царя», но не царями. Очевидно, государство переживало упадок центральной власти и бывало свидетелем узурпаций и революций. Возможно, что огромное число фараонов объясняется из того, что одновременно появились самостоятельные претенденты в различных областях. Первые цари по своим именам примыкают к XII дин. и владеют всем Египтом. Здесь еще несколько царей с именами Аменемхет или с обычными при XII дин. тронными именами Схотепибра, Ниматра. Последнее имя принял, напр., фараон, носивший странное имя Хинджер; визирь его Амениссенеб, засвидетельствованный в одной эрмитажной надписи, оставил в Абидосе текст, рассказывающий о данном ему царем поручении ревизовать храм и наблюдать за ним. Потом идет ряд Себекхотепов, оставивших кое-какие памятники. Имена их указывают на

связь с Фаюмом и его богом Собком. Этот ряд также не сплошной. Так, между прочим, сын простого — Неферхотеп — сел на престол после Себекхотепа II и оставил по себе многочисленные следы на юге Египта и в Нубии. Между прочим, он также, подобно Сенусерту III и Хинджеру, заботился об абидосском храме. Отчет об этом дошел до нас в большой надписи из этого города. Здесь, следуя традиционной манере, царь держит речь к своим приближенным: «Мое сердце желает видеть древние писания Атума... я хочу познать бога в его образе, чтобы изваять его, согласно тому прототипу, который боги установили на своем совете»... Царя повели в библиотеку и показали книги, после чего он послал в Абидос изваять, согласно им, статую Осириса, а потом и сам пошел и участвовал в мистериях и поставил пограничные камни в некрополе для воспрещения входа в него. От второго преемника его, Себекхотепа IV, до нас дошло несколько статуй из Дельты и одна найдена на о. Арко, южнее третьего порога Нила, вероятно, перенесенная туда из Северной Нубии.

После него опять наступило время ослабления, может быть, распадения и упадка; начиная с Себекхотепа, у нас нет никаких сведений о следующих царях XIII династии, зато Манефон (у Иосифа Флавия) сообщает нам следующее: «Неизвестно, за что прогневался на нас бог: явились с востока неожиданно люди неизвестного γένος ἄσημοι (может быть, низкого) происхождения. Дерзко пошли они против нашей страны и легко покорили ее без битвы. Одолев князей страны, они беспощадно сожгли города и разрушили храмы. Со всеми туземцами они обращались крайне неприязненно: одних убивали, других с женами и детьми обращали в рабство. Наконец, одного из своей среды они сделали царем; он назывался Салитис. Он прибыл в Мемфис, наложил подати на Верхнюю и Нижнюю страны и поместил гарнизоны в наиболее удобных местах. Более всего он укрепил восточную границу, ибо боялся нападения могущественных тогда ассириян. Найдя в Сефроитском номе, к востоку от Бубастидского русла Нила, удобно расположенный город Аварис, получивший это название от древнего мифа, он населил его и сильно укрепил и поместил там гарнизон из 240 тыс. тяжеловооруженных. Сюда приходил он летом, частью чтобы раздавать хлеб и жалованье, частью чтобы упражнять войска для отражения внешних опасностей. Он царствовал 19 лет и умер; после него сидел другой царь Бнон 44 года, за ним Апахнан — 36 лет, потом Апофис — 61 год, Ианн — 50 лет, потом Ассис — 49 лет. Это были их первые правители, которые постоянно воевали и стремились всячески искоренить Египет. Весь народ их называл ὕκσως, что значит «цари-пастухи»; ведь υκ иероглифически значит «царь», а σως—«пастух» и «пастухи» на народном языке; сложенное дает ὕκσως. Некоторые говорят, будто они были арабы. В другой рукописи словом υκ называются не цари, а наоборот — пленные, пастухи — ведь по-египетски υκ и ακ с придыханием значит «пленные». Это мне кажется более вероятным и более согласным с древней историей». — Далее говорится об изгнании их, а в эксцерптах Африкана его данные приводятся в такой форме: «15-я династия пастухов. Они были финикияне, иноземные цари, взявшие Мемфис и основавшие город в Сефроитском номе, опираясь на который владели египтянами». Дальше идет перечень уже известных нам шести царей, имена которых приводятся в несколько иной форме, а даты — те же. Этот эксцерпт идет, конечно, из того же источника, что и Иосифов, но еврейский историк привел его полностью, желая, как мы увидим ниже, привести его в связь с еврейским исходом.

Это повествование, столь непохожее по стилю на сухой перечень царей и династий Манефона, до сих пор остается единственным связным повествованием о погроме египетского Среднего царства так наз. *гиксосами*. Сам Манефон называет их пришедшим с востока народом «невидного происхождения». Мнение, будто они арабы или финикияне, — домыслы географов птолемеевского времени, а может быть более поздних, для которых Восток был населен семитами — арабами или хананеями; может быть, здесь играло роль и созвучие: египетское Фенеху означало в близкое к изгнанию гиксосов время азиатского варвара. Этимология «цари-пастухи»

или «пленные пастухи» — глоссы досужего читателя манефоновского творения, который несколько был знаком с египетским языком, но не заметил несообразностей, вытекающих из его соображений: весь народ должен называться «цари-пастухи», или сам себя народ называет «пленные». Вероятно к Манефону восходит приведенное у Африкана «иностранные цари». До нас дошло несколько памятников этого времени, между прочим от царей Хиана (может быть соответствует Ианну) и трех Апопи (вероятно, Апахнану и Апофису), и некоторое число скарабеев, между прочим царей Якобхера и Анатхера; цари часто называют себя на скарабеях: хик-хасут, — царь иноземцев — может быть, «царь стран» — это, вероятно, и есть прототип «гиксос». Впоследствии это имя в устах изгнавших их фараонов XVIII дин. перешло на весь народ. Но что это были за «иноземцы»? Кажется, не было в древности народа, с которым не старались бы их отожествить. Более всего стояли за семитическое происхождение пришельцев. Несомненно, что среди гиксосов было много семитов, и они даже играли роль; несколько царей их (Якобхер и Анатхер) носят семитические имена, в Каирском музее есть саркофаг одного приближенного царя Апопи, носившего семитическое имя «Абд» («слуга»); есть и другие указания (напр., имена пленных, взятых во время изгнания гиксосов). Но какой семитический народ в то время был настолько силен, чтобы покорить Египет и удержать его? Какое племя могло выставить 240 тыс. солдат для одной только крепости? Дело может итти только или о крупном народе, или о союзе племен, передвигавшихся на новые поселения, или, наконец, о могущественной империи, завоевавшей Египет. Недостаточное знакомство наше с историей Азии этого времени пока не дает нам возможности итти дальше простых предположений. Не были ли это амореи, завладевшие за 4 столетия до этого вавилонским престолом и впоследствии оказавшиеся центром отпора и египетских завоеваний? Были попытки связать гиксосов с касситами, покорившими около того же времени Вавилонию, с хеттами, представительницей которых тогда была месопотамская держава Митанни, захватившая одно время Ниневию и Вавилон, и т. п. Среди имен царей-гиксосов, как переданных нам Манефоном, так и известных из туземных памятников, есть имена и несемитические, пока не поддающиеся (кроме, конечно, уже чисто египетского Апопи) толкованию. Во главе движения, вероятно, был народ не семитический, но значительный контингент завоевателей составляли семиты, хананейско-аморейского происхождения, бродившие в это время в Сирии, а частью и вошедшие в состав митаннийской державы. И иудейское, и христианское, и мусульманское предания склонны относить к этому времени поселение евреев в Египте. Синкелл называет Апопи фараоном Иосифа, мусульмане считают таковым Ианна. Это возможно хронологически. Переселения в Египет бывали нередки, а при чужеземной династии, среди царей которой находились такие, как Якобхер («Яков доволен»), могли быть особенно удобны.

Объединить под своей властью прочно весь Египет, уничтожив везде туземных князей, не удалось и гиксосам. 58-й фараон от конца XII дин., Нехси («негр»), равно как и его отец, царствовали, как их вассалы: они чтили бога гиксосов Сетха танисского и аварийского; в Танисе найден камень из постройки, посвященной этому богу, а в Леонтополе — статуя Нехси, в подписи на которой он именует себя «возлюбленным Сетхом г. Авариса» — это и означало их вассальные отношения к тем царям, для которых Аварис был столицей, а ее бог — покровителем. XIV династия, о 76 царях которой говорит Манефон, названа у него ксоитской, по имени г. Ксоиса в Дельте — это были эфемерные местные князья, от которых совершенно не сохранилось памятников и которые были современны гиксосам. Одновременно с этим и в Фивах появляется новая XVII династия. Наконец, и сами гиксосы не были солидарны — весьма вероятно, что многочисленные царские имена их принадлежат и местным князьям, отпавшим от фараонов. Центром их был гор. Хатуар; кроме того Фл. Петри обнаружил их укрепленный лагерь вблизи Илиополя; здесь он нашел гробницы эпохи между XII и XVII дин., на что указывают многочисленные скарабеи этого

времени, большей частью довольно варварского вида, с именами царей, относимых к гиксосам.

Надпись, найденная В. С. Голенищевым в Стабель-Антаре, содержит, между прочим, похвальбу царицы XVIII дин. Хатшепсут, что ей пришлось реставрировать в Египте много храмов, «ибо в северной стране сидели азиаты в Аварисе и иноземцы среди них, разрушая все. Они царствовали, не ведая бога Ра». Это до известной степени подтверждает слова Манефона о насильственном характере правления гиксосов, по крайней мере при завоевании и в первое время. И египетское предание знало о них, как о нечестивцах, прокаженных, злодеях-азиатах, не почитавших Ра и кланявшихся Сутеху. Эта форма имени Сетха в последующие эпохи обыкновенно прилагалась к богам азиатских пантеонов — семитского и хеттского — и обозначала в переводе на египетский лад Ваала, Тишуба и т. п. Возможно, что это сближение произошло уже при гиксосах, и мы видим их царей усердно чтущими Сетха в Тинисе и в своей столице Аварисе. Основание храма Сетха в Тинисе сделалось даже как будто исходным пунктом особой местной храмовой эры: одна из надписей Рамсеса II, найденная в Тинисе, датирована 400-м годом фараона Нубти-Сетха, может быть, бога Сетха, а может быть действительно какого-то царя гиксоса, Нубти. Во всяком случае это приведет нас в начало XVII века. Вероятно, и заметка в книге Числ (13, 23) об основании Хеврона за 7 лет до Тиниса имеет в виду эту же эру. Почитание Сетха уже указывает на приспособление пришельцев к Египту; из последующего мы убеждаемся, что они действительно мало-по-малу подчинились культурному воздействию Египта, и в дошедших до нас памятниках выступают настоящими фараонами, принимая, вопреки Хатшепсут, даже тронные имена, сложенные с именем бога Ра; напр., Хиан назвал себя Свесер-ни-Ра и т. д. Хиан властвовал над всем Египтом; его знали за пределами долины Нила; его скарабеи найдены в развалинах палестинского Гезера; на Крите, в Кносском дворце среди микенских древностей Ewans нашел алебастровую пластинку с картушем: «бог благой Свесернира, сын Ра-Хиан». В своей титулатуре он употреблял, между прочим, эпитет: «объемлющий страны» — что-то вроде притязания на всемирное владычество. Не менее важна находка в Багдаде небольшого каменного льва с картушем Хиана. М. Мюллер полагает, что он попал в Багдад, будучи доставлен по Евфрату, а потом, может быть, по каналу или по суше с севера, может быть, из Кархемиша, где он был поставлен Хианом на северной границе своего царства, в состав которого входила таким образом вся Сирия. Он думает, что основание Авариса на границе Египта и Азии указывает на центральное положение этого оплота царей между двумя половинами государства. Наконец, за большой объем царства гиксосов говорит, по мнению М. Мюллера, и быстрое распространение завоеваний царей XVIII дин. в Азии — они шли по проторенной дороге и подчиняли провинции, зависевшие от изгнанных ими предшественников. Если это так, то эпоха гиксосов имела важное культурное значение — она впервые слила в один политический организм Египет с областями передне-азиатской цивилизации и пододвинула его границы не только к семитам, но и к третьему племени Древнего Востока — хеттам.

Как долго владели гиксосы? Африкан и Иосиф Флавий, по Манефону, говорят о двух династиях их с 511 годами; третья была низвергнута фиванскими фараонами. Евсевий, также передавая Манефона, говорит только о 103 годах одной династии. Последняя дата (прибл. 1700—1590) представляется наиболее вероятною — для громадных цифр Африкана у нас нет ни места, ни памятников. К концу господства гиксосов уже вошли в силу национальные фараоны в Фивах, которые под знаменем бога Амона освободили страну. Кажется, новая фиванская династия началась опять Иниотефами и, вероятно, к этому времени относится найденный Петри в Копте указ одного из них о смещении местного номарха, может быть, скомпрометировавшего себя в сношениях с гиксосами. Туземное предание в дошедшем до нас от эпохи Рамессидов обрывке папируса (Sallier I) рассказывает в стиле восточных сказок о сношениях

фиванского царя Секеннира III с его современником Апопи Океннира (интересно сходство вторых имен — вассал подражал сюзерену):

«Случилось, когда земля египетская была под властью прокаженных, и не было владыки-царя, но царь Секеннира был правителем в граде юга — в Фивах, а прокаженные города азиатов имели князем Апопи в Аварисе. Приносила ему вся страна все свои произведения. Царь Апопи избрал своим богом Сутеха и не кланялся никакому другому богу египетскому. Он выстроил ему храм прекрасной работы и вставал ежедневно, чтобы приносить жертвы... вельможи присутствовали при этом с гирляндами, как это делается в храме Ра-Харма-хиса»... Далее рассказывается, что, посоветовавшись с приближенными, Апопи отправляет в Фивы посольство, требуя, чтобы Секеннира прогнал гиппопотамов, шум которых слышен на севере и мешает Апопи спать. Не получив ответа, Апопи посылает вторичное посольство, обещаясь в случае успеха принять культ бога Амона-Ра. Секеннира в затруднении — его советники не могут ему ничего сказать «ни дурного, ни хорошего». Апопи посылает третье посольство.

На этом обрывается папирус. Вероятно, он рассказывал дальше, как эти странные сношения были прерваны, и началась война, окончившаяся изгнанием гиксосов. О самом же изгнании Иосиф Флавий приводит из псевдо-Манефона следующее: «после этого (511 лет) цари Фиваиды и прочего Египта восстали против пастухов и между ними возгорелась большая и продолжительная война. При царе, имя которому Мисфрагмуфосис, пастухи были побеждены им, изгнаны из всего Египта и заперты в местности, имевшей в окружности 10 тыс. арур. Имя этой местности Аварис. Пастухи окружили его большой и крепкой стеной, чтобы иметь в безопасности все имущество и добычу. Сын же Мисфрагмуфосиса, Фуфмосис, осадив стены с 480 тыс. солдат, захотел взять их силой. Но, отчаявшись в исходе осады, заключил договор, чтобы, оставив Египет, они шли куда угодно, без вреда. Они согласились, и со всеми семьями и имуществом, в количестве не менее 240 тыс., ушли из Египта в Сирию чрез пустыню. Боясь же могущества ассириян, они выстроили в стране, теперь называемой Иудеей, город, достаточный для стольких людей, и назвали его Иерусалимом». Этот отрывок довольно характерен для знакомства с взглядами позднего времени на египетское прошлое. Очевидно, что гиксосов смешивали с евреями, которых при Птолемеях в Египте было слишком много и которые не пользовались там расположением народа; их исход сопоставили с изгнанием ненавистных поработителей. С другой стороны, последнее смешивали с азиатскими походами великого воителя Тутмоса III и осаду Авариса — с делом у Мегиддо, где действительно имела место капитуляция на условии свободного выхода. Как в действительности обстояло дело при изгнании гиксосов, об этом у нас, к счастью, есть современное свидетельство участника похода, адмирала Яхмоса, начертанное в виде автобиографии в его гробнице в Эль-Кабе (Нехебте). Он называет себя сыном Бабы, «офицера при царе Секеннира», и происходил из местных владетелей, род которых, кажется, восходит ко времени XIII дин. и которые к этому времени сделались богатыми и влиятельными номархами в стиле современников XII династии. Примкнув во-время к фиванским фараонам, они обеспечили себе будущность, и благодаря этому остались как пережиток номархов в эпоху Нового царства. Яхмос сопровождал фараона Яхмоса на корабле «Телец», затем был переведен в северный флот, а во время осады Авариса следовал в пехоте за царем, сидевшим на колеснице. За храбрость его перевели на корабль «Сияющий в Мемфисе», и ему пришлось сражаться на каналах и озерах, окружавших Аварис. Осада длилась долго; Яхмос рассказывает о своих подвигах личной храбрости во время ее и о наградах: он получал в рабы пленников, которых он захватывал, а также «золото храбрости» — род ордена. Аварис был взят, гиксосы бежали в Сирию, фараон следовал за ними. Шесть лет пришлось употребить на осаду ближайшего опорного пункта их — Шарухена в Южной Палестине. Из надписи другого одноименного деятеля этой эпохи, эль-кабского номарха Яхмоса, называемого Пен-нехебт, мы узнаем,

что, взяв Шарухен, царь Яхмос прошел дальше, до самой Финикии включительно, подчиняя себе, вероятно, владения гиксосов. Об этом свидетельствует и надпись на имеющемся в бывшей коллекции В. С. Голенищева наконечнике копья, отбитого «во время побед на Востоке». Эти известия доказывают, что фараон Яхмос только сделал последний шаг в деле освобождения Египта. Уже из самого названия корабля «Сияющий в Мемфисе» видно, что этот город находился тогда во владении фараона, и что оставалось изгнать гиксосов из восточного угла Дельты. Адмирал говорит, что его отец был офицером при фараоне Секеннира III, том самом, о котором говорит папирус Sallier, как о современнике гиксоса Апопи. Вероятно при нем началась освободительная война; мумия его оказалась в ужасном виде: она покрыта страшными ранами и плохо набальзамирована. Очевидно, он пал в битве. Таким образом, Египет освободился благодаря усилиям, по крайней мере, двух поколений; возникновение же новой фиванской династии должно восходить еще дальше; это видно уже из того, что фараон Секеннира был третьим этого имени. Яхмос-освободитель начал собою новую XVIII дин., которая также у Манефона и в науке считается фиванской. Несомненно, Фивы были ее резиденцией; что касается происхождения, то пока трудно сказать что-либо, имена царей Яхмос («бог луны родил его»), Тутмос («Тот родил его») как будто указывают на Ермополь. — При гиксосах продолжали процветать египетское искусство и литература. Знаменитый математический папирус датирован 33-м годом Апопи II; от этого же царя дошел до нас хранящийся в Берлинском музее письменный прибор, пожалованный им писцу Ату. К эпохе гиксосов относится и известный нам папирус Весткар. Написанный несколько позже медицинский папирус Эберса не мог быть составлен, если бы эпоха гиксосов была временем перерыва и застоя. Наконец, сохранившаяся нижняя часть колоссальной статуи Хиана и найденные в гробнице царя Камоса (предшественник Яхмоса) золотые барки принадлежат к лучшим произведениям египетского искусства. Скарабеи Хиана также выгодно выделяются из оставленных гиксосами. Важным наследством гиксосов были лошади и колесницы, которых египтяне Среднего царства не знали. Имя лошади в египетском языке семитическое. Таким образом, появляется конница и, вместе с тем, новая грань между сословиями.

Fl. Petrie, Hyksos and Israelite cities. L., 1906 (раскопки форта около Илиополя). Pieper, Die Könige Aegyptens zwischen d. mittleren und d. neuen Reich. Berl., 1904 (перечень и порядок царей и хронология). Max Müller, Die Hyksos in Aegypten und Asien., 1898. Heyes, Bibel und Aegypten. Münster, 1904. Spiegelberg, Der Aufenthalt Israels in Aegypten. Strassburg, 1904. Sethe, Neue Spuren der Hyksos. Äg. Zeitschr. 47 (1910). Maspero, L'ostrakon Carnarvon et le pap. Prisse. Rec. de trav. т. 31 (Война Фив с севером при царе XVII дин. Камосе). Weill, Les Hyksôs et la restauration nationale. Journ. Asiatique XVI (1910)—остроумная попытка историко-литературного исследования сказаний о гиксосах. Автор считает их частями цикла легенд о начале фиванского Нового царства; мотив нашествия варваров на Дельту — литературный и едва ли передает исторический факт; с XVIII дин. вошло в обычай по всякому царствующему фараону применять в его торжественной биографии мотивы изгнания им азиатов, отчего и освободителями называются многие фараоны, до Рамсеса III включительно. Впоследствии, в IV в., эти сказания были использованы историками, вставлявшими исход евреев в рамки египетской истории. Сами евреи остановились на версии, в которой враги назывались гиксосами; их противники предпочли «антисемитскую» версию, в которой говорилось об изгнании прокаженных.





ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ЕГИПЕТСКОЕ ПРЕОБЛАДАНИЕ

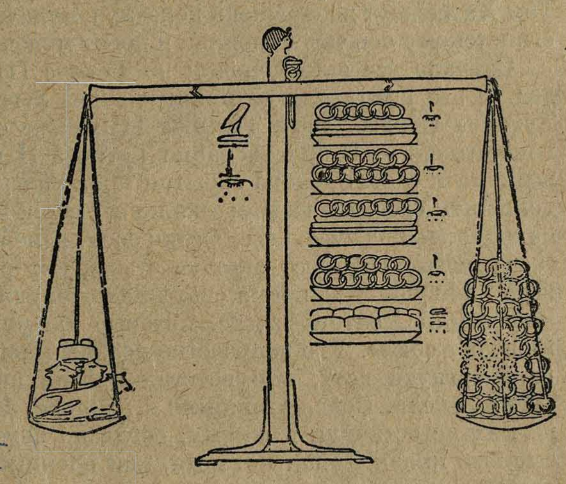
РАСЦВЕТ ЕГИПТА ПРИ ПЕРВЫХ ЦАРЯХ XVIII ДИНАСТИИ

Изгнав гиксосов из долины Нила, царь Яхмос обратился к югу, чтобы восстановить власть фараона в Нубии. Об этом повествует все та же надпись адмирала Яхмоса: «После того, как его величество истребил ментиу (азиаты), он отправился вверх против течения, в Нубию, чтобы истребить нубийцев; его величество произвел среди них большую резню, и я взял добычу там: двух пленных мужчин и три руки; наградили меня золотом сугубо и дали двух рабынь. И поехал его величество вниз по течению; сердце его расширялось вследствие могущества и победы. Он подчинил юг и север; явился враг с юга; приблизилась его участь и смерть, боги юга схватили его. Его величество застиг его при воде Тентаа и взял его в плен живым, и всех людей его как легкую добычу. И я взял 2 стрелков с корабля неприятельского, и дали мне 5 голов и 5 мер пахотной земли при моем городе, подобное же было сделано всему экипажу. И вот явился презренный враг, по имени Тети-ан, он собрал себе злодеев. Его величество убил его и рабов его, и они были уничтожены. Мне дали три головы и 5 мер земли у моего города». Повидимому этот Тети-ан — египтянин-бунтовщик, отголосок смутного времени раздробления. Возможно, что он объединил вокруг себя недовольные элементы, для которых царь, опирающийся на войско, был опасен. Попытка окончилась неудачей, и с этих пор Египет сделался надолго централизованной военной державой. Попытка Тети-ана не была единичной — адмирал Яхмос говорит еще об одной, случившейся несколько раньше, также на юге, и заставившей прервать осаду Авариса.

Кроме военных предприятий, царь Яхмос деятельно занимался восстановлением храмов. В каменоломнях Масары найдена надпись с упоминанием о ремонте храма Пта в Мемфисе и Амона в Фивах. При работах он пользовался быками, отбитыми у «Фенеху» (гиксосов). Столицей Яхмоса и его ближайших преемников были Фивы, которые благодаря этому увеличились и украсились. В Карнаке он оставил пышную надпись, где между прочим говорит о себе как о победителе народов: «азиаты подходят со страхом и стоят на его судилище; его меч проникает в Нубию, его страх на земле Фенеху; страх пред его величеством в земле нашей подобен внушаемому богом Мином». В фиванском некрополе, в небольшой пирамиде, Яхмос был погребен; он правил более 20 лет. Египтяне до последних времен своей истории сохраняли культ этого царя-освободителя, а его жена Яхмос Нефертирит потом чтилась как богиня

фиванского некрополя. Преемником его был сын его Аменхотеп I. Из надписи адмирала Яхмоса мы узнаем о походе этого царя, предпринятом с завоевательными целями («чтобы расширить границы Египта») в Нубию; Яхмос здесь опять отличается и награждается. Из надписи другого современника, тоже Яхмоса, известна война Аменхотепа I с аму-кехак (ливийцами), следовательно соседями Египта с третьей стороны. Вероятно, он воевал и в Азии — сведений у нас об этом пока нет, но известно, что уже в это время собиралась дань с Нубии: некто Хармин в своей посмертной автобиографии хвалится, что он собирал дань для царя в Вавате ежегодно и что всегда вес ее оказывался правильным.

Аменхотеп умер бездетным, родных братьев (сыновей Яхмоса I и царицы Нефертирит) у него также не было. Поэтому престол перешел к его сестре Яхмос. Ее выдали за Тутмоса, сына Яхмоса I от одной из других (второстепенных) жен Сенисенеб: этот Тутмос (I) немедленно объявил себя фараоном и разослал во все концы манифест о своей коронации. С него началась династическая путаница, в которой лишь в недавнее время удалось разобраться.


Египетские весы.

В первые годы своего правления он совершал походы в Нубию, о чем свидетельствует надпись все того же адмирала Яхмоса. Царь доходил здесь дальше трех нильских порогов. В Томбе была выстроена крепость, развалины которой сохранились до сих пор, а на скале высечена торжественная победная надпись (от 2-го года царствования), в которой царь объявляет себя владыкой вселенной. Окончательное покорение Нубии заставило дать новой провинции организацию, и мы при XVIII дин. впервые встречаем наместника с титулом «царевич южных стран», потом «царевич земли Куш».

Окончив дела на юге, Тутмос I обратился на север; он совершил поход в Азию, дошел до Евфрата, и у переправы через эту реку, у города Нии, поставил свои победные пограничные столбы. Египтяне были очень смущены непривычным для них видом реки, текущей на юг; так как у них «плыть по течению» означало «плыть на север», то они говорили про Евфрат, что это такая река, по которой «плывя по течению, плывешь против течения». Оба Яхмоса участвовали в азиатском походе. Адмирал на этот раз говорит: «я стоял во главе наших войск, и его величество видел мою храбрость. Я взял в плен колесницу, коней и всадника и представил его величеству. Наградили меня золотом сугубо». Это был последний подвиг старого служаки; вскоре его похоронили в гробнице, «которую», — говорит он, — «я сам себе приготовил».

Дети Тутмоса от первой и главной жены, царицы Яхмос, все умерли еще до смерти матери, кроме одной, царевны Хатшепсут; от другой жены, Мутнофрет, Тутмос I имел сына Тутмоса (II), а от третьей, Исиды — другого сына, также Тутмоса (III); последний женился на Хатшепсут; он был жрецом Амона. Тутмос I был царем лишь в силу своего брака с царицей Яхмос; потому, когда она умерла, он с формальной точки зрения терял право на престол, который должен был перейти к Хатшепсут и ее мужу. Этот переход совершился в довольно оригинальной форме. Во время одного праздника Тутмос I, все еще в качестве царя, принес жертву перед изображением Амона, и в торжественной процессии кадил перед этим изображением, которое несли

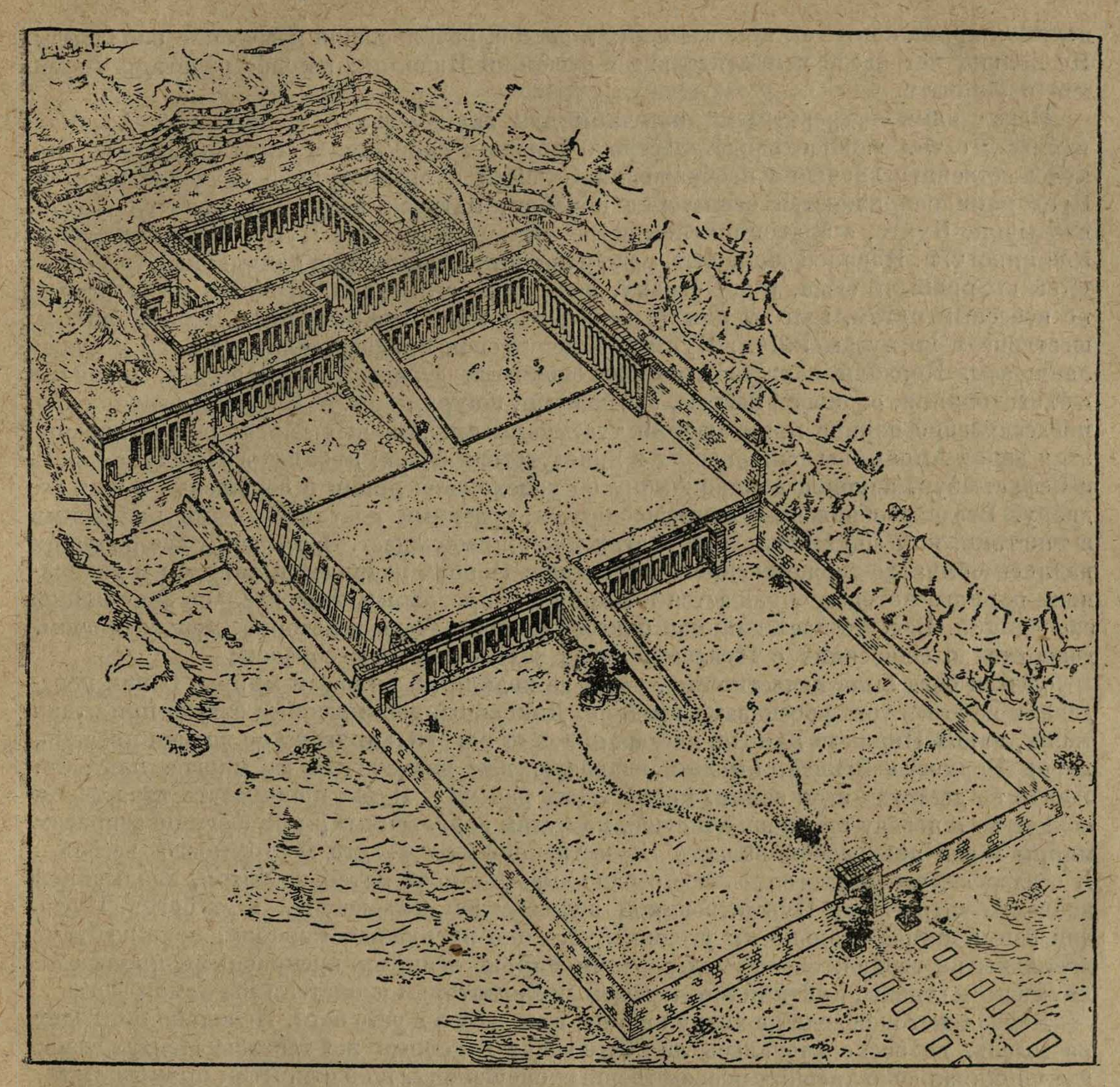
жрецы. Вдруг Амон остановился перед Тутмосом (III), сыном царя, и заявил, что царство по праву принадлежит ему. Результатом этой ловкой проделки жрецов Амона было то, что Тутмос I должен был отказаться от престола, который перешел к Хатшепсут и ее мужу, Тутмосу III Мин-Хепру-Ра.

Последний, однако, был не из числа людей, способных подчиняться, и не хотел царствовать под опекой жены. Начались трения и нелады. На стороне Тутмоса III было войско и отчасти жрецы, на стороне его жены — интеллектуальные силы Египта; наиболее видными ее приверженцами были визирь и верховный жрец Амона Хапусенеб, назначенный главным жрецом всего Египта, архитекторы Инени и Тути, полководец Нехси и архитектор Сен-Мут, воспитатель ее дочери Нефру-Ра; до нашего времени сохранилась полученная им, как знак отличия, базальтовая статуя, изображающая его с маленькой царевной на коленях. Следы вражды между Тутмосом и его женой видны на тех изображениях, где была представлена Хатшепсут: ее фигура и имя почти всегда стерты и сохранились лишь на весьма немногих памятниках. Там Хатшепсут изображена нередко в мужской одежде, иногда даже с подьязанной по египетскому обычаю бородкой и носит мужское имя, как фараон Макара Хнум-Амон.

Сначала все шло хорошо; но Тутмос III не допустил жену до государственных дел, и это возмутило ее приверженцев легитимистов; ее партия выдвинула против Тутмоса III его брата Тутмоса II и даже отца Тутмоса I. Тутмос III должен был покориться. — В царствование Тутмоса II вспыхнуло восстание в Нубии; царь его подавил и в честь этого события поставил в Ассуане интересную надпись: «пришли доложить его величеству: «жалкая страна Куш склоняется к восстанию; те, которые находились под властью владыки обеих земель, думают о бунте; египетские уроженцы (колонисты) загоняют скот за стены, которые выстроил твой отец, царь Тутмос I, вечно живущий, во время своих походов для преграды мятежным народам, нубийцам Ину земли Хентинофр; те, которые живут там, на самой жалкой земле Куш, заключают союз». Его величество послал многочисленное войско в Нубию, чтобы ниспровергнуть всех, кто восстал против него и преступил относительно владыки обеих земель. Войско прибыло к жалкому Кушу; оно повергло этих врагов; никого из них не оставили в живых, согласно повелению его величества, кроме одного из сыновей князя Куша, который, как пленный, был доставлен в резиденцию его величества и положен у ног его».

Через непродолжительное время Тутмос I умер; за ним вскоре последовал Тутмос II, успев совершить поход в Сирию, и процарствовав всего два года. Оба они были похоронены в пещерах скал Бибан-эль-молук, где хоронились потом и другие цари XVIII династии; впоследствии, при XX династии, гробницы эти были ограблены и при XXI династии царские мумии перенесены в колодцеобразные гробницы Дейр-эль-Бахри и в другие места.

После смерти своих соперников Тутмос III снова начал править, на этот раз уже вместе с женой; это продолжалось до смерти Хатшепсут. В это время царица послала экспедицию в страну Пунт, главным образом для потребностей Амонова храма. Таким образом были возобновлены прерванные во время смут и иноземного владычества сношения с дальним югом; тогда нужные для культа бога благовония шли чрез Нубию, так что даже соединились с представлением об этой стране. Изображения этой экспедиции, чрезвычайно интересные, находятся в воздвигнутом Хатшепсут замечательном храме в честь Амона и Хатор в западной части фиванской местности, ныне Дейр-эль-Бахри. Храм этот воспроизводил в более великолепном виде прежний, построенный царем XI дин. Ментухотепом II (VI), также отправлявшим экспедицию в Пунт, в качестве погребального храма и в честь местной богини Хатор. Он был выстроен на террасах со внешней колоннадой и должен был, как некоторые полагают, изображать террасы земли Пунт, где среди благовоний обитали боги; деревья этой страны, испускавшие смолу «анти» (мирру), были доставлены экспедицией и посажены у храма, чтобы создать для бога его привычную обстановку,



Храм Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри.

«устроить Пунт в Египте». Здесь на стенах царица изобразила свое чудесное зачатие и рождение, применив к себе традиционный царский цикл этих изображений, свою коронацию и все подробности экспедиции, с ее кораблями, матросами, речными и морскими рыбами, встречей ее в Пунте князем этой страны Параху, его невероятно тучной женой и детьми, его вельможами; здесь же свайные постройки жителей Сомалийского берега, деревья, которые несут с корнями на корабли, обезьяны и продукты Пунта. Здесь же удостоились небывалой почести и сподвижники царицы, может быть, вдохновители экспедиции — Сенмут, Нехси и Тути: они тоже были изображены. Надписи, сопровождающие изображения и поясняющие его, также чрезвычайно интересны: здесь и разговоры матросов, и речи пунтян, и речи царицы, и похвалы ей, история экспедиции... К сожалению, все это трижды страдало: от Тутмоса III, преследовавшего память царицы и уничтожавшего имена и изображения, от Аменофиса IV, уничтожавшего имена Амона, и от поселившихся в раз-

валинах храма коптских христианских монахов, разбивавших языческие барельефы. Несколько лет здесь вел деятельные раскопки Навилль; раньше работали Дюмихен и Мариэтт.

Перед нами — древнейший источник для знакомства с тропической Африкой и вместе с тем важное свидетельство о морских сношениях египтян. Неоспоримо художественное значение изображений, отчасти и литературное значение текстов. Пред нами снаряжаются египетские корабли; матросы беседуют, молятся Хатор, владычице Пунта, о благоприятном ветре. Затем прибытие в Пунт; интересны типы, одеяния и т. п. Надписи сообщают, между прочим, восклицания удивленных туземцев: «Как вы прибыли сюда, в эту страну, неведомую египтянам? Пришли ли вы, сойдя по небесным путям, или вы плыли по воде, по морю Божественной Земли? Или вы шествовали по путям Ра?»... Пунтийцы несут свои произведения: на фоне местный ландшафт. Корабли нагружаются благовонными деревьями с корнями, мешками с благовониями, слоновой костью, обезьянами, шкурами и т. п. Следует возвращение, представление царице приехавшими туземцами привезенных даров, пожертвование этих даров Амону, взвешиванье их в приступствии богов: нубийского Дедуна, Тота и Сефхет-абуи, наконец доклад Амону об успехе экспедиции и сообщение о том же двору. Везде изображения сопровождаются краткими пояснительными надписями и текстами, но в двух последних частях текст преобладает. Здесь даны две больших надписи обычного торжественного характера. Первая начинается титулом и величанием царицы, которая обращается к Амону с вопрошением относительно задуманной экспедиции. Бог отвечает длинной благосклонной речью, в которой, между прочим, говорится о сношениях с Пунтом прежде и теперь таким образом:

«Земля бога была недостижима, люди не ходили по террасам мирры. О них передавали из уст в уста рассказами предков. Диковины, доставленные оттуда при отцах твоих, царях Нижнего Египта, доставлялись от одного к другому со времен предков, царей Верхнего Египта, бывших издревле, как возмещение за многие платежи. Никто не достигал этой земли, кроме твоих рабочих. Я дал проникнуть туда твоим солдатам, я поведу их по воде и суше, по путям сокровенным, я пробегу по террасам мирры — это прекрасная область Божественной Земли, это место моего веселия. Я создал ее, чтобы увеселить мое сердце вместе с моей матерью Хатор, владычицей диадемы, владычицей Пунта, великой волшебством, владычицей всех богов. Пусть они берут мирры сколько им угодно, пусть они нагружают корабли, пока не будут довольны их сердца, свежими деревьями мирры, всякими прекрасными произведениями этой страны, пунтийцами, неведомыми египтянам «копателями» Земли Бога»...

Далее текст переходит в хвалу царице, влагаемую в уста бога. Невольно приходит на мысль, не воспользовалась ли Хатшепсут подобным же текстом Ментухотепа, где упоминалось о древних посредственных сношениях, и об открытии прямого пути, и о царях-предках? Но все это не может итти дальше предположений.

Вторая надпись датирована 9-м годом и открывается обычным образом. Царь (т. е. царица) восседает на троне в зале аудиенций, окруженный придворными и сановниками. Он произносит длинную речь о том, что он исполнил свое желание сделать угодное Амону и оставить память в потомстве — а именно — совершить славное дело снаряжения экспедиции в Пунт за его произведениями, чтобы «исследовать туда пути, изучить его пределы, открыть горные пути». Все это исполнено: «я извещаю вас, что я повиновалась приказавшему мне... устроить для него Пунт внутри его дома, посадив деревья Божественной Земли по обе стороны его храма пред его озером, согласно его повелению»... От последней части надписи, содержавшей ответ двора, сохранилась лишь одна строка. Подобие Пунта в Египте — храм на террасах с насажденными деревьями — было впрочем, может быть, устроено и при Ментухотепе; царица и здесь только восстановила и расширила это древнее устройство, также она действительно возобновила сношения с дальним югом, пришедшие в упадок за времена после XII династии.

Хатшепсут умерла гораздо раньше своего мужа; после ее смерти не оставалось уже более потомства по мужской или женской линии царя Яхмоса I, и Тутмос III продолжал править без всяких препятствий, удовлетворив свою месть к памяти жены, не допускавшей его до дел, не только истреблением ее изображений и имен, но и преследованием памяти ее сподвижников — Сенмута и Тути. Он теперь обратился на север и стал предпринимать походы в Сирию, которая после Тутмоса I, в эпоху египетских династических смут, возвратила себе независимость, а за нею росло могущество хеттов.

Во главе коалиции против Египта стал аморейский царь города Кадеша (на р. Оронте); в союзе с ним были разные города и цари Сирии и, без сомнения, могущественное тогда Митанни; но южно-палестинские города, боясь египтян, остались, повидимому, верны Тутмосу III. Он начал поход на Сирию в 22-й год своего правления (считая от первого вступления на престол); о его сирийских победах рассказывают анналы, начертанные на стенах в Карнакском храме Амона и представляющие извлечения из подробных летописей, помещенных в храмовую библиотеку, о чем говорится определенно следующим образом:

«Все, что сделал его величество относительно города, относительно этого негодного врага-князя и его жалкого войска — увековечено в дневных записях под именем (соответствующего дня), под именем соответствующего похода. Этого слишком много, чтобы увековечить письмом в этой надписи — оно уже увековечено на кожаном свитке в храме Амона доныне».

По счастливой случайности, нам известен даже автор этих «анналов», что вообще до крайности редко в египетской литературе. В Шейх-абд-эль-Курна есть гробница вельможи, современника Тутмоса III, «царского писца» Танини, который изображен на стенах ее записывающим рекрутов, скот, подати и т. п. Он носит почетные титулы и говорит между прочим: «я следовал за благим богом, царем правды. Я видел победы царя, одержанные им во всех странах, когда он пленял князей финикийских и уводил их в Египет, когда он грабил все города их и срезал деревья их, и никакая страна не могла устоять против него. Я увековечил победы, одержанные им во всех странах, на письме, сообразно совершенному»... Конечно, не может подлежать сомнению, что перед нами действительный автор летописи царских походов, может быть, не всех и не с самого их начала, так как мы встречаем его еще при Тутмосе IV исполняющим важные поручения.

То, чем мы располагаем, — это извлечение, сделанное из этих летописей кем-либо из храмового персонала. Для автора извлечения самое интересное были списки дани и ее цифры; по большей части он ими и ограничивается, да и то не всегда, не желая «быть многословным». Так, напр., он далеко не всегда находит нужным упомянуть, что фараон после похода возвратился в Египет и там принял дары или дань Пунта и других африканцев — он упоминает об этой дани большей частью непосредственно после дани азиатов, и может показаться, что африканские народы носили свои дары в Азию, к предгорьям Ливана и на берега Евфрата. Но, к счастью, нередко он оживляет свою сухую «статистическую таблицу» выдержками из повествовательной части труда Танини; так, история первого похода, кажется, целиком без сокращений заимствована из подлинной летописи до взятия Мегиддо; при описании 5-го похода опять даются интересные подробности о взятии городов в Финикии и о попойках солдат в богатом Араде, под восьмым походом — о постановке пограничного камня на Евфрате и т. п. Таким образом мы имеем полную возможность судить о стиле и характере египетских официальных летописей. Приводим начало, заимствованное, как мы сказали, в подлинном виде из труда Танини.

«Повелел его величество озаботиться увековечением побед, дарованных ему отцом его Амоном, на камне в храме, построенном его величеством отцу своему Амону, чтобы записать походы по именам их и добычу, принесенную его величеством во время их, дары всех стран, дарованные ему отцом его Ра. Год 22-й, месяц 4-й второго времени

года, 25-й день. (Прошел его величество крепость) Джару в своем первом победоносном походе, (чтобы отразить преступающих) границы Египта (силой, победой, могуществом). Многие годы раньше эта страна была в смятении, все были подданными пред (князьями, которые были в Аварисе?). Когда наступили другие времена, войска, которые раньше были там, оказались в городе Шарухан. Теперь они от Ирацы до края света были склонны возмутиться против его величества.

Год 23-й, первый месяц 3-го времени, 4-й день. Праздник коронации. (Прибытие) в город владения государя; имя его — Газа Сирийская.

Год 23-й, первый месяц первого времени, 5-й день. Отбытие из этого места в силе, в победе, в могуществе, в правогласии, чтобы ниспровергнуть того жалкого врага, чтобы расширить пределы Египта; согласно тому, как повелел отец его Амон-Ра победу, он получил ее.

Год 23-й, день 6-й. К городу Ихме. Повелел его величество иметь совет с победоносными войсками, говоря: «тот жалкий враг (князь) Кадеша идет и входит в Мегиддо. Он уже там в данное время. Он соединил около себя князей всех стран, бывших в египетском подданстве, и (тех, которые) до Нахарины, из... Сирии, Коди, коней их, солдат их, людей их, ибо он сказал: «я восстал, чтобы сражаться с его величеством в Мегиддо». Говорите мне, что у вас на сердце». Сказали они пред его величеством: «чему подобно шествие по этой дороге, которая суживается и относительно которой донесли: враги стоят там вне; их (?) много. Разве там не идет лошадь за лошадью и солдаты за людьми также? Не будет ли наш авангард сражаться, когда наш ариергард еще стоит в Ааруна, и не может сражаться? Ведь существуют две дороги: одна дорога — она для всех нас удобна — выходит к Таанназу, другая — к пути к северу от Джефти, и мы выйдем к северу от Мегиддо. Пусть наш победоносный господин шествует по превосходному сердцу своему и не заставит нас итти по той тяжелой дороге». Были принесены вести относительно того убогого врага, но не было доложено о том плане (его), о котором они говорили раньше. Было сказано величеством Двора: «клянусь любовью Ра, похвалой отца моего Амона, тем, что мои ноздри обновляются жизнью и благоденствием, — я пойду по пути Ааруны. Пусть кто хочет из вас, идет по путям, о которых вы говорите, а кто хочет из вас — пусть следует за моим величеством. Да не подумает кто из врагов, ненавидимых Ра: разве не пошел его величество по другой дороге. Он начинает бояться нас, — так они подумают». Отвечали они его величеству: «да сделает отец твой Амон, владыка престолов обеих земель, владыка Карнака, по сердцу твоему. Вот мы следуем за твоим величеством всюду, куда бы ты ни пошел, как рабы за господином».

Его величество повелел пред лицом всего войска: «пусть каждый из вас примет свое мужество на этой дороге, которая суживается».

Его величество поклялся, говоря: «не позволю я, чтобы мое храброе войско пошло пред моим величеством по этому месту». Его величество решил в своем сердце сам итти впереди своих солдат, указывая каждому своим шествием, где лошадь за лошадью. Его величество был впереди своего войска.

Год 23-й, первый месяц третьего времени, день 9-й. Пробуждение в жизни, здравии, благополучии в царской палатке у города Ааруны. Шествие на север со стороны его величества под отцом его Амоном-Ра, владыкой престолов обеих земель, который открывает пред ним пути, а Хармахис укрепляет сердце его победоносного войска. Отец его Амон дает победу его оружию, а Гор (?) магическую охрану его величеству.

Когда его величество пошел во главе своего войска, снабженный многочисленными...(?), он не нашел ни одного врага. Южное крыло его было у Таанната, северное — на южном поле у долины Кина. Его величество возгласил на этой дороге... «Вот этот жалкий враг»... «Воздавайте ему хвалу (вероятно Амону), величайте силу его величества, ибо высока сила его, больше всех богов». Вот он охраняет ариергард войска его величества в Ааруне. Ариергард победоносного войска его величества был у города Ааруны, авангард вышел к долине Кины; они овладели входом в

долину. Сказали пред его величеством: «его величество шествует со своим победоносным войском, которое овладело долиной. Да послушает нас господин наш сегодня, да сохранит нам господин наш ариергард своего войска с людьми его. Пусть ариергард войска зайдет нам в тыл, и мы будем сражаться с этими азиатами, не думая о том, что сзади наших солдат». Его величество остановился вне и расположился там, оберегая ариергад своего войска. Ариергард пехоты (?) вышел на эту дорогу. Переместилась тень (т. е. прошел полдень). Его величество достиг юга Мегиддо на берегу потока Кины. Был 7-й час обращения солнца. Разбили там лагерь его величества. Объявили всему войску: «готовьтесь, вооружайтесь, приближается битва с этим жалким врагом — завтра»... Обходил караул войска, говоря: «будьте мужественны, будьте мужественны! Бодрствуйте, бодрствуйте!» Бодрствовали в палатке царя. Пошли сказать его величеству: «пустыня благополучна. Войска юга и севера также»...

На другой день произошла битва, окончившаяся полной победой египтян; неприятель заперся в Мегиддо, но эта крепость скоро сдалась. Анналы говорят о добыче, взятой египтянами в битве: 340 человек пленными, более 900 колесниц, более 2 000 лошадей, царское имущество и множество скота. После этой победы, царю без боя стали сдаваться сирийские города. Затем царь покорил города Южного Ливана, выстроил там крепость и назвал ее «Минхеппера, прогонитель гиксосов», ставя таким образом, как и в начале летописи, свои походы в тесную связь с освободительными войнами. «Прогонитель гиксосов» (Хика-Ха-сут) было частью его официального титула, и теперь нам понятен псевдо-Манефон с его Мисфрагмуфосисом (Минхеппера-Тутмос), как освободителем Египта. На следующий год он снова предпринял поход в Сирию с таким же успехом. Эти походы сделали египетского царя гегемоном тогдашнего мира. К нему пришли почетные посольства с дарами от ассирийского и вавилонского царей.

После этих двух сирийских походов последовал ряд других, о которых мы узнаем из анналов Карнакского храма и из надписи египетского вельможи Аменемхеба, найденной Эберсом в его гробнице в Абд-эль-Курна. Мы упомянем здесь лишь о самых важных походах. В пятом походе, на 29-м году правления, Тутмос поразил страну Джахи (Финикия), один царь был взят в плен, города Тунип и Арад были ограблены — в окрестностях Арада были выжжены поля и вырублены рощи, а в самом городе египетские солдаты «каждый день были пьяны и умащены маслом, как во время праздников в Египте» — повествуют анналы.

На 30-м году был VI поход против земли Ретенну, а затем против Кадеша и финикийского города Симиры. В Кадеше царь захватил в плен несколько неприятельских кавалерийских офицеров, мараинов (арамейское «мар-на», господин наш).

На 33-м году (VIII поход) Тутмос III совершил поход в Джахи (Финикию), а оттуда — в страну Нахарин; так семиты, а за ними египтяне называли Митанни, страну между Евфратом, Балихом и морем. «Нахарин» значит «область рек» — Месопотамия. Здесь у переправы через Евфрат, около города Нии, Тутмос III велел поставить победные пограничные камни, рядом с теми, которые были поставлены Тутмосом I. Прислали дары Вавилон и хетты. Надпись Аменемхеба сообщает также, что в Сирии царь охотился на слонов.

На 35-м году Тутмос победил около города Араины царя великой державы Митанни. В 17-м походе (42-й год) были снова опустошены финикийские города (между прочим Ирката, Кана) и снова взяты Тунип и Кадеш, хотя царь Кадеша сумел одно время возбудить замешательство в самом египетском войске. К войнам в Сирии относится также интересный исторический роман поздней редакции, повествующий о взятии Иоппии (Яффа) египетским генералом Тути, одноименным с архитектором. Этот Тути будто бы вызвал царя Иоппии и его солдат к себе в лагерь для переговоров, там напоил их допьяна. Тем временем он велел посадить 100 египетских солдат в громадные горшки из-под вина и отнести эти горшки в город, — якобы добычу царя

города. Конечно, в городе содержимое этих горшков напало на неприятеля, и Иоппия была взята. Нельзя не усмотреть в этом сказании мотива, общего с «Троянским конем».

17 походов, совершенных Тутмосом III в Сирию, имели своим последствием то, что эта страна перестала думать о сопротивлении. Египет сделался первым государством в мире; к царскому двору отовсюду стекались громадные богатства. Дары приносились также островами Средиземного моря — Кипром, Критом и другими. Кипр называется в египетских текстах Алаши (Элисса библии?). Крит и острова Эгейского моря носят название «Кефтиу». На фиванской гробнице визиря Тутмоса III, Рехмира, изображены Кефтиу, как представители запада (представителями севера — семиты, юга — негры и востока — нубийцы и жители Пунта). Семиты изображены с медведем, слоном и лошадьми.



Статуя Тутмоса III.

Теперь фараон мог бесконечно строить храмы: все боги были предметом его благочестивых забот, в особенности же Амон. Строительная деятельность Тутмоса была очень велика, сооруженные им храмы разбросаны по всему Египту. Ради потребностей храмов была снова снаряжена экспедиция в Пунт, Та-нутер («Земля богов»), как при Хатшепсут; оттуда и из Сирии в Египет привозились местные растения, преимущественно благовония, и делались попытки их акклиматизирования.

Культ Амона получил при Тутмосе III особенно широкое распространение. Завоевания, совершенные царем, символически преподносились этому богу; сохранился даже победный гимн, рассказывающий о милостях Амона к царю, как владыке вселенной. Этот гимн является как бы поэтическим текстом к изображениям четырех стран света, несущих дары в египетскую столицу; он послужил образцом для других более поздних произведений этого рода и занимает видное место в египетской поэзии:

«Речь Амона-Ра, владыки Фив:

«Ты пришел ко мне, ты ликуешь, созерцая мою красоту, мой сын, мой отмститель, Минхеппера, вечно живущий. Я сияю ради любви к тебе, мое сердце радуется твоему прекрасному пришествию к моему храму. Мои руки обнимают тебя... Я дал тебе силу и победу над всеми странами; я распространил твою славу повсюду, страх пред тобой до четырех столпов неба... Я связал для тебя нубийцев десятками тысяч, азиатов — сотнями тысяч и поверг твоих врагов под твои сандалии... Земля в длину и ширину, на запад и восток подвластна тебе... Ты прошел воду великого изгиба Месопотамии с победой и силой. Я дал им услыхать твой крик, и они скрылись в пещеры, и я лишил их ноздри дыхания жизни. Я посеял страх пред твоим величеством в их сердца. Змея твоей короны сокрушает их, берет в плен жителей Коди, пожирает обитателей болот

своим пламенем. Сняты головы азиатов, от них никого не осталось, повергнуты дети князей их. Я дал твоим победам пройти все страны. Я сделал бессильными вторгающихся — сердца их горят, а члены трясутся. Я явился и дал тебе поразить князей финикийских, я поверг их под ноги тебе на высотах их. Я дал им видеть тебя, как владыку сияния, ты осветил лица их, подобно моему образу. Я пришел и дал тебе покорить азиатов и дал им видеть тебя во всеоружии, когда ты хватаешь оружие на военной колеснице. Я пришел и дал тебе покорить восток. Ты попрал обитателей земли божественной (востока). Я дал им видеть твое величество подобным звезде, предвещающей бурю, когда она пускает пламя и дождь. Я пришел и дал тебе покорить запад. Кефтиу и Кипр в страхе: я дал им увидеть твое величество подобным юному тельцу, твердому сердцем, крепкому рогами и неприступному. Я пришел и дал тебе покорить обитателей болот; Митанни трепещет от ужаса: я дал им увидать твое величество подобным крокодилу, виновнику ужаса в воде, к которому опасно приближаться. Я пришел и дал тебе поразить обитателей островов; живущие при Средиземном море под впечатлением твоего рычания: я дал им увидать твое величество, как отмстителя. Я поставил тебя царем, мой возлюбленный сын, Гор, могучий телец, сияющий в Фивах, рожденный мною, Тутмос, вечно».

Эта ода, послужившая образцом для последующих произведений этого рода, не говорит о мирной стороне деятельности царя, едва ли менее важной и необходимой для его огромного государства. Молчат о ней современные ему памятники, и только из намека одного из отдаленных преемников, взявшего за образец деятельность Тутмоса III, мы узнаем, что этот царь, совершавший почти ежегодные походы против внешних врагов, предпринимал почти каждый год, по возвращении из Азии, экспедиции против внутренних неприятелей — недобросовестных чиновников. Во время Карнакского праздника он объезжал на своем корабле Египет и производил ревизии местной администрации, решал тяжбы и т. п. Заботы его о внутреннем управлении, правосудии и порядке видны также из длинной речи, влагаемой ему в уста в надписи на гробнице визиря Рехмира, который изобразил церемонию своего поставления и привел известные нам ритуальные речи царя и его инструкции, восходящие к Среднему царству. Здесь же другой длинный текст, в котором Рехмира рассказывает о своей деятельности и перечисляет свои функции. Этот текст также был традиционный и стереотипный: он известен из гробниц еще двух визирей — предшественника и преемника Рехмира. Он изображает нам, вероятно, довольно точно деятельность визиря и этой эпохи, за тем однако исключением, что сложность условий всемирной империи вызвала теперь необходимость разделить визират между двумя лицами: один заведывал к югу от Сиута и жил в Фивах, другой — к северу от этого города и имел резиденцией большей частью Илиополь. Надпись эта знакомит нас лучше всяких рассуждений с деятельностью руководителя египетской государственной машины, а потому мы приводим ее полностью с необходимыми сокращениями, заставляя таким образом самого Рехмира рассказать нам о своих функциях.

«Визирь, слушая в своей зале, при всяком акте, должен сидеть на седалище. На полу должен быть ковер, за спиной его подушка, подушка — под ногами, в руках палка, 40 кожаных свитков (вероятно, свод законов) — развернуты пред ним. Вельможи юга стоят пред ним, по обе стороны, начальник кабинета справа, докладчик — слева, секретари рядом... все на своих местах. Каждый должен быть выслушан по очереди... Когда кто-либо скажет: «нет никого предо мной», он должен быть представлен курьером визирю. Визирю должно быть доложено и закрытие присутственного места в такой-то час, и об открытии его. Ему докладывается и о крепостях юга и севера. Ему докладывается и обо всем, выходящем из царского дома, и обо всем, входящем туда, ибо все это входит и выходит через его курьера. Ему докладывают о своей деятельности столоначальники. Затем он должен итти на совет к царю... Он должен войти к фараону раньше главного казначея, который должен ожидать у северного фасада. Затем главный казначей встречает его и докладывает: «все твои дела в порядке

и благополучны: мне доложили ответственные лица, что дом царя в порядке и благополучии; все во дворе благополучно; ответственные лица доложили мне о закрытии и открытии присутственных мест в назначенное время». Когда оба сановника доложат друг другу, визирь посылает открыть все двери царского дома, чтобы все могли входить и выходить с ведома его курьера, который должен распоряжаться, чтобы все это было записано... Когда к нему обращается проситель по поводу земельных отношений, он должен послать к нему курьера, сверх слушания дела у поземельного инспектора уездного совета. Он должен постановить решение в два месяца для земли севера или юга, но для земли вблизи столицы и двора — в 4 дня, согласно закону, он должен выслушивать каждого просителя согласно закону, который у него в руках. Он призывает местных чиновников и рассылает их; они докладывают ему относительно своих участков. К нему поступает каждое завещание, и он прикладывает к нему свою печать. Он заведует во всех областях участками земли. Когда какой-либо проситель скажет: «наша граница не установлена», следует расследовать, что находится под печатью чиновника, и взять то, что взял местный совет, нарушивший границу. Всякая просьба должна быть изложена письменно; не дозволяется просить устно. Всякое прошение на имя царя должно быть подано визирю. Визирь отправляет каждого курьера из дома царя к комендантам и сельским старшинам. Они должны докладывать ему обо всем, что случилось, в первый день каждого четырехмесячного периода; они должны представлять ему, вместе с своим поместным советом, письменный доклад. Он набирает войска и заведует царской охраной во время путешествий. Он составляет гарнизон южной столицы и двора, согласно распоряжениям царского дома. Заведующий царским столом и военный совет являются к нему, чтобы получить инструкции об управлении войском. Все чиновники, с первого до последнего, являются в залу визиря, чтобы спросить его совета. Он посылает рубить деревья, согласно распоряжению царского дома. Он посылает чиновников заботиться о водоснабжении во всей стране... Ему докладывается обо всем, о состоянии южной крепости и о всяком аресте... Он выслушивает дела, касающиеся всех номов... Он рассылает военных и гражданских чиновников для царской администрации. Документы номов хранятся в его зале. Он выслушивает относительно всех земель. Он установляет границы каждого нома, полей, храмовые доходы и контракты. Он принимает документы о залогах и выслушивает жалобы. От него исходят все назначения для залы суда... Он составляет списки всех быков... Он наблюдает за каналами в первый день каждой декады. Коменданты, старшины и все люди доставляют ему свои подати. Уездные начальники и столоначальники докладывают ему все тяжбы... Они должны докладывать каждый месяц, чтобы контролировать подать... Он заведует наблюдением выхода Сириуса и поднятия Нила. Ему докладывают о высоте Нила... Ему представляют отчет все служащие на флоте с высших до низших. Он скрепляет указы. Всякий доклад представляется ему привратником судебной залы».

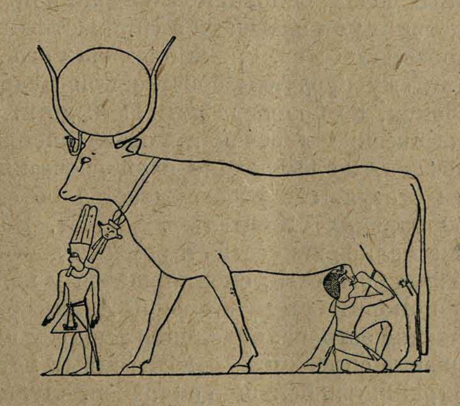
Этот текст иллюстрируется прекрасными изображениями, представляющими нам Рехмира при исполнении различных функций его всеобъемлющей деятельности. Мы видим его заседающим в своей «зале» и принимающим просителей, видим чиновников Верхнего Египта приносящими повинности; здесь же приводится список по номам должностных лиц от Элефантины до Сиута; повинности перечислены в фунтах золота, серебра, в ящиках полотна, быках, зерне, меди и т. д. Далее идет приемка доходов Амонова храма, тоже находившаяся под контролем визиря; в числе поступлений упоминаются произведения Пунта. Рехмира заведывал и ремесленниками Амонова храма, приготовлявшими его утварь из металлов, добытых Тутмосом в Азии; он наблюдал за скульптурными и строительными работами в храме; в числе рабочих между прочим изображены плинтоделатели — пленные семиты. Наконец, здесь же наиболее интересное в культурном отношении изображение дани уже известных нам представителей подвластных Египту четырех стран света. Подобные изображения теперь попадаются неоднократно. Фивы привыкли видеть на своих улицах народы всего

известного тогда мира с их произведениями и в их костюмах. Они являлись сюда и как данники и как купцы. На одной из гробниц, напр., изображен финикийский корабль, прибывший с товарами в пристань египетского города.

Тутмос III умер на 54-м году царствования (1501—1447). Ему наследовал его сын Аменхотеп II. Конечно, при вести о смерти Тутмоса, Сирия взбунтовалась, но Аменхотеп II быстро усмирил ее, дойдя до Евфрата и Нии; семь вождей восстания были взяты в плен и принесены в жертву Амону; трупы их были повешены на стенах Фив и Напаты, где у 4-го порога была теперь граница государства; об этом повествуют надписи в Карнаке и в Амада (в Нубии). Аменемхеб был назначен при этом царе главнокомандующим. Аменхотеп II царствовал до 1420 года. Как и другие Тутмосиды, он был погребен в Biban-el-moluk; его мумия найдена в 1898 г. и оставлена на месте в гробнице. Аменхотепу II наследовал его сын, Тутмос IV, который удачно воевал в Азии и в Нубии, рубил кедры на Ливане и поселил в Фивах пленных из Гезера в Сирии.

В его время уже начинаются мирные сношения с азиатскими царями. Он был женат на дочери царя Митанни Артатамы и вступил в дружественные регулярные сношения с вавилонским царем Караиндашем. Он царствовал недолго (до 1412); ему наследовал его сын Аменхотеп III.

Sethe, Aegyptische Urkunden d. XVIII Dyn. Berl., 1906—9. 4 т. (Новое, тщательно проверенное издание текстов). Sethe, Die Thronwirren unter den Nachfolgern Königs Thutmosis I, 1896. Breasted, A new chapter in the life of Thutmose III. Leipz., 1900 (в Untersuchungen Зете). Dümichen, Die Flotte einer ägyptischen Königin. Leipz., 1868. Naville, The temple of Deir el Bahari. 6 томов серии Egypt Exploration Fund., 1894—1908. Davies, The Tomb of Hatshopsitou, 1906. Здесь, во введении статьи Навилля о царствовании Хатшепсут, в ней история преемников Тутмоса I изложена несогласно со взглядами Зете и Брестеда. Bissing, v., Die Statistische Tafel von Karnak. Leipz., 1897. Virey, Le tombeau du Rekhmara, prefet de Thèbes sous la XVIII dyn. Paris, 1889. Sept tombeaux de la 18 dynastie. Paris, 1891. (Оба труда в V томе Memoires d. l. Mission au Caire).





АМЕНХОТЕП III

Аменхотеп III (Ἀμένωφις) царствовал долго и спокойно: Сирия, покоренная походами предшествующих царей, не пыталась восставать против царя Египта; с азиатскими государствами — Митанни, Вавилоном, Ассирией — он был в мирных отношениях, вступал с их царями в родственные отношения, посылал им и сам получал от них дары; что же касается юга, то на 5-м году правления Аменхотепа III туда был предпринят увенчавшийся полным успехом единственный поход этого фараона. Кажется, об этом походе повествует плохо сохранившаяся надпись в Бубасте. Она по стилю напоминает карнакские анналы Тутмоса III: и здесь военный совет, речь царя, выступление в день коронации и т. п. Спокойные времена позволили царю усиленно заняться его любимым делом — постройками храмов и иных сооружений; ему принадлежат, между прочим, знаменитые Мемноновы колоссы в Фивах и сфинксы, находящиеся на набережной в Ленинграде. Ближайшим его помощником в строительной деятельности был архитектор Аменхотеп, сын Хапу, память о котором очень долго сохранялась в Египте, как о великом мудреце. Впоследствии он был причислен к богам, и Иосиф Флавий приводит цитату из Манефона, где этот Аменхотеп выставляется советником царя в духовных делах, виновником изгнания прокаженных, автором пророчества о грядущих бедствиях; он называется «причастным божественного естества, вследствие мудрости и прозорливости». Греки называли его Аменофисом, сыном Паапия, и даже приписывали ему продукты собственной мудрости: в Дейр-эль-Бахри найден известковый остракон, по палеографии III в. до н. э., с греческим текстом, содержащим в себе гномические изречения, озаглавленные Ἀμενώθου ὑποθῆκαι — изречения, якобы Аменофиса, но выдающие свой греческий характер. В Карнаке найдена посвященная им статуя, где рассказывается об его служебной карьере и заслугах по исполнению царских строительных работ. Вообще, как архитектура, так и скульптура, а также мелкое искусство и ремесла достигли в это время высокой степени изящества. Большие богатства, скоплявшиеся у подножья фиванского бога, расширение кругозора у покорителей культурной Азии, обширные торговые сношения, захватывавшие греческие острова, обусловили подъем вкуса, разнообразие художественных форм, увеличение спроса и художественных потребностей.

От Аменхотепа III сохранились большие скарабеи, служившие ему как бы памятными медалями по поводу разных выдающихся событий; так, на них говорится о его женитьбе на Тии (она была первой царицей, хотя и происходила из простого звания), затем на дочери царя Митанни, Гилухипе; об охотах, которыми Аменхотеп III очень любил заниматься; скарабеи были приготовлены и в память торжественного открытия увеселительного озера в 3 700 локтей в честь Тии. Таким образом, царь делился с подданными сообщениями о своей личной жизни; его отношения к любимой Тии также



Колоннада храма в Дейр-эль-Бахри.



Колонный зал храма Аменемхета III в Луксоре.

совершенно необычны для восточного деспота. Он любил всюду выступать с нею, и в официальных текстах часто упоминал не только ее имя, но имена ее нетитулованных родителей Юя и Туя, гробницы и мумии которых в роскошной обстановке были найдены недавно Дэвисом среди царских могил. На скарабее-медали, раздававшейся по случаю бракосочетания с Тией, он говорил: «она жена могучего царя, южная граница которого — Кари, а северная — Нахарина (Месопотамия»). Таким образом, фараон уже не всесветный владыка, а рядом с ним существуют и другие цари: Нахарины (Митанни), Сеннаара (Вавилон), которые хотя и относятся к нему с почтением, но все же не подчинены ему; ему приходится называть их в письмах «братьями» и даже вступать с ними в брачные союзы. Едва ли мы ошибемся, если предположим в этом политическую подкладку: фараон, несмотря на все пышные фразы официальных текстов, сознавал, что удержание источника богатства — Сирии возможно только при условии хороших отношений с древним претендентом на эту область — Вавилоном и недавним — Митанни; последнее государство также дорожило связями с Египтом, имея в тылу развивающееся могущество хеттов. Сиро-палестинские князья, отчаявшись пока в возможности снова образовать сильный союз, могли для отвоевания свободы войти в соглашение с одной из великих азиатских держав, и из переписки в Телль-Амарне мы знаем, что они однажды обращались за этим к царю вавилонскому, но последний отклонил их предложение стать во главе враждебной Египту коалиции. Письма азиатских царей к фараону имеют большой культурно-исторический интерес, и мы приведем некоторые из них. (Заметим, что недавно в одной гробнице XIX дин. найдено изображение министерства иностранных дел, его канцелярии и архива).

Из документов независимых от Египта соседей остановимся прежде всего на письмах из Вавилона. Современником Аменхотепа III был касcит Караиндаш II, которому наследовал Кадашман-Харбе; далее идут Бурнабуриаш или Буррабуриаш I, Куригалу I.

До нас дошли два письма Аменхотепа III к Кадашман-Харбе, три письма последнего к Аменхотепу и одно письмо к нему Бурнабуриаша. Содержание их — переговоры о брачных союзах, о подарках и т. д. Аменхотеп хочет получить в свой гарем вавилонскую царевну. Кадашман-Харбе отвечает, что у него уже находится его сестра и он не знает ничего о ее судьбе. Вавилонские послы ее не видят и не узнали ее в той женщине, которую показывал им фараон. «Это дочь какого-нибудь нищего, какого-нибудь гагея или ханигальбатца, а то пожалуй из земли Угарит», — писал в досаде вавилонский царь, смотря сверху на других азиатских князей, не исключая царя великой державы Митанни (Ханигальбат), исконного врага и соперника по верховенству над Ассирией. Фараон жалуется на недобросовестность послов, которые лгут и не передают подарков, но намекает, что вавилонский царь хочет извлекать из родственных отношений материальные выгоды. На этот раз Аменхотеп считает не лишним подать ему урок и даже не сопровождает своего письма обычными подарками. Кадашман-Харбе жалуется на это и на то, что фараон слишком долго задержал его послов и даже не исполнил акта международной вежливости — не пригласил их на какой-то праздник (может быть, своего юбилея). Однако урок подействовал, и он без разговоров согласен отослать в Египет свою дочь. Но он и сам хочет получить царевну из Египта. На это фараон ответил коротко ссылкой на статью закона: «египетская царевна никому не может быть отдана». Тогда Кадашман-Харбе шлет следующее письмо:

«Ниммурии (Ниб-маат-Ра, тронное имя фараона), царю египетскому, моему брату, Кадашман-Харбе, царь Кардуниаша, твой брат. Привет твоему дому, твоим женам, всей твоей стране, твоим колесницам, твоим коням, твоим вельможам, большой привет. Ты, брат мой, не захотел за меня выдать твою дочь и ответил: «египетская царевна никогда никому не отдавалась». Почему так? Ведь, ты царь — и можешь поступать по желанию сердца, и, если ты ее выдашь, кто будет противоречить? Когда мне был сообщен ответ, я написал: есть много дочерей и красивых женщин; пришли мне одну из них; ведь кто скажет тогда: «это не царевна»? Но ты не прислал. Итак, не-

ужели таким ответом ты думаешь искать братства и дружбы и нашего сближения? Я именно и писал тебе о браке в видах упрочения братских и дружеских отношений. Почему же брат мой не прислал мне жены? Ведь ты действительно не прислал ее. Может быть, и мне поступить так же? Нет, у меня есть дочери: я готов отдать за тебя любую... Что касается золота, о котором я тебе писал, шли золота, много золота, еще раньше прибытия сюда твоего посла; пришли его теперь, как можно скорее, в эту жатву, или в месяц таммуз, или в абе; тогда я окончу работы, предпринятые мною (вероятно постройки)...

Если ты не пришлешь (к этому сроку денег), и я не буду в состоянии окончить работы, то для чего тебе тогда присылать? Для чего мне золото, когда я окончу ее? Если ты мне пришлешь тогда хоть 3 000 талантов, я не приму, отошлю назад и не выдам за тебя моей дочери»...

Этот ультиматум подействовал, и фараон, «узнав», что вавилонский царь «строит себе новые дома», прислал ему при письме подарки — ложе из драгоценного дерева, с украшениями из слоновой кости и золота, седалище из того же материала и т. д., обещаясь еще выслать «все, что окажется ценным в глазах посла», который доставит вавилонскую царевну.

От царя Митанни Тушратты дошло семь писем к Аменхотепу III, одно к царице Тии и две описи приданого его дочери Тадухипы. Одно из писем составлено на языке митанни и только в самое недавнее время прочтено, кажется, несколько более надежно, Борком. Уже давно известна была следующая надпись на одном «историческом» скарабее Аменхотепа III: «Год 10-й Аменхотепа (жена его Тии, ее отец Юя, ее мать Туя). Дивное событие с его величеством: дочь князя нахаринского Сатарны Гилухипа и лучшие из его жен 317». Ранее этих слов не понимали; их объяснило следующее письмо Тушратты к Аменхотепу III:

«Ниммурии, царю египетскому, моему брату. Тушратта, царь Митанни, твой брат. Мои дела идут хорошо. Привет тебе, привет моей сестре Гилухипе, привет твоему дому, твоим женам, твоим сыновьям, твоим вельможам, твоим винам, твоим коням, твоим колесницам и твоей стране, большой привет. Когда я вступил на престол моего отца, я был еще мал, и Тухи злое творил моей стране и убил своего господина. И посему он не допускал, чтобы я поддерживал дружбу с тем, кого я ценю. Я же, в виду его злодеяний, учиненных в моей стране, не медлил и казнил убийц Арташшумара, моего брата. Так как ты был хорош с моим отцом, то я послал тебе сказать, чтобы мой брат слышал об этом и был рад. Мой отец был в дружбе с тобой и ты, вероятно, любил его еще больше. И мой отец во имя этой любви отдал тебе мою сестру. И кто другой был так близок к моему отцу, как ты? А я подношу еще больше, чем мой брат — всю страну хеттов. Когда враги вторглись в мою страну, Тешуб, владыка, предал их в мои руки, и я разбил их; никого не было среди них, кто бы возвратился домой. Посылаю тебе боевую колесницу, двух коней, мальчика и девочку из военной хеттской добычи, а в подарок для моего брата — пять колесниц и пять упряжей. В подарок Гилухипе, моей сестре — пару золотых ожерелий, пару золотых серег... каменный сосуд с благовонным маслом. В качестве послов я отправил Гилию и Туниппиври; да отпустит их мой брат поскорее, чтобы я скорее услыхал привет моего брата и возрадовался. Пусть мой брат поддерживает дружбу со мной и направит ко мне послов, чтобы те принесли мне привет моего брата».

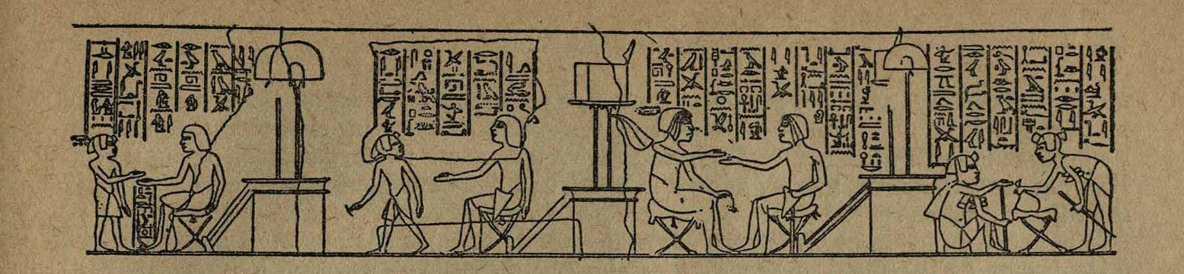
Таким образом, Тушратта, сын Сатарны и брат Гилухипы, старается поддержать дружественные отношения с Египтом, существовавшие при его отце, который отдал Аменхотепу в жены свою дочь. Тушратта потом также отдал свою дочь в Египет — вероятно, за Аменхотепа IV. Для царя Митанни было очень важно поддерживать дружбу с Египтом: его царству угрожали с севера — хетты, с востока его вассалы — ассирийцы; союзника приходилось искать на юге; притом оттуда же, с юга, шло золото, относительно которого у северных соседей Египта создалось представление, что ему в Египте нет конца; об этом свидетельствует следующее письмо Тушратты: «...я

теперь просил у моего брата золота и имел на это две причины: для карашка (может быть, гробницы) моего деда Артатамы и как подарок за невесту. Итак, пусть брат мой пришлет мне золота в весьма большом количестве, которого нельзя было бы и исчислить... ведь, в земле моего брата золота столько же, сколько и земли. Боги да устроят так, чтобы его было больше еще в десять раз... Если брат мой чего-либо желает для своего дома, я дам ему в десять раз больше, чем он требует, — пусть пишет и получит, ибо эта земля — его земля и этот дом — его дом». Аменхотеп прислал золото и подарки, но все напоминал об ускорении присылки Тадухипы. Тушратта тянул и в утонченно вежливых письмах выражал свое неудовольствие подарками. Так, он между прочим пишет следующее: «Мани, посол моего брата, явился снова за женой моего брата, госпожей Египта. Табличку, принесенную им, я прочитал, внял ее словам. И в высокой степени приятны были слова моего брата, как будто я видел его самого. Я весьма радовался в тот день, тот день и ночь были для меня радостны. Все слова моего брата я исполню. В этом же году отдам я жену моего брата, госпожу Египта, и отправлю ее к моему брату. В тот день соединятся Ханигальбат и Египет... Я собрал (всех смотреть подарки моего брата); они были запечатаны. Оказалось, что это не золото. Послы моего брата заплакали и сказали: ... да, это не золото, а между тем в Египте золота больше, чем песку, и твой брат любит тебя весьма»... В конце концов дело уладилось, и Тушратта отослал свою дочь с огромным приданым, опись которого была приложена. Был послан также какой-то волшебный предмет, чтобы фараон жил сто тысяч лет!

Пока был жив Аменхотеп III, престиж египетского царя стоял так высоко, что, как мы видели, вавилонский царь просил прислать ему хотя бы какую-нибудь женщину из Египта под видом царской дочери. Очевидно, в глазах его подданных родство с фараоном было высокой честью. Когда он заболел, Тушратта послал ему в Египет из Ниневии, которая тогда от него зависела, статую Истар, при следующем письме: «Так говорит Истар Ниневийская, владычица всех стран: «в Египет, в страну, которую я люблю, иду я». Я посылаю ее тебе, она отправилась. Уже во дни моего отца владычица ходила в эту землю, и как тогда ее чтили, так да почтит ее теперь мой брат в десять крат больше, и да отошлет и вернет ее в радости. Да сохранит Истар, владычица небесная, моего брата и меня на сто тысяч лет и да подаст она нам обоим великую радость. Да живем мы в добром согласии — Истар для меня — моя богиня, а для моего брата она не его божество».

Культурно-исторический интерес этого письма весьма велик, а факты, сообщаемые им, не стоят особняком. Очевидно, в Египте веровали в силу Истар, и последние строки имеют целью в вежливой форме предостеречь от присвоения идола. Однако, он не помог против болезни, и Аменхотеп III умер. Тушратта пишет тогда его преемнику: «никогда отец мой не отказывал мне ни в чем и не причинял мне скорби. Когда Ниммуриа последовал своей судьбе, об этом объявили, и я узнал; я плакал в тот день, сидел ночью, ничего не ел и сокрушался. О, если бы мой брат, любимый мною и любивший меня, был жив!»... И у египтян блестящий и благочестивый фараон был популярен и оставил настолько прочную память, что его именем даже назван месяц таменот, удержавший это название (для марта) и в христианское время. Еще в греко-римскую эпоху в Фаюме справляли культ Аменхотепа III под именем бога Прамарра.

Tylor, The temple of Amenhotep III. Fl. Petrie, Six temples in Thebes (раскопки у Мемноновых колоссов и погребального храма Аменхотепа III). В. В. Струве, Петербургские Сфинксы (Зап. класс. отд. И. Р. Археол. общ. VII, 1913). Davies, The tomb of Queen Tiyi. Lond., 1910 (великолепное издание с 35 таблицами). Sethe, Amenhotep, der Sohn des Hapu. Сборник Aegyptiaca в честь Эберса. Wilcken, Zur ägyptisch-hellenistischen Literatur (изречения Аменофиса, сына Паапия на греч. яз.) — там же. Rubenson, Pramarres, Aegypt. Zeitschrift, т. 42 (1905). Möller, D. Dekret d. Amenophis, Sohnes d. Hapu Sitzungsberichte Берл. академии, 1910. (Надпись из погребального храма, позднего происхождения).



СИРИЯ И ФИНИКИЯ ПОД ЕГИПЕТСКИМ ВЛАДЫЧЕСТВОМ

Азиатские владения фараонов XVIII дин. граничили на севере с царством Митанни, с которым при Аменхотепе III, по поводу брака с Тадухипой, произошло размежевание, упоминаемое неоднократно в письме на митаннийском языке, если верно его читает Борк. Из пограничных городов Харвухе отошел к Тушратте, Машрианне — к фараону, причем договор этот скреплен призванием Амона и Тешуба. Местоположение этих городов неизвестно; вероятно, они находились где-нибудь вблизи Евфрата. Вся страна от Месопотамии до Египта заключала в себе две области: Амурру и Ханаан (Кинахxи, Кинахни и т. п.). Первая примыкала к хеттским странам и была в значительной мере населена хеттским племенем. От собственно хеттской области семитическая часть Амурру отделялась цепью незначительных вассальных владений: Нугашше (к юго-зап. от Алеппо), Катна (вер. Кадеш на Оронте), Тунип и др. В Ханаан входила область от Бейрута к югу, но здесь границы не были точно обозначены.

По всей стране были разбросаны многочисленные города, скорее деревни в стенах или просто замки — «мигдолы» на горах, защищающие местность и часто изображаемые на египетских и ассирийских барельефах. Большие города — Иерусалим, Тир, Библ, Арад и др.; от них зависят меньшие, напр., Усу — береговое поселение Тира. Арад вместе со своими поселениями на берегу — Антарадом и Марафом — упоминается в египетских текстах часто во множественном числе. От Иерусалима зависел целый ряд поселений. Произведения страны, несмотря на множество городов, имеют сельский характер: ладан, древесное масло, мед, вино, олово, ляпис-лазури, малахит, быки, козы, пшеница приносятся в дань Тутмосу во время его походов. Плодородие Финикии особенно славилось: отсюда увозилось «зерна, как песку, а вино было в погребах, как потоки воды». Финикийские вина считались лучшими из сирийских и пользовались этой известностью еще в поздние времена античного мира. Пиво из Коди (у Исского разлива) было в Египте в большой славе. Медицинские папирусы упоминают о разных лекарственных растениях из Финикии, заупокойные —о смолах, употреблявшихся при бальзамировании. Финикийский лес играл в обиходе египтян большую роль и его истреблялись целые корабли. Слоновая кость также проходила через руки финикийских и кипрских данников: она могла получаться на Кипре из Африки, могла поступать из Месопотамии, где еще долго водились слоны. В анналах Тутмоса упоминаются и драгоценные металлические вазы с головами коз и львов «работы Джахи». Но в сущности, эти произведения не были характерны для Финикии, а являлись подражаниями островным. Письма из Телль-Амарны убеждают нас, что здесь сельские занятия занимали видное место. Риб-Адди библский то и дело говорит о

полях и посевах; он поставляет овец, продукты садоводства и вино. Деньги считались по вавилонской системе на мины и таланты. Абимильк посылает пять талантов меди в качестве дани. Риб-Адди платит Азиру 50 мин сер. за пойманных рабов и т. д. Как доказал Брандис, цифры дани в карнакских анналах переведены с вавилонских мер на египетские.

Во главе городов стоят туземные цари, как вассалы фараона. В данное время в Нухашше — Такува, Сарруиси, Ададнирара, в Катне — Акиззи, в Кинзи — Итакама, в Тире — Абимильк (Абимелех), в Библе — Риб-Адди, в Сидоне — Зимрида, в Акко — Зурата, потом Зататна и т. д. Как показывают уже сами имена — это туземцы, представители местных династий. Таким образом, Сирия по отношению к Египту не была провинцией в римском или даже в ассирийском смысле. Князьям была предоставлена свобода во внутреннем управлении и даже в сношениях между собой; они должны были только платить дань и не сноситься с другими, равноправными Египту, великими державами. По отношению к фараону, конечно, они были подданными и почти никогда не называют себя в письмах к нему «царями», их титул — «хазану», «комендант» или «амелу» — «человек». Так титулует их и фараон в официальных бумагах, напр: «amel Gubla», «человек библский». Говоря о третьем, в письмах фараону или в переписке между собою, иногда азиатские князья употребляют титул «шарру» — «царь». Вся земля считается «землей фараона» и князья — его ставленниками и доверенными. Так, царь Сидона пишет: «Сидон — рабыня царя, моего господина, ее он поручил в мои руки». Или один князь пишет другому: «береги города царя, твоего господина, которые он тебе доверил». Это «доверение» происходило по большей части следующим образом. Фараон намечал будущего наследника среди детей правящего князя. Об этом говорят и анналы Тутмоса III: «всякий раз, когда кто-либо из князей умирает, его величество назначает на его место его сына». Иногда наследника вместе с братьями брали в столицу и воспитывали при дворе. Этим достигалась двоякая цель: имели заложников для обеспечения повиновения и давали будущему вассалу соответствующее воспитание в желательном духе. Царевичей держали взаперти; упоминается даже в египетских текстах какой-то укрепленный дворец в восточной части Фив; М. Миллер полагает, что это и есть место их жительства. Впрочем, сами князья вспоминают без горечи о своей юности в Египте. Так, Ябитри, царь Газы, пишет: «когда я был мал, меня привезли в Египет; я служил царю, стоял у дверей царя, моего господина». Случалось, что царь задерживал наследника или послов. Тогда сам город просил, как это было в Тунипе: «мы просим у царя, нашего господина, сына Аки-Тишуба; да отдаст его нам наш господин. Ведь его отослал к нам царь Египта, почему же задержал его на пути царь, наш господин?» Конечно, бывали случаи и самовольного вступления на престол; нередки были и узурпации. Фараон, впрочем, мирился с ними, если дань выплачивалась с прежней исправностью. Символом вступления на престол было помазание на царство: на голову возливался елей. Тутмос III во время своих постоянных походов имел возможность часто делать это сам, и авторы телль-амарнских писем имели повод вспомнить о том, «как Манахбириа поставил моего деда царем и возлил ему на голову елей». Впоследствии новый царь посылал в Египет своего сына или другого почетного посла за елеем. Как бы ни были настроены вассалы относительно фараона и какова бы ни была степень их верности, выражения, в которых они к нему обращались, исполнены подобострастия, переходящего часто, как и все на Востоке, всякие границы. Самая обыкновенная формула: «царю, моему господину, моему богу (или моим богам), моему солнцу» получает разного рода распространения, напр.: «дыханию моей жизни» (из Сидона), или: «господину земель, царю страны, великому царю, царю брани» (из Библа) и т. д. Еще более разнообразны фразы князей о своей особе: «я, прах ног твоих, под сандалиями моего господина, земля, по которой ты ступаешь, подножие ног твоих, семь и семь раз падаю пред тобою ниц на землю, на грудь и спину». Или: «я слушаю слова моего господина, ибо кто, будучи собакой, не слушается?» и т. д.

Рядом с этой массой мелких династов сидят в Сирии и египетские чиновники. Об их роли, отношениях к князьям и иерархии сведения наши не особенно богаты. Мы знаем, что по крайней мере иногда посылались в Азию на правах вельмож-наместников «царские уполномоченные на севере и на островах Средиземного моря», каковым был, например, герой легенды о взятии Яффы — Тути; обыкновенно речь идет о «вестниках» в северные страны и офицерах, «инспекторах» северных стран, заведывавших главным образом поступлениями дани и царскими магазинами. Высшие из них носили титул «текану» — «наблюдатель»: они объезжали периодически страну и разбирали тяжбы между вассалами. Последние называют в своих письмах своих непосредственных начальников семитическим словом «рабису»; их функции, судя по этим письмам, имели судебный и военный характер; вообще они были как бы посредниками между вассалами и двором. В обращениях к ним князья также весьма почтительны и «падают в ноги». Аскалонский князь пишет: «кто такая собака, что не слушается царского рабису?» Пользуясь своим положением, они, конечно, не забывали себя. То же самое следует сказать о различных египетских вельможах в столице. Со многими из них азиатские вассалы поддерживали связи, возникшие еще, может быть, во время их воспитания при дворе, или имевшие другое происхождение. В затруднительных обстоятельствах к этим вельможам прибегали князья, как к могущим замолвить за них слово или вообще устроить их дела. Едва ли эти услуги делались даром; если даже вельможи и могли быть слишком высоки, чтобы зариться на золото, или не брали его по дружбе, они не отказывались от подарков.

В эпоху Телль-Амарны упоминается несколько рабису. Область Амурру представляла округ рабису Пахамнаты, имевшего резиденцией город Сумур. Здесь были крепость и дворец фараона. Из других рабису упоминается Паур (может быть, Пахор) в Галилее, Рианапа (может быть, Ранофр) и т. д. Отношения князей между собою и, может быть, к египетским чиновникам, кроме телль-амарнских писем, могли бы быть выяснены и из результатов раскопок Зеллина в Таанпаке. Он нашел, между прочим, несколько документов из архива местного князька Иштарвашура (по другому чтению Аширатяшура). К сожалению, чтение их до крайности спорно и смысл чрезвычайно темен, не возбуждают сомнения только вступительные стереотипные приветственные фразы, а поэтому мы удерживаемся от привлечения этого материала и от соблазнительных выводов, которые сделал из него ассириолог Hrozny.

Кроме чиновников, представителями египетской власти в стране являлись боги и солдаты. По древне-восточному представлению, подданные обязывались чтить богов царя, и завоеватели первым делом вводили в покоренных странах культ своих божеств. Мы знаем из египетских памятников, что Рамсес III основывал в Финикии и вообще в Сирии храмы в честь Амона-Ра. Вероятно, и в данную эпоху было не иначе, и интересующая нас корреспонденция делает в этом отношении намеки. Культ Амона был распространен по значительной части Сирии; в письмах бог иногда называется настоящим именем (Аман), в письмах из Библа часто упоминается в паре с местной богиней Баалат-Гебал, особенно в пожеланиях фараону или его вельможам, или просто называется «солнцем» в форме вавилонского Шамаша, или говорится о богах фараона. Последние имели храм в Тунипе, городе солнечного божества в Сев. Сирии (местоположение спорно; по одним — Баальбек, вернее в южн. части гор. Нозария): «боги и жрецы царя, моего господина, пребывают в Тунипе». В Библе Риб-Адди просит царя, в виду опасности, угрожающей городу, «прислать людей взять сокровища и чтобы враги не расхитили достояния твоих богов». Из Аскалона пишет князь: «я охраняю для моего господина его богов». При сходстве многих мифических представлений в египетской и семитических религиях, это появление египетских богов в Сирии не прошло бесследно. Взаимодействие обоих культов вызвало к жизни своеобразный египто-ханаанский синкретизм, проявлявшийся как в семитических божествах в египетском пантеоне, каковы: Ваал, Баалат-Гебал, Астарта, Решеп, Анат, так и в многочисленных заимствованиях из последнего в Азии (культ Осириса в Библе,

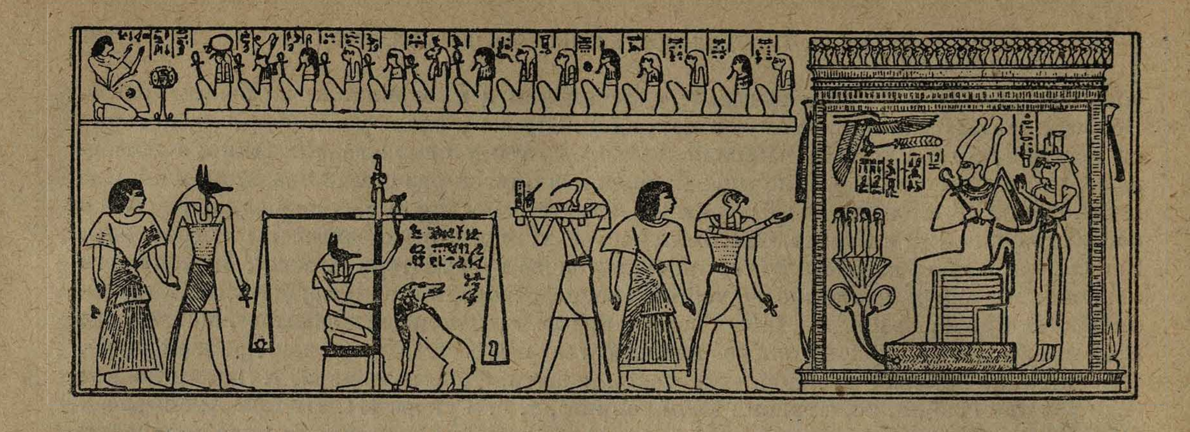
Тот, Хатор). Этот синкретизм сказался и в характере египетских храмов в Азии. Еще Ренан нашел остатки такого храма у Библа. Недавно основательно исследованный Петри храм Хатор на Синае во многих отношениях отступает от египетского типа и приближается к сирийскому.

Но главными местами культа египетских богов в Сирии были все-таки так наз. царские города. При Рамсесе III упоминается «храм Рамсеса в Ханаане», к богу Амону которого «ходят азиаты со своими дарами». Очевидно, в отдельных округах существовали такие святилища, куда вассалы должны были являться для принесения дани и доказательства своей лойяльности. Такие святилища находились, вероятно, в связи с городами, носившими царское имя, которые едва ли, конечно, были выстроены заново, а скорее приспособлены для административных целей из уже существующих. С каждой переменой на египетском престоле менялись официально и их имена; среди народа они, конечно, были известны под своими семитическими именами. На ряду с ними существовали и царские крепости. Уже Тутмос III говорит о «крепости, которую соорудила рука моя в Ливане», и о «всей земле Сирийской с ее округами по племенам, с царскими крепостями, колонизованными городами, снабженной людьми». Таким образом, египетские цитадели оказываются в то же время колониями, но притом исключительно военными. В противоположность Нубии, куда направлялся излишек египетского населения, Сирия привлекала к себе только египтян солдат, да и те смотрели на постой здесь как на своего рода ссылку, продолжавшуюся обыкновенно несколько лет. Неоднократно упоминается «комендант крепости Средиземного моря», может быть, Пелусия. Из других крепостей нам известно до семи имен. Кроме того гарнизоны стояли иногда и в княжеских городах, особенно в первое время после покорения. Так, Риб-Адди пишет, что при его отце в городе был египетский гарнизон, а теперь царь велел ему самому защищать город, и он находит такой порядок менее для себя безопасным. Во время походов и в первое время по завоевании на князьях лежала натуральная повинность снабжать места стоянок войск провиантом. Летописи стереотипно сообщают о том, что эти места действительно оказались в порядке. Это же говорит и переписка. Так, аскалонский князь сообщает, что «он поставлял пищу, питье, масло, хлеб, быков, овец для войска». В другом месте говорится: «царь, мой господин, писал: позаботься о провианте для войска вельможи царя» и т. д. Вассалы должны были поддерживать египетского чиновника рабису во время его разъездов по должности. Они в важных случаях и сами должны были итти с ним. Так, Аммунира бейрутский говорит: «с моими людьми и колесницами, — с моими братьями я предоставил себя в распоряжение царских войск». На обязанности их лежало и конвоировать царские караваны и давать конвой для посольств великих держав или посланников фараона. Но постоянной их обязанностью была ежегодная подать. Здесь применялась та же система, что и в Египте. «Поля были измерены придворными землемерами, чтоб давать доход. Поземельная подать Сирии зерном, ладаном, елеем, вином, плодами и всеми другими продуктами была определена и передана в казначейство для проверки подати». При Аменхотепе III, т. е. в эпоху Телль-Амарны, мы встречаем финансового чиновника Хаемхета, «который дает царю отчет о доходах всего государства от Куша до пределов Нахарины». Платеж дани считался непременным условием. Даже неверный Азиру пишет: «все, что прежние хазану давали, буду давать и я царю, моему господину, во веки; ведь человека, не исполняющего повинностей, прогоняет царь». Платили деньгами и людьми, мальчиками и девочками, но более точных сведений у нас нет. Конечно, и добровольные приношения играли не последнюю роль. В подарок фараону приносили колесницы и коней, дочерей в гарем, сыновей в заложники. От вассалов требовали иногда и известий о положении дел. Повидимому, это особенно лежало на обязанности тирского царя, который, благодаря своим морским сношениям, был, вероятно, более других осведомленным о современных событиях; царь писал так: «что ты услышишь в Ханаане, пиши мне». Сидонский царь также получил приказание сообщать обо всем, что происходит в Амурри. Конечно, они поль-

зовались этим и в личных выгодах: сплетничали и кляузничали на своих врагов. Вообще, время было полное смут и неурядиц. Страна кишела разбойниками, которые не постыдились напасть на вавилонское посольство у самой гавани Акко; подозревают, что в деле участвовали сыновья князя; в другой раз сам князь Акко напал на вавилонских купцов, путешествовавших вместе с послом и задержавшихся в Акко после его отплытия в Египет. Они были частью убиты, частью изувечены и ограблены. Вавилонский царь даже жалуется на египетского губернатора Памаху, ограбившего караван. Мы знаем, что такие же условия господствовали и раньше: «вестник, отправлявшийся курьером в Азию, делал завещание из боязни львов и азиатов». Можно себе представить, что до египетского владычества было еще хуже, по крайней мере, относительно времени твердой египетской власти. Действительно, г. Тунип пишет: «кто раньше грабил, того грабил Манахбириа», т. е. Тутмос III. Но при Аменофисах III и IV правительство мало заботилось об Азии там, где дело шло дальше получения дани. К тому же обстоятельства сделались гораздо более сложны; теперь на политическом горизонте взошли новые тучи — усилившиеся хетты двигаются на юг, а пустыня выдвигает бродячие элементы.

Отчеты о раскопках: Fl. Petrie, Tell el Hesy (Lachish), 1891. Bliss, A mound of many cities, 1894. Excavations in Palestine during the years 1898—1900. 1902. Macalister, Bible side light from the mound of Gezer, 1907. Sellin, Tell Taannek. Denkschriften Венской академии, тт. I и III. Здесь изданы и переведены Hrozny клинописные документы. *Свод материала и историческая реконструкция*: Vincent, Canaan d'après l'exploration recente, 1907. Много *статей* помещается в изданиях: Palestine Exploration Fund, Mitteil. d. Deutsch-Palaestinevereins, Revue Biblique, отчасти в Сообщениях прав. Палест. общ. См. еще Trampe, Syrien vor d. Eindringen der Israeliten. Berl., 1901.





ЕГИПЕТСКАЯ РЕЛИГИЯ В ЭПОХУ НОВОГО ЦАРСТВА И ПОПЫТКА РЕФОРМИРОВАТЬ ЕЕ

Во время освободительных войн с гиксосами и последовавшего за этим расширения внешнего могущества Египта, особенно важное значение получил бог города Фив, Амон. Он являлся представителем египетского национального государства и независимости в борьбе с азиатами, его помощи и покровительству приписывались успехи Яхмоса I и его преемников. В эту эпоху он совершенно сливается с Ра, и Амон-Ра является «царем богов». В Илиополе выработался великий догмат об этом главенстве, отразившийся на последующих религиозных представлениях, еще в эпоху Среднего царства. Ра — единая душа божественной эннеады, члены которой — члены его тела; «он создал себя и создал других богов». Амону-Ра по всему Египту усердно строили новые храмы; старые — реставрировались и увеличивались; потребностями его культа вызывались экспедиции за благовониями в Пунт.

Египетская религия в эту эпоху достигла высокой степени развития, особенно в тех ее частях, которые относятся к учению о загробной жизни. Почти во всех гробницах этого времени находятся теперь тексты с пожеланиями вечного блаженства в духе текстов пирамид и саркофагов. Они как бы резюмируют их и выражены в сходных словах: Напр.: «да будешь ты вновь жив по смерти, да не отлучается душа твоя от тела, да будет цело существо твое, да будет божественен дух твой, да беседуют с тобою превосходные духи; статуи твои да будут на подобающем месте, получая подносимое на земле. Да будут тебе даны глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, уста, чтобы говорить, ноги, чтобы ходить, да двигаешь ты руками у плеч, да будет крепка твоя плоть, довольство в членах твоих, приятность во всех твоих органах; не окажется на тебе никакого недостатка, сердце твое будет действительно при тебе... Взойдешь ты на небо, откроешь преисподнюю, приняв любую форму. Тебя ежедневно будут звать к трапезе Осириса». В это время выработалась знаменитая, также восходящая к Илиополю, *Книга Мертвых* и была составлена «Книга о том, что находится в преисподней». Конечно, обе книги зависят от религиозных представлений Среднего царства; в них мы находим все те же представления о множестве опасностей, угрожающих душе в ее загробном странствовании, те же магические формулы, которыми покойник избавляется от этих опасностей. Но что было лишь в зачатке в представлениях о загробном существовании в эпоху Среднего царства и теперь достигло значительного развития — это представление о загробном суде у Осириса и нравственные требования, идея о воздаянии. Среди массы (около 180) глав Книги Мертвых мы находим одну (125) такого рода: покойник обращается к загробному судье Осирису

с речью: «Слава тебе, владыка правды! Я пришел к тебе. Ты доставил меня, чтобы созерцать твои красоты. Я знаю тебя. Знаю я и имена 42 богов, которые с тобою в зале обоюдной правды, которые живут, подстерегая злых и питаясь их кровью, в день их отчета об образе жизни перед лицом Благого. Вот, я пришел к тебе. Я принес к тебе правду; я возбраняю лжи доступ к тебе, я не творил неправды относительно людей; не знал я ничего недостойного, не творил зла; не делал того, что мерзость пред богами; не осуждал слугу пред его начальником, не делал больным, не заставлял плакать, не убивал, не возбуждал к убийству, не обращался ни с кем дурно, не уменьшал жертвенных хлебов богов, не отнимал заупокойных приношений; не прелюбодействовал, не был развратен в храме родного бога, не прибавлял на весы, не уменьшал веса... Не отнимал молока изо рта детей, не сгонял коз с пастбища; не ловил птиц богов, не ловил и рыб в их прудах; не удерживал я воды во время ее разлива, не преграждал я рукава воды во время его течения; не гасил я огня в его время; не преступал срока относительно жертв; не прогонял стад из имущества бога; не задерживал бога во время процессии. Я чист, я чист, я чист чистотой феникса, этого великого, обитающего в Ираклеополе... Да не будет против меня зла в этой земле, в чертоге правды, ибо я знаю имена этих богов, находящихся в ней, составляющих свиту великого бога». Затем покойник обращается к каждому из этих 42 богов, называет его магическим именем и оправдывается в грехе, который этот бог ведает: «О широко шагающий, вышедший из Илиополя! Я не творил неправды. О тот, у которого глаза — мечи, вышедший из Летополя! Я не делал гнусности. О юноша, вышедший из Гакат, я не был глух к словам правды» и т. д. После этого вторичного исповедания, покойный просит у судей представительства пред Осирисом, говоря: «Я делал то, что приятно людям и что радует богов. Я умилостивил бога тем, что он любит: давал голодному хлеб, жаждущему — воду, нагому — одеяние, не имеющему лодки — перевоз. Я приносил жертвы богам и дары усопшим. Посему спасите меня, защитите меня и не свидетельствуйте против меня пред великим богом. Я чист устами и чист руками; мне говорят «иди в мире» все видящие меня». Далее следует взвешивание сердца покойного (психостасия): на одну чашку весов кладется сердце, на другую — перо — символ правды («маат» означает и «перо» и «правда»). Таким образом, выразилась идея, что настоящий судья человека — его собственное сердце. В это время покойный должен читать следующий текст (из «Главы неудержания сердца в аду»): «Мое сердце от моей матери! о мое сердце, мое пребывание на земле, не становись против меня, не свидетельствуй против меня пред лицом владыки. Не говори против меня: «он делал это»... не возводи на меня (обвинений) в присутствии бога великого, владыки преисподней. Радуйся мое сердце, радуйтесь и вы, эти боги, покровители четырех стран света, славные вашими жезлами! Возвестите мое совершенство богу Ра, укрепите меня».

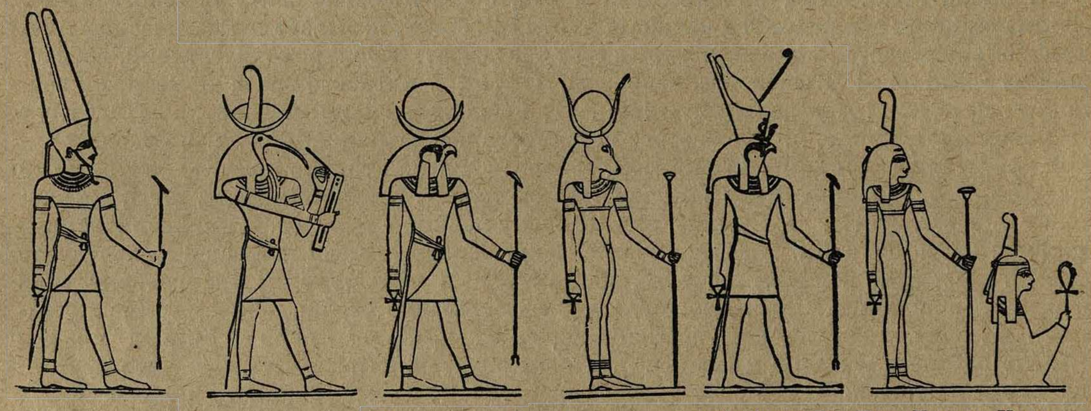
Эта глава писалась на обратной стороне большого каменного скарабея, который при бальзамировании клался вместо сердца и, таким образом, был талисманом против загробного осуждения. Так сводились на-нет все этические приобретения египетской религии.

Во время суда бог Тот ведет его протокол; он — милосердный бог света, и поэтому старается об оправдании покойника; он даже учит его чудодейственным магическим формулам. Если покойник оправдан, Тот ведет его к престолу Осириса и представляет его: «Вот Осирис (такой-то). Он в чертоге правды с тобою, чтобы взвешено было сердце его на весах пред лицом судилищ великих, владык преисподней. Он найден праведным, не найдено никакого земного порока в сердце его. Он исходит, как правогласный, из адского чертога; возвращено ему его сердце, оно на своем месте. Душа его — на небо, тело его — в преисподнюю, как у последователей Гора. Да будет тело отдано Анубису, обитающему в могиле, да получит он заупокойные дары в Растау пред лицом Благого во веки». Покойники, не выдержавшие загробного испытания, отдавались чудовищу «Пожирателю» с головой гиппопотама, сидящему пред троном Осириса. По более ранним представлениям, Осирис давал покойному в загробном мире

участок земли, который тот должен был обрабатывать и питаться его плодами, но потом такой порядок перестал нравиться египтянам, и они стали класть в гробницу небольшие статуэтки «шауабти», потом «ушебти», с написанными на них магическими формулами, которые заставляли их в загробном мире жить и быть заместителями покойника в его земледельческих работах. Умерший мог появляться на земле под видом феникса, кобчика, крокодила, цветка лотоса и т. д.; для каждого такого превращения была специальная магическая формула.

Такова была в эпоху Тутмоса III египетская религия, запутавшаяся в противоречащих друг другу мифах, проникнутая самыми странными магическими представлениями, хотя и достигшая в некоторых своих частях высокой степени разработки. Кроме того, ее слабой стороной был ее местный характер. Каждый бог имел свой религиозный центр, где он чтился преимущественно пред другими богами; даже Амон, верховный бог, был прежде всего местным богом Фив и фиванских фараонов.

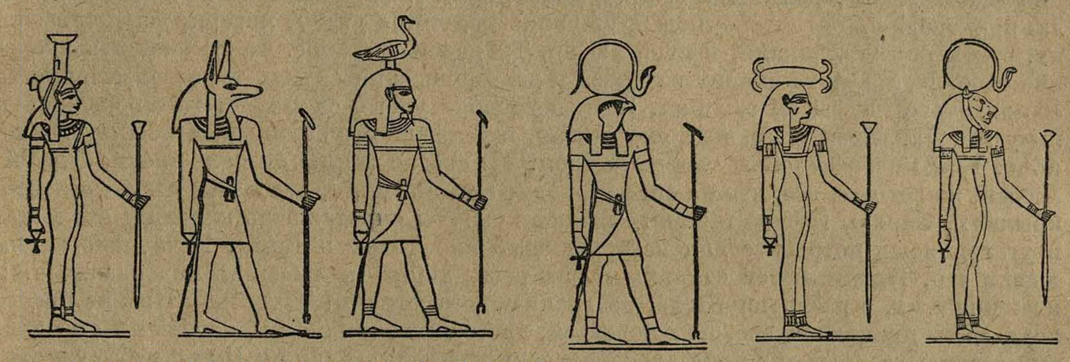
Амон был и специфически египетским богом. Между тем, в состав египетского государства вошли другие народы. Фараоны, а за ними и значительная часть их про-



Египетские боги (слева направо): Амон-Ра, Тот, Хонсу, Хатор,

священных подданных, начали отрешаться от национальной исключительности и стали избегать излюбленных прежде презрительных выражений, называвших иностранцев «ненавидимыми богом Ра», «жалкими», «презренными» и т. п. Египтяне познакомились с культурными семитами и эгейцами и кое-чему даже у них научились. Да и в царской семье появились иностранные царевны. Отсюда понятно стремление найти универсальное божество, общее всем народам. И вот, вероятно в Илиополе, духовенство которого с неудовольствием смотрело на чрезмерное величие Амона, возникает учение о том, что верховное божество — солнечный диск, бог Атон, тожественный с древним илиопольским Ра, но совершенно независимый от старых теогонических и теологических местных представлений; как солнечный диск, он должен был одинаково чтиться по всей земле, и притом не только как вещественный диск, но и как верховное, действующее через солнце, существо. Культ этого бога проник ко двору Аменхотепа III; сын и преемник этого царя Аменхотеп IV, вступивший на престол еще весьма юным и, вероятно, находившийся под влиянием Тии, был главным проповедником и насадителем культа нового бога, находившегося в несомненной связи с Илиополем. Сначала он, кажется, терпел старый порядок вещей; на первых памятниках своего царствования он еще молился Амону; потом он выстроил храм Атону в Фивах, но противодействие жречества заставило его объявить Амону и его триаде — Мут и Хонсу — решительную войну. Имена этих божеств соскабливались везде, где можно было их найти; даже имени отца не пощадил фа-

раон и изуродовал его, истребив его составную часть — имя Амона, или заменив его имя «Аменхотеп» царским именем «Ниб-маат-Ра». Слово «мать» (мут) в гробнице Тии он писал фонетически, чтобы избегнуть правописания при помощи знака коршуна, которым писалось имя богини Мут. Вероятно наряжались специальные ревизии для этой цели. Страдали, хотя меньше, и другие боги; избегалось и самое множественное число «боги». Затем, для более успешного проведения своей религиозной реформы, он оставил Фивы с их жрецами и культом Амона, и в Ермопольском номе, в самом центре Египта и всей империи (вместо предания, таким образом, выступают математические соображения), основал новый город, названный им «Яхт-Атон», «горизонт Атона» (теперь Tell-el-Amarna). К городу был прибавлен участок, который фараон тщательно отмежевал, поставив пограничные надписи с посвящением Атону и дав клятву никогда не покидать его. Этот город, сделавшийся столицей Египта, был построен совершенно не по-старому: он отличался широкими улицами, великолепными парками, дворцами и храмами Атона; под влиянием освобождения от рамок религиозной традиции и в связи, может быть, с местными школами, там развилось искусство с ярко выраженным реалистическим направлением. И в Нубии между 2 и 3-м порогами (в Сесеби), был выстроен храм и город Атона. Сам Аменхо,



Тум, Маат, Нейт, Анубис, Геб, Ра, Нейт, Сохмет.

теп IV, переменивший свое имя и называвший себя «Эхнатон» («угодный Атону»), держал себя не так, как прежние цари: он вел открытую жизнь и показывался часто народу вместе с любимой женой и сподвижницей Нофертити; до нас дошли изображения, показывающие царя в кругу его семьи или бросающим дары; он изображается не условно, как раньше, а портретно, совершенно реально. Царю подражали его приближенные; подобно ему, они переменяли свои имена, начинали чтить Атона и переселялись из Фив в Яхт-Атон. Здесь они строили себе роскошные гробницы, в которых писали молитвы новому богу и изображали себя щедро награждаемыми царем, между прочим, за то, что «послушали его учения». Ближайшими сподвижниками царя, кроме его матери Тии (брат ее был верховным жрецом в Илиополе еще при ее муже) и жены, были жрец Аи, женившийся на его кормилице, архитектор Бакт, генерал Маи, Мерира, которого царь назначил вместо себя верховным жрецом Атона, дав ему принятый им самим илиопольский жреческий титул «Великий видением». Развалины нового города были впервые найдены Лепсиусом; потом там производили раскопки Bouriant, Масперо, Петри, Дэвис. Кроме чрезвычайно важной дипломатической переписки с Сирией, о которой уже была и еще будет речь, и многого другого, там были найдены великолепные гимны в честь Атона. В одном из них, влагаемом в уста царю, можно видеть как бы изложение догматов новой религии; другие составлены приближенными, воспевавшими Атона вместе с его возлюбленным сыном — царем. Вот образец их:

«Славословие Гору горизонтов, ликующему на горизонте, в имени его Шу, который есть Атон, живущий вечно. Атон, живущий, вечный, владыка солнца, неба и земли, и дома Атона на горизонте! Как прекрасен твой восход на горизонте, о Атон предвечный! Ты восходишь на восточном горизонте, ты наполняешь мир своими красотами. Ты прекрасен, велик, лучезарен, высок над всею землею; лучи твои обнимают все страны, которые ты сотворил. Ты Ра, ты связываешь их любовью своею. Ты далек, а лучи твои на земле...

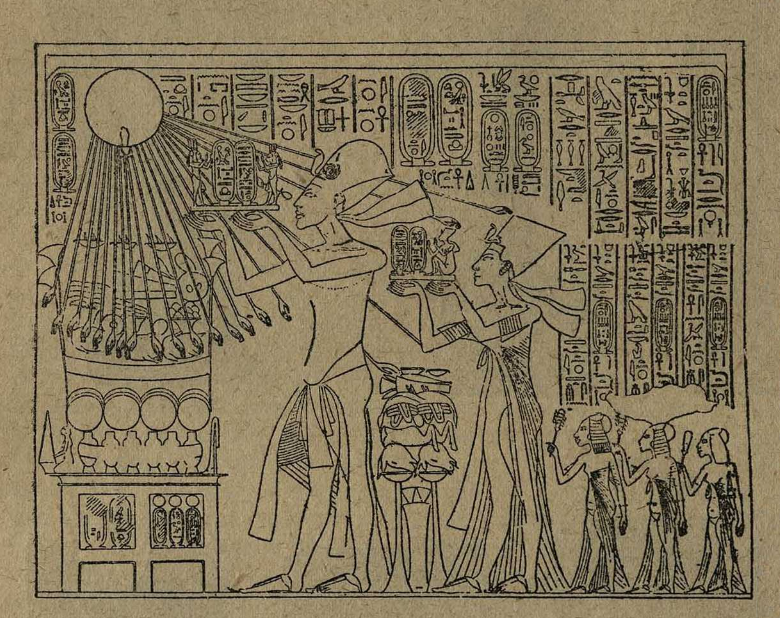
Заходишь ты на горизонте — и земля во мраке, как мертвая. Люди спят в своих жилищах, закрыв головы; один не видит другого. Имущество их расхищается из-под головы, а они не замечают этого; львы выходят из своих логовищ, и змеи все кусаются; молчит земля, ибо создавший ее успокоился на горизонте своем. Утром ты озаряешь землю; прогоняешь мрак, посылаешь лучи твои; обе земли ликуют, вскакивают на ноги: ты поднял их; омывают члены свои, берут одежды; руки их воздеваются, прославляя восход твой. Вся земля принимается за свою работу. Животные удовлетворяются своими злаками; деревья и травы зеленеют; птицы летают в своих болотах; крылья их величают дух твой; скот ликует скача, и птица порхает — все живет, когда ты смотришь на них. Корабли плывут вверх и вниз: все пути открыты при сиянии твоем; рыбы речные скачут пред тобою; лучи твои проникают в глубину морей. Ты производишь потомство людей, оживляешь детей в утробе матери, успокаиваешь их, чтобы они не плакали, пестун любви. Ты даешь дыхание, чтобы оживить творение твое. Когда оно выходит из чрева в день рождения своего, ты отверзаешь уста его для того, чтобы он говорил. Птенец говорит уже в скорлупе: ты проводишь к нему воздух, чтобы сохранить ему жизнь, и делаешь его сильным, чтобы он разбил яйцо. Как многочисленны творения твои! Ты создал землю по воле твоей, единый! Людей, животных, все, что на земле и ходит ногами, и все, что в воздухе и летает на крыльях, Сирию, Нубию и землю Египетскую. Ты определяешь каждому его место и уготовляешь потребное для него. Каждый имеет свое питание. Исчислено время жизни его. Языки людей отличны по их речи; также их внешний вид различен, и цвет кожи их, о разграничитель, разграничивший страны! Ты создал Нил из преисподней; ты приводишь его, по воле твоей, для оживления людей, которых ты создал, ты их владыка... Ты дал жить и отдаленным странам: ты дал им Нил с неба. Он сходит на них и наводняет потоками горы, как океан; он оплодотворяет их поля, касаясь их. Как дивны предначертания твои, владыка веков! Ты определил Нил небесный (дождь) для жителей иноземных областей и для коз пустыни, ходящих на ногах, а Нил, идущий из преисподней, — для Египта. Ты создал времена года для рождения всего, что ты сотворил. Сотворил ты небо пространным, чтобы сиять на нем и обозревать все, что сотворил. Ты сияешь в виде твоем Атона: все глаза обращены к тебе, ибо ты — дневное солнце над землей».

Как мы видим, в этом гимне нет намека на прежние представления о борьбе солнца с разными духами мрака; это не входило в догматику новой религии. Атон является единым богом, в качестве имени которого иногда еще терпятся илиопольские Ра-Хармахис и Шу. Кроме того этот гимн имеет общечеловеческий характер: в нем нет ничего специфически египетского, и даже при перечислении стран Египет поставлен — неслыханное дело — на последнем месте. Иностранцы — не варвары, а такие же дети общего бога, различаемые лишь языком и цветом кожи, по воле этого бога. Такую молитву мог произнести всякий подданный фараона, равно как и молиться пред изображением нового бога, никогда не бывшим антропо- или зооморфным, но состоящим исключительно из солнечного диска, испускающего лучи, заканчивающиеся руками. В гробницах Амарны среди изречений встречаются настоящие иллюстрации к этому гимну — царь спешит в храм приветствовать восход своего бога рано утром; вся природа, пробуждаясь, величает Атона и все народы падают пред ним. К традиционному учению о загробной жизни новая вера также относилась безразлично и скорее отрицательно, но здесь труднее было преодолеть традиции, и даже в гробнице



Статуэтки «ушебти» и саркофаги к ним. Собрание Гос. музея изобразительных искусств в Москве.

самого царя найдены куски статуэток «ушебти»; однако и на них уже, вместо магической 6-й главы Книги Мертвых начертана обращенная к Атону заупокойная формула. То, что мы знаем об Аменхотепе IV, рисует его действительно человеком, настроенным очень религиозно и даже фанатиком. Все гимны заканчиваются приписками, в которых он определенно высказывает: «Никто не познал тебя, кроме твоего сына Эхнатона — ты посвятил его в свои предначертания и в свою силу»... «Сын солнца, возносящий красоту твою, говорит: я — твой сын, угодный тебе, возносящий имя твое. Твоя сила и величие запечатлены в моем сердце»... Приближенные царя, переселившиеся с ним, также выставляют себя богословами и проповедниками нового учения. Вот, напр., один из таких текстов в гробнице жреца нового бога — Ии (или Аи):



Эхнатон со своей семьей поклоняется богу Атону.

«Да буду я жив, восхваляя его дух, да буду я доволен, служа ему, ибо дыхание моей жизни в нем, этот северный ветер, эти мириады высокого Нила каждый день. Дай мне долголетие во благоволении твоем. Как благоденствует твой возлюбленный, о сын Атона: все, что он делает, постоянно и благополучно, и дух владыки обеих земель всегда с ним, и он удовлетворен жизнью, достигнув старости. Владыка, создавший людей и сотворивший вечность, предписывающий угодные обязанности твоему возлюбленному, сердце которого удовлетворяется правдой и для которого мерзость неправда! Как блажен послушавший твое учение жизни — он удовлетворяется, видя тебя непрестанно, и его оба ока созерцают Атона каждый день. Даруй мне счастливую старость, как твоему возлюбленному, удостой меня хорошего погребения, повелев мне пребывать в горе Яхт-Атона, месте твоего возлюбленного. Да услышу я твой сладостный глас в храме, где ты совершаешь угодные обряды твоему отцу, Атону живущему.

Да утвердит он тебя на веки веков, да наградит тебя юбилеями, как число (песка) берега моря, измеряемого жезлом ипет, как мера моря, определяемая джауэтом, или вес горы, взвешенный на весах, или перья птиц, или листья деревьев, в юбилеях царя Уанра, во веки веков, как царя. И великой супруге, возлюбленной, прекрасной, да даст Атон оставаться с приятным голосом и с двумя прекрасными руками, держащими два систра, владычице обеих земель Нофертите, живущей вечно во веки. Да будет она рядом с Уанра во веки веков, как небо. Твой отец всходит на небо, чтобы охранять ежедневно, ибо он родил тебя.

Дай мне облобызать чистую землю, выйти в твоем присутствии с дарами для твоего отца Атона, из того, что дает твой дух. Дай, чтобы мой заупокойный жрец оставался и благоденствовал для меня, как для того, кто на земле сле-

дует твоему духу, вознесенному ради имени моего на место возлюбленных. Мои уста полны правды».

В гробнице другого вельможи, «носителя опахала справа» Маи, читаем такую автобиографию:

«Слушайте, что я скажу, все очи, великие и малые: я поведаю вам о благодеяниях, оказанных мне государем. Поистине вы должны будете воскликнуть: «как велико оказанное этому простолюдину!» Поистине вы должны будете просить для него вечность в юбилеях, непрестанность во владычестве над обеими землями, и он действительно сделает для вас то же, что он сделал для меня: он бог, подающий жизнь. Я был простолюдин и по отцу, и по матери, но господь создал меня. Он взрастил меня... своей милостью, когда я был человеком без имущества. Он дал мне людей в возрастающем количестве, он возвеличил моих братьев, он заставил моих людей работать без меня, и когда я сделался господином города, он присоединил меня к князьям и друзьям, хотя я и занимал последнее место. Он давал мне ежедневно продовольствие, тогда как (раньше) я просил хлеба»...

Все это чрезвычайно характерно для времени религиозных переворотов. Реформатор-царь отличал своих последователей, может быть, даже не задавая себе вопроса об их искренности. Между тем, они сами не скрывают выгод, сопряженных с следованием *«учению жизни»*. В этом была серьезная опасность для судьбы этого учения. Другая опасность заключалась в аристократичности его, в недоступности его для народной массы, которая твердо держалась за свои местные культы, суеверия, талисманы и магию и дорожила проникшими в самое существо египтянина представлениями о загробном мире. Культ Атона не выходил за пределы высшего класса, точнее двора; о широкой пропаганде среди народа, может быть, мало и думали. Равным образом и искусство этого краткого периода, с его резко выраженным реализмом и разрывом с традициями, не могло удержаться, да если бы и удержалось, неминуемо выродилось бы или в шарж, или в карикатурную схематичность. Если в религии Аменхотеп IV сделал попытку навязать всему народу религию мыслителя, то в искусстве, наоборот, сделал народное искусство официальным. И то и другое не могло иметь успеха, но все же для нас близка и симпатична личность телль-амарнского фараона, этого первого индивидуалиста и религиозного гения в истории.

Эхнатон царствовал 17 лет и умер, не оставив сыновей. Мужья его дочерей один за другим царствовали в Египте. Первый преемник Аменхотепа IV, Сакара-Нехтхепру, жил еще в Яхт-Атоне и чтил Атона, но он царствовал очень недолго; следующий царь Тут-анх-Атон уже должен был пойти на компромиссы: он жил то в Яхт-Атоне, то в Фивах и, не забывая Атона, вернулся к культу Амона, даже реставрировал его выскобленные имена и переделал свое имя в Тут-анх-Амон; его жена, третья дочь Аменхотепа IV, Анхсепаатон, переделала свое имя в Анхсепаамон. От времен Тут-анх-Амона сохранилась гробница одного вельможи Хеви, где изображены посольства из Сирии и Куша. Затем несколько лет был царем известный нам муж кормилицы Аменхотепа IV Аи или Ии, бывший ревностным чтителем Атона и составлявший ему гимны, а после достижения престола поселившийся в Фивах, где в Бибан-эль-Молюке он устроил себе новую гробницу, оставив прежнюю в Амарне. Царствование как его, так и его предшественников, начиная с Аменхотепа IV, позже считалось незаконным, и имена этих царей не вносились в царские списки; память их была предана проклятию. В одном документе времени XIX дин., относящемся к области поземельных отношений, когда было необходимо подкрепить права ссылкой на давнее владение и взойти ко времени царя-еретика, а следовательно и упомянуть его, мы встречаем вместо его имени «враг из Телль-Амарны». В одном гимне Амону, дошедшем до нас от времени торжества религии Амона над Атоном, поэт, видя запустение Телль-Амарны, восклицает: «Ты настигаешь того, кто преступает против тебя. Горе восстающему на тебя! Твой град непоколебим, а преступивший против тебя повержен. Мерзок восстающий на тебя, где бы то ни было. Солнце незнающего тебя заходит... двор

преступающего против тебя — во мраке, когда вся земля освещена... Ты — счастие и благословение». Эти религиозные смуты заметно повлияли на политическое положение Египта и его значение в Азии.

Книга Мертвых: лучшее критическое издание по рукописям XVIII дин. Naville, Todtenbuch. 2 т., 1886. Великолепные издания в красках папирусов Брит. музея: Budge, Facsimiles of the papyrus of Ani, 1894. Facsimiles of the pap. Hunefer etc., 1899. Перевод — Lepage, Renouf и Naville в IV томе The Life work of Lepage-Renouf. Статья Maspero, Le Livre des Morts. *Эхнатон*: Breasted, De hymnis in solem sub rege Amenophide IV conceptis. Berl. 1894. Статьи его же в Zeitschrift für ägyptische Sprache. 739 и 40. [В. Авдиев, Древнеегипетская реформация. Москва, 1924; Ф. В. Баллод, Египетское искусство времени Аменофиса IV; его же, Памятники египетского искусства времени Эхнатона; H. Schaefer, Die Religion und Kunst von El Amarna. Berlin, 1923]. Об открытом им храме в Сесеби см. The monuments of Sudanese Nubia. The Amer. Journ. of Semit. Languages, 1908, october. *Отчеты* о раскопках: Davies, The rock tombs of El Amarna (гробницы вельмож с текстами и барельефами) — томы XIII—XVIII Archeological Survey of Egypt. 1903—8. Bouriant, Legrain, Jequier, Monuments pour servir à l'étude du culte d'Atonou. Memoires de l'Institut franç. du Caire, VIII, 1903.

Дэвис нашел в 1907 г. и мумию Эхнатона, перенесенную его преемниками в Фивы и помещенную в гробницу Тии. Медицинское исследование доказало, что царь-богослов был эпилептиком, страдал галлюцинациями и умер от удара. Специальная работа об Эхнатоне написана Weigall, Akhnaton pharaon of Egypt, 1911, с иллюстрациями, но без достоинств ученого труда.





АМЕНХОТЕП IV (ЭХНАТОН) И АЗИЯ

Аменхотеп IV обращал на Азию меньше внимания, чем его отец, и влияние Египта там сильно пошатнулось. Занятый своими религиозными реформами, он был плохим дипломатом и сам для борьбы и построек нуждался в золоте, а потому был далеко не так щедр, как его отец. Все это возбуждало в Азии неудовольствие. Современником его был вавилонский царь Буррабуриаш, почти одновременно с ним вступивший на престол (ок. 1380), но успевший отправить еще его отцу письмо о своем воцарении. Тон дошедших до нас пяти его писем уже иной, чем у его отца: он проникнут чувством и личного, и государственного достоинства. Уже в первом письме он жалуется, что фараон не потрудился справиться о его здоровье, когда он был болен. Правда, его посол сказал ему, что расстояние слишком велико, но все же не ясно ли теперь, что «в стране моего брата имеется все, и он ни в чем не нуждается, и что и у меня есть все, и мне ничего не надо», т. е. дело сходит на простые официальные отношения. Но это нежелательно, и он посылает кое-какие подарки, пока немного (4 мины лазоревого камня и 5 упряжек лошадей) — ведь расстояние велико и путь затруднителен. А ему самому необходимо золото для построек — пусть его брат пришлет золота, но сам, не доверяя чиновникам, так как недавняя получка, запечатанная не в присутствии царя, не выдержала испытания и оказалась неполновесной. Все это мало помогло. В следующих письмах Буррабуриаш жалуется, что послы три раза были у него и ничего с собою не приносили, поэтому и он ответил тем же. Тогда фараон послал 20 мин золота, но оно опять оказалось неполновесным (когда положили в печь, не оказалось и 5 мин); это рассердило вавилонского царя и он писал Аменхотепу IV: «если ты не можешь быть столь же щедрым, как твой отец, то пришли хоть половину»... Кроме того, Аменхотеп IV, не признававший этикета у себя дома, не считался с ним и в международных отношениях, а вавилонский царь, повидимому, был крайне щепетилен. В одном письме, где дело идет об отправлении вавилонской царевны в Египет, для конвоирования которой фараон прислал всего пять колесниц, Буррабуриаш ужасается: «Пять колесниц! Что скажут соседние цари: дочь великого царя конвоируют пять колесниц? Когда мой отец отправлял мою сестру к твоему отцу, ее сопровождало 3 000 человек». Но бывали и более серьезные недоразумения. Аменхотеп IV принял послов от царя Ассирии, которого вавилоняне считали своим вассалом, с таким же почетом, как послов Буррабуриаша. Это привело последнего в большой гнев; он написал фараону письмо с упреками: «при моем отце Куригальзу все хананеяне писали ему: «мы собираемся пойти к границе и вторгнуться, соединимся с тобою». Отец мой так ответил им: «не думайте соглашаться со мною. Если вы замышляете войну против царя Египта, моего брата, и заключите с кем-нибудь союз, то я не пойду с вами, а разгромлю вас, ибо он в союзе со мною». Итак, мой отец не послушал

*



Фреска эпохи Амарны. Дочери Эхнатона.

их ради твоего отца. А теперь, ведь я не посылал к тебе ассириян, моих подданных. Зачем же они прибыли в твою страну? Если ты любишь меня, они не должны ничего достигнуть: отпусти их ни с чем». Наконец, большое неудовольствие возбудили в вавилонском царе неоднократные нападения на его послов в Сирии, которая теперь, предоставленная сама себе, сделалась центром анархии и разбоя. Он жалуется в одном письме на разграбление каравана его посла; другое специально посвящено жалобе на поступок с его купцами: «Нафуририи, царю Египта, моему брату, Буррабуриаш, царь Кардуниаша, твой брат! Тебе, твоей стране, твоему дому, твоим женам, твоим сыновьям, твоим вельможам, твоим коням, твоим колесницам привет. Я и мой брат заключили дружбу и сказали взаимно: «как наши отцы, будем и мы друзьями». А вот, когда мои купцы, уехавшие с Аху-табу, задержались в Ханаане, Шумадда, сын Балумми, и Шутатна, сын Шарату, князья г. Акко, выслали своих людей, убили моих купцов и похитили их деньги. Я послал к тебе, спроси посла: он расскажет тебе. Ханаан — твоя страна; ее цари — твои слуги. Я оскорблен в твоей стране. Накажи их, возврати деньги, которые они похитили; казни людей, убивших моих слуг, отмсти за кровь их. Если ты не казнишь этих людей, они еще раз перебьют мои караваны, а то и твоих послов, и между нами будет отрезано сообщение, а твои люди от тебя отпадут». Вероятно, все эти упреки и требования возымели действие, по крайней мере до нас дошли огромные списки подарков фараона Буррабуриашу (вещи из золота, серебра, бронзы, слоновой кости) — вероятно по поводу присылки ему вавилонской царевны. Однако в конце концов отношения испортились, и «царь Кашши» (касситского Вавилона) оказался в числе врагов фараона.

Испортились также отношения с Тушраттой, который пишет фараону, между прочим, следующее: «Твой отец отдавал в литейную статуи в присутствии моего посла; их делали отличными и полновесными; после того, как они были готовы, мои послы свидетельствовали их собственными глазами. Точно также и золото, которое без числа, что он мне посылал, показывал он и говорил моим послам: «вот статуи, вот золото и утварь без числа, которые я посылаю моему брату; смотрите их собственными глазами». А теперь, брат мой, ты прислал мне не те статуи, которые предназначал твой отец для отправления, а деревянные позолоченные; точно также и сосуды, предназначенные твоим отцом, ты не выслал». Фараон без нужды задерживал послов. Тушратта стал платить тем же. Фараон требовал казни каких-то подданных Тушратты, совершивших в Египте преступление. Тот готов был исполнить все требования, но указывал, что в былые времена его предки были далеко не так податливы и лишь после долгих просьб отдавали в Египет своих царевен. Однако уступчивость Тушратты, вызванная отчаянным положением его царства, не привела ни к чему. Отношения испортились и сношения прекратились. Царь Библа, египетский вассал, намекает фараону, что царь Митанни и царь Кашши (Вавилона) хотят отторгнуть землю царя. Он же сообщает, что царь Митанни даже двигался на Финикию, но отступил из-за недостатка воды. Он заодно и с бунтарями против фараона. Однако из этих же писем мы узнаем, что царь хеттов покоряет все земли, бывшие во владении царя Митанни и Нахарины...

В стороне от Сирии находилось царство *Алаши* (Кипр); в переписке участвует царь этого острова, но его имя не приводится, равно как не называет кипрский царь и имени фараона; в двух письмах говорится, что адресат «вступил на престол» и ему шлются приветствия; дело, очевидно, идет об Аменхотепе IV, и звучит знакомая нам нотка неудовольствия. С Кипром Египет вел оживленные торговые сношения, посылая туда золото, серебро, благовония и т. п. и получая в обмен в огромном количестве медь, а затем лес и слоновую кость. Между прочим, однажды царь извиняется перед фараоном, что не мог во-время послать ему достаточно меди и даже три года задерживал его посла, так как в стране была «рука Нергала» (чума), истребившая большую часть населения и приостановившая разработку меди. Тут же он упоминает об одном своем подданном, умершем в Египте, и просит фараона выдать его имущество послу для передачи семье, оставшейся на родине. Между тем в водах Египта попались ликийские морские разбойники, и среди них оказались кипрские уроженцы. Фараон выставил это на вид царю Алашии. Тот уверяет, что и сам он терпит от ликийцев и, конечно, ни в чем не виновен. В Египте тогда задержали кипрских послов и наложили арест на корабли. Кипрский царь заявил, что арестованы его купцы, и требовал выдачи кораблей, как своей собственности. Когда официальный путь ни к чему не привел, в переписку вступили министры двух государств. Результат остается неизвестным.

В одном из писем кипрский царь требует, чтобы фараон не вступал в союз с Вавилоном и *хеттами*. До нас дошло в одной амарнской гробнице (Мерира II) изображение хеттского посольства к Аменхотепу IV. Среди переписки есть также два письма от хеттского царя Суббилулиумы; в одном из них дело также идет о нарушении этикета: фараон поставил в письме свое имя раньше имени хеттского царя. Отсутствие дальнейших писем объясняется легко: сношения были прерваны, и начались враждебные действия. Причиной и поводом, конечно, было не это нарушение этикета, а общее политическое положение. Разрастающееся могущество хеттской державы влекло ее неудержимо на юг, где Митанни из союзника фараона превратилось в вассала хеттского царя, а Сирия была предоставлена сама себе. Еще при Аменхотепе III князь Кадеша на Оронте, Итакама является агентом хеттского царя и теснит вассалов фараона, которые (как, напр., Аккизи катнский) выставляют на вид серьезность положения и требуют энергичного вмешательства египетских войск. Итакама завладевает областью Амки между Ливаном и Антиливаном. Окрестные вассалы фараона пишут ему, как бы сговорившись, письма тожественного содержания: «пусть царь напишет

Итакаме. Пусть позаботится царь и пришлет войска, чтобы мы вернули города царя»... Но фараон не только не двинулся против хеттов, но даже спокойно смотрел, как под их влиянием началась невероятная смута. Некогда над всей областью Амурру был поставлен князь Абдаширту, который, находясь в Сумуре под наблюдением рабису Пахамнаты, «блюл все земли для царя». Но это продолжалось недолго. Он стал во главе бродячих семитических орд, опустошавших Сирию. Теперь он стал самым могущественным человеком в Амурру. На его сторону стали переходить князья уже из одного страха быть убитыми. От царя отпал Сумур после продолжительной осады; египтяне, бывшие там, бежали. Теперь роль Абдаширты и Сумура, по распоряжению фараона, переходит к царю *Библа* Риб-адди, огромное количество (64) писем которого представляет сплошной вопль и жалобы на утеснения и насилия Абдаширты, а затем его сына Азиру, этой «бродячей собаки». Еще во время осады Сумура Риб-адди уведомлял царя, что Абдаширту овладел Амбией, Шигатой, Аркой, перебил их князей, что царь Сидона Зимрида перешел к Абдаширту, и грозил сам сделать то же, если царь его не выручит: «отвечай мне или я заключу союз с Абдаширтой, как Япа-Адди и Зимрида; тогда я спасен с моими людьми». Граждане его также склонны к отпадению. Однако, дела Абдаширту вскоре пошатнулись и он в конце концов был убит, повидимому, своими же людьми. Едва ли может быть сомнение, что он действовал в согласии с царем хеттов. После его смерти, его сыновья Азиру и Пубахла начали снова враждебные действия и погромы. Риб-адди и Анхаму вернули фараону Сумур. Азиру снова осадил его с суши, флот города Арада — с моря; корабли Риб-адди едва избежали уничтожения. Риб-адди снова пишет фараону письмо за письмом. Кроме внешних врагов, у него были еще ссоры личного характера; на него клеветали ко двору и перед египетским наместником Северной Сирии Па-хором, сидевшим в городе Кумиди. Он просит прислать рабису рассудить его, умоляет о присылке 20 египетских и 20 эфиопских солдат для спасения Сумура. Тщетно. «Люди, которых я послал в Сумур, взяты кораблями Тира, Берита, Сидона; все в Амурру заодно с ними. Все гарнизоны покинули Сумур, и вестник не мог проникнуть туда: все пути заняты». А царский чиновник не только не стал на сторону Риб-адди, а напротив перебил его защитников — шардан. В городе начались волнения. В это же время, одновременно со вступлением на престол Аменхотепа IV, пал Сумур. Несчастный царь был накануне осады. Он уже просит теперь 300 солдат и 30 колесниц, а на вопрос царя о лесе (вероятно, дани) пишет: «его добывают в странах Зальхи и Угарит, но я не могу послать туда моих кораблей. Когда Азиру стал мне врагом, все князья стоят с ним заодно. По их желанию ходят их корабли и берут, что им нужно». Он указывал, что и Па-хор не удержится в Кумиди, и говорил, что боги унесены из Библа, что чувствуется недостаток в припасах, что его семья и граждане Библа стали уже требовать, чтобы он перешел на сторону врагов, но он решился лучше обратиться к князю Бейрута — Аммуниру. Пользуясь его отсутствием, враждебная партия, с братом его во главе, захватила власть, и Риб-адди не был впущен в город. И при дворе ему не повезло: посланный туда сын его не был допущен к царю. В Библе передались на сторону Азиру...

Аналогичные письма дошли и из *Тира*, царь которого был в безвыходном положении — амореи и вражда Сидона отрезали его от берега:

«Царю, моему господину, моим богам, моему солнцу. Абимильк, твой слуга. Семь и семь раз к ногам царя, моего господина, падаю я. Я прах под сандалиями царя, моего господина. Мой господин — солнце, выходящее ежедневно над странами по предписанию бога солнца, его отца, милостивого, который оживляет своим радостным словом (при восходе) и который успокаивает все страны при закате. Который дает греметь на небе своему гласу, как Ададу, так что вся земля трепещет пред его громом. И вот слуга пишет своему господину... На груди и на спине ношу я слово царя, моего господина. Кто не принимает слова своего господина, потеряна страна того, потерян его дом, уничтожено его имя в целой стране. А кто слушается, благоденствует того

город, благоденствует и страна, имя его пребывает во веки. Ты солнце, восходящее надо мною, и стена медная, защищающая меня... Я говорю моему солнцу: «всегда хотел бы я видеть лицо царя, моего господина. Я защищаю город Тир, великий город, для царя, моего господина, пока не выйдет могучая рука царя ко мне, чтобы дать мне воду для питья и дрова, чтобы согреть меня. Далее: Зимрида, сидонянин, пересылается ежедневно с бунтовщиком Азиру, сыном Абдаширты, относительно всего, что он узнает из Египта. А потому я пишу царю, моему господину; хорошо, чтобы он знал об этом».

«Весьма хотел бы я видеть лицо царя, моего господина, но не могу освободиться из рук Зимриды сидонского. Лишь только услышит он, что я собираюсь ко двору,



Рельеф эпохи Амарны. Эхнатон и Нефертити.



Скульптура эпохи Амарны. Торс дочери Эхнатона.

начинает против меня враждебные действия. Да даст мне царь 20 человек защищать город царя, моего господина. Тогда я пойду к нему, чтобы созерцать лицо его... Да знает царь, что мы заперты со стороны материка, что у нас нет ни воды, ни дров. Я послал Илумилки в качестве вестника к царю... Царь написал нам: «что ты услышишь из земли Ханаанской, сообщай мне». И вот, царь Дануны умер, его брат сделался царем после него, в его земле спокойно. И да знает царь: Угарит, царский замок, пожрал огонь на половину. Хеттов там нет. Итакама занял Кадеш, а Азиру начал вражду с Намаявазой. Я узнал о преступлении Зимриды, что он собрал корабли и людей из городов Азиру против меня... Да обратит лицо свое царь на своего раба и выступит в помощь ему».

Странным образом и из *Сидона* дошло аналогичное послание; вероятно, оно написано раньше измены Зимриды:

«К царю, моему господину, моим богам, моему солнцу, дыханию моей жизни. Зимрида, царь сидонский. К ногам моего господина, моих богов, солнца, дыхания жизни

семь и семь раз падаю я. Да знает царь, что благополучен Сидон, рабыня царя, данная в мои руки. Когда я услыхал слово царя, моего господина, написанное его рабу, возрадовалось сердце мое, поднялась голова моя, засияли глаза мои, когда я услыхал слово царя, моего господина. Да знает царь, что я все приготовил в ожидании войск царя. И да знает царь, что сильна вражда против меня; все города, порученные мне царем, попали в руки варваров. Да отдаст меня царь в руки мужа, который выступает во главе войск царя, чтобы отвоевать города, попавшие в руки врагов, и вернуть их под мою руку, чтобы мог я служить царю, моему господину, как и мои отцы».

Царь, занятый своей новой религией, не обращал на эти жалобы должного внимания: ему было все равно, кто будет платить ему дань, и он надеялся удержать Сирию в повиновении, благодаря раздорам среди ее князей и городов. Тем временем амореи не унимались. Азиру, у которого при египетском дворе был сильный покровитель в лице вельможи Дуду (к нему, а также к другим вельможам, адресованы некоторые письма), осадил город Тунип, где правили поставленные царем его родственники и существовал культ Атона. Жители этого города, опасаясь амореев, двадцать раз, по их выражению, писали об этом царю: «город Тунип плачет, слезы его льются и нет помощи ему». Помощи так и не пришло, и Тунип попал в руки Азиру. К нему тогда был послан египетский посол Хани. Азиру не принял его с должным почетом, хотя, как писали его враги, он с большими почестями принял хеттского посла. В этом ему пришлось оправдываться пред царем; в свою очередь, он обвиняет своих врагов, в особенности же царя Нугаши, овладевшего некоторыми его землями. Вот его письмо: «О владыка, царь мой! я — раб твой и, если я предстану лицу моего господина, я скажу так пред царем: о господин, не слушай врагов, которые клеветали на меня пред царем; я твой раб навеки. А что касается до того, что царь сказал о Хани, — владыка, в Тунипе был я и не знал, что он пришел; лишь только я услыхал об этом, я немедленно встал, но уже не застал его. Да вернется Хани в мире и да спросит его царь, как я его принимал. Мои братья и Ватиль служили ему; бык и птица были его едою; они поили его; лошадей и ослов давали ему для путешествия. Да услышит царь слова мои. А что касается того, что царь велел отстроить город Сумур, то люди Нугаши враждебны мне и взяли мои города, а потому я их не строил, но теперь скоро их отстрою. И теперь царь и господин мой да знает, что половину утвари, данной царем, взял у меня Хатииб; и золото и серебро, данное мне, взял он». Итак, Азиру переписывается с фараоном. Дело объясняется следующим письмом последнего:

«К человеку аморейскому, царь, твой господин. Человек библский, которого его брат выбросил за ворота, писал тебе: «возьми меня и доставь в мой город — тогда я тебе дам деньги, а теперь нет при мне никаких драгоценностей». Так он говорил тебе. А ты пишешь царю, твоему господину: «я твой слуга, как и прежние твои верные князья, сидевшие в городах». И ты провинился, захватил князя, которого его брат изгнал из города. И когда он был в Сидоне, ты выдал его князьям, как будто ты не знал ненависти людей. Если ты действительно слуга царя, почему ты не устроил его отъезд к царю, твоему господину, думая: это князь написал мне: «возьми меня к себе и доставь меня в мой город». Если ты правильно поступаешь, то неверны слова, о которых ты писал, будто они правильны, и царь должен думать, что все неверно, что ты говоришь. Смотри же. Один из князей слышал, будто ты соединился с человеком Кадеша, чтобы взаимно доставлять друг другу пищу и питье, и что это правда. Зачем ты так поступаешь? Зачем вступаешь ты в союз с человеком, с которым царь во вражде? Каково бы ни было твое поведение среди них, ты уже не будешь стоять на стороне царя, твоего господина... Если ты покоришься царю, то есть ли что-либо, чего не в состоянии сделать для тебя царь? Если же ты для какой-либо цели желаешь затевать вражду и если ты кладешь на сердце ненависть и враждебные мысли, то умрешь под секирой царя со всем твоим семейством. Итак, подчинись царю, твоему господину, и будешь жив. Ведь ты знаешь, что царь вовсе не намерен угрожать всему Ханаану. А что касается твоих слов: «пусть царь оставит меня

в покое в этом году, и я явлюсь пред лицо царя, моего господина, в следующем, ибо у меня нет при себе сына», то царь оставляет тебя в этом году, как ты просишь. Но (потом) явись сам или пришли сына, воззри на царя, при взоре которого живут все страны, и не говори: «я бы хотел пропустить и этот год»... Царь, твой господин, слышал, что ты писал ему: «пусть царь, мой господин, пришлет мне Хани, царского посла, снова: я чрез него отправлю врагов царя». Вот он идет к тебе, как ты просишь, а потому пришли их и не отпусти из них никого. Царь, твой господин, посыл ет тебе имена своих врагов в этом письме чрез Хани, посла царя, а потому вышли их и не отпусти из них никаго. Цепи из бронзы должны быть на ногах... Люди, которых ты должен послать царю, твоему господину: Шарру со всеми сыновьями, Туии, Лия со всеми сыновьями, Вишиари со всеми сыновьями, зять Мании со всеми сыновьями и женами. Знай, что царь — солнце на небе — благополучен, его кони и колесницы многочисленны от Верхней страны до Нижней, от востока солнца до запада».

Итак, Азиру не только добился своего, взяв Библ и выдав несчастного Риб-адди его врагам, но и сделался доверенным лицом фараона. Вчерашний бунтарь оказался губернатором области, в которой он сеял смуты и насилие. Египетское правительство пало слишком низко и было за это наказано. В Богазкеойском архиве мы читаем между прочим: «во время Суббилулиумы... Азиру, царь Амурри, отпал к Египту, но потом пал к ногам Суббилулиумы. Он простил его и заключил с ним договор; границы Амурри, как и при его отцах, он определил и поручил ему». Итак северная часть владений фараона отпала к хеттам, которые и раньше считали себя господами этой области.

На юге дела шли также далеко не благополучно. На рубеже Египта, в так наз. стране Яримута (может быть, Дельте), имел резиденцию египетский губернатор Южной Сирии, Янхаму, едва ли не семит. Его почему-то усиленно хвалит Риб-адди, желающий видеть его на севере, но южные сирийцы иногда обвиняют его в насилиях и взяточничестве; так, один из них, бунтарь Милкиил, пишет царю следующее: «...да знает царь дело Янхаму: после того, как я вышел от царя, он требует 2000 сиклей из моих рук и сказал мне: «отдай мне твою жену и детей, или я убью их». Да знает это царь, и да пришлет царь к нам колесницы, и да доставит нас ко двору». Другой князь, Шувардата (некоторые это имя считают арийским), повидимому, в дружбе с Янхаму, но его теснят другие враги. Он пишет царю: «Писал царь ко мне: явись ко двору, чтобы лицезреть меня, имей аудиенцию у меня. Но ведь Янхаму у тебя, поговори с ним. Неужели нет войска, чтобы меня спас царь?» Царь, кажется, сделал запрос относительно Янхаму. Один из вассалов (Шипти-Ваал) пишет: «Янхаму — верный слуга царя и прах ног царя». Положение, помимо личной вражды, интриг и мелких смут, и здесь осложнилось значительно со стороны бродячих элементов.

Среди писем из городов Южной Палестины: Аскалона, Бит-Ниниб и других, особенно интересны письма из *Иерусалима.* Там правил князь, называвший себя египетским словом «уэу» (офицер) и носивший имя Абдхиба (может быть, Артухипа), едва ли не хеттского происхождения (ср. богиня Хипа). Он враждовал с соседними владетелями (Шувардата), но главными его врагами были надвигавшиеся на Палестину кочевники. Об опасности, грозившей от них, Абдхиба пишет царю ряд отчаянных писем, из которых мы приведем здесь некоторые.

«Царю, моему господину, Абдхиба, твой раб. К ногам моего господина семь и семь раз падаю я. Чем я преступил против царя, моего господина? На меня клевещут пред царем и говорят: «Абдхиба отпал от царя, своего господина». Нет, не отец, не мать посадили меня на это место, а могучая рука царя водворила меня в отчине; какая же мне цель после того преступать против царя, моего господина? Клянусь жизнью царя, я всегда буду говорить рабису царя: «зачем ты любишь Хабири и ненавидишь туземных князей?» Вот потому-то и клевещут они на меня пред царем. Я говорю: «погибнет царское достояние», поэтому и злословят меня пред царем,

моим господином. Да ведает царь, мой господин: он поставил гарнизоны, а их взял все Янхаму... их больше нет. Да печется царь о своей земле, да печется: отпали все царские области. Милкиил (Илимилку) губит всю царскую область. Да позаботится посему царь о своей земле. Я говорю: я хочу итти ко двору и созерцать очи царя, но враги сильны против меня, и я не могу отправиться. Посему да найдет царь удобным прислать гарнизон, чтобы я мог пойти ко двору и созерцать его очи. Пока царь жив, всякий раз, как отправляется чиновник, я говорю: «погибает царская земля»; но меня не слушают! Потеряны и все вассалы, нет их больше на стороне царя. Посему да обратит царь внимание на стрелков и пусть прибудут сюда царские стрелки. Царь не владеет страной: Хабири опустошают всю царскую область. Если бы войска прибыли в этом году, страна удержалась бы за царем, но их нет, и земля потеряна. К секретарю царя, моего господина, Абдхиба, твой слуга: передай ясно слова царю, моему господину: погибает вся область царя, моего господина».

Следующее письмо рисует положение дел еще ухудшившимся:

«... Да ведает царь: все земли гибнут; против меня вражда; область Гезера, Аскалона и город Лахиш дали им пищу, елей и все необходимое. Посему да позаботится царь о войсках и вышлет их против тех князей, которые преступили против него... Это—дело Милкиила и сыновей Лабаия, которые предают царскую землю Хабири... Да знает царь: я не могу послать каравана к царю... Царь запечатлел свое имя в земле Иерусалима навеки, посему он да не оставит земли Иерусалима».

Следующее письмо:

«... Я не князь. Я — чиновник царя, я царский офицер, приносящий ему дань. Не мать и не отец, а крепкая рука царя посадила меня в отчину... Шута, царский рабису, явился ко мне; я передал ему 21 девочку и 80 человек... в подарок царю, моему господину. Да печется царь о своей земле. Погибает вся царская область; враждебны ко мне. Область Сеира до Ганат-Кармила потеряна... некогда я снаряжал корабли на море, и царская рука покоряла Нахриму (Митанни) и Капаси, а теперь Хабири забирает города царя и не остается у него ни одного князя». Далее следует рассказ о гибели разных князей и обычная просьба прислать войска: если же этого не будет сделано, то пусть царь возьмет его с семьей в Египет.

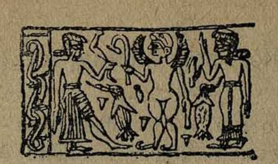
Таково же содержание и других писем; в них опять обвиняются Таги, Лабаия, Милкиил, а также Шувардата. Повидимому, все они играли здесь роль аморейских князей севера, и в свою очередь обвиняли Абдхибу. Фараон принял, кажется, против них некоторые меры: конфисковал имущество Лабаии и грозил ему казнью. На это тот имел дерзость написать следующее письмо: «Я воспринял слова, написанные мне царем. Кто я такой, что царь ради меня теряет свою землю? Я верный раб царя, я не преступал и не грешил, не утаивал дани и не оказывал неповиновения моему рабису. На меня клевещут... Мое (единственное) преступление это то, что я вошел в Гезер и сказал: царь отнял у меня все, что у меня было, а где то, что принадлежит Милкиилу? А ведь я знаю, что сделал против меня Милкиил... Далее. Если бы царь написал о моей жене, я бы ее отвергнул, а если бы он написал мне: «вонзи бронзовый кинжал в сердце и умри», я бы не исполнил воли царя». Лабаия пошел осаждать Мегиддо и во время осады погиб. Зурата аккский хотел его труп отправить царю, и потом за выкуп отдал его родным. Шувардата писал царю: «Лабаия умер, отнимавший наши города... но Абдхиба — второй Лабаия — он отнимает наши города... Тридцать городов против меня; я одинок; сильна вражда ко мне; выбросил меня царь из своих рук, да пошлет он стрелков; пусть он поговорит с Янхаму»... Таким образом и Шувардата жалуется почти в тех же выражениях, что и иерусалимский князь.

Является вопрос, что это за народ Хабири? В них очень заманчиво было бы видеть евреев, и грамматически это вполне возможно. Вероятно, правильно предположение, что в их лице мы имеем дело с евреями в широком смысле или с близкими им

племенами; в борьбе с Хабири мы имеем прелюдию еврейского завоевания, и «хабири» было общим названием бедуинов.

Переводы текстов из *Telle-el-Amarna* сделаны Винклером в Keilinschriftliche Bibliothek. В новой транскрипции и новом переводе Knudtzon'a письма выходят в серии Vorderasiatische Bibliothek; пока вышло 14 выпусков; в них вошли все документы и значительная часть исторического комментария, составляемого Отто Вебером. См. еще Dhorme. Les pays biblique au temps d'El-Amarna. Revue Biblique, 1908—1909. Соловейчик, Палестина в XV в. при свете новейших открытий. Журн. мин. нар. просв. 1896, март. История *еврейского* завоевания Палестины дает не мало аналогий к тому, что сообщают амарнские документы о нашествиях племен. В книгах Исхода, Чисел и Судеб (особ. гл. 17—18) содержатся совершенно параллельные повествования. См. по древнейшей истории евреев и родственных им племен прекрасное исследование Эд. Мейера, Die Israeliten und ihre Nachbarstämme. Halle, 1906.



ЕГИПЕТ И ХЕТТЫ. ХЕТТСКАЯ КУЛЬТУРА

Из глубокого упадка, в какой повергли Египет религиозные смуты при преемниках Аменхотепа IV, поднял его фараон Харемхеб, сам рассказывающий нам свою историю в надписях на своей статуе в Туринском музее и на обломках в Лейдене, Вене и Каире. Он происходил из древнего рода номархов в Ха-Сутене (Алавастронполе) и начал свою служебную карьеру при царях XVIII династии. При Эхнатоне и его слабых преемниках он достиг огромного влияния и был награжден, подобно другим вельможам этого смутного времени. Оставленные им в своей предполагавшейся гробнице надписи и изображения рисуют его в присутствии какого-то неназванного еретического царя увешиваемым золотом пред лицом всех стран и народов. Говорится, что он был «царским послом во все страны, где светит Атон», что он собирал подати юга и севера, сопровождал царя повсюду, стоял во главе войск, начальствовал над обеими землями, был военачальник над военачальниками. Между прочим, он изобразил прием какого-то семитического племени, прибывшего в Египет, когда «в их земле был голод», и они «не знали, как прожить». Фараон разрешил им поселиться — интересная параллель к повествованию библии. Таким образом, он был самым могущественным лицом в Египте. Уже тогда ему пришлось воевать в Сирии и быть «сопровождающим своего господина в битвах, в день, когда били азиатов», что, пожалуй, может указывать на попытку одного из этих царей (может быть, Тутанхамона) восстановить власть в Сирии.

Однако, близкая связь с почитателями Атона не помешала ему воспользоваться неудачей их религиозной попытки и решительно стать на сторону жрецов Амона, которые воспользовались этим влиятельным и способным деятелем и возвели его на трон. В торжественной надписи, составленной по этому случаю, говорится, что родной бог нового царя, Гор алавастронпольский, представил его Амону, и тот в день своего великого луксорского праздника, во время процессии, объявил его фараоном (как некогда Тутмоса III). Он немедленно стал оправдывать доверие жрецов. Он окончательно отменил культ Атона, снес его храмы и материал их употребил на реставрацию святилищ Амона и других богов. Реставрации были предприняты по всей стране, везде восстановлялись древние культы и снабжались дарами храмы: «он восстановил храмы от болот Дельты до вод Нубии», говорит по этому поводу надпись. Боги не остаются в долгу — они каждое утро молятся за него верховному Ра.

Если в этих деяниях Харемхеб проявил только свою проницательность, с какою он уловил настроение общества и заручился жрецами, то другие его мероприятия дают право видеть в нем мудрого правителя и гуманного человека. Выйдя сам из чиновной среды и зная нравы ее и народные нужды лучше фараонов по рождению,

он кроме того имел случай убедиться, что за время телль-амарнской эпохи и религиозных смут, обычные в восточном государстве злоупотребления возросли до чрезвычайности. Желая возродить Египет, Харемхеб предпринял ряд мер к искоренению их, и с этой целью издал длинный указ, который был затем начертан на южной стене Карнака, на самом живописном месте великого храма. Этот интересный законодательный памятник был найден в 1881 г. Бурианом; затем разработкой его занимался М. Мюллер, снявший с него в 1904 г. новую копию. К сожалению, огромная надпись сохранилась только наполовину, что в связи с неясностью юридической терминологии лишает нас возможности использовать его в той мере, в какой он того заслуживает. Breasted в своем труде дает полный перевод и восстановляет утерянные места, но это рискованно. В начале текста говорится: «его величество советовался со своим сердцем... чтобы прогнать зло и уничтожить неправду... он искал превосходного для Египта и исследовал причины утеснения страны. (И вот писец) взял трость и свиток и написал согласно изречению самого его величества»... Далее следует ряд параграфов, направленных против злоупотреблений. Напр., под страхом отсечения носа и ссылки в крепость Джар на сирийской границе запрещается чиновникам вымогать для своего употребления у бедняков суда, снаряженные ими на свой счет и приспособленные для несения повинностей ко двору. Мало того, чиновники приглашаются помогать бедным, не имеющим своих судов, склоняя богатых давать им суда. Запрещается брать у граждан рабов для частных работ у чиновников, а не для казенных повинностей, запрещается полиции пользоваться шкурами с казенного скота, вводится строгий контроль над дворцовым ведомством. Запрещается отнимать у бедных овощи под видом сбора для царского стола и т. п. Эти заботы о бедном люде царь распространил предписаниями об упорядочении правосудия. На юге и севере было поставлено по верховному судье, которым было предписано: «не сообщайтесь с народом, не берите мзды... ибо как можете вы судить других, если среди вас будет кто-либо, преступивший против справедливости». Судьи оправдывали мздоимство поборами в пользу казны. Чтобы отнять у них это оправдание, царь запретил взимать с этих двух судилищ подати золотом и серебром. Кроме того были учреждены в каждом городе судебные палаты из жрецов и местной знати. Харемхеб шел и дальше письменных предписаний: подобно Тутмосу III, он лично ежегодно объезжал страну и щедро награждал и ласково принимал у себя во дворце, с балкона которого он часто показывался народу и называл по именам, кого хотел отличить.



Хеттский воин.

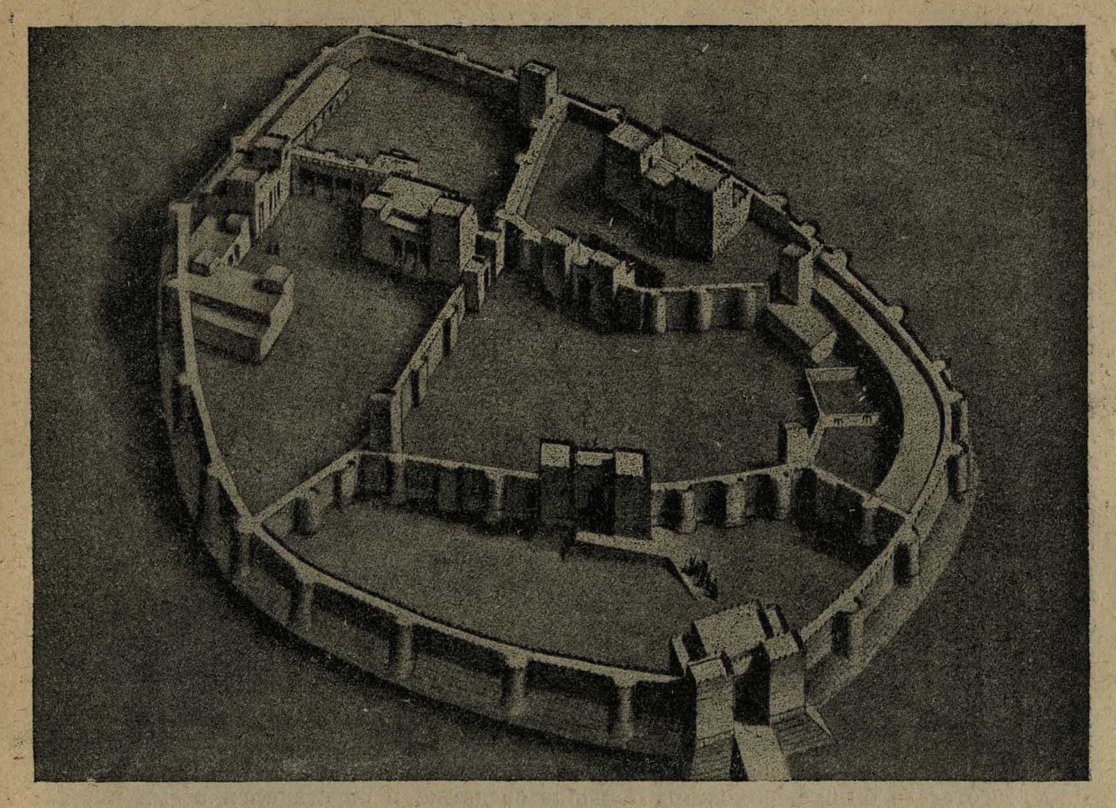
При таких заботах о внутренних делах, едва ли у Харемхеба оставалось время для восстановления внешнего могущества государства, тем более, что в Сирии обстоятельства изменились к худшему для Египта. Хетты, движение которых на юг мы видели уже во времена Аменхотепа III, ко времени Харемхеба

образовали в Северной Сирии сильное государство, сделавшееся для Египта серьезным соперником.

Раскопки Винклера в центре *Хеттской державы*, нынешнем Богазкеое, в Каппадокии на Галисе, в 1906 г., обнаружили архив хеттских царей, подобный Телль-амарнскому и по времени соприкасающийся с ним, что дает нам возможность не только восполнить сведения из другого источника, но и несколько продолжить их. Затем мы имеем письма хеттских царей к фараонам, вавилонским и др. царям и ко всем вассалам и взаимно. На основании этих писем, весьма обстоятельных в своих исторических указаниях, иногда переходящих в целые хроники, можно составить представление о политических событиях в великом хеттском царстве, в Митанни, у амореев. Родоначальником хеттской династии, сыгравшей крупную роль в истории XIV—XIII вв., был отец телль-амарнского Суббилулиумы, Х а т т у ш и л ь, царек какого-то города Кусара, еще не называемый великим царем. Мы видели его сына в переписке с Аменхотепом IV и в войне с Митанни. Тушратта упоминает о своей победе, но потом его голос замолкает, и мы теперь знаем участь этого повелителя Ниневии. С у б б и л у л и у м а разбил его, опустошил левый берег Евфрата, затем прошел всю Месопотамию и даже область Алеппо, после чего был заключен дошедший до нас договор. Затем мы читаем в новых документах, между прочим, следующее: «его (Тушратты) сын со своими слугами составил заговор и убил своего отца Тушратту... страна Митанни совершенно погибла. Ассирия и алшийцы разделили ее между собою... Когда великий князь (хеттский) узнал об обнищании страны Митанни, он отправил своих придворных, своих быков, овец и лошадей, и те люди Харри (имя господствующего населения, по мнению Винклера— арийцы) были доведены до крайности».

Суттарара со своими приверженцами замышлял убить Маттивазу, сына царя. Последний убежал к «солнцу» Суббилулиуме. Великий царь сказал: «Тишуб решил дело в его пользу; я взял Маттивазу, сына царя Тушратты, за руку и посадил его на трон. Чтобы страна Митанни, великая страна, не погибла, великий царь призвал его к жизни ради своей дочери. Маттивазу взял я за руку и дал ему мою дочь в жены». Так превратилась Митанни из великой державы в вассала хеттского царя. Сам Маттиваза сообщает нам любопытные подробности об истории этого превращения: «когда Суттарна (вар. Суттарары) властвовал в Митанни, его отец Артатамх худо поступал со страной. Он расточил и отправил все свои сокровища в Ассирию и Алшу. Тушратта выстроил дворец и роскошно обставил его, а он все его драгоценности выдал ассириянам, которые были вассалами его отца. Саушатар, прадед, добыл из Ассирии дверь из золота и серебра и поместил ее во дворце в городе Вараганни, а Суттарна вернул ее в Ассирию»... Таким образом, Суттарна II хотел заручиться союзом с Ассирией против хеттов; брат его держался противоположной политики. Для того времени это было более надежно, и ему удалось пока спасти остатки царства. Эти события произошли, вероятно, еще в эпоху Телль-Амарны, равно как и окончательное отпадение от Египта Амурру в лице известного нам Азиру. Об отношении его к хеттам ясно говорит сын и второй преемник Суббилулиумы, Мурсиль, в письме к его внуку: «Азиру, твой дед, о Абби-тешуб... когда мой отец вел войны с врагами, также воевал с врагами его. Он никогда не раздражал моего отца, и мой отец охранял Азиру и его землю... Он наложил на него 300 сиклей золота, как дар и дань. Он всегда платил ежегодно, и никогда не уклонялся. Когда мой отец умер и я вступил на его престол, твой дед Азиру оказывал мне то же, что и моему отцу. Когда цари Нухаши и Кинза снова восстали против меня, твой дед Азиру и твой отец Ду-Тешуб не примкнули к ним». Итак, благодаря бездеятельности фараонов, амореи сделались опорой хеттов в Сирии; цари их даже рельефно подчеркивали свои вассальные отношения, принимая в свои имена хеттского бога Тишуба.

Надпись на втором пилоне в Карнаке говорит о завоеваниях Харемхеба в Сирии, Нубии и экспедиции в Пунт, дары которого, равно как и пленных из походов, он



Крепость Зенджирли. Реконструкция.

жертвует Амону. Даже и князья Хауинебу (эгейских островов) изображены покорными фараону. Трудно сказать, условно это изображение, или передает действительность. С хеттским царем Харемхеб заключил мир на равных условиях, с признанием status quo.

В лице преемника Харемхеба, Р а м с е с а I, вступила на египетский престол *XIX династия.* Сам Рамсес I царствовал лишь два года с небольшим. Это доказывается найденною мною в Брит. музее надписью от первого года Сети I, происходящей из Вади-Хальфы и тожественной с оставленной там же полгода тому назад Рамсесом. Оба говорят о дарах местному храму и о пленении врагов в Нубии, которая теперь была вновь тесно привязана к Египту; для царей-реставраторов было важно обладать ее рудниками. От Рамсеса I дошла еще надпись на Синае — здесь он говорит о восстановлении пришедшего в упадок храма местной Хатор. Таким образом, реставрационные работы предпринимались уже за пределами Египта. При Сети I очередь дошла до нубийского храма Гем-Атона в Сесеби. Он был, по отдаленности, забыт и только теперь найден. Барельефы, изображавшие Эхнатона с семейством перед солнечным диском, были теперь заштукатурены или изглажены и заменены фигурами Сети I, молящегося Амону.

Сын Рамсеса I, С е т и I, о деяниях которого повествуется в изображениях и надписях в Карнаке (внешняя стена большой ипостильной залы) и в других местах, был воинственным царем и немедленно взялся за восстановление египетской власти в Сирии. К сожалению, до нас дошла только картинная галлерея его войн, снабженная лишь весьма кратким текстом; изображения крайне интересны: здесь и походы, и битвы, и осады, и триумфы, и принесение в жертву пленных. Порядок преследует

эстетические, а не исторические цели. В тексте, между прочим, читаем: «В первый год царя Сети... пришли сказать его величеству: презренные князья Шасу (сирийские бедуины) замышляют бунт; их начальники колен собираются, стоя в горах Сирии (подобно Хабири в Телль-Амарне), они бранятся и ссорятся; у них один режет другого и не обращают внимания на законы дворца. Радуется тому его величество; он ликует, начиная битву, и радуется, завязывая бой. Сердце его успокаивается, когда он видит кровь и отрубает головы трусов. Приятнее ему час битвы, чем день наслаждения. Его величество перебил их всех в один час; тот, кто избег его руки, был пленником приведен в Египет». Далее идет ряд картин, объясняемых надписями: «Год первый. Опустошение, произведенное могучим мечом царя среди презренных Шасу, начиная от крепости Джара до Ханаана. Его величество вышел против них, как свирепый лев; он превратил их в трупы в их долинах, погрузил в их кровь; не было никого, кто бы спасся». Далее мы узнаем о войне в Ретену (Сирия) и в стране амореев, т. е. в царстве Азиру и Абдаширты, где был осажден Кадеш; на Ливане египтяне заставляли жителей рубить кедры и отсылали их для храмовых нужд в Египет. Финикия, по крайней мере, Южная, была снова присоединена, и морское сообщение с Азией обеспечено. Еще дальше — война с хеттами (царь Мурсиль), якобы удачная для египтян: хетты обращаются массами в бегство, берутся в плен или убиваются. С ними был заключен мир при царе Муталлу. Попадаются также изображения битв с ливийцами («техену»); очевидно, сирийская война была прервана отражением их набега. Далее изображено триумфальное возвращение Сети I в Египет; на границе, где изображены укрепления, его встречают вельможи и жрецы.

Сети I был также великим строителем. Сначала он довершил реставрацию храмов, начатую Харемхебом, потом сам стал строить их и расширять. Его именем отмечены величественные и прекрасные по замыслу и исполнению сооружения в Карнаке, Луксоре, Абидосе, Мемфисе и Нубии (начат Абу-симбельский пещерный храм). Для всего этого были необходимы большие средства, и он старался всеми мерами облегчить их поступление. Так, он продолжает дело отца в Нубии, копает колодцы в Редезиэ для облегчения сношений с золотыми рудниками у Чермного моря и т. п.

Если победы Сети I над хеттами и не преувеличены, то все-таки они не имели нужного для Египта результата. Хетты продолжают свое наступательное движение на юг, и с ними приходится иметь дело преемнику Сети I, Рамсесу II Мериамону. Этот царь — самая популярная личность египетской истории. Своей популярностью он обязан не столько военным успехам, сколько постройкам и памятникам, оставленным в течение своего долгого (57 лет) царствования.

Первые двадцать лет своего правления он должен был употребить на постоянные войны в Сирии, главным образом, с хеттами. На четвертом году правления он ходил в Сирию и дошел до финикийской речки Нахр-эль-Кельба, где поставил надписи. На пятом году был самый важный поход — против хеттского царя Муталлу; об этом походе сохранились надписи и картины в Ибсамбуле в Нубии и мн. др. храмах. Хетты собрали огромные силы: на службе у них были не только сирийцы, но и жители Малой Азии; сирийские наместники также тайно держались их стороны и не извещали об их движениях царя; с своей стороны, когда он был у Шабатуна (Рибла), хетты подослали к нему двух перебежчиков, уверивших царя, будто хеттское войско находится еще около Тунипа. Царь с половиной войска переправился через Оронт, чтобы осадить Кадеш. На самом деле там стояло хеттское войско, ожидая в засаде египтян; Кадеш впустил в свои стены хеттские отряды. Египетское войско, значительную часть которого составляли наемники (Шардана и Машваш), шло четырьмя отрядами (дивизии Ра, Пта, Сутеха и Амона); оно было застигнуто врасплох, причем две дивизии, перейдя Оронт, расположились у города, а две были далеко. Удалось поймать двух хеттских шпионов, которые под пыткой показали, что хетты находятся вблизи. Действительно, вскоре показалось все их войско. У Кадеша столкнулись



Стела царя Баррекуба из Зенджирли.

силы всего культурного мира того времени; битва была упорная, и хеттская конница почти уничтожила дивизию Ра и смяла египетскую пехоту; лагерь Рамсеса достался в руки врагов, которые занялись его грабежом; это, а также и личная храбрость царя, спасли египтян от окончательного поражения. Рамсес приписал себе победу, хотя она была сомнительна; о ней мы имеем много сведений, главным образом из официального эпоса, дошедшего до нас в копии писца Пентаура.

Битва у Кадеша не имела тех результатов, которых можно было ожидать от победы: вслед за ней мы видим восстание всей Сирии до самых границ Египта, а хеттов — в Дапуре, южнее Кадеша. Рамсесу II пришлось еще не раз ходить в Сирию и брать там один город за другим, начиная от Аскалона (который тогда был еще заселен семитами); был взят и Дапур. Только на 21-м году своего правления (около 1270) Рамсес II мог заключить мир с преемником Муталлу Хаттушилем II. Условия этого мира сохранились до нашего времени начертанными на стенах Карнака

и Рамессея. Кроме того, Винклеру посчастливилось найти хеттскую версию в Богазкеое, где он также нашел письмо египетской царицы к хеттской «сестре» с поздравлением по поводу мира. Документ, которым он был скреплен, представляет договор об оборонительном и наступательном союзе между двумя империями. Вот его текст:

«В год 21-й, в первый зимний месяц, 21-й день, при величестве Усермара Рамсесе Мериамуне (следуют титулы). Его величество был в граде «Дом Рамсеса Мериамуна», творя угодные обряды отцу своему Амону, Гору горизонтов, Атуму, владыке обеих земель илиопольскому... да дадут они ему века в юбилеях, вечность в мирных годах, все страны и земли подчиненными под ноги его во веки. Явился царский посол... представляя посла царя Хеттов Тартисбу и другого посла царя Хеттов (с серебряной дощечкой), которую Хаттасиль, великий царь Хеттов, прислал к фараону, чтобы просить мира... Копия с серебряной дощечки, данной Хаттасилем чрез посла Тартисбу и посла Рамоса... Условия, предложенные Хаттасилем державцем, сыном Маурсира (Мурсиля), царя Хеттов, державца, сына Сапалулу... на дощечке из серебра, для Усермара, великого царя Египта... (генеалогия), прекрасный договор мира и братства... навеки... Изначала, от века, отношения были таковы, что никогда не давал бог, чтобы великий царь Египта и великий царь Хеттов были врагами между собою, согласно договору. Но во дни Маутенра (Муталлу), царя Хеттов, моего брата, он сражался с Рамсесом II, великим царем Египта. Потом, начиная с сего дня, Хаттасиль, великий царь Хеттов, дает договор о следовании предначертаниям Ра и Сутеха для земли Египетской со страной Хеттов о том, чтобы не быть врагами друг с другом во веки... После смерти моего брата Муталлу, я сел, как царь страны Хеттов, на престоле его отца, я с Рамсесом, великим царем Египта... и он со мною в мире и братстве. Это будет лучший мир и братство, чем прежние на земле... Да будет прекрасный мир и братство между детьми детей великого царя Хеттов и Рамсеса, великого царя Египта, Египет и страна Хеттов да будут, подобно нам, в мире и братстве навеки. Да не наступает хеттский великий царь на Египет никогда в видах грабежа его (и взаимно). Справедливый договор, заключенный во дни Сапалулу, царя великого Хеттов, а также во дни Маутенра (вместо Маурсира), царя великого Хеттов, моего отца, да будет исполняться с моей стороны, да будет исполняться и Рамсесом, великим царем Египта... Мы будем держаться его и будем поступать соответствующим образом. Если пойдет какой-либо враг против владений Рамсеса, великого царя Египта, да пошлет он сказать великому царю Хеттов: «иди со мною с силами против него» — и царь Хеттов поборет врагов его. Если у него не будет желания идти, да пришлет свои войска и свою конницу, чтобы побороть врагов его. Если разгневается Рамсес на рабов своих (т. е. азиатских подданных), когда они учинят злодеяние (т. е. бунт), он пойдет убивать их, да действует царь Хеттов заодно с царем Египта». (Следуют такие же обязательства Рамсеса относительно царя Хеттов). Далее идет место о взаимной выдаче политических перебежчиков и эмигрантов; между прочим, говорится: «если кто-нибудь убежит из Египта и отправится в страну Хеттов, чтобы сделаться подданным другого, да не задерживают его в стране Хеттов, но доставят Рамсесу» и т. д. Договор оканчивается интересным послесловием: «Что касается слов царя Хеттов к царю Египта, начертанных на серебряной дощечке, то исполняют их 1000 богов мужских и женских страны Хеттов по отношению к 1000 богов мужских и женских Египта. Они со мною, как свидетели этих слов: Ра владыка неба, Ра города Иернен, Сутех, владыка неба, Сутех города Джапуранда, Сутех города Пайраки (следует ряд Сутехов отдельных городов), Астарта страны Хеттов (следует перечень богов и богинь разных стран и городов), боги гор и потоков страны Хеттов, боги Гиджавадана, Амон, Ра, Сутех, боги мужские и женские гор и рек страны Египта, небо и земля, и море, ветры и бури». Следующие слова на дощечке из серебра касаются страны Хеттов и страны Египта: «да опустошится дом, земля и рабы того, кто нарушит их; да дадут они здравие и жизнь тому дому, и земле,



Ваза со сфинксами из Зенджирли.

и рабам того, что сохранит их. Если убежит один человек из земли Египетской, или два, или три, чтобы идти к царю Хеттов, да задержат их и выдадут обратно Рамсесу... но да не будет постановлено против него преступление, да не опустошится дом его, его жены, его дети, да не казнят его, да не повредятся ни глаза его, ни уши, ни уста, ни ноги его» (и взаимно). В средине серебряной дощечки изображено: на лицевой стороне подобие Сутеха, обнимающего великого царя страны Хеттов, и слова: «печать Сутеха, царя небесного; печать договора, заключенного Хаттасилем державцем» (генеалогия)... На обратной стороне — подобие богини... (?), обнимающей царицу земли Хеттов, и слова: «печать бога солнца г. Иернена, владыки земли; печать Путухипы, царицы земли Хеттов, дочери земли Киджавадан»...

Мир, действительно, был упрочен надолго. Хеттский царь выдал за Рамсеса II свою дочь, которая под именем Маат-Нофру-Ра выступает в надписях, как полноправная царица; вскоре и сам Хаттушиль, вместе с царем соседней области Коди, посетил Египет. При преемнике Рамсеса, его сыне Мернепта, дружественные отношения между двумя державами продолжались: когда в стране хеттов был голод, туда из Египта был послан хлеб на кораблях.

Египту пришлось признать хеттов сюзеренами Сев. Сирии. Среди их союзников в великой битве у Кадеша на первом месте упомянут Арад. Этот город и остался за ними по договору, несмотря на все удивительные победы, о которых нам так любит рассказывать фараон. Является вопрос, где проходила теперь египетская граница, и как велика была часть Финикии, уступленная хеттам. Полагали, что стела Рам-

сеса II у Нахр-эль-Кельба — пограничный памятник, и река была естественной границей, но М. Мюллер из известного нам современного папируса, описывавшего Сирию, вывел, что упоминаемая в телль-амарнской корреспонденции Симира еще имела в себе египетский гарнизон. Таким образом, XIX дин. удалось все-таки вернуть кое-что из потерянной части Северной Сирии.

Итак, в Малой Азии возникла великая держава, составившаяся из разноплеменных элементов и представлявшая соединение множества вассальных владений под верховенством «*великого царя страны Хеттов*», сидевшего на берегах Галиса. Величественные остатки царских резиденций в Богазкеое и Эйюке, в связи с документами, найденными Винклером, и многочисленными памятниками, рассеянными на пространстве от Сард до Кархемиша и Хамата, дают нам уже теперь возможность, несмотря на трудность чтения хеттских иероглифических надписей, составить некоторое представление о *культуре* этого народа, бывшего предшественником греков в областях, впоследствии занятых ими, а может быть жившего некогда и в Сирии, откуда его вытеснили надвигавшиеся амореи. Во всяком случае, едва ли может подлежать сомнению, что весьма многие из малоазиатских божеств



Печать Таркондема с двумя видами хеттского письма.



Хеттский цилиндр-печать.

и культов, усвоенных греками, восходят к хеттскому прошлому; точно также многие совпадения хеттских и семитических культурных явлений и представлений едва ли случайны.

Культура хеттов своеобразна, хотя в ней и обнаруживаются некоторые следы вавилонского, египетского, а затем и ассирийского влияния. Крылатые фантастические фигуры, сфинксы и львы украшают стены дворцов и охраняют врата, однако не представляя отдельных колоссальных фигур, а являясь связанными с каменными плитами, как горельефы. Крылатый солнечный диск и урей, двуглавый орел — религиозные символы, пришедшие извне. Последний, может быть, восходящий к древней Ширпурле, здесь имеет большое распространение и получает уже свою настоящую геральдическую форму. Греческий ученый Ламброс доказывает даже, что Палеологи усвоили себе этот герб в никейские времена, вблизи хеттских развалин и заменили им прежний оскверненный латинскими императорами герб — одноглавого орла. — С другой стороны, хеттская цивилизация имеет несомненные точки соприкосновения с троянской, критской и микенской, как в религии, так и в искусстве, особенно в архитектуре, точнее в строительной технике. Наконец, все более и более становится возможным говорить о влиянии хеттского искусства на дальний север.

Богазкеой, соседняя с ним Язили-кая и Эйюк хранят остатки древнейших хеттских храмов и дворцов и интереснейшие скульптуры, служащие нам прекрасным материалом для знакомства с религией и искусством этого народа в эпоху его наибольшего могущества и самобытности, так как названные местности были центром



Хеттский царь, молящийся богу плодородия. Рельеф на скале в Ивризе.

державы в XIV—XII вв., что доказывается уже хотя бы находкой в них государственного архива, современного Телль-Амарне. Турецкая деревня Богазкеой занимает небольшую часть древнего города Хатти, столицы великой державы эпохи Суббилулиумы и Хаттушиля. Здесь найдены остатки укреплений в виде внешних и внутренних стен, окружавших высокий (1128 м) кремль; на большой площади города открыты остатки пяти зданий с внутренними дворами и многими помещениями, может быть, дворцов или храмов. Вокруг одного из них расположено множество так наз. магазинов. Вебер сопоставляет его с Кносским дворцом. В городских стенах были своеобразной архитектуры укрепленные ворота с башнями и фигурами львов — апотропеев; у одного из входов в город найдена прекрасно сохранившаяся рельефная фигура, по одним — царя, по другим — амазонки. Язили-кая — это святилище в скалах. Оно помещалось в двух узких, открытых пространствах, ограниченных натуральными скалами и соединенных узким проходом; меньшее было святым святых. Нижние части скал отполированы и украшены барельефами религиозного содержания. Главное изображение представляет Великую малоазиатскую Мать, богиню земли, шествующую на пантере, стоящей на двух горах, в сопровождении сонма божеств и жриц, на брак с юным богом плодородия, который идет к ней навстречу, попирая горы, также во главе процессии божеств, жрецов, воинов и музыкантов. Это — ἱερὸς γάμος, совершавшийся ежегодно и знаменовавший оживление природы. За Великой Матерью шествует на пантере и на горах национальный бог хеттов — Тишуб со своим аттрибутом—двойным топором, за ним две богини на двух крыльях двуглавого орла и т. п. На всю процессию издали смотрит царь, стоя на горах, держа в одной руке загнутый жезл (lituus), символ его верховного жречества, и касаясь другой рукой своего символа — изображения осеняемого крылатым солнечным диском храмика, в котором видна богиня солнца. Подобное же изображение царя-первосвященника, но обнимаемого Тишубом, помещено в проходе между двумя помещениями; такое изображение служит государственной печатью и описано в договоре Рамсеса II с хеттами. — Мужские божества изображались в изящных остроконечных высоких шапках, женские — в головных уборах, представляющих прототипы позднейших corona muralis, столь употребительных в Малой Азии и Финикии. Изображения божеств, стоящих на животных в горах, являются, кажется, специальной принадлежностью хеттской религии; отсюда они проникли в Ассирию (сонм богов на скале в Мальтае) и в Финикию, Сирию и даже Египет (богиня города Кадеша, дафнийский барельеф и др.); вероятно, они являются шагом вперед от древних фетишистических представлений, обожествлявших животных и горы. Впоследствии мы видим Кибелу уже не ходящей на спине пантеры, а восседающей на колеснице, запряженной львами. Иногда, напр., на хеттских цилиндрах - печатях Великая Мать изображалась среди символически представленной вселенной, как ее владычица, с аттрибутами власти. Великая Мать вероятно носила различные имена в разных местах, равно как и ее любимец; впоследствии ее называли Ма, иногда Реей, Кибелой; юного бога — Аттисом. Возможно, что у Митанни и в столице она носила имя «Хипа», входившее в состав теофорных имен (цариц: Путухипа, Гилухипа, иерусалимского Арта-Хипа и т. п.). Вероятно, знаменитая «Ниоба» на Сипиле — изваяние Великой Матери, точно также и Артемида Ефесская восходит к одной из форм малоазийской богини плодородия, как и ее странное изображение. На одной из скал Язили-Кая имеется еще одно своеобразное изображение божества с головой человека в хеттской конической шапке, с комбинацией львиных фигур вместо верхней части тела, и суживающимся книзу столбом вместо ног. Попадаются в последнее время небольшие фигурки триликих божеств с столпообразной нижней частью вместо ног. Бог Тишуб чтился всюду среди народов хеттского происхождения; по значению он был тожественен с вавилонским и ханаанскимАдадом: это громовержец и бог войны, сопоставленный египтянами с Сутехом и изображавшийся с длинным топором, как впоследствии чтившийся в тех же местах бог Тарса и Зевс Долихен.

Из других хеттских божеств следует упомянуть Тарку, близкого по значению к Тишубу и пользовавшегося на ряду с ним большим почитанием, что доказывается распространенностью имен, в состав которых он входит; затем известен Сандан, киликийский бог плодородия, сопоставленный с Гераклом и, вероятно, изображенный на Ивризской скале с колосьями и виноградной кистью в руках. Как и в семитической и в египетской религиях, каждый город имел своего бога, и в договоре с Рамсесом II приводятся в свидетели 1000 богов и 1000 богинь страны Хеттов, Сутех «земли Хеттов», «Сутехи» различных городов, боги гор и рек. Культы носили оргиастический характер. Существовала храмовая проституция, самооскопление, ритуальная пляска. Обряды и мистерии Аттиса напоминали служение Адонису, Таммузу и Осирису. Возможно, что известные уже в поздние времена: киликийский праздник «костра», иерапольский обряд всесожжений начатков, повешенных на деревьях, и праздник «сосны» в честь Аттиса и т. п. идут из хеттской религии. Существование оракулов видно уже из документов Суббилулиумы, вопросившего Тишуба о судьбе Митанни. Царь назывался «Солнцем» и считался его воплощением. Само божество солнце, может, было двуполым. Царицы в хеттских странах пользовались огромным значением и считались соправительницами царей, что, может быть, находится в связи с пережитками матриархата. Поэтому и их печать прикладывалась к государственным и международным актам. Некоторые даже в том значении, какое имела Тии у Аменхотепа III и Нофертити у его сына, хотят видеть хеттское влияние. Как бы там ни было, но характерно, что в письмах из Митанни постоянно выставляется на вид почтение к Тии; одно письмо даже написано специально к ней, тогда как ни в одном письме из Вавилона мы этого не замечаем. Все это, а также то, что мы знаем о религии хеттов, заставляет в последнее время все более и более склоняться в сторону предположения о том, что память о великом царстве хеттов у греков сохранилась в виде сказания об амазонках. О хеттской государственности мы осведомлены мало. Весьма вероятно, что лидийское феодальное устройство, а также феодальные порядки в Малой Азии персидского времени, являются пережитками хеттского прошлого.

Указ Харемхеба изд. M. Müller'ом в I т. Egyptological Researches, 1906. Переселение семитов — Breasted, Zeitschr. f. Aegypt. Sprache т. 38. Договор Рамсеса с хеттами — Max Müller, Der Bündnissvertrag Ramses II und des Khetitekönigs в VII т. Mitteilungen d. Vorderasiatischen Gesellschaft, 1902. *О хеттах* старая литература (до 1900) указана в моей статье «К истории Хеттского вопроса» (Зап. класс. отд. И. Р. Археол. общества, т. V). Недавно вышла книга I. Garstang, The land of Hittites, An account of recent explorations and discoveries in Asia Minor. Здесь хорошие новые воспроизведения памятников, но текст несколько разочаровывает. О находках Винклера существует пока предварительное и мало доступное сообщение в № 35 Mitteilungen d. Deutsch. Orientgesellschaft. W. Leonhardt, Hettiter und Amazonen. Lpz., 1911. Weber, Die Stellung d. Hethiter in der Kunstgeschichte. Münch., 1910. (Sitzungsber. Мюнхенской академии). Высказывается за большую художественную самостоятельность хеттов. Результаты турецко-немецкой экспедиции начали опубликовываться только с 1912 г., когда было выпущено топографическое и архитектурное описание Богазкеоя, составленное Пухштейном в 1910 в серии Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orientgesellschaft. Frazer, Adonis. Attis. Osiris. 1907.

[О хеттах в настоящий момент имеется огромная литература. Библиографический обзор принадлежит G. Contenau, Essai de bibliographie hittite. Paris, 1922. Следует отметить важнейшие работы G. Roeder, Ägypter und Hethiter (Alte Orient, 1919): Fr. Hrozny, D. Sprache der Hethiter (Boghazköi Stud. 1—2); Forrer, Die acht Sprachen d. Boghazköi — Inschriften; Fr. Hrozny, Code Hittite. Paris, 1922; B. Hrozny, Les inscriptions hittites hieroglyphique. Praha, I—II, 1933—1934; на русск. языке общей сводкой по хеттам может служить сборник «Хетты хеттская культура». Относительно этнического состава народов Малой Азии см. G. Hüsing, Die Völker alt-Kleinasiens und am Pontos. —Wien, 1933].



РАМЕССИДЫ

После мира с хеттами, остальная часть царствования Рамсесе протекла мирно, если не считать стычек с нубийцами и отражения ливийцев и шардан. Главным его занятием было теперь строительство. Редкий храм в Египте не носит его имени: его тщеславие наполнило страну памятниками с его именем. Особенно важны его сооружения в Абу-Симбеле, где он закончил грандиозный пещерный храм, в Луксоре (перестиль), Карнаке, Абидосе, в западной части Фив, где он соорудил свой великолепный заупокойный храм Рамессей, описанный у Диодора под именем гробницы Осимандия (от его имени Усермара). Как последний фараон-воитель, оставивший множество изящных, грандиозных памятников и колоссальных статуй, имевший сонм придворных поэтов, он сделался одним из наиболее популярных образов египетской истории. Имя его, в связи с редким долголетием, оставило память; последующая эпоха находится под его обаянием, что дает ей право на наименование эпохой Рамессидов.

Мернепта (1225—1215) был тринадцатым сыном Рамсеса II, и вследствие продолжительности царствования своего отца вступил на престол уже старым человеком. Его управление ознаменовалось опасной войной с новыми врагами. В это время происходили новые *брожения племен*, вызванные *переселениями индо-европейцев*. На Египет напала с моря целая коалиция морских разбойничьих племен: Луку, Акайваша, Туриша, Шакалша, Шардана; одновременно с запада напали ливийцы, которые уже с давних пор колонизовали западную часть Дельты и теперь образовали вблизи ее особое царство. Различные племена их (Лабу, Техену, Максии-Машваша) выступают объединенными под начальством царей, имена которых исправно приводятся теперь египетскими надписями. В данное время таким царем был Марайя. Объединение дало силу стремлениям в плодородную долину Нила. Движение имело стихийный характер народного переселения. Таким образом, против Египта выступает Африка в союзе с Европой, так как морские племена еще со времени Руже отожествлены с ликийцами, ахеянами, тирренцами, сицилийцами и сардинянами. Царь намекает, что и неблагодарные хетты сочувствовали его врагам. Если ликийцы упоминаются еще кипрским царем в переписке с Эхнатоном, то остальные племена теперь выступают впервые. Следует иметь в виду, что это было время, близкое к тому, в которое обыкновенно помещают гомеровские события. Пришельцы были после упорного сражения разбиты египтянами в долине Натровых озер, у города Периру, и должны были удалиться. Не менее 9 тысяч трупов осталось на месте, большое количество было взято в плен. Весь лагерь и множество оружия достались в руки победителей. Марайя бежал, но не был принят своими подданными. Радость в Египте была необы-

чайная. До нас дошли две длиннейших надписи, в которых трескучим и мало понятным слогом восхваляется победа царя и перечисляется добыча.

Из числа од, написанных египтянами по поводу этой победы, отметим одну, найденную в заупокойном храме, выстроенном для себя Мернепта в Фивах: особенно интересно ее окончание: «цари повергнуты и говорят: «пощады» (передано семитическим словом «шалом» — мир). Нет никого, возносящего главу среди девяти племен; опустошены ливийцы, хетты спокойны; в плену Ханаан, как всякий злой, уведен Аскалон; попал под власть Гезер; Иеноам приведен в небытие. Израиль — его людей нет, его посевы уничтожены, Сирия сделана вдовой (игра слов в египетском языке) для Египта. Все страны соединены в мире; всякий бродяга наказывается царем обеих земель Баенра-Мернепта, сыном Ра, Хотепхима, которому дана вечная жизнь, как Ра».

Таким образом, кроме войны на западе, был поход и в Сирию, и притом раньше ливийского нашествия. Возможно, что в связи с ним стоит пребывание царя в Азии в 3-й год его царствования, упоминаемое в интересном дошедшем до нас документе — заметках пограничного чиновника, записывавшего изо дня в день проходящих через сирийскую границу и отмечавшего проносимые письма — очевидно подобные телль-амарнским (между прочим к царю Тира, к египетским офицерам в Сирии). Упоминание в названной оде об Израиле — пока единственное в египетских текстах. Израиль уже сидит в Палестине. Обыкновенно Мернепта считался фараоном исхода; теперь оказывается, что исход совершился раньше и что часть «Хабири» осела, вероятно, на Ефремовых горах, как племя «Израиль». Кроме сказания библии об исходе существовали рассказы позднего времени, возникшие в Египте и сближавшие евреев с гиксосами, «прокаженными» и еретиками, поклонниками Атона. Эти рассказы, сохраненные Иосифом Флавием (из Манефона), Лисимахом и др., возникли под влиянием, между прочим, развившегося при Птолемеях нерасположения к иудеям.

После смерти Мернепта снова начались смуты; царством овладел узурпатор Аменмессу; он свергнут и заменен родственником Мернепта (по жене) Си-пта; а после Си-пта царем стал Сети II, может быть, сын Мернепта, но он царствовал недолго, и после его смерти опять началась анархия. Официально сообщается следующее: «земля египетская была покинута, всякий бежал из нее; не было повелителя много лет раньше, пока не наступили другие времена, когда земля египетская была с князьями в номах; один убивал другого, как великие, так и малые. Другое время наступило после этого в виде пустых (голодных) лет: тогда какой-то сириец сделал себя среди них князем. Он сделал всю страну данницей пред собою. Один соединялся с другим для грабежа имущества. Поступали с богами, как с людьми; не приносились жертвы в храмах».

Порядок был водворен в Египте новым царем Сетнахтом, о котором рассказывает папирус Харрис, продолжая приведенную выше цитату: «боги обратились к миру, чтобы возвратить землю к справедливости. Они утвердили царей всей земли на великом престоле сына своего, исшедшего от них, Сетнахта; он был подобен Хепри и Сетху, когда тот бушует; он привел в порядок всю землю, обуревавшуюся мятежом, перебил злодеев; в качестве царя обеих земель на престоле Атума заставил лица, обращенные назад, быть наготове и всякого человека признавать за своего брата; раньше они были враждебны друг другу. Он воздвиг храмы богов, чтобы приносить жертвы сообразно обычаю».

Сетнахт начинает собою XX династию. Преемник его, Рамсес III (начало XII в.) был последним крупным фараоном Нового царства.

При вступлении его на престол спокойствие внутри страны было уже восстановлено. Оставалось возвратить Египту его внешнее значение. Двенадцать первых лет царствования Рамсеса III занято войнами. В 5-м году царствования ему пришлось вести одновременно войну на западе и востоке. Вероятно, по уговору, на Египет опять напали с одной стороны ливийцы под начальством царя Термера, с другой —

морские племена. С ливийцами царь справился без большого труда; более 1 200 их было убито, 1 000 взято в плен. Гораздо опаснее были другие враги, которые после отражения их передовых отрядов явились всей массой через три года, в 8-й год. «Явились Пуласати, Джаккара, грабившие страну. Отборные воины их шли на суше, другие по морю через рукав Нила — Рохаут. Не устояла ни одна страна пред ними от Хеттов, Коди, Кархемиша, Арада; они разбили стан внутри страны Амор (амореев), люди которой пленены и которой как не бывало. Они состояли из Пуласати, Джаккара, Шекелша, Данона и Уашаша». Рамсес отправился против них на границу Сирии; его флот находился в Рохауте (Канопском русле); этот нильский рукав был укреплен. Враги двигались с семьями, которые находились на повозках; сухопутное войско их было разбито Рамсесом в Сирии; флот также потерпел поражение; о морской победе египтян рассказывают тексты и изображения храма Мединет-Абу, выстроенного Рамсесом III. «Они собрались у моря. Пламя овладело ими и Рохаутом; они завлечены, загнаны в узкое место, повалены на берегу, перебиты, превращены в груды трупов. Корабли их попадали в воду, я (фараон) заставил их повернуть назад, помнить египтян и возвещать имя мое в стране своей».

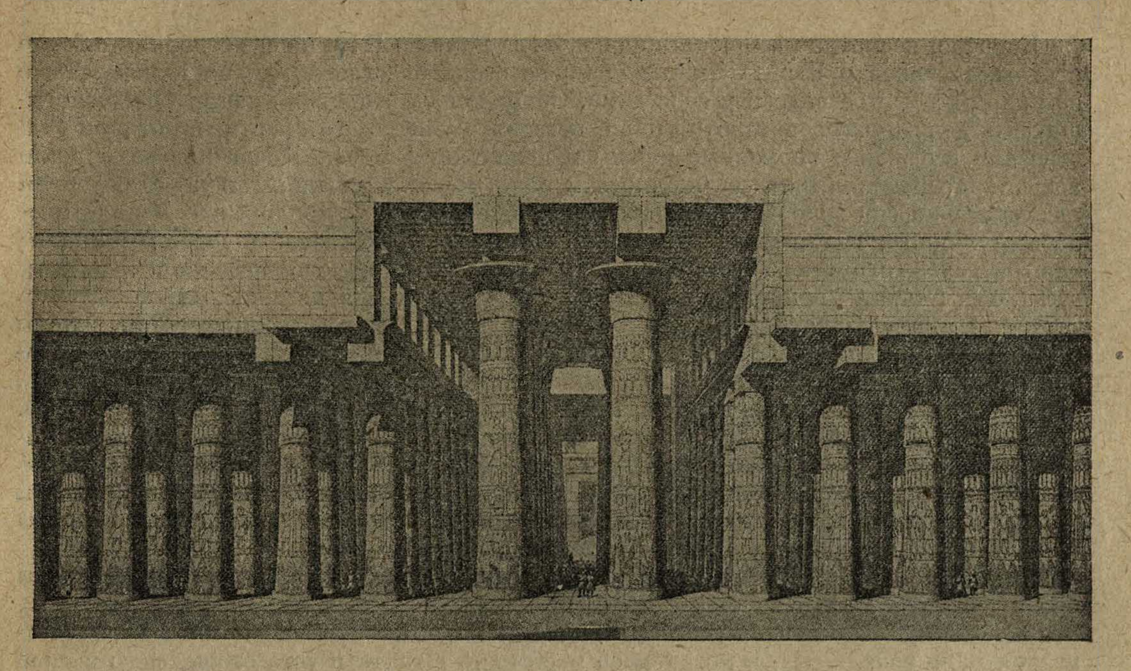
Достоверно известно, что Пуласати и Джаккара — тот же народ, что и *филистимляне*. Народ этот явился с островов Средиземного моря, но со временем осемитился и принял ханаанские культы Дагона и Деркето; библия выводит филистимлян из Кафтора; в книге Бытия Кафторим назван сыном Мицраима (Египта). Макс Мюллер нашел в египетской надписи название страны Каптар; это, вероятно, Крит. Филистимляне после своего поражения поселились в прибрежной полосе Палестины, около Газы и Аскалона; дальнейшая их история известна главным образом из библии. В недавнее время найден на Крите (в Фесте) круг с иероглифическим письмом, повидимому филистимского происхождения.

Затем фараон вел войну с кочевыми жителями Идумеи (к югу от Мертвого моря), жившими около горы Саара (в библии — Сеир); там была взята богатая добыча.

На одиннадцатом году своего правления, Рамсес III вторично отразил вторжение ливийцев Машваш (царь Капур), причем они потеряли до 4 000 убитыми и пленными. Очевидно, в это время ливийцы обладали особым стремлением к распространению.

Таким образом, в начале XII в. в Сирии произошли крупные перемены: царства хеттов и амореев были разгромлены и появился новый сильный, хотя и малочисленный народ у самого порога Египта — филистимляне. Рамсес решился воспользоваться ослаблением соперников азиатского владычества в Азии и ударил на амореев и хеттов. На стенах Мединет-Абу можно видеть барельефы осад крепостей, между прочим опять Кадеша на Оронте. Конечно, этот поход теперь не представлял трудностей, но вскоре хетты должны были смениться новыми, еще более грозными врагами.

Остальное время продолжительного (32 года) царствования Рамсеса протекло спокойно. Он снаряжал экспедиции в Пунт, Танутер, в медные рудники: тогда открыты были такие рудники в стране «Атика». Богатство Рамсеса так поразило египтян, что о нем говорит еще Геродот, у которого этот царь назван Рампсинитом. Царь заботился также о проведении дорог в пустынях: велел копать колодцы, сажать деревья. Вот как резюмируются результаты его деятельности в знаменитом папирусе Харрис: «Я засадил всю землю деревьями и кустами; я дал возможность жителям сидеть под их тенью; я сделал возможным для женского пола итти куда угодно с поднятым покрывалом и не подвергаться оскорблениям посторонних на пути. Я заставил пехоту и конницу во дни мои сидеть по деревням без дела; нет более страха, нет неприятеля из Куша, нет врагов из Сирии. Луки и оружие мирно лежат в кладовых. Люди сыты и напоены; их жены с ними, их дети при них; они не оглядываются (с боязнью) назад; сердца их довольны; я — их защитник, я питаю всю землю, извлекаю каждого из дурного положения и спасаю от сильного».



Колонный зал храма в Карнаке.



Аллея сфинксов, ведущая к храму в Карнаке.

Конечно, несмотря на «блестящие подвиги» Рамсеса III и на его старания о благе страны, положение Египта было далеко не столь блестяще, как он пишет. Даже сам царь не был безопасен у себя дома. Сохранилось несколько папирусов, относящихся к делу о заговоре против царя, незадолго уже до его смерти, в котором участвовали его жены, верховные жрецы и начальники войск. Последние возмущали войска; жрецы похитили из библиотеки царя магическую книгу и по ее рецептам наделали из воска фигур и подбросили их во дворец с целью колдовства. Дело открылось случайно и было передано царем на рассмотрение наиболее доверенным лицам; царь был очень огорчен всей этой историей и, желая быть безусловно беспристрастным, дал судьям такой приказ: «о чем эти люди говорили — я не знаю, вы испытайте. Ступайте и выслушайте их; казните, кого следует, их собственной рукой, чтобы я только не знал об этом ничего... Пусть все падет на их головы, ибо я — под охраной и защитой, под праведными царями, которые пред Ра и Осирисом». Очевидно, царь уже чувствует приближение смерти; возможно, что и это дело ускорило ее.

Рамсес III был последним великим фараоном; ему наследовал длинный ряд ничтожных царей, носивших то же имя «Рамсес» от IV до XII. В их правление внешнее могущество и внутреннее благоустройство Египта постепенно падали; в ущерб власти царя возвышалось значение жрецов и чиновников; народ все более и более беднел и опускался. Дело окончилось глубоким падением Египта.

Рамсес IV, сын Рамсеса III, еще мечтал о величии, но в его представлении оно рисовалось уже в грубых формах материального благополучия и долголетия. Это ясно видно из оставленных им длинных молитв богам, а также и в факте составления папируса Harris, в котором он постоянно влагает в уста отошедшего в иной мир своего отца молитвы богам за сына и обращения к людям повиноваться ему и содействовать его величию. Напр.:

«Заверши для меня подвиги, которые я подъял для тебя, отец мой (Амон). Я достиг Запада, подобно Осирису — да получу я дары, выходящие пред тебя, да обоняю я благовоние мирры, подобно Эннеаде. Да помазуют мою главу твои лучи ежедневно. Да живет душа моя, да созерцает она тебя утро заутра. Исполни отец мой священный, желание сердца моего, ибо я был полезен твоему духу, когда я был на земле. Услышь мольбу мою, исполни слова мои, возвещаемые тебе и богами, и людьми. Укрепи сына моего на царстве, как владыку обеих областей, сделай его царем обеих земель, подобно тебе, государем в Тамери, которого ты избрал себе в наследники, чтобы возвеличить имя твое. Укрепи белый венец и двойной божественный венец на голове его, подобно тому, как ты был венчан на земле, как Гор, владыка обеих корон. Сделай здравыми все его члены, укрепи кости его, и глаза его да будут здравы и созерцают миллионы любящих. Дай ему время жизни, как у Полярной звезды; да будет он готов, как победоносный телец, овладевающий обеими землями. Дай ему 9 луков соединенными под ногами его и славословящими имя его, причем его меч будет над головами их. Ты дал ему бытие, когда он был младенцем; ты возвел его в наследники двух престолов Геба. Ты сказал: «да будет он царем на седалище своего родителя». Изреченное тобою исполняется непоколебимо и совершенно. Дай ему великое и возвышенное царствование, великие и многие юбилеи, подобно Татенену, как царю Верхнего и Нижнего Египта, владыке обеих земель Усермара Сотепнеамону, сыну Ра, Рамсесу (IV)».

В другой молитве он влагает в уста Рамсеса III просьбу исполнить какое-то неосуществившееся пророчество о 200 годах царствования, возместив его сыну оставшиеся у богов в долгу 168 лет; в Абидосе он обещается сделать для богов больше Рамсеса II и просит усугубить для него его 67 лет. Очевидно, он сознавал, что стоит на поворотном пункте истории. Жрецы, кажется, поддерживали его в его надеждах, и он даже начал приготовления в грандиозным постройкам, отправив экспедицию в Хаммамат. Но исполнить ему ничего не пришлось. Он царствовал всего шесть лет, и после него начался ряд Рамсесов (V—XII), ничем важным о себе не зая-



Пещерный храм Рамсеса II в Абу-Симбеле.

вивших. От них сохранились лишь кое-какие документы из канцелярии, напр., царский приказ 17-го года Рамсеса XII наместнику Эфиопии, секретарю войска, начальнику закромов, генералу Пайнехси, где дело идет о сооружении наоса для какой-то богини; документ интересен, как едва ли не последний из египетского управления Нубией. Сохранилась надпись в гробнице заведующего каменоломнями в Вавате и храмовым имуществом в Дерре, Пеннута (времен Рамсеса VI), в которой этот вельможа повествует о своих заслугах, а также и о том, что он поставил статую фараона и учредил его культ и отвел для этого пять участков земли, за что был награжден двумя серебряными сосудами с благовониями; сыновья Пеннута были чиновниками, дочери — «певицами» в храмах. Этот текст вообще весьма интересен для знакомства с жизнью египтянина в Нубии в эту позднюю эпоху.

Что касается Сирии, то здесь от египетской власти не осталось и следов. Красноречивее всего об этом свидетельствует приобретенный и изданный В. С. Голенищевым папирус, содержащий отчет некоего Уну-Амона, отправленного верховным жрецом Амона Хирхором в Финикию закупать лес для построения новой священной барки Амона. Это было в 5-й год безвластного Рамсеса XII, когда на севере Египта почти царствовал некий Смендес (Несубанебдед), а в Фивах власть фактически была в руках жреца Хирхора.

Снабженный идолом «Амона путевого» и верительными грамотами к Смендесу, Уну-Амон был радушно принят последним и в Танисе сел на корабль, чтобы ехать в Дор, где уже осели филистимляне Джаккара. Здесь царь Бадиль его принял было радушно, но на беду его обокрал собственный матрос, унесший деньги, предназначенные на уплату за дрова и частью доверенные египтянами для передачи в Сирии. Уну-Амон пожаловался, но не мог получить удовлетворения, так как вор был с его корабля, а не туземец. Пришлось уехать в Тир и затем в Библ. На пути он встретился с каким-то филистимлянином из Дора и отнял у него мешок с 30 ф. серебра, оправдывая себя тем, что у него в Доре украли столько же. Царь Библа Закарбаал заставил его 19 дней простоять в гавани, не пускал на берег и ежедневно посылал приказание удалиться. «Но вот когда однажды он приносил жертву своим богам, божество охватило одного из его людей и заставило его плясать и возгласить: «пусть приведут его наверх. Приведите сюда посланника Амона». Это повеление свыше заставило царя пригласить Уну-Амона, уже собравшегося уезжать на корабле, зафрахтованном кем-то, в Египет... «Когда настал день, он послал привести меня наверх... Я нашел его сидящим в верхней комнате, спиной к окну, причем волны великого Сирийского моря разбивались за ним». После обычных приветствий и вопроса о продолжительности путешествия (5 месяцев и 1 день), он потребовал верительных грамот. У него их не оказалось, так как он отдал их уже Смендесу. Затем он изложил цель своего путешествия: «Я прибыл за лесом для священной барки Амона-Ра, царя богов. Твой отец давал его, твой дед дал, и ты дашь его». Царь ответил, что это верно, но что фараоны за это платили; он приказал навести справку в архиве. Оказалось, уплачено до 1 000 ф. различных родов серебра. «Если бы царь Египта был моим повелителем, а я его слугой, он бы не посылал серебра, а говорил: «исполняй повеления Амона». Я же сам по себе; я не слуга ни твой, ни пославшего тебя. Стоит мне закричать к Ливану, и небо откроется, и бревна будут лежать на берегу моря... Что же касается Амона, то он заботится обо всех странах, он украшает их, украсив сначала землю египетскую, откуда ты прибыл. Превосходнейшее вышло из нее и дошло до наших мест, и учение достигло оттуда до моего дома. К чему же жалкое путешествие, которое заставили тебя предпринять?» В ответ на это Уну-Амон произнес длинную речь в похвалу Амону, который повелел Хирхору послать его и которого Закарбаал заставил ждать 19 дней. Амон — владыка Ливана и бог отцов его, которые его чтили (может быть, в храмах, основанных у Ливана фараонами); если он не прислал ему денег, то это потому, что наградил его лучшим — жизнью, здравием и благополучием. Посему да не удерживает того, что собственность Амона, ибо «лев возьмет свое».

Однако Уну-Амон все-таки послал гонца в Египет за уплатой к Смендесу и Тентамон «правителям, которым Амон даровал север своей земли». Через 48 дней он вернулся и привез золота, серебра, полотна, папируса и т. п., но еще до прибытия его Закарбаал велел рубить лес, а получив уплату, отрядил 300 человек и 300 быков продолжать доставку его в больших размерах. Когда это было окончено, он на прощанье сказал египтянину: «не испытай еще раз ужасов моря, чтобы когда ты еще раз увидишься со мною, я с тобою не поступил бы так, как с послами Хамуаса (Рамсеса IX), которые провели здесь 17 лет и умерли...» (т. е. не приходи больше сюда, иначе тоже будешь задержан), и предложил показать могилы их. Он отказался, но предложил царю поставить памятную доску о заслуге пред Амоном, чтобы «если придет сюда из Египта посол, умеющий читать, и прочтет твое имя в надписи, ты получил бы воду на западе, подобно богам, находящимся там». Обещав прислать остальную часть уплаты, Уну-Амон собрался было отчалить, но в это время в гавани показались корабли джаккарцев, которые хотели задержать его. Он стал плакать. Секретарь Закарбаала спросил его, в чем дело. Он ответил: «Видишь птиц, которые дважды спускаются к Египту. Они достигают цели, а я сколько времени должен сидеть покинутым? Видишь пришедших снова задержать меня?» Закарбаал стал утешать его, прислал ему два сосуда с вином, барана и египтянку Тентнут, которая была у него придворной певицей, приказав ей петь для него и сказав: «ешь, пей, не унывай». На другой день он объявил джаккарцам, что не может задержать посланника Амона, и Уну-Амон отчалил. Буря прибила его к Кипру. Здесь его хотели убить, но, по счастью, ему удалось обратиться к царице Хатибе и найти среди ее свиты понимающего по-египетски: «Я слышал в Фивах, граде Амона, что все творят неправду, но на Кипре — нет, а между тем и здесь неправда творится ежедневно». Царица, собрав народ, велела ему провести на острове ночь. Дальнейшее неизвестно, так как папирус обрывается.

Ясно, что обаяние египетского могущества пропало. Цари самостоятельны, они все еще чтут египетскую культуру, неприятно поражаясь контрастом величий египетского «превосходнейшего» и «учения» с жалкой ролью посла; чтут они и египетских богов; они выписывают из Египта папирус, может быть, как письменный материал, заменивший неудобные глиняные таблички, но какая разница, если сравнить с отчетом, напр., Сеннуфа, посланного при XVIII дин. за тем же на Ливан! Сирия и Финикия теперь были вполне самостоятельны. Но за ними уже обозначались другие силы. Около 1100 г. ассирийский царь Тиглатпаласар начал ряд походов ассириян на запад, и когда он на арадских кораблях выплыл в Средиземное море, фараон (вероятно, тот же Рамсес XII или его ближайший преемник) прислал ему почетное посольство с дарами. Это был поворотный момент в истории. Египет признал гегемонию Ассирии в областях, бывших некогда под хеттским верховенством.

Надпись Мернепта с упоминанием Израиля впервые изд. Spiegelberg'ом в Aeg. Zeitschr. т. 34. Литература о ней огромна. См. ее в 3 т. Breasted, Ancient records. стр. 257 пр. [Вопрос о пребывании Израиля в Египте специально разбирался В. В. Струве в работе «Израиль в Египте». Петроград, 1920]. О морских народах: W. Max Müller, Asien und Europa nach altägypt. Denkmälern, 1893. Teramelli, Problemi archeologici della Sardegna. Журн. Memnon II. Hall. The peoples of the Sea. Annual report of Br. School of Athen. VIII. В. С. Голенищев, Гиератический папирус о путешествии Унуамона в Финикию. Сборник в честь бар. В. Р. Розена, 1897. Papyrus hieratique de la collection W. Golénischeff. Recuel de trav. XXI. Erman в Aegypt. Zeitschr. 38. Туринский папирус о придворном заговоре изд. Devéria в Journal Asiatique 1865—8; Chabas, Melanges d'archeol. égyptienne III. 1. В упомянутой в своем месте статье Les Hyksös (Journ. Asiat., 1910) Weill доказывает, что слова папируса Harris об анархии и «азиатском» владычестве перед Сетнахтом не передают исторического факта, а лишь являются частями обычной схемы царского панегирика.



СОСТОЯНИЕ ЕГИПТА В ЭПОХУ XIX и XX ДИНАСТИЙ

Войны в Сирии отразились на жизни и администрации Египта в эпоху XIX и XX династий. Чтобы быть ближе к Сирии, фараоны жили нередко уже не в Фивах, а на севере, в новом «Граде Рамсеса» (см. Исход 1, 11) и в Танисе; однако южная столица продолжала оставаться все время религиозным центром; кроме того, некоторая двойственность Египта, существовавшая издревле, теперь усилилась и отразилась на последующей истории его; в стране было два визиря, два корпуса армии, состоявшие каждый из двух полков, которые назывались по именам богов четырех главных городов (Фив, Илиополя, Мемфиса, Таниса) — полками Амона, Ра, Пта, Сутеха. Централизация и военный характер царства продолжали усиливаться, истощая страну и внося в нее в изобилии наемнический элемент.

Египетские поэты, льстя мнимому могуществу фараона, много говорят о веселой и богатой жизни во «Граде Рамсеса». Вот что пишет один из них, как «возвещение побед» царя, по поводу прибытия в царскую резиденцию царей хеттов и области Коди:

«Воздвиг себе его величество замок великий; Онахту имя его («Великий победой»— поэтическое имя города). Он между Финикией и Тамери (поэтическое имя Египта), полон продуктов и запасов. Он подобен по плану Ермонту; он долговечен, как Мемфис; восходит Шу на горизонте его и заходит внутри его. Оставляют все люди города свои и устраиваются в его области. Запад его — достояние Амона, юг — Сутеха; явилась Астарта на его востоке, Уадит жительствует на его севере. А замок, что в центре его, — это горизонт небесный. Рамсес Миамун — это бог Монту, наместник Ра для царей, визирь, сладостный для сердца Египта. Вся земля стекается к его резиденции; посылает и великий князь хеттов к князю Коди, говоря: «готовься, спешим в Египет, скажем: воля бога (т. е. фараона) исполнена; отправимся с посольством к Усермара (Осимандию): ведь он дает дыхание тому, кому хочет, и все страны находятся в его распоряжении».

Другой писец сообщает своему коллеге в письме следующее:

«Прибыл я в Град Рамсеса, нашел его в хорошем состоянии. Он прекрасен, нет равного ему, он основан, как Фивы. О столица, приятная жизнью! ее поле полно всем хорошим, вкусная пища там ежедневно; ее воды полны рыбами, ее округи — цветами и травой (следует описание рыб, вин и всяких яств). Провизия и дары в ней ежедневно. Ликуют живущие в ней; в ней малые подобны великим. Давайте устроим праздники неба и времен года. Обитатели Онахту ежедневно в праздничных одеждах; благовонные мази на их головах и новые парики; они стоят у своих дверей, руки их держат букеты, ветви храма Хатор и гирлянды канала Пахери — в день вступления Рамсеса, как Монту обеих земель утром в праздник Хояка, тогда все равны и гово-

рят друг другу свои просьбы. Сладки напитки в Онахту: там вина из плодов «Ину», мед, пиво из Коди в гавани, вина в погребах, благовонные мази в области канала Салаби, гирлянды во фруктовом саду, приятные обитательницы у Мемфисских врат. Веселие царит всюду, ничто ему не препятствует».

Действительно, двору, чиновникам и войску в то время жилось хорошо; благосклонностью правительства пользовались также иностранцы, служившие сначала в войске, затем проникшие в канцелярии и, что было особенно опасно, оседавшие на земле целыми поселениями (особ. ливийцы). Они делали нередко блестящую карьеру. Чиновники заботились большею частью только о своем обогащении. Об их злоупотреблениях мы имеем достаточно данных, из которых ясно, что благие начинания лучших фараонов не привились. Протесты недовольных выливались только в молитвы богам; напр.: «о Амон, ты, который был некогда первым царем, бог предвечный, судья для бедных, не берущий взяток с злодеев, ты не говоришь — «приведите свидетелей». Амон-Ра судит землю перстом своим; осуждает он грешников на костер, а праведников — направо». Или другая молитва: «Амон, преклони ухо твое к одинокому в суде, когда он беден, а враг его богат; ведь суд сокрушит его; серебро и золото для писцов счетоводов; одежда — для слуг. Да найдет он, что Амон — визирь, дающий выйти из бедности, да найдет и бедный справедливость на суде».

Такие тексты встречаются не часто; гораздо более были распространены излюбленные произведения чиновничьего профессионального самовосхваления. В школе, которая была при дворе и приготовляла молодых людей к чиновничьей карьере, ради практики переписывались различные дела или сочинения, имевшие предметом прославление преимуществ такой карьеры. В одном из дошедших до нас писем (фиктивных) автор пишет следующее:

«Говорят мне, что ты бросаешь книги, предаешься танцам, обращаешь лицо к сельскому хозяйству, а тыл к слову божию (т. е. иероглифическому письму). Неужели ты не помнишь положения земледельца во время жатвы? Черви воруют половину зерна; гиппопотамы пожирают другую, мыши умножаются в поле; саранча опускается, скот пожирает, воробьи воруют, повреждая все; остальное, что попало на гумно — приканчивают воры. Земледельческие орудия портятся, лошадь умирает у сохи. А тут чиновник пристает к берегу; он обходит вокруг жатвы, свита его с палками, негры с ветвями. Они говорят: «подавай зерно». Нет его — они бьют хозяина, растянув его во всю длину. Он связан, брошен в канаву, он избит, он подобен утопленному, его жена и дети связаны перед ним; его соседи бросают все и бегут, гибнет их хлеб».

Таким образом, основа благосостояния классической страны земледелия в казенной школе высмеивалась в угоду канцелярской службе. Не менее нездоровым симптомом было высмеивание военной службы. Например, следующий текст, также предлагавшийся в качестве прописи:

«Ты, кажется, сказал: «говорят, что приятнее быть офицером, чем чиновником». Слушай, я расскажу тебе об офицере. У него множество неприятностей. С детства приводят его, чтобы запереть в казарму. Удары — на животе его, побои — на глазах его, синяки над бровями. Голова его проломана. Он лежит, а его бьют, как пучок папируса. Он сокрушен ударами. А вот я расскажу тебе про его путешествие в Сирию, его восхождение в горную страну. Его хлеб и вода на плечах, как у осла, его спина согнута, он пьет гнилую воду. Когда он достигает врагов, он попадается, как птица, нет силы в членах его. Когда ему приходится возвращаться в Египет, он бывает подобен дереву, изъеденному червями. Он болен и ложится в постель. Его везут на осле; одежда его украдена ворами, а денщик убежал. Обрати сердце твое, чтобы сделаться писцом, ты будешь управлять людьми. А вот я расскажу тебе еще о несчастной должности офицера конницы. Отдали его в корпус по протекции дедушки, с рабами... Он перед его величеством. Берет лошадь, рад и ликует. Приходит он в свой город. Усердно топчет: хорош он в топоте. Колесница его в 5 фунтов.



Коробочка для румян в форме купальщицы. Собрание Гос. музея изобразительных искусств в Москве.

Он едет на ней для шума, но ему приходится стать пешеходом — он попал в муравейник и лежит в кустах; ноги его истерзаны. А тут смотр. Он уже совсем несчастен — его бьют на земле сотней ударов»...

Некоторые полагают, вероятно, неосновательно, что странные рисунки на папирусе, изображающие мышиного царя, на колеснице, в позе фараона, осаждающего кошачью крепость в азиатском стиле — карикатуры на азиатские походы царей.

Переписывался охотно в это время в придворной школе также известный нам трактат о преимуществах чиновничьей профессии над всеми прочими. Другой трактат дошел до нас в сборнике фиктивных писем Брит. музея. Он озаглавлен «Наставления в форме писем» (в отличие от категории «Хорошей речи»). Здесь также на разные лады прославляется карьера чиновника, но корень ее горек: «Я даю тебе сто ударов. Ты для меня осел, которого бьют каждый день. Ты для меня — неразумный негр, приведенный, как добыча. Заставляют садиться на гнездо орла, приучают летать кобчика, а я делаю человеком тебя, злого мальчика». В другом письме, из другого сборника, учитель выговаривает своему питомцу:

«Ты бродишь по улицам, от тебя несет пивом; запах пива отдаляет от тебя людей и отдает душу твою на погибель. Ты подобен сломанному рулю, наосу без бога, дому без хлеба и с шатающейся стеной; люди бегут от тебя — ты наносишь им раны. О, знай, как отвратительно вино, удаляйся от пива, не знай напитка тилку! Ты научился петь под флейту, говорить нараспев под псалтирь, петь под аккомпанимент гуслей. Ты сидишь с девицами, умащенный, с гирляндой на шее. Ты колотишь по животу, переваливаешься, как гусь, падаешь затем в грязь»...

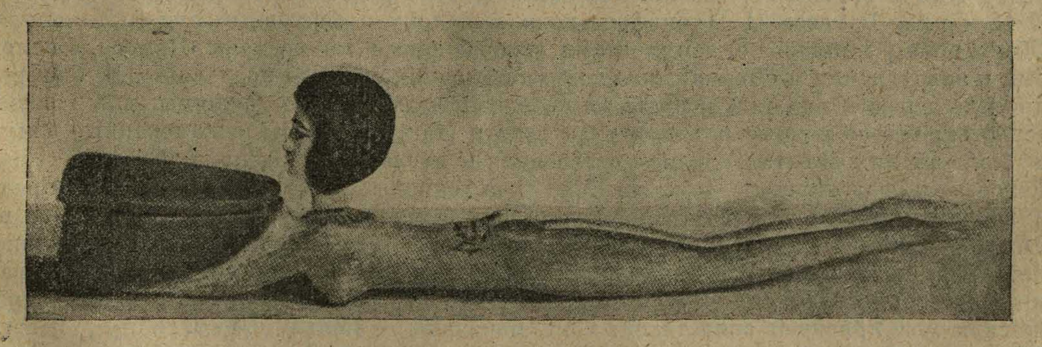
Сборник фиктивных и действительных писем в Британском (папирусы Sallier и Anastasi), Берлинском (пап. Köller), Лейденском, Болонском и других музеях — богатые сокровищницы первостепенного культурно-исторического материала, вводящего нас непосредственно в эпоху Рамессидов. Здесь и литературные произведения вроде царских од, и восхваления столицы, и чиновничья мораль, и деловые письма, и приветственные послания, и выговоры по службе, и жалобы на переутомление, и приказы, и распоряжения и т. п.

В форме письма дошло до нас также одно странное произведение чиновничьей литературы, хранящееся в Британском музее под именем papyrus Anastasi I. Оно имеет большой интерес для знакомства с Сирией в эпоху Рамсеса II, но любопытно и с литературной стороны, как едва ли не первый образец литературной критики, и притом с сословной подкладкой.

Папирус адресован чиновником Гори, служившим в царских конюшнях, другому — кавалерийскому офицеру Аменопе, секретарю войскового приказа, и яв-

ляется ответом на составленное последним в высокопарном стиле с многочисленными семитизмами описание своего путешествия по Азии. Автор ставит целью указать адресату на слабые стороны стиля его произведения. Он получил его во время отдыха. Он возрадовался и возвеселился, но скоро нашел, что его «нельзя ни хвалить, ни порицать»: «твои фразы смешивают все в одно, твои слова употреблены некстати и выражают не то, что ты хочешь». Он обижен на невежливость своего корреспондента, опустившего подобающие его рангу приветствия, и имеет на это право. Напрасно его «друг» называет его «плохим чиновником с поломанными руками», говорит даже, будто он не внесен в списки личных составов. Нет, он не таков. Он знает многих негодных чиновников, и с мало говорящим для нас чиновничьим остроумием перечисляет таковых с их характеристиками. Он на них непохож: «имя мое ты найдешь в списках — оно занесено в великих конюшнях Рамсеса II — наведи справку у начальника конюшенного ведомства: на мое имя записываются доходы». Напротив, Аменопе уже неоднократно доказал свою несостоятельность, особенно когда дело идет о вычислениях, напр., при снабжении войска, при назначении рабочих для постановки обелиска или колосса и т. п. Теперь он якобы «витязь» и путешествует по Сирии. Критик следует за ним по пятам.

«Я писец и mahar (семитизм — «витязь»), говоришь много раз. Правда ли это? Посмотрим. Ты осматриваешь свою колесницу: лошади быстры, как шакалы, подобны бурному ветру. Ты схватываешь узду, берешь лук. Посмотрим, что сделает твоя рука. Я опишу тебе, каково положение mahar‘a, и расскажу тебе про его дела. Ты не достиг страны хеттов и не видел области Иупа. Ты не представляешь себе Хадумы и Игадаи. Не ходил ты в Кадеш и Тубаху. Никогда тебе не приходилось итти к бедуинам со вспомогательными отрядами и солдатами. Ты не ступал по дороге, где небо и днем мрачно, ибо земля заросла доходящими до неба дубами и кедрами, где львы многочисленнее шакалов и гиен, и где бедуины преграждают путь. Не восходил ты на горы. Когда ты возвращаешься домой, все твои члены разбиты и кости переломаны. Ты засыпаешь. Когда ты пробуждаешься, еще печальная ночь и ты одинок. Разве не приходит вор, чтобы ограбить тебя? Да, он приходил ночью и украл твое платье. Твой денщик проснулся ночью, заметил случившееся и взял себе, что еще оставалось. Потом он пошел к злодеям, смешался с племенем бедуинов, сделался азиатом. Я хочу рассказать тебе о другом таинственном городе, называемом Кепной (Гебал — Библ). Что это за город? Об его богине — в другой раз. Ты в него не входил. Я восклицаю, расскажи мне про Бейрут, Сидон, Сарепту. Где река Ниджана? Где Уту? они лежат близ другого города на море, который называется Тиром. Воду привозят в него на кораблях. Он более богат рыбой, чем песком... Когда ты приходишь в Иоппию, ты находишь зеленый сад. Ты входишь, чтобы поесть, и находишь там красивую девушку, которая стережет виноград»...



Коробочка для румян в форме купальщицы. Собрание Гос. музея изобразительных искусств в Москве.

Подобным образом бедный «витязь» провожается по всей Сирии. По поводу различных местностей ему задаются вопросы, указывающие на незнание автором Сирии и фиктивность путешествия. Иногда выставляются в комичном виде его приключения — напр., пока он развлекается в иоппийском винограднике, у него крадут колесницу и коней. Или приключение другого рода. Герой попадает в дикое ущелье в 2 000 локтей глубины: «ты приобретаешь себе имя героя, лучшего из египетских офицеров. Твое имя будет славно, как Кардади, князя Асару, которого застигли гиены в чаще в теснине, загражденной бедуинами — они скрывались в кустах и некоторые из них были в 4 локтя от носа до пяток. У них были дикие глаза, сердца неприветливые, и они не внимали ласкам. А ты один, у тебя нет провожатого, нет за тобой войска... ты не находишь пути. Тебя охватывает ужас, волоса твои становятся дыбом, душа уходит в руки (ср. наше «в пятки»)». Комичное положение — офицер, бегущий от бедуинов и попадающий к гиенам, затем теряющий свою колесницу и продолжающий путь пешком. — Наконец, истощив всю свою иронию, автор заканчивает: «как превратно все, что исходит от твоего языка, как слабы твои речения! Ты пришел ко мне, облаченный в путаницу и нагруженный невероятностями... Я дошел до конца твоего писания... его не легко понять — это все равно, что разговор жителя Дельты с обитателем Элефантины. Но ты — писец фараона — посмотри на это благосклонно и не подумай, что я хотел сделать твое имя смрадным пред другими. Ведь я только рассказал тебе о витязе, я прошел для тебя Сирию, привел тебе все страны и города. Прими это благосклонно и ты научишься их описывать, окажешься действительно путешественником».

Интересным памятником поземельных отношений и судебной волокиты того времени служит надпись в гробнице Меса в Саккара, приводящая дословно процесс, благодаря счастливому исходу которого Мес достиг благосостояния, чем отчасти и объясняется, что он велел начертать его в своей гробнице. Процесс тянулся несколько поколений. Предок Меса, Нешн, начальник кораблей, вероятно за отличие в войне с гиксосами, получил от Яхмоса I недалеко от Мемфиса участок земли; после его смерти он переходил из рода в род, при условии неделимости. При Харемхебе было шесть членов рода; старшей была Урла, которая по приговору верховного суда в Илиополе назначена управительницей, т. е. ответственной за обработку и доходность, среди братьев и сестер. Но сестра ее Тахару сочла себя обиженной и потребовала пересмотра. Суд командировал жреца Иниу в 59-й год Харемхеба (очевидно, ему были присчитаны года поклонников Атона) и затем присудил разделить участок между всеми шестью. Урла и ее сын Хеви опять протестовали; процесс тянулся долго: во время его умерли и Урла и Тахару, и Хеви выиграл его только у брата ее Сментауи. После смерти Хеви, за малолетством его сына Меса, управляла вдова его Нубнофрет. Но едва она вступила в права, как явился некто Хаи и выгнал ее, ссылаясь на какое-то свое родство с владельцами участка. В 18-м году Рамсеса II Нубнофрет подала жалобу в верховный суд в Илиополе. Обе стороны явились с документами, восходящими ко времени Яхмоса. Визирь был в затруднении и объявил, что документы одной стороны подделаны. Нубнофрет просила навести справки в архивах казначейств и царской житницы, для доказательства, что ее родные платили туда подати (таким образом и жалованные земли не были от них изъяты). Визирь согласился и послал в резиденцию фараона «Град Рамсеса» жреца Аменопе вместе с Хаи для справок. Последний склонил жреца и подделал результаты справок. Нубнофрет было отказано в иске, несмотря на заступничество Ха, секретаря царской столовой. Когда Мес достиг совершеннолетия, он начал процесс. Верховный суд послал опять комиссию и допрашивал в присутствии мемфисских судей стороны. Приводят речи Меса и Хаи. Затем допрашивали под присягой свидетелей. Они показали в пользу Меса, напр., пастух Месмен: «клянусь Амоном и государем: я говорю правду фараону, а не ложь. Если я скажу ложь, пусть мне отрежут нос и уши и сошлют в Нубию. Писец Хеви, сын

Урла, как они говорят, сын Неши»... (Было прочтено несколько документов, между прочим один от времени «врага Эхнатона»). Все они сделали права Меса неоспоримыми, и он снова получил свой участок.

Другой интересный документ подобного же характера имеется в одном из берлинских папирусов. Брат жалуется на сестер, владеющих совместно с ним землей, за неплатеж ими своих частей. Виновным оказывается храм богини Мут, не выплачивающий сестрам арендных денег. Хотя судьями были жрецы, тем не менее приговор был не в пользу храма.

Могущество и влияние *жрецов*, особенно фиванских, в эту эпоху развилось непомерно. Ученые справедливо говорят о клерикализме в Египте. Цари попрежнему приносили Амону в жертву символически и реально результаты своих подвигов. Каждая удачная война обогащала казну храма и наполняла его владения крепостными пленными. Получив после изгнания гиксосов снова всю землю в свои руки и награждая ею в умеренном количестве, они стали нерассудительно раздаривать ее храмам. Когда умер Рамсес III, его сын приказал ко дню похорон изготовить огромный папирус с перечислением его подвигов и перечнем имущества всех храмов, причем в отдельных рубриках должно быть помещено то, что он утвердил при восшествии на престол, и то, что храмы приобрели за 31 год его царствования, что, по понятному для египтян представлению, считалось его даром. С этим документом должен был царь предстать пред загробным судьей, но счастливая находка его дала и нам возможность достойным образом оценить богатство египетских храмов в конце Нового царства. Оказывается, что одних крепостных было у храмов 103 175 (в Фивах 81 322, в Илиополе 12 963, Мемфисе 3 079, у прочих 5 811), скота 490 386 голов, 88 кораблей, 2 961 кв. км земли, из них 2 393 у фиванских и 441 у илиопольских храмов, не считая 513 садов и 168 местностей — всего до 15% общей площади удобной для обработки части Египта. Амону принадлежали целые города в Сирии и Нубии и собственные корабли для перевозки сокровищ Пунта и Азии. Все это делало жречество экономической силой, особенно при отсутствии уравновешивающей светской феодальной аристократии. Но еще в большей степени оно было силой политической. После победы над телль-амарнским богом, престиж Амона еще более увеличился. То обстоятельство, что Фивы перестали фактически быть резиденцией, не переставая быть столицей, делало их Римом без императора, но с папой, а смуты и частая смена царей еще более содействовали авторитету жрецов. Для царей далеко не безразлично, кто является носителем этого сана, некогда посадившего на трон Тутмоса III и Харемхеба. Даже великий Рамсес, отстранив от престола своего брата, первым делом позаботился о замещении первосвященнической кафедры удобным для себя человеком; он немедленно едет в Фивы, где по оракулу бога поставляет некоего Небуненфа: «я назвал Амону всех царедворцев, военачальников, доложил ему о жрецах, причем все они были пред лицом его, но он не возблаговолил ни к кому из них, пока я не назвал твоего имени. Я знаю твои дарования — умножь их, да похвалит тебя дух его... Он, владыка Эннеады, избрал тебя за твое превосходство»... Мало-по-малу жрецы Амона приобретают характер пап: они получили главенство над всеми египетскими храмами, т. е. присвоили себе царскую прерогативу, а затем с согласия царей превратили свой сан в наследственный. Подобно другим профессиям, и эта стала приобретать характер касты. Верховный жрец назначался оракулом бога и только утверждался царем. Так, при XIX дин., мы встречаем династию верховных жрецов Амона: Бакнехонсу, Рэма, Рои, Бакнехонсу II. Третий из них, современник Мернепта, говорил, что царь узаконил кооптацию из его родных и утвердил его сыновей в их санах. Сам он на свой страх предпринимал реставрации и ремонты в Карнаке и увековечил себя в надписях, в которых между прочим говорится: «Ты (Амон) даешь мне долголетие, чтобы носил я твое изображение и мои очи созерцали уреи ежедневно... Мой сын на моем месте, мой сан в его руках при наследственном преемстве во веки»... В то же время в Египте не было ни одной женщины «из общества»,

которая не гордилась бы титулом «певицы Амона»; царицы и царевны назывались «супругами бога», т. е. составляли как бы его гарем. При Рамсесах III—IX в Фивах сидели могущественные жрецы Рамсеснахт и его сын Аменхотеп. Последний поставил также в Карнаке надписи о своих реставрациях и сооружениях и о наградах, полученных за это от царя. Он изобразил себя одинакового роста с царем, который возлагает на него знаки отличия. Повидимому, ему было дозволено самому непосредственно собирать подати на храм. Мы слышим при одном из Рамессидов о попытке верховного жреца даже восстать против фараона, а при Рамсесе XII фактическая власть в Фивах была в руках жреца Херихора, который, после смерти слабого царя, сам занял его место.

Таково было положение дел среди высшего класса египетского общества. Что касается простого народа, то здесь, кроме бедствующего и обремененного земледельческого класса, мы теперь встречаем египетский рабочий *пролетариат* — рабочих фиванского Некрополя. Этот класс рабочих был не вполне лишен образования и должен был по крайней мере уметь переписывать иератические рукописи иероглифами на гробницы. Тяжелое положение вынуждало их брать силой то необходимое, чего они не имели. Несколько иллюстраций дают сохранившиеся до нас документы судебного характера; так, на черепке Британского музея мы читаем: «опись всего, что украл у меня рабочий Нехтеммут. Ворвались в дом и украли мои хлебы, вылили мое масло; взломали мой закром, взяли еще два предмета и отправились в сарай; украли половину вчерашней порции хлеба и вылили масло, предназначенное на 13 число месяца эпифи, день коронации. Пришли в кладовую и украли три больших хлеба, 8 булок, вытащили мех пива и выпили его, когда я находился в доме отца моего». Сохранилась также целая воровская эпопея (папирус Salt Брит. музея) — любопытная картинка нравов эпохи Рамессидов — это жалоба сына начальника артели рабочих на другого начальника рабочих, враждовавшего с его семейством. «Он преследовал моего брата. Тот от него убежал и заперся. Он взял камень, разбил двери, приставил людей сторожить и сказал: «я убью его ночью». Ночью он исколотил девять человек». Попутно перечисляется множество других подвигов злодея — это невероятный по разносторонности список: он крал все, что хотел, так, напр., он ухитрился украсть балдахин царя Сети II, ограбил его погреб, крал камни и колонны с его гробницы для своей собственной, насиловал женщин и т. д. В заключение жалобщик говорит: «неужели на подобные гнусности не будет обращено внимания? Он до сих пор невредим, он — такой злодей — ведь он убивал тех, кто мог донести на него фараону; и вот я довожу до сведения визиря все, что он сделал».

При Рамсесе III рабочие Некрополя взбунтовались из-за неполучения жалованья, удерживаемого чиновниками. Вот что повествуют отрывки туринского дневника этого движения: «29 года, 10 мехира. Пролом пяти стен Некрополя рабочими, которые кричат: «мы голодны уже 18-й день». Они сели на задней части храма Тутмоса III. Явились секретари тюрьмы Некрополя, двое начальников рабочих, два квартирмейстера и закричали: «возвращайтесь». И они поклялись: «возвращайтесь, у нас есть зерно фараона: оно сложено там, в Некрополе». Рабочие послушались, но вероятно были обмануты; под следующим днем написано: «Новый пролом. Достижение южной части храма Сети II». На третий день явились к ним для переговоров прежние лица и военные власти, но рабочие не хотели с ними говорить. Призваны были жрецы; рабочие им сказали: «мы ушли сюда от голода и жажды. У нас нет платья, нет масла, нет рыбы, пищи. Напишите об этом фараону, нашему милостивому господину, чтобы нам дали возможность существовать». Чиновники испугались апелляции к фараону и выдали рабочим жалованье за предыдущий месяц; они, очевидно, собрались было его присвоить. Но беспорядки на этом не прекратились. Уже на следующий день начался бунт в крепости Некрополя. «Сказал Пехор: «уходите и захватите с собою инструменты, разбейте двери, заберите жен и детей; я пойду пред вами к храму

Тутмоса III и посажу вас там». Новые беспорядки произошли в месяце таменоте; хроника отмечает: «прохождение чрез стены, прекращение работ в Некрополе. Явились трое офицеров гарнизона за рабочими. Тогда сказал рабочий Месу: «именем Амона, именем царя, меня сегодня не заставят работать». Чиновники на это ответили: «его нельзя наказывать — он поклялся именем фараона». Власти ничего не могли сделать с рабочими: те упорствовали и издевались над чиновниками. Фиванский градоначальник в то время был в отсутствии; он сопровождал фараона на юг, «к богам южной страны, чтобы привезли их к празднику юбилея» (дело происходило незадолго до тридцатилетнего юбилея, на 29-м году царствования Рамсеса III); тем не менее он прислал в Фивы и приказал прочесть странное послание: «Если я к вам не пришел, то не потому ли это, что мне нечего вам принести? Что касается вашей речи: «не воруй наших припасов» — то разве я для того поставлен визирем, чтобы воровать? Я в этом не виноват. Даже в закромах ничего нет, но вам все-таки дам, что найдется». Рабочим действительно выдали половинные порции; они успокоились, но потом опять стали бунтовать. Конец папируса не сохранился.

Позже рабочие действовали другим путем, что иногда приводило к хорошим результатам. При Рамсесе IX, когда опять чиновники стали удерживать жалованье рабочих, они посылали депутации в фиванский суд к верховному жрецу Амона. Дневник отмечает: «29-е число. Забастовка рабочих. Представление их вельможам и князьям и верховному жрецу Амона. Мы говорим: «не дадут ли нам зерна в добавление к тому, что мы получили; мы ляжем на месте». Последний день месяца. Говорят: «пусть выведут к нам писца Хамуаса». Судьи призвали писца и распорядились выдать порции, а рабочие дали своему ходатаю бакшиш — две шкатулки и два письменных прибора. Но так как обстоятельства рабочих не улучшались, то они в конце концов стали из своей среды пополнять контингент шаек бродяг и грабителей, подвизавшихся уже повидимому давно в Некрополе, занимавшихся грабежом царских и других мумий. Это было открыто, и при Рамсесе IX произошел скандальный процесс, о котором повествуют папирусы Abbot, Amherst и Mayer. Началом своим он обязан вражде между чиновниками. Фиванский градоначальник был во вражде с полицеймейстером Некрополя; узнав каким-то образом, что там происходят хищения, он собрал материалы для обвинения и явился с доносом к визирю; но еще накануне донос был сделан на рабочих самим полицеймейстером, который проведал о грозившей ему опасности. Визирь, царский секретарь Несуамон и царский докладчик нарядили следственную комиссию из начальника Некрополя, двух офицеров, двух жрецов и двух секретарей — визиря и казначейства. В результате ревизии оказалось, что из царских гробниц пострадала только та, в которой был похоронен царь Себекемсаф, что воры проникли в усыпальницу через подкоп. «Место, где был погребен царь, лишено своего хозяина; равным образом и место царской супруги Нубкас: воры наложили на нее руку». О каждой другой гробнице, в том числе и той, на которую указывал градоначальник, в протоколе говорится: «исследована в этот день и найдена нетронутой». Хуже обстояло дело с гробницами частных лиц, но это было не так важно. По указаниям начальника Некрополя были арестованы подозреваемые им личности — низшие прислужники храма Амона и каменщики. Под пыткой они сознались в краже: «мы открыли саркофаги и погребальные пелены и нашли почтенную мумию царя с длинным рядом золотых амулетов и украшений на шее и голове. Почтенная мумия была совершенно покрыта золотом, и саркофаг был им украшен, равно как всякими драгоценными камнями. Мы оторвали золото, украшения и амулеты». После этого виновных заставили привести судей на то место, где совершена была ими кража; потом их отдали верховному жрецу для заключения в тюрьму в ожидании наказания по повелению царя. Между тем судившийся в это время известный рецидивист, тоже из рабочих Некрополя, под пыткой сознался, что им была обокрадена гробница царицы Исиды, жены Рамсеса II. Его с завязанными глазами повели в Некрополь, но здесь он не узнал этой гробницы, а ука-

зал на пустую гробницу, говоря: «вот место, где я побывал». Под пыткой его допрашивали, не был ли он еще где-нибудь, но он клялся: «пусть ему отрежут нос и уши и посадят на кол, если он знает какое-либо другое место, кроме этого». Комиссия произвела новую ревизию и действительно все оказалось в порядке, к великой радости администрации Некрополя. Она отправила в правобережную часть Фив своего рода посольство для успокоения умов. Оно устроило демонстрацию против градоначальника перед его домом. Градоначальник увидел, что ревизии производились недобросовестно; в присутствии ликующей депутации он обратился к толпе народа и наговорил на счет своих недругов грубостей, между прочим, пригрозил: «писец Пебаса из Некрополя сообщил мне еще две вещи: они также занесены в протокол; невозможно о них молчать. Отвращение! Эти преступления так страшны, что заслуживают казни и всякого рода кары. Да, я напишу о них фараону, моему господину, чтобы он прислал человека и погубил вас». Эти слова были донесены полицеймейстером Некрополя в длинном письме визирю, который, еще ранее сердившийся на градоначальника за то, что тот вмешивается в подведомственное ему, визирю, дело, теперь совершенно обиделся: градоначальник не имел права сноситься с фараоном, минуя его. На следующий день было назначено заседание суда; воров (трех рабочих, на которых указал градоначальник) выслушали и оказалось, что они не знали ни одного из мест, на которые указывал губернатор. Поэтому градоначальника объявили виновным, а воров отпустили. Это было не последним делом об ограблении царских гробниц: подобные же процессы повторяются в ближайшие годы, и тогда в кражах оказались виновными несколько мелких чиновников и даже жрецов. Многие из воров были людьми без определенных занятий — напр., «бывший жрец бога Собека». Они уже не ограничивались сравнительно бедными гробницами древних царей, но добрались до роскошных усыпальниц Сети I и Рамсеса II. Для спасения царских мумий от воров, их пришлось перетаскивать из одной усыпальницы в другую, пока они не были перенесены при XXI династии в подземные галлереи Дейр-эль-Бахри; там они были открыты феллахами, которые довольно долго скрывали их местонахождение; в 1881 г. их нашел Масперо; теперь они находятся в Каирском музее. Грабители проникли и в царские пирамиды у Мемфиса и Ираклеополя. Впрочем в этом отношении первый пример подал Рамсес II, обративший Мейдумскую пирамиду Снофру в каменоломню для своих ираклеопольских построек.

Глубокий интерес представляет египетская *религия* в эту эпоху.

Амон победил, но кратковременное господство его соперника не прошло бесследно. Монотеистическая струя, всегда заметная в истории египетской религии, получила новый стимул к очищению и углублению представлений, в целом ряде поэтичных гимнов, свидетельствующих о существовании целой школы, увидавшей, сквозь множество неизящных образов и противоречивых представлений, единого бога, творца и промыслителя не только Египта, но и всей вселенной. Конечно, эта идея была соединена прежде всего с верховным в это время солнечным божеством — Амоном, но и другие древние боги сопоставлялись с последним и, при помощи различных ухищрений, объявлялись тожественными с ним. Вот наиболее характерные места одного из таких текстов:

«Славословие Амону-Ра, тельцу илиопольскому, главе всех богов, благому, возлюбленному, подающему жизнь. Слава тебе, Амон-Ра, владыка престолов обеих земель, глава Фив, телец своей матери, глава своей области, глава южной страны, владыка ливийцев, царь Пунта, старейшина неба, начальник земли, владыка всего существующего, основавший все вещи. Единственный по своей сущности среди богов, прекрасный телец Эннеады, владыка правды, отец богов, создатель людей, творец животных, творец плодоносных растений... которому боги воздают почитание, творец горних и дольних, освещающий землю, проезжая по небу в мире... Любят его благовоние боги, когда шествует он из Пунта, царь розы, и спускается в Ливии, прекрасный при шествии из божественной земли. Увиваются боги у ног его, ибо

узнают в его величестве своего владыку. Слава тебе, Ра, владыка правды, сокровенный в своем святилище! Ты изрек слово, и получили бытие боги. Ты — Атум, создавший всех людей, сколько их ни есть, давший им жизнь, разделивший их по цвету кожи, слушающий бедного, который в утеснении, сладостный сердцем для того, кто взывает к нему, избавляющий боязливого от надменного, рассуждающий между убогим и богатым. Идет Нил для любящего его, владыка сладости, великий любовью... Сокровенно имя его пред детьми его, ибо имя его — Амон. Любовь твоя в небе южном, сладость твоя в северном, красота твоя пленяет сердца, любовь твоя заставляет опускать руки (т. е. положить оружие)... Образ единый, создавший все существующее, единый, единственный, создатель сущих, из очей которого вышли люди и изречением которого составились боги... дающий траву для питания скоту и древо плодоносное для жизни человеков, дающий жизнь рыбам речным и птицам небесным, подающий дыхание находящимся в яйце, питающий пресмыкающихся... мышей в их норах, птиц на всех деревьях. Единый, единственный, со множеством рук. Спят все, а ты не спишь, промышляя полезное для твари своей... Слава тебе от тварей всех, величание тебе от всех стран до высоты небесной, в широту земную, в глубину океана. Боги преклоняются пред твоим величеством, величая волю создавшего их, ликуя при приближении родившего их. Они восклицают тебе: — Привет тебе, отец отцов всех богов, повесивший небо и попирающий землю! Слава тебе, создатель всего, владыка правды... единый, единственный, которому нет подобного... живущий правдой... царь единый среди богов, имеющий множество имен, число которых неведомо!»

Если бы не пропущенные нами намеки на мифическое путешествие бога солнца по преисподней и борьбу с силами мрака, а также эпитеты, ставящие его в связь с различными центрами культа, то наш гимн трудно было бы отличить от аналогичных произведений библейской поэзии. Впрочем, и она не вполне свободна от мифологических намеков и местных эпитетов и приурочений (Синай, Сион, Иерусалим и др.); даже о «богах» говорится кое-где (напр., пс. 49, 81)... Но последнее было для священного поэта или литературным приемом, или унижением богов соседей, для египтянина же дело было несравненно сложнее.

Великое множество мифов и имен богов было для него не пустым звуком и не достоянием чуждых религий, а дорогим наследием национальной старины, недавно оказавшимся сильнее и реформатора на троне. Мы видели, что египетские богословы уже издавна старались выйти из этого затруднения, поставив верховное божество на несравненную высоту и объявив прочих богов его членами или именами, или, говоря нашим языком, его проявлениями. Один жрец, например, говорит от имени Амона: «я — один, ставший двумя, я — два, ставший четырьмя, я — четыре, ставший восемью, и все-таки един». В приведенных выдержках эта идея выражена с достаточной ясностью; в пропущенных нами местах верховный бог сопоставляется с отдельными божествами: Мином, Гором и др. Однако и здесь мы находим, между прочим: «возводит Тот очи свои и успокаивает его своими волхвованиями» или «образ (?) прекрасный, созданный Пта». Традиция оказалась сильнее и фиванских богословов. Пробовали они подойти к делу с другой стороны и примирить единство со множеством учением о предвечности и безвиновности («единый, создавший себя сам») единого, создавшего прочих богов, а также представлением о вездесущии единого, принимающего в разных местах разные формы и имена. В этом отношении особенно интересен богословский трактат огромного размера, дошедший в одном из лейденских папирусов. В нем, между прочим, читаем:

«Огдоада — твои первоначальные проявления, пока ты не восполнил ее, будучи единым. Непостижимо тело твое среди великих. Ты сокровенен, как Амон во главе богов. Ты принимаешь образ Та-танена, чтобы родить первобытных богов в начале века. Ты возносишь красоту твою, как телец своей матери. Ты удаляешь себя, как небожитель, утвержденный, как Ра. Ты шествуешь, как отец, создающий детей,

производящий наследников, сокровенный для детей своих. Ты был по бытию первым, когда еще ничего не было. Не было земли, лишенной тебя в начале века. Все боги появились после тебя.

Эннеада соединена в членах твоих. Твои части — все боги, соединенные в теле твоем. Твой вход — первый, твое начало — искони, Амон, сокрывший имя твое пред богами. Старец возрастом, более ветхий, чем они, Та-танен, сотворивший себя сам в виде Пта. Персты членов его — Огдоада. Вставая, как Ра из хаоса Нун, он повторяет свою юность. Эманация его... Шу и Тефнут, соединенные в духе его (?). Он сияет на престоле своем, сообразно своему желанию. Он царит над всем существующим, благодаря своему могуществу (?). Он принимает царство вечное до (скончания) века, непоколебимый, как владыка единый. Воссияли образы его в начале века. Все существующее цепенеет от его силы. Он отверз слова среди молчания. Он открыл око всех людей и дал им видеть; он первый воскликнул, когда земля была безмолвна. Крик его обошел (ее). Нет подобного ему. Он породил все, он дал всем жизнь; он дал каждому человеку знать путь, чтобы тот шел по нему. Живут сердца их, когда они видят его.

Первый по бытию искони, Амон был изначала, и никто не знает его появления. Не было бога до него, не было другого бога одновременно с ним, чтобы рассказать о его (первоначальном) образе. Нет у него матери, которая бы дала ему имя, нет и отца, который произвел его и сказал «он мой». Он сам образовал свое яйцо. Он — таинственный по рождению, создавший свои красоты. Он бог божественный, создавший себя сам. Все боги появились (лишь) с того времени, как он предварил бытием.

Таинственный образами, блистающий проявлениями, бог чудесный, многообразный. Все боги хвалятся им, чтобы величаться его красотами, сообразно божественности его. Сам Ра соединен с телом его. Он — старец, обитающий в Илиополе.

Его называют Та-таненом Амон, вышедший из Нун, водитель людей (?); другое проявление его — Огдоада. Родивший первобытных богов, произведший (?) Ра, он как Атум дополняет себя, будучи одним телом с ним. Он — вседержитель, начало сущих. Он — душа; ему говорят: «находящийся на небе». Он — в преисподней, против востока (?). Душа его на небе, тело его — в западном доме, статуя его в Ермополе, вознося его появления. Един Амон, сокрывший себя от них, утаивший себя от богов; неведом вид его. Удален он от неба, чужд он преисподней. Никто из богов не знает настоящего вида его; его образ не передан на письме... Он сокровенен, чтобы была постигнута сила его. Он велик, чтобы быть проповеданным, он могуч, чтобы быть познанным.

Три бога есть всего: Амон, Ра, Пта. Нет никого рядом с ними. Сокровенный именем — Амон; он же Ра — в лице, а тело его — Пта. Города их утверждены на земле навеки: это Фивы, Илиополь, Мемфис, навсегда. Указ с неба заслушивается в Илиополе, повторяется в Мемфисе для Прекрасноликого и записанный на документе Тота (посылается) во град Амона. В Фивах делу дается ход.

Сиа — его сердце, Хиу — его уста. Ка его — все существующее, находящееся во рту его. Когда он входит, пещеры Керти находятся под ногами его, выходит Нил из отверстий, что под его сандалиями. Душа его — Шу, сердце его Тефнут (?). Он — Хармахис, исходящий в небе. Правое око его — день, левое — ночь. Он руководитель людей по всякому пути. Плоть его — Нун, она находится в Ниле, рождая все и оживляя существующее. Он вдыхает дыхание во все носы Шаит и Ренент при нем для всех людей... семя его — древо жизни, эманации его — хлебный злак... Великий бог, родивший первобытных богов».

Итак, египтянин-бюрократ после долгих умозрений нашел все-таки наиболее целесообразным втолковать великий догмат, перенеся на небо чиновничью волокиту. Но и при таком понимании, он все же не только дошел до идеи всемогущего, вездесущего, непостижимого, безначального, единого божества, но говорит о бла-

гости божества к человеку, о том, что он выше и могущественнее судьбы и слушает молитвы:

«Прогнано зло, отбежала болезнь. Он — врач, исцеляющий око без лекарства, отверзающий очи, прогоняющий дурной глаз... спасающий того, кого любит, даже если бы тот находился в преисподней, избавляющий от судьбы сообразно желанию своему. У него есть очи и уши на всех путях его для того, кого он любит. Он слушает призывания взывающих к нему. Он идет по пути взывающего к нему немедленно. Он удлиняет время и сокращает его; он дает прибавку к (определенному) судьбою для того, кого он любит. Амон — заклинание вод; имя его на водах, не имеет силы крокодил при произнесении имени его. Ветер, обращающий назад бунтовщиков, дуя назад (?)... Превосходный устами в час борьбы, сладостный ветер для взывающего к нему. Спасающий слабого. Бог пищущий, превосходный планами. Он у того, кто опирается на него во время свое. Он полезнее миллионов для того, кто полагает его в сердце своем. Благодаря его имени, один сильнее сотен тысяч. Он — благой покровитель воистину».

Мы уже имели случай цитировать тексты, в которых Амон-Ра является идеалом судьи и защитником слабых. Но не только слабые и те, «кого он любит», могли рассчитывать на его помощь и милость, они были также наградой за любовь к богу и добродетель. Это видно из первого цитированного нами гимна. В одном тексте египтянин восклицает: «Амон-Ра! я люблю тебя и заключил тебя в мое сердце (а потому чужд забот): все, что Амон изрек, исполняется... Ты избавишь меня от уст человека в день, когда он лжет». В заупокойных формулах нередко просят проходящих прочесть над могилой молитву, ибо «к добросердечному милостив бог, а сделавший это, сделал уже доброе дело». Напротив, грех возбуждает гнев божества, и египтянин молится: «не казни меня за множество грехов моих». Таким образом, человек вступает в непосредственные, личные отношения к божеству, благочестие получает интимный, теплый характер. Монотеизм, не переставая быть космическим, приближается к этическому, и с этой стороны особенно интересен один дошедший до нас памятник дидактической литературы, так наз. папирус Ании, по форме напоминающий Prisse, но по духу стоящий гораздо выше его. Здесь мораль чище и находится в связи с религией, причем говорится о боге вообще, а не о богах или о каком-либо определенном лице пантеона. Текст весьма труден для понимания, вполне понятно очень немногое, напр.:

«Берегись посторонних женщин, которых никто не знает в их городе, это — неведомая пучина... Женщина, муж которой далеко, готова писать тебе ежедневно... О, смерти достойное преступление ее слушать!.. Не лги, чтобы имя твое не смердело. Не будь многоглаголив, ибо шум — отвращение для бога, молись за себя в сердце твоем, ибо бог любит того, чьи слова скрыты; он исполнит твои желания, услышит твои слова и примет твою жертву... Давай воду отцу и матери, покоящимся в долине... Не предавайся пиву, или из твоих уст будет исходить неудобопроизносимое; ты падаешь, твои члены переломаны; некому поддержать тебя; твои собутыльники продолжают пить; они встают и говорят: «вон его — он пьян». Если придут искать тебя, чтобы с тобой посоветоваться, тебя найдут лежащим в грязи, как ребенка... Устрой себе могилу в ущелье; может быть, завтра же она сокроет тело твое... Думай всегда об этом, чем бы ни занимался. Как и к старику, и к тебе явится вестник, чтобы взять тебя. Ты не знаешь смерти своей; она идет, не разбирая ни грудного ребенка, ни старика... Не сиди, когда другой стоит, кто старше тебя летами или саном... Если ты грамотен, вникай в письмена, слагай их в сердце твоем и все, что ты говоришь, будет хорошо... Не бывает сына у казначея, не бывает наследника у начальника крепости; у должностей нет детей (выходка против непотизма и призыв к деланию карьеры собственными заслугами)... К болтуну бывают глухи; если ты молчалив, ты будешь приятен. Человек гибнет из-за своего языка... Тело людей — закром, полный всяких ответов; выбери хороший, а дурной да останется запертым в теле

твоем... Совершай жертву и остерегайся греха. Не оскорби изображения бога, не шагай во время процессии».

Заметим еще, что в это время особенно распространяется представление, что боги «живут правдой», и цари считают наиболее угодной жертвой — поднесение статуэтки богини правосудия.

Эти возвышенные представления, однако, были не в силах переродить официальную и народную религию. Причин было много. Прежде всего носители их едва ли стремились к этому. Они веровали по-своему, а до народа им дела не было, и они едва ли считали его способным переварить их догматику.

Но самым больным местом египетской религии было учение о загробном мире. Оно было камнем преткновения даже для Эхнатона; оно же и теперь было едва ли не главной причиной банкротства богословских порывов фиванских жрецов. Все прежние представления не только удерживаются, но и получают новое развитие. Рядом с «Книгой Мертвых» и ее магическим инвентарем появляются новые заупокойные книги: «Книга о том, что находится на том свете» (так наз. Амдуат), «Книга Врат» и величания бога солнца. В первых двух приводится учение о том, что бог Ра в виде «плоти» (т. е. он умер, закатившись на горизонте) проезжает на своей барке в сопровождении богов и избранных покойников, в течение двенадцати часов ночи преисподнюю, по которой протекает продолжение Нила. Берега его заселены покойниками и невероятными чудовищами, продуктами больного воображения жреческой фантазии. Ра должен магическими изречениями отражать их, и особенно дракона Апопи. Не казалось диким и то, что Ра в 7-й и 8-й час проезжает мимо гробниц — своей собственной и других божеств, между прочим отожествленных с ним — Хепры и Атума. В 11-й час происходят всевозможные казни «врагов Осириса». По «Книге Врат», каждая из 12 частей ада отделялась железными вратами и засовами, охраняемыми огнедышащими змеями. Обитатели их могли только в течение одного часа в сутки наслаждаться лицезрением солнца, все остальное время они проводили в стонах и тоске. Чудовища здесь другие. В 6-м часу происходит какой-то суд пред Осирисом, хотя этот суд едва ли соответствует тону и характеру книги. Назначение этих странных произведений — избавить египтянина от загробного мрака, дать ему возможность вечно видеть Ра и все время плавать с ним в его барке или выходить из ада когда угодно и любоваться восходом солнца. И вот стены гробниц, гробов и т. п., преимущественно царей и жрецов, покрываются изображениями из этих книг с их чудовищами и текстами, а также молитвами солнечному божеству. Сцены пиршеств и семейные группы, столь обычные в Среднем царстве, исчезают с надгробных плит или отступают на второй план, заменяясь благочестивыми изображениями покойника, молящегося Осирису, Ра, или другим важным для него богам. Нередко в гробницы ставили небольшие пирамидки, на четырех скатах которых изображалось солнечное божество в четырех формах, соответственно четырем периодам суточной жизни его, пред ним на коленях покойник, читающий тут же начертанные гимны. Эта пирамидка должна была обеспечить ему возможность видеть солнце в течение целых суток.

Таким образом, и здесь мы видим усиление благочестия. Но если цари XIX—XX династий и жрецы не только не гнушались странными книгами о преисподней, но даже считали их своей привилегией, то можно себе представить, какие формы приняло это благочестие среди народных масс. Прежние суеверия и вера в магию, в необыкновенные чудеса и фетиши продолжалась и развивалась, обогащаясь новыми предметами культа, новыми волшебными средствами и книгами, новыми демоническими существами. Как будто нарочно в то время, как высшие классы умствовали о единстве бога, масса изобретала себе чудовищных карликов-уродцев, недоношенных младенцев, стоячих женских гиппопотамов, змей с тремя головами (человеческой, змеиной и птичьей), молилась им как добрым гениям и держала в домах их идольчики. Эти божки начинают особенно распространяться с этого времени; первый

назывался Бес, второй имел связь с богом творения — Пта, третья — помощница при родах Тауэрт, четвертая — Меритсегер, «любящая молчание», считалась богиней горы фиванского Некрополя. Однако в этом Некрополе, на ряду с рабочими и сбившимся с пути сбродом жили и люди скромного положения, принадлежавшие к числу низших служителей заупокойных культов или низшего персонала храмов. Это так наз. «послушатели зова» в «Месте Правды» (Некрополе), посвятившие себя культу древних царей, особенно XVIII дин., художники и мастеровые храмов и т. п. До нас дошло большое количество надписей от этих лиц. Они — религиозного содержания и большею частью начертаны на камнях, поставленных по обету божеству, оказавшему милость, или в ожидании этой милости. Такими божествами являются, главным образом, Амон, Меритсегер, иногда называемая «вершиной горы», Тауэрт, Тот и др. Представления о божестве отличаются теплотой и сознанием его близости. Оно промышляет о всех тварях, оно идет на помощь взывающему к нему, оно не любит многословия и отличает молчаливого. Особенно же заботится оно о несчастных и покинутых, возложивших на него упование. За зло и грех оно карает болезнями и бедствиями, но насколько человек от природы склонен к греху, настолько бог — к милости; его гнев можно умилостивить, но необходимо быть осторожным, а удостоившись милости, следует возвещать о ней людям и всей природе. Так, один художник храма Амона возвещает силу своего бога всем «плывущим вниз и вверх» и убеждает их бояться его и учит этому своих детей, поведать грядущим поколениям, рыбам водным и птицам небесным. Амон — владыка молчаливых, идущий на зов бедняка, дающий дыхание убогому и спасающий даже из ада. Другой «послушатель зова» сознается, что он был неразумен и, не разбираясь в добре и зле, согрешил против «Вершины». Та его наказала одышкой. Тогда он возопил к ней и ко всем богам и богиням: «я возвещу всем малым и великим среди рабочих: бойтесь Вершины, ибо она — лев и преследует того, кто против нее грешит». После этого он убедился, что «она была милостива, дав почувствовать свою руку. Она вернула свое благоволение и заставила забыть о болезни».

Как отразилось новое возвышенное представление о божестве на догмате божественного достоинства царей? Казалось бы, что расстояние между богом и людьми теперь сделалось необъятным... Но цари всегда были не только богами, но и сынами богов; даже Эхнатону не мешала его высокая религия сохранять богосыновство. И мы действительно видим теперь теплые молитвы, вроде помещенных в большом папирусе Harris, или в интересной надписи Рамсеса II в Абидосе, где он обращается к своему покойному отцу Сети I:

«Ты взошел на небеса, ты в свите Ра, ты соединился со звездами и месяцем. Ты находишься в Дуате, подобно тем, которые пребывают там рядом с Онуфрием, владыкой веков. Твои руки простираются к Атуму на небе и на земле, как у неподвижных и незаходящих звезд, когда ты сам пребываешь на барке миллионов лет. И вот я молюсь о дыхании твоих ноздрей, я поминаю имя твое ежедневно... Я поминаю твою силу, находясь на чужбине... Помолись Ра... и его сыну Онуфрию с любящим сердцем. Даруй мне время жизни, соединенное с юбилеями. Для тебя будет благо, если я буду царем навеки: я буду ежедневно заботиться о твоем храме». — Отец из загробного мира, как «превосходная душа», подобная Осирису, отвечает длинной речью, в которой говорит, что молится богам о его долголетии и благоденствии, и боги уже обещали и то, и другое.

В других случаях Рамсес II выступает богом с такими притязаниями, как редко кто из его предшественников. Его не стесняет несравнимость божества. Из дошедших до невозможности торжественных надписей, особенно характерна Кубанская, повествующая о сооружении колодца на пути к золотоносным областям.

После длинного вступления с царскими именами, титулами и множеством хвалебных эпитетов, следует повествование об исследовании пути в золотоносную

область Акита; путь лишен воды, почему «если много караванов направляются туда, то лишь половина доходит — они умирают от жажды на дороге вместе с ослами»... Чрез хранителя печати созывается двор, которому царь объявляет о своем намерении. Сановники отвечают: «Ты подобен Ра во всех своих деяниях; все, чего желает твое сердце, исполняется. Если ты чего-либо захочешь ночью, наутро оно уже исполнено. Мы видели множество чудес твоих со времени твоего появления, как царя. Мы не слыхали, и не видали наши глаза, а это случилось в полном объеме. Все, что выходит из уст твоих, подобно словам Гора на горизонте. Твой язык — пара весов; более точны твои уста, чем правильная стрелка Тота. Есть ли что-либо, чего бы ты не знал? Кто совершитель, подобный тебе? Есть ли место, которого ты не видал? Нет страны, в которую ты не проник. Все их судьбы проходят через твои уши с тех пор, как ты получил в обладание эту землю. Ты управлял еще будучи в яйце в твоем сане юного царевича — князя. Докладывались тебе дела обеих земель, когда ты был еще мальчиком с локоном. Не являлось памятника, который бы был не под твоим ведением, не было поручения без твоего ведома. Ты был «верховными устами» войска, когда ты был мальчиком десяти лет. При всякой предпринимавшейся работе, рука твоя полагала основание. Если ты говоришь воде: «иди на гору», выходит океан согласно твоему изречению, ибо ты — Ра во плоти, Хепра в его истинном существе. Ты — живое подобие на земле отца твоего Атума илиопольского; бог вкуса в устах твоих, бог ведения — в сердце твоем. Место пребывания языка твоего — ковчег богини Правды, сидит бог на устах твоих. Слова твои исполняются ежедневно, сердце твое устроено по подобию Пта, создателя художеств. Ты вечен. Да будет по твоим предначертаниям, да будет услышано все, что ты говоришь, царь, владыка наш».

Затем выступает с речью «царевич Куша», наместник Нубии: «Земля Акита находилась в состоянии недостатка воды со времен бога. В ней умирали от жажды, и каждый из прежних царей желал открыть в ней колодец, но у них не было удачи. Царь Минмара (Сети I) сделал то же самое; он повелел копать колодец в 120 локтей в глубину во время свое. Но он был заброшен на дороге, не вышла вода из него. Но если ты скажешь сам отцу твоему, по твоему предначертанию, произойдет пред нами, хотя это и не слыхано в беседе, ибо твои отцы, все боги любят тебя более всех царей, бывших со времен Ра».

Царь отвечает удовольствием на эти слова и выражает еще раз непременное желание дать стране воду. Вельможи опять «падают на животы» и величают его «до высоты небесной». В страну Акита посылают царского секретаря с поручением, которое должно быть исполнено.

Итак Рамсес II может творить все, что ему угодно, как бы невероятно это ни было, ибо он пользуется преимущественной любовью Ра, того самого Ра, который теперь так высоко поднялся, правя тварью и миром! В другом месте Рамсес уверяет своих потомков: «царь божественное семя, когда он обитает на небе, как и тогда, когда он находится на земле; он принимает формы по своему желанию, подобно месяцу»... Мернепта «сошел с неба и родился в Илиополе». Пред ним не могут устоять горы: они трепещут от страха, ибо бытие его равно бытию вечности. Одно из бесчисленных изображений из цикла войны Рамсеса II с хеттами увековечивает его, как он в битве при Тунипе «два часа провел, воюя против этого города поверженных хеттов, причем его брони на нем не было». А знаменитая кадешская поэма, это «восхваление побед», оказавшее такое влияние на официальную придворную поэзию последующего времени и окончательно превратившее ее в безвкусную и малопонятную трескотню, набор громких фраз с туманными метафорами и без системы! В ней Амон выручает своего сына, попавшего в безвыходное положение, и дает ему единолично обращать в бегство и поражать полчища врагов. Увидав себя среди хеттов в одиночестве, фараон восклицает с укором:

«Что с тобой, отец мой Амон? Разве отец забывает о своем сыне? Разве я делал что-либо помимо воли твоей? Разве я не ходил и не стоял согласно твоим речениям?

Я не преступал предначертаний уст твоих, я не нарушал твоих мыслей никогда. Великий владыка Египта да отразит азиатов с пути своего. Что для сердца твоего азиаты? Амон да посрамит незнающих бога. Разве я не соорудил для тебя памятников из белого камня, весьма многочисленных, и не наполнил твой храм пленными, не построил тебе храмов миллионов лет? Я дал тебе имущество домашнего обихода, я принес тебе в дар всю землю соединенную для снабжения твоих алтарей. Я заклал тебе мириады быков. Я не давал отдыха руке, не исполнив (всего) для твоего двора. Я выстроил тебе пилон из камня, поставил для тебя вечные шесты для (флагов). Я доставил тебе обелиски из Элефантины, я велел принести тебе вечный камень, я влачил тебе корабли по океану, перевозя дары стран. Да будет иная (неблагоприятная) участь преступающему твои предначертания, да будет благо испытывающему тебя, Амон, поступающему относительно тебя с любящим сердцем. Я взываю к тебе, отец мой Амон, среди многочисленных стран, которых я не знаю, они все соединились против меня. Я — один, сам с собою, никого нет со мною. Оставили меня моя пехота и конница (вар.—оставили меня мои многочисленные солдаты, не видит меня ни один из моих колесничников). Если я возглашу к ним, никто из них не услышит, когда я закричу к ним. Я нашел, что Амон полезнее для меня миллионов солдат и сотен тысяч колесниц, мириадов братьев и сыновей, соединившихся вместе. Нет дела многочисленным людям — Амон полезнее их. Я достиг этих мест по повелению уст твоих, Ра (вар.—Амон), я не преступал твоих предначертаний. Я молился тебе на краях страны, и глас мой достиг до Ермонта. Услыхал (?) Ра и пришел, когда к нему воззвали. Он дает мне руку свою, я ликую, он восклицает за мною и предо мною (?): «Я пред лицом твоим, Рамсес, я с тобою, я — твой отец Ра; рука моя с тобою, я для тебя полезнее сотен тысяч соединившихся вместе. Я — владыка победы, любящий силу». — Я нашел мое сердце бодрым, утробу ликующей. Все, что я совершаю, исполняется. Я подобен Монту, стреляя правой рукой и хватая левой. Я подобен Ваалу в его годину пред ними. Я нашел 2 500 колесниц, я — среди них, которые будут уничтожены пред моими конями. Не нашел среди них никто своей руки, чтобы сразиться со мною. Сердца ослабели в их телах, руки их опустились, они не умели пускать стрелы, они не нашли мужества взяться за мечи. Я поверг их в воду, как крокодилов. Они пали на лица свои, один на другого. Я перебил (многих) из них... ни один из них не увидал, что позади его, ни другой не обернулся. Ни один поверженный не поднялся»...

Культ усопших царей, как настоящих богов, во все времена был свойственен египетской религии. Но для настоящего времени особенно характерным является необычайное даже для Египта почитание царей XVIII дин., особенно Аменхотепа I и царицы Яхмоснофертити, как богов фиванского Некрополя. Многочисленные документы убеждают, что в честь Аменхотепа I был установлен четырехдневный большой праздник, во время которого рабочие Некрополя веселились и пили со своими семьями, что он имел оракул, к которому прибегали рабочие в случае споров имущественного характера; «великий бог» давал ответы устные или письменные или решал дело «наклонением».

Искусство этого времени стоит в связи с величием фараонов и еще находится на значительной высоте. Стиль Телль-Амарны уступил реакции в сторону образцов эпохи Аменхотепа III, но Сети I, Рамсесы II и III, развившие огромную строительную деятельность, создали новую эпоху искусства. Изящество барельефов Сети I в Абидосе, величественные колоннады Луксора, грандиозные абусимбельские колоссы Рамсеса II достаточно известны. Нельзя не упомянуть замечательных сооружений Рамсеса III в Мединет-Абу, где были выстроены высокие ворота в виде крепости, как вход в храмовой двор, на котором также находился непосредственно примыкавший слева к храму дворец, а также озеро, окруженное деревьями. Подобного рода сочетания дворца с храмом имели место и в Рамессей и в постройках Мернепта в западной части Фив. Эта местность была в данную эпоху грандиозным

соединением поминальных храмов царей, производивших своими стенами и колоннами, своей массой, на проезжавших по Нилу необычайное и неотразимое впечатление. Строитель Мединет-Абу обнаружил замечательный вкус и вышколенный глаз, ему нельзя отказать в знакомстве с перспективой; путем некоторых приемов распределения рельефов и архитектурных частей, он достиг зрительных эффектов, благодаря которым постройка выигрывает в стройности и в монументальности.

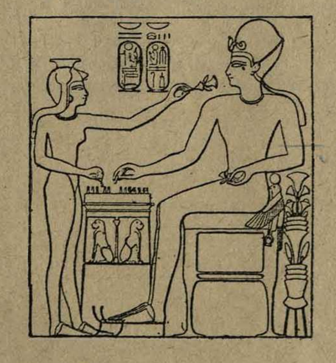
Нам приходилось говорить столь часто о различных произведениях египетской литературы в эту эпоху, что теперь осталось коснуться только немногого, не вошедшего в предшествующие страницы. До нас дошли от этой эпохи (частью от более раннего времени) многочисленные песни и стихотворения, ничего общего не имеющие с занимавшими нас до сих пор родами «высокой поэзии» — это «песни развлечений сердца» — любовные стихотворения, частью искусственного происхождения. Они по поэтическим достоинствам ниже еврейской «Песни Песней», менее сентиментальны и многоречивы, чем аналогичные произведения других восточных народов, и по трезвости и краткости приближаются к нашим. Конечно, прозаичность египетской природы оказала здесь свое действие. В этой общечеловеческой поэзии, конечно, замечаются мотивы, свойственные и другим литературам: на пути на богомолье герой просит бога дать ему в награду увидеться с «сестрой» и все местные боги должны украсить ее цветами; в другой песне герой хочет быть больным, чтобы «сестра» «посрамила всех врачей», ибо она знает причину его болезни, или зная, что «сестра» сердится, когда открывается ее дверь, он хочет быть ее привратником, чтобы почаще любоваться ее гневом; то «сестра» приглашает героя вместе ловить птиц, то она ходит по саду и находит в каждом цветке намек на свое счастье, то, напротив, подозревает измену и жалуется на свою долю.

Наконец, от этой эпохи дошло несколько беллетристических произведений в египетском смысле, т. е. сказок, напр., переведенный на все языки и неоднократно изучавшийся с литературной и фольклористической стороны так наз. роман о двух братьях. Это — чудесные превращения и приключения целомудренного младшего брата, оклеветанного женой старшего и обманутого собственной женой, созданной специально для него богами. Здесь сложная и запутанная фабула, может быть, стоит в связи с мифом Осириса, а мораль из нее выводимая — награда за гонимую добродетель. Другой рассказ — о заколдованном царевиче — поражает нас неегипетской теплотой и человечностью. Он переносит нас в Месопотамию, на дочери царя которого романически женился инкогнито путешествовавший египетский царевич, волею судеб долженствующий умереть от крокодила, змеи или собаки. Верная жена спасла его от своего отца и от двух первых опасностей, но вероятно (конец потерян) не была в состоянии избавить от смерти от любимой собаки. — К этому же времени относится и историческая сказка о Тути, взявшем Иоппию.

Отличительной чертой литературы этого времени было, между прочим, пристрастие к иностранным, особенно семитическим словам, которыми пересыпаны оды в честь царей и многочисленные фиктивные письма, служившие в школе образцами модного стиля. Особенно охотно эти слова употребляются для военных терминов, даже слово «войско» — семитическое. И в религии заметно азиатское (отчасти и ливийское) влияние, выразившееся главным образом во включении в пантеон иноземных богов, особенно Ваала, Астарты, Решепа, Кадеш. Они считались главным образом божествами войны. Ваал был сопоставлен с Сетом, Астарта включена в мемфисский цикл, ее областью считалось море.

Письма впервые разработаны Maspero в одной из лучших его работ: Du genre épistolaire chez les égyptiens de l'époque pharaonique, 1872. Здесь приняты в соображение лондонские тексты. Берлинские издал и перевел Wiedemann, Hieratische Texte, 1879. Туринские изд. Pleyte и Possi. 2 т., 1869. *О рабочем движении:* Lieblein, Deux papyr. du Turin, 1896. Spiegelberg, Arbeiter und Arbeiterbewegung im Pharaonenreich. 1895. *Папи-*

русы S a l t, A b b o t и A m h e r s t изданы и разработаны C h a b a s, Melanges Égyptologiques, III Série, t. II. См. еще S p i e g e l b e r g, The verso of pap. Abbot, 1891. Zwei Beiträge zur Geschichte d. thebanischen Necropolis, 1898. Studien und Materialen zum Rechtswesen d. Pharaonenreiches, 1892. E r m a n, Zwei Actenstücke aus d. thebanischen Gräberstadt. Berl. Sitzungsber., 1910. H ö l s c h e r, Das hohe Thor von Medinet Habu. 12 wissenschaftliche Veröff. d. Deutsch. Orientgesellschaft. Lpz., 1910 (архитектурное исследование). Настоящее значение великого папируса Harris впервые определил E r m a n, Zur Erklärung d. Pap. Harris. Sitzungsber. d. Königl. Preus. Akad., 1903. XXI. Издал впервые и перев. B i r c h, Facsimile of an Egypt. Papyr. of the reign. of Ramses III, 1876. Надпись M e c a изд. и объяснена G a r d i n e r'ом, A contribution to the study of Egypt. judicial procedure. Untersuch. zur Geschichte Altert. Aegypt. Sethe, IV, 3 (1905). Papyrus *Anastasi I* (разбор путеш. в Сирию): C h a b a s, Voyage d'un Égyptien en Syrie, en Phénicie, en Palestine au XIV s., 1866. S p i e g e l b e r g, Beiträge zur Erklärung d. Papyr. Anastasi I. Aeg. Zeitschr. 44. Новейшее издание сделал G a r d i n e r в новой серии: Egyptian Hieratic Texts. Каирский *гимн Амону* изд. и разработан G r e b a u t, Hymne à Amon-Ra de Pap. de Boulaq. Stern в Aegypt. Zeitschr., 1873. Лейденский — G a r d i n e r в Aeg. Zeitschr. E r m a n, Denksteine aus der thebanischen Gräberstadt. Berl. Sitzungsber., 1911. Т у р а е в, Дверцы наоса с молитвами Тауэрт. Памятники Муз. изящн. искусств в Москве, 1913. Интересное собрание Ostraca с *поэтическими* текстами эпохи Рамессидов, найденное в царских гробницах Daressy, издано и изучено E r m a n'ом в Aegypt. Zeitschr., т. 38. См. мою заметку: Новая находка в области египетской поэзии. Зап. клас. отд. Р. арх. общ. III. Книги *Амдуат*, *Врат* и др. M a s p e r o, Les hypogées royaux de Thébes. Bibliot. Égyptol. II. J e q u i e r, Le livre de ce qu'il y a dans l'Hadés, 1894. (Bibl. de l'école des Haut. Etud. 97). L e f e b u r e, Les hypogées royaux. Mem. de la mission du Caire II. S h a r p e-B o n o m i, The alabaster sarcofagus of Oimenephtah. N a v i l l e, La litanie du soleil, 1875. *Любовная поэзия:* M. M ü l l e r, Die Liebespoesie d. alten Aegypter, 1899. *Сказки:* M a s p e r o, Les contes populaires de l'Égypte ancienne. 3 изд. [В. М. В и к е н т ь е в, Древне-египетская повесть о двух братьях. Москва, 1917; A. G a r d i n e r, Late — Egyptian Stories. I—II. 1931—1933]. В. С т а с о в, Древнейшая повесть в мире. Вестн. Евр. 1868, окт. G r i f f i t h, Egypt. literature, 1898. C o s q u i n, Un problème historique à propos du conte d. deux frères. Rev. Quest. Hist., 1877. *О семитическом влиянии:* B o n d i, Dem hebräisch-phöniz. Sprachzweige angehörige Lehnwörter in hierogl. u. hierat. Texten, 1886. [A. E m b e r, Semito-Egyptian sound changes (Ä. Z. т. 53); е г о ж е, Kindred Semito-Egyptian Words. (Ä. Z. т. 53)]. M a x M ü l l e r, Asien und Europa nach altägypt. Denkmälern, 1893. S p i e g e l b e r g, Fragments of the story of Astarte in the Amherst collection. Proceed. Soc. Bibl. Arch. XXIV. E d. M e y e r, Ueber einige semitische Götter. Zeitschr. d. Deutschen Morgenl. Gesellschaft. XXXI. B u r c h a r d t, Die alkananaeischen Fremdworte und Eigennamen in aegyptischen, 1902.



ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТДЕЛ I. СЕННААРСКО-ЕГИПЕТСКАЯ ЭПОХА

ОТДЕЛ II. ЕГИПЕТСКОЕ ПРЕОБЛАДАНИЕ

Ответственный редактор И Снегирев. Технический редактор Л. Вакуленко. Переплет работы А. Ушина. Ко ректор Г. Образцов. Сдано в набор 21/VI 1935 г. Подписано к печати 10/IX 935 г. Индекс С-43. Соцэкгиз № 1099 Ленгорлит № 25039. Тираж 15250. Заказ № 2785. Формат бумаги 82×110.$^{1}/_{16}$. Авт. лист. 34,75. Печ лист. $44^{1}/_{2}$ + 5 вклеек. (31680 тип. знаков в 1 печ. л.) Бум. л. 11.

Цена 6 руб., переплет 1 руб.

2-я типография «Печатный Двор» треста «Полиграфкнига« Ленинград. Гатчинская, 26.


2015170271